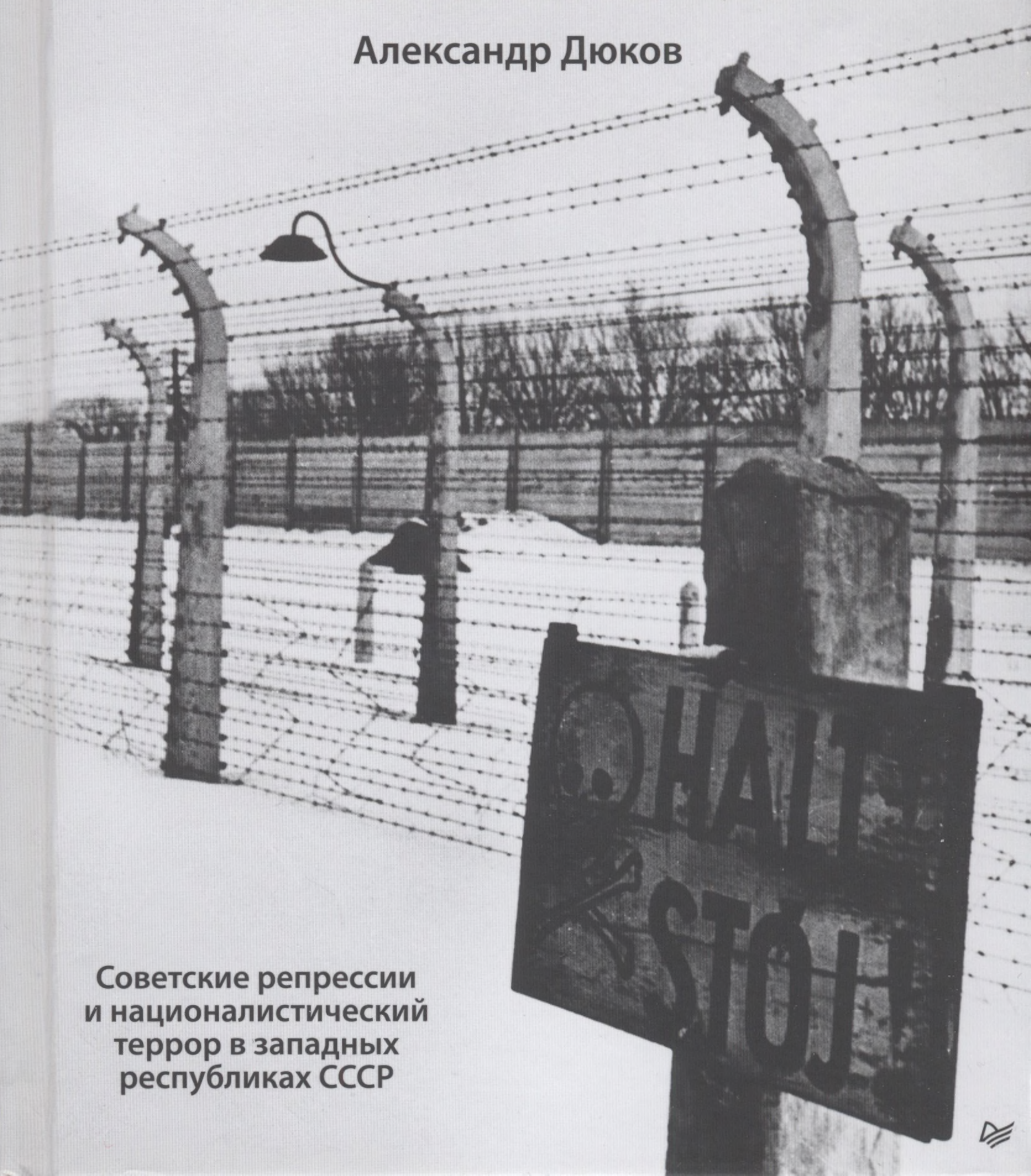
ЛИКВИДАЦИЯ ВРАЖДЕБНОГО ЭЛЕМЕНТА

Александр Дюков

Советские репрессии и националистический террор в западных республиках СССР

Александр Дюков

ЛИКВИДАЦИЯ ВРАЖДЕБНОГО ЭЛЕМЕНТА

Советские репрессии и националистический террор в западных республиках СССР

Санкт-Петербург · Москва · Минск

2023

ББК 63.3(2)72
УДК 94(47)
Д96

Центр экономической истории
Института российской истории РАН

Рецензент
д.и.н. *В. В. Кондрашин*

Дюков Александр

Д96 Ликвидация враждебного элемента. Советские репрессии и националистический террор в западных республиках СССР. — СПб.: Питер, 2023. — 592 с.

ISBN 978-5-00116-869-0

Книга с холодной документальной точностью рассказывает об исторических событиях, которые долгие десятилетия пытались придать забвению: о массовых репрессиях в западных регионах СССР, о кровавых этнических чистках, проводимых украинскими и литовскими националистами, об ужасающих преступлениях русских, украинских и латышских пособников нацизма.

Как Кремль принимал решения о массовых депортационных операциях?

Почему члены прибалтийских СС получили прощение от советской власти?

Зачем Лаврентий Берия фальсифицировал статистику советских репрессий?

Когда украинские националисты начали подготовку Холокоста и «Волынской резни»?

Кто сжег белорусскую деревню Хатынь?

Ответы на эти и многие другие вопросы автору пришлось искать в архивах России, Белоруссии, Украины и Литвы.

16+ (Запрещено для детей. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ББК 63.3(2)72
УДК 94(47)

Данная научно-историческая работа может содержать упоминание организаций, обществ и движений, запрещенных в РФ. ОУН и УПА запрещены в РФ.

ISBN 978-5-00116-869-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, — результат многолетнего труда. Вошедшие в нее работы в последние пятнадцать лет публиковались как отдельными изданиями, так и в различных журналах и сборниках. Некоторые исследования, в том числе в переводах на иностранные языки, получили значительное число откликов (как положительных, так и резко, порою даже истерически, негативных) в России, Прибалтике и на Украине. Я счел полезным собрать эти исследования под одной обложкой, поскольку, во-первых, все они посвящены одному явлению и, во-вторых, объединены единым местом и временем.

Объектом исследования собранных в данной книге работ являются различные формы политики ликвидации «враждебных элементов» населения. Слово «ликвидация» звучит устрашающе; услышав его, мы прежде всего представляем себе убийство. И действительно, во многих из рассматриваемых в данной книге случаев речь идет именно об убийствах, причем убийствах массовых и кровавых. Уничтожение евреев боевиками Организации украинских националистов и Фронта литовских активистов летом 1941 г., карательные операции нацистов и их пособников, истребление просоветски настроенных сограждан литовскими «лесными братьями» ужасают меня в той же мере, что и «массовые операции» НКВД 1937–1938 гг., обернувшиеся убийством сотен тысяч потенциально «нелояльных». Однако в советской лексике того времени «ликвидация» вовсе не обязательно являлась синонимом физического уничтожения. Изучая внутренние документы НКВД, я обнаружил, что «ликвидацией враждебного элемента» именовали не только физическое истребление, но и изгнание, изоляцию и даже легализацию при условии прекращения «враждебной» деятельности (подобная политика, в частности, проводилась советскими властями по отношению к сдающимся «лесным братьям» в Прибалтике и на Украине в послевоенные годы). Исследованные мною советские репрессивные кампании в Прибалтике 1940–1941 и 1944–1953 гг. имели своей целью «ликвидацию враждебного элемента» в широком смысле; их невозможно квалифицировать ни как

геноцид, ни как этнические чистки. Более того: порою советские власти проявляли милосердие к своим противникам — как, например, к амнистированным в 1946 г. прибалтийским коллаборационистам.

То, что в сталинское время именовали «ликвидацией враждебных элементов», являлось репрессивной составляющей современных (модерных) техник управления населением. Американский историк Питер Холквист продемонстрировал преемственность современных техник управления населением (в том числе и репрессивных), использовавшихся царским, белогвардейскими и советским правительствами России[1]. При этом Холквист обратил внимание на тот факт, что описанные им техники управления населением («политики населения») не были специфичны для России: «Это история не только русская или советская, а скорее общеевропейская. Мысль о ликвидации “элементов” населения впервые стала концептуально и практически возможной по мере осмысления на протяжении XIX века государства, называемого социальным, а также с появлением техники и технологий, воздействующих на это государство»[2].

Аналогичной точки зрения придерживается и британский социолог Майкл Манн, связавший феномен характерных для XIX — XX вв. массовых кровавых чисток с процессами демократизации, формирования современных наций и национальных государств[3]. В монографии «Темная сторона демократии» Манн сосредоточился прежде всего на анализе феномена кровавых этнических чисток, попутно сформули-

---

[1] *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.), 2002; *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Суни, Т. Мартина. М., 2011; *Холквист П.* Россия в эпоху насилия, 1905–1921 гг. // Опыт мировых войн в истории России: Сборник статей. Челябинск, 2007, и др.

[2] *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить... С. 139.

[3] *Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge, 2005. (Русский перевод: *Манн М.* Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / Пер. с англ. В. Туза, Д. Сливняка, М. Сливняк; Научн. ред. В. Малахова, А. Дюкова, С. Карамаева; Предисл. В. Малахова. М., 2016.)

ровав чрезвычайно полезную для исследователей иерархию типов насилия и чисток «враждебных элементов» — от дискриминации и сегрегации до массовых убийств и геноцида. На огромном историческом материале британский социолог продемонстрировал механизмы эскалации чисток, увеличения их масштабов и жестокости.

Идеи, сформулированные П. Холквистом и М. Манном, являются отправной точкой для моих размышлений о феномене преследования «враждебных элементов». В вошедших в настоящую книгу работах рассматриваются преследования «враждебных элементов» в западных республиках СССР в 30-е — 40-е гг. XX в., прежде всего — в годы Второй мировой войны. Наравне с советскими репрессивными практиками в книге рассматриваются «кровавые чистки», организовывавшиеся сотрудничавшими с нацистами, но обладавшими отдельной субъектностью восточноевропейскими националистами — украинскими, литовскими, латышскими, русскими. Особое внимание уделено, разумеется, украинским националистам — и это неудивительно, ведь именно их кровавые практики по-прежнему в ходу в наши дни.

К сожалению, я получил возможность лично убедиться в этом. Когда в начале 2008 г. я работал над книгой о проводившихся Организацией украинских националистов еврейских погромах, то не мог даже предположить, что через какие-то шесть лет публичные избиения, унижения и издевательства над «чужими» станут повседневностью на «демократизирующейся» Украине. Когда в 2011–2013 гг. мы с коллегами ездили по российско-белорусскому пограничью, записывая воспоминания последних живых свидетелей карательных операций латышских полицейских батальонов, могли ли мы предположить, что через несколько лет будем собирать в Донбассе аналогичные свидетельства жертв преступлений украинских силовиков? Однако именно это и произошло[1].

У некоторых историков получается запереться в уютной башне из слоновой кости и заниматься исследованиями без оглядки на злобу дня; однако тем, кто изучает сюжеты, связанные с преследованиями «враждебных элементов», подобное не грозит. И все же собранные под этой обложкой работы — не о настоящем, а о прошлом. Том самом прошлом, которое следует изучать для того, чтобы оно не повторилось.

---

[1] См.: Массовые нарушения прав человека в ходе конфликта на Украине, 2013–2014 гг. Годовой отчет IGCP / Под ред. А. Р. Дюкова. М., 2015.

* * *

Эта книга никогда не появилась бы на свет, если бы не поддержка и помощь большого числа людей из самых разных стран.

Я глубоко признателен за благожелательную поддержку, компетентную критику и познавательные беседы сопредседателю российского научно-просветительского центра «Холокост» Илье Альтману (Москва), научному сотруднику Института российской истории РАН Наталье Воякиной (Москва), режиссеру-документалисту Вадиму Гасанову (Москва), режиссеру-документалисту Сергею Головченко (Москва), дипломату и политологу Михаилу Демурину (Москва), бывшему директору мемориального комплекса «Хатынь» Наталье Кирилловой (Минск), главному редактору издательства «Родина» Александру Колпакиди (Москва), профессору Будапештского университета Тамашу Краушу (Будапешт), профессору национального университета «Львовская политехника» Владимиру Макарчуку (Львов), исполнительному директору Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» Сергею Назария (Кишинев), историку Игорю Петрову (Мюнхен), исследователю советских репрессий Сергею Прудовскому (Москва), руководителю медиаклуба «Impressum» Галине Сапожниковой (Москва), главному архивисту Национального архива Республики Беларусь Вячеславу Селеменеву (Минск), историку Вайгутису Станчикасу (Вильнюс), историку и политологу Александру Филиппову (Москва), директору Центра проблем европейской интеграции Юрию Шевцову (Минск), доценту Приднестровского государственного университета Петру Шорникову (Тирасполь).

Профессор Альбертского университета Иван-Павел Химка (Эдмонтон, Канада) в свое время любезно предоставил мне рукописи своих исследований; историк и писатель Марко Царинник (Торонто, Канада) — ряд своих статей, оказавшихся недоступными в Москве. Представитель издательства «Літопис УПА» на Украине Игорь Гомзяк (Львов) в домайданные времена с неизменной вежливостью и оперативностью снабжал меня выходившими в этом издательстве сборниками документов. Это заслуживает благодарности еще и потому, что господин Гомзяк не разделяет моих взглядов относительно ОУН и УПА*.

* ОУН и УПА признаны экстремистскими и запрещены в РФ.

Для ученого очень важно мнение коллег, поэтому я крайне признателен всем, кто счел нужным отрецензировать мои работы: Олегу Аурову, Андрею Едемскому, Вите Зэльче, Модесту Колерову, Мэтью Котту, Александру Малькову, Владимиру Никольскому, Илье Смирнову, Дмитрию Суржику, Дэвиду Уэджвуд Бенну и многим другим. Конструктивная критика рецензентов была по возможности учтена; я надеюсь, что они не обойдут своим вниманием и этот сборник.

Деятельность возглавляемого мной фонда «Историческая память» была бы гораздо труднее, если бы не поддержка членов попечительского совета: главы Федерального архивного агентства России Андрея Николаевича Артизова, академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН Валерия Николаевича Тишкова и ректора Российского государственного гуманитарного университета Ефима Иосифовича Пивовара.

Я смог бы сделать очень немногое без помощи моих друзей и коллег по фонду, бывших и нынешних — Владимира Симиндея, Олеси Орленко, Дарьи Горчаковой, Максима Вилкова, Димитрия Суржика, Александры Орловой, Григория Пернавского, Юлии Данник и Наталии Селюкиной.

И, наконец, я безмерно благодарен за неизменную поддержку и дружеское участие руководителю Центра экономической истории Института российской истории РАН Виктору Викторовичу Кондрашину.

Александр Дюков,
май 2022 г., Москва

I

СОВЕТСКАЯ РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Очерк 1. «Кулацкая высылка» 1930-х гг. из БССР: депортационные акции и общая численность выселенных[1]

Одной из наиболее масштабных репрессивных кампаний в советской истории стала так называемая «кулацкая высылка», сопровождавшая насильственную коллективизацию сельского хозяйства в начале 1930-х гг. В рамках этой кампании по всему Советскому Союзу около 2 миллионов крестьян-«кулаков» и их родных было выселено из родных мест на спецпоселение в отдаленные районы страны. Эта трагическая страница советской истории не может пожаловаться на невнимание исследователей.

После распада Советского Союза и «архивной революции» в России история «кулацкой высылки» была хорошо изучена как российскими, так и зарубежными историками. Был опубликован ряд фундаментальных архивных сборников, основанных на документах партийных и советских органов, а также органов государственной безопасности[2]. Эти сборники, а также вышедшие в конце 1990-х —

---

1 Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* «Кулацкая высылка» 1930-х годов из Белорусской ССР: депортационные акции и общая численность выселенных // Труды Института российской истории. Вып. 15. М., 2019. С. 220–243. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

2 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000–2003. Т. 2–4; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. М., 2003–2005. Т. 3. Кн. 1–2; Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М., 2005–2006. Кн. 1–2; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2017. Т. 10.

2000-х гг. монографии Н. А. Ивницкого[1], П. М. Поляна[2], В. Н. Земскова[3], С. А. Красильникова[4], Л. Виола[5] и ряда других исследователей задавали восприятие истории «кулацкой высылки» как хорошо исследованной темы, не сулящей в будущем особых открытий.

Однако при более тщательном рассмотрении оказывается, что историография «кулацкой высылки» имеет достаточно заметные изъяны. Дело в том, что внимание исследователей концентрировалось прежде всего на общесоюзной картине подготовки и проведения «кулацкой высылки», а также на тяжелой судьбе спецпоселенцев в местах расселения. Процесс организации депортационных акций в отношении «кулаков» на уровне регионов выселения был исследован достаточно слабо[6]. Между тем, как показывают новейшие исследования советской репрессивной политики, смещение фокуса исследовательского внимания на региональный уровень оказывается весьма продуктивным с познавательной точки зрения, позволяя увидеть специфику выполнения указаний «Центра» в различных регионах, а также скорректировать общепринятые представления о соотношении изначальных планов репрессий с их фактической реализацией[7].

---

1 *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. М., 1997.

2 *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

3 *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

4 *Красильников С. А.* Серп и молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

5 *Viola L.* The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford, 2007. (Русский перевод: *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений. М., 2010.)

6 Одним из немногих исключений является издание: Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: хроника головокружения. Документы и материалы / Сост. Л. Виола, С. В. Журавлев и др. М., 1998.

7 См., напр.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора: История операции по приказу № 00447. М., 2008; *Дюков А. Р.* Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских коллаборационистов в Прибалтике. М., 2009; Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнге. Київ, 2010. Ч. 1–2; Больше-

В настоящей работе рассматривается история «кулацкой высылки», осуществлявшейся в 1930-х гг. с территории Белорусской ССР — к сожалению, весьма слабо исследованная историками. До сих пор не установлено даже общее количество депортационных акций, осуществлявшихся в 1930-х гг. в отношении белорусских «кулаков»; в отношении же общей численности высланных историками приводятся настолько разные цифры, что можно только диву даваться. Так, например, в одной из последних публикаций белорусского «независимого» историка И. Н. Кузнецова утверждается, что в 1929–1932 гг. было репрессировано от 420 до 500 тысяч крестьян[1]. Еще большую цифру называет автор обзорной работы по истории белорусской деревни В. Н. Белявина: по ее мнению, в 1930–1931 гг. в Белоруссии было раскулачено 95,5 тысячи хозяйств и выслано из республики 600–700 тысяч чел.[2]

В наиболее основательном на данный момент общем исследовании советских репрессий в Белоруссии, опубликованном в 1994 г. В. И. Адамушко[3], приводится существенно меньшая оценка общей численности «кулацкой высылки» из БССР — 260 тысяч чел.[4] Впро-

---

вистский порядок в Грузии / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. М., 2015. Т. 1–2; *Дюков А. Р.* Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 // Дюков А. Р. Ликвидация «враждебного элемента». Националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе. Избранные исследования. М., 2017.

1 *Кузняцоў І.* Бальшавіцкія рэпрэсіі супраць беларускага нацыянальна-дэмакратычнага руху ў 1920–1930 гг. // Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя стэрэатыпы і палітычныя канструкты. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі. Варшава, 2013. С. 100. Любопытно, что в более ранней своей работе И. Кузнецов пишет о том, что в Белоруссии было раскулачено «не менее 350 тысяч человек» (*Кузнецов И.* Репрессии на Беларуси в 1920–1940 гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси. Минск, 2007. Вып. 2. С. 12). Как эти цифры согласуются между собой, остается неразрешимой загадкой.

2 *Бялявіна В. М.* Хлеб надзённы беларускай вёскі. Мінск, 2016. С. 191.

3 Подробный анализ достоверности приводимых В. И. Адамушко данных о численности арестованных и осужденных органами государственной безопасности см.: *Дюков А. Р.* К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7.

4 *Адамушка У. І.* Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 10.

чем, и эта цифра ставится под сомнение: в недавнем исследовании Ю. Королева общая численность высланных из республики «кулаков» определяется примерно в 120–140 тысяч чел. Эти данные основаны на анализе документов, опубликованных в многотомном сборнике «Трагедия российской деревни» и работах В. Н. Земскова[1]. По нашему мнению, на данный момент работа Ю. Королева является наиболее содержательным (хотя и не лишенным недостатков) исследованием вопроса о численности «кулацкой высылки» из БССР; остальные затрагивавшие эту тему исследователи по большей части ограничивались импрессионистскими набросками[2] или исследованием частных вопросов[3]. В целом итоги изучения истории «кулацкой высылки» из БССР трудно назвать впечатляющими; как справедливо отмечает А. В. Шарков, «в настоящее время нет точных сведений по БССР о количестве раскулаченных и высланных»[4].

Основной задачей настоящей работы является последовательное описание всех осуществленных в рамках «кулацкой высылки» депортационных акций с территории БССР и установление общей численности депортированных. В последующих работах нами будет рассмотрен ряд дискуссионных вопросов, связанных с «кулацкой высылкой» из БССР: соотношение инициатив центра и региона в организации выселения «кулаков», цели депортационных акций, использовавшиеся при определении подлежавших выселению принципы отбора.

Основой источниковой базы исследования стали ранее не вводившиеся в научный оборот документы Центрального архива ФСБ России, Национального архива Республики Беларусь и Российского государственного архива социально-политической истории, а также документы, опубликованные в упоминавшихся выше многотомных сборниках документов.

---

1 *Каралёў Ю.* Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій у Беларусі // ARCHE. 2014. № 5.

2 *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002.

3 *Раманава I.* «Зона». Беларускае памежжа па савецкі бок дзяржаўнае мяжы // Спадчына. 2001. № 1–2.

4 *Шарков А. В.* Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР. Минск, 2014. С. 43, прим. 2.

1. Депортационные акции 1930 г.

а) Высылка марта–апреля 1930 г.

История принятия советским руководством решения о проведении депортации «кулацкого элемента» достаточно хорошо известна. В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение о переходе к политике сплошной коллективизации, предусматривавшей обобществление по меньшей мере 80 % крестьянских хозяйств; выработка конкретной программы сплошной коллективизации была возложена на Политбюро[1]. 6 января 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б), указывавшее, что «коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может быть в основном закончена осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г.». Коллективизация остальных зерновых районов была намечена на осень 1931 – весну 1932 г.[2]

В постановлении ЦК ничего не говорилось о репрессивных операциях для обеспечения сплошной коллективизации, однако соответствующая задача была явно поставлена перед органами ОГПУ. 11 января 1930 г., спустя несколько дней после выхода постановления ЦК, замначальника ОГПУ Г. Ягода разослал начальникам ключевых управлений ведомства записку, в которой отмечалась необходимость «немедленно наметить целый ряд мер в отношении сплошной очистки деревни от кулацкого элемента». Далее в записке говорилось: «Подход такой: 1) особо злостных – в лагерь, семья выселяется, 2) кулак, ведущий антисоветскую агитацию – на поселение и т. д. Это примерно. Важно учесть количество с семьями и места ссылки, районы Крайнего Севера и пустынные места Казахстана и других районов». Начальники управлений должны были представить свои предложения по этому вопросу[3].

В тот же день в адрес всех региональных полпредств ОГПУ ушло распоряжение в трехдневный срок представить данные об имеющихся агентурных разработках и следственных делах по «кулацко-бело-

---

1 *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ. С. 45.

2 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 72–75.

3 Там же. С. 103–104.

гвардейско-бандитскому элементу»[1]. Эти данные были необходимы руководству ОГПУ для определения масштабов репрессивной кампании в отношении «кулаков».

В Минск, полпреду ОГПУ Г. Рапопорту, ушла еще одна телеграмма: «Для обеспечения безболезненного проведения мероприятий сплошной коллективизации и весеннего сева в южных районах СССР ставится вопрос удара по кулаку путем массового выселения кулачества и махровых к-р элементов в северные районы и другие места. Не позднее 12 часов 14 января телеграфом сообщите, какое количество, каких категорий и из каких районов считаете нужным выслать, особенно учитывая необходимость очистки района госграницы»[2]. К настоящему времени неизвестно, какие предложения по численности подлежащих депортации отправил в Москву Рапопорт. Однако стоит заметить, что в конце ноября 1929 г. ЦК компартии Белоруссии уже запрашивало Москву о депортации из республики «бывших помещиков и крупных землевладельцев»[3], так что какие-то наметки на этот счет в белорусском полпредстве ОГПУ наверняка имелись.

18 января 1930 г. полпредства ОГПУ получили указание «в связи с предстоящим решением вопроса о массовых выселениях кулацко-белогвардейского элемента... немедленно разработать и представить в ОГПУ подробный план операции... В плане точно учесть и донести, из каких районов и какое количество кулацко-белогвардейского элемента намечается к выселению»[4]. Спустя несколько дней, 21 января 1930 г., белорусское полпредство ОГПУ получило из центра дополнительные указания о численности подлежавших депортации. В телеграмме из Москвы говорилось: «Для сведения и соответствующих расчетов при составлении плана сообщаем, что мы полагаем ставить вопрос о выселении из Вашего края ориентировочно десять тысяч семей кулацко-белогвардейско-бандитского элемента»[5].

---

[1] Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 3.

[2] Там же. Л. 1.

[3] Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4702. Л. 149–150.

[4] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 5.

[5] Там же. Л. 2.

В утвержденном 30 января 1930 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» мы, однако, видим существенно меньшую цифру подлежащих высылке с территории БССР — 6–7 тысяч семей[1]. Эта же цифра была закреплена и в приказе ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.[2]

Несмотря на это, в подготовленном Транспортным отделом ОГПУ уже после 2 февраля 1930 г. плане железнодорожных перевозок выселяемых кулацких семейств появилась гораздо более значительная цифра подлежавших депортации из Белоруссии: 12 тысяч семей ориентировочной численностью 60 тысяч чел.; для перевозки этих людей планировалось задействовать 34 эшелона[3]. По всей видимости, это число было согласовано до появления постановления ЦК и его просто не успели привести в соответствие с указаниями партии. Аналогичную цифру мы обнаруживаем в датированном 2 февраля 1930 г. письме ЦК КП(б) Белоруссии руководству Мозырского окружкома партии. «Мы в ЦК не знаем еще точно, какое количество кулаков будет выселено из Белоруссии, — говорилось в письме. — Эта цифра окончательно будет утверждена вероятно в количестве 10–12 тысяч хозяйств для республики, что составит $^{1}/_{3}$ всех кулацких хозяйств»[4].

Сокращение численности подлежащих депортации с 12 до 6–7 тысяч семей объяснялось неподготовленностью районов ссылки к приему депортируемых; именно это объяснение мы видим в датируемой 4 февраля 1930 г. телеграмме Ягоды главе белорусского полпредства ОГПУ Рапопорту[5]. Интересно, однако, что в той же телеграмме Ягода уведомлял Рапопорта о том, что из Белоруссии можно выслать до 8 тысяч семей «кулаков» — существенно больше, чем было определено в постановлении Политбюро и приказе ОГПУ. Из последующих отчетных документов мы узнаем, что именно это число было принято

---

1 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 126–130.

2 Там же. С. 163–167.

3 Там же. С. 168–169.

4 НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4702. Л. 195.

5 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 11. См. также: *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ. С. 45.

белорусским полпредством ОГПУ в качестве планового для весенней депортационной акции[1]. Окончательное число включенных в план высылки составило 7750 семей, общая численность которых была довольно произвольно определена в 31 200 чел.[2]

Объяснение чехарды «контрольных» цифр на депортацию мы находим в принятом 5 февраля 1930 г. постановлении ЦК ВКП(б). В документе говорилось:

> «1. Ввиду того, что Сибирь оказалась неподготовленной принять в настоящий момент положенное количество выселяемых кулацких семейств (см. постановление ЦК от 30.1.30 г.), предложить ОГПУ растянуть сроки выселения кулацких семейств и разбить операцию на три очереди с тем, чтобы первая очередь охватила не более 60 тыс. семейств I и II категорий и была закончена к концу апреля (вопрос о второй и третьей очереди выселения обсудить особо).
>
> 2. Предложить ОГПУ, руководствуясь этим постановлением, определить количество выселяемых по районам в пределах первой очереди, конкретные сроки их перевозки и места назначения.
>
> 3. Предложить ЦК Украины, Белоруссии, Северо-Кавказскому крайкому, Областкому ЦЧО, Нижне-Волжскому крайкому и Средне-Волжскому крайкому приспособить свои действия в области выселения кулаков к конкретным планам ОГПУ»[3].

Как видим, столкнувшись с невозможностью провести высылку кулаков в запланированных ранее масштабах, партийное руководство приняло решение вместо одной декорационной акции провести несколько последовательных; что же касается численности подлежащих депортации, то ее должны были самостоятельно определять органы ОГПУ.

Постановление ЦК от 5 февраля 1930 г. по умолчанию предполагало уменьшение указанных в предыдущем постановлении «контрольных» цифр выселяемых кулацких семей. Однако белорусское ГПУ воспользовалось правом самостоятельно определять численность подлежащих депортации прямо противоположным образом:

---

[1] Там же. Л. 49.

[2] Там же. Л. 50.

[3] Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 175.

к высылке было запланировано существенно больше, чем ранее распорядился ЦК.

Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. намечал начало депортации из БССР на 1 марта 1930 г.[1] Составленный несколькими днями позже план железнодорожных перевозок выселяемых кулацких семейств предполагал начать депортационную акцию 5 марта 1930 г.[2] Нам неизвестно, были ли выполнены эти планы или же операция началась с задержкой. По состоянию на 17 марта 1930 г. из БССР к местам высылки было отправлено 14 эшелонов с кулацкими семьями (эшелоны № 601–607, 609–614, 625), общая численность высланных составила 24 486 чел. Данные о количестве высланных в этот период семей в имеющемся у нас составленном по свежим следам отчете отсутствуют[3]. В период с 17 марта по 4 апреля 1930 г. из БССР было отправлено еще 11 эшелонов с депортируемыми (эшелоны № 608, 615–624). В 10 из этих эшелонов были вывезены 3595 семей общей численностью 17 545 чел.; еще по одному эшелону (№ 623) к моменту составления имеющегося у нас отчета данные отсутствовали[4].

Общие уточненные итоги депортационной акции марта–апреля 1930 г. мы находим в датируемой 17 ноябре 1931 г. итоговой справке особого отдела ОГПУ о количестве высланных с территории БССР. Согласно этому документу, по состоянию на май 1930 г. из Белоруссии была выслана 9231 семья обшей численностью 44 083 чел.[5] Впоследствии эти цифры, столь хорошо соотносящиеся с приведенными выше данными промежуточных отчетов, без изменений появлялись в отчетной документации ОГПУ, в том числе в справке о численности депортированных из БССР в 1930 г.[6]

В табл. 1 представлены обобщенные данные о составе эшелонов в ходе депортационной акции с территории БССР в марте–апреле 1930 г. Стоит отметить, что в ходе депортации марта–апреля 1930 г. органы ГПУ Белоруссии заметно превысили как контрольные цифры,

---

1 Трагедия советской деревни. С. 163–167.

2 Там же. С. 168–169.

3 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 56–57.

4 Там же. Л. 68.

5 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 519–527.

6 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 125.

установленные руководством ведомства (8 тысяч семей), так и контрольные цифры, зафиксированные в постановлении Политбюро (6–7 тысяч семей).

Таблица 1. «Кулацкая высылка» марта–апреля 1930 г.: список эшелонов

№ п/п	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Семей	Человек
1	601	Минск	не позднее 16.03.1930		1680
2	602	Фаниполь	не позднее 16.03.1930		1716
3	603	Пуховичи	не позднее 16.03.1930		1878
4	604	Борисов	не позднее 16.03.1930		1852
5	605	Борисов, Минск, Орша, Витебск	не позднее 16.03.1930		1660
6	606	Слуцк	не позднее 16.03.1930		1744
7	607	Слуцк, Орша, Витебск	не позднее 16.03.1930		1751
8	608	Бобруйск, Орша	в период с 17.03 по 02.04.1930	449	1824
9	609	Калинковичи, Орша	не позднее 16.03.1930		1797
10	610	Ст. Дороги, Орша	не позднее 16.03.1930		1800
11	611	Полоцк	не позднее 16.03.1930		1737
12	612	Полоцк	не позднее 16.03.1930		1845
13	613	Лепель, Орша	не позднее 16.03.1930		1817
14	614	Калинковичи	не позднее 16.03.1930		1764
15	615	Бобруйск, Орша	в период с 17.03 по 02.04.1930		1760
16	616	Могилев	в период с 17.03 по 02.04.1930	314	1730
17	617	Гомель	в период с 17.03 по 02.04.1930	314	1755
18	618	Мозырь, Орша	в период с 17.03 по 02.04.1930	324	1798
19	619	Бобруйск, Витебск	в период с 17.03 по 02.04.1930	375	1734
20	620	Витебск	в период с 17.03 по 02.04.1930	431	1768

№ п/п	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Семей	Человек
21	621	Могилев	в период с 17.03 по 02.04.1930	388	1743
22	622	Могилев, Орша	в период с 17.03 по 02.04.1930	309	1545
23	623	Могилев	в период с 17.03 по 02.04.1930		
24	624	Минск, Орша, Бобруйск	в период с 17.03 по 02.04.1930	448	1888
25	625	Фаниполь, Минск, Борисов	не позднее 16.03.1930		1444
ИТОГО:				9231	44 083

б) Высылка «одиночек особого назначения», май 1930 г.

Когда в феврале 1930 г. органы ОГПУ начали подготовку выселения «семей кулаков» с территории БССР, предполагалось, что эта операция будет единственной; постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. не предполагало ничего иного. Однако уже 5 февраля 1930 г. ЦК отдал новое распоряжение: растянуть «кулацкую высылку» на несколько депортационных акций. И хотя белорусское ОГПУ сделало все по-своему, в ходе мартовско-апрельской депортации выслав из республики как можно больше кулацких семей, вопрос о последующих депортационных акциях оставался открытым.

5 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О польских селениях в пограничных областях», предусматривавшее проведение высылки из приграничных районов Белорусской и Украинской ССР. Высылке в отдаленные районы страны подлежали проживавшие в этих районах семьи ранее осужденных за контрреволюционные преступления, шпионаж, бандитизм и контрабанду, а также кулацкие хозяйства — «в первую очередь польской национальности». Численность подлежащих депортации была определена для Белоруссии в 3–3,5 тысячи семей дополнительно к ранее согласованным цифрам депортируемых «семей кулаков»[1]. Мотивация этого решения, как видно из вышедшего несколькими днями спустя

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 109.

еще одного постановления Политбюро, была связана с опасениями внешнеполитического характера: «По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в Правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких элементов, польское правительство может пойти на вмешательство»[1]. Стоит отметить, что эти опасения были не лишены оснований: весной 1930 г. на Украине именно на долю приграничных округов приходилось более половины от всех массовых и вооруженных выступлений в республике[2].

Британский историк Т. Мартин называет высылку, произведенную в соответствии с постановлением Политбюро от 5 марта 1930 г., «первой этнической депортацией»[3]. Однако эта характеристика представляется нам ошибочной. Депортация, проведенная в соответствии с постановлением Политбюро от 5 марта 1930 г., не была первой этнической депортацией хотя бы потому, что летом 1929 г. с целью «разгрома контрреволюционных польских кулацких гнезд» из БССР уже проводилась высылка польских семей — оформленная, правда, решением местных, а не союзных властей[4]. Однако еще более важно другое обстоятельство — дело в том, что в итоге предусмотренная постановлением Политбюро депортация семей обернулась депортацией так называемых одиночек особого назначения.

Впервые обративший внимание на это интересное обстоятельство немецкий историк В. Дёнингхауз считает, что Политбюро скорректировало цели депортационной акции постановлением от 15 марта 1930 г., в котором вместо выселения кулацких семей говорилось о выселении «кулацко-польских контрреволюционных элементов»[5].

---

1 Там же. Л. 114.

2 *Васильев В., Виола Л.* Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.). Винница, 1997. С. 251–252. См. также: *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 69–71.

3 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 439.

4 НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4702. Л. 147.

5 *Дёнингхаус В.* В тени «большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. М., 2011. С. 521. Постановление Политбюро ЦК

По всей видимости, это предположение соответствует действительности; в датированном 19 марта 1930 г. письме главы белорусского полпредства ОГПУ Г. Рапопорта зампреду ОГПУ С. Мессингу уже говорится о «высылке "вне категории" около 3500 одиночек», а не кулацких семей[1]. При этом Рапопорт активно критиковал эту идею, отмечая, что «удаление одиночек без семей не только ни в коей мере не разрешает вопроса обезвреживания деревни в новых условиях и погранрайонов в целом, но наоборот, создает совершенно неизбежную волну тревоги, недовольства и озлобления»[2]. Скрыто апеллируя к постановлению Политбюро от 5 марта 1930 г., Рапопорт предлагал все-таки провести выселение 3500 (или менее) кулацких семей; что же касается активного «бандитско-шпионского элемента», то с ним, по мнению белорусского полпреда, следовало бороться «нормальным путем следствия»[3]. Позднее Рапопорт даже подготовил данные о количестве планируемых им к выселению семей с разверсткой по районам: получилось 1844 семьи общей численностью 9613 чел.[4]

Однако эта позиция главы белорусского полпредства ОГПУ явно не получила поддержку центра; в телеграмме от 26 апреля 1930 г. Мессинг предписывал провести депортацию «одиночек» в максимально сжатые сроки: «Необходимо форсировать отправку из пограничных районов БССР 3500 одиночек особого назначения. Ориентировочно последний срок отправки 5 мая. Немедленно представьте план вывоза, Ваши сроки, пункты погрузки. Все высылаемые направляются ДВК прииска Союззолото»[5].

В мае депортация «одиночек особого назначения» из БССР была проведена, однако далеко не так, как виделось руководству ОГПУ. Это ясно видно из направленной в Минск раздраженной телеграммы начальника Особого отдела ОГПУ С. Пузицкого от 14 мая 1930 г.:

от 15 марта 1930 г. опубликовано в: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. М., 2003. С. 235–236; Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 151–152.

1 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 63.

2 Там же.

3 Там же. Л. 63 об.

4 Там же. Л. 125.

5 Там же. Л. 82.

«Вместо 3500 мужчин одиночек Вами выслано лишь 1370 одиночек и 470 семей, всего 2066 мужчин, 603 женщины, 640 детей. Срочите — будут ли высланы остальные»[1]. Ответ Рапопорта неизвестен, однако более поздние документы показывают, что число выселенных в рамках операции по «одиночкам» позднее не изменилось. В датированной 21 мая 1930 г. справке опергруппы ОГПУ приводятся данные о двух эшелонах с высланными из БССР «одиночками» общей численностью 3309 чел. (подробнее см. табл. 2)[2]; эти цифры полностью совпадают с данными телеграммы Пузицкого от 14 мая 1930 г. Аналогичные данные мы находим и в более поздней докладной записке Особого отдела ОГПУ от 17 ноября 1930 г., в которой говорится о выселении в мае 1930 г. из приграничных районов БССР 3309 чел. «кулацко-бандитских к/р одиночек»[3].

Таблица 2. Высылка «одиночек» в мае 1930 г.: список эшелонов

№ п/п	№ эшелона	Место назначения	Семей	Человек	В том числе		
					Мужчин	Женщин	Детей
1	626	ст. Тында	183	1787	1288	257	242
2	627	ст. Большой Невер	287	1522	778	346	398
	ИТОГО:		470	3309	2066	603	640

История с депортацией «одиночек особого назначения» из БССР наглядно показывает, сколь опрометчиво считать, что постановления Политбюро относительно планов репрессий исполнялись «от и до». Сначала Политбюро приняло решение о депортации из погранполосы 3500 «семей кулаков», потом вместо семей было решено вывезти 3500 «одиночек»; в результате же число депортированных составило 3309 чел., часть из которых была «одиночками», а часть, вопреки прямым указаниям Москвы, депортировалась вместе с семьями. Однако это еще был не конец истории.

[1] Там же. Л. 88.

[2] Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 654.

[3] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 519–527.

в) Высылка семей «одиночек особого назначения», ноябрь 1930 г.

Соображения Рапопорта относительно нецелесообразности выселения из погранполосы «одиночек» без семей, изложенные им в письме зампреду ОГПУ С. Мессингу 19 марта 1930 г., были вполне основательными. И хотя весной 1930 г. Мессинг категорически отверг предложения главы белорусского полпредства, менее чем через полгода ситуация изменилась. 16 сентября 1930 г. Мессинг направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) В. Молотова записку с предложением выслать оставшиеся в БССР и УССР семьи депортированных в мае «одиночек» к месту нахождения глав семей. В записке говорилось: «В целях лучшей приживаемости высланных кулаков на новых местах и предотвращения их бегства обратно в погранполосу УССР и БССР, ОГПУ просит указаний о скорейшей высылке членов семей к их главам — высланным в Сибирь, ДВК и на Алдан "кулакам-одиночкам". Решение этого вопроса сейчас позволит быстро подготовить помещения для размещения семей в местах вселения кулаков»[1].

Предложения Мессинга были быстро одобрены советским руководством; 20 сентября 1930 г. Политбюро приняло постановление, предписывавшее «согласно прежних решений ЦК признать необходимым провести высылку семей кулаков из погранполосы к месту высылки кулаков в Сибири и ДВК»[2]. Два дня спустя, 22 сентября 1930 г., Мессинг направил полпредам ОГПУ в Белоруссии и на Украине распоряжение подготовить выселение семей «одиночек особого назначения». Белорусскому ОГПУ этим распоряжением предписывалось организовать депортацию 2 тысяч семей[3].

Подготовка плана проведения депортации традиционно затянулась и вновь преподнесла Москве сюрпризы. На сей раз глава белорусского ГПУ Рапопорт решил использовать депортацию для дополнительной чистки республики от «кулаков». Центру пришлось в очередной раз осаживать полпреда. В подписанной начальником Секретно-оперативного управления ОГПУ Е. Евдокимовым 25 октября 1930 г. телеграмме говорилось: «Вашей директивой № 1131 намечено также выселить наиболее мощные в прошлом [и] настоя-

---

1 Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 257.

2 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 38.

3 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 464.

щем оставшиеся нетронутыми кулацкие семьи тыловых районов, что противоречит директиве ОГПУ № 13367. Предлагаю: 1) в точности придерживаться данной директивы ОГПУ — выселять лишь семьи, главы которых — одиночки — были высланы весной, не затрагивая невыселенных кулаков тыловых округов; 2) в 5-дневный срок уточнить план выселения»[1].

Несмотря на столь жесткую реакцию Москвы, в последующем Рапопорту все-таки удалось добиться своего: в итоговый план депортации были включены не только семьи «одиночек». По состоянию на 6 ноября 1930 г. Центр согласовал депортацию из Белоруссии не только семей «одиночек», но и «800 полных семей вместе с главами»[2]. Добиться этого Рапопорту удалось благодаря допущенной ранее руководством ОГПУ бухгалтерской ошибке. Запрашивая в сентябре 1930 г. у Политбюро разрешение на депортацию к месту нахождения «одиночек» их семей, Мессинг определил численность этих семей в примерно 2 тысячи[3]. По всей видимости, при этом он ориентировался на число депортированных в мае 1930 г. мужчин — их, как мы помним, было 2066 чел. Мессинг, однако, упустил из внимания, что «одиночек» среди депортированных в мае мужчин было лишь 1370 — остальные, вопреки распоряжению Москвы, были депортированы из Белоруссии вместе с семьями[4]. Так что, когда пришло время подготовки депортации, выяснилось, что установленный постановлением Политбюро лимит на депортацию 2 тысяч семей не выбирается. Этим-то и воспользовался Рапопорт для расширения целей депортационной акции.

В общей сложности к депортации была запланирована 1931 семья ориентировочной численностью 8,2 тысячи чел. Из этого числа 1143 семьи высылались из приграничных районов (это были семьи «одиночек»), а 788 — из тыловых районов (это были те самые «полные семьи», депортации которых все-таки добился глава белорусского полпредства)[5].

---

1 Там же. С. 495.

2 Там же. С. 512.

3 Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 257.

4 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 88.

5 Там же. Д. 762. Л. 266–267.

Операция по выселению началась 12 ноября 1930 г.; 13–16 ноября из Белоруссии было отправлено 4 эшелона с депортируемыми, один из которых был сформирован в половинном составе. План высылки оказался не выполнен: вместо 8200 намеченных к депортации было выслано всего 5519 чел.[1] В итоговой докладной записке в Центр Рапопорт объяснял произошедшее следующим образом: «Недогруз 1½ эшелонов (77 людских вагонов) произошел вследствие большого отсева, получившегося за счет стариков, детей и отчасти больных, оставшихся на месте»[2]. Однако на самом деле объяснение может быть иным: в ходе подготовки к депортационной акции сотрудники белорусского ОГПУ внимательнее, чем раньше, проверяли списки намеченных к выселению, что привело к выявлению большого количества волюнтаристски включенных в списки людей. Как указывалось в итоговом отчете, «отсев... по отдельным районам достигает 50 % общего числа всех кулацких хозяйств, намеченных местами к выселению. Работа эта толкнула отдельные районы на путь выявления перегибов и извращений, допущенных местами при составлении первичных списков на кулаков»[3].

В отличие от других депортационных акций 1930 г., применительно к ноябрьской мы располагаем данными об убыли выселяемых по пути к месту следования. По данным датируемой 6 декабря 1930 г. сводки о движении эшелонов с семьями «одиночек» из БССР, в пути с эшелонов был снят 21 чел., в том числе 8 больных (в том числе 4 мужчины, 3 женщины и 1 ребенок), 2 умерших (все — мужчины) и 11 арестованных при попытке к побегу (9 мужчин, 2 женщины)[4]. Сравнение поэшелонных данных о числе высланных[5] с числом доставленных к месту расселения[6] дает нам немного бóльшие данные о выбывших в пути — 39 чел. Обобщенные данные о составе эшелонов представлены в табл. 3.

---

1 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 111–114; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 519–527. См. также: *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 544.

2 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 762. Л. 266.

3 Там же.

4 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 515–516.

5 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 111–114.

6 Там же. Д. 762. Л. 315–317.

Таблица 3. Высылка семей «одиночек» в ноябре 1930 г.: список эшелонов

№ п/п	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Человек вывезено	Человек доставлено к месту назначения
1	22	Минск, Борисов, Лепель	13.11.1930	1668	1664
2	23	Калинковичи, Орша	14.11.1930	1696	1671
3	25		14.11.1930	1634	1627
4	26		16.11.1930	521	518
ИТОГО:				5519	5480

г) Общая численность «кулацкой высылки» 1930 г.

Предварительные итоги депортационных операций 1930 г. были подведены в датированной 27 января 1931 г. справке Особого отдела ОГПУ. По не вполне понятной причине в этой справке были приведены немного заниженные данные по майской депортации «одиночек» (2810 чел. вместо 3309 чел.) и немного завышенные — для ноябрьской депортации семей «одиночек» (5583 чел. вместо 5519 чел.)[1]. Если мы внесем необходимые поправки, то получим следующую картину (в скобках указаны скорректированные цифры).

Таблица 4. Депортационные акции 1930 г.: общие итоги

№ п/п	Депортационная акция	Численность депортированных	
		Семей	Человек
1	«Кулацкая высылка», март–апрель 1930 г.	9231	44 083
2	Высылка «одиночек», май 1930 г.	470	2810 (3309)
3	Высылка семей «одиночек», ноябрь 1930 г.	1348	5583 (5519)
ИТОГО:		11 049	52 476 (52 911)

[1] Там же. Д. 541. Л. 125.

Эти данные хорошо коррелируют с имеющимися в доступных нам документах данными о расселении депортированных в 1930 г. из Белоруссии кулацких семей, «одиночек особого назначения» и их семей (см. табл. 5).

Таблица 5. Расселение депортированных из БССР в 1930 г.[1]

Область вселения	Семей	Человек
Дальневосточный край	1561	7309
Уральская область	4468	21 273
Северный край	4763	22 810
Якутия (Алдан)	287	1522
ИТОГО:	11 079	52 914

Столь точное совпадение итоговых цифр расселения высланных (52 914 чел.) с исправленными цифрами выселения (52 911 чел.) показывает, что недоучет численности депортированных в 1930 г. не имеет места.

2. Депортационная акция 1931 г.

а) Высылка кулацких семей, июнь 1931 г.

То, что в 1931 г. высылка «кулацкого элемента» с территории БССР будет продолжена, было очевидно, наверное, всем. Коллективизация сельского хозяйства республики продолжалась, сопротивление ей — тоже. 10 февраля 1931 г. глава белорусского полпредства ОГПУ Рапопорт направил в Москву докладную записку с предложением провести дополнительную акцию по выселению. «Ориентировочно мы можем и просим разрешения изъять для высылки в северные районы 2000 хозяйств», — говорилось в записке[2]. Однако у руководства ОГПУ на Белоруссию были более масштабные планы: из датированной 6 февраля 1930 г. служебной записки начальника Особого отдела ОГПУ Я. Ольского мы узнаем, что из республики планировали выслать 5000 кулацких семей[3]. В одном из изученных

---

[1] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 661–664, 666–667, 671–672; Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 312–313, 315–316.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 127.

[3] Там же. Л. 128.

нами в Центральном архиве ФСБ дел сохранился рукописный черновик записки о планах депортации из Белоруссии в 1931 г.; согласно ему, выслать из БССР планировалось 5675 семей[1].

Окончательное решение, разумеется, было принято партийными властями: 20 мая 1931 г. Политбюро утвердило постановление «О плане переселения кулацких семей в 1931 г.», предусматривавшее, в частности, выселение из БССР на Урал 5 тысяч семей «кулаков»[2].

Однако на деле приказ о проведении депортационной акции полпредство ОГПУ в Белоруссии получило еще до выхода постановления Политбюро. 16 мая 1931 г. С. Реденс, сменивший Г. Рапопорта на должности полпреда, получил телеграмму из Москвы. «Принято решение о выселении на Урал 5000 семей кулаков, – говорилось в телеграмме. – Срок отправки с 1 по 14 июня, ориентировочно по одному эшелону ежедневно»[3]. Далее в телеграмме предписывалось срочно выслать в Москву план операции.

В отличие от своего предшественника, Реденс уложился в поставленные сроки. К моменту утверждения постановления Политбюро белорусское ОГПУ было уже готово к работе: первый этап подготовки к депортационной акции (включавший в себя превентивное задержание трудоспособных мужчин выселяемых семей) в Белоруссии начали реализовывать в тот же день, 20 мая[4]. Списки подлежащих выселению «кулаков» были подготовлены еще раньше; в них значилось 6808 семей. После получения указанной в телеграмме ОГПУ контрольной цифры эти списки были пересмотрены и в итоге в план депортации попало 5133 семьи[5].

Собственно выселение было произведено в период с 30 мая по 15 июня 1931 г.; согласно датированному 8 июля 1931 г. итоговому отчету белорусского полпредства ОГПУ, из республики было депортировано 4757 семей общей численностью 21 089 чел.[6] Однако в позднейших отчетах центрального аппарата ОГПУ мы встречаем

[1] Там же. Л. 170.

[2] Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 305–309.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 212. Л. 1–2.

[4] Там же. Д. 541. Л. 224.

[5] Там же. Л. 225–226.

[6] Там же.

немного меньшие цифры численности депортированных: 4645 семей общей численностью 20 501 чел.[1]

Внести ясность в вопрос могли бы поэшелонные данные о численности депортированных. Но, к сожалению, нами выявлена лишь часть отчетных телеграмм с подобными данными[2]. Известно, что всего эшелонов было 12, нам же известны данные лишь о 10; поэтому табл. 6 страдает очевидной неполнотой и не может ответить на вопрос, какие данные ближе к истине: белорусского полпредства или центрального аппарата. Впрочем, расхождение между этими цифрами невелико.

Таблица 6. «Кулацкая высылка» июня 1931 г.: список эшелонов

№ п/п	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Семей	Человек
1	81	Минск, Гомель	02.06.1931	389	1569
2	82	Минск, Гомель	02.06.1931	535	1774
3	83	Слуцк, Ст. Дороги, Борисов	04.06.1931	371	1527
4	84	Дрисса, Полоцк, Витебск	04.06.1931		1629
5	85				
6	86	Лепель, Бобруйск	06–07.06.1931	429	1835
7	87	Пуховичи, Гомель, Орша	06–07.06.1931	634	1538
8	88	Витебск, Быхов, Орша	09.06.1931	385	1826
9	89	Коммунары, Кричев, Гомель	09.06.1931	419	1668
10	90	Толочин, Гомель, Могилев	10–11.06.1931	413	1727
11	91	Витебск	10–11.06.1931	433	1799
12	92				
ИТОГО:				4008	16 892

[1] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 771; Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 309–310, 312–313.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 212. Л. 8, 9, 11; Д. 541. Л. 205, 209–209 об.

б) Призрачные высылки

Белорусская исследовательница Т. С. Протько утверждает, что в 1931 г. из Белоруссии была проведена не одна, а две депортационные акции. «Во второй половине 1931 г. к высылке была намечена 5671 семья из 61 района БССР. Реально было выселено 5664 семьи, или 22 670 чел. "Вся работа проводится в порядке сообщенного СПО ОГПУ приказа НР952", — телеграфировали в Москву белорусские чекисты», — утверждает исследовательница, ссылаясь при этом на документ, хранящийся в Национальном архиве Республики Беларусь[1]. Однако ссылка эта является ложной: в деле, на которое ссылается исследовательница, подобной информации нет[2]. Данные о «второй» высылке 1931 г. также отсутствуют в просмотренных нами документах Центрального архива ФСБ и в многотомных сборниках документов. Нет информации о «второй депортации» и в обзорных справках ОГПУ о численности депортированных в 1930–1931 гг.[3] Судя по всему, упомянутая Т. С. Протько депортационная акция в реальности просто не существовала. Заведомой ошибкой также является утверждение другого белорусского исследователя, И. Кузнецова, о том, что в 1931 г. «с территории БССР было выслано в районы Сибири свыше 60 тысяч крестьян»[4].

3. Депортационная акция 1932 г.

Данные о подготовке депортационной акции 1932 г. чрезвычайно скудны. В апреле 1932 г. секретно-политический отдел ОГПУ подготовил справку о количестве учтенных кулацких хозяйств, содержавшую одновременно предложения по высылке. По Белоруссии СПО было учтено 4368 кулацких хозяйств, из которых к выселению предлагалось 2000 хозяйств. Местом расселения был назначен Северный край,

---

1. *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 544 (со ссылкой на: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 635. Л. 17. После переформирования фонда 4п архивная легенда этого дела была изменена на: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7629).
2. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7629.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 1. С. 771; Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 312–313.
4. *Кузнецов И.* Репрессии на Беларуси в 1920–1940 гг. С. 4.

высылку планировалось провести в июне[1]. Предложения ОГПУ были одобрены: 4 мая 1932 г. Политбюро утвердило новый план выселения кулаков, предусматривавший, в частности, депортацию из БССР в Северный край 2000 кулацких семейств[2]. Однако уже 16 мая Политбюро утвердило новое постановление прямо противоположного содержания: «Отменить постановление Политбюро от 4 мая 1932 г. о хозяйственном выселении 38 300 кулацких семейств, предложив ОГПУ отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста»[3]. Благодаря этому решению в 1932 г. операций по выселению из Белоруссии «кулаков» не проводилось.

4. Депортационные акции 1933 г.

Начало 1933 г. ознаменовалось в Белоруссии новой вспышкой ожесточенных репрессий, причиной которого стал общесоюзный кризис хлебозаготовок[4]. В попытках выколотить из крестьянства хлеб 19 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР специальным постановлением обязали советско-партийные власти Белоруссии и республиканское полпредство ОГПУ «развернуть решительную борьбу со спекулянтскими элементами и саботажниками заготовок в колхозах и среди единоличников и на деле обеспечить проведение решительных мер по искоренению спекулянтов-перекупщиков вплоть до выселения их из пределов Белоруссии, не останавливаясь перед применением расстрела в отношении наиболее злостных»[5].

Одновременно в республике развертывалась параллельная репрессивная кампания, связанная с расследовавшимся центральным аппаратом ОГПУ делом «Политического центра» — масштабного антисоветского заговора, якобы объединявшего тысячи участников из основных сельскохозяйственных регионов. Согласно полученной

---

[1] Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 98.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 126–127.

[3] Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 543.

[4] См.: *Кондрашин В. В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. С. 124–158.

[5] «Первая заповедь». Хлебозаготовки в СССР, 1931–1932. М., 2016. С. 700–701.

ОГПУ информации, «Политический центр» готовил на весну 1933 г. вооруженное восстание; при этом помощь восстанию должна была оказать Польша[1]. Несмотря на заключенный в июле 1932 г. советско-польский договор о ненападении, в Кремле продолжали крайне болезненно относиться к «польской угрозе»[2], так что ОГПУ получило карт-бланш на проведение массовой репрессивной акции.

В результате с декабря 1932 по май 1933 г. в Белорусской ССР было арестовано более 29 тысяч чел., в основном проходивших как члены «кулацких и бандитских группировок» и повстанческих организаций[3]. 1 марта 1933 г. белорусское полпредство ОГПУ получило право выносить смертные приговоры в административном порядке, через тройку[4], и активно пользовалось представившейся возможностью. К началу мая белорусской тройкой было рассмотрено 3574 дела на 13 414 чел., из них к расстрелу было приговорено 2158 чел., к заключению в лагеря — 8617 чел., высылке — 2487 чел.[5]

Одной из составляющих репрессивной кампании начала 1933 г. были депортации «кулацкого элемента». Как следует из обобщающей справки ОГПУ, по состоянию на 15 марта 1933 г. высылка кулацких

---

1 *Тепляков А. Г.* Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 1. С. 50–54.

2 *Ширер Д.* Отражение гражданской войны в политике Сталина: уроки и предубеждения // Уроки Октября и практики советской системы, 1920–1950-е годы. Материалы X Международной научной конференции [«История сталинизма»]. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 14–15.

3 *Тепляков А. Г.* Динамика государственного террора... С. 52. Данные о численности арестованных и осужденных в БССР по состоянию на 15 марта 1933 г. см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину... Т. 10. Ч. 3. С. 356–357.

4 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 61; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 409. Интересно, что, судя по всему, ГПУ Белоруссии было первым из получивших подобное право региональных подразделений органов госбезопасности: ГПУ Украины получило разрешение выносить смертные приговоры через «тройку» лишь 20 марта 1933 г., а ПП ОГПУ Западной Сибири — 4 апреля 1933 г. (Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 418, 426).

5 *Тепляков А. Г.* Динамика государственного террора... С. 52; *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 549.

семей была проведена из трех регионов СССР: Северокавказского края, Нижневолжского края и Украинской ССР[1]. К апрелю высылки из этих регионов продолжились; также были проведены депортации «кулаков» из Башкирии и Урала[2]. Были запланированы высылки из Средневолжского края и Закавказья[3]. В Белоруссии также проводилась подготовка к высылке «кулацкого элемента». По данным Т. С. Протько, выселению из республики подлежало 8316 семей общей численностью 30 410 чел.[4]

Однако этой депортационной акции было не суждено состояться. 10 мая 1933 г. специальным постановлением Политбюро лишило региональные «тройки» права на применение вышей меры[5]. Волна репрессивного насилия была сбита: интенсивность вынесения смертных приговоров в БССР заметно снизилась[6]. Что же касается большой депортации, она так и осталась исключительно в планах белорусского ОГПУ. Утвержденной 10 мая 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК ССР «Инструкцией всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» предписывалось «немедленно прекратить массовые выселения крестьян»; для Белорусской ССР этим документом был установлен предельный лимит для выселения: 500 хозяйств[7].

Органы госбезопасности были быстро скорректированы с учетом новых вводных. Датируемый 12 мая 1933 г. ориентировочный план ОГПУ по выселению кулаков предусматривал депортацию из БССР лишь 500 кулацких семей общей численностью 2000 чел.; проведение депортации было намечено на 5–10 июня[8]. Этот план был выполнен:

---

1 «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину... Т. 10. Ч. 3. С. 344.

2 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 388.

3 Там же. С. 389.

4 *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 546.

5 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 922. Л. 16; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 435.

6 *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 189.

7 Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 438; Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 607–612.

8 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. Кн. 2. С. 419–420.

по состоянию на 5 июля 1933 г. из БССР была вывезена 461 семья общей численностью 2051 чел.[1]

5. Депортационная акция 1934 г.

Следы депортационной акции из БССР, возможно имевшей место в 1934 г., мы обнаруживаем в датируемой 23 октября 1933 г. совместной докладной записке начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Г. Молчанова и начальника ГУЛАГ ОГПУ М. Бермана. Докладная записка начинается словами: «Согласно решения директивных инстанций в течение 1933 и 1934 г. должно быть произведено выселение 20 000 семей кулаков для заселения и освоения территории Беломорско-Балтийского канала»[2]. Из дальнейшего текста записки мы узнаем, что с территории Белоруссии на Беломорско-Балтийский канал планировалось выслать 1 тысячу кулацких семей. По данным отдела спецпоселений ГУЛАГа, в 1934–1935 гг. в поселки Беломорско-Балтийского канала действительно поступали люди[3], однако были ли это выселяемые «кулаки», остается неизвестным.

6. Депортационная акция 1935 г.

Последняя масштабная высылка с территории Белоруссии была проведена в 1935 г., причем ее целью были уже не кулаки, а «неблагонадежный элемент».

21 июня 1935 г. Политбюро утвердило постановление «О мероприятиях по усилению охраны границы БССР», предусматривавшее высылку за пределы республики 2000 семей проживавшего в погранполосе «неблагонадежного» элемента[4]. Спустя несколько дней, 27 июня 1935 г., соответствующее распоряжение было направлено из Москвы наркому внутренних дел Белоруссии И. Леплевскому[5]. Проведение операции было назначено на 1–7 августа 1935 г.; согласно планам НКВД Белоруссии, 1400 семей планировалось выслать

---

[1] Там же. С. 435.

[2] Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 426.

[3] Там же. С. 428.

[4] Там же. Кн. 1. С. 675.

[5] Там же. Кн. 2. С. 436–438.

в Северный край, а еще 600 семей — в Казахстан[1]. Эти планы были воплощены в жизнь: 7 августа руководитель НКВД БССР докладывал: «Сообщаю, что сего числа закончена отправка выселяемого из пограничной полосы антисоветского неблагонадежного элемента. Отправлено 10 эшелонов, из них 7 в Северный край и 3 в Казахстан. Всего выселено 1979 семейств в составе 9877 чел., из них: мужчин — 2799, женщин — 2828, детей — 4450. Вместе с ними отправлено 777 голов скота, из них 250 лошадей и 527 коров»[2].

7. Итоговые данные: численность депортированных

Итоговые данные о депортационных акциях, проводившихся в 1930–1935 гг. с территории БССР, приведены нами в табл. 7. О проведении шести из этих акций нам известно достоверно; в их рамках из республики было выселено 18 246 семей общей численностью 85 928 чел. Еще об одной депортационной операции (выселение «кулаков» в поселки Беломоро-Балтийского канала) мы можем судить лишь предположительно. Если эта операция была действительно проведена, то к общему числу депортированных необходимо прибавить еще 1000 семей общей численностью примерно 4700 чел.[3] В этом случае итоговые цифры депортированных будут выглядеть следующим образом: более 19,2 тысячи семей общей численностью примерно 90 тысяч чел. На наш взгляд, именно эти данные наиболее адекватно отражают масштабы «кулацкой высылки» из Белорусской ССР.

Много ли это или мало — 19,2 тысячи депортированных семей общей численностью 90 тысяч чел.? По состоянию на 1 января 1930 г. в Белоруссии имелось 789 тысяч крестьянских хозяйств[4]. Таким образом, общее число выселенных кулацких хозяйств составляло

---

1 Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 500–551; *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 212; Политбюро и крестьянство. Кн. 1. С. 841; Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005. С. 52.

2 *Протько Т. С.* Становление советской тоталитарной системы... С. 212.

3 Как показал Ю. Королев, средний размер высылаемой семьи составлял 4,7 человека. См.: *Каралёў Ю.* Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій...

4 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 541. Л. 229.

примерно 2,4 % от общего числа крестьянских хозяйств республики. По данным проведенной в декабре 1926 г. всесоюзной переписи, население Белоруссии составляло 5 миллионов чел.[1] Следовательно, общая численность «кулацкой высылки» 1930–1935 гг. составляла 1,8 % от общего населения республики.

Таблица 7. Депортационные акции 1930–1935 гг. из БССР

Год	Депортационная акция	Численность депортированных	
		Семей	Человек
1930	«Кулацкая высылка», март–апрель 1930 г.	9231	44 083
	Высылка «одиночек», май 1930 г.	470	3309
	Высылка семей «одиночек», ноябрь 1930 г.	1348	5519
	Итого в 1930 г.:	11 049	52 911
1931	«Кулацкая высылка», июнь 1931 г.	4757	21 089
1933	«Кулацкая высылка», июнь 1933 г.	461	2051
1934	«Кулацкая высылка» на Беломоро-Балтийский канал (?)	1000	
1935	Высылка из пограничной полосы	1979	9877

Очерк 2. О численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах[2]

Захоронения жертв советских репрессий в Куропатах окутаны плотным туманом мифов и домыслов, используемых белорусской «оппозицией» в неблаговидных политических целях. В первую очередь это касается численности людей, похороненных в лесном урочище на северо-восточной окраине Минска. Белорусские «оппозиционеры»

[1] *Богомья И. М.* Процесс урбанизации в БССР в 20-е — 30-е гг. XX в. // Весці БДПУ. Серыя 2. 2015. № 2. С. 66.

[2] Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7. С. 149–162. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

утверждают, что в Куропатах лежит до четверти миллиона расстрелянных НКВД. Но так ли это на самом деле? Попробуем разобраться.

О массовых захоронениях в Куропатах — лесном урочище на северо-восточной окраине Минска — стало известно 3 июня 1988 г. В этот день в белорусской газете «Літаратура і мастацтва» была опубликована статья «Куропаты: дорога смерти», написанная инженером Е. Шмыгалевым и археологом З. Позняком. Авторы рассказывали, что к северу от минского микрорайона «Зеленый луг» обнаружены массовые захоронения жертв сталинских политических репрессий. Основываясь на показаниях опрошенных ими местных жителей, авторы статьи утверждали, что расстрелы в Куропатах осуществлялись органами НКВД практически ежедневно с 1937 по 1941 г.[1] Статья произвела эффект разорвавшейся бомбы; тема Куропат была немедленно политически инструментализирована белорусскими националистами[2].

Для националистической мобилизации использовалось место, в котором действительно покоились тела расстрелянных органами НКВД. Проведенное в 1988–1989 гг. прокуратурой Белорусской ССР расследование установило, что расстрелы в Куропатах проводились органами НКВД со второй половины 1930-х гг. до начала войны[3]. В дальнейшем эти выводы были подтверждены Генеральной прокуратурой Республики Беларусь — в 1995 и в 2001 гг.[4] К настоящему времени в белорусском обществе в целом установился консенсус

---

[1] *Пазьняк З., Шмыгалёў Я., Крывальцэвіч М., Іоў А.* Курапаты. Мінск, 1994 URL: http://knihi.com/Zianon_Pazniak/Kurapaty.html (дата обращения — 06.06.2017).

[2] *Ушакин С.* В поисках места между Сталиным и Гитлером: О постколониальных историях социализма // Ab Imperio. 2011. № 1; *Ластоўскі А.* Курапаты і «палітыка мёртвых цел» у Беларусі // Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці. Мінск, 2018.

[3] По итогам следствия была опубликована книга: *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... М., 1990.

[4] *Кондратьев В.* Куропаты: прокуратура еще раз подтверждает // Свабода. 1996. 21 июня; Прокуратура признала Куропаты местом захоронения жертв сталинских репрессий. Интернет-сайт «Хартия-97». 14 декабря 2001 г. URL: http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=287 (дата обращения — 06.06.2017).

относительно вопроса, кем были расстреляны похороненные в Куропатах[1].

К сожалению, точное число покоящихся в безымянных могилах в Куропатах до сих пор скрыто туманом необоснованных предположений и прямой лжи. Не имея доступа к документам архива КГБ[2], работавшие по делу в 1988–1989 гг. следователи могли ориентироваться лишь на данные раскопок. При этом из 510 предполагаемых захоронений вскрыто и исследовано было лишь восемь; полученные данные экстраполировались на все захоронения Куропат.

По заданию следствия раскопки летом 1988 г. проводила группа археологов Института истории АН БССР во главе с З. Позняком. Было вскрыто восемь предполагаемых захоронений, в двух из них (захоронения № 4 и 7) никаких останков обнаружено не было. В остальных шести были обнаружены останки не менее 356 чел., в том числе: в захоронении № 1 — не менее 55 чел., в захоронении № 2 — не менее 69 чел., в захоронении № 3 — не менее 37 чел., в захоронении № 5 — не менее 107 чел., в захоронении № 6 — не менее 36 чел., в захоронении № 8 — не менее 52 чел. Вычислив среднее число останков на одно захоронение (59 чел.), следователи экстраполировали эти данные на общее число предполагаемых захоронений в Куропатах. Было объявлено, что в захоронениях на территории Куропат покоится «не менее 30 тысяч граждан»[3].

Однако проводившие раскопки археологи под руководством З. Позняка были не согласны с этой цифрой. Позняк сформулировал предположение о том, что захоронения уже вскрывались и часть трупов изъята властями. Несмотря на то что это предположение было отвергнуто специалистами (в том числе руководителем отдела

---

[1] См., напр., материалы круглого стола «Куропаты — мемориал памяти и скорби», проведенного редакцией газеты «СБ – Беларусь сегодня» в феврале 2017 г.: История должна нас объединять. URL: https://www.sb.by/articles/istoriya-dolzhna-nas-obedinyat.html (дата обращения — 06.06.2017). Относительно правдоподобности аргументов сторонников «немецкого следа» см.: *Дюков А. Р.* Откуда в куропатских могилах личные вещи расстрелянных? // Историческая экспертиза. 2017. № 3.

[2] *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... С. 44.

[3] Там же. С. 196.

археологии Института истории АН БССР[1]), группа Позняка решила считать не только реально обнаруженные в захоронениях останки, но и останки, якобы изъятые оттуда. Таким образом, число найденных останков было произвольно увеличено в три раза: средняя численность останков на одну могилу было определена в 200 чел.. Экстраполяция этих данных на общее число предполагаемых захоронений дала число в 102 тысячи захороненных в Куропатах. Однако даже это число, по мнению Позняка и его коллег, было слишком незначительным. «Настоящая цифра захороненных должна быть в 2–2,5 раза большей и достигать примерно 220–250 тысяч», — говорилось в итоговом отчете группы Позняка[2]. Впоследствии З. Позняк неоднократно заявлял о том, что в Куропатах захоронено около 250 тысяч чел.[3], не упоминая о том, что эта цифра основывается на шаткой пирамиде не выдерживающих элементарной критики предположений.

Предпринятые Позняком манипуляции объяснялись тем, что для него численность захороненных в Куропатах была не научным вопросом, а инструментом политической борьбы. Как справедливо отмечает современный белорусский исследователь, «выбор численности жертв обусловлен не научными методами, а политической необходимостью. Численность жертв — это мощный символический ресурс. Куропаты уничтожают легитимность советской системы. Поскольку современная Беларусь объявляет себя правопреемником советского строя, то большая численность жертв в Куропатах бьет также по легитимности действующего политического режима»[4].

---

[1] *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... С. 194–195.

[2] Справаздача аб археалягічных раскопках (эксгумацыі) пахаваньняў ва ўрочышчы Курапаты (Брод) Менскага раёну Бараўлянскага сельсавету // *Пазьняк З., Шмыгалёў Я., Крывальцэвіч М., Іоў А.* Курапаты. Мінск, 1994. URL: http://knihi.com/Zianon_Pazniak/Kurapaty.html (дата обращения — 06.06.2017).

[3] Напр.: Зянон Пазьняк: Слова на Дзяды 2015 года. URL: https://pieramoha.org/artykuly/zianon-pazniak-slova-na-dziady-2015-hoda (дата обращения — 12.01.2017).

[4] *Ластоўскі А.* Курапаты і «палітыка мёртвых цел» у Беларусі. С. 311.

На фоне построений Позняка цифра, названная следствием (30 тысяч захороненных), смотрится правдоподобно. Однако на самом деле она также не соответствует действительности. Это наглядно было продемонстрировано в ходе раскопок, произведенных в 1997–1998 гг. (в рамках проводившегося Генпрокуратурой Республики Беларусь дополнительного расследования). Тогда были произведены раскопки 23 предполагаемых захоронений в Куропатах, только в 9 были обнаружены человеческие останки, остальные впадины захоронениями не являлись[1].

Следует отметить, что метод экстраполяции применительно к советским расстрельным полигонам не работает вообще. Это, в частности, показали раскопки на другом месте захоронений жертв советских репрессий — Бутовском полигоне под Москвой. Специалисты-археологи, проводившие раскопки на полигоне в августе 1997 г., так же, как и их коллеги, работавшие в Курпатах, прибегли к методу экстраполяции и оценили общее число захороненных в 70 тысяч чел.[2] Однако число приговоренных к расстрелу в 1937–1938 гг. Московским УНКВД (именно в ведении этого подразделения находился Бутовский полигон[3]) известно абсолютно точно: в начале 1990-х гг. в архиве управления Министерства безопасности РФ по Москве и Московской области обнаружено 18 томов дел с предписаниями и актами о приведении в исполнение ВМН в отношении 20 765 осужденных[4].

---

1 Пресс-релиз Белорусского Хельсинкского комитета № 19 от 27.10.1998. URL: http://www.hrights.ru/text/belorus/b6/Chapter16.htm (дата обращения — 12.01.2017).

2 *Каледа К., Алексеев С., Разумов А., Головкова Л.* Исследования последних лет на Бутовском полигоне // Бутовский полигон, 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1999. Вып. 3. С. 15.

3 Расстрельные списки: Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). Книга памяти жертв политических репрессий / Под ред. Л. С. Ереминой, А. Б. Рогинского. М., 2005. С. 568.

4 *Рогинский А. Б.* Послесловие // Расстрельные списки: Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). С. 565–566; *Каледа К.* Опыт создания общественно-церковного мемориального комплекса памяти жертв террора XX столетия на примере Бутовского полигона и феномен возникновения христианских музеев в России // Историческая экспертиза. 2015. № 4. С. 167–168. См. также: Данные о числе расстрелянных на

Число приговоренных к ВМН в последующие годы было невелико, так что реально на Бутовском полигоне захоронено не 70 тысяч расстрелянных, а гораздо меньше: 21–22 тысячи.

К сожалению, белорусские историки, в отличие от своих российских коллег, не получили шанса поработать с документами архива КГБ Белоруссии и установить точное число приговоренных к расстрелу в Минске в 1937–1941 гг. Однако опубликованные к настоящему времени данные статистики репрессивной деятельности НКВД все же позволяют понять, какого порядка это число.

Прежде чем перейти к рассмотрению данных статистики НКВД о репрессиях в Белоруссии, позволим себе небольшое отступление. Оперативно-статистическая отчетность органов НКВД активно используется современными историками. Но можно ли ей доверять? Не носит ли эта отчетность сфальсифицированный и/или заведомо неполный характер? Отвечая на этот вопрос, историки из общества «Мемориал» высказываются совершенно определенно. «Разумного обоснования, зачем надо было фальсифицировать данные в ту эпоху, мы не находим. Союзные статсводки были предназначены лишь для крайне узкого круга лиц в НКВД — для наркома, его заместителей и начальников двух-трех основных отделов, а также для высших руководителей Политбюро и СНК; все эти лица имели свои дополнительные источники информации — лгать им в цифровых показателях арестов было просто бессмысленно. Сводки к тому же являлись базовым документом, на основании которого НКВД испрашивал у СНК бюджетные средства на проведение операции (которая, безусловно, стоила очень дорого — командировочные и другие сопутствующие расходы, увеличение штатов оперативников и тюремных работников и т. д.), на содержание и перевозку арестованных. Странно было бы для НКВД в этой ситуации сознательно преуменьшать масштабы своей деятельности. Наконец, многие отдельные цифры из представленных в сводках мы встречали (с небольшими отклонениями в ту или иную сторону) в различных документах независимого происхождения — в справках по

полигоне Бутово по дням в период с августа 1937 года по октябрь 1938 года // Бутовский полигон, 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1999. Вып. 3. С. 342–343.

отдельным линиям работы НКВД, в отчетных материалах судебных органов и т. д.»[1].

Разумеется, статистика репрессивной деятельности НКВД не свободна от погрешностей[2], однако эти погрешности не носят масштабного характера и могут быть выявлены исследователями.

В отличие от других бывших советских республик (России, Украины, Грузии, Молдавии), в Белоруссии оперативно-статистическая отчетность о репрессивной деятельности органов госбезопасности, к сожалению, до сих пор остается недоступной для исследователей. Тем не менее в начале 1990-х гг. некоторые белорусские историки получили возможность ознакомиться с документами органов госбезопасности. Опубликованные ими статистические данные о репрессиях могут быть проверены и дополнены данными, введенными в оборот историками России и других стран. В итоге мы имеем возможность получить вполне достоверное (хотя и требующее дальнейшей детализации) представление о масштабах советских репрессий в Белоруссии в целом и в годы «Большого террора» 1937–1938 гг., в частности.

Первым историком, получившим доступ к закрытым документам КГБ Белорусской ССР, стал начальник отдела Комитета по архивам и делопроизводству при Совете министров Республики Беларусь В. И. Адамушко. В 1994 г. он опубликовал книгу, посвященную сталинским политическим репрессиям в Белоруссии, впервые введя в научный оборот данные о численности осужденных по политическим статьям, в том числе приговоренных к высшей мере наказания, а также о динамике репрессий. «По официальным данным, начиная с ноября 1917 и по апрель 1953 г. судебными и несудебными органами в республике было рассмотрено свыше 170 тысяч дел в отношении 250 тысяч чел., которые привлекались к ответственности по политическим

---

1 *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997 URL: http://www.memo.ru/history/POLAcy/GORROG_C.htm (дата обращения — 25.07.2011).

2 См., напр.: *Тепляков А. Г.* Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 1. С. 50–54.

мотивам. Из этого количества 10 тысяч чел. были репрессированы в 1917–1929 гг., 46 тысяч – в 1929–1934 гг., 55 тысяч – в 1941–1945 гг., 50 тысяч – в 1946–1953 гг. Пик репрессий пришелся на 1935–1940 гг. Свыше 85 тысяч наших соотечественников пострадали от политических репрессий в этот период. Более 28 тысяч были расстреляны. Всего же в 20–50-е годы за "контрреволюционные преступления" было приговорено к высшей мере наказания свыше 35 тысяч чел. Таким образом, судебными и внесудебными органами в республике по политическим причинам было привлечено к ответственности свыше 250 тысяч граждан. Все эти дела полностью сохранились и находятся в архивах Комитета государственной безопасности республики»[1]. Речь шла лишь об осужденных по политическим мотивам; люди, высланные в отдаленные районы страны в административном порядке, в приведенной В. И. Адамушко статистике органов госбезопасности не учитывались, и историку пришлось реконструировать численность этой категории репрессированных[2].

В подготовленной позднее для «Белорусской энциклопедии» статье о сталинских репрессиях В. И. Адамушко привел те же цифры, но уже с точностью до человека: «250 499 чел. — осуждены судами или наказаны решениями внесудебных органов... В 1935–1940... пострадали 86 168 жителей Беларуси, из них 28 425 расстреляны... Всего в ноябре 1917 – апреле 1953 г. за контрреволюционные преступления к смертной казни приговорено 35 868 чел.»[3].

Давайте посмотрим, насколько приведенные В. И. Адамушко данные согласуются с документами, введенными в научный оборот российскими историками. Для начала проведем выборочную проверку данных об общем количестве арестованных. По данным В. И. Адамушко, в период с 1935 по 1940 г. было репрессировано в общей сложности

---

[1] *Адамушка У. І.* Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 9.

[2] Там же. С. 9–10. К слову сказать, эта реконструкция оказалась ошибочной: В. И. Адамушко серьезно завысил численность «кулацкой ссылки» начала 1930-х гг. из БССР. Подробный разбор проблемы см.: *Каралёў Ю.* Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій у Беларусі // ARCHE. 2014. № 5.

[3] *Адамушка У. І.* Рэпрэсіі палітычныя ў СССР // Беларуская энцыклапедыя. Мінск, 2002. Т. 14. С. 21.

86 168 чел. Обратимся к данным сводной статистики репрессивной деятельности органов госбезопасности, опубликованной историком О. Б. Мозохиным. В 1935 г. НКВД БССР было арестовано 7309 чел., в 1936 г. — 4602 чел., в 1937 г. — 39 049 чел., в 1938 г. — 19 918 чел., в 1939 г. — 10 196 чел. (в том числе 8818 чел. — в Западной Белоруссии), в 1940 г. — 1094 чел.[1] Суммировав эти данные, мы получаем 82 168 арестованных за период с 1935 по 1940 г. Полученная цифра несколько меньше, чем приводимая В. И. Адамушко, однако этому есть рациональное объяснение: дело в том, что В. И. Адамушко пишет не об арестованных, а о «пострадавших от репрессий». Между тем далеко не все привлеченные органами НКВД к уголовной ответственности арестовывались. Так, например, в 1935 г. по делам органов НКВД БССР было привлечено 9221 чел., из них арестовано 7309 чел.[2] В 1936 г. республиканскими органами госбезопасности были привлечены 5155 чел., из них арестовано 4602 чел.[3] В 1937–1938 гг. привлечение без ареста органами НКВД не практиковалось, а за 1939–1940 гг. в опубликованной статистике данные отсутствуют. Тем не менее, учтя данные о привлеченных без ареста в 1935–1936 гг., мы получаем 84 633 пострадавших от репрессий — цифру, практически не отличающуюся от данных В. И. Адамушко. Таким образом, данные В. И. Адамушко прекрасно соотносятся с данными общесоюзной репрессивной статистики.

Теперь перейдем к вопросу о численности приговоренных к высшей мере наказания. По данным В. И. Адамушко, всего за 1917–1953 гг. в БССР было вынесено 35 868 расстрельных приговоров, из них 28 425 — в период с 1935 по 1940 г.[4]

Из опубликованной общесоюзной статистики мы знаем, что в 1935–1936 и 1939–1940 гг. число выносимых по делам органов госбезопасности смертных приговоров было невелико. В 1935 г. по всему Советскому Союзу к ВМН было приговорено 1229 чел., в 1936 г. —

[1] *Мозохин О. Б.* Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.): Статистический справочник. М., 2016. С. 153, 159, 164, 168, 173, 180.

[2] Там же. С. 153.

[3] Там же. С. 159.

[4] *Адамушка У. І.* Рэпрэсіі палітычныя ў СССР. С. 21.

1118 чел., в 1939 г. — 2601 чел., в 1940 г. — 1863 чел.[1] Общее число расстрелянных за эти годы в Белоруссии едва ли в общей сложности превышает 400–500 чел.; основная масса расстрельных приговоров, таким образом, приходится на 1937–1938 гг.

Общесоюзная статистика «Большого террора» 1937–1938 гг. хорошо известна. За два года было вынесено рекордное для всей советской истории количество смертных приговоров — в отношении 681 692 чел.[2] Подавляющее большинство этих приговоров было вынесено внесудебными органами в рамках так называемых «массовых операций» НКВД — операции по приказу № 00447 (так называемой «кулацкой», хотя в ее рамках репрессировались далеко не только кулаки) и «национальных» операций («польской», «немецкой», «латышской» и т. д.). В рамках «кулацкой» операции было осуждено к ВМН 386 798 чел.[3], в рамках «национальных» операций — 247 157 чел.[4] Таким образом, репрессированные по «массовым операциям» составляют 93 % от общего числа репрессированных в 1937–1938 гг.

По данным ГУГБ НКВД СССР, к 1 марта 1938 г. по приказу № 00447 в БССР было арестовано 24 209 чел., из них по 1-й категории (расстрел) было осуждено 6869 чел. (в том числе 3943 «бывших кулака, 996 уголовников и 1930 "других контрреволюционных элементов"»)[5]. К 1 июля 1938 г. численность арестованных по «кулацкой» операции в БССР увеличилась незначительно, достигнув 25 414 чел.[6]; как и во всем СССР, «кулацкая» операция была фактически завершена. Впрочем, 17 июля 1938 г. НКВД БССР направил на дополнительные лимиты 5000 чел., в том числе 2000 по первой

---

1 *Мозохин О. Б.* Статистические сведения... С. 151, 158, 172, 179.

2 Там же. С. 14.

3 *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 598.

4 *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. URL: http://old.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm (дата обращения — 14.06.2017).

5 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: Документы и материалы. М., 2006. Т. 5. Кн. 2. С. 57.

6 Там же. С. 161.

категории. Были ли эти лимиты утверждены центром, остается неизвестным, но скорее всего — нет; современные исследователи не учитывают этот лимит в общей статистике «кулацкой» операции[1].

Данные о результатах «национальных» операций в Белоруссии мы находим в датируемой декабрем 1938 г. справке НКВД БССР «Об итогах операций по польской, немецкой и латвийской агентуре в БССР». Согласно этому документу, с августа 1937 по конец октября 1938 г. по «национальным» операциям было арестовано 23 439 чел., в том числе по «польской» операции — 21 407 чел., по «немецкой» операции — 563 чел. и по «латышской» операции — 1459 чел. Из этого числа было осуждено[2]:

	Всего осуждено	В том числе к ВМН
Комиссией в составе Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойкой»)	15 747	14 037
«Особыми тройками»	6770	4650
Итого	22 517	18 687

Вплоть до недавнего времени эти данные считались исчерпывающими, однако сплошной просмотр протоколов упомянутой «двойки», предпринятый российским исследователем С. Б. Прудовским, позволил установить, что по БССР этой комиссией было осуждено 15 773 чел., в том числе к ВМН — 14 817 чел.[3] Таким образом, общее число осужденных в рамках «национальных» операций в БССР составляет 22 543 чел., в том числе 19 467 чел. — к ВМН.

---

[1] *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. С. 522, 600.

[2] *Адамушка У. І.* Палітычныя рэпрэсіі... С. 55–57. Стоит отметить, что данные, приводимые в справке НКВД БССР «Об итогах операций по польской, немецкой и латвийской агентуре в БССР», хорошо совпадают с данными шифрограмм НКВД БССР о ходе «национальных» операций, изученных нами в Центральном архиве ФСБ России. Согласно этим телефонограммам, по состоянию на 18 августа 1938 г. в БССР было арестовано: по «польской» операции — 20 292 чел., по «немецкой» операции — 542 чел., по «латышской» операции — 1400 чел. (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 649. Л. 139, 141–142).

[3] Благодарю С. Б. Прудовского за это сообщение.

Соответственно, общее число приговоренных к ВМН по «кулацкой» и «национальным» операциям в БССР составляет около 26,5 тысячи чел. Эти данные прекрасно укладываются в названные В. И. Адамушко данные о количестве расстрелянных в период с 1935 по 1940 г. Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что в 1935–1940 г. в БССР по делам органов НКВД действительно было расстреляно 28 425 чел.[1]

Из этого, однако, следует, что оценка проводившегося в 1988–1989 гг. следствием общего числа захороненных в Куропатах («более 30 тысяч чел.») является ошибочной. Куропаты представляют собой типовую «спецзону», созданную местным НКВД для захоронения расстрелянных. Подобные «спецзоны» начали создаваться после начала «массовых операций» 1937–1938 гг. по достаточно простой причине: число расстрельных приговоров было столь высоко, что традиционная схема тайного захоронения расстрелянных на обычных кладбищах перестала работать. Историкам известны распоряжения о создании «спецзон»; так, например, начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю С. Н. Миронов-Король летом 1937 г. инструктировал своих подчиненных: «Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение — потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма»[2]. «Спецзоны» создавались не только при УНКВД, но и при подчиненных им оперсекторах. Наиболее известные «спецзоны» в Москве

[1] Стоит отметить, что в оперативно-статистическую отчетность о репрессивной деятельности органов госбезопасности не были включены данные о Катынском расстреле (см., напр.: *Мозохин О. Б.* Статистические сведения... С. 14). Однако у нас нет оснований не доверять высшим должностным лицам Белоруссии, неоднократно заявлявшим, что никаких данных о расстрелах польских граждан по так называемому белорусскому катынскому списку в архивах республики не выявлено.

[2] *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М., 2007. С. 53.

(Бутовский полигон и полигон «Коммунарка»[1]), Ленинграде (Левашовская пустошь[2]), Киеве (Быковня[3]). В Белоруссии, по недавнему признанию первого заместителя председателя КГБ Республики Беларусь генерал-майора И. П. Сергеенко, существовало 11 мест захоронений: в Минске, Бобруйске, Борисове, Витебске, Гомеле, Могилеве, Мозыре, Орше, Полоцке, Слуцке, Червене[4].

Понятно, что при таких условиях в Куропатах не могло быть захоронено «более 30 тысяч чел.» — реальное число расстрелянных в республике в период функционирования этой «спецзоны» составляет 28,5 тысячи чел. И похоронены они не в одном месте, а на 11 разных «спецзонах». Но сколько же тогда тел в действительности захоронено в лесном урочище под Минском? До открытия доступа к фондам Центрального архива КГБ Республики Беларусь точного ответа мы не узнаем. Однако обоснованное предположение сделать все-таки можно.

В 2010 г. начальник Центрального архива КГБ Республики Беларусь В. Дорошевич обнародовал данные о численности хранящихся в архивах белорусской госбезопасности архивно-уголовных дел сталинского периода. При этом были также обнародованы данные о числе лиц, в отношении которых заводились эти уголовные дела, с разбивкой по областям. Общее число дел, в отношении которых имеются архивно-уголовные дела (235 552 чел.), немного меньше, чем общее число репрессированных по делам органов госбезопасности, названное в свое время В. И. Адамушко (250 499 чел.). Это объясняется тем, что часть дел в советское время могла передаваться в архивы КГБ других республик, а также в Центр. Тем не менее благодаря данным,

---

[1] Расстрельные списки: Москва, 1935–1953. Донское кладбище (Донской крематорий). Книга памяти жертв политических репрессий / Под ред. Л. С. Ереминой, А. Б. Рогинского. М., 2005. С. 568.

[2] *Иофе В.* Проблема Левашовского могильника. URL: http://www.gulagmuseum.org/getFile.do?object=521653053&language=1 (дата обращения — 06.06.2017).

[3] Історична довідка. Національний історико-меморіальний заповідник «Биківнянські могили». URL: http://ua.bykivnya.org/page/storichniy_oglyad (дата обращения — 06.06.2017).

[4] История должна нас объединять. URL: https://www.sb.by/articles/istoriya-dolzhna-nas-obedinyat.html (дата обращения — 06.06.2017).

обнародованным В. Дорошевичем, мы получили возможность узнать, какой процент дел хранится в архиве КГБ в Минске. Оказывается, в Минске хранятся дела на 64 022 репрессированных, что составляет 27 % от общего числа имеющихся в наличии дел[1].

Получается, что в Минске велись уголовные дела 27 % репрессированных. Если число расстрельных приговоров составляло примерно такой же процент, то в 1937–1938 гг. в Минске к ВМН было приговорено около 7,5 тысячи чел. Интересно, что в 1998 г. генеральный прокурор Республики Беларусь О. Бажелко, основываясь на результатах дополнительных раскопок в Куропатах, назвал схожую цифру: до 7 тысяч чел.[2]

Как бы того ни хотелось людям, в политических целях инструментализирующим трагедию Куропат, в лесном урочище под Минском лежат не сотни и даже ни десятки тысяч расстрелянных. Однако из этого не следует, что память жертв сталинских репрессий не заслуживает увековечения.

Очерк 3. Откуда в куропатских могилах личные вещи расстрелянных?[3]

В июне 1988 г. в Куропатах — лесном урочище на окраине Минска — были обнаружены массовые захоронения людей, расстрелянных НКВД в 1937–1941 гг. Эта страшная находка, широко освещавшаяся в республиканской и союзной прессе, практически сразу же оказалась политически инструментализирована[4]. Объединившиеся в Белорусский народный фронт (БНФ) националисты под руководством

---

[1] *Волков В.* История без секретов // Рэспубліка. 2010. № 85 (12 мая). С. 6.

[2] Пресс-релиз Белорусского Хельсинкского комитета № 19 от 27.10.1998. URL: http://www.hrights.ru/text/belorus/b6/Chapter16.htm (дата обращения — 12.01.2017).

[3] Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7. С. 149–162. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

[4] *Ушакин С.* В поисках места между Сталиным и Гитлером: О постколониальных историях социализма // Ab Imperio. 2011. № 1.

З. Позняка использовали Куропаты для делегитимации советской власти; при этом число захороненных в лесном урочище людей беззастенчиво завышалось националистами до совершенно невообразимых цифр. Глава БНФ З. Позняк утверждал, что в Куропатах покоится 250 тысяч чел., тогда как реальное число расстрелянных в урочище составляло от 7 до 9 тысяч[1].

Ответной реакцией политических противников БНФ из числа коммунистов и пожилых, но традиционно активных ветеранов-партизан, стало создание Общественной комиссии, оспаривавшей причастность органов НКВД к массовым захоронениям в Куропатах. По мнению Общественной комиссии, на самом деле в куропатских могилах покоились жертвы нацистов, расстрелянные в 1941–1942 гг.; утверждения же о причастности к расстрелам органов НКВД являются прямой фальсификацией истории[2].

Доводы Общественной комиссии, однако, оказались неоднократно отвергнуты белорусскими правоохранительными органами. Проведенное в 1988–1989 гг. прокуратурой Белорусской ССР расследование установило, что расстрелы в Куропатах проводились органами НКВД со второй половины 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны[3]. В дальнейшем эти выводы были подтверждены дополнительными расследованиями, проведенными Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. К настоящему времени в белорусском обществе в целом установился консенсус относительно ответственности НКВД за куропатские расстрелы, однако сформулированные Общественной комиссией доводы

---

[1] *Дюков А. Р.* К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // Международная жизнь. 2017. № 7.

[2] Заключение общественной Комиссии по расследованию преступлений, совершенных на холме возле деревень Цна-Йодково — Зеленый Луг, который известен сегодня под названием «Куропаты». 1 июня 1992 г. URL: http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=487 (дата обращения — 10.08.2017); *Смолянко А.* Куропаты: гибель фальшивки. Документы и факты. Минск, 2011.

[3] *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... М., 1990.

обратного по-прежнему привлекают внимание, воспроизводятся и воспринимаются как вполне основательные[1].

Один из наиболее впечатляющих доводов в пользу «немецкого следа» связан с наличием в куропатских захоронениях большого количества личных вещей. По мнению членов Общественной комиссии, это прямое свидетельство в пользу того, что расстрелы не могли проводиться НКВД. В опубликованном в 1992 г. заключении Общественной комиссии отмечается: «Работавшие по уголовному делу археологи утверждают, что многие жертвы попадали в “Куропаты” прямо из дома или дороги. Об этом свидетельствуют и обнаруженные в захоронениях множество предметов личной гигиены и вещей длительного пользования: ювелирные изделия, мыльницы, зубные щетки, полотенца, носки, ремни, опасные бритвы... У заключенных, прошедших через тюрьмы НКВД, подобные вещи, утверждает начальник архивного отдела КГБ РБ Дашковский В. Н., изымались»[2].

Этот же аргумент приводится и в новейшей обзорной публикации, подготовленной А. Лазуткиным: «В захоронениях найдены вещи, которые никак не могут находиться у заключенных: колюще-режущие предметы, эмалированные кружки, миски, опасные бритвы, расчески, ювелирные украшения, охотничьи боеприпасы, проч. Между тем, смертников должны были отправлять на расстрел из внутренней тюрьмы НКВД, где личные вещи предварительно изымались и описывались»[3].

Член Общественной комиссии А. Смолянко обращал внимание еще на один факт, по его мнению, исчерпывающе свидетельствовавший о непричастности НКВД к расстрелам в Куропатах: «При [проведенной в 1998 г.] эксгумации захоронения № 10, в котором погребено 373 чел., установлено, что все вещи расстрелянных (сумки, саквояжи, чемоданы и пр.) были сожжены на костре, а пепел с несгоревшими металлическими предметами был заброшен в могилу при

1 *Лазуткин А.* Кто расстреливал Куропаты: НКВД или СС? URL: https://imhoclub.by/ru/material/kto_rasstrelival_kuropati_nkvd_ili_ss (дата обращения — 10.08.2017).

2 Заключение общественной Комиссии...

3 *Лазуткин А.* Кто расстреливал Куропаты: НКВД или СС?

ее засыпке. Какие еще нужны доказательства, что в могилах лежат жертвы фашистов?»[1]

На первый взгляд, процитированные доводы действительно кажутся убедительными. Однако убедительность эта — лишь кажущаяся; в основе рассуждений членов Общественной комиссии лежат ошибочные представления о процедуре исполнения смертных приговоров, практиковавшихся сотрудниками НКВД в 1937–1938 гг.

«Массовые операции» 1937–1938 гг. поставили органы НКВД перед целым рядом трудных для решения технологических задач, одной из которых была необходимость в сжатые сроки привести в исполнение по-настоящему огромное количество смертных приговоров. Сотрудникам городских и районных отделов НКВД необходимо было регулярно расстреливать десятки, а иногда и сотни людей — и проделывать это следовало без лишних эксцессов. Между тем весьма высока была вероятность, что осведомленные о вынесенном им смертном приговоре заключенные будут оказывать сопротивление — ведь терять-то им уже нечего. Не менее серьезная технологическая проблема была связана с необходимостью тайного захоронения тысяч тел расстрелянных. Традиционная схема тайного захоронения на обычных кладбищах в условиях «массовых операций» не срабатывала.

Вопрос о захоронении расстрелянных был решен путем создания так называемых «спецзон»; начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю С. Н. Миронов-Король летом 1937 г. инструктировал своих подчиненных: «Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение — потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма»[2]. «Спецзоны» создавались не только при УНКВД, но и при подчиненных им оперсекторах. В Белоруссии, по недавнему признанию первого заместителя председателя КГБ Республики Беларусь генерал-май-

---

[1] *Смолянко А.* Куропаты: гибель фальшивки. С. 123.

[2] Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М., 2010. С. 38.

ора И. П. Сергеенко, существовало 11 мест захоронений: в Минске, Бобруйске, Борисове, Витебске, Гомеле, Могилеве, Мозыре, Орше, Полоцке, Слуцке, Червене[1].

Был также скорректирован механизм приведения в исполнения смертных приговоров. Практически сразу же после начала массовых операций, 8 августа 1937 г., заместитель наркома внутренних дел М. П. Фриновский разослал в региональные подразделения НКВД указание о том, что приговоренным «по 1-й категории» (то есть к смертной казни) приговор объявлять не следует[2]. Расстрел становился для приговоренных неожиданностью; это практически исключало возможность сопротивления. Никаких дополнительных распоряжений относительно непосредственной процедуры смертной казни руководством НКВД, однако, издано не было; решение этого вопроса было фактически передоверено региональным подразделениям.

В последние годы в научный оборот весьма интенсивно вводятся материалы уголовных процессов, проводившихся в 1939–1941 гг. над уличенными в «нарушении социалистической законности» сотрудниками НКВД[3]. Эти материалы позволяют, помимо прочего, разобраться в том, как в 1937–1938 гг. в реальности выглядела процедура приведения в исполнение смертных приговоров, и проследить ее региональные особенности.

Начало было общим для всех регионов: поскольку объявление смертных приговоров было официально запрещено, приговоренным сообщалось о том, что они перевозятся в другое место: либо в другую тюрьму, либо в распоряжение вышестоящего органа для продолжения следствия[4], либо в исправительно-трудовой лагерь для отбывания на-

---

1 История должна нас объединять. URL: https://www.sb.by/articles/istoriya-dolzhna-nas-obedinyat.html (дата обращения — 06.06.2017).

2 Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнге. Київ, 2010. Ч. 1. С. 118.

3 *Виола Л.* Дело Уманского районного отдела УНКВД по Киевской области // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей. М., 2017; *Кокин С.* Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области — исполнители Большого террора // Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей. М., 2017.

4 Wielki terror: Operacja Polska 1937–1938. Warszawa; Kijów, 2010. Cz. 2. S. 1792.

казания[1]. После этого приговоренным возвращали вещи, отобранные у них при поступлении в тюрьму.

Далее сценарии варьировались. Например, в Умани заключенных после получения ими вещей заводили в подвальную комнату для удостоверения личности, а потом проводили в следующую комнату и расстреливали. Первоначально приговоренных расстреливали в одежде; потом с санкции начальства людям стали приказывать раздеваться — якобы для бани. Трупы под брезентом вывозились в кузовах машин на территорию местной «спецзоны» — к месту захоронения[2]. В других региональных подразделениях НКВД приговоренных сажали в машины и вывозили на «спецзону»; расстрел осуществлялся уже на месте[3].

Свидетельств о том, что перед расстрелами приговоренным возвращались изъятые у них личные вещи, сохранилось очень много. Вот, например, показания сотрудника комендатуры Житомирского УНКВД М. З. Глузмана: «Несколько этапов приговоренных мною было отправлено в УГБ, с которыми был произведен полный расчет. Деньги и ценности им были розданы на руки и отбирались в комендатуре перед расстрелом; большая часть из них расхищалась членами [расстрельной] бригады»[4]. Аналогичную картину рисует допрошенный в конце 1980-х гг. вахтер комендатуры НКВД БССР С. М. Захаров: «Уходя из тюрьмы, они забирали все свое, как мы назвали, "приданое". Я сам видел в руках осужденных свертки и сумки с вещами. Они выходили с ними из машины, а назад никто ничего не возвращал»[5]. Эта информация подтверждается показаниями заведующего складом комендатуры НКВД БССР А. А. Знака: «Обычно заключенным, которых собирались расстреливать, объявляли, что их вызывают из камер с вещами. Они приходили на склад, забирали свои пальто, полушубки, все другие принадлежавшие им вещи и в со-

---

[1] *Виола Л.* Дело Уманского районного отдела УНКВД... С. 85.

[2] Там же. С. 85–86.

[3] *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... С. 162, 164.

[4] Wielki terror: Operacja Polska 1937–1938. Cz. 2. S. 1792.

[5] *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... С. 162.

провождении конвоира направлялись к “черному ворону”. Машина покидала территорию тюрьмы, увозя людей вместе со всеми их пожитками. Те, кто исполнял приговоры, рассказывали, что вслед за расстрелянными в могилу сбрасывали и вещи. Во всяком случае мне на склад никогда ничего не возвращали»[1].

О наличии у приговоренных в момент расстрела личных вещей свидетельствуют также показания коменданта Житомирского УНКВД М. И. Лазоркина: «Были случаи, когда пятна крови проходили на улицу, т. к. кровь с автомашины смывали во дворе, и красная от крови вода по канаве вытекала на улицу... Теперь мы приспособились, и весь двор обсыпаем опилками, а машины обкладываем сперва разным барахлом с убитых же — пиджаки, кожухи — и теперь кровь не протекает»[2]. Надзиратель тюрьмы М. А. Соснов уточнил: «Ту одежду, которая идет на подстилку в автомашины, мы не учитываем, т. к. нужно побыстрей отвезти расстрелянных, а те вещи, которые остаются и не расходуются на подстилку машины, мы им ведем учет»[3].

Наличие у расстреливаемых личных вещей и денег провоцировало мародерство; об этом свидетельствуют показания оперуполномоченного угрозыска Куйбышевского районотдела УНКВД по Новосибирской области М. Качана: «При исполнении приговоров изымались деньги, которые затем тратились на попойки. Однажды мы нашли мало денег, так Малышев сказал, что сегодня были бедняки. Эти деньги никуда не сдавались»[4]. В Запорожском горотделе УНКВД по Днепропетровской области имела место аналогичная практика: «Вахтер Сабанский обыскивал трупы, собирал деньги»[5]. В Умани вещи и деньги расстрелянных делились между исполнителями. Однако в конце концов эта практика была прекращена: жена одного из расстрелянных сообщила, что увидела вещи мужа на базаре. Приехавшая из Киева комиссия административно-хозяйственного отдела УНКВД приказала вернуть

---

[1] *Тарновский Г. С., Соболев В. В., Горелик Е. Г.* Куропаты: следствие продолжается... С. 164.

[2] *Кокин С.* Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области... С. 120.

[3] Там же.

[4] *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М., 2007. С. 63.

[5] Там же. С. 70.

имущество расстрелянных. Вещи были собраны, «уничтожены и преданы земле»[1]. Не вызывает особых сомнений, что вещи хоронили там же, где и их прежних хозяев, — искать новое место было бы лишней тратой сил.

То, что сотрудники расстрельных команд присваивали вещи расстреливаемых, вызывалось не только алчностью. Начальник Житомирского УНКВД Г. М. Вяткин впоследствии отмечал: «Некоторые работники УНКВД... после проведения операции свои сапоги и другие вещи обменивали, так как в своих вещах прийти в квартиру не имели возможности в силу специфических условий работы»[2]. Об этих «специфических условиях работы» мы можем судить по откровенным показаниям заместителя начальника контрразведывательного отдела УНКВД по Иркутской области Б. П. Кульвеца: «В неприспособленных районных условиях приходилось таскать [трупы] на себе, я приходил с операции обмазанный кровью»[3]. Таким образом, присваивание вещей расстрелянных в ряде случаев было вызвано тем, что личные вещи сотрудников НКВД в ходе расстрелов и переноски трупов оказывались безнадежно испорчены кровью. Примененное для описания этой ситуации слово «обмен» свидетельствует о том, что вещи участников расстрельной команды, скорее всего, шли на «подстилку» кузовов автомобилей и впоследствии оказывались в могилах.

Раскопки, проводимые на местах захоронений жертв массовых операций 1937–1938 гг., подтверждают признательные показания сотрудников НКВД: в могилах в больших количествах обнаруживаются личные вещи. Так, например, при раскопах на территории Бутовского полигона под Москвой было обнаружено: «Значительную часть поверхности исследованного погребения занимала бесформенная груда осенне-зимней одежды и обуви, в основном хорошей сохранности: пальто, брезентовая ткань, кожаные куртки (среди них женская, европейского происхождения), шерстяные женские платки, кепки, сапоги, валенки, туфли, галоши... В этой части погребения человеческие

---

1 *Виола Л.* Дело Уманского районного отдела УНКВД... С. 86.

2 *Кокин С.* Расплата. Сотрудники УНКВД по Житомирской области... С. 123–124.

3 *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров... С. 68.

останки лишь угадывались под слоем одежды и обуви»[1]. Аналогичные находки обнаруживаются и при раскопке других захоронений[2].

Как видим, и данные в разное время показания чекистов, и археологические раскопки показывают, что абсолютно ничего странного в наличии в захоронениях жертв «массовых операций» НКВД личных вещей нет.

Практиковавшаяся в 1937–1938 гг. процедура исполнения смертных приговоров предполагала возвращение приговоренным их личных вещей. В случае если расстрелы осуществлялись на «спецзонах», в захоронении оказывались практически все личные вещи. В случае если расстрелы осуществлялись в тюрьме или здании УНКВД, часть личных вещей могла расхищаться мародерами или снова передаваться на склад; однако и в этом случае вместе с телами расстрелянных на места захоронения доставлялось немало личных вещей, использовавшихся для «подстилки» кузовов машин.

Не является удивительным и описанный А. Смолянко случай уничтожения на «спецзоне» личных вещей расстрелянных: подобные методы применялись для предотвращения мародерства и сохранения секретности.

Таким образом, утверждение о том, что наличие в куропатских захоронениях личных вещей расстрелянных прямо указывает на «немецкий след», является ложным.

Очерк 4. О численности арестованных жителей Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1940 гг.[3]

Двадцать лет, минувшие после распада Советского Союза и «архивной революции», не прошли даром для исследователей советской

---

1 *Каледа К., Алексеев С., Разумов А., Головкова Л.* Исследования последних лет на Бутовском полигоне // Бутовский полигон, 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1999. Вып. 3. С. 11.

2 *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров... С. 68.

3 Впервые опубликовано в сокращенном варианте: *Дюков А. Р.* Умножение репрессированных: об одном случае научной непорядочности // REGNUM, 29.08.2011.

репрессивной политики. Благодаря доступности архивных документов российские и зарубежные историки смогли детально изучить общую статистику советских репрессий, механизмы проведения и последствия конкретных репрессивных акций, региональные особенности советской репрессивной политики[1]. Многие темы, связанные с советскими репрессиями, нуждаются в более глубоком всестороннем исследовании[2], однако общая картина советских репрессий уже нарисована и едва ли подвергнется принципиальным изменениям. В этой ситуации очень интересно исследовать механизм появления в историографии заведомо завышенных, находящихся в прямом противоречии с введенным в научный оборот комплексом архивных документов статистических «данных» о советских репрессиях. Порою эти «данные» восходят к цифрам, изобретенным нацистской пропагандой[3]; порою — базируются на неправильных оценках американских советологов времен «холодной войны». Однако самый интересный (в том числе с методологической точки зрения) случай появления подобных «данных» — неправильное истолкование подлинных архивных документов.

Наиболее часто в неумении «прочитать» документ можно заметить не имеющих профильного образования околоисторических публицистов. Так, например, одиозный публицист Ю. И. Мухин

---

[1] Подробные историографические обзоры см.: *Кропачев С. А.* От лжи к покаянию: Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. СПб., 2011; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М., 2009.

[2] Практически идеальным примером подобного всестороннего исследования нам видится недавно завершенный германо-российско-украинский проект «Большой террор в советской провинции, 1937–1938 гг.», существенно скорректировавший представления историков об осуществлявшейся на основе приказа № 00447 «массовой операции». См.: Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009; Великий терор в Україні: «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнге. Київ, 2010. Ч. 1–2, и др.

[3] Об использовании официальными эстонскими историками «данных» организованной нацистами пропагандистской комиссии ZEV см.: *Дюков А. Р.* Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007.

попытался объявить «поддельной» докладную записку Берия от 2 ноября 1940 г. о возможности формирования польских и чешских военных подразделений в СССР[1] на основании якобы содержащихся в ней противоречий[2]. Однако на самом деле указанные Ю. И. Мухиным противоречия — кажущиеся и без труда могут быть объяснены при привлечении дополнительных документов[3].

Едва ли можно ожидать адекватного истолкования документов от не обладающего должными источниковедческими навыками публициста. Гораздо более тревожным является тот факт, что и некоторые академические ученые-историки не могут или не желают проводить научную критику выявленных ими документов, предпочитая этой кропотливой работе «сенсационные» заявления.

Накануне семидесятилетней годовщины начала Второй мировой войны, 26 августа 2009 г., сотрудница Института всеобщей истории РАН к.и.н. Н. С. Лебедева опубликовала в «Новой газете» статью, в которой утверждала, что только в период с сентября 1939 по 1 декабря 1940 г. в Западной Украине и Западной Белоруссии советскими властями было репрессировано около 700 тысяч чел. «Недавно в деле, переданном из Архива президента в РГАСПИ, я обнаружила записку Берии, направленную 12 декабря 1940 г. Сталину, — писала Н. С. Лебедева. — В ней он подвел итог работы "по очищению от антисоветского и враждебного элемента", проделанной органами НКВД с сентября 39-го по 1 декабря 1940 г. в Западной Украине и Западной Белоруссии. За этот период (цитирую) "было арестовано до 407 тыс. чел., <...> и выселено в Казахстан и северные области СССР — 275 784 чел.". Таким образом, до 1 декабря 1940 г. были репрессированы около 700 тысяч жителей западных областей УССР и БССР»[4]. Полгода спустя, накануне трагической годовщины Катынского расстрела, Н. С. Лебедева повторила этот тезис в интервью информационному

[1] Опубл.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 191–193.

[2] *Мухин Ю. И.* Антироссийская подлость. М., 2003.

[3] Подробнее см.: *Дюков А. Р.* Об историках и ламерах // Дуэль. 2007. № 18–19.

[4] *Лебедева Н.* Четвертый раздел Польши // Новая газета. 2009. 26 августа.

агентству РИА «Новости»[1]. Не замедлили и научные публикации: в 2009–2010 гг. Н. С. Лебедева трижды с небольшими изменениями издала статью «Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР», в которой писала: «12 декабря 1940 г. Берия в докладной записке Сталину и Молотову подвел итог работы “по очищению от антисоветского и враждебного элемента”, проделанной органами НКВД с сентября 1939 по 1 декабря 1940 г. За этот период “было арестовано до 407 000 чел. (в том числе перебежчиков 39 411 чел.) и выселено в Казахстан и северные области СССР – 275 784 чел., в том числе осадников – 134 463, членов семей репрессированных – 59 787 и беженцев, желающих выехать на территорию Германии, но не принятых германским правительством, – 80 397 чел.”... Как свидетельствуют документы, преступления советских властей против польских военнопленных и мирных граждан не были отдельными эксцессами или случайными эпизодами»[2].

Все три сборника, в которых была опубликована данная статья Н. С. Лебедевой, были изданы в рамках официальной российской «исторической политики» – под грифами Комиссии при Президенте РФ по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России и Российско-польской группы по сложным вопросам. Таким образом, утверждения Лебедевой о 700 тысячах репрессированных (и 407 тысячах арестованных) советскими властями на территории Западной Украины и Западной Белоруссии получили не только научный, но и официальный политический статус – несмотря на их прямое противоречие всей современной историографии вопроса.

---

1 *Lebedeva N.* Katyn: A difficult road to the truth // RIA Novosti, 12.04.2010.

2 *Лебедева Н. С.* Польша между СССР и Германией, 1939–1941 // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 225. См. также: *Лебедева Н. С.* Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под общ. ред. М. М. Наринского, С. Дембского. М., 2009. С. 444; *Лебедева Н. С.* Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // «Завтра может быть уже поздно...»: Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 245.

Еще в 1997 г. сотрудники российского общества «Мемориал» О. А. Горланов и А. Б. Рогинский, основываясь на большом массиве рассекреченных статистических данных НКВД, продемонстрировали, что общее число арестованных дорожно-транспортными отделами НКВД, областными управлениями НКВД и Особыми отделами военных округов в западных областях Украины и Белоруссии в период с сентября 1939 по май 1941 г. составляло около 108 тысяч чел.[1] Сходные по масштабам данные содержатся в статистических сведениях НКВД, опубликованных в 2006 г. О. Б. Мозохиным. Согласно этому источнику, за период 1939–1940 гг. на Западной Украине и в Западной Белоруссии было арестовано 91 227 чел.[2], что хорошо согласуется с данными Горланова и Рогинского (данные по региону за 1941 г. у Мозохина отсутствуют). Согласуется с этими данными и информация, приводимая в фундаментальной монографии украинского исследователя В. Н. Никольского. Основываясь на документах архива Службы безопасности Украины, Никольский пишет о 48 тысячах арестованных за период 1939–1940 гг. в западных областях Украины[3]. Соотносятся с данными Горланова и Рогинского и оценки польских историков, пишущих о примерно 110 тысячах арестованных в регионе[4].

---

[1] *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Цит. по: http://www.memo.ru/history/POLAcy/GORROG_C.htm (дата обращения 29.08.2011).

[2] *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. 2-е изд., расш. и доп. М., 2011. С. 467, 476.

[3] *Никольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.): Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. С. 200.

[4] См., напр.: *Головацкий А.* Польша между СССР и Германией, 1939–1941 // Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 277; *Hryciuk G.* Victims 1939–1941: The Soviet Repressions in Eastern Poland // Shared History — Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / Ed. by E. Barkan, E. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007. P. 182.

Как видим, среди исследователей уже сформировался консенсус относительно общей численности арестованных органами НКВД в Западной Украине и Белоруссии, причем этот консенсус основан на солидной источниковой базе. В этой ситуации элементарная научная порядочность требует от исследователя, обнаружившего архивный документ с гораздо более высокими цифрами арестованных, отметить при публикации противоречие содержащихся в документе данных уже введенной коллегами-историками в оборот статистике. Было бы абсурдно предположить, что Н. С. Лебедева не знакома с фундаментальным исследованием Горланова и Рогинского или с позицией польских исследователей. Тем не менее она полностью игнорирует всю историографию проблемы и подает сомнительные данные из докладной Берия как истину в последней инстанции. Подобный подход не имеет ничего общего с научной корректностью; скорее это напоминает манипуляции ангажированных публицистов вроде Ю. И. Мухина.

Н. С. Лебедевой также необходимо было попытаться объяснить причины противоречия данных докладной Берия установленной историками статистике советских репрессий в западных областях Украины и Белоруссии. Этого — еще один штрих к вопросу о научной порядочности — сделано не было. Между тем обращение к уже давно введенным в научный оборот статистическим данным позволяет, на наш взгляд, решить эту проблему.

Для начала обратимся к приводимым в докладной Берия данным о количестве выселенных из Западной Украины и Западной Белоруссии. В докладной говорится о том, что по состоянию на 1 декабря 1940 г. «выселено в Казахстан и северные области СССР — 275 784 чел., в том числе осадников — 134 463, членов семей репрессированных — 59 787 и беженцев, желающих выехать на территорию Германии, но не принятых германским правительством, — 80 397 чел.»[1]. Сравним эти данные со статистикой, выявленной исследователями. В 1939–1940 гг. советскими властями было проведено три операции по массовому выселению из региона: в феврале 1940 г. («осадники»), апреле 1940 г. (члены семей репрессированных) и конце июня — начале июля 1940 г. («спецпереселенцы-беженцы»). Согласно основы-

[1] *Лебедева Н. С.* Польша между СССР и Германией, 1939–1941. С. 225.

вающимся на данных конвойных войск НКВД «эшелонным» оценкам историка А. Э. Гурьянова, количество высланных в 1940 г. составляло: «осадников» — около 139 тысяч чел., членов семей репрессированных — более 56 тысяч чел. + 2 эшелона неустановленной численности, «спецпереселенцев-беженцев» — 75 тысяч чел.[1]. Н. Л. Поболь и П. М. Полян приводят отчетные документы НКВД, в которых содержатся схожие цифры: выселенных «осадников» — 139 167 чел.[2], членов семей репрессированных — 59 444 чел.[3], «спецпереселенцев-беженцев» — 90 511 чел.[4] Как видим, принципиальных различий между данными, содержащимися в докладной Берия, документах конвойных войск (А. Э. Гурьянов) и отчетных документах НКВД (Н. Л. Поболь, П. М. Полян), нет. Все эти данные хорошо согласуются между собой; разброс в цифрах лежит в пределах объяснимого.

Таким образом, единственное противоречие данных докладной Берия остальным документам — информация об аресте «до 407 000 чел.». На наш взгляд, это объясняется небрежностью при составлении докладной. Дело в том, что в отчетной статистике органов НКВД имелось пять граф «движения следственных арестованных и привлеченных без ареста»: «всего прибыло», «вновь арестовано», «привлечено без ареста», «прибыло из других органов», «прибыло на доследование». Данные о числе арестованных отображались в графе «вновь арестовано»[5]. Обобщив данные за 1939–1940 гг., опубликованные О. А. Горлановым и А. Б. Рогинским, мы видим, что за этот период общее движение «следственных арестованных» органами НКВД западных областей Украины и Белоруссии составило 115 638 чел., в том числе вновь арестованных — 94 830 чел.[6] На наш взгляд, 407 тысяч

---

1 *Гурьянов А. Э.* Польские спецпоселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Цит. по: http://www.memo.ru/history/POLAcy/G_1.htmдата обращения — 29.08.2011).

2 Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005. С. 131.

3 Там же. С. 146, 148. Рассчитано автором.

4 Там же. С. 158.

5 Подробно о содержании этих граф см.: *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях...

6 Там же. Табл. 2, 3.

арестованных в докладной Берия появились в результате сложения сотрудниками секретариата Берия данных графы «всего прибыло» по органам НКВД Западной Украины и Западной Белоруссии (напомним, что эта графа была первой, на которую падал взгляд) с данными о количестве выселенных. Иными словами, интересующий нас абзац докладной должен читаться следующим образом: «было арестовано до 407 000 чел. (в том числе перебежчиков 39 411 чел.) и [в том числе] выселено в Казахстан и северные области СССР – 275 784 чел.». Следует отметить, что подобная путаность изложения свойственна и ряду других документов конца 1940 г. за подписью Берия. В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся докладную записку Берия от 2 ноября 1940 г., первые несколько абзацев которой нельзя понять без привлечения дополнительных документов[1]. По всей видимости, подобные случаи связаны либо с низким уровнем квалификации сотрудников, готовивших докладные, либо с большой спешкой при подготовке этих документов.

Трудно предположить, что руководитель Центра публикации документов по истории XX века Института всеобщей истории РАН Н. С. Лебедева не только не владеет историографией проблемы, но и не способна «прочитать» сомнительное место в документе. Следовательно, речь может идти о намеренном введении в оборот заведомо завышенных данных о количестве репрессированных. Это не первый случай; в 2008 г. Н. С. Лебедевой было сделано абсолютно абсурдное утверждение о том, что в период с 1937 по 1941 г. в Советском Союзе было репрессировано 11 миллионов чел.[2] Несмотря на прозвучавшую критику, это утверждение так и не было дезавуировано.

На наш взгляд, речь идет о намеренном пренебрежении Н. С. Лебедевой научной этикой и методами научного исследования с целью формирования неадекватных представлений о масштабах советских репрессий. Это само по себе плохо; однако еще хуже то, что не имеющая отношения к науке деятельность Н. С. Лебедевой публикуется под видом официальной российской позиции.

Насколько опасны для науки подобные манипуляции, показывает история появления легенды о «миллионе депортированных» из

---

[1] См.: *Дюков А. Р.* Об историках и ламерах // Дуэль. 2007. № 18–19.

[2] См.: *Дюков А. Р.* The Soviet Story: механизм лжи. М., 2008. С. 64–66.

Западной Украины и Западной Белоруссии. Эта легенда была введена в научный оборот В. С. Парсадановой, опубликовавшей в 1989 г. статью, в которой утверждалось, что из указанных регионов якобы было выселено 1 173 170 чел.[1] Несмотря на то что данная цифра представляла собой общее число состоявших на учете труд- и спецпоселенцев (включая «кулацкую высылку»), она получила распространение в историографии[2], а официальная Варшава только в 2009 г. отказалась от заведомо противоречащей документам «миллионной» оценки количества депортированных советскими властями бывших польских граждан[3].

Будем надеяться, что второй раз подобного не произойдет, что попытки Н. С. Лебедевой по «умножению» репрессированных будут адекватно оценены профессиональным сообществом и никогда не появятся в научной историографии.

---

1 *Парсаданова В. С.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 36.

2 Подробнее см.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 91–92, сноска.

3 См.: Варшава втрое снизила оценку числа сосланных в Сибирь поляков. URL: http://www.lenta.ru/news/2009/08/26/poland/ (дата обращения — 29.08.2011).

НАКАНУНЕ ХОЛОКОСТА: ФРОНТ ЛИТОВСКИХ АКТИВИСТОВ И СОВЕТСКИЕ РЕПРЕССИИ В ЛИТВЕ, 1940–1941 ГГ.[1]

22 июня 1941 г., сразу же после нападения нацистской Германии на Советский Союз, на территории Литвы начали действовать вооруженные формирования Фронта литовских активистов (Lietuvos Aktyvist Frontas, ЛАФ) — подпольной националистической организации, созданной осенью 1940 г. и тесно связанной с германскими разведслужбами. В литовской историографии эти события получили название «Июньское восстание». Отряды литовских активистов, или, как их называют в современной Литве, «национальных партизан», совершали диверсии в тылу советских войск, нападали на мелкие подразделения Красной Армии и государственные учреждения, устраивали массовые расправы над коммунистами, просоветски настроенными литовцами и, в первую очередь, над евреями. Постановлением сформированного Фронтом литовских активистов так называемого Временного правительства Литвы был создан первый на оккупированной нацистами территории концлагерь для евреев, а «национальные партизаны» деятельно участвовали в «работе» айнзацгруппы «А».

В том же июне 1941 г., за неделю до нацистского вторжения советскими властями была проведена массовая депортация «антисоветского элемента» с территории Литвы. С 14 по 15 июня органами НКГБ-НКВД было «изъято» около 17,5 тысячи чел. Примерно 5 тысяч из них были арестованы и направлены в лагеря ГУЛАГа, 12,5 тысячи (в том числе много женщин и детей) — высланы на поселение в отдаленные районы СССР. Депортация 14 июня 1941 г. стала самой массовой репрессивной акцией советских властей в предвоенной

---

[1] В основу статьи положено предисловие к сборнику документов «Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.» (М.: Фонд «Историческая память», 2012).

Литве; во внутренних документах советских органов госбезопасности в качестве причины массовой депортации называлась необходимость борьбы с прогерманским националистическим подпольем — тем самым объединенным Фронтом литовских активистов.

Даже предельно сжатое описание «Июньского восстания» и июньской депортации 1941 г. порождает целый ряд вопросов. Как связаны между собой деятельность Фронта литовских активистов и советская депортация 14 июня 1941 г.? Действительно ли депортация стала ответом советских властей на подрывную деятельность пронацистского литовского националистического подполья? Или, может быть, депортация планировалась советскими властями заранее и была бы проведена вне зависимости от подпольной деятельности ЛАФ? Справедливо ли утверждение, что «Июньское восстание» стало ответом литовцев на массовое выселение соотечественников, или, может быть, это выступление было подготовлено задолго до депортации и не имело к ней прямого отношения? И чем же были массовые убийства евреев литовскими «национальными партизанами» летом 1941 г. — жестокой реакцией на жестокую депортацию или заблаговременно спланированным преступлением, не имевшим прямого отношения к депортации?

Эти вопросы привлекают заметное общественное внимание — ведь от ответов на них зависят оценки событий лета 1941 г. в Литве и их акторов. Неудивительно, что ответы сильно зависят от политических убеждений участников дискуссии и зачастую носят спекулятивный характер. Так, например, репрессивная деятельность советских органов внутренних дел и государственной безопасности в Литве в 1940–1941 гг. на первый взгляд может показаться хорошо исследованной историками. За последние двадцать лет в Литве были выпущены десятки, если не сотни работ, в той или иной степени затрагивающих тему репрессий «первого года» советской власти, составлены многотомные списки жертв советских репрессий[1]. Эта достойная похвалы исследовательская активность

---

[1] Наиболее известными являются работы, подготовленные в рамках деятельности «Международной комиссии по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве»: *Anušauskas A.* Pirmoji sovietinė okupacija. Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui = The

кажется особо впечатляющей на фоне невнимания к данной теме российских и западноевропейских исследователей[1]. Однако, отдавая должное интенсивности работы литовских историков, невозможно не заметить, что во многом литовская историография советских репрессий «первого года» остается весьма шаблонной, односторонней и несвободной от фактических ошибок. Загнанная в прокрустово ложе официально утвержденной историко-политической доктрины[2] литовская историография просто не рассматривает таких вопросов, как, например, мотивация репрессивной деятельности советских властей[3]. Не менее печальны не выдерживающие критики, но весьма настойчивые попытки ряда литовских историков отождествить советские репрессии с геноцидом – попытки, на наш взгляд,

First Soviet Occupation. Terror and Crimes against Humanity. Vilnius, 2006; *Maslauskienė N., Petravičiūtė I.* Okupantai ir kolaborantai: Pirmoji sovietinė okupacija (1940–1941) = Occupants and Collaborators: The First Soviet Occupation (1940–1941). Vilnius, 2007.

1 Как правило, тема советских репрессий в Литве не рассматривается как отдельная тема; дело ограничивается упоминанием депортации 14 июня 1941 г. в общем контексте советских предвоенных депортаций мая–июня 1941 г. и изучением судеб депортированных. См.: *Гурьянов А. Э.* Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае–июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Вып. 1; *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Сталинские депортации 1928–1953: Документы / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005.

2 Наличие официальной закрепленной историко-политической доктрины в настоящее время характерно для всех стран Прибалтики. См., напр.: *Дюков А. Р., Симиндей В. В.* В плену у этнократии: О политической ангажированности латвийской официальной историографии // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 188–204.

3 Лишь недавно отдельные историки стали признавать правомерность постановки вопроса о связи решения о проведении депортации 14 июня 1941 г. со стремлением советских властей предотвратить расширение деятельности нацистских спецслужб в прибалтийских республиках в условиях приближающейся войны. См.: *Jansons R.* Tariamų ir tikrų Vokietijos šnipų veikla Latvijoje 1941 m. birželio–liepos mėnesiais // Tarptautinė konferencija «SSRS ir Vokietijos karo pradžia Baltijos šalyse 1941 metais». 2011 m. birželio 29 d. URL: http://www3.lrs.lt/docs2/SAWOGISF.PDF (дата обращения – 10.11.2011).

имеющие скорее политический, чем научный характер[1]. Подобная практика принимает вызывающие беспокойство масштабы; известный литовский историк А. Каспарявичюс отмечает, что «ряд авторов, ниспровергая старые советские мифы, внедряют новые, используют неадекватные понятия, преувеличения и умозрительные заключения. Так, даже один из крупнейших исследователей советского периода истории Литвы А. Анушаускас сводит все проявления репрессий к сознательному истреблению — геноциду литовского народа»[2].

Политической (само)цензурой литовских исследователей, по всей видимости, объясняется и тот факт, что репрессивная деятельность советских властей, как правило, рассматривается без учета общего контекста; в некоторых работах о репрессиях советских властей даже не упоминается о том, что у советских органов госбезопасности в Литве существовал реальный противник — сотрудничавшее с нацистскими спецслужбами подполье Фронта литовских активистов[3]. Советские репрессии рассматриваются как нечто изначально запрограммированное, неизбежное следствие присоединения Литвы к Советскому Союзу. Однако подобный подход не носит аксиоматического характера, он должен быть серьезно аргументирован, в том числе с опорой на аутентичные документы. К сожалению, какой-либо серьезной аргументации правильности подобного подхода в работах литовских историков мы не находим.

Гораздо лучше обстоят дела в области изучения деятельности Фронта литовских активистов; историками опубликован целый ряд глубоких исследований, посвященных различным аспектам деятель-

---

1 Эта практика была подробно рассмотрена нами на примере официальной эстонской историографии советских репрессий: *Дюков А. Р.* Миф о геноциде. Репрессии советских властей в Эстонии, 1940–1953. М., 2007.

2 *Каспарявичюс А.* Проблемы истории Литвы советского периода в литовской историографии после 1990 г. // XXI век. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы международной научной конференции. Минск, 2004. С. 151.

3 Наиболее показательный пример подобного рода: *Anušauskas A.* Pirmoji sovietinė okupacija. Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui = The First Soviet Occupation. Terror and Crimes against Humanity. Vilnius, 2006.

ности ЛАФ, в том числе ее антисемитской идеологии и практике[1]. Несмотря на это, репрезентация руководства и боевиков ЛАФ как героев в белых (или почти что белых) одеждах по-прежнему остается весьма популярной не только у политиков, но и в академической среде. Помимо попыток преуменьшить ответственность ЛАФ за убийства евреев, важным аргументом для оправдания «национальных партизан» становится постулируемая жестокость репрессивной политики «первого года» советской власти в Литве. Однако, как уже указывалось выше, подобная аргументация требует фактических доказательств.

По нашему убеждению, при обсуждении дискуссионных и болезненных для общества вопросов истории крайне полезным является максимально широкое привлечение документальных источников. Введение в научный оборот новых документов позволяет тщательно аргументировать свою позицию; однако гораздо более важным следствием расширения источниковой базы становится возможность сужения круга возможных интерпретаций за счет «отсечения» тех из них, которые находятся в прямом противоречии с выявленными источниками и, следовательно, носят явно спекулятивный характер.

К настоящему времени нами изучен и опубликован комплекс документов, позволяющий, во-первых, составить представление об идеологии, планах и конкретной деятельности Фронта литовских активистов и, во-вторых, прояснить масштабы и динамику репрес-

[1] *Kwiet K.* Rehearsing for Murder: The Beginning of the Final Solution in Lithuania in June 1941 // Holocaust and Genocide Studies. 1998. Vol. 12. № 1; *Truska L.* Contemporary attitudes toward the Holocaust in Lithuania // Jews in Eastern Europe. 2001. № 2; *Truska L.* The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations (June 1940 – June 1941) // Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje XIX a. antroji pusė – 1941 m. birželis = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania (Second Half of the 19th century – June 1941). Vilnius, 2004; *Труска Л.* Литовцы и евреи накануне холокоста (1940–1941 гг.) // Диаспоры. 2005. № 3. С.197–231; *Dieckmann C., Sužiedėlis S.* Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį = The Persecution and Mass Murder of Lithuanian Jews during Summer and Fall of 1941. Vilnius, 2006; *Dieckmann C.* Lithuania in Summer 1941: The German Invasion and the Kaunas Pogrom // Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / Ed. by E. Barkan, E. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007, и др.

сивной деятельности советских органов госбезопасности в Литве, ее мотивы, процесс подготовки и проведения конкретных репрессивных акций (в первую очередь — депортации июня 1941 г.), роль союзных и республиканских органов НКВД-НКГБ в осуществлении репрессивной деятельности[1].

Изученные нами документы показывают, что традиционное представление об изначальном наличии у советских властей планов по проведению массовых репрессий в присоединенной к СССР республике основано не на фактах, а на затянувшемся историографическом недоразумении.

Достаточно долгое время в качестве «доказательства» существования подобных планов назывался приказ НКВД СССР № 001223 от 11 октября 1939 г.[2] Эмигрантские прибалтийские историки (а вслед за ними и другие[3]) утверждали, что именно на основе этого приказа осуществлялась депортация 14 июня 1941 г. Получалось, что подготовка советских властей к проведению массового выселения «антисоветского элемента» из Литвы началась еще осенью 1939 г., до вхождения республики в Советский Союз. Однако это утверждение было построено на неверной атрибутации документа; за реально существовавший приказ НКВД СССР № 001223 от 11 октября 1939 г. ошибочно принималась опубликованная немецкими пропагандистами еще в 1941 г. инструкция о проведении депортации из республик Прибалтики за подписью заместителя наркома госбезопасности СССР

---

[1] См.: Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. Сборник документов / Сост. А. Р. Дюков. М., 2012. Литовский перевод: Holokausto išvakarėse: dokumentų rinkinys, 1940–1941 metai / Sudarytojas A. Diukov; Vertėjas V. Stančikas. Vilnius, 2014.

[2] См., напр.: These names accuse: Nominal list of Latvians deported to Soviet Russia in 1940–1941. Stockholm, 1951; The Baltic States 1940–1972: Documentary background and survey of developments presented to the European Security and Cooperation Conference. Stockholm, 1972. P. 49–50; *Штромас А.* Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР (по материалам западной печати). М., 1989. С. 99.

[3] Не удержались от воспроизведения этой ошибки и российские историки: *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008. С. 126; *Кантор Ю. З.* Прибалтика: война без правил (1939–1945): Фрагменты из книги // Звезда. 2011. № 5.

И. Серова, датируемая началом июня 1941 г.[1] Впервые на ошибочность отождествления «инструкций Серова» с приказом № 001223 указал еще в конце 70-х гг. XX века финский историк С. Мюллюниеми[2]; после того как историкам стали доступны документы советских спецслужб, ошибочность подобной атрибутации была признана и рядом прибалтийских историков[3].

Однако это признание ошибки не привело к отказу от концепции о заблаговременной подготовке советскими властями массовых репрессий и депортаций в республиках Прибалтики и конкретно в Литве. Из многочисленных сохранившихся документов республиканских НКВД-НКГБ следовало, что в соответствии с приказом № 001223 осуществлялся оперативный учет «антисоветского элемента»; соответственно, было высказано предположение, что речь шла об учете тех, кто намечался к аресту или депортации. Ссылаясь на адаптировавший приказ № 001223 к местным условиям приказ НКВД Литовской ССР № 0054 от 28 ноября 1940 г.[4], уже упоминавшийся историк А. Анушаускас утверждает, что подлежавшие постановке на оперативный учет лица включались в списки на арест[5].

Подобное предположение, разумеется, имеет право на существование — до тех пор, пока о содержании приказа № 001223 было известно

---

[1] LYA. Ф. 135. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–9. Опубл.: Die Sowjetunion und die Baltischen Staaten. Berlin, 1941. S. 38–46; *Maslauskienė N., Petravičiūtė I.* Okupantai ir kolaborantai: Pirmoji sovietinė okupacija (1940–1941). P. 291–299.

[2] *Myllyniemi S.* Die Baltische Krise, 1938–1941. Stuttgart, 1979. S. 80–81.

[3] Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / Пер. с эст. А. Бабаджана, Т. Верхнеустинской, Э. Вяри. Таллинн, 2005. С. 14; *Anušauskas A.* Pirmoji sovietinė okupacija. Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui. P. 66. См. также весьма ценные замечания П. М. Поляна: Сталинские депортации. С. 780.

[4] Впервые опубликовано в переводе с русского на литовский язык: Lietuvių Archyvas. Bolševizmo Metai I. Kaunas, 1942. Перевод с русского на английский язык: Lituanus. Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. 1988. Vol. 34. № 4. В обратном переводе на русский язык: Накануне Холокоста... С. 504–507.

[5] ГДА СБУ. Ф. 9. № 84-СП. Л. 142–158. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 469–498.

лишь по косвенным данным. Однако в 2012 г. приказ № 001223 был выявлен нами в фондах Государственного отраслевого архива Службы безопасности Украины и опубликован[1]. Выяснилось, что приказ № 001223 и введенная им в действие инструкция об осуществлении оперативного учета не предусматривали автоматической подготовки к осуществлению репрессий в отношении поставленных на учет «антисоветских элементов». Речь шла не более чем о создании базы данных на лиц, которые *потенциально* могли быть использованы «иностранными разведками и контрреволюционными центрами в антисоветских целях» и потому должны были находиться в сфере внимания органов госбезопасности.

Подобная информационная работа была характерна для всех полицейских органов XX в., независимо от формы правящих режимов. Так, например, созданное в 1919 г. в США Отделение общей разведки (General Intelligence Division) в короткое время собрало досье на 200 тысяч «нелояльных»[2], а к 1960 г. Федеральным бюро расследований велось около 432 тысяч дел на «подрывные» организации или лица[3]. Все это — не более чем одна из повсеместно распространенных практик описанной П. Холквистом модерной «политики населения»[4]; сама по себе организация оперативного учета потенциально нелояльных граждан еще не означает, что все они неизбежно подвергнутся каким-либо репрессиям. Таким образом, ни приказ НКВД СССР № 001223, ни адаптировавший его к местным условиям приказ НКВД ЛССР № 0054 не могут служить доказательством подготовки к массовым репрессиям.

---

1 *Anušauskas A.* Pirmoji sovietinė okupacija. Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui. P. 72.

2 Федеральное бюро расследований. Путеводитель по спецслужбе США / Т. Повида, Р. Пауэрс, С. Розенфелд, Э. Тэохарис; Пер. с англ. И. Б. Борисова. М., 2006. С. 32.

3 Там же. С. 520.

4 *Холквист П.* «Осведомление — это Альфа и Омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. См. также: *Hoffmann D.* Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca; London, 2011.

Другой вопрос — были ли использованы материалы осуществлявшегося в соответствии с приказом № 001223 оперативного учета при подготовке массовых репрессий в Литве и, в частности, депортации июня 1941 г.? Выявленные в Особом архиве Литвы документы дают неожиданный ответ на этот вопрос. Оказывается, по состоянию на вторую декаду мая 1941 г. оперативный учет региональными подразделениями НКГБ ЛССР практически не велся. В материалах внутренней проверки НКГБ Литвы констатировалось:

> «Важнейшим элементом агентурной работы является оперативный учет. Однако к этому делу до настоящего времени начальники уездных отделов и их заместители и начальники отделений центра относятся безответственно.
>
> До настоящего времени на оперативный учет не взято руководство важнейшей базы повстанчества — шаулисты, вольдемаристы, таутининки, полицейские, бывш. работники криминальной полиции, тюремщики, бывш. работники охранки, бывш. офицерство и т. д.
>
> Уездные отделы не только не взяли на оперативный учет во 2 отделе, но даже и у себя не имеют подробных списков этих категорий лиц»[1].

Всего к середине мая 1941 г. на оперативный («формулярный» и «массовый») учет было взято: по Шауляйскому уезду — 176 чел., по Кретингскому уезду — 9 чел., по Засарайскому уезду — 21 чел., по Швенчионельскому уезду — 2 чел., по Мариампольскому уезду — 18 чел., по Шакяйскому уезду — 296 чел., по Паневежскому уезду — 1 чел., по Алитусскому уезду — 7 чел. Как констатировалось во внутренних документах литовского НКГБ, «почти что аналогичное положение и в других уездах»[2].

Таким образом, приказ НКВД ЛССР № 0054 просто не был выполнен. Реальная подготовка списков подлежащих депортации «антисоветских элементов» началась в Литве только после специального указания наркома государственной безопасности СССР В. Меркулова от 19 мая 1941 г.[3]; это была целевая акция, не имеющая отношения

---

[1] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 5. Л. 341–342. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 340.

[2] Там же. Л. 312–316. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 342–343.

[3] ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 149–150.

к оперативному учету «антисоветского элемента» в том виде, в котором он предусматривался приказом № 001223.

Существуют ли другие документы, из которых можно сделать вывод о наличии у советских властей непосредственно после присоединения Литвы к СССР каких-либо планов массовых репрессий в республике? Литовские историки часто указывают, что еще до официального присоединения Литвы к СССР силами Департамента государственной безопасности Литовской республики с явной подачи советской стороны были проведены довольно масштабные аресты руководителей «антигосударственных» (то есть враждебных новой власти) партий. Однако эта операция носила ограниченный характер[1] и (как по масштабам, так и по сути) была схожа с арестами, сопровождавшими ранее происходившие в прибалтийских странах государственные перевороты[2]. В этой операции можно обнаружить советскую специфику (например, в сведениях на подлежащих аресту следовало указывать уровень материального состояния), однако стремления к развертыванию массовых репрессий в ней не прослеживается.

Не находим никаких признаков подготовки к массовым репрессивным акциям мы и в документах созданного в сентябре 1940 г. НКВД ЛССР. Один из первых приказов наркома внутренних дел Литвы А. Гузявичюса «О порядке выполнения обысков и арестов» весьма сдержан: для ареста необходима санкция главы НКВД республики или его заместителя, а уездные отделы лишены права самостоятельно поводить аресты[3]. Весьма симптоматичной выглядит содержащаяся в приказе ссылка на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)

---

[1] Общее число арестованных в июне–июле 1940 г. в Литве составило 856 человек (*Anušauskas A.* Pirmoji sovietinė okupacija. Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui. P. 75).

[2] Так, например, в ходе переворота К. Пятса в Эстонии было арестовано 886 человек, а после переворота К. Ульманиса в Латвии — около 2000 человек (*Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012. С. 105–106).

[3] LCVA. Ф. R-756. Оп. 6. Д. 12. Л. 114–115. Опубл.: *Maslauskienė N., Petravičiūtė I.* Okupantai ir kolaborantai: Pirmoji sovietinė okupacija (1940–1941). P. 246–247; Накануне Холокоста... С. 33–35.

«Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г., ознаменовавшее собой конец массовых операций периода «Большого террора» 1937–1938 гг.

Судя по выявленным документам, в конце 1940 — начале 1941 г. деятельность НКВД Литвы в значительной степени носила реактивный характер и сводилась главным образом к вербовке агентуры, противодействию выступлениям «антисоветского элемента» по круглым датам[1], а также к борьбе с деятельностью германской разведки, на что руководство НКВД ЛССР ориентировала Москва[2]. При этом уже в ноябре 1940 г. выяснилось, что штаты республиканского НКВД недостаточны даже для весьма скромных масштабов оперативно-следственной работы[3]. Это еще один существенный аргумент в пользу того, что никаких массовых репрессивных операций в Литве советскими властями в то время не планировалось; ведь в противном случае штаты наркомата внутренних дел были бы заметно больше.

Обстановка в республике, судя по документам НКВД, была достаточно напряженной. Радикальные преобразования новых властей (национализация, отделение церкви от государства, преобразования в сельском хозяйстве) вызывали недовольство у ущемленных переменами слоев населения; в недавно присоединенном к Литве Виленском крае действовали подпольные польские организации[4]. Шло образование новых подпольных организаций из числа наиболее активных представителей бывшего государственного аппарата Литвы, причем не без поддержки германских спецслужб, еще в конце 1939 — начале 1940 г. завербовавших целый ряд высокопоставленных сотрудников Департамента государственной безопасности МВД Литвы[5].

---

[1] См., напр.: LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 1. Л. 43–53, 86–92; Д. 3. Л. 1–6. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 38–50, 74–78.

[2] ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 250.

[3] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 2. Л. 5–7, 14–15. Опубл.: *Maslauskienė N., Petravičiūtė I.* Okupantai ir kolaborantai: Pirmoji sovietinė okupacija (1940–1941). P. 248–250. 257–258; Накануне Холокоста... С. 51–53, 60–62.

[4] См., напр.: LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 1. Л. 86–92. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 46–50.

[5] Подробнее см.: *Дюков А. Р.* Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М., 2013.

В ноябре 1940 г. в Берлине бывшим послом Литвы К. Шкирпой был организован Фронт литовских националистов — организация, исповедовавшая откровенно фашистскую идеологию и ориентировавшаяся в своей деятельности на нацистскую Германию[1]. О существовании этой организации, вскоре ставшей главной проблемой для органов госбезопасности в Литве, в НКВД ЛССР узнали уже в середине ноября 1940 г.[2], однако масштабы ее деятельности были осознаны гораздо позже.

В соответствии с указаниями Москвы первоначально основное внимание республиканских органов госбезопасности оказалось сосредоточено на находившихся в Литве беженцах из оккупированной нацистами Польши. В конце ноября 1940 г. глава НКВД ЛССР А. Гузявичюс направил в Москву спецсообщение, в котором констатировал, что среди беженцев из Польши есть более четырех тысяч чел., намеревающихся выехать за границу и уже имеющих либо иностранные визы, либо заверительные письма из соответствующих посольств. Гузявичюс предлагал разрешить этим людям выехать из Литвы[3].

В Москве согласились с этим предложением, однако не ограничились им. 12 декабря 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление, касавшееся находившихся в Литве беженцев. Проблему планировалось решить следующим образом: разрешить выезд за границу тем, кто имел иностранные визы; принять в советское гражданство желающих беженцев; выслать в Казахстан и Республику Коми сроком на 3–5 лет «помещиков, фабрикантов, офицеров и полицейских» из числа беженцев, а также отказавшихся принимать советское гражданство[4].

Решение Москвы поставило НКВД ЛССР перед необходимостью проведения достаточно масштабной операции по выявлению и выселению из республики «контрреволюционного элемента» беженцев.

---

1 См.: Накануне Холокоста... С. 69–74, 116–164, 231–291.

2 LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 1. Л. 23–30. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 53–59.

3 LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 1. Л. 74–78. Опубл.: Maslauskienė N., Petravičiūtė I. Okupantai ir kolaborantai. P. 269–273; Накануне Холокоста... С. 53–59.

4 Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 220–221.

Однако с выполнением этой задачи органы внутренних дел Литвы попросту не справились.

В январе 1941 г., в соответствии с упомянутым постановлением Политбюро и директивой НКВД СССР от 24 декабря 1940 г., начались «регистрация и прием заявлений по оформлению в гражданство СССР от беженцев из бывшей Польши»[1]. Чуть позже, в феврале 1941 г. (процесс регистрации беженцев на оформление гражданства СССР еще продолжался), началась подготовка выселения тех, кто от советского гражданства отказывался. «Разрабатывается оперативный план по изъятию контрреволюционного элемента, который вышлем 20 февраля 1941 г.», — говорилось в датированном 6 февраля спецсообщении НКВД Литовской ССР «О проделанной работе по регистрации и оформлении беженцев в гражданство СССР»[2]. Эта репрессивная акция в какой-то степени носила преемственный характер по отношению к действиям прежних литовских властей в отношении беженцев[3]; однако если репрессивные действия литовских властей носили отчетливый национальный оттенок, то под ударом советских органов безопасности оказывались «нелояльные» вне зависимости от национальности.

К 20 февраля оперативный план так и не был разработан; этому помешало разделение НКВД на наркоматы внутренних дел и госбезопасности[4]. Только 14 марта 1941 г. (через три месяца после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б)) нарком государственной безопасности Литвы П. Гладков направил в Москву предложение об аресте выявленного среди беженцев «контрреволюционного элемента»:

> «В соответствии с директивой НКВД СССР от 24 декабря 1940 г., под руководством оперативного состава НКВД Лит. ССР была произведена

[1] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 175.

[2] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 27–31. Опубл.: Maslauskienė N., Petravičiūtė I. Okupantai ir kolaborantai. P. 278; Накануне Холокоста... С. 97–100.

[3] См., напр.: *Dyukov A.* From Ethnic Eviction to Deportation of the «Dangerous Elements»: Lithuanian and Soviet Deportations in Lithuania, 1939–1941 // Divided Eastern Europe: Borders and Population Transfer, 1938–1947. Cambridge, 2012. P. 147–157.

[4] Подробнее см.: Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960: Справочник. М., 1997.

регистрация и прием заявлений по оформлению в гражданство СССР от беженцев из б. Польши.

В результате проведенной работы изъявило согласие принять советское гр-нво — 13 120 чел., отказалось принять советское гражданство — 1822 чел.

Среди всех прошедших регистрацию беженцев выявлено к-р элемента, подлежащего аресту, 975 чел. На каждое лицо вынесено постановление на арест и об избрании меры пресечения. Арест будет проведен одновременно оперсоставом НКВД и милиции.

В отношении лиц, отказавшихся принять советское гражданство по семейным обстоятельствам (желают выехать к близким родственникам на территорию б. Польши, губернаторство и за границу) — никаких оперативных мероприятий не проводим.

Прошу санкционировать арест — 975 чел. и указаний в отношении лиц, желающих выехать из Литовской ССР»[1].

Судя по всему, согласие НКГБ СССР на депортацию контрреволюционного элемента из числа беженцев было получено незамедлительно; уже 26 марта 1941 г. были подписаны два нормативных документа – инструкция о порядке оформления дел на лиц, выселяемых с территории Литовской ССР, и инструкция для ответственных за погрузку в эшелоны арестованного и выселяемого контрреволюционного элемента из Литовской ССР[2]. Согласно этим документам, высылке из Литвы подлежали беженцы – бывшие офицеры, помещики, фабриканты, полицейские и члены их семей, а также беженцы, отказавшиеся принять советское гражданство и не выехавшие за границу[3].

Однако даже после этого провести выселение «контрреволюционных» категорий беженцев органы госбезопасности Литвы не смогли. Только спустя месяц, 23 апреля 1941 г., нарком госбезопасности Литовской ССР направил в Москву телеграмму о готовности провести операцию по изъятию «контрреволюционного элемента» из числа беженцев (планировалось изъять 2250 чел. «контрреволюционного

[1] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 175–176.

[2] Там же. Л. 162–166, 172–174.

[3] Там же. Л. 162.

элемента» и 880 членов их семей)[1]. Интересно, что глава НКГБ Литовской ССР намеревался подлежащие изъятию контингенты не высылать, как следовало из инструкций 26 марта, а арестовывать и судить. Он даже сделал раскладку, в каких тюрьмах сколько человек можно содержать во время следствия[2].

Не позднее 26 апреля из Москвы пришла совместная директива НКГБ и НКВД СССР, предписывающая провести, наконец, депортацию «контрреволюционного элемента» из числа беженцев[3]. Однако ко второй декаде мая 1941 г. операция по изъятию «контрреволюционного элемента» из числа беженцев так и не была проведена, и ее пришлось впоследствии «совмещать» с депортацией 14 июня 1941 г.

Растянувшаяся на много месяцев история с несостоявшейся депортацией из Литвы «контрреволюционного элемента» беженцев наглядно свидетельствует о том, что республиканские органы НКВД-НКГБ в конце 1940 — первой трети 1941 г. были просто не способны проводить массовые репрессивные операции — даже при наличии специального постановления Москвы. Причины подобного положения вещей носили как субъективный, так и объективный характер.

С одной стороны, постановка работы подразделений НКВД-НКГБ оставляла желать много лучшего. Материалы проведенной во второй декаде мая 1941 г. проверки деятельности республиканских органов госбезопасности рисуют ужасающую для любого начальства картину; так, например, во многих региональных подразделениях НКГБ ЛССР оперативный учет практически не велся, а на запросы из Каунаса часто просто не отвечали[4].

С другой стороны, с начала 1941 г. значительная доля внимания органов госбезопасности Литвы была отвлечена на деятельность расширяющегося подполья Фронта литовских активистов, польских нелегальных организаций и немецких спецслужб.

1941 г. начался в Литве с предвыборной кампании в Верховный Совет СССР. Официальная агитация столкнулась с пропагандой

[1] Там же. С. 177–180.

[2] Там же.

[3] Там же. Ф. 100. Оп. 6. Д. 5. Л. 17–27.

[4] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 5. Л. 276–303, 309–311, 341–342. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 323–341.

недовольных советской властью; органы НКВД фиксировали появление большого количества антисоветских и антисемитских листовок[1]. Выявление авторов листовок занимало немало времени; характерно, что, в случае если листовки распространяли несовершеннолетние, органы НКВД не заводили дела, ограничиваясь внушением и вызовом родителей[2].

Заметное увеличение количества антисоветских листовок не носило случайного характера; оно являлось прямым последствием расширения деятельности подпольных групп Фронта литовских активистов[3]. Одновременно, благодаря использованию литовских эмигрантов из числа бывших работников полиции и спецслужб, а также возможностей подполья ЛАФ, германским разведорганам удалось заметно интенсифицировать свою работу в республике; констатация этого факта в документах НКВД ЛССР выглядит довольно безрадостно. «Бежавшие нелегально через границу чиновники политической уголовной полиции, а также бывшие офицеры литовской армии используются в разведывательных целях немецкими разведывательными органами. Эта категория лиц вербует на территории Литовской ССР оставшихся родственников, сослуживцев и знакомых, а также принимает меры к установлению связи с находящейся у них агентуры, завербованной ими в период работы в политической полиции и военной разведки», — констатировал в конце марта 1941 г. глава НКГБ Литвы П. Гладков в донесении в Москву[4]. Нарком госбезопасности Литвы имел все основания для беспокойства. Кропотливая разработка связей германской разведки дала неожиданный результат: во второй декаде марта на перевербованного советскими контрразведчиками агента гестапо «Балтийскую» вышел представитель Фронта литовских активистов и передал ей для передачи в подполье листовку

---

[1] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 3. Л. 1–6; 132–135. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 74–78, 83–86.

[2] См., напр.: LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 5. Л. 236–237. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 94–96.

[3] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 129–134; Д. 5. Л. 152–162. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 108–112, 86–94.

[4] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 171–178. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 149–154.

«Литовского информационного бюро в Берлине» (структуры, тесно связанной с ЛАФ). Из листовки следовало, что ЛАФ в преддверии нападения Германии на СССР готовит масштабное вооруженное выступление в Литве. Получив эту информацию, Гладков ориентировал своих подчиненных сосредоточить внимание на разработке «контрреволюционных повстанческих формирований»[1].

Решение Гладкова оказалось очень своевременным: как раз за несколько дней до этого руководством Фронта литовских активистов в Берлине была подготовлена обширная инструкция «Указания по освобождению Литвы»[2]. Содержание инструкции свидетельствует, что ее авторы принадлежали к высшему руководству ЛАФ и имели плотные контакты, выражаясь языком документа, с «ответственными немецкими чиновниками». По всей видимости, речь идет о представителях германской военной разведки (абвера), гестапо и ведомства А. Розенберга. Из документа видно, что эти контакты носили достаточно доверительный характер: хотя руководство ЛАФ и не располагало информацией о точной дате нападения Германии на Советский Союз, о самом факте этой подготовки оно было прекрасно осведомлено.

Содержащиеся в «Указаниях» практические инструкции по организации подпольной и боевой деятельности носили несомненно антисемитский характер. Среди задач готовящегося восстания — освобождение «от советского коммунистического террора и еврейской эксплуатации», для «идейного созревания литовского народа необходимо усилить антикоммунистические и антиеврейские акции», при приходе немецких войск необходимо «избавиться от евреев». В инструкции отмечалось, что боевикам ЛАФ «следует создать в стране такую тяжелую атмосферу против евреев, чтобы ни один еврей не мог осмелиться допустить и мысли, что в новой Литве он сможет еще иметь какие-либо права и вообще возможность жить. Цель — заставить всех евреев бежать из Литвы вместе с красными русскими»[3].

Весьма показательна была содержащаяся в «Указаниях» постановка задач по обеспечению продвижения немецких войск. Внимание боевиков ЛАФ обращается на следующий важный момент: «Создавая

[1] Там же.

[2] Накануне Холокоста... С. 116–138.

[3] Там же. С. 128–129.

препятствия отступлению русской красной армии и транспорту, нужно избегать больших взрывов, особенно не уничтожать мосты. Наоборот, прилагать усилия для их защиты, чтобы их не уничтожили красные, потому что они будут очень нужны идущему вперед немецкому войску, особенно их моторизованным частям, чтобы им не нужно было тратить время на переправы через реки»[1]. Как видно из послевоенных показаний заместителя начальника диверсионного отдела абвера полковника Э. Штольце, о выполнении этих заданий литовским националистам пришлось впоследствии отчитываться перед абвером[2]. Вышеизложенное заставляет с доверием отнестись к встречающемуся в популярной литературе утверждению, что германские военные принимали непосредственное участие в подготовке военной части инструкции[3].

Инструкция ЛАФ по подготовке к вооруженным выступлениям появилась на свет практически одновременно с указанием наркома госбезопасности ЛССР П. Гладкова об усилении работы против литовского националистического подполья; в условиях приближающейся войны противоборство НКГБ и ЛАФ резко усилилось.

За апрель – начало мая 1941 г. органам НКГБ удалось выявить и ликвидировать ряд связанных с ЛАФ подпольных организаций[4]. Однако вскрыть всю сеть националистического подполья не удавалось: инструкции ЛАФ предусматривали создание хорошо разветвленной и децентрализованной системы подпольных организаций, малоуязвимой для советской контрразведки. А вот в органах НКВД, как выяснилось, творились странные вещи: табельное оружие было практически бесхозным и дело дошло даже до кражи 500 гранат из Вильнюсского управления милиции[5]. В начале мая

---

[1] Накануне Холокоста... С. 133.

[2] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. М., 2012. Т. 2. С. 919–925.

[3] *Буткус Ж.* Окровавленная Литва. Националистический террор и его причины. URL: http://left.ru/2009/7/butkus189_2.phtml (дата обращения – 06.12.2011). Со ссылкой на: *Brandišauskas V.* Siekiai atkurti Lietuvos valstybingumą (1940.06–1941.09). Vilnius, 1996. P. 41.

[4] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 203–213: Д. 5. Л. 27–32, 58–63, 123–136. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 164–170, 184–188, 194–196, 222–231.

[5] LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 244–262; Д. 5. Л. 123–136. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 173–181, 222–231.

была зафиксирована интенсификация деятельности германской разведки[1]; одновременно органами НКГБ был захвачен новый инструктивный документ подполья, содержащий план диверсионной деятельности на территории ЛССР (по всей видимости, это был какой-то извод инструкции «Указания по освобождению Литвы»)[2].

В короткие сроки справиться с подпольем ЛАФ обычными оперативными мерами не получалось — а меж тем имеющаяся информация свидетельствовала о приближении войны с Германией. И тогда гордиев узел решили разрубить.

12 мая 1941 г. НКГБ Литвы выступил с принципиально новым предложением — не ограничиваться изъятием контрреволюционных элементов из числа беженцев и провести большую депортацию нелояльных из республики.

> «На основании имеющихся материалов отмечается, что за последние два-три месяца в республике значительно растет активная враждебная деятельность контрреволюционного элемента.
>
> Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов, которые ведут большую работу через так называемый литовский комитет, существующий в Германии, и через литовские эмиграционные круги, значительная часть коих, бежав из Литвы, осела в Восточной Пруссии.
>
> Из уездных отделов НКГБ поступают сведения, что антисоветский элемент развернул активную враждебную деятельность, направленную на срыв хлебопоставок.
>
> Постановление правительства предусматривает закончить хлебопоставки к 1 мая 1941 г., однако на 10 мая хлебопоставки по республике выполнены только на 23 %.
>
> Эта враждебная деятельность выливается, особенно в селах, в открытую антисоветскую агитацию и саботаж.
>
> Следует также отметить рост по республике повстанческих тенденций. <...> Следственным путем установлено, что повстанческие ячейки в уездах республики создаются немцами через так называемый литов-

---

1 Накануне Холокоста... С. 216–222.

2 LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 5. Л. 143–144. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 304–305.

ский комитет, откуда непосредственно исходит руководство, директивы, материальная помощь и снабжение оружием.

Среди населения распространяются всевозможные пораженческие слухи, что в ближайшее время неизбежно военное столкновение между Германией и СССР, в связи с чем необходимо готовиться к этому путем создания повстанческих отрядов, обязанностью которых должно явиться поднять восстание в республике, совершать диверсионные акты и разрушение военно-стратегических объектов, транспорта и связи, разоружение частей Красной Армии и террор против коммунистов.

В распространяемых в связи с этим листовках намечаются даже даты восстания, приурочиваемые к военным действиям между Германией и СССР.

Существующая в Литве националистическая повстанческая организация, именуемая "ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЦОВ ЗА СВОБОДНУЮ ЛИТВУ", специально в связи с этим выпустила в первых числах мая с. г. циркуляр № 1, который распространяется среди членов этой организации и националистических элементов. В этом циркуляре даются практические указания по созданию диверсионно-повстанческих групп, которые должны развернуть свою подрывную работу на случай военного столкновения (см. прилагаемый циркуляр).

В ближайшее время эта организация должна выпустить циркуляр № 1-ф, в котором будут даны практические указания повстанческим диверсионным ячейкам, действия коих распространяются в городах.

С июля м-ца 1940 по 5 мая 1941 г. органами государственной безопасности по республике арестовано враждебного контрреволюционного элемента — 4137 чел. Несмотря на проведенные репрессии, огромное большинство враждебного Советской власти элемента в Литве остается нетронутым и является по существу базой для немецких разведывательных органов по созданию всевозможных контрреволюционных формирований.

В силу этого считали бы совершенно необходимым приступить к очистке Литовской ССР от контрреволюционного элемента путем ареста и принудительного выселения наиболее активных категорий лиц»[1].

Операцию нарком госбезопасности Литвы предлагал провести очень масштабную; по его предварительным наметкам к аресту пред-

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 183–193. Накануне Холокоста... С. 296–298.

назначались 19 610 чел. (в том числе 1000 чел. уголовного и бандитского элемента[1]), еще 2954 чел. намечались к выселению[2]. НКГБ Литвы замахивался очень широко: предполагалось так или иначе репрессировать большинство «бывших», занимавших в независимой Литве высокое должностное или общественное положение[3].

Судя по имеющимся документам, Гладков добивался принятия своей инициативы очень активно. Не ограничившись докладной запиской от 12 мая 1941 г., он 13 мая продублировал ее телеграммой на имя наркома госбезопасности СССР Меркулова[4]. В Москву была также направлена еще одна докладная практически аналогичного содержания[5].

Предложение Гладкова встретило поддержку в Москве; уже через несколько дней, 16 мая 1941 г., в НКВД СССР был подготовлен проект совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента»[6].

Сравнение проекта постановления о депортации с предложениями наркома госбезопасности Литвы Гладкова позволяет выявить весьма любопытный момент. Москва согласилась с необходимостью проведения акции по изъятию «контрреволюционного элемента», однако

---

1 Об эволюции подходов политики советской власти по отношению к уголовникам см.: *Юнге М., Бриннер Р.* От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества, 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 459–518.

2 ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 192–193.

3 Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны (далее — ОГБ). М., 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 532; *Ямпольский В. П.* «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии, 1937–1945 гг. М., 2008. С. 151–152.

4 ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 194–200; LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 263–269. Опубл.: *Maslauskienė N., Petravičiūtė I.* Okupantai ir kolaborantai. P. 284–290.

5 ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 531–532.

6 ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 22–26; ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 145–146; Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М., 2005. С. 215–216; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6.

серьезно ограничила подлежащие изъятию контингенты[1]. НКГБ Литвы предлагал зачистить республику от всех «бывших», однако в Москве на это не согласились. «Бывших» (за исключением крупных предпринимателей и чиновников) следовало репрессировать только при наличии на них компрометирующих материалов. Это поправка серьезно снизила количество депортируемых; если 12 мая НКГБ Литвы предлагал арестовать 19 610 чел. (предупреждая, что эта цифра впоследствии возрастет)[2], то в итоге при депортации из республики было арестовано почти вчетверо меньше — 5664 чел.[3] В состав подлежавших депортации были включены и «контрреволюционные элементы» из числа польских беженцев, указание о выселении которых было дано еще в декабре 1940 г.

Проект постановления лег на стол руководству страны, и тут в него были внесены новые принципиальные коррективы. В проекте предлагалось провести депортацию лишь с территории Литвы, однако в Кремле решили распространить действие постановления и на остальные прибалтийские республики. В самый последний момент в проект постановления были добавлены Латвия и Эстония. Документ даже не успели перепечатать — слова «Латвийская и Эстонская ССР» вписаны в него от руки[4].

Следует обратить внимание, что практически одновременно с решением об организации депортаций с территории прибалтийских

---

[1] Интересно, что аналогичным образом — ограничивая численность подлежащих репрессиям — советское руководство действовало при подготовке знаменитого приказа НКВД СССР № 00447. По сравнению с «заявками» региональных органов внутренних дел, численность репрессируемых в этом приказе была сокращена на 29 331 человека. См.: Великий терор в Україні: «Куркульська операція» 1937–1938 рр. / Упор. С. Кокін, М. Юнге. Київ, 2010. Ч. 1. С. 27–28.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 192–193.

[3] Там же. Л. 1–4; История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 1. С. 404–405; Сталинские депортации. С. 223; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1–4.

[4] 1941 год: Документы. М., 1998. Кн. 2. С. 221–223; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 394–395; Сталинские депортации. С. 215–217; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: Документы. М., 2006. С. 277–279; ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 1. Л. 42–47; РГАНИ. Ф. 69. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6.

республик Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР санкционировали депортацию членов контрреволюционных организаций из Западной Украины[1]. Депортационная операция на Западной Украине была напрямую связана с полученной органами НКВД-НКГБ информацией о подготовке сотрудничавшей с нацистскими спецслужбами Организацией украинских националистов вооруженного восстания[2]. В Литве мотивация депортационной акции была абсолютно аналогичной: как раз в это время Фронт литовских активистов при поддержке нацистских спецслужб готовился к нападению Германии на Советский Союз[3].

19 мая 1941 г. нарком государственной безопасности СССР В. Меркулов направил П. Гладкову указание о практических мерах по подготовке депортации «антисоветского элемента». Показательно, что Меркулов, памятуя историю с несостоявшейся высылкой «контрреволюционного элемента» беженцев, не стал ставить конкретные сроки проведения операции: НКГБ Литвы предписывалось сообщить, в какой минимальный срок подготовки операции он сможет уложиться[4].

Ход дальнейшей подготовки и проведения депортации можно без труда проследить по опубликованным нами документам[5]. Эти документы свидетельствуют о том, что произвольного расширения подлежащих высылке категорий не происходило; общее число подлежащих депортации из Литвы постоянно уточнялось, однако никогда заметно не превышало 15 тысяч чел. Окончательное решение

---

[1] Сталинские депортации. С. 193–194.

[2] См., напр.: Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940–1950) / Інститут національного джерелознавства; Упор. В. Сергійчук, С. Кокін, Н. Сердюк, С. Сердюк; Передмова В. Сергійчук. Київ, 2007. Т. 1. С. 190–194; ГДА СБУ. Ф. 9. Д. 43. Т. 1. Л. 54–58; Ф. 16. Оп. 34 (1951). Д. 10. Л. 10.

[3] См., напр.: *Truska L.* The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations (June 1940 – June 1941) // Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje XIX a. antroji pusė – 1941 m. birželis = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania (Second Half of the 19th century – June 1941). Vilnius, 2004. P. 194–201.

[4] ОГБ. Т. 1. Кн. 2. Л. 149–150.

[5] Накануне Холокоста... С. 367, 377–380, 385–397, 400–407, 409–410, 420–434.

о масштабах и дате проведения депортации было принято в Москве 10 июня 1941 г.[1]

Одновременно с подготовкой массовой операции по выселению органы НКГБ ЛССР продолжали работу по выявлению и ликвидации подпольных ячеек ЛАФ. Главной удачей советских контрразведчиков стал захват в начале июня 1941 г. полного текста мартовской инструкции ЛАФ «Указания по освобождению Литвы», а также ряда других важных документов националистического подполья[2]. Благодаря содержащейся в этих документах информации было вскрыто несколько подпольных центров ЛАФ, в том числе в Вильнюсе и в литовском территориальном корпусе РККА. Их ликвидация по времени совпала с депортацией 14 июня 1941 г.[3], однако это была отдельная репрессивная акция, целью которой было не желание уничтожить военную элиту, как утверждают некоторые литовские историки, а вполне обоснованное стремление предотвратить измену во время приближающейся войны. В какой-то степени это действительно удалось. «Действовавшие в подполье организаторы восстания в Вильнюсе понесли тяжелые потери. Накануне НКВД арестовало ключевых командиров и около 300 офицеров. Стало невозможным осуществить первоначальный план — объявить, как предполагалось, независимость в Вильнюсе», — вспоминал о тех событиях один из видных участников националистического подполья ЛАФ В. Дамбрава[4].

Гораздо меньший вклад в пресечение деятельности подполья ЛАФ внесла июньская депортация 1941 г. В какой-то степени эта репрессивная операция действительно ударила по связанному с нацистскими разведслужбами подполью — впоследствии лидеры ЛАФ

[1] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 53–54. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 409–410.

[2] Прибалтика под знаком свастики (1941–1945): Сборник документов. М., 2009. С. 113–119.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 139–140. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 427.

[4] Об оккупации, евреях и восстании // ИноСМИ.ру, 06.07.2011. URL: http://inosmi.ru/baltic/20110706/171671054.html?id= (дата обращения — 12.06.2012).

признавали, что «14 и 15 июня очень много активистов было увезено большевиками»[1]. Однако основными жертвами депортации стали люди, не причастные к ЛАФ, в том числе женщины и дети.

Уже неделю спустя поле депортации, сразу же после нападения Германии на Советский Союз, формирования ЛАФ развернули борьбу в тылу советских войск. Стремительное наступление немецкой армии позволило ЛАФ приступить к реализации своих планов, включавших не только «возрождение» литовской государственности под протекторатом нацистской Германии, но и массовое преследование «враждебных» категорий населения, в первую очередь — евреев. Начавшись как самостоятельное предприятие, эти убийства впоследствии продолжились во взаимодействии с айнзатцгруппой «А»[2]. Решением «Временного правительства Литвы» под руководством Ю. Амбразявичюса был создан первый на оккупированной нацистами территории СССР концлагерь для евреев[3], а вклад литовских «национальных партизан» в Холокост был высоко оценен штандартенфюрером СС К. Егером[4]. Опубликованные инструктивные и агитационные документы Фронта литовских активистов показывают, что преследование евреев было акцией, спланированной ЛАФ задолго до июньской депортации. Это была не реакция на жестокость советских репрессий — это было заранее спланированное преступление.

Таким образом, привлечение новых документов позволяет существенно скорректировать картину советских репрессий «первого года» в Литве. Восприятие органов госбезопасности ЛССР как высокоэффективной машины террора, в соответствии с заранее разработанными планами проводящей репрессии против населения

---

[1] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 160. Л. 11–14. Опубл.: Накануне Холокоста... С. 460–464.

[2] *Круглов А.* Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг. Днепропетровск, 2008. Ч. 1. С. 50, 53–56.

[3] *Dieckmann C., Sužiedėlis S.* Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį = The Persecution and Mass Murder of Lithuanian Jews during Summer and Fall of 1941. Vilnius, 2006. P. 233–234. (Русский перевод: Накануне Холокоста... С. 441.)

[4] *Круглов А.* Без жалости и сомнения. Ч. 1. С. 138–141.

республики, оказывается ошибочным. Вместо этого мы видим отсутствие рабочей дисциплины, серьезные недостатки в оперативной и следственной деятельности, систематические проблемы со штатным составом. Все это в конечном итоге не позволило органам госбезопасности обычными оперативно-следственными методами справиться с вызовами, брошенными ЛАФ и немецкой разведкой. И тогда вместо операционного скальпеля в ход пошла дубина – жестокая массовая депортация, так, впрочем, и не решившая проблем, связанных с подрывной деятельностью пронацистского подполья.

Затронувшая огромное количество невинных людей депортация июня 1941 г. задает восприятие всей репрессивной деятельности «первого года» советской власти в Литве, также рассматривающейся как массовая и необоснованная. Однако вплоть до конца мая 1941 г. советские репрессии в Литве невозможно назвать поражающими воображение. По данным литовских историков, в период с августа 1940 по май 1941 г. арестам в республике было подвергнуто не более 4 тысяч чел.[1], причем в это число входили преследуемые не только по политическим, но и по уголовным мотивам. Не вызывает сомнения, что среди репрессированных в августе 1940 – мае 1941 г. были невинные люди, преследовавшиеся исключительно из-за своего «неправильного» социального происхождения и несправедливо обвиненные. Однако сравнение общей численности арестованных с данными публикуемых спецсообщений по конкретным делам дает основание говорить о том, что значительная часть репрессий все-таки носила «прицельный» характер и была направлена против людей, осуществлявших реальную антигосударственную деятельность в отношении СССР и ЛССР.

События 1940–1941 гг. в Литве очень сложны. Они не вписываются в примитивные пропагандистские шаблоны борьбы «хороших парней» с «плохими». Парадоксальным образом в Литве деятельность советских органов госбезопасности (еще несколько лет назад осуществлявших преступные массовые операции 1937–1938 гг.) вплоть до мая 1941 г. носила в целом обоснованный характер и, как правило, не была направлена на преследование каких-либо нацио-

[1] *Anušauskas A.* Pirmoji sovietinė okupacija. Teroras ir nusikaltimai žmoniškumui. P. 75–76.

нальных или социальных категорий населения. А вот ставивший своей целью воссоздание «государственной независимости» республики Фронт литовских активистов планировал и впоследствии осуществлял масштабные преступления против человечности. Изучение архивных документов помогает нам приблизиться к пониманию причудливой и сложной картины причинно-следственных связей, делавших неизбежными приводящие к человеческим трагедиям события, а также понять меру исторической ответственности участников событий.

МИФ О ГЕНОЦИДЕ: РЕПРЕССИИ СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ЭСТОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

Введение

Предметом настоящего исследования является официальная эстонская историография советских репрессий в Эстонии 1940–1953 гг. Под «официальной историографией» мы понимаем работы эстонских историков, готовившиеся под эгидой государственных органов и переведенных на иностранные языки. Эти работы содержат несомненный политический подтекст, однако мы будем рассматривать исключительно их научную составляющую.

Всплеск интереса к проблеме советских репрессий в Эстонии произошел в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. и оказался тесно связан с процессом распада Советского Союза. Если раньше исследованиями советских репрессий на территории Эстонии занимались исключительно представители эмигрантской диаспоры на Западе[2], то после начала перестройки к этому процессу подключились журналисты и историки из прибалтийских республик. Исследование советских репрессий стало элементом политической борьбы с союзным Центром. 12 ноября 1989 г. Верховный совет ЭССР принял решение о создании при Академии наук ЭССР комиссии для изучения ущерба, нанесенного оккупацией. Комиссия сработала оперативно и уже через три с небольшим месяца обнародовала доклад под названием

---

[1] Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* Миф о геноциде. Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953) / Предисл. С. Артёменко. М., 2007. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

[2] См., напр.: The Baltic States 1940–1972: Documentary background and survey of developments presented to the European Security and Cooperation Conference. Stockholm, 1972. P. 50–52.

«Вторая мировая война и советская оккупация Эстонии: отчет об ущербе». Год спустя его опубликовали на английском. Согласно этому «Отчету», за время «советской оккупации»[1] Эстония потеряла более

---

[1] Обсуждение вопроса о квалификации периода нахождения Эстонии в составе СССР как «оккупации» не является задачей нашего исследования. Вместе с тем стоит отметить, что дискуссия по этому поводу осложняется разницей семантики английского слова occupation и русского «оккупация». Английское occupation — это и «род занятий», и «профессия», и «временное пользование чем-то», и «занятие чего-либо», и «захват». И, разумеется, собственно «оккупация» в привычном для русского уха смысле — «временное занятие вооруженными силами какой-либо территории без приобретения суверенитета над ней». При этом русское слово «оккупация» носит устойчиво негативный оттенок, тогда как английское occupation даже в значении «занятие/захват чего-либо» само по себе нейтрально; словосочетание illegal occupation в английском языке не является оксюмороном — в отличие от его русской кальки «незаконная оккупация». Именно разница семантики слов occupation/оккупация лежит в основе системного непонимания между российскими и западными историками, изучающими историю Восточной Европы XX века. С точки зрения западных исследователей, формулировка «Soviet occupation of the Baltic States» абсолютно корректна и самоочевидна, однако практически все российские историки не согласны с концепцией «советской оккупации Прибалтики». Для западных исследователей подобная позиция непонятна и вызывает малоприятные мысли об ангажированности позиции российских коллег. Однако дело в том, что, заявляя о своем несогласии с концепцией «советской оккупации Прибалтики», российские историки вовсе не отрицают того, что страны Прибалтики были заняты (occupied) Советским Союзом. Речь идет лишь о несогласии с юридической оценкой этих действий как «оккупации» — то есть illegal occupation. В свою очередь, далеко не все российские исследователи понимают, что используемая их западными коллегами формулировка «Soviet occupation» может быть не юридической квалификацией, а всего лишь устоявшейся фразой с непроанализированной семантикой. Использование исследователями слов occupation/«оккупация» явно нуждается в обсуждении. В настоящей работе я беру словосочетание «советская оккупация» в кавычки, поскольку не согласен со смыслами, вкладываемыми в это понятие эстонскими историками и политиками. Позиция российских исследователей наиболее полно изложена в: *Симонян Р. Х.* Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. № 11. С. 106–114.

200 тысяч чел. казненными, погибшими в боях и в ходе депортации и эмигрировавшими в другие страны[1].

Однако отчет АН ЭССР по каким-то причинам не устроил эстонских политиков. В 1993 г. парламент Эстонии создал Государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил. Перед ней была поставлена задача подготовить «Белую книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями». Если комиссия АН ЭССР предоставила свой отчет в невероятно сжатые сроки, то комиссия парламента Эстонии, напротив, потратила на подготовку документа более десяти лет. 10 мая 2004 г. председатель эстонской Государственной комиссии по расследованию репрессивной политики оккупационных сил профессор Велло Сало в торжественной обстановке передал спикеру парламента Эстонии отчет под названием «Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991»[2].

Неторопливость, с которой комиссия парламента готовила «Белую книгу», по всей видимости, стала причиной создания еще одной комиссии — Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности при президенте республики. Эта структура, впрочем, также не отличилась оперативностью и лишь в 2001 г. обнародовала первый «Рапорт» о событиях «первой советской» и немецкой оккупаций[3]. Зато в начале 2006 г. в свет вышел подготовленный Комиссией монументальный сборник статей под названием «Эстония, 1940–1945» — первая работа в официальной эстонской историографии советских репрессий, которая может быть

---

1 World War II and soviet occupation in Estonia: A Damages report / Ed. by J. Kahk. Tallinn, 1991. См.: *Rahi A.* On the current state of research into soviet and nazi repressions in Estonia // Yearbook of the Occupation museum of Latvia 2002. Riga, 2003. [Цит. по электронному варианту, размещенному на сайте исторического факультета Тартуского университета, www.history.ee; здесь и далее номера страниц не указываются.]

2 Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / Пер. с эст. А. Бабаджана, Т. Верхнеустинской, Э. Вяри. Таллинн, 2005.

3 Рапорты Международной комиссии Эстонии по расследованию преступлений против человечности: Оккупация Эстонии Советским Союзом, 1940–1941; Оккупация Эстонии Германией, 1941–1944. Тарту, 2005.

названа научной в полном смысле этого слова[1]. В этом сборнике приведено огромное количество интереснейших данных о советских репрессиях, однако одновременно в нем можно найти поразительные примеры манипуляции цифрами. Так, например, в статье историков Мелиса Марипуу и Арго Куусика с опорой на архивные документы показано, что в 1940–1941 гг. советскими военными трибуналами в Эстонии было осуждено на смертную казнь более 400 чел.[2] Однако в итоговый отчет включают иную, восходящую к нацистской пропаганде и абсолютно необоснованную цифру казненных, — 1850 чел.[3] В опубликованной в том же сборнике статье историков Питера Каасика и Тыниса Мюлдре говорится о том, что во время боевых действий летом 1941 г. советскими войсками и истребительными батальонами было уничтожено 819 эстонских «лесных братьев»[4]. Однако в итоговом отчете число уничтоженных «лесных братьев» занижается до сотни — для обоснования идеи о терроре против гражданского населения, якобы осуществлявшегося советскими истребительными батальонами[5].

Исследованием советских репрессий в Эстонии занимаются еще несколько специализированных полугосударственных структур, как, например, Центр исследований советского периода (S-Centre), Эстонское бюро регистра репрессированных (ERRB) и фонд Кистлер-Ритсо (Kistler-Ritso Foundation). При поддержке последнего таллинским Музеем оккупации была опубликована коллективная работа под названием «Обзор периода оккупации»[6]. Еще одним полуофициальным изданием стали работы бывшего премьер-министра Эстонии историка Марта Лара, изданные в 2005 г. на русском, английском и немецком языках. Эти красочные брошюрки одно время активно предлагались посещавшим Эстонию туристам[7].

---

1 Estonia, 1940–1945: Reports of Estonian International Commission for the investigation of crimes against humanity. Tallinn, 2006.

2 Ibid., p. 326.

3 Ibid., p. XII.

4 Ibid., p. 462.

5 Ibid., p. XIV.

6 Обзор периода оккупации / Сост. Х. Ахонен; Пер. с эст. Н. Лаансоо, И. Ореховой. Таллинн, 2004.

7 *Лаар М.* Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / Пер. с эст. С. Карм. Таллинн, 2005; *Лаар М.* Эстония во Второй

Представители официальной эстонской историографии не устают подчеркивать, что их работы по истории советских репрессий в Эстонии — исчерпывающий, практически беспристрастный и в полном смысле этого слова научный анализ событий минувшего. Насколько эти утверждения соответствуют действительности, мы попробуем разобраться в данном исследовании.

Начиная работу, автор ставил перед собой две взаимосвязанные задачи: во-первых, с опорой на документы органов государственной безопасности и внутренних дел максимально более точно определить масштабы советских репрессий в Эстонии и, во-вторых, сравнить эти данные с цифрами советских репрессий, приводимыми в эстонской официальной историографии.

Основой исследования стали документы советских органов государственной безопасности и внутренних дел, извлеченные из фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального архива ФСБ России, часть из которых к настоящему времени опубликована в подготовленных российскими историками документальных сборниках[1]. Эти документы изначально носили гриф «совершенно секретно» и были предназначены для очень ограниченного круга лиц. Они преследовали не пропагандистские, а информационные цели; за ложность сообщаемой руководству страны информации в то время легко было поплатиться головой.

мировой войне / Пер. с эст. С. Карм. Таллинн, 2005; *Лаар М.* Забытая война: Движение вооруженного сопротивления в Эстонии в 1944–1956 гг. / Пер. с эст. С. Карм. Таллинн, 2005.

[1] ГУЛАГ: Главное управление лагерей: Сборник документов. М., 2002; *Дугин А. Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999; История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 1; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946: Документы. М., 2006; Лубянка. Сталин и МГБ СССР, март 1946 – март 1953: Документы. М., 2007; НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): Сборник документов. М., 2008; Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов (далее – ОГБ). М., 1995–2007. Т. 1. Кн. 1–2; Т. 2. Кн. 1–2; Т. 5. Кн. 1–2; Приказано приступить: Эвакуация заключенных из Беларуси в 1941 году: Сборник документов. Минск, 2005; Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М., 2005, и др.

Отвечая на вопрос, можно ли доверять подобного рода документам, историки из общества «Мемориал» высказываются совершенно определенно. «Полагаем, что да. Подлинность самих документов сомнений не вызывает — и внешний вид, и атрибутика убеждают в том, что они составлены именно в 1939–1941 гг. А разумного обоснования, зачем надо было фальсифицировать данные в ту эпоху, мы не находим. Союзные статсводки были предназначены лишь для крайне узкого круга лиц в НКВД — для наркома, его заместителей и начальников двух-трех основных отделов, а также для высших руководителей Политбюро и СНК; все эти лица имели свои дополнительные источники информации — лгать им в цифровых показателях арестов было просто бессмысленно. Сводки к тому же являлись базовым документом, на основании которого НКВД испрашивал у СНК бюджетные средства на проведение операции (которая, безусловно, стоила очень дорого — командировочные и другие сопутствующие расходы, увеличение штатов оперативников и тюремных работников и т. д.), на содержание и перевозку арестованных. Странно было бы для НКВД в этой ситуации сознательно преуменьшать масштабы своей деятельности. Наконец, многие отдельные цифры из представленных в сводках мы встречали (с небольшими отклонениями в ту или иную сторону) в различных документах независимого происхождения — в справках по отдельным линиям работы НКВД, в отчетных материалах судебных органов и т. д.»[1].

Именно внутренние документы органов государственной безопасности и внутренних дел позволяют историкам перейти от конъюнктурных рассуждений общего характера к по-настоящему научному исследованию советской репрессивной политики. Только располагая содержащимися в документах органов НКВД-МГБ статистическими данными, мы можем проследить масштаб, динамику и направленность репрессий, выдвигать предположения об их целях и задачах[2].

---

[1] *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Цит. по: http://www.memo.ru/history/POLAcy/GORROG_C.htm (дата обращения 25.07.2011).

[2] К настоящему времени издано лишь несколько работ, посвященных анализу статистики репрессивной деятельности органов госбезопасности.

В российских архивах отложилось большое количество внутренних документов органов НКВД-МГБ, содержащих статистические данные по репрессивной политике этих ведомств. Количество этих документов огромно; здесь есть и первичные данные, собранные территориальными органами внутренних дел и госбезопасности, и их обобщения, подготовленные уже в центральных аппаратах соответствующих ведомств, и итоговые справки, направлявшиеся руководству страны. К сожалению, в настоящее время далеко не все эти документы выявлены и рассекречены. Поэтому в ряде случаев автору приходилось прибегать к методам экстраполяции, выдвигая предположение о численности арестованных на основе данных о количестве осужденных.

Первое издание этой книги было сдано в печать незадолго до событий «Бронзовой ночи» — беспорядков, спровоцированных выкорчевыванием памятника советским войнам-освободителям из центра Таллина. Эти трагические события наглядно показали, к чему может привести «конфликт памяти» — столкновения двух различных восприятий прошлого. Для русских память о Великой Отечественной войне является одной из главных основ национального самосознания. Для значительной части эстонцев с некоторого времени более важными стали воспоминания о страданиях, причиненных их предкам советской властью; их новыми национальными героями стали

Лучшей из них следует признать основанную на документах Государственного архива Службы безопасности Украины монографию профессора Донецкого национального университета В. Н. Никольского: *Нікольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.): Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. Аналогичных по уровню работ по остальным советским республикам не существует; общая статистика репрессивной деятельности органов госбезопасности, основанная на документах Центрального архива ФСБ России, опубликована российским историком О. Б. Мозохиным: Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ // *Мозохин О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. Следует также отметить фундаментальный сборник статей, подготовленный сотрудниками общества «Мемориал»: Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

не военнослужащие 8-го Эстонского стрелкового корпуса Красной Армии, а солдаты Эстонского легиона СС.

Разумеется, в том, что историческая память эстонцев отличается от исторической памяти русских, нет ничего плохого. Беда заключается в том, что эти представления о прошлом конфликтны, они ведут к наглядному ухудшению отношений между Эстонией и Россией на международной арене и формированию полноценных «образов врага» — на внутренней. Очень часто это выливается в настоящую демонизацию оппонента, представление его как извечного, жестокого и коварного врага. И тогда на смену добрососедским отношениям приходит межнациональная ненависть, искусно разжигаемая радикальными политиками.

Выход из этой ситуации видится в реабилитации истории как науки, в максимально беспристрастном изучении нашего общего прошлого.

Это вполне выполнимая задача. Разумеется, историческая наука имеет свою специфику. Национальные и политические симпатии ученого-историка всегда оказывают влияние на результаты его исследования. Этот субъективизм неустраним. Недопустимым, однако, является искажение или фальсификация исторических фактов. Факты не зависят от симпатий или антипатий историка; можно бесконечно спорить относительно обоснованности или необоснованности депортации из Прибалтики летом 1941 г., но численность депортированных и их судьбу мы можем выяснить абсолютно точно. В этом, собственно говоря, и состоит профессия историка.

В новом издании работы исправлены выявленные в первом издании ошибки, учтены выявленные за истекшее время новые архивные документы. Несмотря на это, автор по-прежнему не считает свою работу исчерпывающей и лишенной недостатков и будет рад конструктивной критике.

Глава 1. Репрессии с июня 1940 по начало июня 1941 г.

1.1. Официальная эстонская версия

В официальной эстонской историографии советские репрессии «первого года» рассматриваются как заблаговременно спланированные мероприятия, носившие характер геноцида. «Советский Союз начал подготовку к развязыванию террора еще до оккупации Эстонии советскими войсками, — пишет Март Лаар. — Как и в других местах, целью коммунистического террора было подавление на корню зачатков всякого сопротивления и рассеивание в народе массового страха, что сделало бы невозможным широкое движение сопротивления и в будущем. К повальному террору в Эстонии прибавилось также планомерное истребление национальной элиты, то есть видных людей и активистов, и обессиливание эстонского народа как нации»[1]. В официальной «Белой книге» эти события характеризуются как «геноцид эстонского народа»[2], а авторы изданного таллинским Музеем оккупации «Обзора периода оккупации» без затей озаглавливают соответствующий раздел своей работы «Уничтожение народа».

Однако приводимые в официальной историографии количественные характеристики «геноцида» ставят под вопрос столь категоричные утверждения.

Март Лаар утверждает, что «в течение первого оккупационного года в Эстонии было арестовано около 8000 чел., из которых не менее 1950 чел. было приговорено к смерти еще в Эстонии»[3].

В коллективной работе «Обзор периода оккупации», размещенной на сайте эстонского Музея оккупации, приводятся немного иные данные: «В 1940 г. в Эстонии были арестовано около 1000, а в 1941 г. — около 6000 чел. Подавляющее большинство из них были признаны виновными и отправлены в тюремные лагеря СССР, где большин-

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 4, 8.

[2] Белая книга. С. 13.

[3] *Лаар М.* Красный террор. С. 8.

ство из них погибло или было казнено. По имеющимся данным, по крайней мере, 250 чел. из заключенных в 1940 г. были казнены... из заключенных 1941 г. были казнены более 1600 чел.»[1].

Из «Белой книги» можно узнать, что «в течение первой советской оккупации было арестовано около 8000 чел., из которых, по меньшей мере, 1950 были казнены в Эстонии»[2]. В другом месте этой же работы уточняется, что за шесть месяцев 1940 г. было арестовано «по меньшей мере, 1082 чел.», а в 1941 г. было зарегистрировано 1622 смертных приговора[3].

Наконец, в подготовленных комиссией историков при президенте Эстонии «Рапортах» говорится, что «в 1940 г. НКВД арестовал почти 1000 граждан и жителей Эстонской республики, а в 1941 г. НКВД и НКГБ арестовали около 6000 чел... По имеющимся данным, из числа арестованных в 1940 г., по крайней мере, 250 чел. были казнены... из арестованных в 1941 г. более 1600 были казнены»[4] (табл. 8).

Таблица 8. Сводные данные эстонских историков о репрессиях в Эстонии в 1940–1941 гг.

Источник	Арестовано			Из них казнено		
	В 1940 г.	В 1941 г.	Всего	В 1940 г.	В 1941 г.	Всего
М. Лаар	—	—	8000	—	—	1950
«Белая книга»	1082	[6918]	8000	[328]	1622	1950
«Обзор»	1000	6000	7000	250	1600	1850
«Рапорты»	1000	6000	7000	250	1600	1850

Как видим, во-первых, официальная эстонская историография оперирует круглыми цифрами. Во-вторых, авторы рассматриваемых работ никак не могут определиться, сколько же все-таки было арестованных — семь или восемь тысяч? С определением числа казненных дело обстоит несколько лучше, но консенсуса все равно не наблюдается.

---

1 Обзор периода оккупации. С. 25.

2 Белая книга. С. 27.

3 Там же. С. 13–14.

4 Рапорты. С. 11.

1.2. Первоисточники официальных данных

Причины, по которым в официальной эстонской историографии приводятся различные данные о количестве репрессированных, проясняются сразу, как только нам удается установить первоисточники этих данных. Дело это не самое легкое (поскольку авторы рассматриваемых работ упорно пренебрегают ссылками на источники), но выполнимое.

Данные о 8000 арестованных и 1950 расстрелянных впервые были обнародованы в 1943 г. так называемой Комиссией Центра поиска и возвращения увезенных. Эта структура была создана немецкими оккупационными властями в сентябре 1941 г. для расследования «преступлений большевиков»; характерно, что в современной эстонской историографии ее название фигурирует на немецком — «Zentralstelle zur Erfassung der Verschleppten» (ZEV). Именно сотрудники ZEV «насчитали» 7926 (по другим данным — 7691) арестованных в 1940–1941 гг. и заявили, что 1950 из них были расстреляны[1].

Практически одновременно с обнародованием «данных» ZEV нацистскими пропагандистами была издана книга под названием «Год страданий эстонского народа». И в этой книге говорилось не о 1950, а о 1850 расстрелянных в период «советской оккупации»[2]. Возможно, причиной расхождения в цифрах была примитивная опечатка.

Таким образом, официальная историография просто-напросто воспроизводит заявления нацистских пропагандистов. Разница заключается лишь в том, что авторы «Белой книги» и М. Лаар взяли приводимые ими цифры из данных ZEV, а авторы «Обзора» и «Рапортов» в качестве источника использовали цифры из книги «Год страданий эстонского народа».

---

[1] *Тарвель Э.* История депортации [Цитируется по электронному варианту, размещенному на сайте Эстонского национального музея, www.erm.ee, здесь и далее номера страниц не указываются]; *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests and court cases from august 1940 to september 1941 // Estonia, 1940–1945: Reports of Estonian International Commission for the investigation of crimes against humanity. Tallinn, 2006. P. 328.

[2] *Rahi A.* On the current state of research into soviet and nazi repressions in Estonia // Yearbook of the Occupation museum of Latvia 2002. Riga, 2003.

Неудивительно, что и те и другие предпочитают не распространяться о первоисточниках своих данных. О каком объективном исследовании может идти речь, если кропотливой работе с архивными документами авторы предпочитают повторение измышления нацистской пропаганды без какого-либо критического анализа?

1.3. Вопрос периодизации

Еще один важный вопрос звучит следующим образом: «К какому периоду относятся эти цифры?» Охватывают ли они всю «первую советскую оккупацию», то есть период с июня 1940 по сентябрь 1941 г., или же только предвоенный этап?

Официальная эстонская историография четкого ответа на этот вопрос не дает. В «Белой книге» сначала говорится об аресте 8000 чел. и расстреле 1950 из них, потом — о депортации 1941 г., потом о казненных и убитых во время войны[1]. Такая последовательность изложения наводит на мысль, что цифра в 8000 арестованных и 1950 расстрелянных относится лишь к предвоенному периоду «первой оккупации». В правильности этой мысли читателя убеждает и тот факт, что чуть позже в «Белой книге» утверждается, что после начала войны в республике было убито 179 чел. по приговорам суда и 2199 — без суда[2]. По вполне понятным причинам число казненных и убитых в заключительный период «первой оккупации» не может превышать число казненных за всю «первую оккупацию». Следовательно, цифры 8000 арестованных и 1950 казненных относятся только к довоенному периоду. На эту мысль наводит и формулировка, используемая Мартом Лааром: «в течение **первого оккупационного года** в Эстонии было арестовано около 8000 чел...»[3] «Первый оккупационный год» закончился как раз 22 июня.

Однако историки Меелис Марипуу и Арго Куусик в выпущенном Комиссией по расследованию преступлений против человечности

---

1 Белая книга. С. 27–28.

2 Там же. С. 28. См. также: *Rahi A.* On the current state of research into soviet and nazi repressions in Estonia // Yearbook of the Occupation museum of Latvia 2002. Riga, 2003.

3 *Лаар М.* Красный террор. С. 8.

сборнике «Эстония, 1940–1945» относят цифры в 7000 арестованных и 1850 казненных ко всей «первой оккупации»[1].

При этом М. Марипуу и А. Куусик приводят первоисточник этих цифр — данные комиссии ZEV о количестве арестованных с разбивкой по годам и месяцам. Как выясняется, в июне — декабре 1940 г., по данным ZEV, было арестовано в общей сложности 1034 чел. (табл. 9).

Таблица 9. Численность арестованных и/или расстрелянных в Эстонии в 1940 г., по данным ZEV[2]

Месяц	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Месяц неизвестен	Итого
Число арестованных и/или казненных	28	121	106	135	147	186	275	36	1034

В 1941 г., по данным ZEV, было арестовано еще 5599 чел. (см. табл. 10).

Таблица 10. Численность арестованных и/или расстрелянных в Эстонии в 1941 г., по данным ZEV[3]

Месяц	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Итого
Число арестованных и/или казненных	293	239	218	381	275	1583	1951	539	74	5599

Кроме того, комиссия ZEV не смогла определить дату ареста еще 1058 чел. С их учетом получалось, что с июня 1940 по сентябрь 1941 г. в Эстонии было арестовано 7691 чел. (см. табл. 11).

1 *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 327.
2 Ibid. P. 328.
3 Ibid.

Таблица 11. Итоговые данные ZEV о численности арестованных и/или расстрелянных в Эстонии в 1940–1941 гг.[1]

Год	Число арестованных и/или казненных
1940	1034
1941	5599
Год неизвестен	1058
Итого	7691

Опубликовав столь подробную раскладку данных ZEV, М. Марипуу и А. Куусик закрыли вопрос о том, к какому периоду относятся приводимые эстонскими историками данные. Эти данные относятся ко всей «первой советской оккупации», включая и ее военный период[2].

Совершенно понятна причина, по которой Март Лаар и авторы «Белой книги» предпочли этот момент не афишировать, а, напротив, усердно маскировать. Ведь даже по данным немецких пропагандистов получается, что предвоенные советские репрессии в Эстонии носили достаточно умеренный характер: с июня 1940 по июнь 1941 г. было арестовано от трех до четырех тысяч человек. Даже если правдой являются утверждения о том, что подавляющее большинство арестованных было осуждено[3], на концепции «геноцида» можно сразу ставить крест.

1.4. Сравнение статистических данных

Однако даже эти цифры при ближайшем рассмотрении вызывают серьезные сомнения в их адекватности. Дело в том, что они противоречат статистике НКВД СССР — ведомства, располагавшего на этот счет исчерпывающими данными. К счастью, в настоящее время значительная часть документов НКВД, касающихся данной проблемы, рассекречена, введена в научный оборот или даже опубликована.

---

[1] Ibid.

[2] Следует учесть, что в названное ZEV число арестованных (7691 человек) не входят арестованные во время июньской депортации 1941 г. Эти люди учитывались ZEV как депортированные.

[3] Рапорты. С. 9; *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 327.

Возьмем, например, приговоренных к высшей мере наказания. Официальная эстонская историография утверждает, что в 1940–1941 гг. в Эстонии было казнено от 1850 до 1950 чел. Однако согласно обнародованной российским историком-архивистом Олегом Мозохиным подробной статистике репрессивной деятельности советских органов госбезопасности, за 1940 г. во всем Советском Союзе к смертной казни было осуждено 1863 чел.[1] В 1941 г. число приговоренных к высшей мере увеличилось до 23 786 чел.[2], из которых лишь 8001 чел. был казнен по политическим мотивам[3], причем большая часть смертных приговоров была вынесена после начала Великой Отечественной войны (см. табл. 12).

Таблица 12. Статистика репрессивной деятельности НКВД-НКГБ СССР в 1939–1941 гг.[4]

Год	Арестовано	Осуждено		В том числе к ВМН	
		Всего	За контрреволюционные преступления	Всего	За контрреволюционные преступления
1939	145 407	66 627	63 889	2601	2552
1940	172 433	75 126	71 806	1863	1649
1941	209 015	Около 140 000*	75 806	23 786	8001

** Рассчитано по: Статистические сведения... С. 348–351.*

Проведя простые вычисления, мы обнаружим, что за год «первой советской оккупации Эстонии» (с июня 1940-го по июнь 1941-го) во всем Советском Союзе было казнено от двух до трех тысяч человек. Было бы совершенно абсурдно предполагать, что подавляющее большинство из казненных в 1940–1941 гг. составляли эстонцы. На-

---

[1] Статистические сведения... С. 350.

[2] Там же.

[3] Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 191 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 202–205).

[4] Составлено по: Статистические сведения... С. 342–350; ГУЛАГ: Главное управление лагерей: Сборник документов. М., 2002. С. 434.

помним, что одновременно с Эстонией к СССР были присоединены Латвия и Литва, а чуть раньше — Западная Украина и Западная Белоруссия. Неужели на этих территориях практически никого не приговаривали к смертной казни? И разве во всех остальных республиках СССР действовал мораторий на смертную казнь?

Российскими историками уже давно опубликованы данные о масштабах репрессий на территории присоединенной к СССР Западной Украины. С сентября 1939 по май 1941 г. по делам УНКВД западноукраинских областей и ДТО НКВД Ковельской и Львовской железных дорог был вынесен 801 приговор к высшей мере наказания[1]. Неужели в маленькой Эстонии за тот же период смертных приговоров было вынесено два с половиной раза больше, чем на Западной Украине?

Цифры расстрелянных, приводимые немецкими пропагандистами и эстонскими историками, совершенно явно не соответствуют документально подтвержденным сведениям о репрессивной деятельности органов НКВД СССР.

Любопытно, что цифры в 1850 и 1950 казненных не находят подтверждения не только в статистике НКВД, но и в немецких документах. Так, например, в годовом отчете командира полиции безопасности и СД за июль 1941 — 30 июня 1942 г. говорится о 623 казненных НКВД в Эстонии, причем в эту цифру, по всей видимости, входят и казненные после начала войны[2]. В отличие от материалов ZEV или книги «Год страданий эстонского народа», годовой отчет полиции безопасности и СД был документом внутренним, предназначавшимся не для пропаганды, а для информирования вышестоящего начальства. За год оккупации сотрудники СД имели достаточно времени, чтобы установить общее число казненных органами НКВД, и поэтому их цифры вызывают гораздо большее доверие, чем приводимые пропагандистами.

---

1 Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 109; *Кучерепа М., Вісин В.* Волинь, 1939–1941 рр. Луцьк, 2005. С. 170. См. также: *Никольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні... С. 421–441.

2 Eesti julgeolekupolitsei aruanded, 1941–1944: Eesti üldine olukord ja rahva meeleolu saksa okupatsiooni perioodil politseidokumentide peeglis. Tallinn, 2002. S. 74.

Таким образом, фигурирующее в официальной эстонской историографии число казненных в довоенной ЭССР противоречит как статистике НКВД, так и документам немецкой полиции и СД. Следовательно, эти цифры нельзя рассматривать как адекватные.

1.5. Численность заключенных

Попробуем разобраться, каким было реальное число арестованных и казненных граждан Эстонии в период «первой советской оккупации». При этом с целью последовательности изложения в этой главе мы будем рассматривать число арестованных и казненных в довоенный период, то есть с июня 1940 по июнь 1941 г. Аналогичные данные за период с 22 июня по сентябрь 1941 г. будут рассматриваться в главе 3.

Для начала определим реальное число граждан Эстонской ССР, осужденных в 1940 — начале 1941 г. к заключению в лагерях и колониях ГУЛАГа. Полную ясность в этот вопрос могут внести документы НКВД Эстонской ССР. К сожалению, к настоящему времени соответствующие материалы еще не выявлены и не введены в научный оборот. Однако определить число осужденных эстонцев можно и другим путем.

Дело в том, что состав и движение заключенных ГУЛАГа детально исследованы российскими историками. Благодаря этому выяснить данные о наличии в советских лагерях и колониях эстонцев не составляет труда (см. табл. 13).

Располагая этими данными, мы можем вычислить количество эстонцев, попавших в лагеря за время «первой советской оккупации».

Начнем с 1940 г. К началу этого года (то есть еще до присоединения Эстонии к Советскому Союзу) в лагерях ГУЛАГа находилось 2720 эстонцев — жителей СССР. К концу 1940-го заключенных-эстонцев стало чуть-чуть больше — 2781 чел. Из этого, однако, не следует, что в 1940 г. к заключению в лагерях был осужден 61 житель Эстонской республики. Чтобы получить реальную цифру осужденных за год, нам следует учесть следующие обстоятельства. Во-первых, некоторое количество эстонцев, находившихся в лагерях на начало года, к концу года умерло. Во-вторых, часть эстонцев содержалась не в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ), а в исправительно-трудовых колониях (ИТК), сведений о составе заключенных которых

за 1940 г. нам обнаружить не удалось. В-третьих, кроме эстонцев на территории Эстонской ССР проживали представители других национальностей, также попадавшие в лагеря. В-четвертых, эстонцы проживали и в других республиках Советского Союза и, соответственно, определенная часть осужденных эстонцев арестовывалась не на территории Эстонии.

Таблица 13. Наличие эстонцев в лагерях и колониях ГУЛАГа, 1937–1944 гг.[1]

По состоянию на	В лагерях	В колониях	Всего
1 октября 1937 г.	1117		
1 января 1939 г.	2360*		
1 января 1940 г.	2720		
1 января 1941 г.	2781		
1 января 1942 г.	6581	471	[7052]
1 января 1943 г.	4556	[869]	5425
1 января 1944 г.	2933	1117	4050

** По данным справки 2-го отдела ГУЛАГа НКВД СССР. В. Н. Земсков без ссылки на источник приводит цифру в 2371 чел.*

Данные о смертности заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа, рассчитанные на основании документов НКВД, также хорошо известны. Поскольку мы еще не раз будем обращаться к этим цифрам, приведем таблицу смертности заключенных за 1940–1956 гг. (табл. 14).

Как видим, в 1940 г. смертность заключенных в системе ГУЛАГа составила 2,72 % к числу заключенных. Мы не имеем никаких оснований предполагать, что среди эстонцев умерших было больше, чем среди заключенных других национальностей; следовательно, число умерших за год составило примерно 75 чел.

---

[1] Составлено по: *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 17, 26; Население России в XX веке. Т. 2. С. 188–189 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 11–12, 47, 50; Д. 1356. Л. 1–4); ГУЛАГ... С. 424; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1-доп. Д. 378. Л. 145–151.

Таблица 14. Смертность заключенных в системе ГУЛАГа, 1940–1956 гг.[1]

Год	Число умерших	В % умерших к среднесписочному
1940	41 275	2,72
1941	115 484	6,1
1942	352 560	24,9
1943	267 826	22,4
1944	114 481	9,2
1945	81 917	5,95
1946	30 715	2,2
1947	66 830	3,59
1948	50 659	2,28
1949	29 350	1,21
1950	24 511	0,95
1951	22 466	0,92
1952	20 643	0,84
1953	9628	0,67
1954	8358	0,69
1955	4842	0,53
1956	3164	0,4

Число эстонцев в колониях за 1940 г., как уже говорилось, нам неизвестно. Известно, однако, что в 1941 г. соотношение эстонцев, заключенных в лагерях, к эстонцам, находящимся в колониях, составляло четырнадцать к одному. Поскольку в 1940 г. серьезных изменений в составе эстонцев-заключенных не наблюдалось (смертность, как мы помним, была относительно невелика, новых осужденных тоже немного), можно предположить, что соотношение эстонцев в ИТЛ и ИТК в 1940-м было таким же, как и в 1941-м. Следовательно, число заключенных в ИТК на начало года можно определить примерно в 200, а к концу года – в 210–220 чел.

Теперь учтем, что в новообразованной Эстонской ССР арестовывали не только эстонцев, но и проживавших там граждан других

[1] ГУЛАГ... С. 441–442. Рассчитано по материалам Отдела учета и распределения заключенных ГУЛАГа (ГАРФ. Ф. Р-9414).

национальностей, в том числе русских. Определить численность этой категории не представляется возможным без обращения к документам органов госбезопасности ЭССР; по понятным причинам сделать этого мы не можем. Несомненно, однако, что эстонцы составляли большую часть арестованных и осужденных. С другой стороны, в лагеря попадали и эстонцы, арестованные в других областях СССР. Будем считать, что эти категории были примерно равны, и пренебрежем ими.

Таким образом, мы можем определить число жителей Эстонии, приговоренных в 1940 г. к заключению в лагерях и колониях, примерно в 150 чел.

Перейдем теперь к 1941 г. К концу года в ИТЛ и ИТК находилось 7052 эстонца. Годовая смертность заключенных в системе ГУЛАГа составила около 6,1 % от списочного состава; следовательно, общее количество заключенных-эстонцев вместе с умершими за 1941 г. может быть оценено в 7500 чел. Как мы помним, на начало года в лагерях и колониях имелось около 3 тысяч чел.; следовательно, за год в систему ГУЛАГа поступало около 4,5 тысячи новых заключенных-эстонцев.

Итак, за весь 1941 г. в советские лагеря было отправлено четыре с половиной тысячи эстонцев. Однако, как уже говорилось, в этом разделе мы рассматриваем более узкий период: с июня 1940 до середины июня 1941 г. Как известно, 14 июня 1941 г., была проведена масштабная депортация из Эстонии «антисоветского» и уголовного элемента. Эту тему мы будем рассматривать отдельно; пока же приведем лишь цифры: в результате депортации было арестовано 3178 чел., выслано — 5978[1]. Таким образом, из 4,5 тысячи арестованных в 1941 г. эстонцев большая часть — почти 3,2 тысячи — были отправлено в лагеря ГУЛАГа в результате июньской депортации и должны учитываться отдельно.

Число жителей Эстонии, попавших в лагеря ГУЛАГа в январе — начале июня 1941 г., можно определить в 1000 чел., а общее число осужденных к заключению в период с июня 1940 до начала июня 1941 г. — примерно в 1200 чел. В случае ошибки в наших расчетах это число может возрасти до 1,5 тысячи.

Окончательную ясность в этот вопрос может внести только привлечение новых документов союзного и республиканского НКВД —

---

[1] Сталинские депортации. С. 223; [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1–4].

к сожалению, пока не введенных в научный оборот ни эстонскими, ни российскими историками. Однако даже из имеющейся статистики о наличии заключенных в ГУЛАГе понятно, что ни о трех, ни о четырех тысячах осужденных в июне 1940 — начале июня 1941 г. граждан Эстонии речи не идет.

Упомянем о дальнейшей судьбе осужденных. В официальной эстонской историографии утверждается, что большая часть из них погибла в сибирских лагерях. Авторы «Белой книги», например, утверждают, что из арестованных в 1940–1941 гг. выжило лишь от 2 до 8 % заключенных-эстонцев[1]. Такого же мнения придерживаются и остальные историки: например, Март Лаар в своей книге рисует поистине апокалипсическую картину: «Большая часть заключенных, осужденных на тюремное заключение в России, скончалось в 1942–1944 гг. Дополнительные допросы и расстрелы продолжались и в лагерях. В некоторых лагерях органами госбезопасности готовились сфабрикованные материалы о заговорах и попытках к восстаниям, за которые люди опять-таки подвергались расстрелу. Из людей, арестованных в 1940–1941 гг., в живых осталось лишь около 5 %»[2].

Эти утверждения не соответствуют действительности. Статистические данные о численности эстонцев в лагерях и колониях ГУЛАГа в 1941–1944 гг. (см. табл. 14) явно противоречат утверждениям официальной эстонской историографии. На 1 января 1942 г. в системе ГУЛАГ, как мы помним, в общей сложности находилось более семи тысяч эстонцев, а на 1 января 1944 г. — более четырех тысяч. Что и говорить, во время войны смертность среди заключенных ГУЛАГа действительно была очень велика — однако все же не такая, как это описывается в официальной эстонской историографии.

Кроме того, следует помнить, что столь высокая смертность была обусловлена не злой волей Кремля — это был результат тяжелых и изнурительных испытаний военного времени, от которого страдали не только заключенные ГУЛАГа, но и все население Советского Союза.

---

[1] Белая книга. С. 27.

[2] *Лаар М.* Красный террор. С. 11.

1.6. Численность казненных

Теперь обратимся к числу приговоренных к высшей мере наказания — расстрелу. Как мы помним, согласно статистике деятельности органов НКВД, во всем Советском Союзе с июня 1940 по июнь 1941 г. было расстреляно около двух-трех тысяч человек, а после оккупации Эстонии немецкими войсками сотрудники полиции и СД насчитали 623 казненных НКВД, включая расстрелянных во время войны[1]. Сопоставление этих данных позволяет предположить, что общее количество казненных за первый календарный год «советской оккупации» составляло несколько сотен человек.

В уже упоминавшейся коллективной работе «Обзор периода оккупации» помимо цифры в 1850 расстрелянных мы можем обнаружить гораздо более правдоподобные данные: «в 1940–1941 гг. особые трибуналы, действовавшие в Эстонии, приговорили к смерти по крайней мере 300 чел., примерно половину из которых — еще до начала войны»[2]. Далее авторы «Обзора» пишут, что смертные приговоры в Эстонии в 1940–1941 гг. выносились не гражданскими судами, а именно военными трибуналами — сначала трибуналом Ленинградского военного округа, а затем трибуналом войск НКВД Прибалтийского округа. При этом дела вместе с предложениями о наказании прокуратура направляла одновременно и трибуналам, и Особому совещанию НКВД СССР[3].

Таким образом, согласно авторам «Обзора», с июня 1940 по июнь 1941 г. к высшей мере наказания в Эстонии были приговорены не 1950, а около 150 чел.

Неожиданное подтверждение этой цифре мы находим в книге Марта Лаара. «Если в 1940 г. известно лишь несколько случаев юридического убийства, — пишет Лаар, — то в 1941 г. количество людей, приговоренных к смерти, постепенно стало расти. В Эстонии самым известным местом приведения в действие смертных приговоров являлись дачи на участке бывшего банкира Клауса Шеэля, располо-

---

1 Статистические сведения... С. 342–350; ГУЛАГ. С. 434; Eesti julgeolekupolitsei aruanded. S. 74.

2 Обзор периода оккупации. С. 24. См. также: *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 322–323.

3 Обзор периода оккупации. С. 23–24.

женном на Пирита-Косе, которые с апреля 1941 г. использовались как место расстрела и погребения. На участке Шеэля было найдено 78 трупов расстрелянных людей, большая часть жертв позднее была перезахоронена на кладбище Лийва. Возможно, что часть жертв была расстреляна еще в Патарейской тюрьме или во Внутренней тюрьме, и их трупы были позднее погребены на участке Шеэля»[1].

Как видим, здесь Лаар опровергает и самого себя, и остальных авторов официальных работ о советских репрессиях в Эстонии. Авторы «Белой книги», «Обзора» и «Рапортов» единодушно утверждают, что в 1940 г. было расстреляно от 250 до 330 чел., а Лаар пишет, что «в 1940 г. известно лишь *несколько* случаев юридического убийства». Несколько, а не несколько сотен. И на территории основного захоронения расстрелянных за год «советской оккупации» было найдено 78, а не полторы тысячи тел.

Есть еще один любопытный момент: в 1996 г. все тот же Март Лаар вместе с еще одним эстонским историком Яаном Троссом издал в Стокгольме на эстонском языке книгу под названием «Красный террор», в которой были опубликованы списки эстонцев, казненных по приговору суда в 1940–1941 гг. В этих списках значится 179 чел.[2]

Об адекватности этих цифр свидетельствует еще одно обстоятельство. Согласно документам НКГБ ЭССР, к 11 июня 1941 г. в республике проживало 367 членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН[3]. Сделав поправку на то, что часть членов семей осужденных к ВМН также арестовывалась, мы получаем все ту же цифру — около 150–200 расстрелянных.

Окончательно вопрос о численности осужденных к ВМН был закрыт в 2006 г., когда в приложениях к уже упоминавшейся статье

---

1 *Лаар М.* Красный террор. С. 10.

2 *Laar M., Tross J.* Punane terror. Stockholm, 1996. Цит. по: http://www.history.ee/register/doc/ puna.html; *Rahi A.* On the current state of research into soviet and nazi repressions in Estonia // Yearbook of the Occupation museum of Latvia 2002. Riga, 2003. Эта же цифра называется в работе: *Küng A.* Communism and crimes against humanity in the Baltic states [Цитируется по электронному варианту, размещенному на сайте www.rel.ee].

3 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 5. Л. 134.

эстонских историков М. Марипуу и А. Куусика был опубликован основанный на материалах Эстонского государственного архива детальный список граждан Эстонии, расстрелянных по приговору советских военных трибуналов в 1940–1941 гг.[1]

В этом списке — 324 чел., 184 из которых были расстреляны до 22 июня 1941 г., а 140 — после. Из 184 чел., казненных до 22 июня 1941 г., двое были осуждены к ВМН в 1940 г. и 182 — в 1941-м. По национальному составу казненные распределяются следующим образом: 138 эстонцев (75 %) и 46 русских (25 %).

Конечно, казнь даже 184 невинных людей — преступление. Однако между 1950 и 324 расстрелянными все-таки существует весьма и весьма существенная разница — разница между политической ложью и исторической истиной. В конце концов, если бы разницы не существовало, авторам официальных работ о советских репрессиях в Эстонии не было бы нужды на порядок завышать численность расстрелянных. Кроме того, почему всех этих казненных следует считать невиновными?

Не будем углубляться в дискуссии, казнили ли в СССР тридцатых–сороковых годов невиновных (безусловно, казнили) и каково было среди казненных соотношение виновных и невиновных. Подобные дискуссии интересны, но малопродуктивны. Давайте просто посмотрим, за что советские военные трибуналы в Эстонии приговаривали к ВМН (см. табл. 15).

Приведем несколько конкретных дел.

Александр Пилтер и Вело Весило приговорены к ВМН 11 декабря 1940 г. военным трибуналом ПрибОВО за дезертирство из 22-го Эстонского стрелкового корпуса РККА и попытку побега в Финляндию.

Владимир Лебедев, осужденный 5 января 1941 г. белогвардейский офицер, воевал в армии Деникина, с 1932 г. — осведомитель эстонской тайной полиции в Петсери.

Арвед Лаане, командир 42-го стрелкового полка 22-го Эстонского корпуса. Похитил казенные деньги (5000 крон), пытался с ними скрыться, но был арестован в ресторане.

---

[1] *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 333–359.

Таблица 15. Состав преступления осужденных к ВМН граждан Эстонии, 1940 — июнь 1941 гг.[1]

За что осуждены	Количество осужденных к ВМН	В % к общему числу осужденных к ВМН
Военные преступления в годы Гражданской войны	42	22,8
Шпионаж против СССР до 1940 г.	26	14,1
Аресты и казни коммунистов в независимой Эстонии, провокаторская деятельность	56	30,4
Участие в белогвардейских организациях	13	7
Бегство из СССР до 1940 г.	6	2,3
Шпионаж против СССР в 1940–1941 гг.	1	0,5
Антисоветская деятельность в 1940–1941 гг.	11	6
Дезертирство из Красной Армии	6	2,3
Попытка бежать за рубеж	6	2,3
Причина не указана	18	9,8

Эвальд Мадиссон, секретный агент эстонской тайной полиции, а после присоединения Эстонии к Советскому Союзу — секретный сотрудник НКВД. О том, что служил в тайной полиции, он, естественно, от руководства НКВД утаил; кроме того, передавал начальству дезинформацию.

Ханс Педак, эстонский военный, кавалер Креста Свободы. В 1919 г. командовал подразделением, занимавшимся расстрелами военнопленных красноармейцев[2].

Как видим, основная масса смертных приговоров выносилась за «старые грехи» — военные преступления во время Гражданской войны и репрессии против коммунистов. Назвать «необоснованными» большинство из этих приговоров проблематично. Исключение составляют приговоры, вынесенные за разведывательную деятельность

---

[1] Составлено по: *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 333–351. Суммарное число осужденных по категориям превышает 184 чел., поскольку в ряде случаев причин осуждения было несколько.

[2] *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 333.

против СССР: очевидно, что сотрудники эстонских разведорганов, которым выносились эти приговоры, были виновны лишь в выполнении своего служебного долга — если, разумеется, параллельно они не взаимодействовали с разведорганами третьих стран.

1.7. Выводы

Подведем предварительные итоги. В официальной эстонской историографии утверждается, что число арестованных граждан Эстонии в период с июня 1940 по июнь 1941 г. составило от 7 до 8 тысяч чел., большая часть из которых была осуждена. Число приговоренных к расстрелу определяют в 1850–1950 чел.

При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется интересный момент. Названные цифры восходят к данным действовавшей во время нацистской оккупации комиссии ZEV и уже поэтому выглядят сомнительными. Кроме того, эти цифры относятся ко всему периоду так называемой «первой советской оккупации» (с июня 1940 по сентябрь 1941 г.). Число же арестованных в довоенный период, по данным ZEV, составляет примерно 3–4 тысячи чел.

По понятным причинам в официальной эстонской историографии этот факт не афишируется — ведь эти данные опровергают концепцию «геноцида». О каком геноциде может идти речь, если из 1,1 миллиона граждан Эстонии были арестованы несколько тысяч? Тем более что среди арестованных было много русских.

Однако даже эти показатели репрессивной деятельности советских властей в Эстонии не соответствуют действительности. Это выясняется при сопоставлении их со статистикой НКВД, опубликованной российскими учеными.

На самом деле за период с июня 1940 г. по сентябрь 1941 г. в Эстонии было приговорено к заключению в лагерях и колониях ГУЛАГа не 7–8 тысяч чел., а около 1,7 тысячи[1]. Число осужденных к ВМН за тот же период составило не 1850–1950, а около 400 чел.[2]

---

1 Без учета арестованных во время июньской депортации 1941 г.; комиссией ZEV они учитывались как депортированные и потому в цифру 7–8 тысяч арестованных не вошли.

2 С учетом данных, которые будут рассматриваться в главе 3.

Реальное число осужденных в довоенный период также значительно отличается от данных ZEV. По данным ZEV, с июня 1940 по июнь 1941 г. в Эстонии было арестовано около 3–4 тысяч чел., большинство из которых было осуждено. Однако на самом деле число приговоренных к заключению в системе ГУЛАГа составило около 1350 чел. К ВМН было осуждено 184 чел.

Таким образом, к заключению в лагерях ГУЛАГа и ВМН было осуждено примерно 0,15–0,2 % населения республики. Следовательно, вопреки утверждениям официальной эстонской историографии репрессии как «первой советской оккупации», так и ее предвоенного периода невозможно рассматривать как геноцид.

Глава 2. Июньская депортация 1941 г.

2.1. Официальная эстонская версия

14 июня 1941 г. в Эстонии, как и в остальных прибалтийских республиках, была проведена операция по выселению в отдаленные районы СССР «антисоветского и уголовного элемента». Вне всякого сомнения, это была самая масштабная репрессивная акция со времени вхождения Эстонии в состав Советского Союза; достаточно сказать, что число арестованных в ходе июньской депортации значительно превысило число арестованных за весь предыдущий год. А ведь кроме них были еще и ссыльные...

Неудивительно, что тема июньской депортации пользуется особой популярностью у эстонских историков и политиков.

Утверждается, что депортацию из Эстонии советские власти начали готовить то ли в первые дни после присоединения республики к СССР, то ли еще раньше. В качестве причины депортации называется желание Кремля «создать среди народа чувство постоянного страха и повиновение правящему режиму»[1]. Согласно утверждениям официальной эстонской историографии, сама депортация проводилось с крайней жестокостью, сопровождалась расстрелами и массовой гибелью депортируемых — как в пути, так и в ссылке.

[1] Обзор периода оккупации. С. 36.

«Кульминацией геноцида первого года советской оккупации стала массовая депортация 14 июня 1941 г., — говорится в «Белой книге». — В Сибирь, в окрестности Новосибирска и Кирова, в нечеловеческие условия были насильственно вывезены умирать тысячи эстонских семей, в том числе младенцы, старики и беременные женщины... Проведенная 14 июня 1941 г. массовая депортация представляла собой совершенное советским правительством преступление, не имеющее срока давности — геноцид против эстонского народа»[1].

С этой точкой зрения согласен и Март Лаар. «Крупнейшим актом геноцида или народоубийства стала высылка семей в Сибирь в рамках начавшегося 14 июня 1941 г. процесса принудительного переселения», — утверждает он[2].

Как видим, депортацию 1941 г. называют актом геноцида; однако соответствует ли это действительности?

2.2. Численность депортированных

Прежде всего, разберемся с численностью депортированных. В официальной эстонской историографии единодушия по этому вопросу не наблюдается.

В «Белой книге» говорится о 9267 депортированных[3]. Март Лаар приводит похожую цифру — 9254 депортированных[4]. Зато в «Рапортах» комиссии историков при президенте Эстонии приводятся принципиально иные данные: «14 июня 1941 г. более 10 000 чел. (по некоторым данным 10 861) были депортированы из Эстонии целыми семьями»[5]. Авторы «Обзора периода оккупации» даже не пытаются разрешить это противоречие. «Точное количество людей, депортированных в июне 1941 г., назвать сегодня невозможно, — пишут они. — По различным данным это число составляли от 9000 до 10 000 чел.»[6].

В чем же причина этих расхождений?

---

1 Белая книга. С. 14.

2 *Лаар М.* Красный террор. С. 12.

3 Белая книга. С. 14, 27.

4 *Лаар М.* Красный террор. С. 16.

5 Рапорты. С. 12.

6 Обзор периода оккупации. С. 40.

И Март Лаар, и авторы «Белой книги», и авторы «Рапортов» используют один и тот же источник: поименные списки Эстонского бюро регистра репрессированных (ERRB). Однако используют они их по-разному.

Авторы «Белой книги» и Лаар учитывают лишь тех, кто был депортирован в ходе операции 14 июня[1]. Авторы «Рапортов» поступили менее добросовестно: в цифру 10 861 депортированный ими включены не только депортированные семьи, а еще и дети, родившиеся в депортации, и даже те, кто был включен в списки депортированных, но депортирован не был[2].

Март Лаар и авторы «Белой книги» не решаются серьезно завышать число депортированных по вполне уважительной причине. Дело в том, что проблема депортации 1941 г. из Прибалтики вообще и из Эстонии в частности достаточно хорошо исследована российскими историками. Итоговая статистика депортационной операции 1941 г. приводится в направленной Сталину докладной записке наркома НКГБ СССР Меркулова от 17 июня 1941 г. Этот документ давно опубликован и хорошо известен историкам.

«Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, — сообщается в записке. — По Эстонии: арестовано 3178 чел., выселено 5978 чел., всего репрессировано 9156 чел.»[3].

Как видим, цифры «Белой книги» и М. Лаара лишь незначительно превышают данные, содержащиеся в докладной наркома госбезопасности СССР Меркулова. Зато количество депортируемых по версии «Рапортов» явно неадекватно и превышает данные Меркулова практически на две тысячи.

---

[1] Ср.: *Varju P.* 14. juuni 1941 massioperasiooni ohvirte koondnimekiri [Цитируется по электронному варианту, размещенному на сайте исторического факультета Тартуского университета, www.history.ee; здесь и далее номера страниц не указываются].

[2] Белая книга. С. 27.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 1–4; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 404–405; Сталинские депортации. С. 223; [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1–4].

О показательной манипуляции цифрами можно судить еще по одному примеру. Среди 3178 арестованных во время депортационной операции были офицеры 22-го эстонского территориального стрелкового корпуса РККА. В «Обзоре периода оккупации» утверждается, что число арестованных в рамках депортации эстонских офицеров составило около 300 чел.[1]

Эта цифра не соответствует действительности. Еще раз обратимся к докладной Меркулова: «Бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной Армии, на которых имелся компрометирующий материал, арестовано — 833, в том числе по Литве — 285, по Латвии — 424, по Эстонии — 224»[2]. Как видим, авторы «Обзора» завышают реальное число арестованных эстонских офицеров примерно в полтора раза.

К сожалению, именно завышенные цифры депортированных пользуются наибольшей популярностью среди эстонских политиков. Например, посол Эстонии в России Тийт Матсулевич заявил в интервью газете «Известия» следующее: «Наверное, вообще неэтично ссылаться на количественные показатели. 14 июня 1941 г. из нашей страны вывезли более 10 тысяч чел.»[3].

На самом же деле из Эстонии было депортировано не «более десяти тысяч», а «более девяти тысяч», что в процентном отношении составляло менее 1 % от населения республики.

2.3. Кто подлежал депортации

Данные о численности депортированных делают крайне сомнительными попытки отождествить июньскую депортацию с геноцидом. Даже самому пристрастному человеку понятно, что насильственная высылка менее 1 % населения не может быть названа «народоубийством».

---

[1] Обзор периода оккупации. С. 30.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 1–4, 111. При публикации документа в сборнике «Сталинские депортации» допущена ошибка: в графе «Арестовано бывших офицеров литовской, латвийской и эстонской армий, служивших в территориальных корпусах Красной армии» по Эстонии напечатано 124 вместо 224 человек.

[3] *Глебов М.* Сибирский эшелон: Трагический юбилей массовых депортаций в Балтии // Известия. 14.06.2001.

Не желая отказываться от идеи «геноцида», представители официальной эстонской историографии пытаются доказать, что, хотя собственно депортации были подвергнуты немногие, под угрозой выселения находилась значительная часть населения Эстонии. Например, Март Лаар утверждает, что «по директиве, составленной в 1941 г. органами советской госбезопасности, принудительной высылке со вновь присоединенных территорий СССР подлежали все члены бывшего правительства, крупнейшие государственные чиновники и представители суда, военнослужащие высших чинов, члены политических партий, члены добровольных организаций по защите государства, члены студенческих организаций, люди, активно участвовавшие в вооруженном сопротивлении против советских властей, полицейские и члены военизированной организации Kaitseliit (Союз защиты), представители зарубежных фирм и вообще все, кто имел хоть какие-то связи с заграницей (в том числе филателисты и интересующиеся эсперанто), а также крупнейшие предприниматели и банкиры, церковнослужащие и члены Красного Креста. В общей сложности, в данную категорию входило 23 % всего населения Эстонии»[1].

Это утверждение М. Лаара является явной и несомненной ложью. Давайте обратимся к ключевому документу депортации — постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г.

> «В связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:
>
> 1. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза следующие категории лиц:

---

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 5. В статье «Депортации из Эстонии в 1941 г. и в 1949 г.», распространяемой Департаментом прессы и информации МИД Эстонии, М. Лаар повторил это утверждение, исключив, правда, из списка подлежащих репрессиям филателистов и интересующихся эсперанто.

а) активных членов контрреволюционных организаций и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций (таутининки, католическая акция, шаулисты и т. д.);
б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие их материалы;
в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;
г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;
д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью.

2. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества следующие категории лиц:
а) членов семей указанных в п. 1. — "а", "б", "в", "г" категорий лиц, совместно с ними проживающих или находившихся на их иждивении к моменту ареста;
б) членов семей участников к.-р. националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрываются от органов власти;
в) членов семей участников к.-р. националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН;
г) лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию в Германию и отказавшихся выехать, в отношении которых имеются материалы об их антисоветской деятельности и подозрительных связях с иноразведками.

3. Разрешить НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выслать в административном порядке в северные районы Казахстана сроком на 5 лет проституток, ранее зарегистрированных в бывших органах полиции Литвы, Латвии, Эстонии и ныне продолжающих заниматься проституцией.

4. Рассмотрение дел на лиц, арестованных и ссылаемых согласно настоящему постановлению, возложить на Особое совещание при НКВД СССР...»[1]

[1] ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 22–26; ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 145–146; Сталинские депортации. С. 215–216; [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6].

Как видим, вопреки утверждениям М. Лаара, высылке **не подлежали** члены политических партий, военизированных и студенческих организаций, служители церкви, члены Красного Креста и «вообще все, кто имел хоть какие-то связи с заграницей (в том числе филателисты и интересующиеся эсперанто)». Это утверждение эстонского историка является ложью. Полуправдой является утверждение о том, что высылке подлежали полицейские, тюремщики и офицеры; на самом деле эти категории депортировались только при наличии на них компрометирующих материалов. Если же мы обратимся к документам, то узнаем, что на многих тюремщиков и офицеров в НКВД ЭССР компромата не имелось.

Вот, например, хранящиеся в фондах Государственного архива РФ показания эстонца Карла Метса, до присоединения Эстонии к СССР служившего надзирателем в тюрьме города Выру: «Примерно в июле месяце 1941 г., после того, как части Красной Армии покинули гор. Выру, ко мне на квартиру зашел надзиратель Адер, который сказал мне следующее: "Пойдем работать обратно в тюрьму, там уже собираются старые работники". Я послушал совета Адера и пошел в тюрьму, где меня принял временный директор тюрьмы Унде, который во время Советской власти работал начальником мастерских в тюрьме гор. Выру. Придя на работу в тюрьму, я там застал прежних надзирателей тюрьмы: Рохланд Кустава, Раудспе Видрик, Нагби Бенегард, Симуль Ян, Потсен Август, Селль Яков, Рааг Эрих, Вяхи Юханес, Тоом Август»[1]. Как видим, изрядное число тюремщиков в городе Выру депортировано не было.

История Карла Метса не является единичной. В период независимости Эстонии в тюрьме города Таллина служил надзиратель Кристиан Паусалу, замеченный в жестоком обращении с заключенными. Как тюремщик, на которого имелся компромат, он в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г. должен был быть депортирован. Однако Паусалу не только не подвергся высылке и аресту, но даже был призван в армию после начала Великой Отечественной войны[2].

---

[1] Эстония. Кровавый след... С. 119; [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 97. Л. 4–6 об].

[2] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 38.

2.4. Численность подлежавших депортации

Очевидной ложью является также утверждение М. Лаара, что в категории, подлежащие депортации, входило 23 % населения Эстонии. Категории населения, подлежащие депортации, практически полностью совпадают с категориями учтенного антисоветского и уголовного элемента в справке НКГБ СССР от 5 июня 1941 г. Вот этот документ:

«СВЕДЕНИЯ
о количестве учтенного антисоветского и социально чуждого элемента по НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР

Категория учета	Учтено по НКГБ			ВСЕГО
	Литовская ССР	Латвийская ССР	Эстонской ССР	
Участники к/р партий и а/с нац. организаций	1170	3800	1470	6440
Бывш. охранники, жандармы, руковод. состав полиции и тюремщики	868	585	670	2123
Помещики, фабриканты, крупн. чиновники бурж. гос. аппарата	1925	919	2100	4944
Бывш. офицеры и белогвардейцы	284	316	425	1025
Уголовный элемент	1288	2180	691	4159
Проститутки	594	200		794
Члены семей, учтенных по пунктам 1, 2, 3 и 4	3475	6600	8900	18 975
Члены семей участн. к/р нац. организац., главы которых осуждены к ВМН	114	150	195	459
Члены семей участн. к/р нац. организац., главы которых скрываются	3	100	20	123
Прибывшие из Германии в порядке репатриации	130	150		280
Немцы, зарегистр. на выезд и отказавш. выехать в Германию	73			73
Всего	9924	15 000	14 471	39 395

Примечание:

1. По Литовской ССР сведения даны по состоян. на 3/VI.
По Латвийской и Эстонск. ССР — на 26/V.

2. В графе 10 по Латвийской ССР включены и немцы, отказавшиеся выехать в Германию.
3. В графе 5 по Эстонской ССР включены проститутки.

Нач. 3-го отд. 4-го отдела 3-го управл. НКГБ СССР
Ст. лейтенант гос. безопасности РУДАКОВ»[1].

Как видим, к началу июня 1941 г. общая численность учтенного антисоветского и социально чуждого элемента в Эстонии составляла 14 471 чел., что составляет около 1,3 % населения Эстонии — а вовсе не 23 %.

Авторы официальных работ по истории советских репрессий в Эстонии осведомлены как о существовании справки НКГБ СССР от 5 июня 1941 г., так и о ее содержании. Однако в «Белой книге» этот документ почему-то выдается за «плановое задание депортации» — дескать, Кремль распорядился выселить все 14,5 тысячи чел., значащихся в справке[2].

На самом же деле далеко не все политически неблагонадежные подлежали депортации. Это хорошо видно из документов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ. Начиная с 6 июня 1941 г. НКГБ и НКВД Эстонии ежедневно высылали в Москву телефонограммы, в которых указывалось число выявленного и намеченного для депортации антисоветского и уголовного элемента по состоянию на 24:00 предыдущего дня. Дело в том, что сведения, приведенные в «Справке о количестве учтенного антисоветского и социально чуждого элемента по НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР», носили весьма приблизительный характер. Для повседневной деятельности органов НГКБ этого, может быть, и было достаточно, однако для проведения масштабной депортационной акции были необходимы максимально точные цифры.

Согласно первой телефонограмме от 6 июня 1941 г., НКВД и НКГБ ЭССР выявили 9205 подлежавших депортации представителей антисоветского и уголовного элемента, 2721 из которых предполагалось арестовать, а 6484 — выселить. По категориям намеченные к депортации распределялись следующим образом (см. табл. 16).

Телефонограммы с постепенно увеличивавшимися цифрами намеченных к депортации из Эстонии направлялись в Москву ежедневно. Окончательные данные были переданы за два с половиной дня до начала операции, ранним утром 12 июня (см. табл. 17).

---

[1] Сталинские депортации. С. 217–218; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 189.

[2] Белая книга. С. 14.

Дальнейших телефонограмм из Таллина о численности намеченных к депортации в Центральном архиве ФСБ не обнаружено; впрочем, из хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации записки замнаркома внутренних дел СССР В. В. Чернышова замнаркому НКГБ СССР И. А. Серову об эшелонной разнарядке по репрессируемым элементам от 13 июня 1941 г. видно, что число намеченных к депортации из Эстонии было еще немного увеличено и составило 11 102 чел.[1] Казалось, это была окончательная цифра.

Таблица 16. Численность намеченных к депортации из Эстонии по состоянию на 6 июня 1941 г.[2]

Категория учета	На арест	На выселение	Всего
1. Активные участники к/р партий и а/с нац. организаций	977	197	1174
2. Бывш. охранники, жандармы, руковод. состав полиции и тюремщики	377	91	468
3. Помещики, фабриканты, крупн. чиновники бурж. гос. аппарата	1136	301	1437
4. Бывш. офицеры и белогвардейцы	231	58	289
5. Члены семей по п. 1	—	2076	2076
6. Члены семей по п. 2	—	992	992
7. Члены семей по п. 3	—	1945	1945
8. Члены семей по п. 4	—	378	378
9. Члены семей, главы которых осуждены к ВМН	—	419	419
10. Прибывшие из Германии в порядке репатриации, на которых имеется компромат	—	11	11
11. Проститутки	—	6	6
12. Уголовники	—	10	10
Итого	2721	6484	9203

[1] Там же. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 63–65; Сталинские депортации. С. 221–222; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 101–101об; *Maripuu M., Kaasik P.* Deportation of 14 june 1941 // Estonia, 1940–1945: Reports of Estonian International Commission for the investigation of crimes against humanity. Tallinn, 2006. P. 366.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 5. Л. 101.

Таблица 17. Численность намеченных к депортации из Эстонии по состоянию на 24:00 11 июня 1941 г.[1]

Категория учета	На арест	На выселение	Всего
1. Активные участники к/р партий и а/с нац. организаций	1310	25	1335
2. Бывш. охранники, жандармы, руковод. состав полиции и тюремщики	565	55	620
3. Помещики, фабриканты, крупн. чиновники бурж. гос. аппарата	875	140	1015
4. Бывш. офицеры и белогвардейцы	255	7	262
5. Члены семей по п. 1	—	2889	2889
6. Члены семей по п. 2	—	1365	1365
7. Члены семей по п. 3	—	2180	2180
8. Члены семей по п. 4	—	450	450
9. Члены семей, главы которых осуждены к ВМН	—	367	367
10. Прибывшие из Германии в порядке репатриации, на которых имеется компромат	1	6	7
11. Проститутки	—	92	92
12. Уголовники	472	38	510
Итого	3478	7555	11 033

Однако в период с 12 по 14 июня что-то произошло. Это четко прослеживается по документам НКГБ ЭССР. Еще 11 июня из Эстонии планировалось депортировать 11 033 чел. А в день проведения операции, 14 июня, план был уже другой: депортировать 9596 чел., почти на полторы тысячи меньше[2]. Кто принял решение об уменьшении количества депортируемых, к настоящему времени остается неизвестным, однако факт принятия такого решения налицо.

Как видим, численность намеченных к депортации из Эстонии постоянно корректировалась то в сторону уменьшения, то в сторону увеличения. Однако даже максимальное число намеченных к депортации никогда не достигало 23 % населения Эстонии. Ошибочным

[1] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 5. Л. 134.

[2] Там же. Л. 126, 170.

оказывается и утверждение авторов «Белой книги» о том, что «плановое задание на депортацию» составляло около 14,5 тысячи чел. На самом деле окончательное число намеченных к депортации из Эстонии было в полтора раза меньше — не 14 471, а 9596 чел.

2.5. Количество убитых при депортации

В официальной эстонской историографии утвердилось мнение, что депортация сопровождалась расстрелами депортируемых. «Несколько сотен из них были убиты еще до отправки, мужчины арестованы и отправлены в трудовые лагеря, женщины и дети — депортированы», — говорится в работе, изданной таллинским Музеем оккупации[1].

В размещенной на сайте все того же Музея оккупации статье Ханнеса Вальтера мы читаем: «14 июня 1941 г. на поселение было выслано более 10 тысяч чел. Около 2200 было казнено на месте»[2]. Ставки, как видим, растут: оказывается, на месте было убито не «несколько сотен», а более двух тысяч.

Обратившись к документам, мы обнаруживаем, что ни «нескольких сотен», ни «2200» убитых при депортации не существовало в природе. Возьмем уже упоминавшуюся докладную записку наркома госбезопасности СССР Меркулова: «Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского, уголовного и социально опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР... Во время проведения операции имели место несколько случаев вооруженного сопротивления со стороны оперируемых, а также попыток к бегству, в результате которых убито 7 чел., ранено 4 чел. Наши потери: убито 4 чел., ранено 4 чел.»[3]. Как видим, в ходе депортации были убиты 7 чел. во всей Прибалтике, а не несколько сотен в одной Эстонии. Что же касается Эстонии, то здесь при попытке сопротивления представителям НКВД было убито два и ранен один чел.[4]

---

1 Обзор периода оккупации. С. 41.

2 *Вальтер Х.* Эстония во Второй мировой войне [Цитируется по электронному варианту, размещенному на сайте Музея оккупации, www.okupatsioon.ee].

3 ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 1–4; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 404–405; Сталинские депортации. С. 224; [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1–4].

4 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 5. Л. 127.

2.6. Гибель депортируемых при перевозке

Весьма популярным в официальной историографии является утверждение о том, что условия перевозки депортируемых вызвали массовую смертность. «Всего для проведения операции было запасено 490 вагонов, — пишет, к примеру, Март Лаар. — Депортирующие действовали с необычной жестокостью, так, в переполненные с ног до головы вагоны заталкивались также беременные женщины и смертельно больные старики»[1]. Что же подразумевается под переполненными «с ног до головы» вагонами? Лаар уточняет: людей из Эстонии увозили в вагонах для скота, причем «в каждый вагон было размещено 40–50 переселенцев»[2].

В еще более черных красках проведение депортации описал в 70-х гг. XX в. «президент Эстонии в изгнании» Август Реи: «Депортируемым приказывали сесть в грузовики и ехать по направлению к железнодорожной станции, где их ожидали вагоны для скота с заколоченными окнами. В полу вагонов были отверстия, которые должны были служить уборной. На станциях мужчин и женщин разделяли и помещали в разные вагоны. В один вагон заталкивали до 40 чел., вагоны были так переполнены, что людям приходилось по очереди ложиться на пол, чтобы поспать. Двери "загруженного" вагона запирались снаружи железной скобой. Поезда сопровождались энкавэдэшниками и солдатами Красной Армии, по три дня стояли на станциях, пока офицеры НКВД готовили свой отчет. Все это время депортируемые не получали ни воды, ни пищи. Некоторые взяли с собой еду, но того, что не будет даже воды, никто не предвидел. Изнемогая от жажды под горячим летним солнцем, люди тянули руки через железные прутья окон, умоляя дать им поесть, а чаще — попить. Их мольбы не находили отклика, стража отказывалась открывать двери или передавать воду в окно. Некоторые от жары и жажды теряли рассудок, маленькие дети умирали, беременные женщины раньше времени рожали детей на грязном полу вагонов, но охран-

---

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 15; *Лаар М.* Депортации из Эстонии в 1941 г. и в 1949 г. [Цитируется по электронному варианту, размещенному на сайте Министерства иностранных дел Эстонской Республики, www.vm.ee].

[2] *Лаар М.* Забытая война. С. 4. Схожие утверждения мы находим в: *Тарвель Э.* История депортации.

ники этого не замечали. Не убирали ни трупов, ни сумасшедших. Лишь несколько дней спустя, когда поезда уже пересекли эстонскую границу, в первый раз были открыты двери, и узникам дали немного воды и жидкого супа»[1].

Это красочное описание до сих пор воспроизводится в работах эстонских авторов[2]. Однако прежде чем ужасаться жестокости советских оккупантов, зададимся вопросом: откуда Август Реи об этом всем мог знать? Ведь хорошо известно, что бывший посол Эстонии в Советском Союзе Реи еще в июле 1940-го бежал в Швецию и с тех пор в Эстонии не появлялся. Описанные им ужасы не могут рассматриваться как свидетельство очевидца.

Для того чтобы понять реальные условия перевозки депортируемых, прежде всего следует обратиться к хорошо известной эстонским историкам «Инструкции начальникам эшелонов по сопровождению заключенных из Прибалтики». В связи с важностью этого документа (и, разумеется, понимая неизбежную дистанцию между любыми инструкциями и реальностью, но учитывая также, что дистанция эта не может быть слишком велика) мы приведем его полностью.

«ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКАМ ЭШЕЛОНОВ ПО СОПРОВОЖДЕНИЮ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЗ ПРИБАЛТИКИ

1. Для сопровождения эшелонов заключенных группы "А" и "Б" к месту назначения на каждый эшелон выделяются распоряжением УКВ НКВД СССР:

а) начальник эшелона (из командиров конвойных войск НКВД)

б) врач — 1, медфельдшер — 1 (распоряжением НКВД) и конвой в составе 39 чел. (из состава конвойных войск).

2. Заключенные подразделяются на две группы "А" и "Б".

В группу "А" входят все главы семей, члены их по указанию НКВД-НКГБ с отметкой в личном деле.

Группа "А" конвоируется конвоем, в составе 65 чел. Прием их производится на пунктах концентрации по отдельному акту, составленному в 2-х экз.

---

1 На чаше весов. Эстония и Советский Союз: 1940 год и его последствия / Сост. П. Варес. Таллинн, 1999. С. 422; The Baltic States 1940–1972. P. 50–52.

2 См., напр.: *Маripuu M., Kaasik P.* Deportation of 14 june 1941. P. 376.

В группу "Б" входят все члены семей по указанию НКВД и НКГБ с отметкой в личном деле.

Группа "Б" конвоируется конвоем в составе 30 чел. Прием их конвоем производится на первичных станциях от представителей НКВД-НКГБ без личных дел по списку. Личные дела ведутся представителем НКВД-НКГБ на пункты концентрации, где окончательно сдается весь состав эшелона с личными делами начальнику конвоя. Акт составляется в 3-х экз., один в НКВД, один для сдачи в месте назначения и один для конвойных войск.

ПРИМЕЧАНИЕ: Охрана вагонов с заключенными на местах и прием осуществляются конвоем, согласно УСКВ СССР по окончании приема.

3. Заключенных с первичных пунктов конвой совместно с представителями НКВД и НКГБ конвоирует на пункты концентрации согласно схемы, где формирует общий эшелон в составе 50–55 вагонов.

4. Отправка заключенных к месту назначения производится эшелонами в составе, оборудованных по-летнему для людских перевозок, в том числе для конвоя — один оборудованный санизолятор и один вагон-ларек.

В каждый вагон с отметкой "Б" помещается 30 чел. взрослых и детей с их имуществом.

Главы семей по отметке НКВД-НКГБ помещаются в отдельном вагоне с отметкой "А" и следуют отдельным эшелоном.

Для громоздких вещей на каждый эшелон выделяется по 2 товарных вагона.

5. Заключенным разрешается брать с собой следующее имущество и мелкий хозяйственный инвентарь: 1) одежда, 2) белье, 3) обувь, 4) постельная принадлежность, 5) посуда столовая (ложки, ножи, вилки), чайная и кухонная, ведра, 6) продовольствие, 7) мелкий хозяйственный и бытовой инструмент, 8) деньги (сумма не ограничивается) и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары и т. п.), 9) сундук или ящик для упаковки вещей. Общий вес указанных вещей не должен превышать 100 кгр. на семью.

ПРИМЕЧАНИЕ: Громоздкие вещи, в том числе хозяйственный инвентарь, перевозятся в специально выделенных вагонах.

6. Начальник эшелона принимает заключенных группы "Б" без личного обыска и досмотра вещей по именному списку и личные документы на них по описи от местных органов НКВД, размещает заключенных по вагонам — семьями.

Группа "А" — НКГБ обыскивается в вагонах после посадки.

После приема заключенных в эшелон начальник эшелона полностью отвечает за состояние эшелона и доставку всех принятых к месту назначения.

7. Начальник эшелона предупреждает заключенных о том, что при попытке к побегу охраной эшелона будет применено оружие.

Против женщин и детей оружие применять воспрещается.

8. В случаях тяжелых заболеваний заключенных в пути — начальник эшелона передает больных через местные органы УНКВД на излечение в ближайшие пункты органов здравоохранения, о чем составляет соответствующий акт и сообщает в Главное Управление НКВД СССР.

При обнаружении случаев эпидемических заболеваний начальник эшелона отцепляет соответствующий вагон и оставляет для карантина под наблюдением местного органа НКВД, о чем доносит в Главное Управление НКВД СССР.

9. На оплату расходов, связанных с сопровождением заключенных (питание, телеграфные и др. расходы), НКВД УССР и НКВД БССР выделяют начальнику эшелона под отчет денежный аванс, в том числе на питание заключенных по 3 р. 50 к. на человека в сутки.

10. В пути следования по жел. дороге заключенные группы "Б" получают бесплатно один раз в сутки горячую пищу и 800 грамм хлеба на чел.

Горячая пища и хлеб выдаются в железнодорожных буфетах треста ресторанов и буфетов НКТорга СССР.

Для получения питания начальник эшелона за 24 часа до прибытия на станцию телеграфно сообщает директорам буфетов станции и соответствующим ДТО НКГБ по форме: "Приготовьте эшелону переселенцев НКВД "Литер" No ... число... часам ... обедов ... кгр. хлеба — начальник эшелона — подпись".

Обеды выдаются на вынос в собственной посуде заключенных. Для получения обеда и кипятка начальник эшелона выделяет необходимое количество людей из заключенных группы "В" с каждого вагона под наблюдением сопровождающих из состава конвоя.

После выдачи обедов начальник эшелона производит расчеты за отпущенное питание заключенным по счетам ресторана или буфета.

11. Проверка наличия заключенных по вагонам производится не реже одного раза в сутки. Группа "А" содержится на общих основаниях с заключенными.

12. О движении и местонахождении эшелона и его состоянии — начальник эшелона ежедневно доносит по телеграфу в Главное Управление

НКВД СССР и Управление Конвойных Войск НКВД по форме: "Москва, Главное Управление НКВД СССР и Управление Конвойных Войск НКВД эшелон No... проследовал станцию... тогда-то... подпись".

О всех важных происшествиях, имевших место в пути следования (побеги, заболевания, перебой с питанием и т. п.), начальник эшелона немедленно доносит в Главное Управление НКВД СССР и в ближайший ДТО НКВД.

13. Начальники эшелонов в пути следования за содействием обращаются в транспортные органы НКВД и железнодорожную милицию.

14. По прибытии на станцию назначения — начальник эшелона сдает людей в вагонах представителю местного отдела или управления НКВД по акту с приложением именного списка и личных дел заключенных по описи. Акт составляется в 3-х экз. за подписями: принимающего, сдавшего и сопровождающего эшелон врача.

Один экземпляр акта направляется в отдел трудовых поселений ГУЛАГ в НКВД СССР, второй экземпляр передается представителю местного органа НКВД (принимающему) и третий экземпляр остается на руках у начальника эшелона для отчета»[1].

Читая «Инструкцию», следует помнить об одном важном обстоятельстве. Этот документ не вполне достоверен с источниковедческой точки зрения — публикуя его, эстонские историки ссылаются не на архивные фонды, а на тартускую газету «Postimees» за 13 июня 1942 г. Таким образом, мы имеем дело с документом, захваченным немцами и потом прошедшим через руки пропагандистов доктора Геббельса. Соответственно, никто не может поручиться, что в документе нет внесенных немцами искажений[2].

Однако даже в этом виде «Инструкция» совершенно явно рисует картину, отличную от утвердившейся в официальной эстонской историографии. Эстонские авторы утверждают, что в один вагон помещалось то ли 40, то ли 50 депортируемых. Однако в «Инструкции»

---

[1] На чаше весов. С. 424–425; Estonia 1940–1945. P. 389–390.

[2] По причине сомнительности «Инструкции» составители сборника документов «Сталинские депортации» не стали ее перепечатывать. См.: Сталинские депортации. С. 26, прим. 2. К сожалению, выявить подлинный вариант «Инструкции» в российских архивах к настоящему времени не удалось.

четко говорится: «В каждый вагон с отметкой “Б” помещается 30 чел. взрослых и детей с их имуществом».

Далее, согласно «Инструкции» заболевания депортированных являются «важными происшествиями», о которых следует немедленно доносить в центр. Каждый эшелон сопровождают медработники, а при серьезном заболевании депортируемых снимают с поезда и передают на лечение в местные больницы. Все это явно противоречит заявлениям о массовой гибели среди депортируемых.

Не соответствуют реальности и утверждения о том, что депортированных не кормили. Читаем «Инструкцию»: «В пути следования по жел. дороге заключенные группы “Б” получают бесплатно один раз в сутки горячую пищу и 800 грамм хлеба на человека». Заключенные группы «А», по всей видимости, питались в соответствии с тюремными нормами. Перебои с питанием опять-таки расцениваются как «важные происшествия», о которых следует докладывать в центр.

Характерно еще одно положение «Инструкции»: «Против женщин и детей оружие применять воспрещается».

Ну и, конечно, речь не идет о каких бы то ни было «вагонах для скота». В «Инструкции» об этом говорится совершенно четко: «Отправка заключенных к месту назначения производится эшелонами в составе, оборудованных по-летнему **для людских перевозок**».

Тут, правда, могут возразить, что «Инструкция» могла не исполняться. Посмотрим, как обстояло дело на практике, обратившись к документам, чья подлинность неоспорима.

Начнем опять-таки с количества людей, перевозимых в одном вагоне. Как пишут эстонские историки (и это подтверждается документами, хранящимися в российских архивах), для депортируемых из Эстонии было подготовлено 490 вагонов. Если бы в каждом вагоне перевозили 40–50 чел., то общее количество депортированных составило бы 20–25 тысяч чел. — очевидно фантастическая цифра. Впрочем, если в каждом из 490 вагонов находилось по 30 чел., как указывается в «Инструкции», то мы все равно получим неправдоподобное общее число депортированных — около 15 тысяч (реальное число депортированных составило, как мы помним, 9156 чел.).

Дело в том, что цифра в 490 вагонов — общая; она включает в себя и вагоны «для людских перевозок», и грузовые вагоны. Для того

чтобы понять, сколько вагонов было грузовыми, обратимся к документам. Согласно «Инструкции», на один эшелон из 50–55 вагонов полагалось иметь 2 товарных вагона. Однако непосредственно перед депортацией число товарных вагонов было увеличено — в связи с существенным увеличением веса имущества, которое депортируемые могли взять с собой. Согласно указанию НКВД СССР от 21 апреля 1941 г. высылаемые семьи получили право взять с собой к месту не по 100 кг на семью, как это указывалось в «Инструкции», а по 100 кг на *каждого члена* семьи, включая детей[1]. Естественно, что грузовых вагонов понадобилось больше.

Согласно «Смете расходов по переселению с территорий Прибалтики и Молдавии» от 11 июня 1941 г., для перевозок имущества депортируемых выделялось по 7–8 вагонов на эшелон[2]. Из Эстонии было отправлено 10 эшелонов, общее число товарных вагонов в которых можно определить примерно в 75 единиц.

Таким образом, из 490 подготовленных для депортации вагонов 415 (85 %) были пассажирскими и 75 (15 %) грузовыми. Соответственно, в каждом пассажирском вагоне планировалось перевезти не 30, как предписывала «Инструкция», а примерно 26–27 чел. Однако реальность разошлась с планами: из Эстонии было депортировано не 11 102, а 9156 чел. — приблизительно по 22 чел. на один пассажирский вагон. Конечно, это «средняя температура по больнице»; мы, к счастью, располагаем более конкретными данными.

Как отмечают эстонские исследователи, «депортированные были отправлены в район Новосибирска (233 вагона), Кирова на севере России (120 вагонов), Бабынино (57 вагонов) и Старобельска (80 вагонов)»[3]. В свою очередь, российские историки еще в девяностых годах ввели в научный оборот детальную информацию о движении эшелонов с депортированными (см. табл. 18). Сопоставим эти данные.

---

[1] *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 517.

[2] Сталинские депортации. С. 235; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 42.

[3] На чаше весов. С. 422; The Baltic States 1940–1972. P. 50–52.

Таблица 18. Движение эшелонов с депортируемыми из Эстонии в июне 1941 г.[1]

№ эшелона	Отправление			Численность	Прибытие			Примечания
	Дата	Станция	Железная дорога		Станция	Дата	Область, край, республика	
286	17.06	Таллин	Эстонская	781	Новосибирск	после 23.06	Новосибирская	По данным ГАРФ, всего 777 чел. По данным РГВА, от конвоя 781, 3 — сданы в пути
287	20.06	Таллин	Эстонская	786	Новосибирск	04.07	Новосибирская	По данным РГВА: прибыло 783 чел., 3 чел. сданы в пути. По данным ГАРФ, всего 782 чел.
288	18.06	Валга	Эстонская	1063	Чаны	после 28.06	Новосибирская	По данным ГАРФ, всего около 900 чел. По данным РГВА на ст. Чаны сдано 1063 чел. и на ст. Буй Яросл. ж.д. 288 чел. Последнее утверждение, по всей видимости, является ошибочным (288 — номер эшелона)
289	17.06		Эстонская	963	Каргат	после 23.06	Новосибирская	

[1] Составлено по: *Гурьянов А. Э.* Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае – июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Вып. 1. «Эшелонная» численность депортированных несколько выше цифр, приведенных в докладной Меркулова. Это объясняется тем, что НКВД ЭССР использовал депортацию для пересылки ранее осужденных из эстонских тюрем в лагеря. В трех эшелонах, отправленных в Старобельский и Юхновский лагеря, кроме 3178 человек, арестованных 14 июня, находилось около 500 человек, осужденных в предыдущие месяцы.

№ эшелона	Отправление			Численность	Прибытие			Примечания
	Дата	Станция	Железная дорога		Станция	Дата	Область, край, республика	
290	18.06	Таллин	Эстонская	994	Старобельск	к 23.06	Ворошиловградская	994 — принято в Таллине и сдано в Старобельский лаг., затем тем же эшелоном отправлены в Севураллаг
291	19.06		Эстонская	1666	Бабынино	19.06	Тульская	При конвоировании со ст. Бабынино в Юхновский лагерь убит при побеге офицер эстонской армии
292	18.06		Эстонская	1028	Старобельск	к 23.06	Ворошиловградская	Старобельский лаг.; после сдачи эш. отправлен на ст. Тавда в Севураллаг
293	18.06		Эстонская	1191	Котельничи	22.06	Кировская	
294	18.06		Эстонская	1112	Киров	к 23.06	Кировская	

Как мы помним, депортируемые разделялись на две категории: арестованных, которых направили в Старобельский и Юхновский лагеря, и ссыльных, которых вывезли в Новосибирскую и Кировскую области.

В Старобельский лагерь были направлены эшелоны № 290 и № 292, численность которых составляла соответственно 994 и 1028 чел. Общее количество вагонов в этих эшелонах, согласно данным эстонских исследователей, равнялось 80. Из 80 вагонов примерно 15 были грузовыми; соответственно, в каждом пассажирском помещалось примерно по 30 чел.

В Юхновский лагерь (на станцию Бабынино) был отправлен эшелон № 291 из 57 вагонов (из них 7 грузовые). Число перевозимых в эшелоне арестованных составляло 1666 чел., то есть примерно 33 чел. на пассажирский вагон.

Для перевозки ссыльных в Новосибирскую область было выделено 4 эшелона (№ 286–289) в составе 233 вагонов, примерно 30 из которых были грузовыми. Общая численность выселяемых составляла 3593 чел. Соответственно, в каждом пассажирском вагоне размещалось около 18 чел.

Наконец, в Кировскую область были направлены два эшелона (№ 293–294) из 120 вагонов (в том числе около 15 грузовых). Общая численность выселяемых — 2303 чел. На один пассажирский вагон приходилось примерно по 22 чел.

Как видим, арестованные в ходе депортации перевозились примерно по 30–33 чел. в вагоне. Выселяемые, среди которых были женщины и дети, перевозились в существенно лучших условиях — по 18–22 чел. в вагоне. Утверждения о том, что в переполненные «с головы до ног» вагоны загонялось по 40–50 чел., являются ложными и не соответствуют ни запланированным при подготовке к депортации, ни реальным показателям.

Ложью является и утверждение, что депортированных перевозили в вагонах для скота. В полном соответствии с «Инструкцией» депортируемых везли в вагонах, «оборудованных для людских перевозок». Вот сделанное очевидцем описание подобного вагона: «В вагон — железная печка, нары в три этажа, у задней стены складываются вещи»[1].

---

[1] Сталинские депортации. С. 138; *Хребтович-Бутенева О. А.* Перелом, 1939–1942. Париж, 1984. С. 48–53.

Теперь перейдем к беременным женщинам и смертельно больным старикам. Эстония была не первой республикой, из которой советской власти пришлось организовывать депортацию. Месяцем раньше, например, была проведена депортация семей оуновцев с Западной Украины. Там при проведении депортации больных не трогали[1] — как, впрочем, и в Латвии и Литве, где депортационная акция проводилась одновременно с эстонской[2]. Почему же в Эстонии должны были действовать иначе? В типовой инструкции по депортации специально указывалось: «Больные члены выселяемых семей временно оставляются на месте и по выздоровлении отправляются к месту выселения остальных членов семьи»[3]. Как свидетельствуют документы Центрального архива ФСБ, больных, оставленных на месте, оказалось 170 чел.[4]

На случай же, если кто из депортированных заболеет в пути, в каждом эшелоне с выселяемыми имелся специальный санитарный вагон на пять коек и медперсонал. И если «Инструкцией» предусматривалось наличие в эшелоне врача и фельдшера, то в реальности, кроме этих двоих, каждый эшелон сопровождали также две медсестры[5].

Эстонские историки утверждают, что, вопреки инструкции, питание депортируемых обеспечено не было. «На самом деле никто не получил какого бы то ни было бесплатного питания и вследствие недостатка денег было трудно приобрести какую-нибудь еду в плохо снабжаемых вагонах-магазинах, — читаем мы в статье М. Марипуу и П. Касика. — Депортируемые были вынуждены полагаться на свою собственную провизию»[6].

Это утверждение противоречит имеющимся в нашем распоряжении документам. В Центральном архиве ФСБ хранится телефонограмма об организации питания депортируемых из Прибалтики, подписанная заместителем наркома внутренних дел Абакумовым.

---

1 ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 154.

2 Сталинские депортации. С. 225, 228.

3 ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 158–161; Сталинские депортации. С. 142; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1. Л. 2–8.

4 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 6. Д. 5. Л. 126, 170.

5 Сталинские депортации. С. 236; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 42–43.

6 *Maripuu M., Kaasik P.* Deportation of 14 june 1941. P. 376.

Ее содержание с некоторым поправками воспроизводит положения «Инструкции»: «Питание возложено на ж.д. буфеты, которые обеспечат раз в сутки горячей пищей стоимостью 3 руб. на чел., включая 600 гр. хлеба. Оплата наличными начальниками эшелонов, которым прошу выдать по[д] отчет необходимые средства на весь путь»[1].

Эти нормы в целом выполнялись; порою выселяемые даже выкидывали в окна вагонов казавшийся им «невкусным» хлеб. Об этом, в частности, упоминается в письме одного из депортированных. «Путь продолжался мимо Вологды, Кирова, Молотова, Свердловска. Это было то единственное время, когда кислый русский хлеб выбрасывался в окна...»[2]

Если мы еще раз обратимся к данным о движении эшелонов с депортируемыми из Эстонии (табл. 19), то получим исчерпывающий ответ на вопрос, имела ли место массовая смертность среди депортируемых. Рассмотрим несколько конкретных случаев. Вот эшелон № 286. 17 июня он был отправлен из Таллина, неделю спустя, 23 июня, прибыл в Новосибирск. При выезде из Таллина в эшелоне имелся 781 депортированный, по прибытию в Новосибирск — 778, трое сданы в пути.

Эшелон № 287 отбыл из Таллина 20 июня и из-за начавшейся войны добирался до Новосибирска две с половиной недели. При отправлении в эшелоне было 786 чел., по прибытии на место — 783, еще трое были сданы в пути. «Сданы в пути», кстати говоря, вовсе не значит «умерли». С поездов снимали в случае либо серьезной болезни, либо какого-нибудь правонарушения.

А вот информация о тех эшелонах, которые перевозили не выселенных, а арестованных.

Эшелон № 290 из Таллина был направлен в Старобельский лагерь (Ворошиловградская область). Сколько из пункта назначения выехало, столько в пункт назначения и прибыло — 994 чел., которых потом тем же эшелоном отправили в Севураллаг.

Эшелон № 291 численностью в 1666 чел. прибыл на станцию Бабынино Тульской области также без потерь, однако во время кон-

---

1 ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 59.

2 *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы. С. 608.

воирования в Юхновский лагерь при попытке к бегству был убит бывший офицер эстонской армии.

Так что распространяемые Департаментом прессы и информации МИД Эстонии заявления о том, что «люди стали умирать уже по дороге в Сибирь»[1], не соответствуют действительности. Массовой смертности среди высланных из Эстонии в пути не наблюдалось.

2.7. Судьба депортированных

Официальная эстонская историография утверждает, что большая часть депортированных впоследствии погибла. «Большинство депортированных было вывезено в Кировскую и Новосибирскую области, — читаем мы в «Обзоре». — Там от голода и болезней погибло около 60 % женщин и детей; более 90 % мужчин, арестованных и отправленных в ГУЛАГ, погибло или было убито»[2].

Однако подобные заявления выглядят предельно сомнительно.

Прежде всего, не соответствует действительности утверждение, что всех мужчин арестовали, а женщин и детей — депортировали. Согласно постановлению ЦК ВПК(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г., аресту подлежали не мужчины вообще, а участники антисоветских организаций, «бывшие» и уголовники[3]. Среди этих категорий были и женщины: «Примерно 3000 мужчин и 150 женщин были отделены и других и помещены в лагеря», — читаем мы в «Рапортах»[4]. Точно так же высылке в отдаленные районы СССР подлежали не «женщины и дети», а члены семей арестованного антисоветского элемента[5]. Члены семей — это далеко не только жен-

---

[1] *Лаар М.* Депортации из Эстонии... С. 2.

[2] Обзор периода оккупации. С. 41.

[3] Об эволюции политики советской власти по отношению к уголовникам см.: *Юнге М., Бриннер Р.* От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества, 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 459–518.

[4] Рапорты. С. 12.

[5] ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 145–146; Сталинские депортации. С. 215–216; [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6].

щины и дети; например, в Новосибирскую область в ходе июньской депортации из Эстонии было выслано 269 мужчин, 687 женщин и 663 ребенка[1].

Это, конечно, мелочь, но мелочь характерная, свидетельствующая о пренебрежении научной точностью. Гораздо интереснее то, что действительности не соответствуют данные о гибели 60 % ссыльных и 90 % арестованных.

Начнем с арестованных и отправленных в лагеря ГУЛАГа. Вот что пишет об их судьбе Март Лаар: «Большинство арестованных мужчин были направлены в лагеря Старобельска и Бабино, небольшая часть сразу же была отправлена в тюремные лагеря Кировской области. Однако заключенные, направленные в Старобельск и Бабино, в результате быстрого продвижения немецких войск оказались в районе боевых действий, поэтому были сразу направлены в военные лагеря Сибири. Из-за морозов, плохого питания и непосильных принудительных работ уже в первую сибирскую зиму скончалась большая часть арестованных. В конце 1941 г. в военных лагерях стали действовать комиссии по расследованию, которые проводили допросы и выносили смертные приговоры на местах. На основании таких приговоров многие заключенные были расстреляны. К весне 1942 г. из почти что 3500 мужчин, отправленных в тюремные лагеря, осталось в живых около 200»[2].

В этом отрывке правда и ложь перемешаны с друг другом. Арестованные во время депортации действительно были направлены в Старобельский и Юхновский лагеря (Лаар ошибочно называет последний «Бабино» — по всей видимости, из-за того, что в Юхновский лагерь арестованные доставлялись через железнодорожную станцию Бабынино), а после этого — в «сибирские» лагеря. Однако вопреки утверждениям Лаара эти лагеря не были «военными». Это были обычные лагеря ГУЛАГа — например, Севураллаг. А вот дальше идет сплошная ложь.

Мы уже обращались к статистическим данным о наличии заключенных-эстонцев в лагерях и колониях ГУЛАГа. Посмотрим на эти данные еще раз.

---

1 Сталинские депортации. С. 258; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 238.

2 *Лаар М.* Красный террор. С. 16–17.

Таблица 19. Наличие эстонцев в лагерях и колониях ГУЛАГа, 1941–1943 гг.[1]

По состоянию на	В лагерях	В колониях	Всего
1 января 1942 г.	6581	471	[7052]
1 января 1943 г.	4556	[869]	5425
1 января 1944 г.	2933	1117	4050

К концу 1941 г. в системе ГУЛАГа находилось более 7 тысяч эстонцев, 3,2 тысячи которых были направлены в лагеря в результате июньской депортации. К концу следующего, 1942 г., это число уменьшилось на 1600 чел. — примерно до 5,5 тысячи. Среднестатистический показатель смертности для заключенных ГУЛАГа в 1942 г. — 24,9 % (см. табл.14); то есть из семи тысяч человек погибло примерно 1750. Разница между балансом заключенных и расчетной смертностью свидетельствует о том, что в течение 1942 г. к заключению в лагеря было осуждено еще не менее 200 эстонцев. За весь 1941 г., как мы помним, умерло около 450 эстонцев. Таким образом, общее количество всех умерших заключенных-эстонцев во второй половине 1941-го — 1942-м гг. составляет чуть более двух тысяч человек, в то время как в официальной эстонской историографии утверждается, что только из арестованных во время июньской депортации уже к весне 1942-го умерло почти три тысячи.

Как видим, утверждения о практически поголовной смертности арестованных во время июньской депортации являются очередной ложью. На самом деле расчетная смертность для этой категории в 1941–1942 гг. составляет примерно 900 чел. С учетом смертельных приговоров это число может увеличиться до тысячи — но никак не до трех[2]. В целом же за 1941–1953 гг. расчетная смертность среди

---

1 Составлено по: *Земсков В. Н.* ГУЛАГ... С. 26; Население России в XX веке. Т. 2. С. 188–189 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 11–12, 47, 50; Д. 1356. Л. 1–4); ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1-доп. Д. 378. Л. 145–151.

2 В 1941 г. к уголовной ответственности было привлечено 26 924 заключенных ГУЛАГа, или около 1,4 % списочного состава, в 1942 г. — 57 040 заключенных, или 3,2 % списочного состава, в 1943 г. — 47 244 заключенных, или 3,2 % списочного состава (*Земсков В. Н.* ГУЛАГ. С. 11; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 285). Даже если среди заключенных эстонцев процент привлеченных к уголовной ответственности был выше среднего,

арестованных во время июньской депортации составляет около 1900–2000 чел.

Теперь обратимся к ссыльным эстонцам, которых, как мы помним, было 5978 чел. Две трети из них, как утверждается в официальной эстонской историографии, умерли от голода, холода и болезней. В очередной раз обратимся к документам. К сожалению, статистика Отдела трудовых и специальных поселений (ОТСП) ГУЛАГа не столь детальна и точна, как статистика по лагерям и колониям, и может быть превратно истолкована.

В октябре 1941 г. в ОТСП была подготовлена итоговая справка о расселении ссыльнопоселенцев по состоянию на 15 сентября 1941 г. Согласно этому документу, ссыльные из Прибалтики были расселены в следующих областях (табл. 20).

Таблица 20. Данные о расселении ссыльнопоселенцев из Прибалтики по состоянию на 15 сентября 1941 г.[1]

Республика, край, область	Эстонская ССР	Литовская ССР	Латвийская ССР
Казахская ССР	Прибалтика*	—	656
Коми АССР	—	1549	—
Алтайский край	—	7462	—
Красноярский край	—	164	6000
Кировская область	2049	—	—
Омская область	—	—	—
Новосибирская область	1619	3507	2580
Итого	3668	12 682	9236

** Так в оригинале таблицы.*

Изучив приведенную выше таблицу, мы обнаруживаем, что общее число находящихся в ссылке эстонцев, по данным ОТСП, составляет 3668 чел., то есть более чем на две тысячи меньше, чем число

число повторно осужденных не могло превысить нескольких сотен человек. Число же осужденных к ВМН было, естественно, еще меньше.

1 Сталинские депортации. С. 259; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 15–20.

высланных из Эстонии[1]. Однако не следует торопиться зачислять пропавших эстонцев в погибшие. Как замечает в этой связи российский исследователь А. Гурьянов, «большинство расхождений между региональными “эшелонными” и “расселенческими” оценками численности ссыльнопоселенцев либо вызваны явными ошибками в отчетных документах УНКВД/НКВД регионов расселения и центрального ОТСП, либо допускают правдоподобные объяснения»[2]. И действительно, если мы внимательно рассмотрим данные ОТСП и сопоставим их с данными докладной Меркулова, то без труда обнаружим «пропавших» (табл. 21).

Таблица 21. Баланс высылки и расселения депортированных из Прибалтики в июне 1941 г.[3]

	Выслано	Расселено	Разница
Литва	10 187	12 682	+2495
Латвия	9546	9236	– 310
Эстония	5978	3668	– 2310
Итого:	25 711	25 586	

Как видим, в общей сложности из Прибалтики было выслано на ссыльнопоселение 25,7 тысячи чел. и почти столько же (25,6 тысячи) было расселено в отдаленных районах СССР. Однако при этом число эстонцев почему-то уменьшилось на 2,3 чел., латышей — на 310 чел., а вот число литовцев увеличилось на 2,5 тысячи. Не приходится сомневаться в том, что мы имеем дело с ошибкой сотрудников ОТСП, которые учли часть эстонцев и латышей как депортированных из Литвы.

Из-за этой ошибки мы не можем проследить судьбу всех ссыльнопоселенцев-эстонцев; впрочем, информация об «учтенных» эстонцах наглядно свидетельствует, что массовой смертности среди депорти-

[1] Эти же данные встречаются в: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 91.

[2] *Гурьянов А. Э.* Масштабы депортации населения вглубь СССР...

[3] Составлено по: ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 44. Л. 1–4; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 404–405; Сталинские депортации. С. 223, 259; [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 6. Л. 1–4]; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 15–20.

рованных не наблюдалось — в том числе в первую, самую страшную зиму. В отчетах местных органов НКВД отмечается, что ссыльнопоселенцы из крестьян, как правило, быстро адаптировались к условиям на новых местах, начали устраиваться в колхозы, приобретать коров и интересоваться возможностью получения кредитов на строительство домов[1]. В Новосибирской области к началу 1942 г. таких было около 30 %, и всем необходимым эти поселенцы себя обеспечивали[2].

Бывшие горожане (а их среди эстонцев было достаточно много) были непривычны к физическому труду и потому находились в более сложном положении. Однако они, как правило, располагали деньгами. Согласно уже упоминавшемуся указанию НКВД СССР от 21 апреля 1941 г. при выселении действовали следующие правила:

> «Высылаемые семьи имеют право взять с собой к месту выселения лично принадлежащие им вещи весом не свыше 100 кг на каждого члена семьи, включая детей.
>
> Бытовые ценности (кольца, серьги, часы, портсигары, браслеты и проч.), а также деньги конфискации не подлежат и могут быть взяты выселяемыми с собой без ограничения количества и суммы.
>
> Остальное имущество выселяемые имеют право реализовать следующим образом:
>
> Выселяемые обязаны назвать доверенное лицо (соседей, знакомых, родственников), которому они могут поручить реализацию оставленного в квартире лично им принадлежащего имущества.
>
> На реализацию имущества и освобождение квартиры доверенному лицу дается срок не свыше 10 дней.
>
> После реализации имущества доверенное лицо является в органы НКВД и сдает при заявлении вырученные деньги для пересылки выселенной семье по месту ее выселения.
>
> Освобожденные от имущества жилые и хозяйственные помещения выселенной семьи опечатываются органами и передаются местным органам власти...»[3]

---

1 Сталинские депортации. С. 247; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 190–194.

2 Там же. С. 266; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 81. Л. 79–88.

3 *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы. С. 517. Ср. с директивой НКВД СССР от 07.03.1940: Сталинские депортации. С. 142; ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 158–161; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 1. Л. 2–8.

Даже несмотря на то что деньги за реализацию оставленного в Эстонии личного имущества многие ссыльные в большинстве своем так и не получили (помешала война), взятых с собой денег и драгоценностей более или менее хватало на первоначальное обустройство. Часть ссыльных и вовсе имела достаточно денег, чтобы не работать — или почти не работать. Как говорилось в отчете УНКВД по Новосибирской области, «особо пренебрежительное отношение к работе со стороны нетрудового элемента. Большинство из них имеют крупные запасы денег и запасы разных ценностей, естественно, что такой элемент в работе не нуждается»[1].

Было среди ссыльнопоселенцев достаточно и тех, кто откровенно бедствовал. В том же отчете Новосибирского УНКВД читаем: «Имеются случаи, что часть ссыльнопоселенцев, которая составляет около 20 % к общему числу контингента, сейчас не имеет одежды и обуви, а значительная часть из них и средств на покупку продуктов в местных сельпо. Эта категория состоит главным образом из беременных детьми женщин, престарелых и инвалидов»[2]. Таким местные власти по возможности оказывали материальную помощь.

Медицинской помощью ссыльные обеспечивались наравне с местными жителями, благодаря чему отдельные вспышки болезней были локализованы, а возникновение эпидемий оказалось предотвращено[3].

Благодаря перечисленным выше мерам массовой смертности среди ссыльнопоселенцев удалось избежать, о чем наглядно свидетельствуют документы. Так, согласно отчетам местного УНКВД, на 17 сентября 1941 г. в Новосибирской области насчитывалось 1619 эстонцев, а на 10 февраля 1942 г — 1601 чел. (см. табл. 22). Как видим, смертность оказалась минимальной.

Дальнейшую судьбу ссыльнопоселенцев, конечно, нельзя назвать радужной, однако на 1 января 1953 г. на поселении оставалось 14 301 из 25 711 чел., высланных из Прибалтики в 1941 г.[4], численность

---

1 Сталинские депортации. С. 267; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 81. Л. 79–88.

2 Там же.

3 Там же.

4 *Земсков В. Н.* Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991.

эстонцев среди которых можно определить примерно в 3300 чел.[1] Как видим, говорить о 60-процентной смертности не приходится. Кстати говоря, разницу между 25 и 14 тысячами нельзя скопом записывать в умершие: дело в том, что изначально у выселенных в 1941 г. прибалтов был статус ссыльнопоселенцев, а потом их стали переводить на спецпоселение. Но не всех — часть осталась на ссыльнопоселении и учитывалась отдельно. Кроме того, некоторое количество ссыльных возвратилось в Эстонию в 1945–1947 гг.[2]

Таблица 22. Численность ссыльнопоселенцев из ЭССР в Новосибирской области, 1941–1942 гг.[3]

	Общее количество			В том числе		
	Семей	По ним членов	Из них взрослых	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет
На 17.09.1941	564	1619	956	269	687	663
На 10.02.1942	550	1601	950	262	688	651

Даже по данным уже упоминавшегося Эстонского бюро регистра репрессированных число погибших среди ссыльных составило не 60 %, а 33,1 % (2333 чел.)[4]. Правда, и здесь мы натыкаемся на подтасовку: если 33,1 % — это 2333 чел., то 100 % — 7048 чел. А в ссылку из Эстонии, как мы помним, было направлено менее 6 тысяч. Кого в ERRB записали в погибшие, неизвестно. Но цифра в 2333 умерших — недостоверна, хотя и более близка к истине, чем заявления о 60 % погибших.

№ 5. С. 155; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 210–211; *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы. С. 28.

[1] См.: Население России в XX веке. Т. 2. С. 174; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 210–211.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–11; *Maripuu M., Kaasik P.* Deportation of 14 june 1941. P. 377; На чаше весов. С. 432. См. также: *Kulu H.* Eestlaste tagasiranne, 1940–1989. Tartu, 1997.

[3] Составлено по: Сталинские депортации. С. 258, 266; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 81. Л. 79–88; Д. 87. Л. 238; *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы. С. 524.

[4] Белая книга. С. 34.

Весьма правдоподобные данные приводит в предисловии к размещенной на интернет-сайте исторического факультета Тартуского университета электронной версии списка депортированных эстонский историк П. Варю. Он определяет общую численность депортированных в 9300 чел. Это, конечно, не совсем верно, однако погрешность относительно невелика[1]. Согласно Варю, судьба депортированных сложилась следующим образом:

- погибли – 3873 чел.,
- без вести пропали – 611,
- с неясной судьбой – 110,
- бежали – 75,
- освобождены – 4631[2].

Таким образом, общая численность умерших в 1941–1956 гг. жертв депортации составляет от 3873 до 4494 чел. Эти данные хорошо согласуются с нашими расчетами. Конечно, обе этих цифры являются крайними; на самом деле общее число погибших можно оценить примерно в четыре тысячи человек, две тысячи среди заключенных и две – среди ссыльных. Таким образом, смертность среди заключенных составила не 90 %, а менее 60 %. Среди ссыльных же смертность равнялась не 60 %, а примерно 30 %.

Необходимо также учитывать, что в число умерших входят и те, кто скончался по вполне естественным причинам, например от старости: пятнадцать лет – срок немалый.

2.8. Причины депортации

Июньскую депортацию 1941 г. официальная эстонская историография объясняет исключительно замыслами Кремля. В Таллине непременно подчеркивают, что планы «депортации эстонцев» советские власти лелеяли очень давно. В «Белой книге» утверждается, что первый «сверхсекретный» приказ о депортации из прибалтийских

---

[1] По всей видимости, П. Варю включил в число депортированных в ходе июньской депортации 144 человека, вывезенных из Эстонии уже в ходе войны.

[2] *Varju P.* 14. juuni 1941 massioperasiooni ohvirte koondnimekiri.

республик был утвержден еще до включения их в состав Советского Союза — в 1939 г.[1]

Об этом же «сверхсекретном документе» подробно рассказывается в изданной в 1972 г. книге под названием «Балтийские государства 1940–1972»: «10 октября 1939 г., когда в Кремле состоялся прием в честь литовской делегации, днем раньше поставившей свои подписи под Пактом о взаимопомощи с Советским Союзом, генерал Серов, комиссар НКВД 3-го ранга, подписал угрожающий документ. Этот документ, отнесенный к разряду "чрезвычайно секретных", представлял собой инструкцию для офицеров НКВД, получивших направление на советские военные базы в Балтийские государства. Он назывался "Депортация антисоветских элементов из Балтийских государств" и представлял собой длинную и подробную инструкцию в семи частях. После вступления, где описывалась общая ситуация и подчеркивалось величайшее политическое значение операции, инструкция переходила к конкретным указаниям для персонала о том, какие документы следует выдавать депортируемым, как забирать депортируемых из домов, как проводить отделение мужчин от семей, как организовывать конвой и как должна происходить погрузка депортированных на железнодорожных станциях»[2].

Даже с точки зрения элементарной логики подобное утверждение выглядит крайне сомнительным. Во-первых, совершенно непонятно, как советские власти могли готовить депортацию из прибалтийских стран до их присоединения. Во-вторых, серьезные сомнения вызывают сроки: неужели подготовка к депортациям из прибалтийских республик велась более полутора лет?

Обращение к первоисточнику окончательно убеждает, что мы имеем дело с очередной ложью. Дело в том, что пресловутая «инструкция Серова» была впервые опубликована в 1941 г. в напечатанной в Каунасе книге «Советский Союз и балтийские государства» («Die

---

1 Белая книга. С. 14.

2 На чаше весов. С. 421; The Baltic States 1940–1972. P. 49–50. Впервые подобное утверждение появилось в изданной в 1951 г. в Стокгольме книге «Эти имена обвиняют. Промежуточный перечень латвийских граждан, депортированных в Советскую Россию в 1940 — 41 гг.», переизданной в 1982 г.

Sowjetunion und die baltische Staaten»). Издана эта книга на немецком, и готовили ее, как нетрудно догадаться, сотрудники ведомства доктора Геббельса[1].

Более того, в начале девяностых годов российскими историками была обнародована реальная инструкция «для офицеров НКВД, получивших направление на советские военные базы в Балтийские государства» — директива НКВД СССР № 4/59594 от 19 октября 1939 г. «Об оперативном обслуживании частей, дислоцированных на территории Эстонии, Латвии и Литвы».

Излишне говорить, что никаких упоминаний о подготовке к депортации в этой директиве не обнаружилось; начальникам особых отделов частей, расположенных на территории прибалтийских республик, предписывалось всего лишь активизировать борьбу со шпионажем, а также следить за поведением командиров и красноармейцев «в целях своевременного выявления и пресечения случаев дискредитации высокого звания представителя Красной Армии и Флота Советского Союза»[2].

Поиски «инструкции Серова» в Центральном архиве ФСБ результатов, естественно, не дали. Зато выяснилось обстоятельство, свидетельствующее о поддельности этого документа. Дело в том, что 11 октября 1939 г., когда Серов якобы подписывал этот документ, он работал наркомом внутренних дел УССР и, как справедливо замечает российский историк Павел Полян, «ни при каких обстоятельствах не мог издавать документы общесоюзного уровня»[3].

Именно поэтому сегодня эстонские историки предпочитают говорить о подготовке депортации уже не в 1939, а в 1940 г. «Подготовка к исполнению широкой акции принудительного переселения эстонского народа началась не позднее 1940 г., — пишет, например, Март Лаар. — Первые признаки депортации эстонцев можно найти из бумаг специального уполномоченного Сталина Андрея Жданова, руководившего разрушением самостоятельности Эстонии летом

---

1 Estonia 1940–1945. P. 380. Российские исследователи утверждают, что книга «Советский Союз и балтийские государства» была издана в Берлине в 1943 году (Сталинские депортации. С. 779).

2 ОГБ. Т. 1. Кн. 1. С. 110–111; На чаше весов. С. 92–93.

3 Сталинские депортации. С. 780.

1940 г., — здесь имеется замечание о том, что эстонцев следует выслать в Сибирь»[1].

Авторы «Белой книги» ссылаются на другой документ: «Хотя т. н. “документ Серова”, касающийся Балтийских государств, датирован неправильно, это не изменяет сути произошедшего... В Эстонии подготовка к массовым депортациям т. н. социально опасного элемента началась в соответствии с распоряжением НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г.»[2].

При ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что и эти заявления не соответствуют действительности.

Начнем с якобы найденного в бумагах Жданова «замечания о том, что эстонцев следует выселить в Сибирь», о котором пишет Лаар. Прежде всего, следует заметить, что изложение этого документа Лааром выглядит весьма сомнительным. «Эстонцев следует выселить в Сибирь». Неужели всех поголовно? Возможность подобного мероприятия в 1940 г. выглядит как минимум абсурдно (тем более, если учитывать, что в 1940–1941 гг. интенсивность репрессий в Эстонии была низкой — см. гл. 1 данной книги). Да, советская власть осуществляла «переселения народов»: чеченцев, ингушей, крымских татар, калмыков и балкарцев. Но эти депортации, проводившиеся в годы войны (1943–1944), окрещены современными историками «депортациями возмездия» — коллективного «возмездия» за сотрудничество с врагом. Неужели в Кремле обладали даром предвиденья и уже в 1940 г. знали, что после прихода немцев эстонцы начнут массово записываться в батальоны вспомогательной полиции и участвовать в карательных акциях против мирного населения по всей оккупированной территории СССР?

Допустим, документ, на который ссылается Лаар, действительно существует. Можно ли из этого сделать какие-либо выводы о намерениях советского руководства? Нет, нельзя — потому что в Кремле исходящие «снизу» предложения могли и не одобрить.

Например, после присоединения прибалтийских республик командующий войсками Белорусского особого военного округа генерал-

---

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 12–13; *Лаар М.* Депортации из Эстонии... С. 1. Схожее утверждение мы находим в: *Тарвель Э.* История депортации.

[2] Белая книга. С. 14.

полковник Павлов отправил наркому обороны маршалу Тимошенко служебную записку следующего содержания:

> «Существование на одном месте частей Литовской, Латвийской и Эстонской армий считаю невозможным. Высказываю следующие предложения:
>
> Первое. АРМИИ всех 3-х государств разоружить и оружие вывезти в Сов. Союз.
>
> Второе, или После чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоставом — допускаю возможность на первых порах — в ближайшее время использовать для войны части Литовской и Эстонской армий — вне БОВО, примерно — против румын, авганцев или японцев.
>
> Во всех случаях латышей считаю необходимым разоружить полностью.
>
> Третье. После того, как с армиями будет покончено, немедленно (48 часов) разоружить население всех 3-х стран.
>
> За несдачу оружия расстреливать.
>
> К выше перечисленным мероприятиям необходимо приступить в ближайшее время, чтобы иметь свободу рук»[1].

Если мы будем пользоваться методикой М. Лаара, то, обнаружив этот документ, начнем писать о том, что советские власти в 1940 г. планировали разоружить прибалтийские армии, а их личный состав отправить воевать в Афганистан. Однако на самом деле все обстояло прямо противоположным образом. В Кремле предложения Павлова были отвергнуты, а 17 августа 1940 г. нарком обороны маршал Тимошенко издал приказ, согласно которому армии прибалтийских республик переформировывались в территориальные стрелковые корпуса Красной Армии. При этом в корпусах сохранялась старая форма, офицерский состав был лишь незначительно разбавлен русскими и местными коммунистами[2], а командующим 22-го Эстонского корпуса стал генерал-майор Густав Йонсон, бывший командующий вооруженными силами независимой Эстонии[3].

---

1 1941 год. Кн. 1. С. 44–45; [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1279. Л. 60]. Правописание и стилистика документа сохранены.

2 Там же. С. 177–178; [РГВА. Ф. 37848. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–9].

3 Обзор периода оккупации. С. 29.

Так что даже если записка Жданова о необходимости депортации, на которую ссылается М. Лаар, и существует в природе, делать на его основе какие бы то ни было выводы о намерениях советских властей нельзя.

В существовании распоряжения НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г., на которое в качестве доказательства подготовки депортации ссылаются авторы «Белой книги», сомневаться не приходится. Однако никакого отношения к подготовке депортации этот документ не имеет. Согласно распоряжению № 288 НКВД Эстонской ССР предписывалось всего лишь «завести картотеку по т. н. контрреволюционному и антисоветскому элементу»[1].

Создание картотеки учета контрреволюционного и антисоветского элемента никак не может рассматриваться в качестве доказательства подготовки депортации. Во все времена и во всех странах соответствующими структурами велись картотеки политически неблагонадежных лиц. Это — одна из основ деятельности служб государственной безопасности[2]. В 30–40-х гг. XX в. подобные картотеки имелись далеко не только в Советском Союзе; имеются они и сейчас, в том числе и в современной Эстонии. Прежняя эстонская политическая полиция также располагала чем-то подобным — не зря же в ее составе имелся отдел по борьбе с инакомыслием. Следует ли из этого, что в независимой Эстонии готовились или готовятся массовые депортации?

Таким образом, никаких доказательств тому, что подготовка к депортации начала проводиться еще в 1940 г., эстонскими историками не предъявлено. Это не удивительно — ведь представить доказательства того, чего не было, весьма проблематично.

Российские историки давно обнародовали факт, ставящий крест на любых рассуждениях о начале подготовки депортации из Эстонии в 1940 г. Июньская депортация 1941 г. осуществлялась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского,

---

1 Белая книга. С. 27.

2 См.: *Холквист П.* «Осведомление — это Альфа и Омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001.

уголовного и социально-опасного элемента». Постановление это разрабатывалось руководством НКВД; первоначально депортацию планировалось провести лишь с территории Литвы. Латвия и Эстония были добавлены в проект постановления в самый последний момент. Проект даже не успели перепечатать — слова «Латвийская и Эстонская ССР» вписаны в него от руки[1]. Таким образом, решение о депортации из Эстонии не готовилось заблаговременно, а было принято под влиянием момента.

Что же заставило Кремль отказаться от прежней умеренной политики в Прибалтике (как мы помним, за «первый год советской оккупации» число осужденных в Эстонии составило менее полутора тысяч человек) и перейти к действительно массовой репрессивной акции?

Официальная эстонская историография не дает ответа на этот вопрос. И не случайно — ведь ответ этот очень неприятен для современного Таллина. Дело в том, что депортация 1941 г. организовывалась не для геноцида эстонского народа, как рассказывают нам сегодня. Кремль преследовал гораздо более рациональные цели. Депортация была способом борьбы со связанной с нацистскими спецслужбами «пятой колонной» из прибалтийских националистов. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР необходимость депортации обосновывалась предельно ясно: «в связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях»[2].

Иными словами, как заметил посол Великобритании в СССР Криппс, «они [советское руководство] не хотели, чтобы их погранич-

---

[1] 1941 год. Кн. 2. С. 221–223; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 394–395; Сталинские депортации. С. 215–217; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». С. 277–279; ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 1. Л. 42–47; [РГАНИ. Ф. 69. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6]. См. также: ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 531–532.

[2] ОГБ. Т. 1. Кн. 2. С. 144; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 394; Сталинские депортации. С. 215; [РГАНИ. Ф. 69. Оп. 18. Д. 3. Л. 2–6].

ные районы были заселены пятой колонной и людьми, подозрительными в смысле враждебности к советскому режиму»[1].

Имелись ли у Кремля основания для опасений? С высоты сегодняшнего дня мы можем ответить на этот вопрос вполне определенно. Да, такие основания имелись и были более чем серьезными. В ожидании нападения Германии на Советский Союз прибалтийские националисты устанавливали связи с германской разведкой и готовились к вооруженным выступлениям в тылу советских войск. «Политические эмигранты, бежавшие в свое время из Прибалтики в Германию, приложили немало усилий для организации и согласования действий групп сопротивления в этих странах, — отмечает в этой связи один из американских исследователей. — И, конечно, без прямого одобрения и поддержки со стороны немцев эти силы вряд ли сумели бы даже начать подобные выступления. А немцы были заинтересованы в том, чтобы в день их нападения на СССР восстание за линией фронта разгорелось бы как можно шире и ярче»[2].

О масштабности приготовлений прибалтийских националистов к диверсионной борьбе можно судить по докладу, отправленному в мае 1941 г. в Берлин восточно-прусским отделением «Абвера II»: «Восстания в странах Прибалтики подготовлены, и на них можно надежно положиться. Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессирует настолько, что доставляет известные трудности удержать его участников от преждевременных акций. Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, продвигаясь вперед, приблизятся к соответствующей местности с тем, чтобы русские войска не могли участников восстания обезвредить»[3].

---

[1] Прибалтика и геополитика, 1935–1945: Сборник документов. М., 2006. [Цитируется по электронному варианту, размещенному на сайте Службы внешней разведки РФ, svr.gov.ru].

[2] *Штромас А.* Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР: По материалам западной печати. М., 1989. С. 100.

[3] *Дзинтарс Э.* «Пятая колонна» в Латвии служила Гитлеру // Независимая газета. 21.06.2001; *Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г.* Прибалтийские Waffen-SS: Герои и палачи?.. М., 2004. С. 18; *Янченков В.* Пятая колонна // Труд. 25.06.1999.

О заблаговременной подготовке эстонских националистов к войне свидетельствует то, что уже 22 июня 1941 г. ими было совершено вооруженное нападение на солдат Красной Армии, в ходе которого один красноармеец был убит и пятеро ранены[1].

Советские спецслужбы разгромить связанное с нацистскими спецслужбами подполье не смогли. Конечно, отдельные успехи были — так, например, незадолго до начала войны была пресечена деятельность так называемого Комитета спасения Эстонии. У арестованных участников Комитета было изъято множество оружия, радиоаппаратура и шифры, использовавшиеся для поддержания связи с немецкой и финской разведками[2]. Однако этого было недостаточно — и тогда в Кремле было принято решение о депортации[3].

Это решение можно (и должно) назвать жестким. Необоснованным его назвать нельзя, учитывая, что в первые же дни после нападения Германии на СССР на территории Эстонии в тылу Красной Армии начали действовать десятки групп «лесных братьев», устанавливавшие связи с немецкими войсками[4].

2.9. Готовилась ли вторая депортация?

В официальной эстонской историографии встречаются утверждения, что депортация 14 июня 1941 г. была лишь первой из запланированных советским руководством. «На июль месяц была запланирована новая акция по депортации, но в связи с начавшейся войной между Германией и Советским Союзом провести депортацию успели только на западных островах Эстонии», — пишут авторы «Обзора»[5]. С ними солидарен Март Лаар. «В то время, когда первые эшелоны с репрессированными прибывали в пункты назначения, в Эстонии уже гото-

---

[1] *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 352.

[2] Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40–50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 170.

[3] Подробнее о механизме принятия решения о проведении депортации из Прибалтики см.: *Дюков А. Р.* Депортация 1941 года из республик Прибалтики: Механизм принятия решения // Свободная мысль. 2010. № 11. С. 87–96.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 69–70, 119, 146.

[5] Обзор периода оккупации. С. 40.

вилась следующая волна репрессий, — пишет Лаар. — Однако этому помешало нападение Германии на Советский Союз. В результате быстрого продвижения фронта по территории СССР вторую депортацию в первые дни июля успели провести только на о-ве Сааремаа»[1].

Подобные заявления, однако, не подкреплены документальными свидетельствами. Российскими историками исследован комплекс документов, касающихся депортаций июня 1941 г. В документах нет даже упоминаний о возможности проведения повторных депортаций. С точки зрения логики проведение двух депортационных акций с перерывом в несколько недель выглядит совершенно абсурдно.

Что же касается упоминаемой М. Лааром и авторами «Обзора» июльской депортации с о-ва Сааремаа, то эта акция проводилось в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г. Согласно этому документу, военные власти получали право принимать решение о выселении в административном порядке с территорий, объявленных на военном положении, лиц, признанных социально опасными[2]. Указ Президиума Верховного Совета был принят в связи с началом войны и никакого отношения к довоенным депортационным акциям не имел[3].

«Вторая депортация» — всего лишь миф, по всей видимости восходящий к нацистской пропаганде[4].

---

1 *Лаар М.* Красный террор. С. 20.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 6; *Мозохин О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 222.

3 Всего, по данным А. Гурьянова, после начала войны из Эстонии было вывезено 144 депортированных. См.: *Гурьянов А. Э.* Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае — июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Вып. 1.

4 Весьма вероятно, что «основой» этого мифа послужили списки на эвакуацию, составлявшиеся советскими властями. В ряде регионов Западной Украины националисты, захватившие эти списки, выдавали их за списки на депортацию (см.: Партизанская война на Украине: Дневники командиров партизанских отрядов и соединений, 1941–1944 / Сост. О. В. Бажан, С. И. Власенко, А. В. Кентий, Л. В. Легасова, В. С. Лозицкий. М., 2010. С. 115). По всей видимости, аналогичным образом поступали и сформированные нацистами коллаборационистские органы управления в Эстонии.

2.10. Выводы

Описание июньской депортации 1941 г. в официальной эстонской историографии содержит множество искажений и ложных утверждений. Не соответствуют действительности утверждения о том, что количество депортированных составило более 10 тысяч чел., что под угрозой депортации находилась значительная часть граждан Эстонии, что депортация сопровождалась расстрелами и массовой гибелью депортируемых во время перевозки. Не соответствуют действительности и приводимые в официальной историографии данные о числе депортированных, умерших в период с 1941 по 1956 г.

На самом деле в ходе июньской депортации из Эстонии было выслано 9156 чел. (из намеченных 9596), 3178 из которых были арестованы и отправлены в лагеря, а 5978 — на поселения в отдаленные районы СССР. Общая смертность среди этих людей была существенно ниже утвердившихся в эстонской историографии оценок, однако достаточно высокой. В общей сложности за пятнадцать лет (с 1941 по 1956 г.) умерло около 2000 заключенных. Точными данными о смертности среди ссыльных за этот период мы, к сожалению, не располагаем, однако, по всей видимости, число умерших не превышало 2 тысяч. Следует еще раз отметить, что столь высокая смертность обуславливалась не планами Кремля, а лишениями военных лет. Вне всякого сомнения, депортация была достаточно жесткой репрессивной акцией, в результате которой пострадали и невинные люди; однако «геноцидом» депортацию 1941 г. назвать нет никаких оснований.

Необходимо также учитывать, что июньская депортация из Прибалтики была для Кремля вынужденной мерой, обусловленной приближением войны и деятельностью сотрудничавшего с абвером националистического подполья.

Глава 3. Репрессии начала войны

3.1. Официальная эстонская версия

В официальной эстонской историографии утвердилось мнение, что после начала войны репрессии советских властей резко активизировались, приобрели еще более массовый и зверский характер. Март Лаар и авторы «Белой книги» определяют общее число убитых в 179 казненных по приговору военных трибуналов и 2199 «убитых без суда»[1]. Кроме того, эстонские историки характеризуют как преступления проводившиеся советскими войсками в Эстонии мобилизацию и эвакуацию, в ходе которых в Россию было вывезено соответственно 33 и 25 тысяч чел.[2]

Эти цифры, однако, вызывают серьезные сомнения. Как признает сам Лаар, они восходят к «данным», собранным комиссией ZEV во время немецкой оккупации[3]. Однако хорошо известно, что немецкие пропагандисты записывали в «жертвы большевизма» не только погибших во время военных действий, но и убитых нацистами.

Например, в июле 1941 г. в белорусском Пинске немецкие солдаты расстреляли 15 молодых евреев. Когда родственники убитых обратились к немецким властям с просьбой отдать им тела для захоронения, немцы потребовали от них подписи, подтверждающие, что их детей застрелили отступающие русские. «Понятно, что требуемые подписи были получены, — писал впоследствии один из очевидцев. — Немцы сфотографировали родителей рядом с жертвами и использовали этот снимок для лживой пропаганды против Советского Союза»[4].

Документально подтверждены случаи, когда в Латвии в число «расстрелянных большевиками» записывали вполне живых людей.

---

[1] Белая книга. С. 28; *Лаар М.* Красный террор. С. 34; Обзор периода оккупации. С. 24–25.

[2] Рапорты. С. 13; *Лаар М.* Красный террор. С. 34–35; Белая книга. С. 28.

[3] *Лаар М.* Красный террор. С. 34. См. также: *Тарвель Э.* История депортации.

[4] *Долинко А.* Так погибли общины Пинска и Карлина... / Пер. с иврита М. А. Векслер; Предисл. Г. Б. Гробовицкого. М., 2005. С. 10.

Об этом, в частности, сообщалось в служебной записке НКГБ СССР, датируемой апрелем 1945 г.: «Установлено, что в книге “Обвинительные доказательства” была помещена статья, описывающая подробности ареста и “расстрела большевиками” латышского музыканта Рейтгарса А. Э. Фактически Рейтгарс А. Э. в 1941 г. был осужден народным судом г. Риги за хулиганство к одному году тюремного заключения, этапирован в Печерский лагерь НКВД, и после отбытия наказания Рейтгарс находился на службе в Красной Армии в запасном латышском полку. В настоящее время Рейтгарс вернулся в г. Ригу и работает в Республиканском Радиокомитете в должности концертмейстера»[1].

Нет никаких оснований предполагать, что в Эстонии немецкие пропагандисты действовали иначе, чем в Латвии и Белоруссии.

Все это само по себе ставит под вопрос достоверность цифр, приводимых в официальной эстонской историографии. Однако существует еще одно крайне любопытное обстоятельство. Дело в том, что впервые цифра в 179 казненных по приговору военных трибуналов и 2199 убитых без суда появилась в изданной в 1996 в Стокгольме книге «Красный террор». Эстонский историк Айги Рахи (кстати говоря, одна из авторов «Белой книги») пишет об этой работе следующее: «Предварительные списки казненных в Эстонии в 1940–1941 гг. как по приговору суда (179 чел.), так и без оного (2199 чел.) были опубликованы в книге “Красный террор”»[2].

Таким образом, эстонские историки никак не могут определиться, относятся ли приводимые ими цифры в 2199 и 179 чел. ко всей «первой советской оккупации» или только к ее военному периоду. Упомянутая нам Айги Рахи в опубликованной в 2003 г. статье «Текущее состояние исследований советских и нацистских репрессий в Эстонии» пишет о том, что эти цифры охватывают весь период

---

1 Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов. М., 2006. С. 67; [ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 1. Л. 226].

2 *Rahi A.* On the current state of research into soviet and nazi repressions in Estonia // Yearbook of the Occupation museum of Latvia 2002. Riga, 2003. Это утверждение мы находим также на сайте исторического факультета Тартуского университета: http://www.history.ee/register/doc/puna.html.

«первой советской оккупации»[1]. Зато в изданной год спустя «Белой книге» та же самая Айги Рахи совершенно бестрепетно утверждает, что эти цифры относятся лишь к военному времени[2].

Столь явная манипуляция цифрами (к тому же восходящими к нацистской пропаганде) дает все основания не верить им вообще.

Попробуем разобраться, что имело место на самом деле.

3.2. Обстановка в Эстонии летом 1941 г.

Прежде всего нам следует рассмотреть обстановку, в которой осуществлялась репрессивная политика советских властей.

С первых же дней войны на территории Эстонии широкий размах приобрела деятельность антисоветских вооруженных формирований. В Государственном архиве РФ хранится перевод «Отчета о деятельности "Омакайтсе" в 1941 г.», составленного эстонскими коллаборационистами в первые месяцы 1942 г. Согласно этому документу, в Эстонии действовало более 300 отрядов и групп «лесных братьев», в том числе в уезде Выру — 150, в уезде Виру — 70, в уезде Ляэне — 48 и в уезде Вильянди — от 30 до 40[3]. Некоторые из отрядов насчитывали несколько сотен человек — как, например, отряд бывшего командира полка «Кайселийта» майора Лиллехта, действовавший в районе Килинги-Нымме[4].

Вот как описывали свои действия сами «лесные братья»: «В меру имеющихся возможностей старались дезорганизовать тыл фронта Красной Армии: разрушали линии связи, мосты, обстреливали и нападали на группы двигающихся по дорогам команд Красной Армии, милиции и истребительных батальонов, мешали движению автомобилей на шоссе, арестовывали местных волостных исполкомов и препятствовали функционированию коммунистической власти. В то же самое время ободряли и привлекали к себе в лес подлежащих призыву и мобилизации, препятствовали исполнению приказаний по реквизиции лошадей и скота и отдаче обязательных норм... Также выступали силой против групп истребительных батальонов и Красной Армии,

---

[1] *Rahi A.* On the current state of research...

[2] Белая книга. С. 28.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 69.

[4] Там же. Л. 119.

являвшихся на места для совершения истреблений или облав на лесных братьев. Так произошли во многих уездах столкновения лесных братьев, из которых некоторые развились в продолжительные бои... Партизанская деятельность лесных братьев стала с приближением фронта все обширнее и смелее, главным образом в Южной Эстонии, откуда регулярные части Красной Армии быстро отступали и обороны не организовывали... Уже в первые дни июля месяца, больше всего в промежутке времени от 3-го до 6-го июля, в уездах Вырумаа, Валгамаа, Тартумаа, Вильяндимаа и Пьярнумаа совершили захваты зданий волостных управлений и аресты да истребления членов исполкомов»[1].

Всего, по данным «Отчета о деятельности "Омакайтсе"», «лесными братьями» было убито 946, ранено 146 и захвачено 287 советских солдат и бойцов истребительных батальонов[2]. Возможно, конечно, что эти данные несколько завышены, однако они прекрасно отражают размах развернувшейся в тылу Красной Армии вооруженной борьбы.

Захваченные впоследствии советскими органами безопасности документы свидетельствуют, что свою деятельность «лесные братья» проводили в координации с немецкими диверсионными группами, а впоследствии — с немецкими войсками. Так, например, «лесные братья» волости Тали 6 июля установили связь с немецкими войсками в северной Латвии и получали от них вооружение. В свою очередь, «лесные братья» осуществляли разведывательно-диверсионную работу в интересах немецких войск и помогали сбитым немецким летчикам переходить линию фронта[3].

Когда линия фронта непосредственно приближалась к территории, на которой действовали отряды и группы «лесных братьев», наиболее боеспособные формирования продолжали вести боевые действия вместе с немецкими частями. Отдельные «лесные братья» вступали в ряды германской армии[4].

---

1 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 70.

2 Там же.

3 Там же. Л. 75, 119, 146.

4 Там же. Л. 74–75, 119.

В городах действовали подпольные антисоветские организации, осуществлявшие разведывательную и диверсионную работу, а при приближении немецких войск переходившие к открытым вооруженным выступлениям. Подобные выступления, в частности, имели место в городах Вильянди и Тарту[1].

Плохо обстояли дела и в подразделениях 22-го Эстонского стрелкового корпуса РККА. В первые же недели войны обнаружилось, что эти подразделения крайне неустойчивы. «Значительная часть командиров и красноармейцев эстонцев перешла на сторону немцев. Среди бойцов царит вражда и недоверие к эстонцам», – докладывал 14 июля 1941 г. прикомандированный к разведотделу штаба Северо-Западного фронта майор Шепелев[2]. Речь шла о 180-й дивизии 22-го стрелкового корпуса. Находившиеся при этой же дивизии уполномоченные Военного совета фронта капитан Баркунов и военинженер 3-го ранга Буссаров описывали сложившуюся ситуацию следующим образом: «В дивизии имеет место переход на сторону врага части командного и рядового состава эстонцев, что затрудняет выяснение точных потерь в дивизии»[3].

В результате уже 27 июня начальник Генштаба Жуков приказал командующему Северо-Западного фронта 22-й Эстонский и 24-й Латышский стрелковые корпуса «в полном составе отвести в район Боровичи, Порхов, Дно на переформирование и дообучение»[4]. Как явствует из документов, из корпусов предполагалось изъять нелояльный элемент, пополнить и переформировать[5].

Насколько можно понять, этот приказ не был своевременно выполнен. И пока одни эстонцы бок о бок с русскими сражались против немецких войск, другие дезертировали и перебегали на сторону противника. Современные эстонские историки оценивают общее число перебежчиков примерно в 4,5 тысячи чел.[6]

---

1 Там же. Л. 71; ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 437.

2 *Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г.* Прибалтийские Waffen-SS. С. 33 (со ссылкой на ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1372. Д. 10. Л. 201–202).

3 Там же (со ссылкой на ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1372. Д. 19. Л. 44).

4 Русский архив: Великая Отечественная. М., 1997. Т. 23 (12). Кн. 1. С. 44; [ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3412. Д. 440. Л. 2].

5 Там же. С. 46; [ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 23. Л. 38].

6 Белая книга. С. 28; *Лаар М.* Красный террор. С. 34; *Rahi A.* On the current state of research into soviet and nazi repressions in Estonia // Yearbook of the Occupation museum of Latvia 2002. Riga, 2003.

Ситуация была усугублена быстрым продвижением немецких войск. Оборонявшим Эстонию войскам 8-й армии лишь в середине июня удалось задержать противника на рубеже Пярну — Тарту, а к 7 августа подразделения вермахта вышли на побережье Финского залива в районе Кунда, тем самым окружив Таллин и защищавшие его советские войска. Оборона Таллина тем не менее продолжалась вплоть до 27–28 августа.

Таким образом, обстановка в Эстонии была крайне напряженной. Перед советскими и военными властями республики встала задача пресечь активную деятельность националистического подполья и формирований «лесных братьев». Поскольку эстонские националисты действовали в интересах противника, борьба с ними была обоснованной и необходимой.

3.3. Деятельность военных трибуналов

Сформировав представление об остановке, в которой проводились репрессии военного времени, перейдем теперь к разбору конкретных форм репрессий. Прежде всего, следует рассмотреть деятельность военных трибуналов.

В «Белой книге» и работах М. Лаара утверждается, что общая численность осужденных к ВМН советскими военными трибуналами с 22 июня по октябрь 1941 г. составляет 179 чел. При этом Лаар дает понять, что приговоры были необоснованными: «В Эстонии начали действовать военные трибуналы, закрывавшие многие залежавшиеся судебные процессы смертными приговорами»[1].

Оба этих утверждения не соответствуют действительности. Как мы помним, в приложениях к сборнику «Эстония 1941–1945» опубликованы поименные данные на людей, осужденных к смертной казни приговорами военных трибуналов. Эти данные основаны на внушительном комплексе архивных документов, и усомниться в них проблематично.

Согласно этому списку, с 22 июня по 12 августа 1941 г. военными трибуналами к ВМН было осуждено 140 чел., 19 из которых (13,5 %) были русскими[2]. Этот список неполон; согласно данным эстонских

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 20–21.

[2] *Maripuu M., Kuusik A.* Political arrests... P. 351–359.

историков, от 100 до 180 чел. были осуждены к ВМН военным трибуналом пограничных войск Прибалтийского особого военного округа[1]. Если эти данные соответствуют действительности (а проверить мы их, к сожалению, не можем), то общее число граждан Эстонии, казненных по приговорам военных трибуналов за три военных месяца, составляет от 240 до 320 чел. Говорить о том, что военные трибуналы массово штамповали приговоры, как видим, не приходится.

Приведенные в приложениях к сборнику «Эстония 1940–1945» данные также не позволяют утверждать о необоснованности приговоров военных трибуналов (см. табл. 23).

Таблица 23. Состав преступления осужденных к ВМН граждан Эстонии, 22.06 — 12.08.1941.[2]

За что осуждены	Количество осужденных к ВМН	В % к общему числу осужденных к ВМН
Военные преступления в годы Гражданской войны	6	4,3
Шпионаж против СССР до 1940 г.	11	7,9
Аресты и казни коммунистов в независимой Эстонии, провокаторская деятельность	9	6,4
Участие в белогвардейских организациях	8	5,7
Бегство из СССР до 1940 г.	1	0,7
Участие в антисоветских организациях	46	33
«Лесные братья»	27	19
Антисоветская агитация	10	7
Дезертирство из Красной Армии	5	3,6
Причина не указана	20	14,3

1 Ibid. P. 360; Рапорты. С. 13.

2 Составлено по: *Mariрии M.*, *Kuusik A.* Political arrests... P. 333–351. Суммарное число осужденных по категориям превышает 184 чел., поскольку в ряде случаев причин осуждения было несколько.

Подавляющая часть казненных была осуждена за принадлежность к антисоветским подпольным организациям и формированиям «лесных братьев»; по сравнению с довоенным периодом резко уменьшилось количество осужденных за «старые грехи».

Выявленные в Государственном архиве РФ документы свидетельствуют о том, что военные трибуналы подходили к вынесению смертных приговоров достаточно осторожно. Например, летом 1941 г. из Красной Армии дезертировал Кристиан Паусалу. До присоединения Эстонии к Советскому Союзу он работал тюремщиком и был уличен в жестоком обращении с заключенными. Как тюремщик, на которого имелся компромат, он в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г. должен был быть депортирован. Однако Паусалу не только не подвергся высылке и аресту, но даже был призван в армию, откуда вскоре дезертировал. Военный трибунал присудил Паусалу к ВМН — расстрелу с заменой на 10 лет лишения свободы с направлением на фронт. Однако в октябре Паусалу вторично дезертировал и перешел на сторону немцев вместе с 60 эстонцами-красноармейцами[1].

Военные трибуналы выносили не только смертные приговоры; часть арестованных отправлялась в лагеря и колонии ГУЛАГа. В первой главе мы подробно рассматривали движение эстонцев — заключенных ГУЛАГа в 1941 г. В общей сложности в течение года было осуждено около 4,5 тысячи эстонцев, в том числе 3,2 тысячи — в рамках депортации 14 июня, около 1000 — до начала войны и около 300 — после.

3.4. Расстрелы в тюрьмах

Однако не все арестованные летом 1941 г. в Эстонии были осуждены к ВМН или заключению в лагеря. Часть из них была расстреляна в тюрьмах без суда при приближении немецких войск.

В эстонской официальной историографии утверждается, что расстрелы заключенных в тюрьмах были массовыми, однако общие цифры не называются. Из упоминаемых ими случаев можно понять, что расстрелы имели место в пяти тюрьмах. В тюрьме города Тарту было расстреляно 192 чел., в Лихула — 6 чел., в Хаапсалу — 11 чел.,

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 38.

в Вильянди — 11 чел., в Печорах — 6 чел., в Хииумаа — 41[1]. В этот же ряд пытаются включить состоявшиеся в сентябре расстрелы в Курессаареском замке на о. Сааремаа. Однако подобная «добавка» неправомерна: если расстрелы заключенных в тюрьмах Тарту, Вильянди, Лихула и Хаапсалу проводились без судебного решения, то на Сааремаа расстрелы были приведением в исполнение смертных приговоров, вынесенных военным трибуналом (см. п. 3.3)[2].

Таким образом, в общей сложности, по данным официальной историографии, в тюрьмах было расстреляно 267 чел. Следует отметить, что при определении численности расстрелянных в тюрьмах эстонские историки ориентируются на результаты эксгумаций, проводившихся сразу после оккупации республики немецкими властями. Соответственно, нет никакой гарантии, что в число эксгумированных трупов не были включены тела расстрелянных до начала войны.

Более точные цифры расстрелянных в тюрьмах Эстонии мы можем получить, обратившись к хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации документам НКВД СССР. Согласно «Справке о количестве заключенных, выбывших в ходе эвакуации» от 22 января 1942 г., в Эстонской ССР было расстреляно в тюрьмах 205 чел. и еще 40 было освобождено при эвакуации[3].

Разумеется, в неразберихе отступления из Эстонии и эти данные могут не быть исчерпывающими; общую численность расстрелянных заключенных тюрем, таким образом, можно определить примерно в 250 чел.

Важным обстоятельством является то, что эти расстрелы были проведены 8–9 июля. К этому времени немецкие войска заняли южную часть Эстонии и продолжали наступление. Удастся ли частям Красной Армии сдержать наступление противника, было неизвестно. Пока советские войска обороняли подступы к Вильянди и Тарту, в этих

---

1 Белая книга. С. 15; *Лаар М.* Красный террор. С. 27–29; Рапорты. С. 14; Обзор периода оккупации. С. 25.

2 Estonia, 1940–1945. P. 360; Рапорты. С. 13. Согласно данным, опубликованным в сборнике «Эстония, 1940–1945», в тюрьме города Тарту было расстреляно не 192, а 193 человека.

3 Приказано приступить... С. 58–59; *Романів О., Федущак І.* Західноукраїнська трагедія 1941. Львів, 2008. С. 387; ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 229.

городах начались организованные националистическим подпольем вооруженные выступления; на улицах шли бои истребительных батальонов и групп эстонских националистов[1].

В этой напряженной обстановке возник вопрос о том, что следует делать с находящимися в городских тюрьмах заключенными. Все эти люди были арестованы уже во время войны, о чем, в частности, свидетельствует Март Лаар. «2 июля все заключенные Тартуской тюрьмы были отправлены в Сибирь, однако за следующую неделю тюрьма была снова переполнена, — говорится в работе Лаара. — Сюда были переведены заключенные из других мест заключений Южной Эстонии, а также люди, задержанные ополченцами истребительных батальонов»[2]. Содержавшиеся в тюрьмах заключенные подозревались в активной антисоветской деятельности; учитывая сложившуюся в Эстонии обстановку, эти подозрения были в большинстве случаев обоснованными.

Отпустить их было нельзя, а на эвакуацию вглубь СССР не оставалось времени. Решение местных властей было вполне предсказуемым. «За два дня до отступления советских властей из Тарту на заседании местного комитета ЭКП(б) по требованию председателя Тартуского отделения НКВД П. Афанасьева и секретаря ЦК ЭКП(б) Абронова было принято решение расстрелять заключенных. По распоряжению П. Афанасьева, решение было приведено в исполнение в ночь с 8 на 9 июля»[3].

При этом расстрелу подлежали не все заключенные, а только те, кто содержался под стражей по обвинению в опасных преступлениях; так, например, из 223 заключенных, находившихся в Тартуской тюрьме, было расстреляно 192[4]. Всего же, как уже упоминалось, в ходе эвакуации эстонских тюрем было освобождено 40 чел.[5]

Решение о расстреле заключенных в тюрьмах, безусловно, было внесудебным. Однако, учитывая сложившуюся ситуацию, оно было достаточно обоснованным. Необходимо принимать во внимание, что

---

1 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 437; ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 71.

2 *Лаар М.* Красный террор. С. 28.

3 Там же. С. 29.

4 Там же.

5 Приказано приступить... С. 58; ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 229.

заключенные расстреливались только в том случае, когда создавалась угроза освобождения их немецкими войсками. Это была общесоюзная практика, вполне обоснованная в условиях войны[1].

Здесь следует упомянуть еще об одном важном обстоятельстве. Некоторые эстонские историки пишут, что расстрелы заключенных проводились в соответствии с распоряжением Москвы[2]. Однако документы опровергают это заявление.

Соответствующее решение действительно было принято, но принято достаточно поздно. Лишь 4 июля начальником тюремного отдела НКВД Никольским была подготовлена докладная записка на имя наркома внутренних дел СССР Берия. Вот этот документ:

> «Дальнейший вывоз заключенных из тюрем прифронтовой полосы, как вновь арестованных после проведенной эвакуации тюрем, так и в порядке расширения зоны эвакуации, считаем нецелесообразным ввиду крайнего переполнения тыловых тюрем и трудностей с вагонами.
>
> Необходимо предоставить начальникам УНКГБ и УНКВД, в каждом отдельном случае, по согласованию с военным командованием решать вопрос о разгрузке тюрьмы от заключенных в следующем порядке:
>
> 1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага.
> 2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. — освобождать.
> 3. Всех заключенных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26.6, 10.8 и 28.12 — 1940 г. и 9.4 с.г., а также осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления, или подследственных по делам о таких преступлениях, которые не являются социально опасными, использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования, с досрочным освобождением в момент эвакуации охраны тюрьмы.

---

1 Данные о расстреле заключенных по Украине и Белоруссии см.: *Гурьянов А., Кокурин А.* Эвакуация тюрем // Карта. 1994. № 6; *Романів О., Федущак І.* Західноукраїнська трагедія... С. 338–396.

2 Estonia, 1940–1945. P. 360.

4. Ко всем остальным заключенным (в том числе дезертирам) применять ВМН — расстрел.

Просим ваших указаний»[1].

К настоящему моменту точная дата утверждения предложения Никольского остается неизвестной; однако, как мы помним, расстрелы 8–9 июля в Тартуской тюрьме проводились не на основании директивы НКВД СССР, а на основании решения уездного комитета КП(б) Эстонии[2]. Таким образом, расстрелы заключенных в эстонских тюрьмах осуществлялись не по приказу из Москвы, а по инициативе местных властей.

3.5. Результаты борьбы с «лесными братьями»

Официальная эстонская историография утверждает, что из 2199 «убитых без суда» было около 100 «лесных братьев» — членов вооруженных антисоветских формирований[3]. Это утверждение совершенно явно не соответствует действительности. На самом деле деятельность эстонских «лесных братьев» летом 1941 г. была более чем масштабной, и потери антисоветских вооруженных формирований значительно превышали 100 чел. Об этом однозначно свидетельствуют документы как самих «лесных братьев», так и советских органов внутренних дел и государственной безопасности.

В уже упоминавшемся «Отчете о деятельности "Омакайтсе" в 1941 г.» мы находим следующие данные о потерях «лесных братьев»: 111 убитых в бою, 1 умерший от ран, 58 раненых и 40 без вести пропавших, «из которых многих позднее нашли убитыми»[4]. Получается, что общее число уничтоженных «лесных братьев» — около 150 чел. Однако авторы «Отчета» специально оговариваются, что эти данные не полны: точных сводок пока не имеется[5].

---

1 *Гурьянов А., Кокурин А.* Эвакуация тюрем // Карта. 1994. № 6; ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 66–67.

2 *Лаар М.* Красный террор. С. 29.

3 Рапорты. С. 13.

4 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 70.

5 Там же. Л. 69, 75.

Сохранившиеся документы истребительных батальонов НКВД ЭССР ясно свидетельствуют, что на самом деле число убитых «лесных братьев» значительно больше. Вот один из этих документов: «В конце июля 1941 г. на территории Эстонской ССР оперировала крупная банда из дезертиров и кулаков. На ликвидацию этой банды были направлены два истребительных батальона. При столкновении с бандитами группой бойцов истребительных батальонов под командой капитана Пастернак 1 августа было убито 46 бандитов, в том числе финский офицер и унтер-офицер. Захвачена мелкокалиберная пушка»[1]. Как мы видим, только при ликвидации лишь одной банды было уничтожено 46 «лесных братьев».

8 июля тот же самый истребительный батальон капитана Пастернака вел настоящие бои с антисоветскими формированиями в городе Вильянди, на который наступали немцы. В отчете о боевых действиях оборонявшего Вильянди 5-го мотострелкового полка 22-й мотострелковой дивизии об этом сообщается следующее: «Город горел, на улицах шел бой между истребительным батальоном т. Пастернака и пятой колонной, валялись убитые и раненые»[2]. Едва ли эстонские националисты обошлись в этом бою без серьезных потерь.

Бои между советскими частями и антисоветскими эстонскими формированиями численностью около 300 чел. также имели место в городе Тарту[3], а действовавший в районе Килинги-Нымме крупный отряд «лесных братьев» под командованием майора Лиллехта был разбит советскими частями и распался на отдельные группы, что само по себе свидетельствует о значительности потерь[4].

К сожалению, общая статистика по борьбе истребительных батальонов с формированиями «лесных братьев» была утрачена во время отступлений лета и осени 1941 г.; в документах штаба истребительных батальонов НКВД СССР по Эстонии по этому вопросу имеется лишь отрывочная и неполная информация. Согласно этим данным,

---

1 Там же. Д. 59. Л. 10.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 437.

3 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 71.

4 Там же. Л. 119.

в Эстонии было задержано и/или уничтожено не менее 422 бандитов и бандпособников[1].

Однако кроме истребительных батальонов борьбу с вооруженными отрядами «лесных братьев» вели подразделения Особых отделов 8-й армии и Краснознаменного Балтийского флота, а также части пограничных войск. Только за пять дней с 16 по 20 июля 1941 г. бойцами Особого отдела 8-й армии было уничтожено 7 бандитов, арестовано 13 бандитов и бандпособников[2]. 9 июля группой 6-го пограничного отряда было убито 3 и захвачено 8 бандитов[3].

Кроме того, с 22 июня по 12 августа 1941 г. по приговорам военных трибуналов было казнено как минимум 27 «лесных братьев» (см. табл. 23)

Советские данные находят подтверждение в документах, составленных эстонскими националистами. Так, в отчете «Омакайтсе» уезда Пярну за 1941 г. числится 53 убитых в боях с «Советами»[4]. И это — только по одному уезду, в котором, кстати говоря, деятельность «лесных братьев» была не особо активной.

Американский исследователь А. Штромас оценивал общие потери эстонских «лесных братьев» в 541 чел.[5] Исследовавшие документы «Омакайтсе» историки П. Касик и Т. Мюлре называют еще большую цифру — 819 погибших «лесных братьев»[6]. Эту цифру следует рассматривать как минимальную; перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что потери националистических вооруженных формирований могли оказаться еще больше и достигнуть 1000 чел.

---

1 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 276. Л. 52. Относительно подробно боевая деятельность эстонских истребительных батальонов описывается в кн.: *Куманев Г. А.* Проблемы военной истории Отечества, 1938–1945. М., 2007. С. 208–218.

2 ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 403–404.

3 Там же. С. 286.

4 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 151–152.

5 *Штромас А.* Прибалтийские государства. С. 102.

6 *Kaasik P., Möldre T.* Evacuation in 1941 to the rear area in the Soviet Union // Estonia, 1940–1945: Reports of Estonian International Commission for the investigation of crimes against humanityo. Tallinn, 2006. P. 462.

3.6. Обвинения в издевательствах и пытках

В работах эстонских историков можно встретить неоднократные упоминания о том, что репрессии военного времени сопровождались насилием и пытками населения — преимущественно со стороны бойцов истребительных батальонов. Значительную часть своей книги «Красный террор» Март Лаар уделяет описанием зверств, якобы совершенных над мирными эстонцами. В этом списке фигурируют насилие над женщинами, выкалывание глаз, отрезание носов и ушей — словом, все то, о чем в свое время писали немецкие пропагандисты[1].

Нет сомнений, что в ходе достаточно ожесточенной борьбы, которую истребительные батальоны вели с «лесными братьями», имела место гибель мирных жителей. Однако следует учитывать тот факт, что с самого начала своей деятельности формирования «лесных братьев» также совершали убийства мирных граждан, сочувствовавших советской власти. Одна из первых касающихся эстонских «лесных братьев» записей в журнале учета боевых действий пограничных войск НКВД Ленинградского военного округа гласит: «Участились случаи налета бандитских контрреволюционных шаек на мирное население»[2]. Упоминания о расстрелах сочувствующих советской власти мы находим и в документах самих «лесных братьев»[3].

Так, например, отряд «лесных братьев» под командованием бывшего фабриканта Хермана Юсаара летом 1941 г. арестовал и расстрелял свыше 50 коммунистов и активистов в волостях Тихуметса и Тали. Группа «лесных братьев» в Тартуском уезде расстреляла около 35 коммунистов и представителей советских властей, а в районе города Каллисте националисты захватили председателя местного горсовета Маркела Феклистова, которому «рвали нос железными крючками, простреливали плечо, а на второй день полуживого закопали в землю»[4].

Жестокость вызывала жестокость; летом 1941 г. на территории Эстонии фактически шла гражданская война, в которой эстонцы

---

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 23–27, 30–34.

[2] ОГБ. Т. 2. Кн. 1. С. 279.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 70.

[4] Эстония. Кровавый след нацизма. С. 239, 241–242; [ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 4. Л. 75–90].

из формирований «лесных братьев» сражались с эстонцами из истребительных батальонов. Как всякая гражданская война, она не обошлась без невинных жертв. Однако правомерно ли обвинять бойцов истребительных батальонов в изуверских пытках, со вкусом описываемых Мартом Лааром?

Сравнительно недавно выявленный в Центральном архиве ФСБ документ позволяет отвергнуть эти обвинения. Это подписанная наркомом государственной безопасности СССР Меркуловым служебная записка, датирующаяся апрелем – маем 1945 г. Записка носит внутренний характер, и сомневаться в ее достоверности не приходится. К настоящему времени этот документ уже опубликован, однако в связи с важностью записки мы приведем ее здесь с незначительными сокращениями.

«В 1941 г., после оккупации Латвии, немецким командованием в гор. Риге был создан так называемый "Организационный центр", который в конце 1941 г. был переименован в "Директорию".

По заданию гестапо председателем организационного центра КРЕПШМАНИСОМ (бежал с немцами) была создана "Комиссия по расследованию зверств большевиков в Латвии"...

Вскоре после создания этой "Комиссии", работавшей под руководством начальника пропаганды рейхскомиссариата Латвии ДРЕСЛЕРА и начальника рижского гестапо ЛАНГЕ, она через печать и радио широко оповестила население о том, что в гор. Риге и его окрестностях обнаружены массовые могилы латышей, "зверски замученных чека".

Показаниями арестованных членов "Комиссии" ПУКИТИСА и ГРУЗИСА и допрошенных свидетелей установлено, что в распоряжении ЗУТИСА находилась специальная команда в количестве 40 чел., которая занималась специальной "обработкой" трупов, всячески их уродуя, а члены "Комиссии" на этом основании составляли и подписывали фиктивные акты о "зверствах" большевиков.

Изуродованные трупы выставлялись для широкого обозрения населения и опознания их родственниками.

Чтобы скрыть факт умышленного изуродования трупов, предназначавшихся для широкой демонстрации населению в качестве доказательств "большевистских зверств", немцы расстреляли и закопали в местечке "Болтозер" [Балтэзерс] близ Риги 10 евреек, взятых ими из гетто для работы в специальной команде ЗУТИСА.

Немецкая пропаганда активно использовала "материалы" указанной комиссии для клеветнической антисоветской кампании по всей Прибалтике. Организовывались торжественные похороны "жертв большевизма", проводились антисоветские митинги, публиковались статьи в газетах и журналах, были изданы книги под названием "Год ужаса" и "Обвинительные доказательства" и выпущен "документальный" фильм "Красный туман", который с некоторыми изменениями был также сделан для Эстонии и Литвы.

В ходе следствия НКГБ ЛССР задокументирован фальсификаторский характер немецкой пропаганды о "зверствах большевиков". В частности, документально и показаниями свидетелей установлено, что основные кадры "документального" фильма "Красный туман" были сделаны лабораторным путем, для чего на трюковом столе кинолаборатории из фотоснимков отдельных трупов фабриковались кадры "массовых жертв большевиков", а "камера смертников в тюрьме НКВД с надписями осужденных" была бутафорно сооружена и заснята в Рижской киностудии...»[1]

Едва ли нацистские пропагандисты действовали в Эстонии иначе, чем в Латвии; таким образом, мы имеем основание утверждать, что приводимые Мартом Лааром «данные» являются всего лишь измышлениями нацистской пропаганды. Впрочем, Лаар не одинок в использовании заведомо фальсифицированных источников; так, например, упоминающаяся в записке Меркулова пропагандистская книга «Год ужаса» до сих пор используется латвийскими историками в качестве не подлежащего сомнению источника. Более того, она переиздана, а фотографии изуродованных нацистами трупов выложены в сети «Интернет» и по сей день используются для разжигания ненависти.

3.7. Эвакуация лета 1941 г.

Летом 1941 г. из Эстонии, как и из остальных прифронтовых территорий СССР, проводилась эвакуация населения. В Таллине эту эвакуацию описывают достаточно странно. «Примерно 25 000 чел., в основном граждан Эстонской Республики, были эвакуированы в Россию летом 1941 г., — читаем мы в "Рапортах" Эстонской между-

---

1 Латвия под игом нацизма. С. 65–67; [ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 1. Л. 225–226].

народной комиссии по расследованию преступлений против человечности. — Промышленные предприятия, общественные организации и государственные учреждения, сельскохозяйственные предприятия, транспортные предприятия и т. п. эвакуировались в СССР вместе с оборудованием, имуществом и персоналом. Многие из эвакуированных ехали в СССР добровольно (члены партии, так называемые "активисты" и члены их семей). Также от немцев в СССР бежали примерно 2000 эстонских евреев. Тысячи людей эвакуировались насильно, под страхом ареста и расстрела»[1].

При этом остается совершенно непонятным, зачем советским властям требовалось эвакуировать кого бы то ни было насильно — ведь хорошо известно, что многие тысячи лояльных советской власти людей не были эвакуированы из Эстонии и впоследствии уничтожались нацистами и их пособниками.

На самом деле рассматривать эвакуацию как репрессию невозможно — это эстонским историкам приходится признать. Однако в общее число «потерь населения Эстонии», за которые планируется предъявить претензии России, эвакуированных все равно включают[2].

3.8. Мобилизация и трудовые батальоны

В качестве жертв советских репрессий военного времени эстонские историки называют эстонцев, мобилизованных в Красную Армию. «Как своеобразную дополнительную депортацию можно рассматривать и проведенную в Эстонии летом 1941 г. принудительную мобилизацию в Советскую Армию, в результате которой было отправлено в Россию 33 000 мужчин, — пишет Март Лаар. — В августе 1941 г. мобилизованных и оставшихся в живых ополченцев как "неблагонадежных" поселили в военные лагеря, находящиеся в системе ГУЛАГ НКВД. По господствующим там условиям, они практически не отличались от тюремных лагерей. Зимой 1941 г. в бесчеловечных условиях так называемых трудовых батальонов погибло около 8000 эстонцев. Остальных спасло от смерти формирование стрелкового корпуса, в составе которого эстонцы сражались до конца войны»[3].

---

[1] Рапорты. С. 13.

[2] Белая книга. С. 46.

[3] *Лаар М.* Красный террор. С. 34–35.

В изданном в 1991 г. «Отчете» комиссии АН ЭССР утверждалось, что число погибших в трудовых батальонов составило не 8, а 12 тысяч чел.[1] Авторы «Белой книги» отмечают, что эта цифра не подтверждена архивными источниками, однако именно ее называют в качестве итоговой[2]. Называют они и еще одну цифру погибших в трудовых батальонах — 10 440 чел.[3] С этой цифрой согласны авторы «Обзора». «Около 10 000 чел. из тех, кто попал в трудовые батальоны, умерло к весне 1942 г.», — утверждают они[4]. Комиссия историков при президенте Эстонии в своих «Рапортах» благоразумно обходит стороной вопрос о численности мобилизованных, погибших в трудовых батальонах.

Таким образом, в официальной эстонской историографии называют крайне противоречивые цифры погибших — от 8 до 12 тысяч чел.; при этом, как обычно, никаких ссылок на архивные документы ими не предъявляется.

Попробуем внести ясность в эту проблему.

Прежде всего, отметим, что идея об отождествлении мобилизации и депортации родилась у сотрудников организованной нацистскими оккупантами комиссии ZEV[5]. Повторение подобных измышлений в наше время выглядит как минимум странно. Очевидно, что мобилизация в армию не может расцениваться как репрессия.

Тем не менее вопрос о судьбе направленных в трудовые батальоны эстонцев требует внимательного рассмотрения. Нет необходимости говорить о том, что в трудовых батальонах были вовсе не курортные условия.

По данным российского историка Ю. Абрамова, около 9 тысяч военнообязанных эстонцев были направлены в трудовые батальоны, дислоцировавшиеся на территории Архангельской области[6]. К этому времени в Архангельске сложилась очень сложная ситуация со снабжением. «Тысячи северян ушли на фронт, а для строительства

---

1 World War II and soviet occupation in Estonia. P. 36.

2 Белая книги. С. 28, 46.

3 Там же. С. 15.

4 Обзор периода оккупации. С. 31.

5 См.: *Тарвель Э.* История депортации.

6 *Абрамов Ю. П.* Неизвестное сражение: Госбезопасность против абвера // Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 23.

и модернизации Архангельского морского порта и подъездных железнодорожных путей к нему требовалось большое количество рабочей силы. В строительные и рабочие батальоны из внутренних областей призывали рабочих непризывного возраста, а также тех, кому нельзя было доверить оружие. В то же время более тридцати тысяч жителей городов и районов области было направлено на оборонные и фортификационные работы в Карелию и Мурманскую область. Недовольство рабочих бойцов усиливалось плохим питанием и бытовой неустроенностью, но городские власти не могли удовлетворить все нужды прибывающих. Продовольственное положение в городе ухудшалось с каждым днем. Население городов было на грани голода, сравнимого разве что с блокадным Ленинградом. Люди умирали от истощения и на производстве, и на улицах. В рабочих батальонах росло число дезертиров, которые подчас занимались бандитизмом и мародерством... Военный трибунал привлекал к ответственности руководителей хозорганизаций, по халатности или злой воле срывавших создание необходимых жилищно-бытовых условий личному составу рабочих колонн, а также виновников, допустивших гибель четырнадцати бойцов, замерзших из-за отсутствия зимнего обмундирования в пути следования из Пинежского и Холмогорского районов»[1].

Даже в советское время никто не отрицал, что у эстонцев, переданных в 1942 г. из трудовых батальонов на формирование эстонского стрелкового корпуса, были проблемы со здоровьем[2]. Однако проблемы со здоровьем — это одно, а массовая смертность — совсем другое. Действительно ли в трудовых батальонах погибло от четверти до трети направленных туда эстонцев?

Статистика о смертности эстонцев в трудовых батальонах к настоящему времени еще не обнародована. Однако одновременно с эстонцами в трудовые батальоны направляли граждан немецкой национальности — как служивших в Красной Армии, так и военнообязанных. Этот сюжет детально исследован российскими и немецкими историками, которые, в частности, ввели в научный оборот детальные данные о смертности немцев в трудовых батальонах.

---

[1] *Абрамов Ю. П.* Неизвестное сражение: Госбезопасность против абвера // Щит и меч Поморского Севера. Архангельск, 2006. С. 25–26.

[2] *Петренко А. И.* Прибалтика против фашизма: Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. М., 2005. С. 100; *Ару К., Паульман Ф.* Наш генерал. Таллин, 1983. С. 39.

Например, по данным Вятского ИТЛ, с февраля 1942 по 1 июля 1944 г. в распоряжение руководства лагеря поступило 8207 немцев-«трудоармейцев». За это же время убыло 5283 чел., в том числе умерли — 1428, осуждены — 365, этапированы в другие ИТЛ — 823, демобилизованы — 1581, бежали — 7, находились в отпуске для лечения или по семейным обстоятельствам 1079 чел.[1]

Таким образом, в процентном отношении смертность среди немцев-«трудоармейцев» Вятского ИТЛ за 2,5 года составила 17,4 %[2]. Эстонцы находились в трудовых колоннах и трудовых батальонах гораздо меньше времени, чем немцы — с осени 1941 по весну 1942 г. К тому же на рубеже 1941/1942 гг. «мужчин более ранних годов призыва (родившихся в 1896–1906 гг.) и более благонадежный элемент (членов истребительных батальонов, работников милиции и др.) стали перемещать в колхозы или на предприятия»[3]. Очевидно, что эта мера должна была существенно снизить смертность.

Однако согласно официальной эстонской историографии, за эти 6–8 месяцев смертность эстонцев была значительно выше, чем общая смертность немцев за 29 месяцев — от 25 % (8 из 33 тысяч) до 36 % (12 из 33 тысяч).

Столь значительное расхождение явно свидетельствует о том, что данные официальной эстонской историографии не соответствуют действительности. Это можно доказать и другим путем.

Уже в начале 1942 г. в соответствии с решением Государственного комитета обороны СССР началось формирование эстонских национальных дивизий — сначала 7-й стрелковой, а затем 249-й стрелковой, на основе которых в мае 1942 г. был создан 8-й эстонский стрелковый корпус.

К ноябрю 1942 численность военнослужащих эстонских соединений корпуса составляла 27 331 чел., 88,5 % из которых — эстонцы. Всего за время войны в корпусе воевало около 70 тысяч чел., процент эстонцев среди которых оставался на уровне 80 % (см. табл. 24). При

---

[1] *Бердинских В.* Спецпоселенцы. С. 391.

[2] Это заметно меньше, чем смертность среди заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа, которая за аналогичный период составила около 50 % (см. табл. 14).

[3] Белая книга. С. 28.

этом более 80 % воевавших в корпусе эстонцев до войны проживало в Эстонии[1].

Таблица 24. Национальный состав 8-го Эстонского стрелкового корпуса, 1942–1944 (в %)[2]

Национальность	15 мая 1942 г.	9 декабря 1942 г.	30 июня 1943 г.	11 июля 1944 г.
Эстонцы	88,8	88,5	75,6	80,55
Русские	9,9	10,2		18,22
Другие	1,3	1,3		1,23

Таким образом, за все время войны в 8-м эстонском стрелковом корпусе сражалось в общей сложности около 45 тысяч граждан Эстонии. Сопоставление этой цифры с данными эстонских историков о количестве мобилизованных (33 тысячи чел.) и эвакуированных (около 25 тысяч чел., включая женщин и детей) ясно свидетельствует об отсутствии массовой смертности в трудовых батальонах[3].

Мобилизованные в 1941 г. эстонцы не были замучены в трудовых батальонах, как утверждают сегодня в Таллине. Они сражались в рядах Красной Армии, гибли под Великими Луками, шли по улицам освобожденного Таллина, бились в Курляндии. А уже в наше время, на открытии мемориала эстонским эсэсовцам в Синимяэ, вице-спикер эстонского парламента Туне Келлам скажет, указывая на заросшую

[1] *Петренко А. И.* Прибалтика против фашизма. С. 103, 114, 137.

[2] Составлено по: *Петренко А. И.* Прибалтика против фашизма. С. 103, 113–114; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. Рига, 1966. Кн. 1. С. 198; *Ларин П. А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941–1945. Таллин, 1964. Т. 1. С. 265, 392–393 (со ссылками на ЦАМО. Ф. 509. Оп. 127095. Д. 6. Л. 20; Оп. 128043. Д. 2. Л. 315, 394; Ф. 1175. Оп. 133214. Д. 1. Л. 20). См. также: Estonia, 1940–1945... P. 907, 920, 1005.

[3] Приводимые эстонскими историками данные о численности эвакуируемых подтверждаются документами, хранящимися в Архиве Президента Российской Федерации. По данным работавшего в АП РФ историка Г. А. Куманева, всего из Эстонии было эвакуировано около 60 тысяч человек (*Куманев Г. А.* Проблемы военной истории Отечества. С. 384).

кустарником линию окопов 8-го эстонского стрелкового корпуса: «Там могилы наших врагов».

3.9. Выводы

Исследование репрессий военного времени требует крайней осторожности. Война неизбежно связана с гибелью гражданского населения: во время бомбардировок и артобстрелов, во время боев в городах и поселках. Это трагично, но не имеет никакого отношения к репрессиям.

Мы уже имели возможность неоднократно убедиться, что при описании советских репрессий официальная эстонская историография пользуется изготовленными нацистскими пропагандистами фальшивками. Данные комиссии ZEV, изданные немцами пропагандистские книги «Год страданий эстонского народа» и «Советский Союз и балтийские государства» занимают видное место среди используемых эстонскими историками источников.

Это особенно заметно при описании репрессий военного времени. Именно к измышлениям немецких пропагандистов восходят регулярно повторяемые рассказы о садистских убийствах мирных эстонцев бойцами Красной Армии и истребительных батальонов и о насильственном угоне эстонцев в Сибирь под видом эвакуации и мобилизации.

Недостаточность источниковой базы не дает нам возможности привести точные данные о советских репрессиях в Эстонии в начале войны. Однако даже имеющаяся информация противоречит данным официальной эстонской историографии. На самом деле в июне — октябре 1941 г. советскими военными трибуналами было вынесено от 240 до 320 смертных приговоров. Кроме этого, при приближении немецких войск в эстонских тюрьмах было расстреляно около 250 заключенных, содержавшихся там по обвинению в антисоветской деятельности. Около 300 граждан Эстонии было осуждено к заключению в лагеря и колонии ГУЛАГа, а от 800 до 1000 боевиков антисоветских формирований «лесных братьев» уничтожено в ходе боевых действий.

Таким образом, репрессии военного времени в Эстонии нельзя назвать ни массовыми, ни необоснованными.

Глава 4. Послевоенные репрессии, 1944–1953 гг.

4.1. Официальная эстонская версия

Репрессии послевоенного периода в официальной эстонской историографии описываются гораздо менее подробно, чем репрессии «первой советской оккупации». Однако приводимые данные по-прежнему крайне противоречивы.

Март Лаар пишет, что «в послевоенные годы по политическим соображениям в Эстонии было арестовано не менее 53 000 чел., на сегодня опубликованы имена 34 620 арестованных. В принудительные трудовые лагеря в промежутке с 1944 по 1953 г. было отправлено от 25 000 до 30 000 чел., из них скончалось около 11 000»[1].

Однако в «Белой книге» утверждается, что эти же самые цифры относятся к обеим «советским оккупациям»: «В ходе расследования советских репрессий к 2003 г. было задокументировано более 53 000 политических арестов, а также опубликованы данные о 34 620 арестованных. Эти цифры охватывают обе советские оккупации... В 1944–1945 гг. было арестовано примерно 10 000 чел., половина из которых умерла в течение двух первых тюремных лет. По разным оценкам, в 1944–1953 гг. в концентрационные лагеря было отправлено 25 000–30 000 чел., из которых примерно 11 000 не вернулись»[2].

Данные «Белой книги», безусловно, выглядят гораздо более адекватными, чем информация, приводимая Лааром. Тем не менее при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что даже эти данные не выдерживают проверки.

4.2. Обстановка в Эстонии в 1944–1945 гг.

Прежде всего необходимо понять, насколько репрессивная деятельность органов НКВД-НКГБ ЭССР была обоснованной. В сегодняшнем Таллине пытаются сделать вид, что репрессии 1944–1945 гг. были ужасающим и ничем не обоснованным террором против эстон-

---

1 *Лаар М.* Красный террор. С. 37.

2 Белая книга. С. 31. См. так же: *Rahi A.* On the current state of research...

ского народа. Однако подобная точка зрения является, мягко говоря, сомнительной.

В годы нацистской оккупации значительное число эстонцев сотрудничало с оккупационными властями, охраняло многочленные концлагеря на территории республики и за ее пределами, участвовало в карательных операциях против населения России и Белоруссии, воевало против советских войск на фронте.

Масштабы поддержки, которую нацисты получили в Эстонии, не могут не поражать. Уже к концу 1941 г. в созданные немцами отряды «самообороны» — «Омакайтсе» — добровольно выступило 43 757 чел.[1] Члены «Омакайтсе» участвовали в облавах на оказавшихся в окружении советских военнослужащих и партизан, арестовывали и передавали немецким властям «подозрительных лиц», несли охрану концлагерей, участвовали в массовых расстрелах евреев и коммунистов. Конечно, в определенной мере это было всего лишь желанием выслужиться перед новой властью; как отмечается в одном из документов «Омакайтсе», «с приближением немецких войск недовольный элемент города [Таллин] стал подымать голову. Это были такие лица, которые во время советской власти перешли в подполье и скрывались от мобилизации или же по другим различным причинам предпочитали прятаться, отчасти же и такие лица, которые в общем ни в чем не были уличены, но ввиду создавшегося нового положения считали выгодным выйти на улицу и присоединиться к группам Омакайтсе»[2]. Не все члены «Омакайтсе» были замешаны в преступлениях, но готовность к сотрудничеству с врагом ими была выражена достаточно ясно. По состоянию на 1 января 1943 г. численность формирований «Омакайтсе» составляла 43 053 чел.[3] Всего через формирования «Омакайтсе» прошло не менее 90 тысяч эстонцев[4].

Помимо «Омакайтсе», нацистам удалось сформировать в Эстонии 26 батальонов «вспомогательной полиции», 6 полков пограничной стражи и 20-ю дивизию войск СС[5]. По данным Марта Лаара, в общей

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 80.

[2] Там же. Л. 121.

[3] Там же. Л. 88–118.

[4] Там же. Л. 10–20.

[5] *Дробязко С. И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. М., 2004. С. 242, 244, 273.

сложности к середине 1944 г. «общее количество эстонцев в рядах Германской Армии составило около 70 000 чел.»[1].

Учитывая масштабы сотрудничества эстонцев с нацистами, следовало ожидать, что после освобождения Эстонии советскими войсками в ней развернутся действительно массовые (и вполне обоснованные) репрессии — тем более что на территории республики действовали вооруженные формирования «лесных братьев». Документы НКВД ЭССР свидетельствуют, что активность националистических вооруженных формирований была достаточно высока:

> «Вооруженными бандгруппами и бандодиночками совершаются налеты и теракты.
>
> Деятельность бандитствующих элементов в основном проявляется:
>
> а) в налетах на здания волисполкомов, конно-прокатных пунктов, на отдельные совхозы и местные предприятия;
>
> б) нападениях на конвой и на места временного содержания захваченных бандитов с целью освобождения их из-под стражи;
>
> в) в убийствах советско-партийного актива деревни, сельских уполномоченных, бойцов истребительных батальонов, участковых уполномоченных милиции и друг. лиц, помогающих органам Советской власти;
>
> д) в убийствах новоземельников, получивших кулацкую землю, инвентарь и скот от советской власти, физического истребления членов их семей, разорения и уничтожения хозяйства;
>
> г) в налетах с целью овладения оружием и боеприпасами;
>
> е) обстрела из засады и убийства проезжающих офицеров и бойцов Красной Армии, сотрудников НКВД-НКГБ, других должностных лиц и советских служащих»[2].

Только в апреле–августе 1945 г. НКВД ЭССР было зарегистрировано 201 подобное бандпроявление[3].

Таким образом, после освобождения Эстонии от немецких оккупантов перед органами НКВД-НКГБ республики встали две основные задачи: разоблачение и наказание сотрудничавших с нацистами коллаборационистов, во-первых, и борьба с формированиями «лесных братьев», во-вторых.

---

[1] *Лаар М.* Эстония во Второй мировой войне. С. 30.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 450. Л. 47.

[3] Там же.

4.3. Репрессии 1944–1945 гг.

Как мы уже видели, авторы «Белой книги» и Март Лаар единодушно утверждают, что в 1944–1945 гг. было арестовано около 10 тысяч чел., «половина из которых умерла в течение двух первых тюремных лет». Посмотрим, соответствует ли это утверждение действительности.

Прежде всего, обратимся к опубликованной российским историком Олегом Мозохиным статистике репрессивной деятельности органов НКГБ-МГБ. Согласно этим данным, в 1945 г. НКГБ ЭССР было арестовано 6569 чел.[1]

Безусловно, эти данные не являются исчерпывающими. Во-первых, отсутствует информация о количестве арестованных в 1944 г. Во-вторых, приведенные О. Мозохиным данные — результаты деятельности органов НКГБ-МГБ. Однако борьба с бандитизмом (в том числе с формированиями эстонских «лесных братьев») велась органами НКВД-МВД; естественно, что ее результаты учитывались отдельно.

Обращение к архивным документам Государственного архива РФ позволяет нам в определенной степени восполнить эти пробелы. Прежде всего, обратимся к направленному в Государственный комитет обороны сообщению наркома госбезопасности СССР Меркулова от 14 ноября 1944 г.

> «За период работы на освобожденной территории Эстонии до 6-го ноября т. г. органами НКГБ было арестовано всего 696 чел.
>
> В результате пересмотра имеющихся разработок, усиления агентурной работы и следствия дополнительно за период с 6 по 14 ноября т. г. нами арестовано, по неполным данным, 420 чел. (сведения о проведенных операциях в уездах еще полностью не получены).
>
> Таким образом, на 14-е ноября арестовано всего 1116 чел., из них по гор. Таллину — 575 чел.
>
> В числе арестованных: агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 48 чел.; официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 97 чел.; участников эстонской националистической военно-фашистской

---

[1] Статистические сведения... С. 365.

организации "Омакайтсе" — 421 чел.; предателей, немецких ставленников и пособников — 206 чел.; разного антисоветского элемента — 344 чел.»[1].

Эти данные не являются исчерпывающими, поскольку в них говорится только о репрессиях, осуществлявшихся органами НКГБ. Согласно хранящимся в Государственном архиве РФ данным, с 1 октября по 31 декабря органами НКВД ЭССР было задержано 356 «лесных братьев», членов «Омакайтсе» и полицейских, 620 военнослужащих немецкой армии и 161 бывших красноармейцев, сражавшихся на стороне немцев (см. табл. 25).

Таблица 25. Результаты борьбы НКВД ЭССР с антисоветским подпольем и вооруженными бандами за период с 1 октября по 31 декабря 1944 г.[2]

Категория	Всего задержано	Кроме того, убито при задержании
Бандитов, нелегалов, активных членов «Омакайтсе», полицейских и других изменников Родины	356	9
Дезертиров Красной Армии	319	
Уклонившихся от регистрации и мобилизации в Красную Армию	100	
Бывшие военнослужащие немецкой армии	620	
Военнослужащих Красной Армии, перешедших перешедшие на сторону противника и служивших у немцев	161	
Прочих лица	333	
Всего:	1955	9

Однако необходимо учитывать, что «задержано» не значит «арестовано». Например, в первом квартале 1945 г. НКВД Эстонии был задержан 1991 чел., из которых арестовано — 806, легализовано — 230, передано в военкоматы — 569, в военную прокуратуру — 96, в органы НКГБ и ГУКР «Смерш» — 47 и на фильтрацию в проверочные лагеря — 243[3].

[1] ОГБ. Т. 5. Кн. 2. С. 589.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 450. Л. 2.

[3] Там же. Л. 6.

Таким образом, общую численность арестованных органами НКВД-НКГБ в Эстонии в 1944 г. можно определить примерно в 3,5 тысячи чел., около 2 тысяч (примерно 60 %) из которых составили коллаборационисты.

Репрессии против коллаборационистов в Прибалтике, разумеется, не были закончены в 1944 г. В Эстонии в 1945 г. органами НКВД-МВД по антисоветским обвинениям было арестовано 3445 чел. (табл. 26). Кроме того, в 1945 г. было арестовано 286 чел. уголовного и «прочего преступного элемента». Таким образом, общее число арестованных органами НКВД-МВД ЭССР в 1945 г. составило 3731 чел. Из этого числа 1476 чел. (около 40 % от общего арестованных) были арестованы как немецкие ставленники и пособники.

Таблица 26. Результаты борьбы НКВД-МВД ЭССР с антисоветским подпольем и вооруженными бандами в 1945 г.[1]

Категория	1945 г.				
	Всего	Из них			
		Убито	Арестовано	Легализовано	Передано в другие организации
Участников антисоветских организаций и групп	42	—	42	—	—
Участников банд, связанных с антисоветским подпольем	1426	223	869	322	12
Бандодиночек, связанных с антисоветским подпольем	2058	109	596	1258	95
Шпионов	7	—	7	—	—
Диверсантов	6	—	6	—	—
Террористов					
Немецких ставленников и пособников	1683	—	1476	43	164
Пособников и укрывателей антисоветского и бандитского элементов	449	—	449	—	—
Итого:	5671	332	3445	1623	271

[1] Там же. Д. 764. Л. 28.

Подведем промежуточные итоги. В 1944 г. органами НКВД-НКГБ в Эстонии было арестовано около 3,5 тысячи чел., в 1945 г. — 6569 по линии НКГБ и около 3731 по линии НКВД. Всего за 1944–1945 гг. — около 14 тысяч. Как видим, в данном случае авторы «Белой книги», не утруждавшие себя архивными изысканиями, достаточно существенно занизили число арестованных. А вот судьба арестованных на поверку оказывается гораздо менее трагичной, чем рассказывают в Таллине.

Прежде всего нам следует разобраться, сколько арестованных было осуждено. Эстонские историки со странным правовым нигилизмом игнорируют этот вопрос, по всей видимости, отождествляя арест и осуждение. Однако даже в Советском Союзе 1930–1940-х гг. далеко не каждый арестованный становился осужденным.

Обратимся к данным о наличии эстонцев в лагерях и колониях ГУЛАГа (табл. 27).

Таблица 27. Наличие эстонцев в лагерях и колониях ГУЛАГа, 1944–1947 гг.[1]

Год	В лагерях	В колониях	Всего
1 января 1944 г.	2933	1117	[4050]
1 января 1945 г.	2880		
1 января 1946 г.	9017	[2243]	11260
1 января 1947 г.	10 241		

С учетом данных о смертности среди заключенных ГУЛАГа (см. табл. 14) мы без труда можем определить число новых заключенных-эстонцев в 1944–1947 гг.

На 1 января 1944 г. в системе ГУЛАГа содержалось 4050 эстонцев, из них 2933 — в ИТЛ и 1117 — в ИТК. Подавляющее большинство из этих заключенных было осуждено еще до войны, а заметная часть — до присоединения Эстонии к СССР. Среднестатистическая смертность заключенных в 1944 г. составила 9,2 %, то есть из 2933 эстонцев — заключенных ИТЛ умерло около 270 чел., а из 4050 эстонцев-заключенных в целом — около 370 чел. Если бы в 1944 г. в лагеря ГУЛАГа

[1] Составлено по: *Земсков В. Н.* ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 26; № 7. С. 4, 8; ГУЛАГ. С. 424, 428; Население России в XX веке. Т. 2. С. 188–189; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 1–4, 145–151; Д. 1155. Л. 11–12, 47, 50.

не поступило новых эстонцев, общая численность эстонцев — заключенных ИТЛ составила бы приблизительно 2660 чел. Однако по стоянию на 1 января 1945 г. в ИТЛ содержалось 2880 эстонцев. Данные о количестве эстонцев в ИТК на 1 января 1945 г. отсутствуют, но мы можем предположить, что баланс между умершими и вновь поступившими в колониях был таким же, как и в лагерях. Следовательно, в 1944 г. к заключению в лагерях и колониях было осуждено около 300–350 эстонцев. Необходимо отметить, что эти данные охватывают весь 1944 г. Число эстонцев, осужденных после освобождения Эстонии (за последние три месяца 1945 г.), по всей видимости, не превышало 100 чел.

В 1945 г. наблюдается резкий скачок численности эстонцев в системе ГУЛАГа. Если на 1 января в ИТЛ находилось 2880 эстонцев, то на 1 января 1946 г. их было уже 9017. С учетом годовой смертности (5,95 %) это говорит о том, что к заключению в ИТЛ было осуждено около 6300 эстонцев. В определении численности новых заключенных ИТК точные данные отсутствуют; однако если предположить, что в ИТК, как и в ИТЛ, общее число заключенных к 1 января 1945 г. осталось примерно на уровне 1 января 1944 г., то получается, что в 1945 г. в колонии поступило примерно 1200 новых заключенных.

Таким образом, общее число эстонцев, осужденных к заключению в лагерях и колониях ГУЛАГа в 1944–1945 гг., составляет около 7,5–8 тысяч чел. из 14 тысяч, арестованных в этот период на территории Эстонии. Разумеется, некоторая часть арестованных в 1945 г. была осуждена уже в следующем, 1946 г.

Точными данными об эстонцах, приговоренных к смертной казни, за этот период мы не располагаем. Однако общесоюзная статистика свидетельствует, что таких было немного. За весь 1944 г. в СССР к ВМН было осуждено 3110 чел., 3027 из которых были расстреляны, а 83 — повешены. В 1945 г. общее число смертных приговоров составило 2308 чел. (2260 — расстрел, 48 — повешение)[1]. Абсурдно предполагать, что эстонцы составляли значительное число среди казненных; скорее всего, их было не больше 100–200 чел.

Ложным оказывается и утвердившееся в официальной эстонской историографии мнение о том, что около половины осужденных умерло

[1] Статистические данные... С. 362, 364.

в первые два года. На самом деле в 1945 г. смертность среди заключенных составила 5,95 %, в 1946 — 2,2 %, в 1947 — 3,59 % (см. табл. 14). Как видим, о 50 % смертности говорить не приходится.

4.4. Милость к падшим

К сожалению, политика советского руководства в отношении коллаборационистов (в том числе прибалтийских) до сих пор не стала предметом специального исторического исследования. Сегодня и в России, и в Прибалтике бытует очень популярный миф о том, что после войны всех сотрудничавших с нацистами ждало жесткое наказание: расстрелы за измену и сибирские лагеря ГУЛАГа. Одни считают такую кару справедливой, другие — сталинским произволом. Однако на самом деле это не более чем миф, практически не имеющий связи с реальностью.

Подобное утверждение кажется парадоксальным, однако при обращении к архивным документам оно находит полное подтверждение.

Общие принципы репрессий против коллаборационистов были сформулированы в совместной директиве наркомов внутренних дел и госбезопасности СССР № 494/94 от 11 сентября 1943 г.[1] Согласно этой директиве, аресту органами НКВД-НКГБ подлежали далеко не все коллаборационисты. Арестовывались офицеры коллаборационистских формирований, те из рядовых, кто участвовал в карательных операциях против мирного населения, перебежчики из Красной Армии, бургомистры, крупные чиновники, агенты гестапо и абвера, а также те из сельских старост, кто сотрудничал с немецкой контрразведкой.

Всех прочих коллаборационистов призывного возраста направляли в проверочно-фильтрационные лагеря, где проверяли на тех же условиях, что и вышедших из окружения бойцов Красной Армии и военнопленных. Исследования современных российских историков свидетельствуют, что подавляющее большинство направленных в проверочно-фильтрационные лагеря благополучно проходили проверку и впоследствии направлялись в армию или на работу в промышлен-

[1] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 734. Л. 53–54.

ность[1]. Коллаборационисты же непризывного возраста, согласно директиве от 11 сентября 1943 г., освобождались — хоть и оставаясь под наблюдением органов НКГБ.

Решение, принятое Кремлем по коллаборационистам, сегодня может показаться невероятным. Рядовые коллаборационисты, коль скоро они не были замешаны в преступлениях против мирных жителей, по своему статусу оказывались приравненными к вышедшим из окружения или освобожденным из плена красноармейцам! Однако парадоксальным это решение кажется лишь для нас. В Кремле хорошо знали, что в условиях нацистского оккупационного режима вступление в коллаборационистские формирования было зачастую лишь средством выживания как для советских военнопленных, так и для местных жителей. И именно с учетом этой *вынужденности* поступления на немецкую службу рядовым коллаборационистам было фактически даровано прощение.

Отношение к прибалтийским коллаборационистам не отличалось от отношения к коллаборационистам в целом (хотя в данном случае о вынужденности сотрудничества с нацистами, как правило, говорить не приходилось). Однако в преддверии освобождения Прибалтики руководство НКГБ СССР сочло необходимым уточнить механизм репрессий против прибалтийских коллаборационистов. Это было сделано в директиве об организации агентурно-оперативной работы на освобожденной территории прибалтийских республик, подписанной наркомом госбезопасности СССР Меркуловым 3 марта 1944 г.[2] Этот документ не изменял положений директивы № 494/94. Он лишь конкретизировал их применительно к ситуации, сложившейся в прибалтийских республиках. Однако, когда после освобождения Прибалтики органы НКВД-НКГБ приступили к репрессиям против коллаборационистов, стало ясно, что работа им предстоит весьма масштабная. Возникли даже сомнения: следует ли в Прибалтике

---

[1] См.: *Кокурин А., Петров Н.* НКВД-НКГБ-«Смерш»: Структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 9. С. 98; *Меженько А. В.* Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 32; *Пыхалов И. В.* Великая Оболганная война. М., 2006. С. 350–360, 363–370.

[2] ОГБ. Т. 5. Кн. 1. С. 220–223.

придерживаться директивы № 494/94 и не подвергать репрессиям рядовых коллаборационистов, не замешанных в преступлениях против мирных жителей и военнопленных. 5 октября 1944 г. начальник Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта генерал-лейтенант Быстров отправил в Москву докладную записку, в которой предлагал провести массовые репрессии против членов эстонской организации «Омакайтсе»:

> «1941 год и последующее время со всей очевидностью показали исключительную враждебность организации "Омакайтсе" советскому строю. Наличие большого количества скрывающегося и в настоящее время актива этой организации на территории Эстонии, который лишь в силу сложившейся неблагоприятной для него обстановки временно прекратил свою организованную деятельность, но не отказался от нее и при наличии малейшей возможности, несомненно, явится реальной силой для вооруженных выпадов против Красной Армии и Советской власти.
>
> На основании изложенного полагал бы необходимым проведение органами НКГБ и НКВД массового изъятия членов организации "Омакайтсе" путем ареста активной ее части и административной высылки остальных за пределы Эстонской ССР»[1].

Общая численность членов «Омакайтсе» составляла не менее 90 тысяч чел., причем если в 1941–1943 гг. в формирования «Омакайтсе» входили только добровольцы, то с февраля 1944 г. в эти формирования мобилизовывались все мужчины от 17 до 60 лет[2]. Таким образом, начальник контрразведки Ленинградского фронта фактически предлагал выслать за пределы Эстонии значительную часть мужского населения республики.

В Кремле с подобным предложением, разумеется, не согласились, и репрессии против коллаборационистов на территории Прибалтики осуществлялись в полном соответствии с директивой № 494/94. Репрессиям подвергались преимущественно офицеры и те из колла-

---

1 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 4. Л. 89–90; Эстония. Кровавый след нацизма. С. 250; НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 131; ОГБ. Т. 5. Кн. 2. С. 416.

2 НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 202–203; ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 10–20.

борационистов, чье участие в преступлениях против мирных граждан было доказано. Последних, впрочем, было достаточно много.

Обратимся к уже называвшимся нами цифрам. Согласно хранящимся в Государственном архиве РФ данным, с 1 октября по 31 декабря органам НКВД ЭССР было задержано 356 «лесных братьев», членов «Омакайтсе» и полицейских, 620 военнослужащих немецкой армии и 161 бывших красноармейцев, сражавшихся на стороне немцев[1]. В 1945 г. НКВД ЭССР было арестовано 1476 немецких ставленников и пособников[2]. По линии НКГБ ЭССР в 1945 г. было арестовано 6569 чел.[3], о количестве среди которых коллаборационистов приходится лишь догадываться.

Интересны данные о численности легализованных органами НКВД-МВД ЭССР коллаборационистов. В 1945 г. НКВД ЭССР обезвредил 1683 немецких ставленников и пособников, 1476 (87,8 %) из которых были арестованы, 43 (2,5 %) легализованы и 164 (9,7 %) – «переданы в другие организации» (преимущественно в НКГБ)[4]. В 1946 г. соотношение легализованных и арестованных среди обезвреженных НКВД – МВД Эстонии коллаборационистов резко изменилось. Всего за этот год было задержано 1050 немецких ставленников и пособников; из них 11 (1 %) было убито, 30 (2,8 %) арестовано, 993 (94,75) легализовано и 16 (1,5 %) – передано в другие организации[5]. Таким образом, подавляющее большинство обезвреженных НКВД – МВД ЭССР в 1946 г. коллаборационистов было оставлено на свободе. Это, кстати говоря, подтверждается данными ежемесячного учета; так, например, в докладе отдела по борьбе с бандитизмом МВД ЭССР от 10 октября 1946 г. сообщается: «В отчетном месяце задержано и явилось с повинной 105 чел. немецких ставленников и пособников, бывших членов "Омакайтсе" и военнослужащих немецкой армии... Из общего количества 105 чел. арестован 1, легализованы 104»[6].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 450. Л. 6.

[2] Там же. Л. 10.

[3] Статистические сведения... С. 365.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 450. Л. 10.

[5] Там же.

[6] Там же. Д. 654. Л. 188.

Как видим, в целом аресту была подвергнута лишь малая часть служивших в коллаборационистских формированиях — в полном соответствии с директивой от 11 сентября 1943 г.

Однако кроме коллаборационистов, оставшихся на освобожденной советскими войсками территории, были и те, кто ушел месте с немцами. После войны часть из них осталась на Западе; другие были репатриированы обратно в СССР.

Отношение Кремля к репатриированным коллаборационистам было более жестким, чем к оставшимся на освобожденной территории. Уход с немцами сам по себе свидетельствовал о враждебности этой категории. Несмотря на это, от масштабных репрессий советское руководство опять-таки воздержалась. Офицеры коллаборационистских формирований, естественно, арестовывались; а вот не замешанные в военных преступлениях рядовые были всего-навсего направлены на шестилетнее спецпоселение в отдаленные районы страны[1].

Первоначально к репатриантам-прибалтам относились так же, как и ко всем остальным. В этой связи очень показательна история 20-й эстонской дивизии СС, остатки которой в 1944 г. отступили из республики вместе с немецкими частями. Из уцелевших эстонских эсэсовцев и военнослужащих полицейских батальонов германское командование сформировало боевую группу, брошенную против советских войск на Одере. Остановить советские войска, естественно, не удалось, и в конце апреля 1945 г. остатки 20-й дивизии отступили в Чехословакию. Чешские партизаны по понятным причинам не испытывали к эсэсовцам никаких теплых чувств; поэтому попадавших им в руки эстонцев партизаны без лишних слов расстреливали.

От уничтожения солдат эстонской дивизии СС спас приход советских войск. Вот воспоминания одного из эстонских легионеров: «По лестнице спустился человек с погонами русского капитана. Он спросил, что здесь происходит. Майор Суурkиви, который говорил по-русски, разъяснил ему ситуацию, добавив, что он эстонец. Русский разозлился и захотел посмотреть, кто это осмелился так вести себя с “нашими людьми” (то есть эстонцами). Суурkиви показал на чеха. Русский передернул наган, и чеха спасла только его прыткость. Теперь русский приказал принести воду и напоить всех... Расстрел прекра-

---

[1] Население России в XX веке. Т. 2. С. 161.

тился, с чем чехи не могли согласиться. Когда чуть позже подошел другой русский, они стали жаловаться ему, что тут все эсэсовцы, военные преступники и т. д. и требовали, чтобы нас тут же расстреляли. Русский разъяснил, что война окончена и самовольные расстрелы нужно прекратить»[1].

В конечном итоге чехи передали всех захваченных эстонских эсэсовцев советским властям: коль скоро это «ваши люди», вы с ними и разбирайтесь. Согласно оценкам эстонских историков, всего чехами было убито около 1000 военнослужащих эстонской дивизии СС; от 5 до 6 тысяч сдались в плен западным союзникам, а примерно 2,5 тысячи были пленены частями Красной Армии[2].

Попавшие в советский плен военнослужащие 20-й дивизии войск СС были направлены в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД; логично было предположить, что, подобно прочим коллаборационистам, офицеры эстонской дивизии войск СС пойдут в лагеря ГУЛАГа, а солдаты — на шестилетнее спецпоселение.

Однако уже в марте 1946 г. выяснилось, что к прибалтам Кремль относится иначе, чем к советским гражданам прочих национальностей. Сначала привилегии получили гражданские репатриированные прибалты. Дело в том, что гражданские репатрианты также проходили проверку, после которой направлялись либо к месту жительства, либо (мужчины призывного возраста) в армию и рабочие батальоны. Однако для прибалтов этот принцип был изменен. Согласно директиве наркома внутренних дел № 54 от 3 марта 1946 г., все благополучно прошедшие проверку эстонцы, латыши и литовцы направлялись к месту жительства[3]. В армию и рабочие батальоны их не брали. Директива не распространялась на репатриированных прибалтийских коллаборационистов, которые должны были направляться на спецпоселение. Однако в скором времени отпущены были и они.

---

1 *Tammemäe H.* Põrgu, mis oli hullem kui põrgu // Kultuur ja Elu. 2005. № 2 http:/kultuur.elu.ee/ke480_tsehhi.htm.

2 *Laar M.* Eesti leegion sõnas ja pildis = *Laar M.* The Estonian legion in words and pictures. Tallinn, 2008. P. 391.

3 ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 982. Л. 53–54.

Согласно постановлению Совета министров СССР от 13 апреля 1946 г. репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на шестилетнее спецпоселение и из проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерей подлежали возвращению в Прибалтику[1].

В Центральном архиве ФСБ хранится директива МВД СССР № 00336 от 19 апреля 1946 г., позволяющая понять, как, собственно говоря, проходил процесс освобождения коллаборационистов. Согласно этому документу, репатриированные прибалтийские коллаборационисты призывного возраста направлялись на работу в промышленность Латвии, Литвы и Эстонии до тех пор, пока из Красной Армии не будут демобилизованы их сверстники. Коллаборационисты непризывного возраста сразу же направлялись к месту жительства своих семей[2]. Таким образом, вместо того, чтобы направиться на шестилетнее спецпосление в отдаленные районы страны, репатриированные коллаборационисты-прибалты вернулись на родину. При этом в Прибалтику возвращались не только рядовые, но и офицеры; 13 июля 1946 г. специальное распоряжение на этот счет отдал замминистра внутренних дел генерал-лейтенант Рясной[3]. А менее чем через год, 12 июня 1947 г., Совет министров СССР принял постановление, которое с некоторыми оговорками распространяло действие постановления от 13 апреля 1946 г. на лиц других национальностей (кроме немцев), являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии[4].

Итоги выполнения постановления от 13 апреля 1946 г. были подведены год спустя в справке ГУББ МВД СССР от 24 марта 1947 г.:

> «Органами МВД-УМВД выявлено на территории Советского Союза репатриированных советских граждан прибалтийских национальностей — 41 572 чел. Из них латышей — 28 712 чел., эстонцев — 6819 чел., литовцев — 6041 чел.

---

[1] Население России в XX веке. Т. 2. С. 160–161.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 965. Л. 211–214.

[3] Там же. Д. 983. Л. 26–28.

[4] Население России в XX веке. Т. 2. С. 161.

Из общего количества выявленных репатриантов национальностей Прибалтийских республик:

а) лиц призывного возраста — 12 527 чел., из которых направлено в промышленность и на строительство в прибалтийские республики — 11 787 чел.;

б) лиц непризывного возраста — 29 045 чел., из которых направлено к месту постоянного жительства — 26 375 чел. Из них в Латвийскую ССР — 19 116 чел., в Эстонскую ССР — 2898 чел., в Литовскую ССР — 4361 чел.

Из общего количества выявленных репатриантов (41 572 чел.) освобождено из ИТЛ, ПФЛ, спецпоселений, рабочих батальонов и направлено в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР 38 162 чел.

Осталось неотправленными на родину 3410 чел., из них: латышей — 2301, эстонцев — 842 чел., литовцев — 267 чел.»[1].

Подведем итоги. После освобождения Прибалтики от нацистов органами НКВД-НКГБ арестовывались лишь офицеры коллаборационистских формирований, крупные чиновники организованной оккупантами администрации, а также те, кто был замешан в преступлениях против мирного населения. Все остальные были фактически амнистированы. Еще больше повезло тем прибалтийским коллаборационистам, кто убежал с немцами, а потом был репатриирован обратно в СССР – среди них были арестованы лишь замешанные в преступлениях против человечности, а все прочие, включая офицеров, были возвращены на родину. Привилегиями по сравнению с остальными репатриированными пользовались и гражданские из прибалтийских республик; после проверки они отправлялись на родину; в армию и рабочие батальоны их не призывали.

Все эти факты заставляют серьезно усомниться в адекватности выстроенной современными прибалтийскими историками картины 1944–1946 гг. Нам рассказывают, что «вторая советская оккупация» ознаменовалась массовыми репрессиями, что в прибалтийских республиках был устроен настоящий геноцид, причем заранее запланированный. Однако, как мы видим, документы свидетельствуют об ином. У Кремля не было ни намерения, ни желания устраивать

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 135–137.

в Прибалтике геноцид. Напротив, в отношении прибалтийских коллаборационистов проводилась существенно более мягкая политика, чем в отношении прочих пособников врага[1].

4.5. Репрессии 1946–1953 гг.

После окончания Второй мировой войны на территории Эстонии продолжали действовать формирования «лесных братьев» и антисоветское подполье. Только за два с половиной года (с октября 1944 по январь 1947) «лесными братьями» было убито не менее 544 чел., 456 из которых были гражданскими лицами (см. табл. 28). Это ясно свидетельствует о том, что деятельность «лесных братьев» была направлена не столько против «оккупационных властей», сколько против собственных сограждан, поддерживавших советскую власть.

Естественно, органы НКВД-НКГБ Эстонской ССР продолжали борьбу с «лесными братьями» — равно как и выявление нацистских преступников и пособников. В 1946 г. органами внутренних дел Эстонской ССР было арестовано 573 представителя антисоветского элемента («лесных братьев», членов националистических организаций и нацистских пособников) и 314 грабителей и дезертиров. Документы свидетельствуют, что деятельность НКВД ЭССР была дифференцированной; значительное число участников националистических формирований, дезертиров, немецких пособников легализовывалось и не несло наказания. В общей сложности из 3987 чел., задержанных в 1946 г. НКВД ЭССР, аресту подверглись всего 887 чел. (22 %), а 2825 чел. (71 %) было легализовано (см. табл. 29, 30).

Приведенные выше данные характеризуют деятельность НКВД ЭССР. В свою очередь, органами НКГБ ЭССР в 1946 г. было арестовано 690 чел.[2]

---

1 Подробнее вопрос о советских репрессиях против коллаборационистов рассматривается в кн.: *Дюков А. Р.* Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009.

2 Статистические сведения... С. 376.

Таблица 28. Число убитых в ходе бандпроявлений на территории ЭССР, октябрь 1944 — январь 1947 г.[1]

Категория	**1944 г.**	**1945 г.**	**1946 г.**	**Итого за три года**	**Январь 1947 г.**	**Всего**
Работников МВД и МГБ	—	14	1	15	—	15
Работников милиции	—	—	2	2	—	2
Офицеров войск МВД	—	5	2	7	—	7
Сержантов и рядового состав войск МВД	—	23	6	29	—	29
Офицеров Советской Армии	—	—	2	2	—	2
Сержантов и рядового состав Советской Армии	—	—	3	3	—	3
Бойцов истребительных батальонов и др. местных формирований	2	—	28	30	—	30
Совпартактив	3	75	46	124	2	126
Других граждане	57	141	124	322	8	330
Всего:	62	258	214	534	10	544

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 31–32. По всей видимости, данные по 1944–1945 гг. не полные.

Таблица 29. Результаты борьбы НКВД ЭССР с антисоветским националистическим подпольем, 1946 г.[1]

Категория	Всего	Из них			
		Убито	Арестовано	Легализовано	Передано в другие органы
Участники антисоветских организаций и групп	608	176	296	136	—
Участники банд, связанных с антисоветским подпольем	224	35	133	52	4
Немецкие ставленники и пособники	1050	11	30	993	16
Пособники и укрыватели антисоветского и бандитского элементов	203	7	114	81	1
Итого:	2085	229	573	1262	21

Таблица 30. Результаты борьбы НКВД ЭССР с бандитизмом и дезертирством, 1946 г.[2]

Категория	Всего	Из них			
		Убито	Арестовано	Легализовано	Передано в другие органы
Участники бандграбительских групп	220	9	143	—	68
Бандодиночки и прочий преступный элемент	163	5	92	66	—
Дезертиры из Советской Армии	730	1	39	601	89
Уклоняющиеся от службы в Советской Армии	918	—	24	893	1
Пособники и укрыватели преступного элемента	115	—	16	3	96
Итого:	2146	15	314	1563	254

[1] Там же. Л. 28.
[2] Там же. Л. 29.

Таким образом, в целом по Эстонии в 1946 г. было арестовано 1577 чел. — в шесть раз меньше, чем в предыдущем году. Это подтверждается и статистикой движения заключенных в системе ГУЛАГа; за 1946 г. численность эстонцев в лагерях и колониях увеличилась примерно на 1,5 тысячи чел.[1]

Репрессии 1947–1953 гг. по линии НКГБ ЭССР характеризуются данными, приведенными в табл. 31.

Таблица 31. Статистика репрессивной деятельности НГКБ-МГБ ЭССР, 1946–1953 гг.[2]

Год	Арестовано органами ГБ ЭССР	В том числе за антисоветскую деятельность
1947	587	527
1948	1531	1478
1949	1490	1447
1950	2229	2213
1951	1779	1766
1952	466	462
1953	380	380
Итого:	8462	8273

Данные о деятельности НКВД ЭССР за аналогичный период, к сожалению, не выявлены. Известно только, что в 1948 — первой половине 1949 г. было арестовано 938 членов антисоветских организаций, бандформирований и их пособников[3].

Впрочем, данные о численности эстонцев в системе ГУЛАГа позволяют сделать некоторые оценки о репрессиях по линии НКВД ЭССР. С 1 января 1947 по 1 января 1951 г. численность эстонцев в лагерях ГУЛАГа увеличилась с 10 241 чел. до 18 185 чел. В целом по лагерям и колониям ГУЛАГа за это время численность эстонцев

[1] *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 26; № 7. С. 4, 8; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С. 424, 428; Население России в XX веке. Т. 2. С. 188–189; [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 1–4, 145–151; Д. 1155. Л. 11–12, 47, 50].

[2] Составлено по: Статистические сведения... С. 355–465.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 28. Л. 76.

увеличилась с 14–15 тысяч до 24 618 чел.[1] Таким образом, с учетом смертности число заключенных эстонцев увеличилось примерно на 9–10 тысяч чел., из которых около 6 тысяч было арестовано и осуждено органами НКГБ. Соотношение между осужденными по линии НГКБ-МГБ и НКВД-МВД ЭССР – приблизительно два к одному. Следует отметить, что среди арестованных органами внутренних дел было значительное число уголовного элемента.

Общее число арестованных по Эстонии в 1946–1953 гг. можно определить примерно в 12–13 тысяч чел. При этом большая часть арестованных была осуждена. Смертность среди заключенных в системе ГУЛАГа за этот период составила около 14 % в целом (см. табл. 140).

4.6. Депортация 1949 г.

В официальной эстонской историографии описание проведенной в марте 1949 г. депортации из Эстонии сопровождается уже привычными нам манипуляциями: завышением числа людей, намеченных к выселению, использованию неадекватных сведений о составе депортированных, завышением числа погибших в ссылке. Разумеется, депортация отождествляется с геноцидом.

«25 марта 1949 г. в Балтийских государствах была проведена вторая массовая депортация, – читаем мы в «Белой книге». – Из Эстонии, в соответствии с секретной директивой Советского правительства № 390-138 от 29 января 1945 г., навечно в Сибирь было отправлено, предположительно, 20 072 чел. – главным образом, женщины, дети и старики с хуторов, так как почти все мужчины уже были репрессированы... Общая численность жертв мартовской депортации составляет 32 536, в том числе 10 331 чел. т. н. не депортированных, но оставшихся без дома, существующих на птичьих правах и живущих в условиях постоянного преследования со стороны КГБ. В принудительной ссылке в Сибири в период 1949–1958 гг. умерло 2896 чел.»[2].

---

[1] *Земсков В. Н.* ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 26; № 7. С. 4, 8; ГУЛАГ. С. 424, 428; Население России в XX веке. Т. 2. С. 188–189; [ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 374. Л. 1–4, 145–151; Д. 1155. Л. 11–12, 47, 50].

[2] Белая книга. С. 20.

Март Лаар, как обычно, рисует произошедшее в еще более черных тонах: «В ходе операции “Прибой”, которая началась ранним утром 25 марта, в течение двух дней из Эстонии было вывезено и размещено в глубинных областях Сибири около 3 % тогдашнего населения Эстонии, большинство из них составляли пожилые, женщины и дети. Если людей, включенных в список, не удавалось доставить, брали с собой первых встретившихся. Людей, приговоренных к высылке, преследовали при помощи специально обученных собак... По имеющимся данным, количество депортированных достигло до 20 702 чел., по дороге в Сибирь и другие поселения из них умерло около 3000 чел. Однако большая часть людей, включенных в список подлежащих высылке, сумела спрятаться. Всего из людей, оформленных на переселение, осталась невысланной 2161 семья, то есть 5719 чел. Многие из оставшихся невысланными оказались на нелегальном положении и преследовались органами госбезопасности, большинство были убиты или арестованы в результате облав в последующие годы»[1].

Прежде всего обратим внимание на противоречия между утверждениями Лаара и авторов «Белой книги». В «Белой книге» утверждается, что общее число депортированных — 20 072 чел., а Лаар пишет о 20 702 депортированных. Судя по всему, в «Белой книге» имеет место опечатка; по крайней мере автор цитируемого раздела «Белой книги» Айги Рахи в одной из своих статей приводит те же цифры, что и Лаар, — 20 702 депортированных[2].

Еще одной опечаткой обусловлена датировка постановления Совета министров СССР № 390-138; этот документ датируется не 29 января 1945 г., а 29 января 1949 г.[3] А вот последующие расхождения объяснить опечатками нельзя.

В «Белой книге» утверждается, что 2896 чел. умерло на поселении с 1949 по 1958 г., а М. Лаар утверждает, что уже во время перевозки умерло около 3000 чел. У Лаара мы читаем, что депортации избежало 5719 чел., а в «Белой книге» приводится значительно большее число —

---

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 40–41. См. также: *Лаар М.* Забытая война. С. 35–36.

[2] *Rahi A.* On the current state of research...

[3] Сталинские депортации. С. 645; История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 519; ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.

10 331 чел. Понять, насколько все эти утверждения соответствуют действительности, можно только обратившись к документам.

Ключевой документ о депортации 1949 г. — докладная записка уполномоченного МВД СССР В. Рогатина заместителю министра внутренних дел СССР В. Ряснову «О проведении переселения из ЭССР», датируемая 31 марта 1949 г.

Эстонские историки не могут сетовать на недоступность этого документа: впервые выдержки из него были опубликованы в двухтомнике Г. Саббо «Невозможно молчать», изданном в 1996 г. в Таллине.

В связи с важностью этого документа позволим себе обширную цитату.

«Операция по выселению кулаков, бандитов, националистов и их семей была начата органами МГБ на периферии с 6-ти часов утра, а по городу Таллин с 4-х часов утра 25 марта 1949 г.

Поступление на пункты погрузки контингента выселенцев в первое время, за исключением гор. Таллин, протекало медленно, и операция, намеченная провести в течение 25 марта 1945 г., затянулась до поздней ночи с 28 на 29 марта с. г.

Отправление эшелонов началось во второй половине дня 26 марта 1949 г., и последний эшелон убыл в 21 час 10 мин 29 марта 1949 г., отправка эшелонов производилась по указаниям оперативного руководства МГБ, при этом первые эшелоны убывали со значительной недогрузкой выселенцев и количеств вагонов против намеченного по плану. Последние эшелоны фактически ушли сборными, собирая в пунктах погрузки дополнительно загруженные переселенцами вагоны...

По плану МГБ ЭССР ориентировочно из Эстонии подлежало к выселению 7540 семей с общим количеством 22 326 чел. По предварительным данным, 19-ю эшелонами вывезено 7488 семей в количестве 20 535 чел., в том числе: мужчин — 4579, или 22,3 % к общему количеству, женщин — 9890, или 48,2 %, и детей — 6066, или 29,5 %.

Процесс приема выселенцев в эшелоны протекал нормально и производился на основании посемейных карточек. Имущество выселенцев принималось беспрепятственно и в рамках норм, установленных инструкцией. Однако ряд семей и одиночек, особенно из городских местностей, прибывали с весьма незначительным багажом или вовсе без такового.

Имели место случаи отказа в приеме в эшелоны из-за неправильного составления посемейных карточек, ошибочно привезенных и не подлежавших выселению, по причине тяжелой болезни, беременности на последнем месяце.

В момент погрузки в эшелон № 97307 на станции Кейла 27 марта 1949 г. имел место побег двух выселенцев. Один из них был тут же задержан. Другому удалось скрыться, меры к розыску приняты.

Недостатком в работе являлось то, что в состав эшелонов прибывали люди, по состоянию здоровья больные. Медперсонал эшелонов в Москве был обеспечен недостаточно медикаментами, в связи с чем начальникам эшелонов было предложено приобретать в пути следования необходимые дополнительные медикаменты при содействии местных органов МВД и МГБ.

За период операции с 25 по 29 марта 1949 г. существенных нарушений общественного порядка и уголовных проявлений в Республике зафиксировано не было. Однако имели место ряд проявлений политического и диверсионного характера...

В процессе операции, погрузки и отправки эшелонов от руководства МГБ каких-либо претензий к МВД не поступало. Наоборот, по общему отзыву, привлеченные к участию в операции силы МВД оказали МГБ ЭССР значительную помощь и проявили себя достаточно выдержанно и дисциплинированно»[1].

Сравнение приведенных в докладной Рогатина данных с утверждениями официальной эстонской историографии позволяет выявить целый комплекс фальсификаций.

По какой-то непонятной причине Март Лаар утверждает, что депортация была проведена за два дня. Но на самом деле на эту операцию ушло четыре дня, о чем ясно пишет Рогатин: «операция, намеченная провести в течение 25 марта 1945 г., затянулась до поздней ночи с 28 на 29 марта с. г. Отправление эшелонов началось во второй половине дня 26 марта 1949 г., и последний эшелон убыл в 21 час 10 мин 29 марта 1949 г.». Зачем Лаару понадобилось это искажение, непонятно.

А вот причины, по которым искажается численность депортированных, объяснять не надо. В «Белой книге» утверждается, что к де-

---

[1] Сталинские депортации. С. 662–663; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 163–169.

портации было намечено 32,5 тысячи чел., Лаар пишет о 26,5 тысячи (20 702 депортированных + 5719 чел., оставшихся невысланными). Оба этих утверждения являются ложными. В докладной Рогатина мы читаем: «По плану МГБ ЭССР ориентировочно из Эстонии подлежало выселению 7540 семей с общим количеством 22 326 чел.».

Данные докладной Рогатина подтверждаются документами, хранящимися в Центральном архиве ФСБ. Вот справка, подготовленная сотрудниками МГБ ЭССР непосредственно перед депортацией:

> «По состоянию на 15 марта с. г. выявлено подлежащих выселению 7500 семей в количестве 22 326 чел., из них:
> семей кулаков — 3077 численностью — 9846 чел.
> семей бандитов и националистов — 4423 численностью 12 440 чел.»[1].

Таким образом, Лаар завышает количество подлежавших депортации примерно на 4 тысячи чел., а авторы «Белой книги» — на 10 тысяч.

Соответственно, оказывается завышенным и число людей, подлежавших депортации, но не высланных. Согласно «Белой книге» таковых было 10 331 чел.; Март Лаар называет цифру 5719 чел. Однако на самом деле при плановом задании в 22 326 чел. было депортировано 20 535 чел., то есть высылки избежало менее двух тысяч. При этом число семей, намеченных к депортации (7540), незначительно отличается от числа реально депортированных семей (7488). А Лаар заявляет, что высылки якобы избежала 2161 семья.

Лаар утверждает, что в ходе депортации было вывезено «около 3 % тогдашнего населения Эстонии». Это утверждение является просто-напросто абсурдным — ведь если 3 % — это 20 702 чел., то 100 % — это 690 тысяч чел. Однако согласно данным демографа Тартуского университета Эне-Маргит Тийт, в 1945 г. в Эстонии проживало 854 тысячи чел., а в 1950-м — почти 1,1 миллиона чел.[2] Таким образом, соотношение числа депортированных к общему числу граждан Эстонии составляло около 2 %.

Не соответствует действительности утверждение «Белой книги», согласно которому депортации подвергались «главным образом, женщины, дети и старики с хуторов, так как почти все мужчины уже были

---

1 ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 28. Л. 100.

2 На чаше весов. С. 432–434.

репрессированы...» Мы уже рассмотрели статистику арестов граждан Эстонии органами НКВД-МВД и НКГБ-МГБ; она опровергает заявления о том, что «почти все мужчины уже были репрессированы». На самом деле, как следует из приведенной выше докладной Рогатина, в ходе мартовской депортации из Эстонии было выслано «мужчин — 4579, или 22,3 % к общему количеству, женщин — 9890, или 48,2 %, и детей — 6066, или 29,5 %».

Полностью ложным является утверждение Лаара о том, что «если людей, включенных в список, не удавалось доставить, брали с собой первых встретившихся». Из докладной Рогатина хорошо видно, что при погрузке депортируемых эшелонов охрана обязательно проверяла документы, на основе которых проводилось выселение конкретных лиц («посемейные карточки»). При этом «имели место случаи отказа в приеме в эшелоны из-за неправильного составления посемейных карточек, ошибочно привезенных и не подлежавших выселению, по причине тяжелой болезни, беременности на последнем месяце». Информация Рогатина находит полное подтверждение в докладной записке министра внутренних дел ЭССР генерал-майора Резева от 18 апреля 1949 г.: «Во многих случаях, по требованию начальников эшелонов и пунктов погрузки от МВД, посемейные карточки уточнялись и пересоставлялись в комендатурах МГБ, отдельные семьи возвращались на местожительство. С эшелона № 97306 уже в пути было снято 4 чел., ошибочно изъятые МГБ и не подлежащие выселению»[1].

Следует отметить, что сотрудники НКВД и НКГБ ЭССР действовали в полном соответствии с «Инструкцией» о проведении депортации. В этом документе было четко оговорено: «Выселение кулаков и их семей производится на основании списков, утвержденных Советом Министров республики... Никаких пометок и исправлений в списках, полученных из Совета Министров, не допускается»[2].

Не соответствуют действительности утверждения о смерти в пути 3000 чел. Подобная смертность, как мы помним, не имела место даже во время июньской депортации 1941 г. — а ведь депортация 1949 г. проводилась гораздо деликатнее. Если депортация 1941 г. проводилась

---

[1] *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы. С. 537; ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 170–178.

[2] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 4. Д. 9. Л. 98.

за один день, то депортация 1949 г. — за четыре. В 1941 г. депортированным было разрешено брать с собой 100 кг груза на человека. В 1949-м каждая семья могла увезти с собой 1500 кг[1]. В 1941-м вопрос о размещении депортируемых на месте ссылки был практически не решен, а депортации 1949-го предшествовала длительная переписка центрального аппарата МВД СССР с территориальными УМВД, в ходе которой выяснялось, сколько какая область может принять и трудоустроить спецпоселенцев[2]. Наконец, в 1941 г. около трети депортированных (главы семей) было арестовано и направлено в лагеря; в 1949-м арестов и разделения семей не было.

Сомнительной является и информация «Белой книги» о смерти 2896 спецпоселенцев с 1949 по 1958 г. Согласно данным МВД СССР, к 1 января 1953 г. на учете состояло 19 520 спецпоселенцев, высланных из Эстонии в 1949 г. (см. табл. 32).

Таблица 32. Соотношение депортированных и спецпоселенцев, 1949–1953 гг.[3]

Категория	Мужчин	Женщин	Детей	Арестовано и в розыске	Всего
Депортировано в марте 1949 г.	4579	9890	6066	—	20 535
Состояло на учете спецпоселенцев к 1 января 1953 г.	4303	9894	5040	283	19 520

Как видим, разница между численностью депортированных в 1949 г. и находившихся на поселении к 1 января 1953 г. составляет около тысячи человек. Между тем именно на первые годы спецпоселения приходилась наиболее высокая смертность. После того

[1] История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 519–522; Сталинские депортации. С. 645, 649, 659; ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 10. Л. 11–16; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 39–40.

[2] Сталинские депортации. С. 643–645; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 141–143.

[3] Составлено по: Сталинские депортации. С. 662–663; *Бердинских В. А.* Спецпоселенцы. С. 537; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 210–211; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 163–178; Д. 641. Л. 9–12.

как спецпереселенцы обустраивались на новом месте, смертность сокращалась, а рождаемость повышалась. Документы свидетельствуют, что у эстонцев, депортированных в 1949 г., рождаемость начала превышать смертность уже в начале 1950-х гг., о чем ясно свидетельствуют документы (см. табл. 33).

Таблица 33. Депортированные из Эстонии в 1949 г. на спецпоселении, 1953–1954 гг.[1]

Категория	Состояло на учете	В том числе		
		В наличии	В розыске	Арестовано
На 1 января 1953 г.	19 520	19 237	2	281
На 1 января 1954 г.	19 550	19 352	2	196

Таким образом, утверждения о смерти на спецпоселении 2896 эстонцев несколько противоречат имеющимся данным. Кроме того, остается открытым вопрос о естественной смертности среди депортированных за десять лет.

Последняя тема, которую необходимо рассмотреть в связи с депортаций 1949 г., — какие задачи решала эта репрессивная акция. Март Лаар совершенно справедливо пишет, что основной целью депортации был подрыв социальной базы «лесных братьев», продолжавших действовать на территории Прибалтики вообще и Эстонии в частности[2]. Об этом прямо говорилось в документах МВД-МГБ: «Постановлением Совета Министров СССР № 390-138сс от 29 января 1949 г. на МГБ СССР возложено выселение с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов, националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализовавшихся бандитов, продолжающих вести вражескую деятельность, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов»[3].

1 Составлено по: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 210–211, 226; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 9–12; Д. 848. Л. 121–124.

2 *Лаар М.* Красный террор. С. 39.

3 История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. С. 519; Сталинские депортации. С. 645; ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 10. Л. 11.

Дело в том, что, несмотря на активную деятельность органов НКВД-НКГБ, в 1946–1949 гг. активность эстонских «лесных братьев» оставалась на довольно высоком уровне. В период с января по август 1945 г. в Эстонии был арестован 961 бандит и бандпособник, в 1946 г. – 543[1]. За 1947 г. данных нет, однако в 1948 г. количество арестованных эстонских «лесных братьев» и их пособников превысило уровень 1946 г., составив 568 чел.[2] Это означало, что «лесные братья» продолжали убивать советских работников, милиционеров и мирных граждан. Такое положение вещей, естественно, не могло устраивать Москву; депортация 1949 г. стала жесткой мерой по борьбе с националистическим вооруженным подпольем в Эстонии. Безусловно, при этом пострадали невинные люди; с другой стороны, как признают эстонские историки, после депортации деятельность «лесных братьев» пошла на убыль[3].

4.7. Выводы

Рассмотрение советской репрессивной политики в Эстонии в 1944–1953 гг. свидетельствует о несостоятельности утвердившегося в официальной эстонской историографии мнения политиков о «геноциде», якобы проводившемся в это время.

Политика руководства СССР в послевоенной Эстонии была в целом обоснованна и достаточно умеренна – особенно на фоне массовой коллаборации эстонцев с нацистскими оккупационными властями. Репрессиям и арестам подвергались лишь те, кто во время войны принимал участие в организованном нацистами уничтожении мирного населения оккупированных советских земель, те, кто после освобождения Эстонии вел вооруженную борьбу против советской власти, а также их пособники.

По данным эстонских историков, в целом органами МГБ и МВД ЭССР было уничтожено около 3000 «лесных братьев»[4]. Возможно,

---

1 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 450. Л. 10; Д. 764. Л. 29.

2 ЦА ФСБ. Ф. 4-ос. Оп. 7. Д. 28. Л. 76.

3 *Лаар М.* Забытая война. С. 39–40; *Лаар М.* Депортации из Эстонии...

4 Белая книга. С. 48.

эта цифра завышена, однако очевидно, что борьба с вооруженными бандами и их пособниками была более чем обоснованна.

Всего с 1944 по 1953 г. органами внутренних дел и госбезопасности Эстонской ССР было арестовано около 26–27 тысяч чел., большая часть из которых была осуждена к заключению в лагеря и колонии ГУЛАГа. Утверждения эстонских историков о том, что арестованных было от 30 до 53 тысяч, противоречат архивным данным и являются ложными.

Кроме того, в рамках борьбы с вооруженным националистическим подпольем в марте 1949 г. советскими властями была проведена массовая депортация, в ходе которой в отдаленные районы СССР на поселение было выслано около 20,5 тысячи чел. Эта достаточно жесткая операция подорвала социальную базу «лесных братьев» и способствовала прекращению развернутого ими террора против поддерживавших советскую власть эстонцев.

В отличие от периода 1941–1944 гг. смертность среди заключенных системы ГУЛАГа и спецпоселенцев находилась на низком уровне. После отбытия заключения большинство осужденных в 1944–1953 гг. эстонцев было благополучно освобождено. Освобождены были и находившиеся на спецпоселении депортированные.

Таким образом, репрессии 1944–1953 гг. затронули около 5–6 % населения Эстонии, причем большая часть репрессированных впоследствии благополучно вернулась на родину. Утверждать, что в послевоенной Эстонии имел место геноцид, невозможно.

Заключение

Результаты многолетней деятельности эстонских историков на первый взгляд выглядят замечательно. За последние пятнадцать лет в Таллине и Тарту был издан целый ряд работ о «советской оккупации», трудолюбиво переведенных на английский и русский языки. На основании этих работ эстонские политики выдвигают претензии к России; Европарламент и конгресс США принимают резолюции, осуждающие «советскую оккупацию» Прибалтики в целом и Эстонии в частности.

Проблема заключается в том, что официальная эстонская историография советских репрессий в Эстонии не может быть названа научной в полном смысле этого слова. Эстонские историки используют наработки нацистской пропаганды времен Второй мировой войны в качестве достоверных источников, игнорируют данные документов НКВД-МГБ СССР, жонглируют цифрами и даже идут на явные фальсификации. Все это естественно в работе пропагандистов, однако с точки зрения элементарной научной порядочности подобные методы исследования не могут быть оправданы.

Наиболее масштабно искажается период так называемой «первой советской оккупации» (с июня 1940 до осени 1941 г.). Официальная версия, настойчиво продвигаемая эстонскими историками и политиками на международной арене, гласит, что после присоединения Эстонии к Советскому Союзу в республике немедленно был развернут беспричинный и массовый террор. Именно этим, говорят нам из Таллина, объясняется то, что эстонцы радостно встречали немецкие войска и более чем активно участвовали в карательных операциях на всей оккупированной советской территории — от Ленинградской области на севере до Сталинградской на юге.

Вот что пишет в книге с характерным названием «Красный террор» Март Лаар: «Общие потери эстонского населения в результате советской оккупации 1940–1941 гг. достигли 52 750 чел. Это оставило неизгладимый след в памяти эстонского народа. Во многом именно из-за пережитого в 1940–1941 гг. эстонцы с отчаянной храбростью воевали в 1944 г. в рядах Германской армии»[1]. Детальное рассмотрение проблемы свидетельствует о ложности подобных заявлений.

Эстонские историки заявляют о том, что число арестованных граждан Эстонии составило от 7 до 8 тысяч чел., большая часть из которых была осуждена. Число осужденных к расстрелу в Таллине определяют в 1850–1950 чел.

При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется интересный момент. Названные цифры восходят к данным действовавшей во время нацистской оккупации комиссии ZEV и уже поэтому выглядят сомнительными. Кроме того, эти цифры относятся ко всему периоду

---

[1] *Лаар М.* Красный террор. С. 35–36.

«первой советской оккупации» (с июня 1940 по сентябрь 1941 г.). Число же арестованных в довоенный период, по данным ZEV, составляет примерно 3–4 тысячи чел.

По понятным причинам официальная эстонская историография предпочитает не афишировать этот факт — ведь эти данные уже опровергают концепцию «геноцида». О каком геноциде может идти речь, если из 1,1 миллиона граждан Эстонии были арестованы несколько тысяч? Тем более что среди арестованных, как признают сами эстонские историки, было много русских.

Однако даже эти весьма скромные показатели репрессивной деятельности советских властей в Эстонии не соответствуют действительности. Это выяснятся при сопоставлении их со статистикой НКВД, опубликованной российскими учеными.

На самом деле за период с июня 1940 г. по сентябрь 1941 г. в Эстонии было осуждено к заключению в лагерях и колониях ГУЛАГа не 7–8 тысяч чел., около 1,7 тысячи[1]. Число осужденных к ВМН за тот же период составило не 1850–1950, а около 400 чел.

Реальное число осужденных в довоенный период также значительно отличается от данных ZEV. По данным ZEV, с июня 1940 по июнь 1941 г. в Эстонии было арестовано около 3–4 тысяч чел., большинство из которых было осуждено. Однако на самом деле число осужденных к заключению в системе ГУЛАГа составило около 1350 чел. К ВМН было осуждено 184 чел.

Таким образом, к заключению в лагерях ГУЛАГа и ВМН было осуждено примерно 0,15–0,2 % населения республики. Следовательно, вопреки утверждениям официальной эстонской историографии, репрессии как «первой советской оккупации», так и ее предвоенного периода невозможно рассматривать как геноцид.

При описании июньской депортации 1941 г. официальная эстонская историография также прибегает к искажениям и прямой лжи. Не соответствуют действительности утверждения о том, что количество депортированных составило более 10 тысяч чел., что под угрозой депортации находилась значительная часть граждан Эстонии, что депортация сопровождалась расстрелами и массовой гибелью депор-

[1] Без учета арестованных во время июньской депортации 1941 г.

тируемых во время перевозки. Не соответствуют действительности и приводимые в «экспортных историях» данные о числе депортированных, умерших в период с 1941 по 1956 г.

На самом деле в ходе июньской депортации из Эстонии было выслано 9156 чел., 3178 из которых были арестованы и отправлены в лагеря, а 5978 — на поселения в отдаленные районы СССР. Общая смертность среди этих людей была существенно ниже выдаваемых эстонскими историками оценок, однако достаточно высокой. В общей сложности за пятнадцать лет (с 1941 по 1956 г.) умерло около 2000 заключенных. Точными данными о смертности среди ссыльных за этот период, мы, к сожалению, не располагаем, однако, по всей видимости, число умерших не превышало 2 тысяч.

Описание советских репрессий в Эстонии в начале войны в официальной эстонской историографии практически полностью базируется на «данных» немецких пропагандистских органов, причем одни и те же цифры сначала выдаются за количество жертв всей «первой советской оккупации», а затем — за количество жертв военного времени. В качестве репрессии по непонятным причинам рассматриваются проводившиеся перед приходом немецких войск мобилизация и эвакуация из Эстонии.

Недостаточность источниковой базы не дает нам возможности привести точные данные о советских репрессиях в Эстонии в начале войны. Однако даже имеющаяся информация противоречит данным официальной эстонской историографии. На самом деле в июне–октябре 1941 г. советскими военными трибуналами было вынесено от 240 до 320 смертных приговоров. Кроме этого, при приближении немецких войск в эстонских тюрьмах было расстреляно 226 заключенных, содержавшихся там по обвинению в антисоветской деятельности. Около 300 граждан Эстонии было осуждено к заключению в лагеря и колонии ГУЛАГа, а от 800 до 1000 боевиков антисоветских формирований «лесных братьев» — уничтожено в ходе боевых действий.

Таким образом, в результате «первой советской оккупации» в Эстонии было расстреляно 650–700 чел. (в том числе около 250 в тюрьмах при приближении немецких войск), около 4,6 тысячи граждан Эстонии были направлены в лагеря и колонии ГУЛАГа, а около 6 тысяч — на поселения в отдаленные районы страны. Из числа арестованных

и высланных впоследствии умерло в общей сложности около 5 тысяч чел., что, впрочем, обуславливалось не политикой Кремля, а лишениями военных лет, от которых страдало все население Советского Союза. Кроме того, в начале войны было уничтожено около тысячи боевиков из вооруженных формирований «лесных братьев». В целом репрессии периода «первой советской оккупации» затронули около 1–1,5 % населения Эстонии; они не могут быть названы массовыми и в значительной степени являются обоснованными. Отождествление этих репрессий с геноцидом невозможно.

Репрессии периода «второй советской оккупации» в эстонской официальной историографии описываются менее подробно. Однако и тут в ход идут прямые фальсификации. Утверждения о том, что после освобождения Эстонии в республике был развернут массовый террор против населения, не соответствуют действительности. На самом деле политика руководства СССР в послевоенной Эстонии была в значительной степени обоснованна и относительно умеренна — особенно на фоне массовой коллаборации эстонцев с нацистскими оккупационными властями. Репрессиям и арестам подвергались лишь те, кто во время войны принимал участие в организованном нацистами уничтожении мирного населения оккупированных советских земель, те, кто после освобождения Эстонии вел вооруженную борьбу против советской власти, а также их пособники.

По данным эстонских историков, в целом органами МГБ и МВД ЭССР было уничтожено около 3000 «лесных братьев»[1]. Возможно, эта цифра завышена, однако очевидно, что борьба с вооруженными бандами и их пособниками была более чем обоснованна.

Всего с 1944 по 1953 г. органами внутренних дел и госбезопасности Эстонской ССР было арестовано около 26–27 тысяч чел., большая часть из которых была осуждена к заключению в лагеря и колонии ГУЛАГа. Утверждения официальной эстонской историографии о том, что арестованных было от 30 до 53 тысяч, противоречат архивным данным и являются ложными.

Кроме того, в рамках борьбы с вооруженным националистическим подпольем в марте 1949 г. советскими властями была проведена массовая депортация, в ходе которой в отдаленные районы СССР

---

[1] Белая книга. С. 48.

на поселение было выслано около 20,5 тысячи чел. Эта достаточно жесткая операция подорвала социальную базу «лесных братьев» и способствовала прекращению развернутого ими террора против поддерживавших советскую власть эстонцев. Заявления о том, что жертвами депортации стало около 32,5 тысячи чел, не соответствуют действительности.

В отличие от периода 1941–1944 гг. смертность среди заключенных системы ГУЛАГа и спецпоселенцев находилась на низком уровне. После отбытия заключения большинство осужденных в 1944–1953 гг. эстонцев было благополучно освобождено. Освобождены были и находившиеся на спецпоселении депортированные.

Таким образом, репрессии 1944–1953 гг. затронули около 5–6 % населения Эстонии, причем большая часть репрессированных впоследствии вернулась на родину. Утверждать, что в послевоенной Эстонии имел место геноцид, опять-таки невозможно, хотя общее число репрессированных, вне всякого сомнения, является весьма значительным.

Подводя итоги нашего исследования, невозможно не согласиться с мнением германского историка Эрвина Оберлендера: «Если следовать принципам Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г., в которой, так же как в опирающейся на нее судебной практике, главным признаком геноцида объявляется намерение или знание о намерении “уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую”, сталинские преступления в Прибалтике нельзя считать геноцидом с точки зрения современного международного права»[1].

В «Белой книге» приводится таблица примерных «потерь населения в Эстонии», на основании которой планируется предъявлять финансовые и политические претензии к России. В табл. 34 проведено сравнение этих «данных» с реальными.

Как видим, приводимые в «Белой книге» сведения, мягко говоря, не точны.

---

1 Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе XX века / Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М., 2013. С. 249–250.

Таблица 34. Сопоставление «данных» «Белой книги» с архивными документами

№ п/п	Категория		Согласно «Белой книге»			На самом деле		
			Всего	Выживших	Необратимые потери	Всего	Выживших	Необратимые потери
«Первая советская оккупация»								
1.	Арестовано		8000	200	7800	2000	550	1450
	в том числе	казнено в Эстонии			2400			650
		погибло в СССР			5400			900
2.	Депортировано		10 000	4000	6000	9156	5150	ок. 4000
3.	Принудительно мобилизовано в Красную Армию		34 000	10 000	24 000	Не может рассматриваться как репрессия		
	в том числе	погибло в пути			2000			
		погибло в Красной Армии			10 000			
		погибло в трудовых батальонах			12 000	Массовой смертности в трудовых батальонах не было		
4.	Эвакуировано в СССР		25 000	20 000	5000	Не может рассматриваться как репрессия		
5.	Пропало без вести		1100		1100	Не может рассматриваться как репрессия		
6.	Бежало за границу		500		500	Не может рассматриваться как репрессия		

№ п/п	Категория	Согласно «Белой книге»			На самом деле		
		Всего	Выживших	Необратимые потери	Всего	Выживших	Необратимые потери
«Вторая советская оккупация»							
7.	Арестовано	30 000	20 000	10 000	27 000	25 000	ок. 2000
8.	Депортировано	23 000	20 000	3000	20 535	18 500	ок. 2000
9.	Погибло в «движении сопротивления»	3000		3000	Не может рассматриваться как репрессия		
Итого:		134 600	74 200	60 400	54 691	45 200	9450

Примечание:

Данные, приведенные в таблице, являются примерными. В общее число арестованных во время «первой советской оккупации» не включены арестованные в ходе июньской депортации 1941 г.; они учтены в категории «Депортировано».

Однако эстонские политики не удовлетворяются даже этими завышенными цифрами. Не так давно чрезвычайный и полномочный посол Эстонии в РФ госпожа Марина Кальюранд заявила, что «во время советской оккупации 1940–1941 гг. в Эстонии погибло 60 тысяч чел... И, по данным историков, в период с 1944 г. погибло более 100 тысяч чел.»[1]. Излишне напоминать, что приведенные послом Эстонии цифры не имеют ничего общего с исторической правдой — как, впрочем, и данные официальной эстонской историографии.

Основанный на архивных документах анализ официальной эстонской историографии советских репрессий на территории республики показывает, что рассказы о «советском геноциде» — не более чем миф.

Но в исторической науке мифам нет места.

[1] Марина Кальюранд: «С мамой мы до сих пор говорим по-русски». URL: http://gubernia.pskovregion.org/number_323/11.php (дата обращения — 26.01.2016).

МИЛОСТЬ К ПАДШИМ: СОВЕТСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ НАЦИСТСКИХ ПОСОБНИКОВ В ПРИБАЛТИКЕ[1]

Введение

Ежегодные марши легионеров-эсэсовцев давно уже стали привычным явлением в странах Прибалтики. Старики, некогда воевавшие в составе подразделений войск СС, и их молодые последователи проходят по улицам Риги и Таллина; антифашисты, которым дорога память о сотнях тысяч людей, уничтоженных на территории Прибалтики нацистами и их местными пособниками, пытаются остановить эти шествия. За громкими заголовками газет, за подробными сюжетами на телевидении практически никому не приходит в голову простой, в общем-то, вопрос: «А откуда взялись эти старики-эсэсовцы»?

Прибалтийские политики и историки с завидным упорством рассказывают граду и миру о «советском геноциде», о массовых советских репрессиях, направленных против невинных людей, о страшных лагерях в Сибири, из которых практически не возвращались. Но если это правда, то каким же образом столь многие сотрудничавшие с нацистами коллаборационисты-прибалты благополучно дожили до наших дней?

Сегодня и в России, и в Прибалтике бытует очень популярный миф о том, что после войны всех сотрудничавших с нацистами ждало жесткое наказание: расстрелы за измену и сибирские лагеря ГУЛАГа. Одни считают такую кару справедливой, другие — сталинским произволом. Однако соответствуют ли эти представления действительности?

К сожалению, политика советского руководства в отношении прибалтийских коллаборационистов до сих пор не стала предметом специального исторического исследования. Лишь отдельные упо-

---

[1] Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

минания о возвращении репатриированных в 1945–1946 гг. прибалтийских коллаборационистов на родину можно встретить в работах российских историков В. Н. Земскова и Е. Ю. Зубковой[1]. Упоминание об этом эпизоде есть и в официальном латвийском издании — книге «История Латвии. XX век». «Фильтрации подверглись и те жители Латвии, которые служили в вооруженных силах Германии, — пишут латвийские историки. — В 1946 г. те, кто не был осужден и остался в живых, были отпущены по домам. Однако бывшие солдаты немецкой армии и служившие в противовоздушной обороне лица призывного возраста были направлены на строительство секретного комбината по обогащению урана в Силламяэ (Эстония), а также на другие объекты. Их зачисляли в строительные батальоны, и они были вынуждены провести в них еще от трех до пяти лет»[2]. Еще более краткая информация о возвращении на родину коллаборационистов встречается в работах эстонских исследователей[3]. Гораздо подробнее освобождение прибалтов, работавших на предприятиях Кузбасса, рассмотрено в статье российского историка Р. С. Бикметова[4], однако и в данном случае сообщаемая информация достаточно кратка.

Подобных кратких упоминаний для понимания проблемы явно недостаточно. Предлагаемая вниманию читателя работа — одна из первых попыток комплексного исследования этого «белого пятна» советской истории. С опорой на ранее не вводившиеся в научный оборот документы Центрального архива ФСБ России и Государственного архива Российской Федерации нами рассматриваются общие подходы

---

1 Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 160–161; *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008. С. 164.

2 История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис; Предисл. В. Вике-Фрейберга, А. Пабрикс; Пер. с латыш. Ж. Эзит. Рига, 2005. С. 313.

3 *Roosi R.* Repatriations to Estonia and repatriation policy in ESSR 1944–1955 // Estonia, 1940–1945: Reports of Estonian International Commission for the investigation of crimes against humanity. Tallinn, 2006. P. 1122. См. также третье заключение Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности «The Soviet Occupation of Estonia from 1944».

4 *Бикметов Р. С.* Репатрианты в промышленности Кузбасса (1945–1948 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 85.

советского руководства к репрессиям против коллаборационистов, специфика репрессий против нацистских пособников в Прибалтике, принятие решения о возвращении на родину репатриированных коллаборационистов-прибалтов и ход его выполнения.

Глава 1. Общие принципы советских репрессий против коллаборационистов

Сотрудничество жителей оккупированных областей Советского Союза с оккупационными властями имело множество различных проявлений. Были те, кто, пойдя на службу оккупантам, работал в административных органах, были те, кто, получив из рук немецких властей оружие, служил в полицейских формированиях или частях немецкой армии. Были и те, кто в условиях оккупации занимался тем же, чем и раньше: преподавал, лечил, работал на производстве.

Многообразие форм коллаборационизма требовало от советских властей дифференцированного подхода к наказанию за сотрудничество с врагом. Было очевидно, что учителя или агронома, продолжавшего работать при оккупации, нельзя наказывать столь же строго, как участвовавшего в карательных операциях полицейского. Этот дифференцированный поход к наказанию коллаборационистов мы встречаем в официальных документах, регламентировавших репрессивную деятельность органов НКВД-НКГБ СССР на освобожденной территории.

Первым из этих документов стал изданный вскоре после начала победного контрнаступления под Москвой приказ НКВД СССР № 001683 от 12 декабря 1941 г. «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника». Согласно этому приказу, в круг обязанностей создаваемых в освобожденных районах территориальных управлений НКВД, входило «через агентов, осведомителей и партизан, а также честных советских граждан установить и арестовать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследовании партийно-советского актива и честных советских

граждан... Выявляемых лиц, причастных к антисоветской работе, немедленно арестовывать и предавать суду»[1].

16 декабря этот приказ был уточнен в директиве НКВД УССР № 33881/св.

> «Основными задачами городских и районных аппаратов НКВД на освобожденной от противника территории являются:
>
> 1. Немедленное принятие необходимых мер, обеспечивающих революционный порядок и нормальную работу партийных, советских и общественных организаций и учреждений.
>
> 2. Выявление и изъятие всех лиц, работавших в административных органах, созданных немцами (самоуправления, старосты, полиция и т. д.).
>
> 3. Выявление и изъятие среди местного населения вражеских пособников, оказывавших какую бы то ни было помощь и содействие оккупантам и их ставленникам в чинимых зверствах и т. п.
>
> 4. Наряду с использованием оставленной нами агентуры и советского актива для выявления всех враждебных элементов из числа местных жителей иметь в виду возможность оставления немцами на нелегальном положении своей агентуры из оуновцев-западников, украинских националистов других районов УССР и прочих антисоветских лиц (церковников, сектантов и др.).
>
> В городах и при каждом сельском населенном пункте выявлять не проживавших до момента оккупации лиц. Таких людей подвергнуть самой тщательной проверке...
>
> 5. Через агентуру и советский актив выявить всех лиц, дезертировавших из Красной Армии, после проверки и установления факта дезертирства проводить аресты...
>
> 6. В процессе оперативной работы по выявлению насаженной агентуры немецкой разведки учесть и всесторонне разработать всех лиц, близко общавшихся с гестаповцами, полицией и немецким офицерством»[2].

Таким образом, арестам в освобожденных областях подлежали только сотрудники организованных немцами административных органов, полицейских формирований и лица, принимавшие участие в совершаемых нацистами преступлениях (следует помнить, что последние две категории в значительной мере пересекались). Кроме

---

[1] ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 414.

[2] Там же. С. 430.

того, аресту подлежали дезертиры и «враждебные элементы из числа местных жителей». Последняя формулировка была недостаточно четкой и вызывала у сотрудников НКВД массу вопросов[1].

Для того чтобы предотвратить разночтения, 18 февраля 1942 г. было издано указание НКВД СССР, в котором было подробно расписано, с какими конкретно категориями жителей освобожденных районов следует работать органам внутренних дел.

> «Следствием по делам арестованных ставленников немцев, опросами агентуры, заявителей и местных жителей устанавливать и брать на учет:
>
> а) личный состав разведывательных, контрразведывательных, полицейских и административных немецких органов, действовавших на временно захваченной противником территории с указанием установочных данных и примет каждого лица;
>
> б) владельцев и жильцов домов, в которых размещались упомянутые выше органы и проживали их официальные сотрудники или разведчики, а также обслуживающий их персонал;
>
> в) агентуру германской военной разведки, гестапо и тайной полевой полиции, оставленную в данном городе-районе или переброшенную ранее немцами в наш тыл: резидентов, агентов-разведчиков, диверсантов, террористов, радистов, связников, содержателей явочных квартир, проводников и переправщиков;
>
> г) членов магистратов, местных самоуправлений, старост, служащих полиции и других административных немецких органов;

---

[1] Сотрудники НКВД не могли, например, понять, следует ли арестовывать как «враждебный элемент» женщин, добровольно пошедших на работы в немецкие бордели. Этот вопрос после освобождения Керчи встал перед лейтенантом госбезопасности Б. Г. Великовским. «Ну ладно, — сказал он. — Вот бургомистр Грузинов, отпетая сволочь. Или начальник полиции — все понятно! Но вот вы мне объясните, товарищ. Здесь немцы две недели назад, к Новому году, открыли откровенную вербовку в публичный дом. Просто предложили добровольно туда записываться. Так вот здесь у меня документы из магистратуры есть. Оказались такие женщины, которые подали туда заявления. Ну, что с ними теперь делать? Публичный дом немцы не успели открыть — мы помешали. А заявления у меня. Ну, что теперь делать с этими бабами? Откуда они взялись? Пострелять их за это нельзя, не за что, а посадить... Ну, допустим, посадишь, а что потом с ними делать?» (*Симонов К. М.* Разные дни войны: Дневник писателя, 1941–1945. М., 2005. Т. 2. С. 20–21).

д) изменников Родины, предателей, провокаторов и немецких пособников, оказывавших содействие оккупантам в проведении различного рода мероприятий (выявление коммунистов, партизан, военнослужащих Красной Армии, изъятие у населения продовольствия, фуража, скота, теплой одежды и др.);

е) участников контрреволюционных белогвардейских и националистических формирований, созданных немцами;

ж) участников созданных немцами банд, которые использовались для охраны населенных пунктов, выполнения карательных и реквизиционных функций, выявления и задержания партизан и военнослужащих Красной Армии, бежавших из плена и вышедших из окружения, а также для бандитских налетов в нашем тылу;

з) содержателей радиостанций, складов продовольствия и боеприпасов, оставленных немцами в нашем тылу для своей агентуры и бандитских групп;

и) членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ, прошедших регистрацию у немцев;

к) женщин, вышедших замуж за офицеров, солдат и чиновников германской армии;

л) содержателей притонов и домов терпимости;

м) всех без исключения лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях, вне зависимости от рода обязанностей (исключая насильно мобилизованный контингент), а также всех лиц, добровольно оказывавших услуги немцам, какой бы характер эти услуги ни носили;

н) лиц, добровольно ушедших с немцами, членов их семей, связи, оставшиеся на нашей территории.

Все перечисленные в пунктах "а", "в", "г", "д", "е", "ж", "з", "л" подлежат немедленному аресту.

Мелких служащих созданных немцами учреждений и организаций (истопников, уборщиц, сторожей, рядовых канцелярских служащих) арестовывать лишь при наличии материалов о предательской работе с их стороны при немцах.

Остальных подлежащих учету лиц обеспечить агентурным наблюдением»[1].

Приказ НКВД СССР № 001683, дополненный указаниями от 18 февраля 1942 г., определил основные принципы репрессий на

[1] ОГБ. Т. 3. Кн. 1. С. 131–132.

освобожденных территориях. Аресту и впоследствии суду подвергались все сотрудники административных органов и созданных оккупантами вооруженных формирований; граждане, чье сотрудничество с оккупантами было незначительным, брались под наблюдение, однако не репрессировались.

Отчеты о деятельности органов НКВД на освобожденной территории подтверждают, что никаких массовых репрессий по отношению к жителям освобожденных районов не проводилось. Арестовывались только те, кто совершил измену Родине — и только в том случае, если эту измену можно было доказать.

Вот докладная начальника УНКВД по Москве и Московской области об итогах работы в Можайске от 28 февраля 1942 г.:

«Оперативной группой за период с 20 января по 20 февраля 1942 г. арестовано 258 чел., в том числе:

а) агентов немецкой разведки — 21 чел.;

б) провокаторов и предателей — 17 чел.;

в) работников полиции — 11 чел.;

г) сотрудников немецких административных органов (член городской управы, старосты и т. п.) — 91 чел.;

д) дезертиров — 8 чел.;

е) лиц, проводивших антисоветскую агитацию в период немецкой оккупации, — 13 чел.;

ж) прочего антисоветского и уголовного элемента — 97 чел.

... Среди явных пособников немецких властей, арестованных УНКВД МО, — семь руководящих работников городской управы, весь штат полиции во главе с ее начальником Троицким и группа служащих электростанции, выдавших немцам спрятанное оборудование и восстановивших электрохозяйство»[1].

Как видим, за месяц было арестовано чуть более двух с половиной сотен человек. На массовые репрессии, мягко говоря, не похоже — не говоря уж о том, что необоснованными аресты агентов немецкой разведки, полицаев и членов городской управы не сможет назвать даже самый пристрастный человек.

[1] Там же. С. 180, 182.

По данным на 1939 г. только в Можайске проживало около 12 тысяч чел.[1] За 1940–1941 гг. это число, вероятно, несколько выросло, за время войны — уменьшилось. Однако в любом случае арестованные составили что-то около 2–4 % от общего числа населения Можайска и окрестностей.

15 мая 1942 г. принципы репрессий против коллаборационистов были уточнены в приказе Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом». Документ гласил:

> «В ряде случаев лица, перешедшие на службу к немецко-фашистским захватчикам, выдававшие партизан, коммунистов и советский актив, проявившие жестокое обращение с населением временно захваченных районов, привлекались к ответственности не как изменники Родине, а по ст. 58-3 УК РСФСР[2].
>
> Наряду с этим имели место факты, когда привлекались к ответственности по ст. 58-1 "а" УК РСФСР лица хотя и занимавшие при оккупантах административные должности, но оказывавшие помощь партизанам, подпольщикам, саботировавшие требования немецких властей.
>
> В целях устранения недочетов приказываю:
>
> 1. Советских граждан, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам, а также выполнявших указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд немецкой армии, по восстановлению промышленных и коммунальных предприятий, равно другими действиями помогавших немецко-фашистским оккупантам;

[1] Города России: Энциклопедия. М., 1998. С. 261.

[2] Ст. 58-1а УК РСФСР предусматривала наказание за измену Родине (шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу). Измена Родине каралась высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества. Ст. 58-3 УК РСФСР предусматривала наказание за «сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады» и предусматривало разные степени наказания — от расстрела до лишения свободы на срок не менее трех лет.

шпионов, провокаторов; доносчиков, уличенных в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавших в разведке и боевых действиях против партизанских отрядов и частей Красной Армии; принимавших участие в работе карательных немецких органов — привлекать к ответственности по ст. 58-1 "а" УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

2. Не привлекать к уголовной ответственности:

а) советских граждан, занимавших административные должности при немцах, если в процессе расследования будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии, или саботировали требования немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества, или другими способами активно содействовали борьбе с немецко-фашистскими оккупантами;

б) рабочих и мелких служащих административных учреждений и лиц, занимавшихся своей профессией (врачи, агрономы, ветеринары и т. д.), если в результате тщательного расследования будет установлено, что в их действиях отсутствовали признаки, перечисленные в пункте 1 настоящего приказа.

3. <...> Не допускать огульного привлечения советских граждан по подозрению в способствовании врагу.

Добровольная явка с повинной при отсутствии тяжких последствий преступной деятельности обвиняемого должна рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство.

4. Дела об изменниках Родине направлять на рассмотрение военных трибуналов или Особого совещания при НКВД СССР»[1].

Приказ Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. вызывает двойственное впечатление. С одной стороны, этот приказ ужесточал наказание для определенных категорий сотрудничавших с врагом граждан. Так, например, если в указании НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. говорилось о необходимости ареста тех, кто участвовал в изъятии у населения скота и фуража для оккупантов, приказ прокурора давал

---

[1] Реабілітація репресованих. Законодавство і судова практика. Київ, 1997. С. 44–45. См. также: *Нікольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.): Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. С. 110; *Шайкан В. О.* Колабораціонізм на території рейхскомісаріату «Україна» і військової зони в роки Другої світової війни: Монографія. Кривий Ріг, 2005. С. 353–354.

простор для более расширительного толкования — в нем речь шла о наказании граждан, «выполнявших указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей». С другой стороны, приказ обращал внимание на недопустимость «огульного привлечения советских граждан по подозрению в способствовании врагу».

Точными данными о числе репрессированных коллаборационистов за 1942 г. мы, к сожалению, не обладаем. Однако это число невелико: за весь 1942 г. судебными органами, Особым совещанием и особыми отделами НКВД было осуждено около 160 тысяч чел., заметная часть из которых — за уголовные преступления[1].

Принципы репрессий против коллаборационистов, сформулированные зимой 1941–1942 гг., нельзя назвать несправедливыми. Однако уже в 1943 г. в советском руководстве подобный подход стали рассматривать как излишне жестокий.

К этому времени в Кремле успели досконально разобраться в том, что представляет собой коллаборационизм на оккупированных нацистами территориях. В 1941 г. измену Родине порою видели там, где ее и в помине не было[2]; в 1943 г. пришло понимание того, что в условиях жесточайшего оккупационного режима вступление в коллаборационистские формирования было зачастую лишь средством выживания как для советских военнопленных, так и для мирных жителей[3].

---

[1] Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ // Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. С. 352.

[2] Так, например, в знаменитом приказе Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. говорилось о «трусости» и «предательстве» генералов В. Я. Качалова, П. Г. Понеделина и Н. К. Кириллова, якобы добровольно сдавшихся противнику. Через некоторое время Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла всем троим заочные приговоры. Однако после войны выяснилось, что генерал В. Я. Качалов погиб в бою 4 августа 1941 г., а генералы П. Г. Понеделин и Н. К. Кириллов попали в плен не по доброй воле. Находясь в плену, Понеделин и Кириллов на сотрудничество с врагом не пошли. Таким образом, все три содержавшихся в приказе № 270 примера «предательства» высшего комсостава оказались неверными.

[3] Подробнее об установленном нацистами на оккупированной советской территории режиме геноцида и об условиях содержания советских военнопленных см.: *Дюков А. Р.* За что сражались советские люди. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2014. Нет сомнений, что, если бы в тех же условиях,

Понимание этого факта произошло во многом благодаря массовым переходам на советскую сторону военнослужащих сформированных немцами коллаборационистских формирований. Документы свидетельствуют, что набранные из военнопленных солдаты всевозможных национальных «легионов» бежали от немцев весьма активно. Вот, например, донесение политуправления Черноморской группы Закавказского фронта от 8 января 1943 г.

«В ночь на 9 декабря 1942 г. командир 3 роты грузинского легиона послал трех легионеров с письмом к командиру 383 сд с заявлением о переходе на сторону Красной армии. Он просил помочь перебежчикам во время перехода. Один легионер остался в штабе дивизии, а двое направились обратно с ответом начальника штаба 383 сд. 10 декабря Чичинадзе снова направил двух легионеров в штаб дивизии и прислал карту с обозначением места перехода. Легионеры намерены были перейти на сторону Красной армии 14 декабря. Они ставили себе задачу перебить немцев и открыть фронт для наступления нашего подразделения, но легионер Арбеладзе донес немецкому командованию о готовящемся переходе, поэтому Чичинадзе решил перейти с группой легионеров 11 декабря.

11 декабря в 5.00 после выпуска условных ракет легионеры начали переходить группами, и капитан Чичинадзе перевел группу в составе 22 легионеров, командир взвода Чхаидзе — 26 легионеров, остальные перешли линию фронта отдельными группами по 5–6 чел. Всего 11 декабря перешло 80 чел. с вооружением и снаряжением. Через день перешло еще два легионера, через два дня еще двое грузин. Последние рассказали, что после перехода группы легионеров "Грузинский легион" был немцами разоружен, снят с фронта и отведен в тыл в направлении Гунайка — Апшеронская...

Некоторые перебежчики объясняли свое согласие записаться в легион тем, что они были вынуждены к этому, что иначе им грозила смерть. Другие исходили из того, что немцы сильны, что они все равно займут Кавказ и что потому вступление в легион является для них единственной возможностью попасть в родной край. Некоторые из них полагали, что, сражаясь в рядах легионеров на стороне немцев, они, в случае

что и пленных военнослужащих РККА, содержали солдат британской и американской армий, нацистам без особого труда удалось бы создать английские и американские коллаборационистские формирования.

оккупации немцами территории Грузии, будут пользоваться определенными привилегиями. Ряд легионеров высказывали антиколхозные, мелкособственнические настроения, они ненавидят колхозы и думают только о возможности иметь свое индивидуальное хозяйство. Кроме того, многих в легионе удерживает осознание того, что немецкая армия имеет успехи...

Можно считать, что подавляющее большинство легионеров загнано в легионы силой»[1].

Случай с «Грузинским легионом» не был уникальным. В начале сорок третьего Военный совет Юго-Западного фронта указывал:

«В прошедших боях против наших частей немцы, ощущающие громадные недостатки в людских ресурсах, а также с целью сохранения своих собственных остатков, бросили в бой охранные отряды и отдельные формирования из бывших русских военнопленных, казаков и предателей. Изучение этого вопроса показывает, что эти формирования в большинстве случаев созданы немцами путем запугивания и обмана. Некоторая устойчивость, проявленная в боях отдельными отрядами, как стало известно из показаний пленных, объясняется угрозами со стороны немцев и боязнью быть расстрелянными нами при захвате в плен.

Привожу несколько фактов.

1. В районе деревни Поповка Богучарского района майор Татаренко заслал пленного обратно в отряд. Последний вскоре привел на нашу сторону 130 чел.

2. В деревне Верлюдовка подполковник Лобанов заслал пленного обратно, который привел с собой 63 чел.

3. В бою в районе Каменевич, Богучарово после проведенной разведки против действовавшего отряда казаков атамана Журавлева и засылки двух пехотинцев 8.2.1943 г. на нашу сторону перешли 12 вооруженных казаков, а через пару дней был пленен и весь отряд.

Учитывая это, приказываю:

1. Военному и политоргану внимательно изучить этот вопрос, следить за появлением отдельных отрядов и принимать меры к их разложению и пленению.

---

[1] *Безугольный А. Ю.* Народы Кавказа и Красная Армия, 1918–1945 годы. М., 2007. С. 386–387; [Архив Института военной истории. Ф. 8. Оп. 308. Д. 13. С. 268–273].

2. Активнее практиковать засылку пленных в эти отряды с целью разъяснения отношения к ним и организации перехода.

3. Отдельные отряды после проверки и изъятия из них организаторов и предателей испробовать в боях на наиболее трудных участках...»[1]

На оккупированной нацистами территории военнослужащие коллаборационистских формирований также уходили от немцев — в лес, к партизанам. В марте 1943 г. под Витебском на сторону партизан перешел 1-й батальон «Волго-татарского легиона» численностью 1200 чел.[2] Под Брянском в апреле рота добровольческого батальона «Припять» со всем вооружением ушла к партизанам; на следующий день немцы расстреляли оставшихся и разоружили полицию города Мглина[3].

Одним из первых выводы сделал начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. В распоряжении от 9 июля 1943 г., направленном командирам партизанских соединений, Пономаренко указывал:

«Установлено, что личный состав подразделений "власовцев" в своем большинстве прибывает из лагерей военнопленных. Политико-моральное состояние рядового состава неустойчивое, в части "власовцев" большинство завербовались из-за желания вырваться из голодных лагерей военнопленных. Учитывая это, гестапо насадило среди личного состава подразделений густую сеть своей агентуры, так, из опросов перебежчиков известно, что примерно на 10 чел. гестапо вербует одного агента.

В частях за проступок одного солдата несет ответственность все подразделение. Установлением круговой поруки немцы связывают людей и достигают установления известной дисциплины. Поэтому подпольные организации и партизанские отряды не должны недооценивать этого вопроса и обязаны шире развертывать работу по засылке своей агентуры для разложения создаваемых немцами частей и отрядов изнутри с целью перехода их с оружием в руках на сторону партизан. Имеется много примеров перехода на сторону партизан крупных подразделений "власовцев", в том числе и командного состава.

---

1 Русский архив: Великая Отечественная (далее – РАВО). М., 1997. Т. 15 (4). Кн. 3. С. 208–209; [ЦАМО. Ф. 232. Оп. 643. Д. 19. Л. 96–100].

2 ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 173.

3 «Огненная дуга»... С. 253–254; [ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 473. Л. 57, 62].

"Власовцы" — это не политическое течение, а мероприятие, целиком инспирированное гитлеровцами, имеющее цель вызывать гражданскую войну на оккупированной территории Советского Союза. Эту затею фашистских захватчиков и их агентуры население оккупированных районов встретило организованным отпором; скрываясь от проводимых мобилизаций, население массами уходит в леса, в партизанские отряды.

Однако создаваемые немцами различные "добровольческие" формирования, вводимые на оккупированную территорию, усложняют обстановку в тылу и создают серьезную опасность для партизанского движения.

Партизаны и партизанки, командиры, комиссары партизанских отрядов и бригад, секретари подпольных партийных комитетов, руководители партизанского движения должны видеть эту опасность и вести настойчиво и упорно работу по срыву замыслов немецких оккупантов — поставить местное население и военнопленных на службу гитлеровской военной машины»[1].

Постепенно корректировалась и репрессивная деятельность органов НКВД на освобожденной территории. В начале 1943 г. наступление советских войск под Сталинградом позволило освободить обширные территории Юга России. Солдаты наступавших частей Красной Армии своими глазами видели многочисленные свидетельства уничтожения нацистами военнопленных и мирных жителей; не удивительно, что они не испытывали добрых чувств к нацистским пособникам и расстреливали их при первой возможности. «В период наступления наших войск на Кубани особое внимание уделялось гражданам, сотрудничавшим с немецкой властью, — вспоминал впоследствии офицер Михаил Фролов. — При заходе в деревню я сразу же направлял разведгруппу по хатам, и они вылавливали всех полицаев и старосту. Задержанные без долгих разговоров ставились к стенке и расстреливались. Уловив суть происходящего, другие полицаи в период вступления в ст[ани]цу передовых армейских частей прятались в отдаленных местах и лишь после прихода НКВД с повинной возвращались в деревню»[2].

---

1 РАВО. Т. 20 (9). С. 298–299; [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15. Л. 5–12].

2 Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): Малоизвестные страницы: Сборник документов / Предисл. А. А. Черкасова. Сочи, 2003. С. 63.

Следует признать, что линию поведения кубанские коллаборационисты выбрали совершенно правильную. 26 января 1943 г. нарком внутренних дел СССР Л. Берия издал директиву № 33 «Об организации агентурно-оперативной работы в городах и районах, освобожденных частями Красной Армии от войск противника». Директива предписывала органам НКВД при репрессиях против коллаборационистов руководствоваться уже упоминавшимся указанием № 64 от 18 февраля 1942 г.[1]

Будучи поставлены в жесткие рамки, сотрудники НКВД, в отличие от фронтовиков, нацистских пособников не расстреливали на месте; в худшем случае их ждали арест и суд. Да и число арестов, как свидетельствуют документы, было сравнительно невелико. В табл. 35 представлены данные НКВД СССР о результатах очистки освобожденных районов Юга России по состоянию на 18 марта 1943 г.

Как видим, общее число арестованных в областях с населением в несколько миллионов человек составило около 30 тысяч чел.; назвать эти репрессии массовыми просто не поворачивается язык.

Более того, начала проявляться разница между нормами приказа НКВД СССР № 001683, которым должны были руководствоваться чекисты в освобожденных районах, и действующей практикой. Порою дело доходило до того, что мелких коллаборационистов вместо того, чтобы арестовать и судить, направляли в части Красной Армии (разумеется, в штрафные подразделения)[2].

Новый подход к репрессиям против коллаборационистов нашел свое отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., предусматривавшем ужесточение наказания для нацистов и местных коллаборационистов за участие в убийствах и истязаниях советских военнопленных и гражданского населения. В указе проводилось различие между изменниками Родины и пособниками врага. Уличенных в преступлениях против мирного населения и военнопленных изменников Родины так же, как и преступников-нацистов, ждала смертная казнь через повешение. Пособников врага, уличенных в оказании содействия в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными

---

1 ОГБ. Т. 4. Кн. 1. Л. 105.

2 См., напр.: Коллаборационизм на территории Краснодарского края... С. 63.

красноармейцами, ждала ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет[1].

Таблица 35. Результаты очистки освобожденных районов по состоянию на 18 марта 1943 г.[2]

	Агентов германской разведки и подозрительных по шпионажу	**Немецких пособников**	**Дезертиров и бандитского элемента**	**Прочего антисоветского элемента**	**Всего**
Сталинградская область	479	1423	78	470	2450
Воронежская область	218	2861	319	528	3926
Ростовская область	221	1807	121	655	2804
Ставропольский край	312	4652	252	—	5216
Краснодарский край	309	3011	1480	1200	6000
Украинская ССР	94	1591	21	64	1770
Орловская область	227	1449	2037	1131	4844
Калмыцкая АССР	28	243	16	25	312
Кабардино-Балкарская АССР	10	538	524	507	1579
Северо-Осетинская АССР	100	506	298	38	942
Итого:	1998	18 081	5146	4618	29 843

---

[1] ОГБ. Т 4. Кн. 1. С. 401–402.

[2] Составлено по: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946: Документы. М., 2006. С. 361–374 (со ссылкой на АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 207. Л. 159–175); ОГБ. Т. 4. Кн. 1. С. 295–307 (со ссылкой на ЦА ФСБ). См. также: *Кудряшов С.* «Следствие продолжается» // Родина. 2008. № 12. С. 72–77.

Ужесточив наказание для тех, кто был непосредственно замешан в уничтожении мирного населения и военнопленных, советское руководство одновременно начало смягчать наказание для тех коллаборационистов, кто в подобных преступлениях замешан не был. Доступные к настоящему времени документы свидетельствуют, что в течение 1943 г. репрессии против коллаборационистов принимали все более дифференцированный характер.

Управление контрразведки «Смерш» Брянского фронта за период с 10 июля по 1 августа 1943 г. арестовало 555 чел., в том числе 153 старосты, 111 полицейских и урядников, 19 переводчиков, 18 солдат «РОА» и 226 «прочих ставленников и пособников немцев»[1].

УКР «Смерш» Центрального фронта репрессировало еще меньше коллаборационистов. Вот докладная начальника УКР Центрального фронта от 15 августа 1943 г.:

> «На территории, освобожденной от немцев, было задержано и подвергнуто проверке 1850 чел... В результате проведенных чекистских мероприятий отделами "Смерш" из числа задержанных разоблачено и подвергнуто аресту к-р шпионского элемента — 131 чел... которые по категориям распределяются:
>
> шпионов — 12 чел.
> диверсантов — 4 чел.
> власовцев — 1 чел.
> старост — 37 чел.
> полицейских — 62 чел.
> переводчиков — 2 чел.
> предателей, служивших в немецкой армии — 13 чел.
> Всего: 131 чел.
>
> После фильтрации всех задержанных 878 чел. через командование призваны для прохождения службы в Красную Армию»[2].

В приведенной выше докладной приводятся цифры арестованных примерно за полмесяца. А вот данные того же УКР «Смерш» Центрального фронта за весь август 1943 г.: «Из числа задержанных

[1] Там же. Кн. 2. С. 183.

[2] «Огненная дуга». С. 140; [ЦА ФСБ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20. Л. 161–163 об]. См. также: ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 247–248.

и профильтрованных лиц в августе месяце арестовано органами "Смерш" 165 изменников Родины, предателей и пособников. Кроме того, передано: органам НКГБ и НКВД — 561 чел. и военной прокуратуре — 69 чел.»[1].

Несмотря на то, что Красная Армия освобождала все новые и новые территории, число арестованных коллаборационистов росло явно непропорционально. Если на 18 марта 1943 г. на освобожденных территориях было арестовано около 20 тысяч немецких пособников, то к концу года таковых оказалось лишь 75 тысяч[2]. А ведь освобождены были огромные территории с несколькими десятками миллионов населения.

Изменение подхода к репрессиям против коллаборационистов было де-юре зафиксировано в сентябре 1943 г., когда в Кремле приняли решение, которое нам сегодняшним может показаться невероятным. С учетом вынужденности поступления на немецкую службу рядовым коллаборационистам было фактически даровано прощение. Сделано это было совместной директивой НКВД и НКГБ СССР № 494/94 от 11 сентября 1943 г.

«В дополнение к данным ранее указаниям о порядке производства арестов в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, полицейских, сельских старост и других ставленников и пособников оккупантов предлагается руководствоваться следующим:

1. Из лиц, состоявших на службе в полиции, а также в "Народной страже", "Народной милиции", "Русской Освободительной Армии", "Национальных легионах" и других подобных организациях, созданных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории — впредь арестовывать:

а) руководящий и командный состав органов полиции и всех перечисленных организаций.

Лица, оказывавшие помощь партизанам, военнослужащим Красной Армии, находившиеся в плену или в окружении противника, или помо-

---

[1] «Огненная дуга». С. 179; [ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 13. Л. 169–181]. Учтем, что «передано» — не значит «арестовано»; как видно из предыдущего документа, большинство задержанных успешно проходили проверку.

[2] Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». С. 361–374; Статистические сведения... С. 356.

гавшие населению в саботаже мероприятий оккупационных властей — аресту не подлежат;

б) рядовых полицейских и рядовых участников перечисленных выше организаций, принимавших участие в карательных экспедициях против партизан и советских патриотов или проявлявших активность при выполнении возложенных на них оккупантами обязанностей;

в) бывших военнослужащих Красной Армии, перебежавших на сторону противника или добровольно сдавшихся в плен, изменивших Родине, а затем поступивших на службу в полицию, "Народную стражу", "Народную милицию", "РОА", "Национальные легионы" и другие подобные организации, созданные немецко-фашистскими захватчиками;

г) бургомистры и другие крупные чиновники созданного немцами административно-хозяйственного аппарата в городах, а также гласные и негласные сотрудники гестапо и других карательных и разведывательных органов противника подлежат аресту в ранее установленном порядке.

2. Из сельских старост аресту подлежат те, в отношении которых будут установлены факты активного пособничества оккупантам: связь с карательными или разведывательными органами противника, выдача оккупантам советских патриотов, притеснение населения поборами и т. п.

3. Лиц призывного возраста, работавших при немцах в качестве сельских старост, рядовых полицейских, а также являвшихся рядовыми участниками "Народной стражи", "Народной милиции", "РОА", "Национальных легионов" и других подобных организаций, в том числе бывших военнослужащих Красной Армии, если в отношении их отсутствуют данные об изменнической и предательской работе, направлять в специальные лагеря НКВД для фильтрации в порядке, установленном для лиц, вышедших из окружения и находившихся в плену у немцев.

Лиц непризывного возраста этих же категорий немецко-фашистских пособников, не подлежащих аресту в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей директивы, органами НКГБ брать на учет и под наблюдение»[1].

Как видим, согласно директиве № 494/94 аресту органами НКВД-НКГБ подлежали далеко не все коллаборационисты. Арестовывались офицеры коллаборационистских формирований, те из рядовых, кто участвовал в карательных операциях против мирного населения,

[1] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 734. Л. 53–54.

перебежчики из Красной Армии, бургомистры, крупные чиновники, агенты гестапо и абвера, а также те из сельских старост, кто сотрудничал с немецкой контрразведкой.

Всех прочих коллаборационистов призывного возраста направляли в проверочно-фильтрационные лагеря, где проверяли на тех же условиях, что и вышедших из окружения бойцов Красной Армии и военнопленных. Исследования современных российских историков свидетельствуют, что подавляющее большинство направленных в проверочно-фильтрационные лагеря благополучно проходили проверку и впоследствии направлялись в армию или на работу в промышленность[1]. Коллаборационисты же непризывного возраста, согласно директиве от 11 сентября 1943 г., освобождались — хоть и оставаясь под наблюдением органов НКГБ.

Решение, принятое Кремлем по коллаборационистам, сегодня может показаться невероятным. Рядовые коллаборационисты, коль скоро они не были замешаны в преступлениях против мирных жителей, по своему статусу оказывались приравненными к вышедшим из окружения или освобожденным из плена красноармейцам! Однако парадоксальным это решение кажется лишь на первый взгляд. В Кремле хорошо знали, что в условиях нацистского оккупационного режима вступление в коллаборационистские формирования было зачастую лишь средством выживания как для советских военнопленных, так и для местных жителей. И именно с учетом этой **вынужденности** поступления на службу оккупантам рядовым коллаборационистам было фактически даровано прощение.

Однако одновременно с применением строго дифференцированного подхода к коллаборационистам, осуждавшимся в индивидуальным порядке, советская власть осенью 1943 г. приступила к подготовке и проведению так называемых депортаций «возмездия» против целых народов. В ноябре 1943 г. была проведена депортация в отдаленные районы страны карачаевцев, в декабре 1943 — начале

---

[1] *Кокурин А., Петров Н.* НКВД-НКГБ-«Смерш»: Структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 9. С. 98; *Меженько А. В.* Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 32; *Пыхалов И. В.* Великая Оболганная война. М., 2006. С. 350–360, 363–370.

1944 г. — калмыков, в феврале–марте 1944 г. — чеченцев, ингушей и балкарцев, мае 1944 г. — крымских татар.

Механизм проведения и последствия этих депортаций достаточно хорошо изучены российскими историками[1], однако мотивы, которыми руководствовались в Кремле при принятии решений о проведении этих акций, до сих пор остаются невыясненными. Исследователи, как правило, отдают дань излишне романтическим версиям. Одни считают, что депортации были ничем не обоснованным произволом. «По всем признакам, И. В. Сталина и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли, — пишет, например, В. Н. Земсков. — Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс»[2]. Излишне говорить, что никаких доказательств этому странному тезису В. Н. Земсков не приводит. Не поясняет он и причины, по которым в разгар тяжелейшей войны советское руководство якобы озаботилось ассимиляцией малых народов.

Не менее романтичные (только с обратным знаком) объяснения мотивов депортаций народов мы встречаем у просоветски настроенных историков, считающих, что депортации были наказанием за реальные преступления, совершенные национальными меньшинствами во время войны. «Депортация была наказанием народа на солидарной основе (на принципе круговой поруки) за вину части мужчин, — считает С. Г. Кара-Мурза. — Этот тип наказания, тяжелый для всех, был спасением от гибели для большой части мужчин, а значит, для этноса. Если бы чеченцев судили индивидуально по законам военного времени, это обернулось бы этноцидом — утрата такой значительной части молодых мужчин подорвала бы демографический потенциал народа»[3].

---

1 См., напр.: Сталинские депортации, 1928–1953: Сборник документов. М., 2005; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005, и др.

2 *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 107.

3 *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. М., 2002. Кн. 1.

На наш взгляд, принимая решение о депортации, Сталин и его окружение руководствовались гораздо более прагматичными соображениями. Депортации в отдаленные районы страны подвергались этнические общности, значимая часть представителей которых либо сотрудничала с противником, либо уклонялась от призыва в Красную Армию[1]. Однако решение о депортации народа принималось не только на основе данных о масштабном сотрудничестве с врагом, повстанчестве и дезертирстве. Еще одним непременным условием принятия решения о депортации было общественное развитие народа. И карачаевцы, и калмыки, и чеченцы, и ингуши, и кабардинцы, и крымские татары к тому времени представляли собой традиционные общества с сильными родоплеменными связями. Это делало крайне трудным индивидуальное выявление и наказание коллаборационистов, повстанцев и дезертиров, которые всегда могли рассчитывать на помощь от своих родственников.

Иными словами, решение о депортации народа в Кремле принимали тогда, когда, во-первых, были уверены (обоснованно или необоснованно) в наличии среди представителей этого народа значительного числа коллаборационистов, повстанцев и дезертиров, и, во-вторых, когда из-за традиционной структуры общества не имели возможности покарать преступников в индивидуальном порядке. Кремль не ставил перед собой ни задачи уничтожить какой-либо этнос, ни задачи сохранить его от уничтожения. Все было гораздо проще и прагматичнее: в условиях войны Кремль вполне обоснованно считал необходимым наказание коллаборационистов и повстанцев. В случае, если наказание в индивидуальном порядке оказывалось невозможным, в ход шло коллективное наказание народа — депортация.

Тот факт, что начало подготовки депортаций «возмездия» по времени совпадает с выходом директивы № 494/94, подтверждает наше предположение. В Кремле одновременно определили порядок индивидуального наказания для коллаборационистов и приступили

---

[1] О том, что это было не голословным обвинением, свидетельствуют современные исследования — к сожалению, достаточно малочисленные. См., напр.: *Мальгин А. В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос», 1941–1944. Симферополь, 2008.

к подготовке депортации тех, кого в индивидуальном порядке наказать не могли.

Тем временем практический результат директивы № 494/94 не заставил себя долго ждать: переход военнослужащих коллаборационистских формирований на советскую сторону еще более активизировался.

Представление о масштабах этого явления позволяет сформировать отчет Ленинградского штаба партизанского движения:

> «В сентябре 1943 г. агентурные работники и разведчики разложили более 10 вражеских гарнизонов, обеспечили переход к партизанам до 1000 чел., кроме того, в сентябре гестапо арестовало 300 чел., которых разложили наши агенты. В октябре агентурными работниками и разведчиками разложены гарнизоны в деревнях Полозово, Уза, Ашево, Самуйлиха общей численностью — до 700 чел. Доставили в расположение партизанских бригад разложенных лиц в г. Порхов — более 600 военнопленных из солдат РОА.
>
> Разведчики и агентурные работники 1-й партизанской бригады в ноябре 1943 г. разложили 6 вражеских гарнизонов в населенных пунктах Баторы, Локоть, Терентино, Полово и направили из них в партизанскую бригаду более 800 чел.»[1].

Хочется обратить внимание, что в данном отчете речь идет только о переходах коллаборационистов на сторону партизан Ленинградской области. А ведь переходили коллаборационисты и к белорусским партизанам, и к украинским. Так, например, в августе 1943 г. под Полоцком на сторону партизан перешла 1-я Русская национальная бригада СС под командованием подполковника Гиль-Родионова: 2800 солдат, 15 орудий, 20 минометов, 280 пулеметов. Коллаборационисты ушли в лес после того, как немецкое командование приказало сжечь крупное село и уничтожить все его население от мала до велика. Бригада Родионова получила название 1-й Антифашистской партизанской бригады и вскоре отличилась в боях против карателей[2].

---

[1] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 356; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 984. Л. 59–64.

[2] ОГБ. Т. 4. Кн. 2. С. 255; Латвия под игом нацизма. С. 230; *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. С. 240–241; Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Краткие

Нацистам пришлось признать серьезность сложившегося положения. В приказе ОКВ от 27 сентября 1943 г. говорилось:

> «Случаи бегства, группового перехода на сторону противника, предательских нападений на свои оперативные пункты, выступления против начальников и т. д., происходящие в национальных восточных соединениях среди добровольцев, заставляют принимать строгие и неотложно действенные меры для подавления подобных явлений и наведения порядка в подразделениях, где они возникают.
>
> Случаи открытого возмущения любого вида немедленно подавлять оружием и в корне пресекать... Части, в которых обнаруживается разложение и ненадежность, необходимо немедленно и безжалостно расформировывать, а личный состав направлять либо в штрафные лагеря для тяжелой работы, либо на работы в Германию, либо зачислять в другие надежные подразделения»[1].

Приказ, впрочем, не возымел особого действия. Военнослужащие коллаборационистских формирований продолжали перебегать на советскую сторону во все возрастающих масштабах — благо о победе нацистской Германии к концу 1943 г. не приходилось даже мечтать.

Перебегали коллаборационисты на советскую сторону не зря; благодаря последовательному применению директивы № 494/94 им удавалось избежать наказания за сотрудничество с врагом. Документы свидетельствуют, что в 1944 г. размах репрессий, проводившихся органами госбезопасности, существенно снизился. В предыдущем, 1943 г., в целом по СССР было арестовано около 140 тысяч чел. (в том числе 75 тысяч за сотрудничество с оккупантами), а осуждено без малого 100 тысяч. В 1944 г. в целом по СССР органами НГКБ было арестовано чуть более 100 тысяч чел., 82,5 тысячи из которых было осуждено[2]. Несмотря на то что точное число репрессированных в 1944 г. коллаборационистов остается неизвестным, мы с полным основанием можем утверждать, что число это было ниже, чем в 1943 г.

сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 477.

[1] «Огненная дуга». С. 377–378; [ЦА ФСБ. Ф. 14. Оп. 5. Д. 389. Л. 355–356].

[2] Статистические сведения... С. 353–362.

После Победы советское руководство столкнулось с новым аспектом проблемы коллаборационистов. На территории бывшего рейха находились миллионы советских граждан. Большинство из них были вывезены из СССР насильно: остарбайтеры, заключенные концлагерей, военнопленные. Но были и те, кто ушел с немецкими войсками добровольно, опасаясь возмездия за сотрудничество с врагом. Были и те, кто служил в созданных нацистами «национальных легионах», дивизиях ваффен-СС и «Русской освободительной армии». Возникал вопрос: что с ними делать?

Решение было принято достаточно простое. Задержанные коллаборационисты направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря, где проверялись на предмет совершения военных преступлений. Документы свидетельствуют, что подавляющее большинство коллаборационистов эту проверку проходили успешно. Вот, например, результаты проверки лиц, состоявших на службе немцев, в Шахтинском проверочно-фильтрационном лагере (ПФЛ) за период с 1 января по 1 августа 1945 г. (см. табл. 36).

Таблица 36. Результаты проверки лиц, состоявших на службе немцев, в Шахтинском ПФЛ за период с 01.01 по 01.08.1945[1]

	Прошло проверку	В том числе благополучно	%
Старост	93	86	92,5
Полицейских	466	430	92,3
Власовцев	7	5	71,4
Легионеров	286	284	99,3
Служивших в немецкой и других армиях противника	1184	963	81,3
Прочих служивших в карательных и административных армиях противника	293	282	96,2
Итого 2-й группы	2329	2050	88,0

За следующие пять месяцев результаты проверки в Шахтинском ПФЛ еще более потрясающи (см. табл. 37).

[1] *Пыхалов И.* Великая оболганная война. С. 367; ГАРФ. Ф. Р-9408с. Оп. 1с. Д. 18. Л. 2-2 об.

Таблица 37. Результаты проверки лиц, состоявших на службе немцев, в Шахтинском ПФЛ за период с 01.08.1945 по 01.01.1946[1]

	Прошло проверку	В том числе благополучно	%
Старост	21	20	95,2
Полицейских	111	108	97,3
Власовцев	1	1	100,0
Легионеров	3	3	100,0
Служивших в немецкой и других армиях противника	574	571	99,5
Прочих служивших в карательных и административных армиях противника	230	292	99,6
Итого 2-й группы	940	932	99,1

Окончательно судьба репатриантов-коллаборационистов была определена постановлениями ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета министров СССР от 29 марта 1946 г. Согласно этим постановлениям из проверочно-фильтрационных лагерей эти люди были направлены на шестилетнее спецпоселение[2]. Иначе как гуманным это решение назвать нельзя. «Всем вам, сволочам, как изменникам Родины, полагалось одно и только одно наказание — расстрел с конфискацией имущества, — разъясняли репатриированным коллаборационистам. — Однако в связи с победой над врагом Родина-мать проявляет к вам, гадам, большое снисхождение и, освобождая от “высшей меры”, ограничивается переводом на спецпоселение сроком на шесть лет»[3]. Как и в случае с депортациями народов 1943–1944 гг., советское руководство в данном случае отказалось от принципов индивидуального наказания, предпочтя более мягкое коллективное наказание.

[1] ГАРФ. Ф. Р-9408с. Оп. 1с. Д. 18. Л. 2-2 об.

[2] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 131–132.

[3] *Полян П. М.* Депортация советских граждан в Третий рейх и их репатриация в Советский Союз // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. М., 1999. Вып. 4. С. 396–397; *Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба, 1944–1956 // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 6–7.

Всего в 1945 г. органами госбезопасности за предательство и пособничество немецким оккупантам было арестовано 50 708 чел. — еще меньше, чем в 1944 г.[1] Число направленных на спецпоселение коллаборационистов остается неизвестным, однако в марте 1949 г. на спецпоселении было учтено 112 882 спецпоселенца категории «власовцы» (без бежавших и арестованных к тому времени)[2]. Чтобы избежать недопонимания, следует отметить, что в категорию «власовцы» записывались все сотрудничавшие с врагом, а не только военнослужащие РОА. Более того, в число спецпоселенцев-«власовцев» было записано около 7–8 тысяч побывавших в немецком плену офицеров Красной Армии. Офицеры коллаборационистских формирований на спецпоселение не направлялись; их арестовывали и судили как преступников[3].

Глава 2. Репрессии против коллаборационистов на территории Прибалтики

Коллаборационизм в прибалтийских республиках имел свою специфику, отличавшую его от коллаборационизма на территории России, Украины и Белоруссии. В Прибалтике процент коллаборационистов к общей численности населения был значительно более высок; сформированные из прибалтов подразделения вспомогательной полиции отметились в масштабных карательных операциях против мирного населения России и Белоруссии, охраняли концлагеря от Ленинградской области на севере до Сталинградской на юге, участвовали в боях против Красной Армии на фронте[4].

---

1 Статистические сведения... С. 366.

2 *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 134.

3 Там же. С. 133–134.

4 О преступлениях прибалтийских коллаборационистов см.: Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов. М., 2006; Трагедия Литвы: Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006; Эстония. Кровавый след нацизма, 1941–1944: Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.,

Только в Эстонии нацистами было сформировано 26 батальонов «вспомогательной полиции», 6 полков пограничной стражи, 20-я дивизия войск СС[1]. По данным эстонского историка Марта Лаара, в общей сложности к середине 1944 г. «общее количество эстонцев в рядах Германской Армии составило около 70 000 чел.»[2]. Кроме того, десятки тысяч эстонцев являлись членами так называемых отрядов «самообороны» — «Омакайтсе»[3]. Члены «Омакайтсе» участвовали в облавах на оказавшихся в окружении советских военнослужащих и партизан, арестовывали и передавали немецким властям «подозрительных лиц», несли охрану концлагерей, участвовали в массовых расстрелах евреев и коммунистов.

В Латвии оккупантами были сформированы не менее 41 батальона «вспомогательной полиции», шесть полков пограничной стражи, 15-я и 19-я дивизии войск СС[4]. Всего, по данным латвийских историков, в годы немецкой оккупации в различные военные формирования было мобилизовано около 110 тысяч граждан республики; 52 тысячи из них служили в 15-й и 19-й латышских дивизиях войск СС[5].

Из жителей Литвы нацистами было сформировано 25 батальонов «вспомогательной полиции», несколько полицейских и «добровольческих пехотных» полков. Однако создать литовское национальное формирование войск СС по образцу эстонской или латышских дивизий оккупантам не удалось[6].

2006; Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Эстония), 1941–1944: Документы и свидетельства. Таллинн, 2006.

[1] *Дробязко С. И.* Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. М., 2004. С. 242, 244, 273.

[2] *Лаар М.* Эстония во Второй мировой войне. Таллинн, 2005. С. 30.

[3] По состоянию на 1 января 1943 г. численность формирований «Омакайтсе» составляла 43 053 человека (НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): Сборник документов. М., 2008. С. 98; ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 88–118). Всего через формирования «Омакайтсе» прошло не менее 90 тысяч эстонцев (НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 202–203; ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 10–20).

[4] *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. С. 245–246.

[5] История Латвии. XX век. С. 277.

[6] *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. С. 247–251, 279.

Всего же, по подсчетам российского историка С. И. Дробязко, в составе вермахта, ваффен-СС, в полиции и военизированных формированиях служило до 300 тысяч прибалтов (6,3 % от общего числа проживавших в Прибалтике эстонцев, латышей и литовцев). Для сравнения: численность коллаборационистов-славян оценивается историками в 700 тысяч чел., что составляет примерно 1,25 % от общего числа проживавших на оккупированных территориях СССР русских, украинцев и белорусов[1].

Прибалтийский коллаборационизм отличался не только массовым характером, но и своей мотивацией. Для жителей России, Украины и Белоруссии сотрудничество с оккупантами было одним из способов выживания в условиях реализуемой нацистами политики геноцида. На территории Прибалтики нацистская политика была существенно более мягкой, и о вынужденности сотрудничества прибалтийских коллаборационистов с нацистами говорить не приходится. Так, например, батальоны «вспомогательной полиции» в Прибалтике формировались не из военнопленных, вынужденных выбирать между нацистской формой и голодной смертью, а из добровольцев.

Несмотря на эту специфику, юридически прибалтийские пособники нацистов попадали под действие директивы НКВД и НКГБ СССР № 494/94, согласно которой не совершившие преступлений рядовые коллаборационистских формирований репрессиям не подвергались. Подобная политика вместе с наглядными успехами Красной Армии способствовала частичному разложению прибалтийских коллаборационистских формирований.

В 1944 г. переход военнослужащих прибалтийских формирований на советскую сторону принял заметный характер. Конечно, карателям, залившим кровью всю оккупированную территорию, рассчитывать на пощаду не приходилось; однако мобилизованные в 1943–1944 гг. прибалты отдавать свои жизни за германский рейх не желали.

«Эстонский глава правительства, генерал Данкерс, выразил полную поддержку в борьбе за свободу своей родины. Правда, он не мог

---

[1] Рассчитано по: *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Там же. С. 339; Население России в XX веке. Т. 2. С. 10, 15; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 90–111.

воспрепятствовать тому, что все больше эстонских солдат, в том числе целые подразделения полиции, стали перебегать к противнику», — иронизировал впоследствии летописец группы армий «Север» Вернер Хаупт[1]. По его данным, только за один месяц из 4-го и 6-го эстонских пограничных полков на советскую сторону перешло 6 офицеров и 923 рядовых[2].

Не лучше обстояло дело и в Латвии. Здесь командование группы армий «Север» вместе с абвером задумало создать специальное подразделение для масштабных диверсионных действий в советском тылу. Командовать подразделением назначили латвийского генерала Курейльса, имевшего с абвером давние и прочные связи. Однако уже вскоре после своего создания подразделение расформировали. Причина оказалась тривиальной: среди изъявивших желание сражаться в советском тылу добровольцев большинство хотело лишь как можно быстрее оказаться на «той стороне». Немцы арестовали 595 офицеров и солдат, а генерала Курейльса отослали в рейх[3].

Как видим, применение директивы № 494/94 к прибалтийским коллаборационистам имело определенный эффект. Однако в преддверии освобождения Прибалтики руководство НКГБ СССР сочло необходимым уточнить механизм репрессий против прибалтийских коллаборационистов. Это было сделано в директиве об организации агентурно-оперативной работы на освобожденной территории прибалтийских республик, подписанной наркомом госбезопасности СССР Меркуловым 3 марта 1944 г.

> «В целях правильной организации оперативно-чекистской работы при очистке освобождаемой территории Прибалтийских советских республик от вражеских агентов, ставленников и пособников немецко-фашистских захватчиков предлагаем руководствоваться следующим:
>
> 1. Немедленному аресту подлежат:
>
> 1) личный состав и агентура действовавших в Прибалтике разведывательных и контрразведывательных органов немцев: "Абверштелле-Остланд" в Риге, "Абвернебенштелле" — Тал-

[1] *Хаупт В.* Группа армий «Север»: Бои за Ленинград, 1941–1944 / Пер. с англ. Е. Н. Захарова. М., 2005. С. 267.

[2] Там же. С. 255.

[3] Там же. С. 343.

лин, так называемое "Бюро Целлариуса", морской и воздушной разведок (реферат "Марине" и "Люфт"); разведывательных и диверсионных школ в Лейтсе, Кейла-Юа, Мыза-Кумна, Вихула и др.;

2) командный, руководящий и оперативный состав созданных немцами полицейских батальонов, "полиции самоуправления" и полицейских школ;
3) руководящий состав тюрем, концентрационных лагерей, лагерей для советских военнопленных и лица, выполнявшие в них полицейские функции;
4) военные коменданты уездов, волостей и сельских общин;
5) прокуроры, следователи и члены военных судов, верховного трибунала, апелляционных палат, окружных судов;
6) руководящий состав рейхскомиссариата и созданных немцами органов центрального самоуправления: директора департаментов, основные референты и члены "Совета сельского хозяйства";
7) руководители областных, окружных, уездных дум и управ, уполномоченные советников центрального самоуправления;
8) волостные, общинные начальники бургомистры, активно содействовавшие немецким властям;
9) руководители крупных хозяйственных и административных организаций, созданных немцами ("Ост-Банк", "Хозяйственная камера", "Викадо" и т. п.);
10) руководители центрального аппарата созданных немцами профсоюзов и бирж труда;
11) члены уездных (и выше) комитетов созданных немцами различных организаций по оказанию содействия оккупационным властям: "Союз взаимной помощи", "Союз трезвенников", "Спортивный совет физкультуры", "Союз юных крестьян", члены комитетов по оказанию помощи "солдатам, находящимся на восточном фронте, и семьям сосланных в Сибирь";
12) редакторы газет, журналов и авторы антисоветских статей, опубликованных в печатных органах оккупационных властей;
13) организаторы, экскурсоводы и "активисты-агитаторы" различных антисоветских передвижных выставок и стендов;
14) руководящий состав и активные участники антисоветских националистических организаций: "Железный волк", "Вольдемаросовцы", "Вабс", "Тевияс-Сарге", "Перконкруст", "Шаулю-

Саюнга", "Кайтселиит", "Айзсарги", отряды "самоохраны", "Единый фронт активистов", "Литовская национал-социалистическая партия", "Гитлер-Югенд", "Омакайтсе", "Таутининки", "Измаалит", "Крестьянский союз", "Партия центра", "Ляудининки", "Нео-Литуания", "Литува" и др.;

15) участники банд, организованных немцами в первые дни войны, проводившие боевые действия в тылу Красной Армии ("Зеленые братья", "Батальон Эрна II", "Лесные братья" и др.);

16) члены немецких националистических организаций ("Культурфербанд", "Маншафт", "Крафт-дурх-фрейде" и др.), а также немцы, записавшиеся в период репатриации на выезд в Германию, но впоследствии отказавшиеся выехать;

17) руководящий и административный аппарат созданных немцами еврейских гетто;

18) командный состав "Русской освободительной армии" (РОА), "Русских отрядов СС" и других формирований, созданных немцами из числа военнопленных;

19) офицеры (от командира взвода и выше) созданных немцами национальных прибалтийских частей, предназначенных для борьбы с Красной Армией.

2. Арест представителей католической, лютеранской, православной церквей, сектантских и других религиозных организаций производить только при наличии проверенных данных об их активном сотрудничестве с немецкими разведывательными и контрразведывательными органами.

Аресты церковных и сектантских руководителей, имеющих большой авторитет среди верующего населения (епископы, видные ксендзы и священники), производить только с санкции НКГБ СССР.

3. Рядовых участников антисоветских организаций, групп и других формирований взять на оперативный учет и обеспечить агентурным наблюдением. Арест их производить в общем порядке при наличии конкретных данных об их антисоветской активности»[1].

Как видим, директива НКГБ СССР от 3 марта 1944 г. не изменяла положений директивы № 494/94. Она лишь конкретизировала их применительно к ситуации, сложившейся в прибалтийских республиках. Однако когда после освобождения Прибалтики органы НКВД-НКГБ

[1] ОГБ. Т. 5. Кн. 1. С. 220–223.

приступили к репрессиям против коллаборационистов, стало ясно, что работа им предстоит весьма масштабная. Возникли даже сомнения: следует ли в Прибалтике придерживаться директивы № 494/94 и не подвергать репрессиям рядовых коллаборационистов, не замешанных в преступлениях против мирных жителей и военнопленных. 5 октября 1944 г. начальник Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта генерал-лейтенант Быстров отправил в Москву докладную записку, в которой предлагал провести массовые репрессии против членов эстонской организации «Омакайтсе»:

> «1941 год и последующее время со всей очевидностью показали исключительную враждебность организации "Омакайтсе" советскому строю. Наличие большого количества скрывающегося и в настоящее время актива этой организации на территории Эстонии, который лишь в силу сложившейся неблагоприятной для него обстановки временно прекратил свою организованную деятельность, но не отказался от нее и при наличии малейшей возможности, несомненно, явится реальной силой для вооруженных выпадов против Красной Армии и Советской власти.
>
> На основании изложенного полагал бы необходимым проведение органами НКГБ и НКВД массового изъятия членов организации "Омакайтсе" путем ареста активной ее части и административной высылки остальных за пределы Эстонской ССР»[1].

Общая численность членов «Омакайтсе» составляла не менее 90 тыс. чел., причем если в 1941–1943 гг. в формирования «Омакайтсе» входили только добровольцы, то с февраля 1944 г. в эти формирования мобилизовывались все мужчины от 17 до 60 лет[2]. Таким образом, начальник контрразведки Ленинградского фронта фактически предлагал выслать за пределы Эстонии значительную часть мужского населения республики. Подобная акция, по всей видимости, стала бы началом подготовки массовой депортации по образцу депортаций «возмездия» 1943–1944 гг.

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 4. Л. 89–90; Эстония. Кровавый след нацизма. С. 250; НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 131; ОГБ. Т. 5. Кн. 2. С. 416.

[2] НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 202–203; ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 10–20.

Однако в Кремле с подобным предложением не согласились и репрессии против коллаборационистов на территории Прибалтики осуществлялись исключительно в индивидуальном порядке — в полном соответствии с директивой № 494/94. Репрессиям подвергались преимущественно офицеры, руководящие работники гражданской администрации и те из коллаборационистов, чье участие в преступлениях против мирных граждан было доказано. Последних, впрочем, было достаточно много.

О масштабах репрессий против коллаборационистов в Эстонии можно судить по направленному в Государственный комитет обороны сообщению наркома госбезопасности СССР В. Меркулова от 14 ноября 1944 г.

> «За период работы на освобожденной территории Эстонии до 6-го ноября т. г. органами НКГБ было арестовано всего 696 чел.
>
> В результате пересмотра имеющихся разработок, усиления агентурной работы и следствия дополнительно за период с 6 по 14 ноября т. г. Нами арестовано, по неполным данным, 420 чел. (сведения о проведенных операциях в уездах еще полностью не получены).
>
> Таким образом, на 14-е ноября арестовано всего 1116 чел., из них по гор. Таллину — 575 чел.
>
> В числе арестованных: агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 48 чел.; официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 97 чел.; участников эстонской националистической военно-фашистской организации "Омакайтсе" — 421 чел.; предателей, немецких ставленников и пособников — 206 чел.; разного антисоветского элемента — 344 чел.»[1]

Эти данные не являются исчерпывающими, поскольку в них говорится только о репрессиях, осуществлявшихся органами НКГБ. Согласно хранящимся в Государственном архиве РФ данным, с 1 октября по 31 декабря органами НКВД ЭССР было задержано 356 «лесных братьев», членов «Омакайтсе» и полицейских, 620 военнослужащих немецкой армии и 161 бывших красноармейцев, сражавшихся на стороне немцев (табл. 38).

---

[1] ОГБ. Т. 5. Кн. 2. С. 589.

Таблица 38. Результаты борьбы НКВД ЭССР с антисоветским подпольем и вооруженными бандами за период с 1 октября по 31 декабря 1944 г.[1]

Категория	Всего задержано	Кроме того убито при задержании
Бандитов, нелегалов, активных членов «Омакайтсе», полицейских и других изменников Родины	356	9
Дезертиров Красной Армии	319	—
Уклонившихся от регистрации и мобилизации в Красную Армию	100	—
Бывших военнослужащих немецкой армии	620	—
Военнослужащих Красной армии, перешедших на сторону противника и служивших у немцев	161	—
Прочих лиц	333	—
Всего:	1955	9

Таким образом, общую численность арестованных органами НКВД-НКГБ в Эстонии в 1944 г. можно определить примерно в 3,5 тыс. чел., около 2 тысяч (60 %) из которых составили коллаборационисты[2]. Как видим, в целом аресту была подвергнута лишь малая часть служивших в коллаборационистских формированиях — в полном соответствии с директивой № 494/94.

Масштаб репрессий против коллаборационистов в Латвии сопоставим с аналогичными репрессиями в Эстонии. Накануне освобождения Латвии органы НКВД располагали информацией о 1895 агентах немецкой разведки, предателей и изменников на территории республики[3], однако на деле коллаборационистов оказалось больше.

---

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 450. Л. 2.

[2] В книге «Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии» (М., 2007) автор этих строк определил численность арестованных органами НКВД-НКГБ Эстонии примерно в 1000 человек. Дополнительные архивные изыскания опровергли это предположение. В эстонском издании книги приводятся уточненные данные: *Djukov A.* Deporteerimished Eestis: Kuidas see toimus tegelikult. Tallinn, 2009.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 65; НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 170.

Впечатление о масштабах репрессий в 1944 г. в Латвии мы можем составить на основании доклада наркома внутренних дел СССР Л. Берия от 26 января 1945 г.:

«За период работы на освобожденной территории Латвии с июля 1944 г. по 20 января с. г. органами НКВД-НКГБ арестовано 5223 чел... Среди арестованных:

агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 625;
официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 379;
участников латвийских националистических организаций — 479;
предателей, изменников Родины, немецких ставленников и пособников — 2721;
участников бандформирований и их пособников — 376;
разного антисоветского элемента — 643...

С 8 по 20 января с. г. органами НКВД-НКГБ Латвийской ССР арестовано 1396 чел. вражеского элемента»[1].

Как следует из доклада, всего в 1944 г. в Латвии было арестовано около 3,5–4 тысяч чел., примерно 70 % из которых составляли коллаборационисты.

На освобожденной территории Литвы, где действовали незаконные вооруженные формирования Армии Крайовой и литовских «лесных братьев», репрессии органов НКВД-НКГБ по понятным причинам приняли больший масштаб, чем в Латвии и Эстонии.

Вот данные, содержащиеся в совместном докладе наркомов внутренних дел и государственной безопасности Литвы И. М. Барташунаса и А. А. Гузявичуса от 5 января 1946 г.:

«Доносим, что за период работы на освобожденной территории Литовской ССР с июля по 20 декабря 1944 г. органами НКВД и НКГБ арестовано 8592 чел. Убито бандитов 1589.

За декаду с 20 декабря 1944 г. по 1 января 1945 г. арестовано 3857 чел. Убито бандитов 985.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 212–213; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». С. 486–487; НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 247.

Таким образом, органами НКВД и НКГБ Литовской ССР на 1.1-45 г. всего арестовано 12 449 чел. Убито бандитов 2574 чел. Из числа арестованных:

а) агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника — 449 чел.;

б) официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов противника — 26 чел.;

в) участников литовско-националистического подполья — 1007 чел.;

г) участников польского националистического подполья, участников Армии крайовой — 3976 чел.;

д) участников бандитских шаек и бандпособников — 5456 чел.;

е) предателей, изменников Родины, немецких ставленников и пособников — 543 чел.;

ж) разного антисоветского элемента — 992 чел.»[1]

Таким образом, общее число арестованных органами НКВД-НКГБ в Литве за 1944 г. составило около 12,5 тысячи чел., численность коллаборационистов среди которых составила менее 10 %. Столь низкая доля коллаборационистов среди арестованных в Литве требует объяснения. Как мы помним, в Латвии и Эстонии численность арестованных коллаборационистов составляла 70 и 60 % от общего числа арестованных. Примерно такой же процент коллаборационистов среди арестованных имел место на Украине; там из примерно 84 тысяч арестованных в 1943–1945 гг. 66,9 % были арестованы за измену Родине, пособничество оккупантам, как агентура немецких спецслужб и перешедшие на сторону врага[2]. Достаточно трудно представить, что в Литве коллаборационистов было настолько меньше или что органы НКВД-НКГБ республики практически полностью отказались от преследования коллаборационистов. На самом деле столь малый процент коллаборационистов среди арестованных объясняется тем, что после прихода советских войск значительная часть литовских коллаборационистов, подготовленных немцами, ушла в леса. Органы НКВД докладывали: «Во всех освобожденных уездах

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 39–40; НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 230.

[2] *Нікольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні... С. 206 (со ссылкой на ГДА СБУ. Ф. 42. Д. 32. Л. 55–66).

местная администрация, состоявшая исключительно из литовцев, сбежала. Полицию и карательные органы немцы оставляли на месте, организовывали из них отряды самообороны и предлагали им защищать свой город. Так, например, города Тракай и Паневеж защищали отряды самообороны. После того, как Красная Армия входила в город, эти отряды скрывались в лесах»[1]. В случае ареста эти люди проходили в статистике органов НКВД-НКГБ уже не как немецкие пособники, а как участники бандформирований.

Репрессии против коллаборационистов в Прибалтике, разумеется, не были закончены в 1944 г. В Эстонии в 1945–1946 г. органами НКВД-МВД по антисоветским обвинениям было арестовано 3445 и 573 чел. соответственно (табл. 39). Кроме того, в 1945 г. было арестовано 286 чел. уголовного и «прочего преступного элемента», а в 1946 г. — 314 чел. Таким образом, общее число арестованных органами НКВД-МВД ЭССР в 1945 г. составило 3731 чел., а в 1946 г. — 887 чел. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 1476 немецких ставленников и пособников (около 40 % от общего числа арестованных). В 1946 г. по этой категории было арестовано всего 30 чел. (3,3 % от общего числа арестованных), причем в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент».

Интересны данные о численности легализованных органами НКВД-МВД ЭССР коллаборационистов (см. табл. 39). В 1945 г. НКВД ЭССР обезвредил 1683 немецких ставленников и пособников, 1476 (87,8 %) из которых были арестованы, 43 (2,5 %) легализованы и 164 (9,7 %) — «переданы в другие организации» (преимущественно в НКГБ). В 1946 г. соотношение легализованных арестованных среди обезвреженных НКВД-МВД Эстонии коллаборационистов резко изменилось. Всего за этот год было задержано 1050 немецких ставленников и пособников; из них 11 (1 %) было убито, 30 (2,8 %) арестовано, 993 (94,75) легализовано и 16 (1,5 %) — передано в другие организации. Как видим, подавляющее большинство обезвреженных НКВД-МВД ЭССР в 1946 г. коллаборационистов было оставлено

---

[1] Из Варшавы. Москва, Товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье, 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001. С. 43; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». С. 444; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 124–129.

Таблица 39. *Результаты борьбы НКВД-МВД ЭССР с антисоветским подпольем и вооруженными бандами в 1945–1946 гг.*[1]

Категория	**1945 г.**					**1946 г.**				
	Всего	**Из них**				**Всего**	**Из них**			
		Убито	**Арестовано**	**Легализовано**	**Передано в другие органы**		**Убито**	**Арестовано**	**Легализовано**	**Передано в другие органы**
Участников антисоветских организаций и групп	42	—	42	—	—	608	176	296	136	—
Участников банд, связанных с антисоветским подпольем	1426	223	869	322	12	224	35	133	52	4
Бандодиночек, связанных с антисоветским подпольем	2058	109	596	1258	95	—	—	—	—	—
Шпионов	7	—	7	—	—					
Диверсантов	6	—	6	—	—	—	—	—	—	—
Террористов										
Немецких ставленников и пособников	1683	—	1476	43	164	1050	11	30	993	16
Пособников и укрывателей антисоветского и бандитского элементов	449	—	449	—	—	203	7	114	81	1
Итого:	5671	332	3445	1623	271	2085	229	573	1262	21

Примечание: В числе участников банд, связанных с антисоветским подпольем, ликвидированных в 1946 г., показаны бандиты-одиночки. В графе «ликвидировано немецких ставленников и пособников» в 1946 г. показано число ликвидированного другого антисоветского элемента.

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 28.

на свободе. Это, кстати говоря, подтверждается данными ежемесячного учета; так, например, в докладе отдела по борьбе с бандитизмом МВД ЭССР от 10 октября 1946 г. сообщается: «В отчетном месяце задержано и явилось с повинной 105 чел. немецких ставленников и пособников, бывших членов "Омакайтсе" и военнослужащих немецкой армии... Из общего количества 105 чел. арестован 1, легализованы 104»[1].

В Латвии картина репрессий против коллаборационистов по линии НКВД-МВД имела несколько иной характер. В 1945–1946 гг. по антисоветским обвинениям в республике было арестовано 3275 и 1776 чел. соответственно (табл. 40). Кроме того, в 1945 г. было арестовано 594 чел. уголовного и «прочего преступного элемента», а в 1946 – 420 чел. Таким образом, общее число арестованных НКВД-МВД Латвийской ССР в 1945 г. составило 3869 чел., а в 1946 г. – 2196 чел. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 1055 нацистских ставленников и пособников (около 27 % от общего числа арестованных). В 1946 г. по этой категории было арестовано 243 чел. (около 11 % от общего числа арестованных). Как и в случае с Эстонией, в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент».

Соотношение арестованных и легализованных НКВД-МВД Латвийской ССР коллаборационистов отличалось от эстонского (см. табл. 40). В 1945 г. органами внутренних дел республики было обезврежено 1295 немецких ставленников и пособников, 3 (0,2 %) из которых были убиты при задержании, 1055 (81 %) – арестовано и 237 (18,8 %) – легализовано. В 1946 г. по этой категории было обезврежено 1304 чел., 243 из которых было арестовано (18,7 %) и 1061 (81,7 %) – легализовано.

Репрессивная деятельность органов НКВД-МВД Литовской ССР была несравненно более масштабна, чем деятельность их коллег в Латвии и Эстонии (табл. 41). В 1945 г. по антисоветским обвинениям НКВД Литвы было арестовано 19 183 чел. – вдвое больше, чем в остальных балтийских республиках, вместе взятых. В 1946 г. число арестованных в республике по антисоветским статьям серьезно снизилось и составило 5322 чел. Кроме того, в 1945 г. в Литве было

---

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 654. Л. 188.

Таблица 40. Результаты борьбы НКВД-МВД Латвийской ССР с антисоветским подпольем и вооруженными бандами в 1945–1946 гг.[1]

Категория	1945 г.					1946 г.				
	Всего	Из них				Всего	Из них			
		Убито	Арестовано	Легализовано	Передано в другие органы		Убито	Арестовано	Легализовано	Передано в другие органы
Участников антисоветских организаций и групп	105	—	105	—	—	180	14	162	4	—
Участников банд, связанных с антисоветским подпольем	3485	940	870	1638	37	1894	373	531	990	—
Бандодиночек, связанных с антисоветским подпольем	1062	128	177	756	1	—	—	—	—	—
Шпионов	48	—	48	—	—					
Диверсантов	16	—	15	1	—	—	—	—	—	—
Террористов										
Немецких ставленников и пособников	1295	3	1055	237	—	1304	—	243	1061	—
Пособников и укрывателей антисоветского и бандитского элементов	1005	—	1005	—	—	840	—	840	—	—
Итого:	6016	1071	3275	2632	38	4218	387	1776	2055	—

Примечание: В числе участников банд, связанных с антисоветским подпольем, ликвидированных в 1946 г., показаны бандиты-одиночки. В графе «ликвидировано немецких ставленников и пособников» в 1946 г., показано число ликвидированного другого антисоветского элемента.

---

[1] Там же. Д. 764. Л. 22.

арестовано 6312 чел. уголовного и «прочего преступного элемента», а в 1946 – 799 чел. Таким образом, общее число арестованных НКВД-МВД Литовской ССР составило в 1945 г. 25 495 чел., а в 1946 г. – 6121 чел. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 3313 (13 % от общего числа арестованных) немецких ставленников и пособников. В 1946 г. число арестованных по этой категории составило 938 чел. (15,3 % от общего числа арестованных). Как и в остальных прибалтийских республиках, в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент».

Соотношение легализованных и арестованных органами НКВД-МВД Литовской ССР выглядело следующим образом (см. табл. 41). В 1945 г. общее число обезвреженных немецких ставленников и пособников составило 4064 чел., 20 (0,4 %) из которых было убито при задержании, 3313 (82,6 %) – арестовано, 108 (2,5 %) – легализовано и 623 (14,5 %) – передано в другие организации. В 1946 г. было обезврежено 1006 чел., 4 (0,4 %) из которых было убито при задержании, 938 (93,8 %) – арестовано и 64 (5,8 %) – передано в другие организации. Легализованных нацистских ставленников и пособников в 1946 г. не было.

Анализируя эти данные, следует помнить, что значительное число коллаборационистов в Литве после прихода советских войск ушли в леса и потому в случае их задержания учитывались как члены националистических бандформирований.

Благодаря тому, что нам доступна детализированная статистика репрессий по линии органов НКВД-МВД прибалтийских республик, мы можем сделать ряд интересных выводов о проводившейся советскими властями репрессивной политике по отношению к коллаборационистам.

Прежде всего следует отметить, что во всех трех республиках общее число арестованных органами НКВД-МВД сокращалось. Так, например, если в Литве в 1945 г. было арестовано 3313 немецких ставленников и пособников, то в 1946 г. – всего 938. Органы НКВД-МВД Латвии в 1945 г. арестовали по этой категории 1055 чел., а в 1946 г. – 243. Эстония же дала самое значительное понижение числа арестованных органами внутренних дел коллаборационистов: 1476 чел. в 1945 г. против 30 чел. в 1946 г. Подобное снижение размаха репрессий наглядно свидетельствует о том, что органы НКВД-МВД

Таблица 41. *Результаты борьбы НКВД-МВД Литовской ССР с антисоветским подпольем и вооруженными бандами в 1945–1946 гг.*[1]

Категория	**1945 г.**					**1946 г.**				
	Всего	**Из них**				**Всего**	**Из них**			
		Убито	**Аресто-вано**	**Лега-лизо-вано**	**Передано в другие органы**		**Убито**	**Аре-сто-вано**	**Лега-лизо-вано**	**Передано в другие органы**
Участников антисоветских организаций и групп	2605	3	2603	—	—	753	27	698	—	28
Участников банд, связанных с антисоветским подпольем	23 351	8579	7212	4873	2587	4783	2059	2040	652	32
Бандодиночек, связанных с антисоветским подпольем	6728	1038	2298	1181	2211	—	—	—	—	—
Шпионов	202	4	198	—	—					
Диверсантов	61	29	30	2	—	—	—	—	—	—
Террористов										
Немецких ставленников и пособников	4064	20	3313	108	623	1006	4	938	—	64
Пособников и укрывателей антисоветского и бандитского элементов	3530	—	3530	—	—	1686	28	1646	—	12
Итого:	40 541	9672	19 183	6264	5421	8228	2118	5322	652	136

Примечание: В числе участников банд, связанных с антисоветским подпольем, ликвидированных в 1946 г., показаны бандиты-одиночки. В графе «ликвидировано немецких ставленников и пособников» в 1946 г., показано число ликвидированного другого антисоветского элемента.

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15.

в своей деятельности продолжали придерживаться директивы № 494/94 и массовых репрессий против рядовых коллаборационистов не осуществляли.

Нетрудно заметить также, что размах репрессий против коллаборационистов достаточно четко увязывался с масштабами деятельности в прибалтийских республиках формирований «лесных братьев». Как известно, наиболее активно в Прибалтике действовали литовские «лесные братья». В результате в Литве за 1945–1946 гг. было задержано 5070 немецких пособников, из которых 4251 был арестован органами НКВД-МВД, 687 были переданы в «другие организации» (преимущественно в НКГБ-МГБ) и лишь 108 — легализовано, то есть оставлено на свободе[1]. В Латвии, где формирования «лесных братьев» были гораздо менее активны, чем в Литве, соотношение арестованных и легализованных коллаборационистов за аналогичный период оказалось один к одному: 1298 арестованных и 1298 легализованных[2]. А вот в Эстонии, где «лесных братьев» было меньше всего, в 1946 г. было легализовано 993 из 1050 задержанных органами НКВД-МВД немецких ставленников и пособников, а общее соотношение арестованных и легализованных коллаборационистов за 1945–1946 гг. составило 1487 и 1036 чел. соответственно[3]. Таким образом, чем масштабнее была деятельность «лесных братьев», тем активнее органы НКВД-МВД проводили репрессии против коллаборационистов, рассматривавшихся как своеобразный «кадровый резерв» националистических бандформирований. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что, если бы активность прибалтийских «лесных братьев» находилась на минимальном уровне, размах репрессий против местных коллаборационистов оказался бы еще менее масштабным, чем в реальности.

Разумеется, статистика органов НКВД-МВД не может дать исчерпывающего представления о масштабах репрессий. Она должна быть дополнена статистическими данными НКГБ-МГБ прибалтийских республик. К сожалению, опубликованная к настоящему времени статистика этого ведомства не детализована; известны лишь общие

---

1 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15.

2 Там же. Л. 22.

3 Там же. Л. 28.

цифры арестованных органами государственной безопасности с разбивкой по годам (табл. 42).

Таблица 42. Численность арестованных органами НКГБ-МГБ прибалтийских республик, 1945–1947 гг.[1]

	1945 г.	1946 г.	1947 г.	Всего
НКГБ Латвийской ССР	7120	1651	1665	10 436
НКГБ Литовской ССР	6958	4919	5142	17 019
НКГБ Эстонской ССР	6569	690	587	7846
ИТОГО:	20 647	7260	7394	35 301

К сожалению, мы не располагаем данными о численности коллаборационистов среди арестованных органами государственной безопасности прибалтийских республик в 1945–1947 гг. Однако известно, что в 1945 г. в целом по СССР органами госбезопасности было арестовано 56 661 чел. по обвинению в измене Родине (50,5 % от общего числа арестованных за год). В 1946 г. по этому обвинению было арестовано 44 906 чел. (49 % от общего числа арестованных). За 1947 г. данные отсутствуют[2]. По Украине органами государственной безопасности в 1945 г. было арестовано 11 401 чел. (37,6 % от общего числа арестованных), а в 1946 г. – 9776 чел. (44,4 % от общего числа арестованных)[3]. Таким образом, доля коллаборационистов в числе арестованных органами государственной безопасности Украины меньше, чем по СССР в целом, однако это, по всей видимости, объясняется тем, что в этой республике, так же как и в Литве, значительное число коллаборационистов после прихода советских войск ушло в лес; будучи репрессированными, они проходили в статистике органов НКГБ-МГБ по категории «повстанчество».

Основываясь на приведенных выше данных, мы можем предположить, что доля коллаборационистов среди арестованных органами НКГБ-МГБ прибалтийских республик составляла примерно 50 % от общего числа арестованных. Разумеется, это достаточно грубая

---

[1] Составлено по: Статистические сведения... С. 364–365, 376, 381.

[2] Там же. С. 366–368, 378–379.

[3] *Нікольський В. М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні... С. 119, 206, 211.

прикидка, которая, скорее всего, является завышенной. Однако при нынешнем уровне источниковой базы более точные данные получить не представляется возможным.

Масштабы репрессий против прибалтийских коллаборационистов со стороны органов НКГБ-МГБ в 1945–1946 гг. имели примерно следующий характер: в Эстонии в 1945 г. было арестовано примерно 3000 немецких ставленников и пособников, а в 1946 г. – около 300 чел. В Латвии эти показатели составили примерно 3,5 тысячи в 1945 г. и 800 чел. в 1946 г. И, наконец, в Литве органами госбезопасности было арестовано около 3,5 тысячи коллаборационистов в 1945 и около 2,5 тысячи в 1946 г.

Таким образом, общее число арестованных коллаборационистов на территории прибалтийских республик за период с 1944 по 1946 г. можно определить следующим образом: примерно 6,5 тысячи в Эстонии, около 8 тысяч в Латвии и 10–11 тысяч в Литве. Выявление более детальной статистики органов НКГБ-МГБ, по всей видимости, приведет к уменьшению этих цифр, однако даже они свидетельствуют об отсутствии массовых репрессий против прибалтийских коллаборационистов. Наказание ждало не всех, кто участвовал в сотрудничестве с врагом, а только тех, кто в этом сотрудничестве особо отличился. К сожалению, таковых в республиках Прибалтики было довольно много.

Очень часто, впрочем, даже активные и высокопоставленные коллаборационисты оказывались безнаказанными. В спецсообщении, подписанном 19 июля 1945 г. уполномоченным НКВД-НКГБ СССР по Литовской ССР генералом И. Ткаченко, содержатся совершенно вопиющие примеры. Начальник Отдела животноводства Наркомсовхозов Литвы Иозас Петрайдис во время оккупации состоял в карательном отряде; заведующий Тракайским земельным отделом Пятрас Зукас во время оккупации участвовал в убийствах евреев; заведующий Шауляйским уездным отделом народного образования Валенчус при оккупантах являлся руководителем фашистской организации. Заведующий Кретингским уездным отделом народного образования Ионас Скерис был агентом гестапо, так же как и председатель Кретингского горсовета Иозас Карбаускас. Заведующий Вилкавишским уездным отделом народного образования Анонас Рагалис был полицейским, заведующий Тракайским потребсоюзом Эдвардас Лукаускас служил

в созданных оккупантами вооруженных формированиях, заведующий Кретингским торготделом Иозас Намагокас в 1941 г. перешел на сторону немцев, а потом сотрудничал с гестапо. Но наиболее вопиющий пример — судьба некоего Эдвардаса Ходасевичюса. Во время оккупации он был заместителем бургомистра города Тельшай, а после прихода советских войск не только не был арестован, но и пошел на повышение — стал председателем Тельшайского горсовета[1].

Разумеется, все перечисленные коллаборационисты были в конечном итоге арестованы, однако даже в конце 40-х гг. XX в. в административном аппарате прибалтийских республик продолжало работать множество оставшихся на свободе коллаборационистов. Об этом свидетельствует датированная январем 1950 г. справка наркома госбезопасности Эстонии Б. Кумма «О засоренности школ и средних специальных учебных заведений Эстонской ССР антисоветским элементом». Согласно этой справке, к январю 1950 г. в Вильяндской средней школе преподавала служившая в немецкой армии врачом Лайне Мярс, в Вильяндской музыкальной школе работал заместителем директора бывший член «Омакайтсе» Велло Тюндер, а директор Сельскохозяйственного техникума гор. Тюри Георг Роовик и вовсе был офицером Красной Армии, дезертировавшим в 1941 г. В том же Сельскохозяйственном техникуме преподавал бывший студент организованной нацистами полицейской школы в Таллине Юло Кивет; директором 17-й неполной средней школы Таллина работал бывший член «Омакайтсе» Иоханнес Казаметс, участвовавший в облавах на советских военнопленных, директором начальной средней школы волости Кыпу — бывший военнослужащий 42-го полицейского батальона Вольдемар Ребане[2]. Примеры можно множить достаточно долго.

---

1 Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». С. 528–529; ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 98. Л. 127–134.

2 *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. Тарту, 2008. С. 199–204.

Глава 3. Возвращение на родину репатриированных коллаборационистов-прибалтов

Кроме коллаборационистов, оставшихся на освобожденной советскими войсками территории, были и те, кто ушел вместе с немцами. Так, например, вместе с немецкими войсками из Эстонии бежало достаточно много местных коллаборационистов, в том числе остатки 20-й эстонской дивизии СС. Из уцелевших эстонских эсэсовцев и военнослужащих полицейских батальонов германское командование сформировало боевую группу, брошенную против советских войск на Одере. Остановить советские войска, естественно, не удалось, и в конце апреля 1945 г. остатки дивизии отступили в Чехословакию. Чешские партизаны по понятным причинам не испытывали к эсэсовцам никаких теплых чувств; поэтому попадавших им в руки эстонцев партизаны без лишних слов расстреливали.

От уничтожения солдат 20-й эстонской дивизии СС спас приход советских войск. Вот воспоминания одного из эстонских легионеров: «По лестнице спустился человек с погонами русского капитана. Он спросил, что здесь происходит. Майор Сууркиви, который говорил по-русски, разъяснил ему ситуацию, добавив, что он эстонец. Русский разозлился и захотел посмотреть, кто это осмелился так вести себя с “нашими людьми” (то есть эстонцами). Сууркиви показал на чеха. Русский передернул наган, и чеха спасла только его прыткость. Теперь русский приказал принести воду и напоить всех... Расстрел прекратился, с чем чехи не могли согласиться. Когда чуть позже подошел другой русский, они стали жаловаться ему, что тут все эсэсовцы, военные преступники и т. д., и требовали, чтобы нас тут же расстреляли. Русский разъяснил, что война окончена и самовольные расстрелы нужно прекратить»[1]. В конечном итоге чехи передали всех захваченных эстонских эсэсовцев советским властям: коль скоро это «ваши люди», вы с ними и разбирайтесь.

Согласно оценкам эстонских историков, всего чехами было убито около тысячи военнослужащих эстонской дивизии СС; от 5 до 6 тысяч

---

[1] *Таттетäе Н.* Põrgu, mis oli hullem kui põrgu // Kultuur ja Elu. 2005. № 2.

сдались в плен западным союзникам, а примерно 2,5 тысячи были пленены частями Красной Армии[1].

Первоначально к репатриантам-прибалтам относились так же, как и ко всем остальным репатриированным коллаборационистам. Судьба казалась вполне ясной: согласно постановлениям ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета министров СССР от 29 марта 1946 г. репатриированные коллаборационисты-прибалты, подобно репатриированным коллаборационистам прочих национальностей, должны быть направлены на шестилетнее спецпоселение[2].

Однако уже в марте 1946 г. этот подход был изменен. Сначала привилегии получили гражданские репатриированные прибалты. Гражданские репатрианты также проходили проверку, после которой направлялись либо к месту жительства, либо (мужчины призывного возраста) в армию и рабочие батальоны. Однако для прибалтов этот принцип был изменен. 3 марта 1946 г. была издана директива наркома внутренних дел СССР № 54:

> «1. Всех латышей, эстонцев и литовцев, находящихся в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД СССР, которые после проверки окажутся полностью реабилитированными и подлежат освобождению из лагерей — отправлять к месту жительства их семей, соответственно в Латвийскую ССР, Литовскую ССР и Эстонскую ССР.
>
> 2. Не подлежат отправлению на родину:
>
> а) работающие в лагерях, обслуживающих предприятия, по которым имеются специальные правительственные решения о передаче проверенного контингента в данную отрасль промышленности;
>
> б) подлежащие в соответствии с правительственными решениями направлению в район расселения»[3].

Согласно директиве № 54 прошедших проверку гражданских репатриантов-прибалтов в армию и рабочие батальоны не брали. Директива не распространялась на репатриированных прибалтий-

---

[1] *Laar M.* Eesti leegion sõnas ja pildis = *Laar M.* The Estonian legion in words and pictures. Tallinn, 2008. P. 391.

[2] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 131–132.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 982. Л. 53–54.

ских коллаборационистов, которые должны были направляться на спецпоселение, однако в скором времени отпущены были и они.

Инициатива об амнистии для репатриированных коллаборационистов исходила от руководства Латвийской ССР. В марте 1946 г. Я. Калнберзиньш и В. Лацис направили В. Молотову докладную записку с просьбой отменить высылку латышских легионеров в отдаленные районы страны и оставить их в республике. Свою просьбу руководство Латвии мотивировало следующим образом: большинство бывших легионеров были не добровольцами, а мобилизованными; в случае их высылки их семьи оставались без кормильцев; репрессии в отношении легионеров отрицательно влияют на настроения местного населения; высказывались опасения в дефиците рабочих рук[1].

Инициатива получила поддержку со стороны МВД СССР. Министр внутренних дел С. Круглов предложил разрешить всем латышам непризывного возраста вернуться к месту жительства, а латышей призывного возраста направить на строительство и в промышленность на территории республики. Более того: глава МВД также считал необходимым распространить этот подход на жителей Эстонии и Литвы[2].

Решение было оформлено постановлением Совета министров СССР от 13 апреля 1946 г. Согласно этому документу репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на 6-летнее спецпоселение и из проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерей подлежали возвращению в Прибалтику. Позволим себе обширную цитату:

> «1. Установить, что Постановление ГОКО от 18 августа 1945 г. № 9871с и Постановление Совнаркома СССР от 21 декабря 1945 г. № 3141-950сс о направлении на расселение в северные районы страны репатриируемых советских граждан, служивших в немецкой армии, легионеров, "власовцев" и полицейских не распространяются на репатриируемых латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской и Литовской ССР.

---

[1] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. С. 164; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 142. Л. 102–104.

[2] Там же; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2513. Л. 3.

2. Поручить Министерству внутренних дел СССР направить в течение 1946 г. в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР всех указанных в п. 1 настоящего Постановления латышей, эстонцев и литовцев в следующем порядке:

а) всех лиц призывных возрастов, демобилизация сверстников которых не производилась, направить, соответственно по согласованию с Госпланом СССР, организованным путем на работу в промышленность и на строительство в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР с закреплением их на этих работах до конца демобилизации их сверстников из Красной Армии;

б) всех лиц непризывного возраста, сверстники которых по возрасту не находятся в Красной Армии, освободить и направить к месту постоянного жительства их семей.

3. Обязать Министерства СССР и другие центральные ведомства, а также предприятия союзных республик и местной промышленности освободить в течение 1946 г., с разрешением выехать на родину, всех репатриированных латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской и Литовской ССР, переданных до настоящего Постановления из рабочих батальонов и проверочно-фильтрационных лагерей на постоянную работу промышленным предприятиям и на строительство.

4. Установить, что лица призывного возраста, направляемые в соответствии с п. 2"а" настоящего Постановления для работы в промышленности и на строительство, за самовольный уход с работы привлекаются к уголовной ответственности»[1].

В Центральном архиве ФСБ хранится директива МВД СССР № 00336 от 19 апреля 1946 г., позволяющая понять, как, собственно говоря, проходил процесс освобождения коллаборационистов.

«1. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам Управлений Министерства внутренних дел краев и областей немедленно учесть во всех лагерях МВД, спецпоселениях и рабочих батальонах репатриированных советских граждан из числа латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской и Литовской ССР, составив на всех этих лиц подробные именные списки, раздельно на жителей Латвийской, Эстонской и Литовской ССР.

---

[1] Сталинские депортации. С. 632.

2. Лиц призывных возрастов указанных национальностей, служивших в немецких строевых формированиях, демобилизация сверстников которых из Красной Армии не производилась, направить организованным путем в промышленность и на строительство в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР, с закреплением их на этих работах до конца демобилизации их сверстников из Красной Армии.

Отправку проводить только по нарядам МВД СССР.

Всех лиц непризывного возраста этого же контингента, сверстники которых по возрасту не находятся в Красной Армии, освободить из всех лагерей МВД, спецпоселений и рабочих батальонов и направить к месту постоянного жительства их семей.

Освобождение оформлять краткими постановлениями со ссылкой на настоящий приказ.

3. Все репатриированные латыши, эстонцы и литовцы, не служившие в немецких строевых формированиях, находящиеся к моменту издания настоящего приказа в проверочно-фильтрационных лагерях, лагерях ГУПВИ и рабочих и прошедшие проверку подлежат направлению на родину к месту жительства семьи.

4. Направляемым на родину выдавать на руки справки с указанием, что они следуют к месту своего постоянного жительства в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР, проездные документы и продовольствие на путь следования или рейсовые карточки.

Отправку лиц из МВД СССР, находящихся на работах, порученных МВД СССР, производить по мере окончания работ или после замены на этих работах другими контингентами в течение 1946 г.

5. Проверку репатриантов — латышей, эстонцев, литовцев, проводимую на основании приказов НКВД СССР — НКГБ СССР — ГУКР НКО "Смерш" № 001027/00169сш от 8 сентября 1945 г. и НКВД СССР — НКГБ СССР № 00706/00268 от 16 июня 1945 г., закончить до отправки их в Прибалтику и не позднее 1 августа 1946 г.

Прошедших вновь проверку направлять на родину в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящего приказа.

Репатриантов, на которых в процессе проверки будет добыто достаточно материалов для привлечения их к уголовной ответственности, арестовать и дела закончить на месте.

6. Не подлежат освобождению и направлению на родину репатриированные латыши, эстонцы и литовцы, отбывающие наказание по решениям судебных органов или Особого совещания при МВД СССР, а также следственные заключенные.

7. Агентурные разработки, фильтрационные дела и другие материалы на лиц, направленных в промышленность и к месту постоянного жительства, пересылать в соответствующие органы МВД.

8. Органам милиции беспрепятственно выдавать пропуска на выезд к месту постоянного жительства в Латвию, Эстонию и Литву репатриантам, освобождаемым от работы в промышленности и строительства, следуемым к постоянному месту жительства их семей.

9. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам Управлений МВД краев и областей о количестве выявленных репатриантов, освобожденных и направленных на работу в промышленность и строительство Прибалтийских республик, сообщать в 1 Спецотдел МВД СССР ежедекадно по прилагаемой форме.

10. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на Заместителя Министра Внутренних Дел СССР генерал-лейтенанта Рясного»[1].

Как видим, репатриированные прибалтийские коллаборационисты призывного возраста направлялись на работу в промышленность Латвии, Литвы и Эстонии до тех пор, пока из Красной Армии не будут демобилизованы их сверстники. Коллаборационисты непризывного возраста сразу же направлялись к месту жительства своих семей.

Судя по отложившимся в Государственном архиве РФ документам, директива № 00336 вызвала некоторое замешательство на местах. Мероприятие было весьма масштабным (в марте 1946 г. в ПФЛ насчитывалось 41 351 гражданин Прибалтики, в том числе 28 442 латыша, 5967 эстонцев и 6942 литовца[2]) и непривычным.

Начальники исправительно-трудовых и проверочно-фильтрационных лагерей посылали в Москву дополнительные запросы. Следует ли освобождать арестованных боевиков из числа «лесных братьев», в отношении которых не установлена активная деятельность? Следует ли освобождать не только рядовых коллаборационистских формирований, но и офицеров? Следует ли освобождать жителей

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 965. Л. 211–214.

[2] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. С. 164; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2513. Л. 3.

прибалтийских республик нетитульных национальностей? Как следует осуществлять перевозку освобожденных?[1]

Центр терпеливо отвечал, что репатриантов непризывного возраста на родину можно отправлять без охраны, а вот репатриантов призывного возраста лучше обеспечивать охраной, однако в крайних случаях без нее можно обойтись[2]. Что освобождать нужно пока только прибалтов. Что офицеров нужно освобождать на том же основании, что и рядовых[3]. Что же касается вопроса о литовских «лесных братьях», то замминистра внутренних дел СССР В. Чернышов оставил на запросе достаточно странную резолюцию: «Нужно сообщить, что литовцы вообще на спецпоселение не идут»[4].

В середине июня 1946 г. органы МВД приступили непосредственно к освобождению репатриированных прибалтов. Замминистра внутренних дел В. Чернышов подписал директиву № 153:

«1. Объявить всему контингенту репатриантов латышской, эстонской и литовской национальностей — постоянным жителям Прибалтийских республик, что они в соответствии с постановлением Совета Министров СССР в течение 1946 г. будут из лагерей и спецпоселения освобождены и направлены:

а) к месту жительства их семей — лица непризывных возрастов, сверстники которых демобилизованы из Красной Армии (рождения до 1921 г. включительно);

б) на работы в промышленность и на стройки, соответственно в Латвию, Литву и Эстонию, все лица призывных возрастов, сверстники которых продолжают оставаться на службе в Красной Армии (рождения 1922–1927 годов включительно).

2. Всех лиц по мере окончания проверки, но не позднее 1 августа 1946 г. оформить освобождением из лагеря в соответствии с п. 2 приказа МВД СССР № 00336-1946 г. и перевести на положение вольнонаемных...

3. С получением настоящей директивы в проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерях охрану с прибалтийцев, подлежащих отправлению на родину, снять...»[5]

---

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 2, 5, 7–8.

[2] Там же. Л. 3, 14–15.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 983. Л. 26–28.

[4] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 5.

[5] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 982. Л. 153–156.

Согласно директиве, отправка освобожденных прибалтов на родину должна была быть завершена в сжатые сроки — к декабрю 1946 г.[1]

Месяц спустя, однако, выявилась характерная бюрократическая несогласованность. Органы МВД уже начали освобождать репатриантов призывного возраста, но куда их конкретно отправлять, было до сих пор неизвестно: запросов на рабочую силу из прибалтийских республик не пришло. В адрес министров внутренних дел прибалтийских республик из Москвы шли указания: «прошу Вас согласовать с Госпланом республик и сообщить, в какие отрасли промышленности направлять репатриантов»[2].

Первым ответило МВД Литвы: «По согласованию с Госпланом и Госстройтрестом при Совете Министров Литовской ССР, лица призывного возраста — литовцы, сверстники которых находятся в Красной Армии, будут использованы на работах на заводе "ДРОБИС" в гор. Каунас, жел. дор. станция Каунас, куда и следует направлять их из лагеря»[3]. Поскольку число освобождаемых литовцев призывного возраста определялось примерно в 2,2 тысячи чел.[4], предложение использовать всех их на одном заводе выглядело как отписка.

МВД Латвии согласовывало планы использования освобождаемых репатриантов без малого месяц. С учетом того, что именно латвийское руководство было инициатором освобождения, эта заминка выглядела несколько странно. Однако в итоге в МВД СССР был представлен весьма подробный запрос:

> «С согласованием Госплана требуются репатрианты-латыши в нижеследующие Министерства:
>
> 1. Министерство местной промышленности ЛССР — 6400 чел., из них: г. Рига — 5400 (Министерство местн[ой] промышл[енности]), г. Лиепая — 700 (завод "Кр[асный] Металлург"), 300 (завод "Металлс").
>
> 2. Министерство легкой промышленности ЛССР — 2000 чел., из них г. Рига — 2000 (Министерство легкой промыш[ленно]сти).
>
> 3. Министерство промстройматериалов ЛССР — 2500 чел., из них: г. Рига — 1000 (Министерство промстройматериалов), г. Даугавпилс —

---

[1] Там же.

[2] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 16.

[3] Там же. Л. 21.

[4] Там же. Л. 55–56.

100 (Калкунский кирпичный завод), г. Елгава — 300 (Калнциемский кирпичный завод), г. Цесис — 400 (Известковый и кирпичный завод), ст. Саддус — 700 (Бреценский цементный завод).

4. Министерство жилищно-гражд[анского] стр[оительст]ва ЛССР — 2300 чел., из них г. Рига — 1400 (Министерство жил[ищно-]гражд[анского] строит[ельства]), г. Цесис — 150 (СМУ № 7), г. Валмиера — 200 (СМУ № 7), г. Елгава — 200 (СМУ № 3), г. Даугавпилс — 200 (СМУ № 5), г. Резекне — 150 (СМУ № 6).

5. Управление целлюлозно-бумажной промышл[енности] ЛССР — 800 чел., из них г. Слока — 300 (Слокский бум[ажный] комбинат), г. Югла — 300 (Бумфабрика "Югла"), г. Лигатне — 200 (Бум[ажная] фабрика "Лигатне").

6. Латэнерго — 500 чел.

7. Рижский электромеханический завод — 500 чел.

Итого — 15 000 чел.»[1]

Проработанность деталей выгодно отличала предложения Госплана Латвии от предложений их литовских коллег. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что запрос был сверстан без учета данных о количестве освобождаемых репатриантов призывного возраста. На самом деле латышей среди таковых насчитывалось не 15, а лишь около 9 тысяч[2].

В Эстонии думали дольше всего. Лишь в конце августа в МВД СССР пришел запрос от зампреда Совета министров ЭССР, причем составлен он был весьма расплывчато: «Прошу Ваших указаний Управлению Беломорстроя, [а] также прочим Управлениям, передающим спецконтингент в распоряжение Государственной Плановой Комиссии Эстонской ССР, направлять таковой на ст. Пыллкюла Харьюмаского уезда Эстонской ССР, где последний распределяется между министерствами ЭССР, согласно плана республиканского Бюро распределения и учета рабочей силы»[3].

К этому времени, однако, в Москве уже было принято иное решение. 7 сентября замминистра внутренних дел В. Чернышов подписал указание следующего содержания:

---

1 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 26.

2 Там же. Л. 55–56.

3 Там же. Л. 35.

«...В соответствии с Постановлением Совета Министров Союза ССР № 1626-718сс от 27.VII/1946 г., прибалтийцы — латыши, литовцы, эстонцы, из состава спецконтингента призывных возрастов (1922–1927 г.г. рождения), независимо от национальности подлежат направлению на работы комбината № 7 МВД СССР, по адресу: ст. Нарва Эстонской ж. д.

Приказом МВД № 00775 от 15.VIII-1946 г. предусмотрено организовать из этого состава десять рабочих батальонов.

Прошу дать необходимые указания местам об отправке репатриантов латышей, эстонцев и литовцев призывных возрастов, ныне находящихся в промышленности, на работы комбината № 7 МВД СССР...»[1]

Это решение серьезным образом корректировало указ Совета министров СССР от 13 апреля 1946 г. Несмотря на то что комбинат № 7 находился на территории Эстонии, он имел достаточно косвенное отношение к промышленности прибалтийских республик. Задачей этого комбината было извлечение урана из местного сырья — диктионемового сланца; подчинялся же он 1-му Главному управлению при Совете министров СССР[2].

Остается неизвестным, насколько решение сосредоточить освобождаемых прибалтов призывного возраста на комбинате № 7 было вызвано неоперативностью Госпланов прибалтийских республик. С одной стороны, центральные и региональные ведомства активно вели борьбу за рабочие руки и «зевать» в этой борьбе не рекомендовалось. С другой — 1-е Главное управление при Совете министров СССР было структурой более мощной, чем промышленные предприятия прибалтийских республик, и свои интересы могло лоббировать эффективнее. Следует, впрочем, заметить, что далеко не все репатрианты призывного возраста были в итоге направлены на строительство комбината № 7. Согласно данным российских историков, численность строителей комбината составляла к 01.11.46 — 6596, к 01.01.47 — 10 151, к 01.08.47 — 9290[3]. Общее же число репатриированных прибалтов призывного возраста составляло около 12,5 тысячи чел.[4]

---

[1] Там же. Л. 36.

[2] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998. Цит. по: http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-152.htm.

[3] Там же.

[4] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 135–137.

Организации, не столь могущественные, как 1-е ГУ СМ СССР, вели борьбу за рабочие руки репатриантов «партизанскими» методами. Руководство предприятий, на которых работали репатриированные прибалты, затягивало сначала предоставление местным УМВД информации о наличии у них репатриантов, а затем — и их отправку на родину[1]. Это вызывало недовольство стремившихся вернуться на родину прибалтов; в Тульской области дело дошло до массового (880 чел.) дезертирства[2]. Органы МВД дезертиров ловили и привлекали к уголовной ответственности, одновременно пытаясь добиться от руководства предприятий неукоснительного выполнения приказа № 00336.

Впрочем, одно из ведомств смогло отстоять свои интересы. В сентябре 1946 г. министр угольной промышленности Вахрушев написал на имя Берия письмо с просьбой дать распоряжение МВД СССР не производить до конца года отправку в Прибалтику рабочих, занятых на шахтах Урала и Кузбасса. Через несколько дней МВД СССР получило копию письма Вахрушева с резолюцией: «Согласиться на три месяца. Л. Берия. 14.IX»[3]. Общая численность этой категории составила 11 248 чел.[4]

В начале октября 1946 г. в МВД СССР подвели первые итоги операции по освобождению репатриированных коллаборационистов-прибалтов. Всего таковых было выявлено 44 169 чел., из них эстонцев — 6507, латышей — 30 824 и литовцев — 6838. Из них к 20 сентября было освобождено и направлено в Прибалтику 9069 чел., в том числе в Эстонию — 621, в Латвию — 7396 и в Литву — 1052. Чтобы успеть уложиться в указанные приказом № 00336 сроки, отправку репатриированных прибалтов на родину следовало резко ускорить. За оставшиеся три месяца нужно было вернуть в Прибалтику более 35 тысяч чел.[5]

Однако, несмотря на усилия органов МВД, скорость отправки на родину прибалтов увеличивалась незначительно. Спустя месяц

---

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 71, 59.

[2] Там же. Л. 99–100, 103–104.

[3] Там же. Л. 40.

[4] Там же. Л. 58–59.

[5] Там же.

с небольшим в отчете МВД СССР было зафиксировано, что по состоянию на 1 ноября в Прибалтику было направлено в общей сложности 14 969 репатриантов (в том числе в промышленность — 5611 и к месту жительства — 9358 чел.)[1]. Не отправленными на родину оставалось около 28 тысяч чел.

По состоянию на 10 декабря ситуация улучшилась, однако в сроки, указанные в приказе № 00336, уложиться все равно не удавалось. К 10 декабря на родину было отправлено в общей сложности 26 599 чел. (в том числе в промышленность — 10 691, к месту жительства — 15 908 чел.)[2].

Лишь к концу марта 1947 г. большая часть репатриированных коллаборационистов вернулась на родину. Вот справка, подписанная зам. начальника ГУББ МВД СССР от 27 марта 1947 г.:

«Органами МВД-УМВД выявлено на территории Советского Союза репатриированных советских граждан прибалтийских национальностей — 41 572 чел. Из них латышей — 28 712 чел., эстонцев — 6819 чел., литовцев — 6041 чел.

Из общего количества выявленных репатриантов национальностей Прибалтийских республик:

а) лиц призывного возраста — 12 527 чел., из которых направлено в промышленность и на строительство в прибалтийские республики — 11 787 чел.;

б) лиц непризывного возраста — 29 045 чел., из которых направлено к месту постоянного жительства — 26 375 чел. Из них в Латвийскую ССР — 19 116 чел., в Эстонскую ССР — 2898 чел., в Литовскую ССР — 4361 чел.

Из общего количества выявленных репатриантов (41 572 чел.) освобождено из ИТЛ, ПФЛ, спецпоселений, рабочих батальонов и направлено в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР 38 162 чел.

Осталось неотправленными на родину 3410 чел., из них: латышей — 2301, эстонцев — 842 чел., литовцев — 267 чел.

Задержка в отправке на родину и в промышленность Прибалтийских республик 3410 чел. объясняется:

[1] Там же. Л. 82–84.

[2] Там же. Л. 85–86.

а) начальник УМВД Хабаровского края сообщил, что отправка задержалась прокладкой ледяной дороги через реку Амур. Из имевшихся там контингентов осталось неотправленных в Прибалтику около 500 чел., которые в ближайшее время будут отправлены;

б) по УМВД строительства Дальнего Севера — 854 чел. подготовлены к отправке первым пароходом;

в) по МВД Грузинской ССР — из 305 чел., переданных из рабочих батальонов 11 Строительному управлению МВД СССР, по состоянию на 1.3.1947 г. числится неотправленными 38 чел., остальной контингент направлен в Латвию, Эстонию и Литву. Задержка отправки объясняется направлением людей в пассажирских поездах мелкими партиями, отсутствием обуви и обмундирования;

г) по УМВД Молотовской области — отправка 203 чел. задержалась согласно распоряжению товарища БЕРИЯ Л. П. от 14.IX-1946 г. № ЛБ-20212 об отсрочке отправки на три месяца контингентов, занятых в угольной промышленности восточных районов СССР;

д) по УМВД Красноярского края — 46 чел. остались неосвобожденными из Норильлага МВД. Они будут вывезены с открытием навигации;

е) по МВД Казахской ССР — 21 чел. остались неотправленными по мотивам отсутствия нарядов на транспорт, ГУББ МВД СССР дано указание 8.2.1947 г. № 7/8/112 об отправке их одиночным порядком.

В Карело-Финской ССР, Новосибирской, Калининской, Смоленской, Горьковской, Саратовской областях остались незначительные количества контингентов, которые подлежат отправке в самое ближайшее время»[1].

К середине 1947 г. возвращение репатриированных коллаборационистов-прибалтов на родину было завершено. Однако этим дело не окончилось: 12 июня 1947 г. Совет министров СССР принял постановление, которое с некоторыми оговорками распространяло действие постановления от 13 апреля 1946 г. на лиц других национальностей (кроме немцев), являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии[2].

---

[1] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 135–137.

[2] Население России в XX веке. Т. 2. С. 161. См. также: ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1083. Л. 277–278.

Заключение

Основные принципы репрессий против сотрудничавших с нацистскими оккупационными властями коллаборационистов были определены приказом НКВД СССР № 001683 от 12 декабря 1941 г., дополненным указаниями НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. Согласно этим нормативным документам, аресту и впоследствии суду подвергались все сотрудники административных органов и созданных оккупантами вооруженных формирований; граждане, чье сотрудничество с оккупантами было незначительным, брались под наблюдение, однако не репрессировались.

С течением времени подход к наказанию коллаборационистов становился все более дифференцированным. 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, предусматривавший ужесточение наказания для нацистов и местных коллаборационистов за участие в убийствах и истязаниях советских военнопленных и гражданского населения. В указе проводилось различие между изменниками Родины и пособниками врага. Уличенных в преступлениях против мирного населения и военнопленных изменников Родины, так же, как и преступников-нацистов, ждала смертная казнь через повешение. Пособников врага, уличенных в оказании содействия в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, ждала ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Ужесточив наказание для тех, кто был непосредственно замешан в уничтожении мирного населения и военнопленных, советское руководство одновременно начало смягчать наказание для тех коллаборационистов, кто в подобных преступлениях замешан не был. 11 сентября 1943 г. была издана совместная директива НКВД и НКГБ СССР № 494/94, ознаменовавшая новый подход к репрессиям против коллаборационистов. Согласно этой директиве, аресту подлежали офицеры коллаборационистских формирований, те из рядовых, кто участвовал в карательных операциях против мирного населения, перебежчики из Красной Армии, бургомистры, крупные чиновники, агенты гестапо и абвера, а также те из сельских старост, кто сотрудничал с немецкой контрразведкой. Всех прочих коллаборационистов призывного возраста направляли в проверочно-фильтрационные

лагеря, где проверяли на тех же условиях, что и вышедших из окружения бойцов Красной Армии и военнопленных. Коллаборационисты же непризывного возраста, согласно директиве от 11 сентября 1943 г., освобождались — хоть и оставаясь под наблюдением органов НКГБ.

Одновременно с применением строго дифференцированного подхода к коллаборационистам, осуждавшимся в индивидуальным порядке, советская власть осенью 1943 г. приступила к подготовке и проведению так называемых депортаций «возмездия» против целых народов (карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар). По всей видимости, решение о депортации народа в Кремле принимали тогда, когда, во-первых, были уверены (обоснованно или необоснованно) в наличии среди представителей этого народа значительного числа коллаборационистов, повстанцев и дезертиров, и, во-вторых, когда из-за традиционной структуры общества не имели возможности покарать преступников в индивидуальном порядке. Тот факт, что начало подготовки депортаций «возмездия» по времени совпадает с выходом директивы № 494/94, подтверждает наше предположение. В Кремле одновременно определили порядок индивидуального наказания для коллаборационистов и приступили к подготовке депортации тех, кого в индивидуальном порядке наказать не могли.

После Победы советское руководство столкнулось с новым аспектом проблемы коллаборационистов. На территории бывшего рейха находились миллионы советских граждан. Большинство из них были вывезены из СССР насильно: остарбайтеры, заключенные концлагерей, военнопленные. Но были и те, кто ушел с немецкими войсками добровольно, опасаясь возмездия за сотрудничество с врагом. Были и те, кто служил в созданных нацистами «национальных легионах», дивизиях войск СС и «Русской освободительной армии».

Решение было принято достаточно простое. Репатриированные коллаборационисты направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря, где проверялись на предмет совершения военных преступлений. Документы свидетельствуют, что подавляющее большинство коллаборационистов эту проверку проходили успешно.

Окончательная судьба репатриантов-коллаборационистов была определена постановлениями ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета министров СССР от

29 марта 1946 г. Согласно этим постановлениям из проверочно-фильтрационных лагерей эти люди были направлены на шестилетнее спецпоселение. Как и в случае с депортациями народов 1943–1944 гг., советское руководство в данном случае отказалось от принципов индивидуального наказания, предпочтя в целом более мягкое коллективное наказание.

Как видим, репрессивная политика советских властей по отношению к коллаборационистам с течением времени существенно смягчалась и становилась все более и более дифференцированной. Рядовой сформированного оккупантами полицейского батальона в 1942 г. арестовывался и был судим за измену Родине; в 1944 г. точно такой же рядовой полицейский подвергался проверке на тех же основаниях, что и вышедший из окружения красноармеец, после чего направлялся на работу в народное хозяйство или призывался в Красную Армию. Однако если рядовой-коллаборационист при приближении Красной Армии ушел вместе с немцами и был впоследствии репатриирован обратно в СССР, то он отправлялся в ссылку сроком на шесть лет.

Последовательное смягчение советской репрессивной политики по отношению к коллаборационистам объясняется прежде всего осознанием вынужденного характера сотрудничества с нацистами для большей части оказавшихся под оккупацией советских граждан. В 1941 г. измену Родине порою видели там, где ее и в помине не было; в 1943 г. пришло понимание того, что в условиях жесточайшего оккупационного режима вступление в коллаборационистские формирования было зачастую лишь средством выживания как для советских военнопленных, так и для мирных жителей.

Коллаборационизм в прибалтийских республиках имел свою специфику, отличавшую его от коллаборационизма на территории России, Украины и Белоруссии. В Прибалтике процент коллаборационистов к общей численности населения был значительно более высок; сформированные из прибалтов подразделения вспомогательной полиции отметились в масштабных карательных операциях против мирного населения России и Белоруссии, охраняли концлагеря от Ленинградской области на севере до Сталинградской на юге, участвовали в боях против Красной Армии на фронте. Всего же, по подсчетам российского историка С. И. Дробязко, в составе вермахта, войск СС,

в полиции и военизированных формированиях служило до 300 тысяч прибалтов (6,3 % от общего числа проживавших в Прибалтике эстонцев, латышей и литовцев). Для сравнения: численность коллаборационистов-славян оценивается историками в 700 тысяч чел., что составляет примерно 1,25 % от общего числа проживавших на оккупированных территориях СССР русских, украинцев и белорусов.

Несмотря на эту специфику, репрессии против коллаборационистов на территории Прибалтики осуществлялись в соответствии с директивой № 494/94. Репрессиям подвергались преимущественно офицеры, руководящие работники гражданской администрации и те из коллаборационистов, чье участие в преступлениях против мирных граждан было доказано.

Об этом свидетельствует статистика репрессий в Прибалтике. В 1944 г. в Эстонии было арестовано около 3,5 тысячи чел., около 2 тысяч (60 %) из которых составили коллаборационисты. В Латвии за тот же период было арестовано от 3,5 до 4 тысяч чел., примерно 70 % из которых составляли коллаборационисты. Общее число арестованных органами НКВД-НКГБ в Литве за 1944 г. составило около 12,5 тысячи чел., численность коллаборационистов среди которых составила менее 10 %. Столь малый процент коллаборационистов среди арестованных объясняется тем, что после прихода советских войск значительная часть литовских коллаборационистов ушла в леса. В случае ареста эти люди проходили в статистике органов НКВД-НКГБ уже не как нацистские пособники, а как участники бандформирований.

Репрессии против коллаборационистов в Прибалтике, разумеется, не были закончены в 1944 г. В Эстонии в 1945–1946 г. общее число арестованных органами НКВД-МВД в 1945 г. составило 3731 чел., а в 1946 г. — 887 чел. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 1476 немецких ставленников и пособников (около 40 % от общего числа арестованных). В 1946 г. по этой категории было арестовано всего 30 чел. (3,3 % от общего числа арестованных), причем в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент».

В Латвии картина репрессий против коллаборационистов по линии НКВД-МВД имела несколько иной характер. Общее число арестованных НКВД-МВД Латвийской ССР в 1945 г. составило 3869 чел.,

а в 1946 г. — 2196 чел. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 1055 нацистских ставленников и пособников (около 27 % от общего числа арестованных). В 1946 г. по этой категории было арестовано 243 чел. (около 11 % от общего числа арестованных). Как и в случае с Эстонией, в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент».

Репрессивная деятельность органов НКВД-МВД Литовской ССР была несравненно более масштабна, чем деятельность их коллег в Латвии и Эстонии. Общее число арестованных НКВД-МВД Литовской ССР составило в 1945 г. 25 495 чел., а в 1946 г. — 6121 чел. Из этого числа в 1945 г. было арестовано 3313 (13 % от общего числа арестованных) немецких ставленников и пособников. В 1946 г. число арестованных по этой категории составило 938 чел. (15,3 % от общего числа арестованных). Как и в остальных прибалтийских республиках, в это число вошли не только коллаборационисты, но и «другой антисоветский элемент».

Масштабы репрессий против прибалтийских коллаборационистов со стороны органов НКГБ-МГБ в 1945–1946 гг. имели примерно следующий характер: в Эстонии в 1945 г. было арестовано примерно 3000 немецких ставленников и пособников, а в 1946 г. — около 300 чел. В Латвии эти показатели составили примерно 3,5 тысячи в 1945 г. и 800 чел. в 1946 г. И, наконец, в Литве органами госбезопасности было арестовано около 3,5 тысячи коллаборационистов в 1945 и около 2,5 тысячи в 1946 г.

Таким образом, общее число арестованных коллаборационистов на территории прибалтийских республик за период с 1944 по 1946 г. можно определить следующим образом: примерно 6,5 тысячи в Эстонии, около 8 тысяч в Латвии и 10–11 тысяч в Литве. При этом во всех трех республиках общее число арестованных коллаборационистов ежегодно сокращалось. Это наглядно свидетельствует о том, что органы НКВД-НКГБ в своей деятельности продолжали придерживаться директивы № 494/94 и массовых репрессий против рядовых коллаборационистов не развязывали.

Нетрудно заметить также, что размах репрессий против коллаборационистов достаточно четко увязывался с масштабами деятельности в прибалтийских республиках формирований «лесных братьев». Чем масштабнее была деятельность «лесных братьев», тем активнее

органы НКВД-МВД проводили репрессии против коллаборационистов, рассматривавшихся как своеобразный «кадровый резерв» националистических бандформирований. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что если бы активность прибалтийских «лесных братьев» находилась на минимальном уровне, размах репрессий против местных коллаборационистов оказался бы еще менее масштабным, чем в реальности.

Как видим, советские власти в 1944–1946 гг. удержались как от акций «коллективного возмездия» по образцу депортаций народов 1943–1944 гг., так и от массовых репрессий против прибалтийских коллаборационистов. Наказание ждало не всех, кто участвовал в сотрудничестве с врагом, а только тех, кто в этом сотрудничестве особо «отличился». Наглядным подтверждением этого тезиса является тот факт, что даже в конце 1940-х гг. в государственном аппарате прибалтийских республик продолжало работать множество оставшихся на свободе коллаборационистов.

Кроме коллаборационистов, оставшихся на освобожденной советскими войсками территории, были и те, кто ушел вместе с немцами и после падения Третьего рейха был репатриирован в СССР. Первоначально к репатриантам-прибалтам относились так же, как и ко всем остальным репатриированным коллаборационистам. Судьба казалась вполне ясной: согласно постановлениям ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г., СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета министров СССР от 29 марта 1946 г. репатриированные коллаборационисты-прибалты, подобно репатриированным коллаборационистам прочих национальностей, должны были быть направлены на шестилетнее спецпоселение.

Однако уже в марте 1946 г. этот поход был изменен. Сначала привилегии получили гражданские репатриированные прибалты. Гражданские репатрианты также проходили проверку, после которой направлялись либо к месту жительства, либо (мужчины призывного возраста) в армию и рабочие батальоны. Однако для прибалтов этот принцип был изменен. 3 марта 1946 г. была издана директива наркома внутренних дел СССР № 54, согласно которой прошедших проверку гражданских репатриантов-прибалтов в армию и рабочие батальоны не брали. Директива не распространялась на репатриированных прибалтийских коллаборационистов, которые должны

были направляться на спецпоселение, однако в скором времени отпущены были и они.

Инициатива об амнистии для репатриированных коллаборационистов исходила от руководства Латвийской ССР. В марте 1946 г. Я. Калнберзиньш и В. Лацис направили В. Молотову докладную записку с просьбой отменить высылку латышских легионеров в отдаленные районы страны и оставить их в республике. Свою просьбу руководство Латвии мотивировало следующим образом: большинство бывших легионеров были не добровольцами, а мобилизованными; в случае их высылки их семьи оставались без кормильцев; репрессии в отношении легионеров отрицательно влияют на настроения местного населения; высказывались опасения в дефиците рабочих рук.

Инициатива получила поддержку со стороны МВД СССР. Министр внутренних дел С. Круглов предложил разрешить всем латышам непризывного возраста вернуться к месту жительства, а латышей призывного возраста направить на строительство и в промышленность на территории республики. Более того: глава МВД также считал необходимым распространить этот подход на жителей Эстонии и Литвы.

Решение было оформлено постановлением Совета министров СССР от 13 апреля 1946 г. Согласно этому документу репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на шестилетнее спецпоселение и из проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерей подлежали возвращению в Прибалтику.

Механизм освобождения репатриированных прибалтов-коллаборационистов был конкретизирован в директиве МВД СССР № 00336 от 19 апреля 1946 г. Согласно этому документу, репатриированные прибалтийские коллаборационисты призывного возраста направлялись на работу в промышленность Латвии, Литвы и Эстонии до тех пор, пока из Красной Армии не будут демобилизованы их сверстники. Коллаборационисты непризывного возраста сразу же направлялись к месту жительства своих семей. Характерным штрихом является тот факт, что согласно директиве № 00336 освобождению подлежали не только рядовые коллаборационисты, но и коллаборационисты-офи-

церы, в то время как офицеры-«власовцы» отправлялись прямиком в лагеря ГУЛАГа.

В середине июня 1946 г. органы МВД СССР приступили непосредственно к освобождению репатриированных прибалтов. Согласно подписанной замминистра внутренних дел В. Чернышовым директиве № 153, отправка освобожденных прибалтов на родину должна была быть завершена в сжатые сроки — к декабрю 1946 г.

В процессе выполнения директивы № 00336 в нее были внесены две серьезные коррективы. Во-первых, в соответствии с Постановлением Совета министров Союза ССР № 1626-718сс от 27 августа 1946 г. репатриированные прибалты призывного возраста независимо от национальности направлялись работать на комбинат № 7 МВД СССР (задачей комбината было извлечение урана из местного сырья — диктионемового сланца). Во-вторых, в сентябре 1946 г. министр угольной промышленности Вахрушев добился разрешения не производить до конца года отправку в Прибалтику рабочих, занятых на шахтах Урала и Кузбасса.

В начале октября 1946 г. в МВД СССР подвели первые итоги операции по освобождению репатриированных коллаборационистов-прибалтов. Всего таковых было выявлено 44 169 чел., из них эстонцев — 6507, латышей — 30 824 и литовцев — 6838. Из них к 20 сентября было освобождено и направлено в Прибалтику 9069 чел., в том числе в Эстонию — 621, в Латвию — 7396, и в Литву — 1052. Чтобы успеть уложиться в указанные приказом № 00336 сроки, отправку репатриированных прибалтов на родину следовало резко ускорить. За оставшиеся три месяца нужно было вернуть в Прибалтику более 35 тысяч чел..

Однако, несмотря на усилия органов МВД, скорость отправки на родину прибалтов увеличивалась незначительно. Спустя месяц с небольшим в отчете МВД СССР было зафиксировано, что по состоянию на 1 ноября в Прибалтику было направлено в общей сложности 14 969 репатриантов (в том числе в промышленность — 5611 и к месту жительства — 9358 чел.). Не отправленными на родину оставалось около 28 тысяч чел.

По состоянию на 10 декабря ситуация улучшилась, однако в сроки, указанные в приказе № 00336 уложиться все равно не удавалось. К 10 декабря на родину было отправлено в общей сложности

26 599 чел. (в том числе в промышленность — 10 691 и к месту жительства — 15 908 чел.).

Лишь к середине 1947 г. возвращение репатриированных коллаборационистов-прибалтов на родину было завершено. Однако этим дело не окончилось: 12 июня 1947 г. Совет министров СССР принял постановление, которое с некоторыми оговорками распространяло действие постановления от 13 апреля 1946 г. на лиц других национальностей (кроме немцев), являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии.

Современные прибалтийские историки достаточно хорошо осведомлены об освобождении репатриированных коллаборационистов-прибалтов в 1946–1947 гг. Однако этот сюжет толкуется прибалтийскими историками довольно странно. Так, например, в опубликованном в начале 2009 г. «Заключении» Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности утверждается, что решение о возвращении репатриированных коллаборационистов «не носило гуманитарного характера и предназначалось для смягчения проблемы рабочих рук в республиках Балтии». Это заявление является совершенно неадекватным. Проблема острой нехватки рабочих рук была характерна для всех республик разоренного войной Советского Союза. Более того, многие республики (в первую очередь Белоруссия и Украина) пострадали от войны гораздо серьезнее, чем республики Прибалтики, и, соответственно, больше нуждались в рабочих руках. Однако возвращение на Родину ждало только прибалтийских коллаборационистов; все прочие отправлялись на шестилетнее спецпоселение. Единственное решение, хоть как-то сопоставимое с постановлением Совета министров СССР от 13 апреля 1946 г., — это постановление от 2 октября 1946 г. «О возвращении на родину репатриированных грузин, армян и азербайджанцев»[1]. Однако это постановление, в отличие от «прибалтийского», не распространялось на «лиц, служивших в немецкой армии, легионеров, “власовцев” и полицейских». Освобождение репатриированных коллаборационистов-прибалтов — уникальный случай, свидетельствующий об особом отношении советских властей к Прибалтике.

---

[1] *Бикметов Р. С.* Репатрианты в промышленности Кузбасса... С. 85.

Как мы имели возможность убедиться, по отношению к нацистским пособникам в Прибалтике осуществлялась крайне осторожная репрессивная политика. Несмотря на наличие в регионе значительного числа нацистских пособников, Кремль не прибег к опробованным на народах Кавказа и Крыма депортациям «возмездия». Советское руководство неизменно придерживалось в Прибалтике политики индивидуального наказания нацистских пособников, причем не всех, а только части.

«ДОКЛАДНЫЕ БЕРИЯ» И ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИКИ СОВЕТСКИХ РЕПРЕССИЙ[1]

Изучение репрессивной политики советской власти невозможно без привлечения достоверной статистической информации. Только располагая соответствующей статистикой, мы можем проследить масштаб, динамику и направленность репрессий, делать предположения об их целях и задачах. Без статистики исследования советской репрессивной политики оказываются лишены фундамента, превращаются в конъюнктурные спекуляции «на заданную тему».

Однако выявление достоверной статистики — дело не столь легкое, как может показаться. В российских и зарубежных архивах отложилось большое количество внутренних документов органов НКВД-МГБ, содержащих статистические данные по репрессивной политике этих ведомств. Количество этих документов огромно; здесь есть и первичные данные, собранные территориальными органами внутренних дел и госбезопасности, и их обобщения, подготовленные уже в центральных аппаратах соответствующих ведомств, и итоговые справки, направлявшиеся руководству страны.

Первичные данные, разумеется, являются наиболее достоверными источниками. Сфальсифицировать огромный массив первичных данных невозможно, да и не нужно — ведь каждая из этих многочисленных докладных записок и информационных сообщений сама по себе мало что значит; она является лишь крошечным фрагментом общей картины.

---

[1] Первое издание — на эстонском языке: *Dyukov A.* «Beria ettekanded» ja nõukogude repressioonide statistika usaldusväärsuse küsimus // Dyukov A. Deporteerimised Eestis: Kuidas see toimus tegelikult. Tallinn, 2009. P. 183–195. В настоящем издании печатается исправленная версия, подготовленная с учетом критических замечаний, высказанных в: *Колеров М. А.* К вопросу о достоверности статистики сталинских репрессий и «новом курсе» Л. П. Берия в Прибалтике // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. X. М., 2011. С. 437–455.

К настоящему времени, однако, далеко не все первичные данные рассекречены и не все рассекреченные — введены в научный оборот. Таким образом, воссоздание полномасштабной картины советской репрессивной политики на основании первичных данных оказывается невозможным из-за фрагментарности источниковой базы. Именно поэтому историки, изучающие советские репрессии, обращаются к итоговым справкам о деятельности органов НКВД-МГБ, содержащим столь необходимые исследователям статистические данные.

Однако итоговые справки должны подвергаться гораздо более тщательной источниковедческой критике, чем первичные материалы. Как минимум некоторые из итоговых справок готовились не столько в информационных, сколько в политических целях; следовательно, в содержащихся в них данных могут быть заложены серьезные искажения. Отказ учета этой возможности может привести к использованию ложных данных, а это, в свою очередь, ставит под вопрос достоверность выводов исследователя.

Именно такую ошибку совершил вполне добросовестный исследователь, эстонский историк Тыну Таннберг, в 2005 г. опубликовавший статью «Новый курс Л. Берия по подавлению движения сопротивления в Балтии и в Западной Украине весной 1953 года»[1]. В качестве достоверного источника в данной статье использованы так называемые «докладные Берия» — комплекс докладных записок о положении в западных республиках СССР, подготовленных по заказу Л. Берия в мае–июне 1953 г. Таннберг использовал эти записки в качестве источника не только по истории «нового курса Берия», но и по советской репрессивной политике в республиках Прибалтики и на Украине. На основании «докладных Берия» Таннбергом была составлена следующая таблица (табл. 43):

[1] *Таннберг Т.* Новый курс Л. Берия по подавлению движения сопротивления в Прибалтике и на Западной Украине весной 1953 г. // Tuna. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 192–210. Эта статья была также воспроизведена в книге: *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. Тарту, 2008. С. 78–106.

Таблица 43. Масштабы репрессий в республиках Прибалтики и на Украине в 1944–1953 г. на основании докладов Л. Берии[1]

Вид репрессий	Эстония	Латвия	Литва	Украина	Всего
Арестовано	45 056 — 66,8 %	72 975 — 61,3 %	130 337 — 47,2 %	134 467 — 27,4 %	382 835 — 40,1 %
Убито «бандитов»	1495 — 2,2 %	2321 — 2,0 %	20 005 — 7,2 %	153 259 — 31,2 %	177 080 — 18,6 %
Депортировано	20 919 — 31,0 %	43 702 — 36,7 %	126 037 — 45,6 %	203 737 — 41,4 %	394 395 — 41,3 %
Всего	67 470 — 100 %	118 998 — 100 %	276 379 — 100 %	491 463 — 100 %	954 310 — 100 %

Аналогичные данные на основании все тех же докладных приводит российский историк Елена Зубкова в своей монографии «Прибалтика и Кремль»[2].

К сожалению, следует констатировать, что как минимум часть данных советских репрессий из «докладных Берия» не являются достоверными и не могут быть использованы при исследовании советской репрессивной политики в Прибалтике и на Украине.

* * *

Смерть Сталина в марте 1953 г. ознаменовала собой начало масштабной борьбы за власть между председателем Совета министров СССР Г. Маленковым, с одной стороны, министром внутренних дел СССР Л. Берия и секретарем ЦК КПСС Н. Хрущевым — с другой. Одним из важных элементов этого противоборства стал вопрос о положении в западных областях СССР.

Начиная с апреля 1953 г. в МВД начался сбор негативной информации о положении в республиках Прибалтики и на Западной Украине. К началу мая собранная информация была положена в основу первой «докладной Берия» — доклада «О ситуации в Литовской ССР», 8 мая направленного главой МВД СССР в Президиум ЦК КПСС. Спустя

1 *Таннберг Т.* Новый курс Л. Берии... С. 210.

2 *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008. С. 256, 321–333.

неделю, 16 мая, в президиум ЦК была отправлена новая докладная «О ситуации в западных областях Украинской ССР», подписанная опять-таки Берия[1].

Обе докладные записки были выдержаны в весьма мрачном тоне. Согласно этим документам, борьба с националистическим подпольем и бандформированиями в обеих республиках велась «неудовлетворительно», а жертвами репрессий со стороны органов МВД-МГБ за 1944–1953 гг. в Литве стало более 276 тысяч, а на Западной Украине — более 491 тысяч чел. 26 мая на основании этих докладов были утверждены два постановления Президиума ЦК КПСС, в которых вина за сложившееся положение была возложена на ЦК республиканских компартий и республиканские Советы министров. В постановлениях руководству Украинской и Литовской ССР было предписано «в ближайшее время добиться ликвидации буржуазного националистического подполья», проводя одновременно выдвижение на руководящие должности национальных кадров[2].

8 июня в президиум ЦК КПСС была направлена новая докладная записка «О положении дел в Латвийской ССР», подготовленная уже не Берия, а Хрущевым. Содержательная же часть докладной была идентична предыдущим запискам: националистическое подполье не подавлено, репрессии со стороны советских властей были «огульными», необходимо выдвигать национальные кадры[3]. Примерно в то же время в Президиум ЦК КПСС поступила еще одна докладная, подписанная Хрущевым, — на сей раз о «неудовлетворительном» положении в Белорусской ССР. Одновременно под руководством Хрущева готовились еще две записки — по Молдавии и Эстонии[4]. Проект записки по положению в Эстонии был предоставлен заведую-

---

1 См.: *Максименков Л.* Признания лубянского маршала: Неизвестный меморандум Лаврентия Берия о положении в Литве в 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа; *Максименков Л.* Неуслышанное предупреждение: Меморандум Лаврентия Берия о положении на Западной Украине в 1953 г. // Независимая газета. 2004. 3 декабря.

2 Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 46–52.

3 *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. С. 327–329.

4 *Жуков Ю. Н.* Сталин. Тайны власти. М., 2005. С. 666. 12 июня 1953 г. на основании докладной записки «О положении в Белоруской ССР» Пре-

щим отделом ЦК Е. Громовым своему непосредственному начальнику Хрущеву 20 июня 1953 г.[1] Однако оказаться оформленным в качестве докладной в Президиум ЦК КПСС этому документу было не суждено; 26 июня Берия, инициировавший разработку предыдущих записок, оказался арестован.

Поскольку логического завершения история «докладных Берия» (под этим термином мы понимаем всю совокупность подготовленных для Президиума ЦК КПСС докладных записок о положении в западных регионах страны) не обрела, историкам остается лишь строить предположение, зачем подготовка этих документов понадобилась главе МВД СССР в самый разгар серьезной борьбы за власть. Наиболее вероятным, на наш взгляд, выглядит предположение историка Юрия Жукова, считающего, что таким образом Берия готовил ловушку для своего главного соперника Маленкова: «Должен был собраться президиум ЦК. А на нем выступил бы Берия — или, может быть, Хрущев, Молотов, Булганин — и выдвинул обвинения в адрес Маленкова. На него возложена была бы вся ответственность за положение дел в Прибалтике, западных областях Белоруссии и Украины, а заодно — за все репрессии послевоенного периода, за поддержку Абакумова, Рюмина... Выступили бы и другие, усугубив вину Маленкова, приведя новые “факты” его серьезных политических ошибок. Затем большинством в семь, а возможно, и в девять голосов Президиум освободил бы Георгия Максимилиановича от обязанностей председателя Совета Министров СССР, вывел бы его из состава Президиума...»[2]

Несомненная политическая значимость «докладных Берия» заставляет критически подойти к их содержанию. Перед историками встает принципиально важный вопрос: насколько содержащиеся в этих документах данные достоверны, не сфальсифицированы ли они в политических целях?

Вопрос о достоверности содержащихся в «докладных Берия» данных о размахе советских репрессий возник практически сразу после ареста Берия. На состоявшемся в июле 1953 г. пленуме ЦК

зидиумом ЦК КПСС было принято соответствующее постановление. См.: Лаврентий Берия. 1953... С. 61–62.

[1] *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии... С. 312–320.

[2] *Жуков Ю. Н.* Сталин. Тайны власти. С. 667.

КПСС первый секретарь ЦК компартии Литвы А. Снечкус произнес следующую речь:

> «Теперь несколько слов о том, как составлялась записка Берия... Ее составлял не Шария, о котором упоминали, ее составлял в основном другой кудесник в генеральской форме — Сазыкин. Этот Сазыкин был в Литве два раза, но в ЦК не зашел, и ЦК не знал даже, что тот в Литве был, был инкогнито...
>
> Товарищи из МВД Литвы сначала возражали против многих положений в записке Берия, но были вынуждены затем подписать документ после непристойных грубостей. Товарищ Мартавичус — заместитель министра внутренних дел Литовской ССР пишет так: "Докладная записка, составленная нами... была весьма самокритичная докладная записка, но Берия она не удовлетворила. Он обвинил нас в сокрытии действительного положения в Литве (хотя этого руководство Литвы даже в мыслях не допускало). Берия обругал нас самой низкопробной бранью, пригрозил и заставил переделать в угодном ему духе, то есть раздуть состояние действующего националистического подполья и руководящих центров католического духовенства, показать их массовыми, строго организованными и централизованными, находящимися вне нашего поля зрения. Что касается националистического подполья, такого положения у нас в республике нет, но мы вынуждены были так это подполье описать, как хотелось Берия. На мои возражения Берия против этой необъективной оценки положения он на меня обрушился руганью с угрозами". Вот как эта записка составлялась.
>
> Да, кстати о пресловутой цифре. В докладной записке дана большая цифра — 270 тысяч всех репрессированных, но она составлялась нечестно. Вот взять хотя бы то, что там, в записке указано с 1944 года, а между тем входят и репрессированные до войны 1941 года. Это одно, и потом там, видимо, по нескольку раз тот же самый человек проходит. В эту цифру входят и немцы, репатриированные в Германию. А эта цифра у нас теперь в республике начала ходить, на Пленуме ведь она была оповещена»[1].

Во время следствия по делу Берия показания о фальсификации содержавшихся в «докладной Берия» статистики репрессивной деятельности дал министр внутренних дел Литовской ССР Петр Кондаков. Вот эти показания:

---

[1] Лаврентий Берия. 1953... С. 297.

«Не удовлетворившись моим докладом, Берия приказал вызвать в Москву моих заместителей — Мартавичуса и Гайлявичуса. 23 апреля я вместе с ними прибыл к Берия. На этом приеме Берия дал указание нам выехать в Литву, собрать материалы о состоянии партийного и советского аппарата и эти материалы доложить ему через три дня. Мы выехали в Вильнюс, а вместе с нами, в качестве наблюдающего, Берия был направлен Сазыкин. Была подготовлена объективная докладная записка, однако ею Берия не удовлетворился. Он снова ругал нас и обвинял в том, что мы якобы пытаемся скрыть действительное положение дел в Литве. Снова мы выехали в Литву. 5 мая с. г. я и мой заместитель Мартавичус были опять вызваны к Кобулову. Нам объяснили, что мы приглашены для участия в подготовке проекта записки Президиуму ЦК КПСС. В действительности же оказалось, что проект указанной записки уже был подготовлен Кобуловым. В этой записке данные о репрессированных были увеличены, сюда включили даже задерживаемых, а цифру погибших от рук националистического антисоветского подполья Кобулов слишком завуалировал. По указаниям Берия в органах МВД Литвы было проведено большое сокращение штатов, ликвидированы областные управления МВД и заново расставлен руководящий состав как в министерстве, так и в периферийных органах. Это привело к полнейшей дезорганизации работы органов МВД Литвы и к тому, что националистическое подполье подняло голову и активизировало свою антисоветскую подрывную деятельность»[1].

Свидетельства Снечкуса и Кондакова о заложенных в «докладных Берия» фальсификациях достаточно важны. Этому, однако, существуют более существенные доказательства. В подписанной Л. П. Берия докладной записке «О ситуации в Литовской ССР» от 8 мая 1953 г. утверждается, что в 1944–1952 гг. из пределов Литовской ССР было выслано 126 037 чел. «как кулаки, укрыватели и пособники банд»[2]. Однако в датируемой концом декабря 1952 г. обобщающей справке МГБ Литовской ССР за подписью министра П. Кондакова о резуль-

---

1 *Сухомлинов А. В.* Кто вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. М., 2003. С. 343–344. См. также: Политбюро и дело Берия: Сборник документов / Под ред. О. Б. Мозохина. М., 2012. С. 169–173.

2 См.: *Максименков Л.* Признания лубянского маршала: Неизвестный меморандум Лаврентия Берия о положении в Литве в 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа.

татах борьбы с националистическим подпольем приводится заметно меньшая цифра депортированных за тот же период: 106 037 чел. (эта информация дается с разбивкой по годам)[1]. Разница, как видим, составляет ровно 20 000 чел., что наводит на мысли о приписке. Данные еще одной обобщающей справки МВД Литовской ССР, датируемой уже октябрем 1953 г., совпадают с данными докладной П. Кондакова: общая численность депортированных — 106 037 чел.[2]

Численность арестованных по принадлежности к националистическому подполью и убитых боевиков в записке П. Кондакова практически точно соответствует данным докладной Л. Берия от 8 мая 1953 г. При этом, однако, в докладной Берия появляется еще один раздел, отсутствующий в справке Кондакова: «арестованные по линии органов прокуратуры и милиции» (табл. 44). Как мы помним, в показаниях Кондакова упоминалось о том, что в число репрессированных были включены «даже задерживаемые»; по всей видимости, речь шла именно об этой строчке.

Таблица 44. Статистика советских репрессий на территории Литвы за период 1944–1952 гг. в докладных П. Кондакова и Л. Берия[3]

	П. Кондаков, конец декабря 1952 г.	**Л. Берия, 08.05.1953**
Убито бандитов и бандпособников	20 093	20 005
Арестовано по обвинению в принадлежности к антисоветскому националистическому подполью	62 086	63 011
Арестовано по линии органов прокуратуры и милиции	—	67 326
Депортировано	106 037	126 037

Похожую картину мы наблюдаем и применительно к Западной Украине. Как мы помним, 16 мая 1953 г. Берия подписал и направил

[1] LYA. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 407. Л. 264.

[2] Там же. Д. 441. Л. 1.

[3] Составлено по: *Максименков Л.* Признания лубянского маршала: Неизвестный меморандум Лаврентия Берия о положении в Литве в 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа; LYA. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 407. Л. 264.

в Президиум ЦК КПСС докладную записку «О ситуации в западных областях Украинской ССР». Совсем недавно украинскими историками в научный оборот был введен документ, на котором основывается «докладная Берия» от 16 мая. Это докладная записка министра внутренних дел УССР П. Мешика министру внутренних дел СССР Л. Берия от 22 апреля 1953 г. Сопоставление данных о репрессивной деятельности на Западной Украине, содержащихся в этих документах, позволяет увидеть очень интересную деталь (табл. 45).

Таблица 45. Статистика советских репрессий на территории Западной Украины за период 1944–1953 гг. в докладных П. Мешика и Л. Берия[1]

	П. Мешик, 22.04.1953	**Л. Берия, 16.05.1953**
Убито бандитов и бандпособников	153 259	153 259
Арестовано	103 003	134 467
Депортировано	203 737	203 737

Как видим, численность убитых и депортированных в докладных Мешика и Берия совпадают с точностью до единицы. А вот данные об арестованных различаются практически на треть: чуть больше 103 тысяч у Мешика и более 134 тысяч у Берия. Это расхождения невозможно объяснить иначе, чем намеренной фальсификацией[2].

К сожалению, по Латвии документы, на основании которых готовились соответствующие «докладные Берия», в научный оборот

[1] Составлено по: *Максименков Л.* Неуслышанное предупреждение: Меморандум Лаврентия Берия о положении на Западной Украине в 1953 г. // Независимая газета. 2004. 3 декабря; Боротьба проти повстаньского руху і націоналістичного підпілля: Протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА, 1944–1945 / Упор. О. Іщук, С. Кокін. Київ; Торонто, 2007. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 9.] С. 15 (со ссылкой на ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 58. Л. 1–4).
Примечание. ОУН и УПА признаны экстремистскими и запрещены в РФ.

[2] Следует также отметить, что П. Мешик был «человеком Берия»; его назначили на должность министра внутренних дел УССР в середине марта 1953 г. Поэтому не исключено, что данные о репрессиях, приведенные в его докладной, также неадекватны.

пока не введены. А вот по Эстонии предварительные документы имеются – они опубликованы историком Тыну Таннбергом. И здесь мы видим совсем другую картину.

Докладная записка о положении в Эстонии, как мы уже упоминали, готовилась одной из последних; ее проект был предоставлен Хрущеву только 20 июня 1953 г. Ей предшествовало два документа: подписанная министром внутренних дел ЭССР М. Крассманом «Справка о положении с национальными кадрами в МВД Эстонской ССР и о результатах проведенных мероприятий органами МВД Эстонской ССР с националистическим подпольем в Эстонии» от 4 июня 1953 г. и справка 4-го отдела МВД ЭССР «О работе органов МВД Эстонской ССР по ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд за период с 1944 по 1 июня 1953 г.» от 8 июня 1953 г.[1]

Сопоставление этих документов с подготовленным Е. Громовым проектом «докладной Берия» от 20 июня 1953 г., однако, преподносит нам сюрприз. В отличие от случая с докладной Мешика, данные, содержащиеся в справке Крассмана и справке 4-го отдела МВД ЭССР, в точности совпадают с данными, приведенными в проекте «докладной Берия» (табл. 46).

Таблица 46. Статистика советских репрессий на территории Эстонии за период 1944–1953 гг. в докладных М. Крассмана и Е. Громова[2]

	М. Крассман, 04.06.1953	**Е. Громов, 20.06.1953**
Арестовано органами госбезопасности	18 772	18 772
Арестовано органами милиции и прокуратуры	26 284	26 284
Убито как участников банд нацподполья	1495	1495
Выслано из пределов республики	20 919	20 919
Всего	67 470	67 470

По мнению Тыну Таннберга, это совпадение свидетельствует о достоверности статистики, содержащейся в докладной от 20 июня

[1] *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии... С. 286–297.

[2] Там же. С. 286–288, 312–317.

1953 г.[1] В отличие от докладных записок по Литве и Западной Украине, фальсификации численности репрессированных в записке по Эстонии не обнаружилось. По всей видимости, это связано с тем, что данная записка готовилась не в аппарате Л. Берия, а в аппарате Н. Хрущева.

* * *

Окончательно вопрос о достоверности содержащихся в «докладных Берия» статистических данных о масштабах репрессий в западных областях СССР будет решен только после ввода в научный оборот подготовительных материалов, на которых эти документы основываются. Доступные к настоящему времени источники свидетельствуют, что статистика советских репрессий в «докладных Берия» была серьезно завышена по политическим соображениям. В качестве достоверного источника по истории советской репрессивной политики эти документы рассматриваться не могут.

---

[1] *Таннберг Т.* Новый курс Л. Берии... С. 196–197.

II

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР

«КАК И ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ С ПОЛЯКАМИ»: АНТИПОЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ОУН* В КЛЮЧЕВЫХ ДОКУМЕНТАХ[1]

Введение

Трагические события «Волынской резни» 1943–1945 гг. до сих пор привлекают внимание не только историков, но и широкой общественности. Многочисленные монографии и документальные публикации, вышедшие в свет в последние десятилетия, позволяют детально изучить кровавую этническую чистку[2], унесшую от 60 до 200 тысяч жизней польских жителей Волыни и Галиции, описать процесс организованных украинскими националистами массовых убийств поляков на локальном уровне, назвать имена палачей, жертв и спасавших жизни поляков праведников[3]. Нет сомнений, что работа по изучению трагедии будет продолжаться и дальше.

---

* ОУН признана экстремистской и запрещена в РФ.

1 Впервые опубликовано: *Djukov A.* «Dlaczego walczymy z Polakami»: Antypolski program OUN w kluczowych dokumentach. Warszawa, 2017.

2 О термине см.: *Манн М.* Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток / Пер. с англ. под ред. В. Малахова. М., 2016.

3 Dzieje Komitetu Ziem Wschodnich na tle losów ludności polskich Kresów w latach 1943–1947, t. 2. Dokumenty i materiały zgromadzone przez działaczy i członków KZW / Oprac. L. Kulińska. Kraków, 2001; Eksterminacja narodu polskiego i Kościoła rzymskokatolickiego przez ukraińskich nacjonalistów w Małopolsce wschodniej w latach 1939–1945: materiały źródłowe / Oprac. J. Wołczański. Kraków, 2005–2006. Cz. 1–2; *Kulińska L.* Antypolska akcja nacjonalistów ukraińskich w Małopolsce Wschodniej i na Wołyniu w świetle dokumentów Rady Głównej Opiekuńczej 1943–1944. Kraków, 2003; *Ільюшин І.* УПА і АК. Протистояння в Західній Україні (1939–1945 рр.). Київ, 2009; *Motyka G.* Od rzezi wołyńskiej do Akcji «Wisła». Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947. Kraków, 2011; Antypolska akcja nacjonalistów ukraińskich

Предлагаемая вниманию читателя документальная тематическая публикация не претендует на широкое освещение событий «Волынской резни» 1943–1945 гг. Составители ставили перед собой гораздо более скромную задачу — познакомить широкую общественность с ключевыми документами Организации украинских националистов (ОУН), формулирующими программу организации по решению «польского вопроса». Все включенные в тематическую подборку документы хранятся в украинских архивохранилищах и уже введены в научный оборот украинскими исследователями; при этом, однако, публикуемые документы остаются практически неизвестными не только широкой аудитории, но и многим историкам. Именно это обуславливает актуальность настоящей документальной тематической публикации.

Первый из включенных в публикацию документов был выявлен в фондах Государственного архива Львовской области научным сотрудником Центра исследований освободительного движения (укр. Центр досліджень визвольного руху) Михаилом Посивнычем и опубликован им в 2003 г.[1] Документ представляет собой агитационно-пропагандистскую брошюру «Как и за что мы боремся с поляками», изданную Краевой экзекутивой ОУН в начале 1931 г. По обоснованному предположению М. Посивныча, автором брошюры был либо идеологический референт Краевой экзекутивы ОУН Степан Ленкавский, либо организационный референт Степан Охримович. В любом случае брошюра выражала позицию руководства ОУН; отрывки из нее впоследствии публиковались и в других изданиях Краевой экзекутивы[2].

---

w Małopolsce Wschodniej i na Wołyniu w świetle dokumentów Rady Głównej Opiekuńczej 1943–1944: zestawienie ofiar / Pod red. L. Kulińskiej, A. Rolińskiego. Kraków, 2012; Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2012. Т. 1–2; *Баканов А. И.* «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов. М., 2014; *Kulińska L., Partacz Cz.* Zbrodnie nacjonalistów ukraińskich na Polakach w latach 1939–1945. Warszawa, 2015, и др.

[1] *Посівнич М.* Видання крайової екзекутиви ОУН 1931 р. // Український визвольний рух. Львів, 2003. Зошит 2. С. 7–13.

[2] Там же. С. 8.

Брошюра «Как и за что мы боремся с поляками» возлагала вину за «тяжелое положение украинского народа на западных украинских землях» на Польшу как государство и поляков как нацию. В брошюре указывалось, что «польский народ хочет утвердиться на этих испокон веков украинских землях и потому хочет уничтожить украинцев»; что в прошлом, «залив Украину морем крови и слез, поляки разделили между собой украинские земли и разбогатели на них»; что в настоящее время поляки разделяют по праву принадлежащие украинским селянам земли между польскими «захватчиками-колонистами». Сформированный автором брошюры предельно негативный и враждебный всему украинскому образ польского народа делал оправданным применение против них самых брутальных «ответных» мер. «Украинский народ не перестает бороться с поляками, веря, что придет час, когда он кроваво посчитается с угнетателями», — отмечалось в брошюре; несколькими абзацами спустя указывалось, что «украинский народ только тогда добудет свои права, когда с оружием в руках выступит против ляхов-захватчиков и прогонит их со своих земель». Грядущее вооруженное восстание против поляков Краевая экзекутива ОУН связывала со «скорой войной», а пока призывала своих сторонников к экономическому бойкоту поляков-колонистов и «ответным» насильственным акциям.

Поскольку официальные издания ОУН носили программный характер и именно ими в своей деятельности должны были руководствоваться рядовые члены организации[1], не вызывает сомнения, что брошюра «Как и за что мы боремся с поляками» прямо повлияла на воспитание ненависти к полякам. Именно этой национальной ненавистью руководствовались члены ОУН во время так называемой противоколонизационной акции во второй половине 30-х гг. XX в. В рамках этой акции весной 1937 г. полякам колонии рядом с с. Дмитровом было приказано под угрозой смерти покинуть свои дома. После того как испуганные люди бежали, их дома были сожжены[2]. Это был прообраз будущей «Волынской резни»; показательно, что инициатором этих акций был областной проводник ОУН Иван Кли-

---

[1] *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2. С. 255.

[2] *Казанівський Б.* Шляхом «Леґенди». Спомини. Лондон, 1975. С. 23–25, 29.

мов (псевдоним «Легенда»), впоследствии внесший немалый вклад в борьбу ОУН с «национальными врагами» — евреями и поляками[1].

Второй предлагаемый вниманию читателя документ — подготовленная в середине 1938 г. «Военная доктрина украинских националистов». Экземпляр этого чрезвычайно важного документа, ранее известного лишь по тенденциозно сокращенному эмигрантскому изданию[2], был выявлен в фондах Архива ОУН в Киеве доцентом кафедры новой и новейшей истории Украины Украинского католического университета (Львов) Александром Зайцевым. В 2013 г. А. Зайцев опубликовал ключевой фрагмент «Военной доктрины» — раздел «Национальное восстание»[3]. Автор «Военной доктрины» — член Краевой экзекутивы ОУН, референт по военной подготовке Михаил Колодзинский, написавший эту объемную работу (около 200 страниц машинописного текста) по просьбе референта по идеологии Ярослава Стецько для публикации в одном из официальных журналов организации[4].

«Военная доктрина украинских националистов» поражает своей откровенной кровожадностью и маккиавелизмом. В работе подчеркивается: «В восстании на первое место выдвигается жестокость и ненависть... Наши враги на протяжении всей истории обращались с нами очень жестоко. Мы только тогда будем иметь моральное превосходство над ними, когда проявим еще большую жестокость против них. Масса стремится к мести за свои жертвы, и не надо докучать ей во время исполнения этой мести заповедями о любви к ближнему... Против враждебного элемента надо проявить такую жестокость во время восстания, чтобы через десять поколений они боялись не только идти на Украину войной, а даже и взглянуть в ее сторону. Жестокость и ненависть должна быть одинакова как по отношению к историческим врагам, так и к своим, которые выступают против восстания или стараются проводить в жизни какую-то другую, отличную от

---

1 *Баканов А. И.* «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». С. 123.

2 *Колодзінський М.* Українська воєнна доктрина. Ч. 1. Торонто, 1957.

3 *Колодзінський М.* Націоналістичне повстання (розділ із праці «Воєнна доктрина українських націоналістів»). Публікація та коментарі О. Зайцева // Україна модерна. 2013. № 20. С. 257–295.

4 *Зайцев О.* Воєнна доктрина Михайла Колодзінського // Україна модерна. 2013. № 20. С. 248.

националистической, идеологию или политическую концепцию. С началом восстания надо распустить все политические партии, все и всех подчинить повстанческой националистической власти... Идея, во имя которой делается восстание, оправдывает и освящает и крайний вандализм, и наиболее отвратительные жестокости».

Одной из целей восстания, согласно «Военной доктрине», является уничтожение и изгнание «враждебных» меньшинств. «Наше восстание имеет своей задачей не только смену политического строя. Оно должно вычистить с Украины чужой, враждебный элемент и плохой собственный, родной. Только во время восстания будет возможно вымести буквально до последнего польский элемент с З.У.З. [западноукраинских земель] и, таким способом, положить конец польским претензиям на польский характер этих земель. Польский элемент, который будет оказывать сопротивление, должен полечь в борьбе, а остальных надо затерроризировать и принудить к бегству за Вислу. Потому нельзя допустить, чтобы после получения З.У.З. польский элемент мог жить здесь рядом с украинцами. З.У.З. будущей Украинской державы должны быть чистыми с национальной точки зрения, потому что эти земли имеют особое значение для будущего украинского государства... Надо помнить, что чем больше пропадет во время восстания враждебного элемента, тем легче будет происходить построение Украинской державы и тем сильнее она будет». Автор предусматривает проведение массовых убийств не только поляков, но и евреев: «Бесспорно, что гнев украинского народа по отношению к евреям будет особенно страшен. Нам не нужно этот гнев подавлять, наоборот, [следует] увеличивать, потому что чем больше погибнет евреев во время восстания, тем будет лучше для украинского государства, потому что евреи будут единственным меньшинством, которое мы не сможем охватить нашей денационализационной политикой. Все другие меньшинства, которые выйдут живыми из восстания, будем денационализировать».

Борьба с польским населением рассматривалась М. Колодзинским не только как способ сделать украинские земли «чистыми с национальной точки зрения», но и как способ националистической мобилизации украинского населения. «Жестоким и кровавым является любое восстание и, тем более, таковым будет наше, националистическое. <...> Украинское село должно принять борьбу с врагом, потому что оно

имеет только две возможности. Если не будет сопротивляться врагу во время всеобщего восстания, то враг без потерь сожжет его, расстреляет каждого десятого или повесит. Когда же село будет обороняться, то оно или защитит себя, или враг захватит его и уничтожит. В обоих случаях это будет полезно О.У.Н. Массу тяжело подтолкнуть к сопротивлению, но как она уже решится, то превращается в страшную силу... Поэтому важно уже в самом начале восстания связать массу с восстанием, чтобы она была вынуждена позднее оказывать сопротивление врагу. Одним словом, массу надо загнать в слепую улицу во время восстания, где перед ней стоял бы выбор: победа или смерть в борьбе». Именно поэтому в «Военной доктрине» предписывалось уничтожать принадлежавшие полякам дворы: в противном случае, отмечал автор, «поляки запустят слухи, что националисты боятся уничтожать польские дворы, потому что боятся, что поляки могут снова вернуться и отомстить. Такая пропаганда остудит порыв массы к восстанию, и она займет выжидающее положение... Без такого уничтожения наше восстание не обретет необходимой жестокости. Националистическое восстание должно быть вулканом, в котором сгорит все враждебное — мертвое и живое».

«Военная доктрина украинских националистов» М. Колодзинского была частично опубликована в Кракове в 1940 г.[1]; не приходится сомневаться, что с ней ознакомилось все руководство ОУН. Создается впечатление, что работа Колодзинского была также известна и поддерживавшим ОУН нацистским спецслужбам. Косвенным подтверждением правильности подобного предположения служит задание, порученное руководством ОУН перед вторжением в Польшу. 15 августа 1939 г. абвером из членов ОУН было создано диверсионное подразделение под кодовым названием «Bergbauernhilfe». Общая численность подразделения составляла около 600 чел., которых возглавил один из членов Главного провода ОУН полковник Роман Сушко[2]. Задачей подразделения должны были стать организация

1 *Зайцев О.* Воєнна доктрина Михайла Колодзінського. С. 245.

2 Організація українських націоналістів і Українська повстаньска армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діятельності ОУН і УПА. Київ, 2005. С. 6. Интересно, что, по данным советских органов госбезопасности, уже в 1940 г. Р. Сушко, оставаясь одним

антипольского восстания на Западной Украине и очищение территории от «нежелательных элементов». Согласно показаниям начальника 2-го (диверсионного) отдела абвера Э. фон Лахузена на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, 12 сентября 1939 г. соответствующее указание было сделано начальнику абвера адмиралу Канарису министром иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропом. «Смысл приказа или указания, — рассказывал Лахузен, — был таков: необходимо было связаться с украинскими националистами, с которыми разведка имела уже соответствующий контакт в военном отношении, для того, чтобы вызвать повстанческое движение в Польше, которое имело бы своим следствием истребление поляков и евреев в Польше. Об этом говорилось Риббентропом лично Канарису. Когда говорили "поляки", то подразумевали интеллигенцию и те круги, которые выступали в качестве носителей национального сопротивления...»[1] Как видим, задание, которое нацистское руководство ставило перед сформированным из оуновцев подразделением, совпадало с планами, сформулированными в «Военной доктрине» Колодзинского. По не зависящим от украинских националистов причинам этот план не был воплощен в жизнь[2]; однако несмотря на это уже в сентябре 1939 г. украинские националисты приступили к расправам над польскими военными, политическими активистами и сельскими учителями. В селе Словятин местными украинскими националистами были уничтожены большинство проживавших в селе поляков, а в девяти близлежащих населенных пунктов было вырезано 129 польских жителей. Показательно, что эти убийства

из руководителей мельниковской ОУН, стал официальным сотрудником подразделения германской военной разведки «Абверштелле Краков», где отвечал за вербовку агентуры из числа украинских националистов. См.: Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны / Архив Главного управления Службы Безопасности Украины в Автономной Республике Крым; Сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 40.

[1] Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1990. Т. 4. С. 181.

[2] Подробности см.: *Дюков А. Р.* Почему нацистам не удалось создать «украинское государство»: Абвер, украинские националисты и начало Второй мировой. URL: https://lenta.ru/articles/2015/09/01/puppet/ (дата обращения — 26.11.2016).

происходили именно там, где ОУН преуспела в создании подпольных вооруженных отрядов[1].

Идеи, сформулированные Колодзинским, можно найти и в агитационно-пропагандистских, и во внутренних нормативных документах ОУН — таких, как, например, датируемая маем 1941 г. инструкция «Борьба и деятельность ОУН во время войны».

Этот документ включен в нашу тематическую публикацию под третьим номером. Одна из копий инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» была выявлена в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины украинским историком Иваном Патриляком и опубликована им сначала частично в «Украинском историческом журнале», а затем, в 2006 г. — полностью в сборнике документов «ОУН в 1941 году»[2]. Еще одна копия инструкции впоследствии была выявлена в фондах Российского государственного архива социально-политической истории[3].

В отличие от «Военной доктрины украинских националистов», инструкция «Борьба и деятельность ОУН» была широко известна не только высшему руководству ОУН, но и руководителям среднего звена, осуществлявшим подпольную работу на территории Западной Украины. В преддверии нападения Германии на Советский Союз Провод ОУН счел необходимым разработать документ, содержащий указания о том, как надо организовывать восстание в тылу советских войск и как создавать на захваченной территории «украинскую государственность». Не обойденным вниманием оказались и вопросы борьбы с «враждебными» национальными меньшинствами.

Согласно пункту 16 раздела «Указания на первые дни организации государственной жизни», принципы политики ОУН по отношению к национальным меньшинствам сводились к следующему:

> «Национальные меньшинства подразделяются на:
> а) дружественные нам, то есть члены всех порабощенных народов;
> б) враждебные нам, москали, поляки, жиды.

---

1 *Баканов А. И.* «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». С. 124–125.

2 ОУН в 1941 році: Документи. Київ, 2006. Ч. 1. С. 94–105.

3 См.: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2012. Т. 1.

а) Имеют одинаковые права с украинцами, они могут возвратиться на свою родину.

б) Уничтожаются в борьбе кроме тех, кто защищает режим: переселение в их земли, уничтожать прежде всего интеллигенцию, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ до школ и т. д. Например, так называемых польских селян необходимо ассимилировать, осведомляя их, тем более в это горячее, полное фанатизма время, что они украинцы, только латинского обряда, насильно ассимилированные. Руководителей уничтожать. Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажу, тем более москалей и поляков. Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним нашего милиционера и ликвидировать за малейшую провинность.

Руководителями отдельных областей жизни могут быть лишь украинцы, а не чужинцы-враги. Ассимиляция жидов исключается».

Следующий, 17-й пункт раздела пояснял: «Наша власть должна быть страшна для ее противников. Террор для чужинцев-врагов и своих предателей».

Террор против противников ОУН должен был начаться сразу после вооруженного восстания. В военном разделе инструкции имелся специальный параграф об «очищении территории от враждебных элементов»: «Во время хаоса и смятения можно позволить себе ликвидацию нежелательных польских, московских и жидовских активистов, особенно сторонников большевистско-московского империализма»[1]. Дальнейшее развитие пункт об «очищении территории от враждебных элементов» получал в разделе «Организация Службы безопасности» (в нашу тематическую публикацию не включен):

«Следует помнить, что существуют активисты, которые, как главная опора силы НКВД и советской власти на Украине, должны быть, при создании нового революционного порядка на Украине, обезврежены. Такими активистами являются:

Москали, посланные на украинские земли для закрепления власти Москвы на Украине;

---

[1] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Львів; Київ, 2001. С. 37; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 93.

Жиды, индивидуально и как национальная группа.

Чужинцы, преимущественно разные азиаты, которыми Москва колонизирует Украину с намерением создания на Украине национальной чересполосицы.

Поляки на западноукраинских землях, которые не отказались от мечты о Великой Польше...»[1]

В целом от службы безопасности ОУН и украинской полиции требовалось «задушить в зародыше всякую попытку чужинского элемента на Украине проявить себя сколько-нибудь организованно»[2]. «Это — время национальной революции, — отмечалось в инструкции, — и потому не должно быть никакой толерантности по отношению к давним пришельцам»[3].

Нападение Германии на Советский Союз дало украинским националистам возможность приступить к реализации планов, содержащихся в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны». И хотя главной жертвой украинских националистов летом 1941 г. стали проживавшие на Западной Украине евреи[4], поляки также подвергались жестоким нападениям. В ряде населенных пунктов поляки были приравнены к евреям, их заставляли носить белые повязки[5]. Однако политика, проводившаяся германскими оккупационными

---

1 ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 129.

2 Там же. С. 152.

3 Там же.

4 Подробнее см.: *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // Harvard Ukrainian Studies. 1999. № 3–4; *Дюков А. Р.* Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009; *Круглов А.* Погромы в Восточной Галиции летом 1941 г.: организаторы, участники, масштабы и последствия // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года) М., 2010. С. 324–341; *Himka J. P.* The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Paper. 2011. №. 2–4. P. 209–243; *Баканов А. И.* «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». С. 176–227.

5 *Дюков А. Р.* «Польский вопрос» в планах ОУН(Б): От насильственной ассимиляции к этническим чисткам // Забытый геноцид. «Волынская

властями, помешала ОУН реализовать свои планы в полной мере; вскоре украинские националисты были в буквальном смысле слова «выпихнуты» их бывшими союзниками в подполье[1].

Четвертый документ, предлагаемый вниманию читателей, хранится в Государственном отраслевом архиве Службы безопасности Украины и представляет собой уникальное свидетельство о состоявшейся осенью 1942 г. во Львове первой военной конференции ОУН(Б). Ее автор — один из участников конференции, краевой военный референт ОУН-Запад Лука Павлишин, в 1944 г. пошедший на сотрудничество с органами НКВД под псевдонимом «Ярослав»[2]. В конце ноября 1944 г. им была написана записка с подробным изложением как выступлений участников первой военной конференции ОУН(Б), так и содержания разработанной по итогам конференции военной программы. Впервые этот документ был частично опубликован в 2005 г. в сборнике документов «Поляки и украинцы между двумя тоталитарными системами»[3].

«Военная программа», разработанная в конце 1942 г. офицером для специальных поручений при военном референте Иваном Климовым (псевдоним «Легенда»), краевым военным референтом ОУН-Запад Лукой Павлишиным (псевдоним «Вовк») и краевым военным референтом ОУН-Север Василием Ивахивым (псевдоним «Сом»), имеет очевидную идейную связь с «Военной доктриной» М. Колодзинского. Помимо визионерских фантазий о распаде СССР, военная программа содержит практические предложения по радикальному разрешению проблемы «национальных меньшинств»:

> **«Главная военная команда требует от краевых военных команд:**
>
> **С началом военных действий за независимость ликвидировать любой ценой вопрос национальных меньшинств. А чтобы этот вопрос ликвидировать, нужно нацменов — врагов народа — уничтожить.**

резня» 1943–1944 годов: сборник документов и исследований. М., 2008. С. 75–77.

[1] Там же. С. 77–78.

[2] Данные, позволяющие идентифицировать «Ярослава» как Л. Павлишина, см.: ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 5. С. 443.

[3] Поляки і українці між двома тоталітарними системами, 1942–1945. Варшава; Київ, 2005. Ч. 1. С. 204–212.

1. Русских нацменов вообще нужно оставить в покое, потому что они на Украине сжились с народом и не представляют никакой угрозы. Они вместе с украинским народом (главным образом крестьяне) переживают всякие политические события. Русских же активистов, борющихся против украинцев, необходимо уничтожать, предварительно взяв их всех на учет, главным образом в маленьких городах, так как они являются врагами украинцев.

2. Евреев не следует уничтожать, но выселить их с Украины, дав им возможность кое-что вывезти из имущества. Считаться с ними нужно, потому что они имеют большое влияние в Англии и Америке.

3. Поляков всех выселить, дав им возможность взять с собой, что они хотят, так как их также будут защищать Англия и Америка. Тех же, которые не захотят уезжать — уничтожать. Активнейших врагов и среди них всех членов противоукраинских организаций уничтожить в день перед объявлением мобилизации. На учет они будут взяты заблаговременно районными и уездными военными командами. Уничтожением будет заниматься жандармерия и в отдельных случаях "СБ". Использовать для этого бойцов армии запрещается».

Выполнение «национальных пунктов» военной программы должно было быть приурочено к «началу военных действий за независимость». По всей видимости, изначально речь шла о достаточно отдаленном времени, однако стремительное изменение ситуации на Волыни смешало все расчеты. После того, как в марте — начале апреля 1943 г. в формирования ОУН(Б) ушли несколько тысяч военнослужащих украинской «вспомогательной полиции», краевой проводник Дмитрий Клячковский (псевдоним «Клим Савур») приступил к выполнению «военной программы». Это стало началом «Волынской резни»[1].

Публикуемые документы наглядно демонстрируют эволюцию подходов Организации украинских националистов к решению «польского вопроса». Начав с разжигания национальной ненависти к полякам (брошюра «Как и за что мы боремся с поляками» 1931 г.), руководство ОУН к 1938 г. сформулировало «Военную доктрину украинских националистов», предусматривавшую в рамках вооруженного восстания организацию нападений на польское население Западной Украины

[1] Подробнее см.: *Дюков А. Р.* «Польский вопрос» в плангах ОУН(Б). С. 83–87.

с целью его изгнания. «Военная доктрина» предусматривала также уничтожение польских хозяйств и вовлечение в антипольские выступления широких масс украинского крестьянства. Однако попытка реализации этой программы в сентябре 1939 г. оказалось неудачной. Разработанная в мае 1941 г. инструкция «Борьба и деятельность ОУН во время войны» внесла в оуновские планы решения «польского вопроса» некоторые коррективы: часть польских селян планировалось не изгонять с западноукраинских земель, а насильственно ассимилировать. Одновременно планировались убийства «польских активистов». Однако и этот план летом 1941 г. реализовать не удалось. Наконец, в конце 1942 г. была сформулирована «военная программа» ОУН, предусматривавшая уничтожение всех поляков, которые не согласятся «добровольно» выехать с территории Волыни и Галиции. Именно эта программа и была реализована в 1943–1944 гг. Таким образом, произошедшая на территории Волыни кровавая этническая чистка может рассматриваться как заранее спланированная руководством ОУН преступная акция, реализовать которую удалось лишь с третьей попытки.

* * *

Все вошедшие в тематическую публикацию документы приводятся на языке оригинала. Сокращения в тексте обозначены знаком [...], в комментарии указывается, какие разделы документов подверглись сокращению. Перевод с украинского выполнен А. Манчуком.

№ 1. Брошюра Краевой экзекутивы ОУН «Как и за что мы боремся с поляками», 1931 г.

КАК И ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ С ПОЛЯКАМИ

КРАЕВАЯ ЭКЗЕКУТИВА ОУН

За что и как мы боремся с поляками

1. Какая причина тяжелого положения украинского народа на западноукраинских землях?

Причиной тяжелого положения украинского народа на западноукраинских землях является то, что на этих землях господствует Польша. Плоды богатой украинской земли: зерно, уголь, железо, нефть, дерево и другие очень нужны бедной коронной Польше. Кроме того, Польша перенаселена, и поэтому польское государство хочет расселить излишек своего населения на украинских землях.

Поляки хорошо знают, что удержать власть над украинскими землями, которые больше территорией собственно польских земель, они не смогут, поэтому хотят удержать на вечные времена в польской державе только Западную Украину. Польский народ хочет осесть на этих исконно украинских землях, поэтому хочет уничтожить украинцев, которые одни имеют право на земли своих праотцов.

2. С какого времени поляки борются за порабощение украинского народа?

Борьба между украинским народом и польским за власть на украинских землях продолжается более тысячи лет, начиная с Владимира Великого. Уже во времена украинского княжеского государства Польша шла походами на Украину, чтобы захватить галицкие и волынские земли. Это ей окончательно удалось после смерти последнего галицко-волынского князя Юрия II во время правления в Польше Казимира Великого 600 лет назад. Остальные украинские земли Польша получила от Литвы после того, как соединилась с ней в одно государство на так называемой Люблинской унии 1569 года. Впоследствии, после восстания Богдана Хмельницкого, Польша по-

делилась с Московщиной украинскими землями договором 1667 года. Польша забрала украинские земли по правую сторону Днепра. Когда Галичина после раздела Польши перешла в руки Австрии, в основном богатые польские деятели, получая власть для себя, и дальше угнетали украинский народ. После Мировой войны, когда Галичина стала частью Украинского Государства, Польша выступает с оружием против нее и побеждает ее военным преимуществом. Польша хотела еще занять Правобережную Украину, [но поход] 1920 года окончился неудачей. Теперь Польша владеет западноукраинскими землями, то есть Галичиной, западной Волынью, и пытается эти исконно украинские земли ополячить.

3. Как властвовала Польша на украинских землях в давние времена?

В старину Польша так властвовала на украинских землях, что люто угнетала все, что было украинским. Всех, кто выступал против гнета Польши во имя собственной державы, Польша люто преследовала. Она посылала на украинские земли свои военные отряды, которые сжигали села, сажали людей на кол, насиловали женщин.

У Украинской Церкви Польша забрала все права, а Церкви отдала в аренду жидам арендаторам. Церкви меняли на костелы, кости похороненных в них украинских князей осквернили и выбросили на улицы. Такое случилось с украинской Церковью в Перемышле. Украинцам было запрещено публично исповедовать свою веру. Во Львове кроме одной только Русской улицы нельзя было украинцам проводить церковные шествия, а украинским священникам идти к больным со святыми тайнами.

Украинских крестьян Польша приковала к земле и отдала их в собственность польским панам. Крепостные крестьяне были такой же точно собственностью панов, как скотина. Пан мог такого крепостного продать, подарить другому, убить, замучить, и никто не имел права ему этого запретить. Участников казацких восстаний поляки сурово карали. Сажали их на кол, выбивали глаза, вешали, сдирали с них шкуру, четвертовали, отрубали руки и так, на страх другим, пускали по всей Украине. Наиболее жестоко, часто целыми неделями, пытали поляки казацких атаманов, руководителей восстания. Залив Украину морем крови и слез, поляки разделили украинские земли между собой и разбогатели на них.

4. Как боролся украинский народ с поляками?

Во времена украинской княжьей державы украинские князья шли походами на польские земли до самого Кракова и Люблина и сильно их громили. После упадка украинского княжеского государства украинский народ выступал против польского гнета в казацких восстаниях. Украинские крестьяне бежали от польского нашествия в незаселенные надднепрянские степи и оттуда шли походами против поляков. Вместе с ними восставал против польских панов весь угнетенный украинский народ. Нечеловеческие издевательства поляков не запугали украинские массы. Наоборот, они еще больше ненавидели угнетателей и еще упорнее их уничтожали.

Восстание гетмана Богдана Хмельницкого в 1648 году окончательно освободило украинские земли от польского ярма. Над польскими войсками одержали славную победу, имения польских панов разрушили, многих польских панов и их жидов-арендаторов строго покарали за их неправду. Кто смог спасти свою жизнь, бежал от народного гнева аж за Вислу-реку, как об этом поется в думах. Каждый, кто ощущал себя украинцем, у кого билось в груди украинское сердце, присоединялся к Богдану Хмельницкому против угнетателей. На стороне поляков остались только оборотни-паны, которые отреклись от своего народа, своего языка и веры ради почестей и богатства. Прогнав поработителей, украинский народ построил Украинское Казацкое Государство, в котором сам правил и сам о себе заботился.

Когда потом Польша снова заняла Правобережную Украину, а польские паны-помещики вновь стали угнетать народ, украинские крестьяне выступили против неволи гайдамацкими восстаниями.

Польша, ослабленная казацкими и гайдамацкими восстаниями, пала. Ее земли разделили между собой соседние государства.

После Мировой войны украинский народ снова борется с поляками для защиты своего государства. И хотя Украинское государство пало, украинский народ не прекращает бороться с поляками, веря, что настанет момент, когда он кроваво сочтется с угнетателями.

За что борется украинская нация с поляками и когда она победит?

Украинская нация борется с поляками за право быть господином на родной земле и по своей воле распоряжаться собой в собственно Украинском Государстве — против стремлений враждебной нам польской

нации поработить не принадлежащие ей украинские земли. Украинский народ только тогда обретет свои права, когда с оружием в руках выступит против захватчиков-ляхов и прогонит их со своих земель.

Почему Польша преследует украинское национальное движение на Западной Украине?

Поляки знают, что они смогут на вечные времена удержать при себе украинские земли только тогда, когда эти земли утратят свое национальное сознание, перестанут жить своей собственной жизнью, станут польскими. Поэтому они стремятся любой ценой ополячить украинские земли и подавить украинское национальное движение, так же точно, как они это делали перед этим столетиями.

В школах вводят польский язык. Украинские частные школы закрывают. Закрывают читальни «Просвіти», «Сокола», «Луга» и другие товарищества или не дают им свободно развиваться, запрещая общие собрания, концерты, лекции, театральные представления, курсы и прочее.

Украинских крестьян угнетают, облагая их большими налогами, чем в коренной Польше. Земли панской усадьбы, которые должны по справедливости принадлежать украинским крестьянам, разделяют между польскими захватчиками-колонистами. Администрации панских усадеб эксплуатируют украинских крестьян, особенно малоземельных и батраков. Чтобы не допустить свободного экономического развития украинского села, Польша подавляет кооперативное движение и хочет поставить его под контроль государства. С помощью распространения кабаков в селах тянутся последние соки из украинского села.

Украинским работникам не дают работы, а направляют из коренных польских земель своих работников, которым платят больше, чем украинцам. Чтобы обмануть людей и скрыть опасность, которая угрожает всем украинцам, поляки говорят, что они хотят взаимопонимания между поляками и украинцами. Такое они говорят только для вида, чтобы сбивать с толку самих украинцев, а на деле подавляют украинское движение, где только могут.

Кто помогает полякам в угнетении украинского народа?

В угнетении украинского народа помогают Польше все остальные захватчики украинских земель. Чехи, румыны, а в первую очередь москали-большевики.

Московщина — Россия — это также вечный враг украинского народа, который стремится уничтожить его еще с княжеских времен. Чтобы не допустить объединения украинских земель и создания Соборной Украинской Державы, Московщина и Польша поделили украинские земли между собой и угнетают эти земли. И хотя Польша и Московщина враждуют между собой, в одном только этом вопросе они согласны, чтобы уничтожить украинское освободительное движение.

Однако даже среди самих украинцев есть такие, кто помогает Польше угнетать украинский народ. Называем их хрунями (изменниками) — соглашателями. Они выслуживаются за материальные блага перед вражеским государством и помогают ему угнетать украинцев, как это делали в казацкие времена паны-недоляшки. На словах они будто бы только за согласие, а на деле они самые большие враги украинского народа.

Как отвечает украинский народ на польское угнетение?

С самого начала польской оккупации украинских земель украинские массы с оружием в руках борются против порабощения [нрзб] усадьбы, уничтожают польское государственное имущество, убивают высокопоставленных польских чиновников, угнетателей украинского народа, полицейских и их помощников, изменников-оборотней.

Руководство этой борьбой взяли на себя украинские революционные организации. И хотя, в стремлении подавить украинское революционное движение, поляки всеми силами стараются уничтожить эти организации, наполняя тюрьмы украинской молодежью, осуждая ее на смерть или на длительное заключение, или зверски пытая их в тюремных казематах, украинское революционное движение не прекращается. Наоборот, изо дня в день крепнет, растет и с каждым разом объединяет под своим флагом все больше единомышленников из всех краев и общественных слоев Западной Украины.

Летом прошлого года угнетенные украинские крестьянские массы ответили на польский гнет массовыми поджогами имущества польских панов и колонистов.

Чем была так называемая «пацификация» и какие выгоды она принесла Польше?

В ответ на бунт украинских масс прошлым летом польское государство направило на украинские земли военные и полицейские

карательные отряды. Эти отряды так же, как во времена казаччины, жестоко издевались над украинским народом. Многих людей зверски замучили, многие остались на всю жизнь калеками, насиловали женщин, уничтожали имущество и национальные учреждения — товарищества. Поляки, будто ради смеха, назвали этот дикий поход на украинские земли и их погром пацификацией, что означает успокоение, замирение украинских земель. Так называемая пацификация должна была уничтожить украинскую национальную жизнь, насильно заставить украинцев покориться Польше, раз и навсегда оставив мысли о свободной жизни в собственном государстве.

Однако никакой пользы пацификация Польше не принесла. Украинские массы еще больше начали ненавидеть угнетателей и ждать удобного момента, чтобы подняться на вооруженное восстание против поляков и построить украинское государство. Лучшим доказательством того, что украинский народ не сможет сломить никакая пацификация, были выборы — тогда украинцы массово голосовали за украинский национальный список номер одиннадцать — несмотря на неслыханные притеснения со стороны вражеского государства.

За какую из украинских партий голосовали украинские избиратели во время выборов и почему?

Украинские избиратели не голосовали ни за одну из украинских партий, потому что утратили доверие ко всем нынешним партиям. Ни одно из обещаний, которые давали эти партии перед предыдущими выборами, не было выполнено. Украинская общественность поняла, что пустые разговоры в польском Сейме никак не облегчат судьбу украинского народа — тем более что польское правительство не считается даже с польскими депутатами.

Сознательные украинские избиратели голосовали за список номер одиннадцать только потому, чтобы показать всему миру, что они украинцы, противопоставляя себя полякам как вечным врагам и эксплуататорам украинского народа, и чтобы недостаточно активное голосование украинцев не увеличило число польских депутатов от украинских земель.

Почему политика существующих украинских партий неправильная и какой путь ведет к освобождению?

Существующие украинские партии выступают против вооруженной революционной борьбы украинского народа против поляков и же-

лают улучшить судьбу украинского народа с помощью выступлений украинских депутатов в польском Сейме в защиту прав украинцев и даже через так называемое польско-украинское соглашение.

Эти украинские партии и их депутаты не видят, что поляки никогда не будут считаться с пустыми словами, и мы можем добиться для себя своих прав только силой. Только перед нашей силой уступит Польша, и только с ней будут считаться другие государства.

Всякие «соглашения» являются для нас вредными, потому что поляки будут договариваться с нами, пока им это будет необходимо. Когда же они станут сильными, тогда соглашения с нами будут им не нужны, и они начнут по-новому уничтожать нас, ни на что не обращая внимание. Соглашение слабого с сильным всегда полезно для сильного и губит слабого.

Нынешние украинские депутаты настолько утратили чувство национальной чести, что после более чем десяти лет угнетения украинского народа поляками они по-товарищески пожимают руки поляков, на которых еще не засохла украинская кровь. Из-за своей трусливости и бездарности нынешние украинские депутаты стали на сторону хруней-соглашателей и сами куют кандалы для украинского народа.

Только в Украинском Государстве украинский народ сможет свободно развиваться и улучшить свою судьбу, а единственным способом освобождения является национальная революция. Украинский народ должен быть полностью готов к тому, чтобы в нужный момент, например в случае близкой войны, поднять вооруженное восстание против польского государства.

Украинские массы должны начинать революционную борьбу уже сейчас. Для борьбы с Польшей украинская общественность должна использовать все способы, какие только есть у нее в распоряжении. На каждое проявление польского гнета мы должны ответить тем же. Когда закроют наше товарищество, прекратим деятельность товарищества поляков. Когда полиция разгонит вече, общее собрание и др. — выразим свой протест против бесправия действием. Когда полиция будет издеваться над людьми, рассчитаемся с одним и вторым полицейским, один на один. Когда панская усадьба эксплуатирует село или фабрика эксплуатирует рабочих, устроим забастовку и не будем работать до тех пор, пока не получим такую зарплату, которую мы хотим. Учителям-полякам не будем продавать молоко, яйца и др.

В кабаках выбьем окна, разобьем бутылки с водкой, а жидов выгоним из села.

Перед нами стоит выбор: или пойти на соглашение и погибнуть под польским обухом, или с оружием выступить против Польши и ценой своей крови создать собственное государство, чтобы в нем жить своей, свободной жизнью.

За что борются украинские националисты-революционеры?

ЗА УКРАИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО – Против порабощения украинской нации Московскими[1]

Государственный архив Львовской области. Ф. 121. Оп. 3. Д. 798. Л. 152–159.

Печатается по: *Посівнич М.* Видання крайової екзекутиви ОУН 1931 р. // Український визвольний рух. Львів, 2003. Зошит 2. С. 7–13.

Перевод с украинского А. Манчука.

№ 2. Из «Военной доктрины украинских националистов» (раздел «Национальное восстание»), 1938 г.

Заданием ОУН является:

1) вызвать восстание на всех украинских землях;

2) придать ему организованные формы и организовать из повстанческих масс украинскую националистическую армию;

3) распространить и закрепить власть на украинских землях;

4) уничтожить живую вражескую силу и перенести войну на вражеские земли.

К 1) Украинское националистическое восстание будет удачным, если украинские массы проникнутся идеологией ОУН. Необходимо, однако, учитывать в наших планах, что международные военные события могут ускорить взрыв восстания на Украине, пока националистическая идеология успеет полностью овладеть украинскими массами. Однако даже если международные события ускорят взрыв восстания на Украине, его позитивный результат будет зависеть только от взрывной силы украинского народа. Поэтому результат

[1] Последняя страница брошюры отсутствует. — *Примеч. сост.*

освободительной борьбы украинского народа и его будущность зависят от энергии и силы, которые он проявит во время восстания. Всякое восстание должно иметь мощную организацию, чтобы оно не выродилось в обычный бунт без позитивных результатов. Организация революционного руководства происходит сверху вниз, так же, как в регулярной армии. Восстание будет с самого начала иметь надлежащее направление, если в округах, уездах (районах), селах или колхозах уже создана сверху местная националистическая, революционная власть. Такая власть должна иметь большой моральный авторитет, силу воли, веру, решительность и беззаветную отвагу. Местные националистические руководители должны уметь быстро ориентироваться, потому что во время восстания будет много таких ситуаций, в которых только самостоятельное молниеносное решение может обеспечить победу восстанию. Такие качества должны иметь нынешние националисты. А этого можно достичь только тогда, если все националисты уже сейчас будут знать военную доктрину украинских националистов. Тогда самый последний националист из какого-то забытого колхоза, совхоза или волынского или закарпатского села будет действовать согласно требованиям этой доктрины.

Организованные националисты создают авангард восстания. Каждый украинский националист должен быть в первую очередь солдатом. Прочую и основную силу восстания составляют все украинцы, которые не выступят против нас с оружием в руках, как, например, коммунисты. Также нужно принять помощь национальных меньшинств, таких как татары, немцы или болгары, за исключением жидов. Украинская масса не может оставаться нейтральной во время восстания. В восстание нужно втянуть весь украинский народ, а националисты должны внедрять и придавать восстанию националистическую форму.

Самое главное задание лежит на руководителях националистических организаций в селах или колхозах. Это самые малые организационные подразделения ОУН на западноукраинских землях. На западноукраинских землях восстание будет проводить село, в городах преобладает вражеский элемент. На западноукраинских землях село должно поднять восстание и идти на город, и таким образом восстание на западноукраинских землях будет проводиться снизу, а не сверху. Поэтому для него не могут быть образцами польское

или московское восстания, которые происходили в городах, а села ставили перед свершившимся фактом. Село уничтожало помещиков и других врагов новой, революционной власти уже после революции. На западноукраинских землях села должны окружать большие города, как в 1918 году Львов. Украинское городское население будет только терроризировать город и таким образом помогать селу. Точно так же на Закарпатской Украине и на Буковине главную роль во время восстания будет играть село.

Ситуация на восточноукраинских землях представляется по-другому. Большие города на восточноукраинских землях, такие как Киев, Харьков и Одесса, имеют относительное большинство украинского населения, а города средних размеров, такие как Полтава, Херсон, Днепропетровск, Запорожье, Елизаветград, Николаев, имеют превосходящее количество украинского населения. Даже Донецкий бассейн имеет такой процент украинских рабочих, что у них есть все шансы захватить промышленные центры революционным путем. Таким образом, на восточно-украинских землях восстание будет происходить одновременно сверху и снизу — то есть города и села выступят одновременно. При хорошем руководстве во время восстания ни один враг не будет иметь возможности бежать с украинских земель или организовать оборону.

Нужно иметь в виду, что в украинской национальной революции решающим фактором будет национальная ненависть, и в этом случае ни одна социально-враждебная группа не будет иметь возможности к ней присоединиться. То, что во всех украинских землях национальное угнетение точно сочетается с социальным, только добавит силы нашему восстанию и сделает наши боевые призывы более ясными и сильными в воздействии.

Каждое восстание имело и будет иметь тем больше шансов на успех, чем большую территорию оно охватит. Восстание нельзя сконцентрировать во времени и пространстве для масштабных и решающих ударов, как регулярную армию. Восстание действует на большом пространстве, подобно процессу испарения, и тем самым разобщает на пространстве силы врага. Чем большая территория охвачена восстанием, тем слабее враг. Для распространения восстания необходимо определенное время. Восстание не будет иметь везде одинаковую силу. В одном месте напряжение будет больше, в другом меньше. Однако

со временем оно охватит вражеские силы подобно пламени. Во время восстания не играет роли, много или мало населения на охваченной им территории, богатое оно или бедное. Общеизвестно, что бедное и закаленное в беде население выказывает больше всего боевых качеств. Вначале повстанцы не должны атаковать большие вражеские силы, а только должны стремиться расширить радиус восстания на вражеский тыл, поскольку обычно тут мало врагов и население имеет больше смелости для выступления.

Большое значение имеет для восстания овладение малыми уездными городами. Уже в самом начале восстания много таких городов окажется в руках повстанцев, но будет и много таких, которые не получится захватить в первые дни. А малые города имеют большое значение для результата всего восстания. В таких городах есть железнодорожная станция, почта, большое количество оружия, магазины, аптеки, небольшие фабрики, определенное количество машин и автобусов. Овладение таким городом имеет для повстанцев огромное значение. Повстанцы могут прервать железнодорожное сообщение, имея в руках станцию, или сами пользоваться ей при определенных условиях. Захват уездного города парализует вражеские силы в уезде. Враг не сможет быстро перемещать свои отряды, а у повстанцев будут время и средства лучше организоваться для обороны. В дальнейшем занятие уездного города дает возможность овладеть и охватить своими порядками соседние села и приучить население к революционной власти, вместе с этим втягивая его в революцию. В городах, которые расположены далеко от основных или значительных вражеских сил, можно организовать сильную базу или оборонный лагерь, для уничтожения которого враг должен будет применить большое количество своих сил. Это будет ослаблять его в другом месте, а повстанцы получат возможность расширять восстание во вражеских тылах. Одним словом, захват и оборона малых городов дают возможность кристаллизироваться восстанию. Из нестабильного состояния начинают создаваться точки обороны, как видим это в Испании. Если украинские повстанцы окажутся способны на такую оборону, как Алькасар в Испании, победа будет на их стороне. Но наибольшей пользой от захвата и обороны малых городов является то, что повстанческая власть получит возможность организовать больше боевых отрядов, которые поначалу будут иметь

вид нерегулярных, а со временем, при определенной боевой практике, станут похожи на регулярную армию.

Такие отряды могут быть хорошо вооружены и иметь большую подвижность, потому что после занятия малых городов в руки повстанцев попадут средства связи и соответствующее вооружение. Малые города имеют особое значение на восточноукраинских землях, потому что там будут находиться крупные склады военных припасов.

В начале восстания важна взаимная помощь, которую село должно оказать селу, колхоз колхозу, а уезд уезду. Село или колхоз, которое провело удачное восстание, должно спешить на помощь соседу, который не имеет достаточных сил, чтобы справиться с врагом. Села уезда должны спешить на помощь населению в уездном городе или даже захватить город и далее спешить на помощь соседнему уезду. Здесь нет точного шаблона, но надо руководствоваться правилом Наполеона о том, что не имеющий точной боевой задачи отряд должен спешить на помощь туда, где слышится пушечная стрельба. Это правило является особенно важным для повстанцев, у которых поначалу не будет общего командования, связи и Генерального штаба. Потому что если какое-то село уничтожит у себя врага и устроит у себя «Холодный Яр», это не принесет большой пользы общему результату восстания. Повстанцы должны искать врага. Один раз мы уже пережили революцию, которая не хотела выйти за свой уезд. Это было в 1918 году. Тогда на западноукраинских землях практически без жертв провели переворот, но на этом бескровном перевороте все и закончилось. Не было понимания того, что необходимо идти на помощь туда, где враг готовил контрнаступление. Горстка солдат почти месяц боролась в стенах Львова, а им не посылали подмогу, хотя на местах врага не было. Если бы уже на первый день после переворота каждый уезд Галичины послал во Львов батальон, то вскоре в стенах Львова сосредоточилось бы несколько тысяч революционных солдат, которые подавили бы польское сопротивление в самом зародыше и не дали ему развиться. Вместо этого на западноукраинских землях радовались легкому перевороту и не просчитывали ситуацию. Энергичное, предприимчивое, отважное и способное рисковать местное повстанческое руководство будет залогом достаточного успеха восстания. Позиция «моя хата с краю, ничего не знаю» является в таких случаях преступ-

лением. Предоставлять помощь соседним селам или колхозам будет особенно важным для нашего восстания, потому что мы должны будем бороться не только с вражеской администрацией и вооруженными силами врага, но и с гражданским вражеским элементом. Все московские рабочие и все польские колонисты, которые находятся на украинских землях, являются еще большими врагами украинской националистической революции, чем вражеские вооруженные силы. Первые действия нашего восстания должны быть направлены против московского, польского и румынского элемента, чтобы иметь безопасные тылы в дальнейшей борьбе с вражескими вооруженными силами. А это может у нас получиться, если мы неожиданно застанем врасплох вражеское население и полувоенные организации и уничтожим их, пока не прибежит им на помощь военная сила.

Каждое восстание является жестоким и кровавым — а тем более будет таким наше, националистическое. Не нужно утешать себя надеждами на легкую победу — украинское село особенно сильно пострадает в восстании. Во время восстания не будет пощады колхозу или селу, пусть даже они будут ни в чем не виновны. Украинское село должно присоединиться к борьбе с врагом, потому что перед ним стоит только два варианта. Если оно не будет сопротивляться врагу во время общего восстания, враг без потерь сожжет его, а людей децимирует или повесит. Если же село будет сопротивляться, то либо защитит себя, либо враг захватит его и уничтожит. В каждом случае ОУН получит от этого пользу. Массу тяжело подтолкнуть к сопротивлению, но когда она на него отважится, становится страшной. У нас должно быть законом, что ни одно украинское село не может без сопротивления сдаваться врагу и добровольно класть голову под нож. Это вызвало бы упадок духа окрестного населения и добавило бы самоуверенности врагу. Поэтому уже после вспышки восстания важно связать массу с самим восстанием, чтобы позднее она была вынуждена оказывать сопротивление врагу. Одним словом, во время восстания массу нужно поставить в безвыходное положение, чтобы перед ней стоял выбор: победа или смерть в борьбе. Возможно, такие формулировки покажутся кому-то слишком крайними, однако тем не менее это все же будет сутью нашей военной доктрины во время восстания. Большой и здоровый народ должен завоевать себе свободу или умереть геройски в борьбе.

То, как следует поступать руководству, чтобы загнать массу в тупик, не относится к военной доктрине, потому что эта деятельность не будет одинаковым образом проводиться во всех украинских землях. Однако успех восстания будет зависеть от настроений массы. Только во время восстаний народы переживают наивысший подъем духа, и только тогда человеческие страсти достигают верхнего кипения. Кто сумеет воспользоваться этими страстями, использовать их, дать им идеологическое оформление и направить на наступление, тот совершает переворот в истории.

В восстании выдвигаются на первое место жестокость и ненависть. Мне не надо доказывать, что жестокость является неотъемлемым явлением восстания или революции, потому что события на Украине во время прошедшей освободительной войны и во время первых лет коллективизации слишком болезненно свидетельствуют о том, что это жестокость и ненависть. В продолжение всей истории наши враги вели себя с нами очень жестоко. Мы будем иметь над ними моральное превосходство только тогда, когда будем действовать против них еще более жестоко. Масса стремится отомстить за свои жертвы, и не надо докучать ей во время совершения этой мести заповедью про любовь к ближнему. В конце концов, украинский народ не проявлял без необходимости жестокость и ненависть. Это только наши враги убедили нас в том, что мы жестоки, ссылаясь на события во время восстания Хмельницкого. Однако тогда не было так страшно на Украине, потому что поляки во время восстания добивались, чтобы шляхта, а с ней и жиды вернулись в свои имения. Во время восстания против вражеского элемента нужно проявить такую жестокость, чтобы десятое поколение боялось посмотреть в сторону Украины, а не то что идти на нее войной. Жестокость и ненависть должна быть одинаковой как к историческому врагу, так и к своему, который выступает против восстания или старается воплотить в жизнь какую-то другую идеологию или политическую концепцию, помимо националистической. После вспышки восстания необходимо запретить все политические партии и всех их подчинить повстанческой националистической власти. В конце концов, само восстание поделит украинское общество на наших сторонников, нейтральных и противников. Нейтральных нужно всеми способами втянуть в восстание, а противников надо будет считать врагами и применить к ним такое же наказание, как к врагам.

Помимо жестокости и ненависти восстание отличается тем, что имеет тенденцию разрушать все, что носит вражеское пятно или говорит о вражеской неволе. Масса не разбирает, что нужно уничтожать, а что оставить, что имеет большую ценность, а что бесполезно, что является патриотическим действием, а что вандализмом. Идея, во имя которой совершается восстание, оправдывает и освящает крайний вандализм и наиболее отвратительные жестокости.

Лозунгом каждого восстания является уничтожение вражеского имущества. И тут не может быть исключений и предостережений. Потому что, когда от массы требуется наибольшая жертвенность, а именно жертва крови, она никогда не поймет тех рациональных причин, которые запрещают ей уничтожать вражеские материальные ценности.

Даже теперь еще бывшие солдаты из Украинской Галицкой армии говорят, что Львов можно было взять в 1919 году, «потому что парни хорошо бились, но наши старшины не хотели стрелять из пушек по Львову, потому что жалели здания». Очень примечательное предостережение для украинских националистов. Оговаривая действие вражеской пропаганды, которая умела привить у украинских солдат недоверие к своему командованию, хотя, по правде сказать, это недоверие имело некоторые основания. Теперь уже известно, что после занятия Вовчух во время осады Львова здравый рассудок подсказывал, что II корпус Украинской Галицкой армии должен штурмовать Львов, потому что там находились только слабые силы, и, в конце концов, это диктовали основы стратегии. Однако командование Украинской Галицкой армии опасалось, что если II корпус возьмет Львов, его силы будут деморализованы в большом городе и утратят свое боевое значение, поэтому не приказало второму корпусу наступать. В этом моменте для нас важна не логика мышления командования Украинской Галицкой армии, а позиция солдатской массы УГА. Эта масса ощущала, что каменные и кирпичные здания Львова — это свидетели порабощения и вражеской силы. Масса ощущала, что сколько будут стоять каменные здания во Львове, столько этот Львов будет относиться к ней враждебно, ожидая возможности, чтобы снова ее поработить. Необходимо думать о том, что масса инстинктивно стремится уничтожить все, что является в ее глазах собственностью врага или превозносит его силу. Я имею в виду польские усадьбы на

западноукраинских землях и мотомеханизированные станции или учреждения в колхозах и совхозах на восточноукраинских землях. Здесь нельзя советовать массе, жечь ли усадьбы и колхозы и уничтожать ли пахотные орудия. Масса сама знает, что сберечь. Если какой-то колхоз поднимет восстание, он не сожжет автомобили, если они там будут, а использует их для своих надобностей. Так же точно никто на западноукраинских землях не застрелит принадлежащих землевладельцам лошадей, а только заберет их для надобностей восстания. В нынешние времена мотомеханизированные станции на восточноукраинских землях и польские усадьбы на западноукраинских землях играют такую роль в порабощении украинского народа, что народ почти что отождествляет их с самой неволей. МТС (мотомеханизированные станции) фактически удерживают в экономическом, и, до определенной меры, в политическом порабощении украинский народ на восточноукраинских землях. Против этих современных «цитаделей» московского империализма обращена вся ненависть украинских крестьян. Собственно, нужно подстрекать эту ненависть против МТС, потому что после их уничтожения разрушится до основания вся экономическо-экспроприаторская система Москвы на Украине. Безусловно, перед украинским населением встанет призрак голода — когда оно уничтожит МТС и таким образом лишит себя инструментов для земледелия. Вероятно, это подталкивает некоторых националистов к тому, чтобы советовать украинским массам на восточноукраинских землях не уничтожать необходимые для земледелия вещи, потому что, дескать, не будет чем обрабатывать землю и не хватит калачей. Такой взгляд чувствительного эмигранта отбрасывает ежедневная практика революционной борьбы на восточно-украинских землях. Когда какой-то народ принес несколько миллионов жертв голодной смерти, потому что не хотел добровольно согласиться на коллективизацию, такой народ готов бросить в горящий деготь советчика, который во время восстания не будет советовать, как быстро и радикально уничтожить врага, а будет кричать о том, чтобы не дай бог не разбилось какое-то колесо в тракторе. В конечном счете, с политической стороны очень важно разрушить в начале восстания МТС, потому что, хотя население будет лишено всех сельскохозяйственных машин, все же от этого будет больше пользы, потому что москали потеряют свои твердыни. В конце концов, с уничтожением МТС население еще не будет лишено

всех земледельческих орудий и возможностей обрабатывать землю. В Советской Украине находится сейчас около 3 миллионов лошадей. Значительный процент земли еще и сейчас обрабатывается лошадьми. Украинский крестьянин наверняка перейдет с тракторной обработки земли на конную, без жертв от голода. Там, где не будет лошадей, крестьянин мотыгой обработает землю для картошки и овощей. В конце концов, все тракторы не будут уничтожены. Безусловно, на второй год восстания Украина не будет «житницей Европы». Нужно будет ждать несколько лет, пока не родится соответствующее количество лошадей и не будет выковано соответствующее количество плугов. Однако восстание делается не ради того, чтобы на второй день сделать Украину житницей Европы, а для того, чтобы иметь свое государство и возможность для свободной жизни и развития.

Мы должны сказать, что даже тогда, если бы перед украинским народом встал призрак голода, его первым заданием все равно будет уничтожение колхозов, совхозов и МТС, потому что это бастионы московско-большевистской экономической системы и политического порабощения украинского народа. С военной точки зрения уничтожение МТС особенно важно, потому что большевистская армия найдет тут свою базу в операциях на западном фронте. Никто из украинских националистов не в состоянии дать сейчас совет, как должен обрабатывать землю украинский крестьянин во время восстания, когда не станет (колхозных) коллективов и МТС. Однако все, кто знает и ощущает душу украинского крестьянина и сталкивались с его древней земледельческой культурой, будут спокойны за его работу на поле. Если не будет плуга, крестьянин достанет откуда-то с потолка средневековую старую деревянную соху и вспашет чернозем. Если не будет лошадей, запряжет коров, которых в Советской Украине сейчас насчитывается больше 5 миллионов. Когда же не станет лошадей и коров, крестьянин мотыгой обработает столько земли, чтобы не умереть с голоду. А уж за мотыгой дело не станет, потому что она была и у пещерного человека.

В любом случае на Украине не будет голода, если наше восстание будет побеждать, и чернозем будет обработан не хуже, чем сейчас техникой, потому что за плугом будет идти вольный пахарь Соборной Украины, и Бог должен благословить его труд. Не было голода во Франции, когда крестьяне французской революции уничтожили

хозяйственный инвентарь своих феодалов и мотыгами начали обрабатывать землю, которую им единственный раз в истории на деле предоставила в собственность революция.

Дело с польскими усадьбами на западноукраинских землях обстоит немного по-другому. Польская усадьба является не только эксплуататором рабочей силы украинского села, но также символом польской власти и центром деморализации. В усадьбе концентрируются все польские силы. Каждый поляк находит там моральную и материальную помощь. Оттуда берут начало все патриотические мероприятия поляков. Польский «ксендз», учитель, детская школа, «стшелец» (член полувоенной молодежной организации) и вся польская беднота находят пристанище в усадьбе. В польской усадьбе теряют невинность все украинские девушки, которые приходят сюда на работу.

За это, собственно, и ненавидит украинское село польскую усадьбу. Польская усадьба как место для проживания не имеет для нас значения.

Очень удивляет мнение или даже советы, согласно которым польские усадьбы нужно спасти от разрушительного азарта толпы во время восстания, потому что из них выйдут хорошие помещения для школ в Украинском Государстве, которое поначалу не будет иметь средств на строительство школ или каких-то других необходимых домов.

Военная доктрина, однако, говорит, что польские усадьбы нужно уничтожить до фундамента, чтобы молодое поколение юношей Соборной Украины закаляло свое здоровье на том месте, где прадеды и отцы теряли силу и честь.

Если украинский народ выйдет из восстания победителем, каждое украинское село построит себе школу, которая не только духом, но и внешней формой будет напоминать, что на Украине настали новые времена и что школа является центром духовного возрождения на селе. Украинский народ был бы действительно самым никчемным в мире, если бы не смог использовать природные богатства украинской земли, такие как камень, железо и лес, и построить величественные школы для своего молодого поколения.

Несожженная польская усадьба или существующий колхоз были бы насмешкой над нашей революцией и напоминали бы массе об угнетении. Неуничтоженные свидетели неволи были бы для массы грозным напоминанием о том, что придет день расплаты,

что усилия восстания были напрасны, потому что коммунисты, москали или поляки вернутся, чтобы снова засесть в своих усадьбах. Нельзя сдерживать или ограничивать здорового стремления массы уничтожить все вражеское, которое оно лелеет в душе и тесно связывает это с положительным результатом восстания. К чему привело сохранение польских усадеб во время отступления УГА за Збруч в 1919 году? Разве не к тому, что усадьбы стали центрами, где концентрировалось польское сопротивление, а после отступления УГА польская армия получила хорошие места для отдыха и необходимые склады.

А зачем было необходимо великодушие командования УГА, которое строго запретило уничтожать нефтяной бассейн в Дрогобыче и Бориславе? Безусловно, это был вежливый реверанс командования в сторону Всемирной Конференции, но в то же время это был неудачный шаг, оскорбление украинской армии и самого понимания сути и правил войны. Не лучше ли было уничтожить до основания весь бассейн, чтобы поляки до сих пор не могли им пользоваться! Осталось бы больше нефти для будущего Украинского Государства. Нужно только удивляться тому, что в Галицкой армии не отнеслись к запрету уничтожать нефтяной бассейн иначе, чем думало командование.

Нужно учитывать, что восстание на Украине будет происходить среди особенно страшного уничтожения. Украинское националистическое восстание должно уничтожить два вражеских империализма, которые имеют вековые традиции порабощения Украины. Эта борьба должна закончиться какой-то катастрофой. Или нашей, или московской и польской. Наши враги временами будут теперь страшнее, чем раньше. Потеря украинских земель вызовет у наших врагов стыд и тоску по утраченным украинским землям, а также пекучее чувство унижения из-за утраченного исторического мифа. Отчаянное желание спасти то, что было истиной на протяжении целых поколений, поднимет боевую силу врагов, и они развернут страшную войну против молодых революционных сил украинского государства. В этой борьбе нужно будет в буквальном смысле добывать каждый дом, каждое село или колхоз и каждую фабрику. Поэтому надо быть готовыми к войне подобного рода. С нашей стороны нужно разбудить в массе все страсти, всю многолетнюю ненависть к врагам за то, что они унижали и порабощали Украину, забрали у нас наше право на жизнь

и разрушали наши мечты о нашем историческом предназначении господствовать на Востоке Европы.

Когда представим себе, каким жестоким будет наше восстание и с какими врагами придется иметь дело, станет ясно, что в инструкциях к нашему восстанию нет места инструкциям про такие пустые вещи, как охрана усадеб польских помещиков или тех складов, которые построило московско-большевистское правительство. Это слишком примитивные вещи, чтобы о них беспокоиться. Нам нужно завоевать украинские земли, даже если там не останется камня на камне. В нынешней Испании гибнут не то что поганые усадьбы польских панов или коммунистические сараи, а бесценные произведения искусства и архитектуры, и никто из испанских националистов не жалеет о них. Генерал Франко завещал на руинах Алькасара, что националистическая Испания построит еще более красивые замки, церкви и создаст еще более величественные произведения искусства. Нам тем более нет нужды печалиться и считать неуместным, если рассерженные украинские крестьяне сожгут польскую усадьбу или разрушат колхозный склад. После создания украинского государства наступит период восстановления всего уничтоженного. И никто не может сомневаться в том, что гений украинского народа превзойдет сам себя во время периода восстановления. И все это будет иметь печать националистического духа, который проявится в архитектуре даже в самом маленьком и забытом селе. Я подробно остановился на проблеме этих польских усадеб и колхозов, потому что их уничтожение имеет для нас символическое значение, и если оставить их неразрушенными, это может принести неисчислимый вред. Польская усадьба или колхозные здания ассоциируются у массы с вражеской властью, и запрет, или только совет, охранять это все может дать вражеской пропаганде большое оружие против украинских националистов. Поляки пустят слух, что националисты боятся уничтожать польские усадьбы, потому что боятся, что поляки могут снова вернуться и отомстить. Такая пропаганда остудит порыв массы к восстанию, и она займет выжидающую позицию. Коммунистическая пропаганда будет говорить, что националисты — буржуи и хотят оставить для себя усадьбы, чтобы потом хозяйничать там после войны на месте польских панов. Совет оставить колхозные дома может иметь просто катастрофические последствия. Масса

может подумать, что националисты желают после окончания войны снова устроить Коммуну, и отнесется к такому совету не только равнодушно, но в отдельных случаях и враждебно. Мы являемся сторонниками индивидуального владения землей, и в этом случае все эти склады колхозов и МТС являются ненужными, потому что каждый украинский крестьянин может иметь свой погреб для зерна, свой хозяйственный инвентарь и скот на дворе. Украинский крестьянин пойдет «с вилами на танк за землю», и надо дать ему эту землю, не запрещая сжечь и уничтожить все, что до этого времени запрещало ему владеть землей. Даже больше, такому уничтожению усадеб и колхозов надо придать символическое значение. Недавно австрийские национал-социалисты символически сожгли концентрационный лагерь, в котором их держали во времена Шушнига. Пускай так же символически жгут украинские крестьяне колхозы, потому что это несравненно худшие концентрационные лагеря, чем тот австрийский. Коммунисты уничтожали усадьбы из социальной ненависти, а мы сделаем это с колхозами и польскими усадьбами из ненависти национальной, поэтому такое уничтожение будет не вандализмом, но символическим уничтожением вражеской власти. Для такого уничтожения нужно выработать соответствующий ритуал, чтобы позднее он вошел в историю, как сейчас можно это видеть в Париже, в память об уничтожении Бастилии. Во многих селах и колхозах уничтожение усадеб и колхозных зданий будет единственным знаком того, что данное село или колхоз приступили к восстанию и (людей) удалось загнать в безвыходное положение.

В конечном счете без такого уничтожения наше восстание не получит необходимой жестокости. Националистическое восстание должно быть вулканом, в котором должно сгореть все вражеское — мертвое и живое. Если мы желаем бросить крестьянина с вилами на танк, то было бы вредной мелочью доказывать пользу сохранения усадеб и колхозных домов.

В большей степени, чем против усадеб и колхозов, будет направлена ненависть масс против живой силы врага. Кто является этим живым врагом для порабощенного народа? В первую очередь, вооруженная сила, то есть армия, а далее — вражеское население на украинских землях. Во время восстания это население не будет таким разрозненным, как сейчас. Все оно будет помогать вражеской

армии. Все коммунистические организации, «стшельцы», «соколы», полиция, польские колонисты, московские рабочие, украинские соглашатели или предатели наравне с армией являются той живой вражеской силой, борьба против которой должна быть беспощадной, жестокой и зоологической. Потому что наше восстание должно не только изменить политический строй. Оно должно очистить Украину от чужого, вражеского элемента и собственного, родного плохого элемента. Только во время восстания будет возможность вымести буквально до последнего польский элемент с западноукраинских земель и таким образом покончить с польскими претензиями на польский характер этих земель. Польский элемент, который будет оказывать сопротивление, падет в борьбе, а остальных надо затерроризировать и принудить к бегству за Вислу. Потому что нельзя допустить, чтобы после овладения западноукраинскими землями польский элемент мог бы жить тут рядом с украинцами. Западноукраинские земли в будущем украинском государстве должны быть очищены под национальным контролем, потому что эти земли имеют особое значение для будущего украинского государства, и поэтому не будет времени для борьбы с польским элементом, если бы такой сохранился еще не уничтоженным до конца после восстания.

По-другому обстоит дело на восточноукраинских землях, где в восточных частях еще не определен этнографический характер земель и даже еще не выработан антропологический тип. На восточных землях останется много чужого элемента, несмотря на жестокую борьбу, которая будет тут проходить. Однако нужно помнить, что чем больше пропадет во время восстания вражеского элемента, тем легче будет строить украинское государство и тем сильнее оно будет.

Мы должны, наконец, понять, что москаль является жестоким противником и что эту жестокость можно уничтожить, только приноровившись к еще большей жестокости. Речь идет о том, чтобы придать нашей жестокости и ненависти соответствующее моральное оформление, а не уменьшать или вообще не тормозить инстинкты массы, как это делали политики из Центральной Рады. Не надо забывать, что ненависть является самым страшным оружием порабощенного народа. Разжигание ненависти ко всему вражескому, увеличение и практическое использование ее во время восстания будет одним из залогов удачного результата нашей борьбы.

[...][1]

К 4) Уничтожить живую вражескую силу и перенести войну на вражеские земли.

Восстание ОУН должно уничтожить живую силу врага на украинских землях. В предыдущих разделах было сказано, что к этим силам принадлежат, наравне с регулярной армией, все вражеское население и все те меньшинства, которые относятся враждебно к украинской независимости. От разрозненности врагов будет зависеть и способ их уничтожения. Враг, который выступит против нас действием, должен быть уничтожен физически. Остальное вражеское население нужно подавлять террором. Не нужно стыдиться этого метода, потому что мы имеем дело с хитрыми и толстокожими врагами. Поляки, москали и жиды, которые будут бороться против нас, должны быть уничтожены. Однако не надо думать, что будет уничтожено 3,5 миллиона жидов или миллион поляков. Надо учитывать, что борьба будет принимать различные формы только в начале восстания. Со временем начнут организовываться фронты, а восстание перейдет в войну, и жестокость уменьшится. В конце концов, там, где установится наша власть, нужно будет позаботиться о том, чтобы придать восстанию форму правильной войны и тем самым заставить врага относиться к нам как к воюющей стороне. Поначалу враги будут считать украинских повстанцев бандитами. Так же точно должны рассматривать врагов и украинские повстанцы. Нужно заставить врагов рассматривать нас на войне в качестве солдат. И для этого есть только один способ, который практиковал полковник Богун. Поляк Чарнецкий считал казаков бунтовщиками и приказал посадить на кол одного сотника из полка Богуна. Богун немедленно приказал посадить на кол несколько поляков из полка королевской пехоты и сообщил Чарнецкому, что за каждого казака он прикажет посадить на кол несколько поляков. Чарнецкий был вынужден сохранить жизнь пленным казакам, потому что боялся бунта в своем войске. Ни одна регулярная армия не отважится совершать жестокости, когда знает, что противник ответит на них с избытком. Поэтому, когда поляки будут вешать наших повстанцев, нужно таким

---

[1] Опущены разделы, посвященные организации повстанческого движения и созданию украинской националистической армии. — *Примеч. сост.*

же образом вешать польских солдат, а особенно старшин, которые попадут в руки повстанцам. Такие репрессии должны проводиться во время восстания, и даже больше — они должны быть такими, чтобы терроризировать вражескую армию. Каждый раз мы должны быть способны отплатить врагу той жестокостью, с которой он будет относиться к нам. Это сразу сравняет нас с врагом.

В целом каждое восстание является очень жестоким, потому что открывает большие возможности оскотинить человеческую душу. Поэтому, если нельзя избежать жестокости, надо, по крайней мере, употребить ее для закрепления нашей победы. Мы только выиграем, если в результате жестокости нашего восстания польские колонисты на западноукраинских землях начнут в панике убегать за Вислу. Мы все равно должны будем позднее отобрать у них землю, так что будет лучше, если они сами в панике убегут. То же самое относится к московским рабочим в городах на восточноукраинских землях. Однако многие из этих рабочих останутся.

Западноукраинские земли можем во время восстания полностью освободить от польского элемента, но восточноукраинские земли нет. Когда мы установим наши границы <до Волги>, в границах украинского государства окажется большое московское меньшинство. Так же точно мы не вырежем во время восстания 3,5 миллиона жидов, как это проповедуют некоторые националисты. Безусловно, гнев украинского народа против жидов будет особенно страшным. Мы не должны этот гнев успокаивать, наоборот, увеличивать, потому что чем больше жидов погибнет во время восстания, тем лучше будет для украинского государства, поскольку жиды будут единственным меньшинством, которое не затронет наша денационализаторская политика. Все прочие меньшинства, которые выживут после восстания, будем денационализировать. Однако эта политика будет проводиться в дальнейшем. Во время восстания, однако, все меньшинства будут нашими врагами, с которыми надо будет вести беспардонную борьбу. Однако цель нашего восстания состоит не только в том, чтобы освободить украинские земли от врага, но и в том, чтобы перенести войну на его земли. Наша освободительная война должна завершиться большой эпопеей. Как повстанцы армии французской революции пошли на штурм Европы, так наша революционная армия, родившаяся во время восстания, не задержится на границе этнографической Украины, но

перейдет на вражеские земли, чтобы топтать их копытами своих коней, чтобы забрасывать вражеские столицы бомбами с наших самолетов и чтобы на руинах вражеских столиц провозгласить становление украинского государства.

Этот империализм нужен нам, чтобы мы освободили нашу рабскую душу от чувства неполноценности перед нашими врагами. Даже среди националистов есть мнения, что не надо идти на Москву, потому что это породит потом у москалей жажду реванша — то есть похода на Киев. Однако у москалей было и будет желание не только идти на Киев, но и захватить всю Украину. Поэтому наш империализм нужно будет направить в сторону Московщины, чтобы москали перешли от наступления к обороне.

Я думаю, москали будут сильно сломлены, если бы мы имели силы разбить их армию и захватить Москву, чтобы сжечь Кремль и наполнить вонючие улицы Москвы гомоном колонн нашей пехоты и артиллерии. Такой разгром и унижение москалей и поляков должны быть целью нашей военной доктрины.

Украинская революционная армия должна ощутить вкус триумфа. Армия, которая шествует по захваченной вражеской столице, это сильная армия. Такое шествие символически означает, что враг лежит раздавленный, а у победоносного народа есть неисчерпаемый источник веры в собственные силы и несгибаемая боевая гордость. В наших отношениях является особым вопросом жизни и смерти завершить наше освобождение казнью вражеских столиц. На востоке Европы нет места для польского и московского империализма, потому что он осуждает украинский народ на судьбу феллахов.

Освобождение Украины состоит не только в освобождении от врагов украинских земель, но еще больше в освобождении нашего рабского духа от чувства неполноценности. А такое чувство превосходства нашей нации возможно только тогда, когда наше освобождение завершится славной эпопеей — то есть походом на вражеские земли. Провозглашение единого украинского государства должно состояться на руинах Москвы и Варшавы.

С военной точки зрения нельзя недооценивать нынешнюю польскую экспансию на Восток. Польша должна расширяться, если не хочет превратиться в никому не нужный буфер между восточной и среднезападной Европой. В конечном счете у поляков нет недостат-

ка в экспансионизме. Нынешнее политическое поколение поляков не имеет для нас большого значения, потому что решающую роль в войне будет играть молодежь. А польская молодежь является очень серьезным противником. Несмотря на свои политические убеждения, польская молодежь воспитана в шовинистическом духе. На эту молодежь имеет безграничное влияние Сенкевич. Наши бесхребетные интеллектуалы могут возмущаться политическим шовинизмом Сенкевича, некоторые польские интеллектуалы могут считать его произведения ядом для молодых душ, однако это никак не уменьшит то огромное влияние, которое имели и имеют на молодые польские души произведения Сенкевича. Все легионеры, которые в 1914 году шли на войну с Пилсудским, это духовные дети Сенкевича, а поход на Киев 1920 года не что иное, как жажда добраться до древнего «дикого поля», на котором добывали славу герои Сенкевича. Такая экспансия поляков психологически оправдана, если учесть, что Польша с XV века обращает свое внимание на Восток. На востоке получала она стыд и славу, победы и поражения, но нельзя отрицать того, что древнее польское государство простиралось от Балтики до «дикого поля».

Эту Ягеллонскую идею разделяет и нынешнее молодое польское поколение, и старая прослойка легионеров, которые держат сейчас в своих руках власть. Поляки хорошо используют тот аргумент, что благодаря своему географическому положению они должны вмешаться в каждую большую европейскую авантюру. Не надо быть наивными и успокаивать себя тем, что они не смогут извлечь из этих авантюр самой большой пользы. Главное, что польский народ имеет соответствующее духовное наставление к походу на Восток. В конечном счете в этом состоит жизненный интерес Польши — не допустить создания независимого украинского государства, хотя бы в тех границах, которые имеет сейчас советская Украина. В конечном счете Польша психологически настроена против Украины, как и Москва, и поэтому борьба с этими врагами должна лечь в основу нашей военной доктрины. Польша не хочет терпеть рядом с собой никакой Украины, как и Москва, поэтому независимая Украина может состояться на руинах Москвы и Варшавы. Этого требует смысл существования украинского народа.

Эти два народа являются дармоедами в истории народов, а их сила основывается только на нашей немощи. Поэтому мы все должны напоминать украинской нации, как римский Катон, что Москва и Польша должны быть уничтожены. «Цетерум цензео, Московиям Полониям кве деляндас ессе».

Архив ОУН в Киеве. Ф. 1. Оп. 2. Д. 466. Л. 91–139.

Печатается по: *Колодзінський М.* Націоналістичне повстання (розділ із праці «Воєнна доктрина українських націоналістів»). Публікація та коментарі О. Зайцева // Україна модерна. 2013. № 20. С. 257–295.

Перевод с украинского А. Манчука.

№ 3. Из инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» (раздел «Указания на первые дни организации государственной жизни»), 1941 г.

Г. УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. Общие направления политики ОУН на отдельных направлениях организации жизненного уклада

Критерий перестройки жизненного уклада

ОУН добивается того, чтобы революционным путем овладеть и перестроить все стороны жизненного уклада в соответствии с потребностями украинского народа. Утверждение суверенности украинского государства — единственный источник изменений в государственном устройстве и обществе.

Объективные условия переустройства (степень самостоятельности и внутренние элементы)

При определении направлений переустройства существующего строя нужно учитывать такие непрямые внешнеполитические обстоятельства:

А. а) Украинское государство имеет все возможности для развития.

б) Украинская власть ограничена в своих действиях.

Необходимо использовать такие элементы внутренней организации:

Б. а) Органичные, исконно украинские пути развития украинской политической и общественной жизни, которые противопоставляются в целом существующему на украинской земле строю и сразу же будут стихийно противопоставляться существующей сейчас, принесенной извне чужой организации жизненного уклада и тем, кто ее направляет.

б) Необходимость временно сохранить указанные формы существующего общественного строя, продиктованная актуальностью целесообразности, обусловленная переходными военными условиями.

Нужно временно сохранять формы, однако уже на месте обустраивать все на собственных основаниях, учреждая украинские общественные институты, украинское содержание и — что самое важное — вкладывать в эти формы для реализации содержания украинских людей.

Форма государственной власти — военно-политическая диктатура ОУН.

Вопрос государственной власти разрешается в этот период следующим образом:

а) во время боев будет осуществляться верховная власть ОУН, которая переходит тогда на военное основание — то есть военно-политическая диктатура ОУН как система власти.

Организация ОУН на вождистском принципе отдает принятие решений в руки единого руководителя, а не группы. Поэтому полнота власти в основных территориальных единицах до того, как они будут включены в систему централизованной власти, будет сосредоточена в руках руководителей данной территориальной единицы.

б) На очищенной территории остается в дальнейшем та же форма власти, с тем дополнением, что ОУН допускает голос гражданского чиновника в совещательной форме.

Практически это выглядит таким образом, что ОУН созывает «Народные комитеты» как совещательно-исполнительные институции,

которые выполняют порученные им задания в области хозяйственного самоуправления — например, заведования колхозами. ОУН создает административно-политический аппарат, который сосредотачивает в своих руках функции управления различными сторонами жизни на данной территории.

В этот период можно только постепенно организовывать различные направления хозяйственного, административного, культурного сектора, потому что всего существует возможность нового нападения врага и всегда необходимо единоначалие в принятии решений, учитывая состояние (управленческого) аппарата и необходимость помогать фронту.

Затем уже ОУН содействует самоуправлению сел и городов («Народные комитеты»), назначает их руководителей для эффективности работы. В селах разрешается выбирать членов комитетов, отдавая предпочтение тем гражданам, которые способны управлять какой-то организованной ячейкой или несут за нее ответственность (кооператив, школа, колхоз и пр.). На освобожденных украинских землях ОУН использует на местах, где ведет борьбу, или куда она пришла на уже очищенную территорию, ту же самую методику и систему власти.

В случае нехватки на определенной территории членов ОУН ОУН создает организацию административно-политической системы из лучших местных элементов. Одновременно с этим создается политическая организация, и, по мере развития, из ее кадров пополняется административно-политический аппарат. На освобожденных украинских землях будет прежде всего проводиться борьба за создание государства, и в каждом случае она будет сводиться к вопросу, возьмет ОУН власть или нет.

Главные усилия будут направлены на создание политической организации как залога развития и укрепления украинской власти. ОУН, как политическая организация, будет использовать свои возможности далеко за пределами возможности государственной власти, поэтому ОУН также будет усиливать самодеятельность народа, а не имея власти, будет акцентировать внимание на всех участках жизни, где эту самодеятельность лучше всего развивать. Когда основывают другие, более целесообразные для местных условий формы политической власти, организованные местным элементом по его инициативе или по указанию возникшей украинской власти, ОУН их поддерживает.

Основания переустройства существующей государственной системы

4. Из факта военно-политической диктатуры ОУН проистекает принцип централизации как метода управления.

Существующая административная система сохраняется с тем условием, что те институции, которые при внедрении наших основных принципов понимания жизненного устройства — а именно принятия решений вождем, индивидуальности, творческой свободы украинца — противоречат им и были насилием над ними, будут ликвидированы. Все то в системе, что касалось голодранцев и людей без творческого мышления, рухнет, когда человек выйдет на арену жизни. В этой области нельзя дать никаких инструкций, нужно только, имея общие направления, самому организоваться и направить себя на организацию того, чего будет требовать революция, чтобы вместить все в одну стройную систему, которая не только будет разрушать старое, негодное, но и построит новое, лучшее.

Нужно понимать, что придут: 1. украинцы к власти; 2. украинцы из всех социальных слоев, а не только босяки, творческие люди, а не пигмеи мысли. Нужно допустить, что рухнут все те бюрократического плана институции, все то, что несет в себе элементы механичных приказаний сверху, и восстанет угнетенная индивидуальность, которая будет создавать новое. Рухнет весь крайний тоталитаризм Москвы, власть босяцтва, а с другой стороны, нужно будет железной организацией удержать необходимые элементы существующей системы, чтобы не привести к анархизации жизни, победно пройти через первый этап уничтожения чужого, вражеского и самому не пропасть среди хаоса.

Неправильным является тот подход, который говорит, что люди привыкли к данной системе и не представляют другой — потому что в революции против привычек пойдет именно сила стихии и мы, с одной стороны, должны будем сразу же организационно оформлять новые требования (жизни), а с другой стороны, должны сохранить в старой системе то, что обеспечит немедленную работу (государственного) аппарата и старт общих перемен.

Таким образом, от административной системы сохраняется техническо-административное деление — при учете стихийных потенций украинской души, которые сдвинутся в это время.

В частности, рухнет все то, что было построено в системе для того, чтобы создать лучшие условия для работы управляемого из московского центра НКВД, все административное деление тех украинских этнографических территорий, которые не относятся к УССР, а относятся к РСФСР и другим республикам, поскольку эти украинские земли будут приписаны к украинским центрам. На западно-украинских землях возродятся существовавшие до недавнего времени духовно-культурные, хозяйственные центры. Можно руководствоваться следующим принципом — все то, что не отвечает проявлению творческой индивидуальности, но, по крайней мере, не мешает этому, сохранится на первых порах.

В случае ограничения украинской власти будут проявляться две обратные тенденции: а. твердое овладение существующим строем с помощью существующего аппарата неукраинскими силами; б. формирование нового порядка украинской силой, с тем что это будет уступкой требованию органичного роста украинства.

[...][1]

Пропаганда

13. Свобода слова допускается только постольку, поскольку это целесообразно с точки зрения народного блага.

На западноукраинских землях может быть только пресса националистического содержания, как и издательская деятельность в целом. То же самое касается всех остальных средств пропаганды (радио, театр, фильмы и т. п.). Также запрещаются публичные собрания, где распространялись бы ненационалистические лозунги и идеи.

Уничтожать и сжигать повсюду большевистскую макулатуру.

Школьное образование

14. Школы открывать только тогда, когда хватает сил и не ощущается их нехватки на других основных направлениях. В школах

[1] Опущены подразделы «Перебудова народного господарства», «Промисловість», «Торгівля, фінанси», «Темп перебудови й брак рук до праці», «Комунікація, завдання профспілок, уряди праці», «Прохарчування країни, воєнна господарка», «Народні суди», «Церква й священство». — *Примеч. сост.*

учить тогда прежде всего про волю, революцию, историю Украины и т. п. И давать все то, чего раньше не слышали. Про настоящую Украину, ее героев, про достоинство человека, про ОУН, раскрывать это все ученикам под углом националистического воспитания, а не по старым схемам.

Организация молодежи

15. Организовать всю молодежь сразу под нашим влиянием во всеобщей организации молодежи, которую нам нельзя отдавать под чужое влияние, или допускать, чтобы создавались различные организации молодежи, которые фанатично боролись бы против своих интересов. Среди массовой всеобщей организации молодежи, куда ОУН будет брать всю молодежь, создать внутреннюю организацию «юношество ОУН». Организованное из лучших и воспитываемое уже по отдельной, нами созданной системе лидеров молодежи. Таким образом, воспитанием молодежи вообще и воспитанием лидеров должна заниматься непосредственно ОУН. Немедленное создание отдельных организованных отделений молодежи во всех административных единицах очень необходимо, потому что они во многом помогут в реализации тех заданий, которые стоят перед отдельными отделениями организациями села, района, округи, области — к примеру, для связи. Также надо подключать женские отделения, как вспомогательные для других работ.

Политика в отношении меньшинств

16. Национальные меньшинства подразделяются на:

а) дружественные нам, то есть члены всех порабощенных народов;

б) враждебные нам — москали, поляки, жиды;

в) имеют одинаковые права с украинцами, могут возвратиться на свою родину;

г) уничтожаются в борьбе, кроме тех, кто защищает режим: переселение на их земли, уничтожение прежде всего интеллигенции, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ в школы и т. д. Например, так называемых польских селян

необходимо ассимилировать, осведомляя их, тем более в это горячее, полное фанатизма время, что они украинцы, только латинского обряда, насильно ассимилированные. Руководителей уничтожать. Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажа, тем более москалей и поляков. Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним нашего милиционера и ликвидировать за малейшую провинность.

Руководителями отдельных областей жизни могут быть лишь украинцы, а не чужестранцы-враги. Ассимиляция жидов исключается.

Общие памятки

17. а) Наша власть должна быть страшной для ее врагов. Террор для врагов-чужаков и своих предателей, творческая свобода, дыхание новых идей украинца — хозяина своей земли должны проявляться в каждом действии, на каждом шагу. К труду нужно привлекать всех украинцев, честных и патриотов, украинских работников, под которыми мы понимаем не только украинских рабочих, но и всех творческих украинцев. Никаких социально-классовых критериев, но только национальные.

б) Важная вещь — давать толчок и развивать такие стороны жизни, где наиболее всесторонне может разворачиваться организованная самодеятельность народа; творческой личности давать возможности развития, а не запихивать все в спущенные приказом сверху формы, чтобы благодаря творческой свободе украинца развивалась жизнь на исконно украинских основах. Уже в период необходимой общей централизации следует создавать условия для разностороннего развития всех сторон жизни, которое будет шествовать мимо колоннами, чтобы никто чужой не мог по-новому заключить украинскую жизнь в чужие украинству формы и для неукраинских целей.

Не забывать про целый ряд различных актуальных проблем жизни, таких как больницы, опека над беспризорными детьми — в частности, заботиться о родных воинов, политических ссыльных, и вообще, о детях тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу.

в) При всем этом следует помнить, что самое важное — это люди, новые люди, творческие украинские люди.

Но не менее важна система организации и принципы, чтобы она отвечала в своих основах украинской духовности, ведь что из того, если будут творческие украинские люди, но в чужой системе, которая их будет душить.

[...]

Государственный отраслевой архив Службы безопасности Украины. Ф. 13. Д. 376. Т. 6. Л. 294–302.

Опубликовано: ОУН в 1941 роци: Документи. Київ, 2006. Ч. 1. С. 94–105.

Перевод с украинского А. Манчука.

№ 4. Сообщение бывшего краевого военного референта ОУН-Запад Л. Павлишина о разработке военной программы ОУН в конце 1942 г.

Копия
Сов. секретно
экз. единственный

Агент «ЯРОСЛАВ»
23.XI-44 г.

Принял: Зам.нач. 3 отд. ГУКР НКО «СМЕРШ»

Ниже привожу по памяти содержание выступлений присутствовавших на состоявшейся в октябре месяце 1942 г. в гор. Львове первой военной конференции ОУН и сущность ее постановлений.

На конференции присутствовали:

1. Проводник ОУН «ОРЕСТ» — Николай Лебедь.
2. Военный референт при Проводе ОУН — «ДУБ».
3. Офицер для специальных поручений при военном референте ОУН «Легенда Евгений» — КЛИМОВ Иван.
4. Краевой военный референт ОУН края «Запад», «ВОВК» — ПАВЛИШИН Лука.

5. Краевой военный референт ОУН края «Север» «СОМ» — ИВАХИВ Василий.

ПРИМЕЧАНИЕ: Представителя от края «Восток» не было, т. к. ОУН там только начинала работу и вести военную подготовку не имела возможности.

Конференцию открыл проводник ОУН «ОРЕСТ» — ЛЕБЕДЬ Николай, который заявил, что данную конференцию он созвал по настоянию военных референтов ОУН.

Конференция такого рода созывается впервые, т. к. до настоящего времени никто не обращал особого внимания на военную работу ОУН.

Сейчас идет мировая война и уже для всех стало очевидным, что немцы войну проиграют. Они, как самая большая в мире сила милитаризма, действуя молниеносно — пришли в тупик, хотя дошли до Ленинграда, Москвы и Сталинграда.

Ясно, что немцы Англию и США не победят, не победят и Советский Союз. Из этого следует логический вывод, что большевики придут и сюда, займут все украинские земли, а потому необходимо подготовиться к войне с ними. В связи с этим военный вопрос в ОУН, как самый важный, становится на первое место и он лично, как проводник, даст приказ подчиненным ему организациям поставить военную работу на должную высоту.

ВЫСТУПЛЕНИЕ «ДУБ» — Военный референт Провода ОУН высказывается за необходимость решительного подхода к военному вопросу, что не было в организации до последнего времени. Тут же он ставит вопрос на голосование, кто должен вести борьбу против большевиков, то есть члены ОУН или весь украинский народ. Все присутствующие, кроме одного, высказались за то, что в случае прихода большевиков ОУН должна мобилизовать на борьбу против них весь народ.

ВЫСТУПЛЕНИЕ «ЛЕГЕНДЫ» — ОУН должна бороться не только с большевиками, но и со всеми оккупантами, которые есть или будут на украинских землях. Я сам видел в Проводе и везде в организации плохое отношение к военному вопросу и поэтому, чтобы засвидетельствовать свой протест — перешел работать в военную референтуру на более низшую должность, чем занимал в Проводе.

ВЫСТУПЛЕНИЕ «ВОВК» – Краевой военный референт «ВОВК» в своем выступлении обратил внимание на плохое отношение Краевого провода к военной работе. Ему лично, говорил он, приходилось много раз обращаться по военному вопросу и интервенции к «ДУБ» и даже к самому проводнику, т. к. краевой проводник «ЗАПАД» в этом вопросе не помогал, а вредил, не отпускал фондов и даже уговаривал низших проводников, чтобы они игнорировали военный вопрос.

«ВОВК» далее обращает внимание на специальное военное воспитание, указывая на недостаток специалистов и на занятие военных постов людьми, некомпетентными в этом деле.

«СОМ» – в своем выступлении говорил, что ОУН дала инициативу борьбы на украинских землях красным партизанам, которые овладели лучшими территориями для ведения партизанской войны, то есть Северную Волынь, Полесье и Пидляшье. На Украине, особенно на Востоке, уже смеются над нами и называют апостолами, мучениками, говоря, что мы только ходим и проповедуем, чтобы немцы имели кого расстреливать, а борьбу против немцев ведут лишь красные партизаны. Если мы не хотим потерять свое влияние на народ, то борьбу против немцев должны полностью взять в свои руки, в особенности на Волыни и в Полесье, где уже стихийно создаются разные атаманские группы, как, например, «Бульбы» и др.

[...][1]

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОВОДНИКА ОУН — «ОРЕСТ» — ЛЕБЕДЬ

«ОРЕСТ» благодарит инициаторов первой военной конференции ОУН, т. к. на ней он узнал много нового и увидел, что военный референт «ЗАПАДА» начал серьезную работу в части военной подготовки и много достиг, хотя ему в этом встречалось много препятствий. Он призывает военных референтов не бояться трудностей, а со своей стороны примет меры к их устранению. Одновременно дает указание военным референтам составить подробные тезисы, на которые будет опираться в будущем военная работа ОУН, а он просмотрит и утвердит.

---

[1] Опущен раздел «Отчеты по военной работе краев ОУН». – *Примеч. сост.*

После этого проводник ОУН — «ОРЕСТ» — ЛЕБЕДЬ Николай уходит с конференции.

Военный референт Провода ОУН «ДУБ» предлагает присутствующим на конференции здесь во Львове, а если встретятся препятствия, то где-нибудь на селе приступить к составлению тезисов, которые должны выяснить все военно-политические вопросы нашей борьбы.

Комиссия в составе: 1. «Легенды» — КЛИМОВА Ивана, 2. «ВОВК» — ПАВЛИШИНА и 3. «СОМА» — ИВАХОВА Василия приступила к составлению тезисов (программы), над чем проработала около двух месяцев.

[...][1]

МОБИЛИЗАЦИЯ

Исходя из того, что Главный фронт при распаде Германии и СССР будет на северо-востоке, то есть на линии Мозыр — Воронеж — Ростов, необходимо так подготовить мобилизацию украинского народа, чтобы главные силы были направлены туда.

Основанием этой концепции является: Россия будет расчленена в результате ударов внешнего врага (англо-американцев или Японии), а также ослаблена действиями внутренних врагов (из числа украинцев, белорусов, кавказских и уральских народов), которые будут бороться за свою самостоятельность. В то же время хорошо известно, что Россия красная или белая пошлет на Украину свои вооруженные силы для спасения своей жизни, т. к. ей нужен хлеб и Донбасс. На это потребуется 2–3 месяца, а в это время украинские вооруженные силы должны уже сами выйти на указанную выше линию (Мозир — Воронеж — Ростов), опираясь на леса и болота Полесья Черниговской и Сумской областей.

[...][2]

---

1 Опущен раздел «Вопрос политическо-военной организации Украинской армии». — *Примеч. сост.*

2 Опущено окончание раздела «Мобилизация» с описанием плана проведения мобилизации и раздел «Стратегическое расположение армии». — *Примеч. сост.*

ТРЕБОВАНИЯ ВОЕННОГО КОМАНДОВАНИЯ К ПРОВОДУ ОУН ПО ВОПРОСУ ЗАГРАНИЧНОГО СЕКТОРА

Главное Командование Украинских Вооруженных Сил ставит перед Проводом ОУН такие требования:

1. В связи с тем, что Англия и Америка безусловно выиграют войну, необходимо через членов ОУН и симпатиков, имеющих влияние, организовать представительства в тех краях, которые будут проводить всеми способами агитацию за «самостоятельную Украину». Главным аргументом должно быть то, что «самостоятельная Украина» является главным фактором, который будет ослаблять Россию, а тем самым Россия не сможет конкурировать в Азии с англичанами и американцами. Равная Украина станет заборщиком английских фабричных товаров.

2. В Америке проводить агитацию среди украинских эмигрантов, которые имеют свои представительства в парламентах штатов и союзном парламенте.

3. Польше через своих пропагандистов обратить внимание, что их смертельным врагом есть немцы, которые постепенно колонизируют их земли. Обещать полякам Галицию и Волынь, чтобы этим ослабить их чин на восток. Указывать полякам на смертельную угрозу для них и украинцев от восточных и западных соседей. В результате поляки не будут страшным врагом, так как заняты борьбой с немцами, которые уже колонизировали их земли по Лодзь (Лицманштадт).

4. Чехов успокаивать, обещая им Закарпатскую Украину.

5. Однако важнейшим вопросом по внешней политике есть то, чтобы за всякую цену избежать конфликт с Румынией и мадьярами, чем сократится фронт до 1000 клм. Провод ОУН должен для этого обещать мадьярам — Закарпатскую Украину, Румынии — Буковину и Бессарабию и даже больше, лишь бы сократить фронт.

6. Очень важной проблемой является установление хороших отношений с Прибалтийскими государствами, а главным образом с Литвой, основываясь на старые дружеские традиции и совместную борьбу с Москвою. Установление хороших отношений с Прибалтикой важно потому, что от них и через них из Скандинавии можно покупать оружие.

7. Установление отношений с Кубанью и Доном. Тут особое внимание нужно обратить на то, чтобы кубанцев и донцов настроить против Москвы, говоря им, что Украина поможет им стать «самостоятельными» и будет снабжать их оружием.

8. Большое внимание уделить Кавказу, т. к. там народы воинственные и свободолюбивые. Отрезать Москву от Бакинской нефти и тем самым иметь ее главным источником горючего.

9. Турции указывать на угрозу со стороны Москвы и потерю влияния на Черное море. Наладить там покупку оружия и амуниции и через нее связаться с Средиземным морем.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Главная военная команда требует от краевых военных команд:

С началом военных действий за «самостийность» ликвидировать за всякую цену вопрос национальных меньшинств. А чтобы этот вопрос ликвидировать — нужно нацменов — врагов народа — уничтожить.

1. Русских нацменов вообще нужно оставить в покое, потому что они на Украине сжились с народом и не представляют никакой угрозы. Они вместе с украинским народом (главным образом крестьяне) переживают всякие политические события. Русских же активистов, борющихся против украинцев, необходимо уничтожать, предварительно взяв их всех на учет, главным образом в маленьких городах, так как они являются врагами украинцев.

2. Евреев не следует уничтожать, но выселить их с Украины, дав им возможность кое-что вывезти из имущества. Считаться с ними нужно, потому что они имеют большое влияние в Англии и Америке.

3. Поляков всех выселить, дав им возможность взять с собой, что они хотят, так как их также будут защищать Англия и Америка. Тех же, которые не захотят выезжать — уничтожать. Активнейших врагов и среди них всех членов против[о]украинских организаций уничтожить в день перед объявлением мобилизации. На учет они будут взяты заблаговременно районными и уездными военными командами. Уничтожением будет заниматься жандармерия и в отдельных случаях «СБ». Использовать для этого бойцов армии запрещается.

4. Мадьяр, чехов и румын не трогать, помня про ликвидацию Западного фронта.

5. Других нацменов СССР не трогать. Армян трактовать так же, как и евреев, учитывая, что они — преданные люди России.

О ВОЕННОПЛЕННЫХ

С военнопленными нужно обращаться по-человечески, т. к. это есть живая пропаганда. Лучше всех обращаться с испанцами, бельгийцами, голландцами и французами, служившими в немецкой армии, и быстро их освобождать. Будучи освобождены, они сделают для Украины больше, чем тысячи пропагандистов.

Особое внимание обращать на русских и евреев. Политруков и евреев уничтожать. Офицеров отделять от рядовых. Рядовых разагитировать против коммунизма. Использовать на работах и по возможности хорошо кормить и одевать, т. к. от этого будет только польза для государства. До конца войны ни одного пленного русского не освобождать.

Если мадьяры, чехи и румыны будут нейтральными в войне, то их отпускать домой с предварительной агитацией их на пользу «Самостийной Украины».

Нацменов СССР всех, за исключением армян, освобождать также с предварительной агитацией за «самостийну державу», а всех желающих остаться на службе в украинской армии — принимать.

О ПЕРЕБЕЖЧИКАХ И ВОЗВРАЩЕНЦАХ

Когда Россия получит удар извне или внутри и начнет распадаться, тогда много народа будет возвращаться на родину: украинцы, поляки, белорусы. Это в основном сосланные ранее в Сибирь и Казахстан. Для них нужно специально создать для проверки пограничные пункты, чтобы не пропускать шпионов и агитаторов.

В этих пунктах нужно также смотреть, какой нации перебежчики и возвращенцы и в соответствии с этим отпускать или задерживать.

Когда мы будем в стадии войны с кем-либо из соседей, то мужчин-возвращенцев той нации задерживать на работы или уничтожать, если окажется, что они враги нашего народа. Когда будут возвращенцы

дружественных или нейтральных нам народов, то им оказывать самую лучшую заботу, по возможности предоставлять транспорт и после агитации отпускать домой, а те, кто пожелает остаться — дать им соответствующую их специальности работу.

Особо обратить внимание на офицеров, инженеров и разных специалистов, которых, безусловно, домой не отпускать, а дать работу в армии или военной промышленности, но не давать самостоятельной и ответственной работы.

Специалистов враждебных наций, безусловно, до такой работы не допускать, хотя бы и было доказано, что ранее против украинцев они не работали.

[...][1]

ПО ВОПРОСУ БЕЗОПАСНОСТИ В КОМАНДОВАНИИ АРМИИ

Безопасность всех отделов армии и военных команд в довоенный период проводит: начальник разведки, имеющейся при всех территориальных военных командах, который может использовать для этого жандармерию. В военный период могут уничтожать вражеский элемент и войсковые отделы, в довоенный — только жандармерия или разведка может передавать это органам «СБ».

Все военные команды, начиная от станичных, должны уже в ближайшее время составить списки враждебного нам элемента, чужого населения и враждебно настроенных к ОУН украинцев.

Особое внимание обращать на агентов и доносчиков немецких и прислужников польских. Станичные и районные военные коменданты представляют список врагов уездным военным комендантам, которые при помощи взвода жандармерии осуществляют плановое уничтожение. Есть указания, чтобы это сделать за день до начала мобилизации. Уничтожение следует производить в строгой тайне и действительных врагов. Результаты скрывать как можно скорее, чтобы не оставлять следов.

Уездный начальник разведки может поручить это дело «СБ» или низшим войсковым командам, но делать это в исключительных случаях, главным образом тогда, когда уже будет общая мобилизация.

[1] Опущен раздел «О военной промышленности». — *Примеч. сост.*

Помнить, что враг не будет спать, а будет противиться, когда ориентируется, поэтому списки нужно составлять в строгой тайне и про них может знать только уездный военный комендант, его заместитель и шеф разведки. На вражеский элемент не только составлять списки, но постоянно строго за ним следить.

[...][1]

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 13. Д. 372. Т. 5. Л. 21–38.

Опубл. частично: Поляки і українці між двома тоталітарними системами, 1942–1945. Варшава; Київ, 2005. Ч. 1. С. 204–212.

[1] Опущен раздел «О разведке и контрразведке». — *Примеч. сост.*

КАК ПОСТРОИТЬ «УКРАИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО». АБВЕР, УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И ПОДГОТОВКА КРОВАВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ЧИСТОК[1]

1 сентября 1939 г. германские войска вторглись на территорию Польши. С тех пор этот день стал траурной датой начала самой страшной в истории войны — Второй мировой. Однако мало кому известно, что в этот день могло бы отмечаться не только начало войны, но и создание марионеточного украинского государства. Могло — если бы не действия руководства СССР.

Одним из наиболее опекаемых нацистскими спецслужбами националистических движений была Организация украинских националистов (ОУН*), ведшая подрывную деятельность и против Польши, и против Советского Союза. В планах германской агрессии она должна была сыграть существенную роль.

Польская контрразведка стала получать угрожающие сообщения об этом еще весной 1939 г., вскоре после утверждения Гитлером плана «Вайс» — войны против Польши. Это более чем наглядно показывают документы польских спецслужб, сохранившиеся в фондах Российского государственного военного архива.

«В Польше украинские националисты должны вызвать восстание, а также ширить диверсионную деятельность, — сообщало МВД Польши в конце апреля. — В связи с ожидающейся польско-немецкой войной на территории Германии украинцы проводят военные учения, имеющие характер военной подготовки, которые проходят легально. Члены же ОУН получают подготовку неофициально, при поддержке военных немецких элементов»[2].

---

[1] Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* Как построить украинскую державу: Абвер, украинские националисты и кровавые этнические чистки. М.: Яуза, 2019. С. 5–14.

* ОУН признана экстремистской и запрещена в РФ.

[2] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: В 2 т. / Под ред. А. Н. Артизова; Отв. сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2012. С. 73.

К середине мая польские спецслужбы получили еще более тревожную информацию: «Правительство Рейха в последнее время должно двукратно увеличить дотации для ОУН. Деньги должны быть предназначены на развитие более широкой переворотной деятельности с саботажно-диверсионным характером на территории Восточной Малопольши и Волыни – эта акция рассчитана на подрыв Польского государства изнутри»[1].

Опубликованные в 2007 г. сотрудниками Бундесархива внутренние документы германской разведки (абвера) подтверждают, что польские спецслужбы получили информацию, соответствующую действительности. К июню 1939 г. представители ОУН и абвера вели подготовку к вооруженному восстанию ОУН в Польше более чем активно.

На состоявшемся 13 июня совещании между начальником второго (диверсионного) отдела абвера полковника Эрвина фон Лахузена и представителя ОУН Романа Сушко говорилось о подготовке и использовании в случае нападения на Польшу 1300 офицеров и 12 тысяч рядовых украинцев[2]. 3 июля полковник Лахузен разъяснял, что «подготовка организации украинского мятежа проводится согласно директивам абвера-II»[3]. В датируемом 15 июля отчете Лахузена отмечалось, что в рамках подготовки к операции «Вайс» абвер ведет подготовку специального диверсионного подразделения из числа украинских националистов, получившего кодовое название Bergbauernhilfe («Помощь крестьянам-горцам»)[4]; к середине августа 1939 г. численность его составляла около 600 чел., а начальником был уже упоминавшийся Роман Сушко.

Одновременно с подразделением Bergbauernhilfe к антипольскому восстанию готовились и структуры ОУН на территории Польши. Еще в июле по приказу краевого проводника ОУН на Западной Украине

---

[1] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: В 2 т. / Под ред. А. Н. Артизова; Отв. сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2012. С. 75.

[2] Das Amt Ausland-Abwehr im Oberkommando der Wehrmacht. Eine Dokumentation / Hrsg. N. Müller. Koblenz: Bundesarchiv, 2007.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

Владимира Тымчего (Лопатинского) члены организации начали проходить военную подготовку в специальных конспиративных лагерях в Полесье и Карпатах. По данным украинских историков, к концу августа были подготовлены около тысячи боевиков, которые должны были составить костяк антипольских повстанческих отрядов.

Задачей боевых отрядов ОУН была не только диверсионная деятельность, но и захват государственной власти. Об этом прямо пишет современный украинский историк Иван Патриляк: «По замыслу “Лопатинского”, подразделения партизан должны были выйти из своих укрытий и, захватив власть на местах, провозгласить восстановление украинской державности, создать собственную администрацию»[1].

Тем временем диверсионный отдел абвера решал логистические проблемы. Мало подготовить диверсионные подразделения — для обеспечения быстрого роста их численности необходимо доставить им оружие, боеприпасы и взрывчатку. 18 августа в рабочем дневнике Лахузена появилась примечательная запись: «Обучение членов Bergbauernhilfe следует продолжать. Отправка состоится предположительно в районе 22.8. ...Через майора Штольце украинский военный штаб получает указания, в соответствии с которыми лидер украинцев Мельник должен быть готов к участию в военных действиях, если того потребует ситуация в Польше»[2].

22 августа диверсанты ОУН из Bergbauernhilfe должны были отправиться к польской границе. Как и другой отряд абвера — специальное подразделение Ebbinghaus, подготовленное для действий в польской Силезии[3], они должны были стать основой антипольского восстания. Однако этим планам помешала большая политика.

23 августа в Москве был заключен советско-германский договор о ненападении. Для Гитлера это была гарантия того, что Советский

---

[1] *Патриляк І.* Перемога або смерть: український визвольний рух у 1939–1960 році. Львів, 2012. С. 24.

[2] Hoover Institution Archives. Collection XX 677. Box 1. P. 2–3.

[3] Подробно об обстоятельствах создания этого подразделения, его составе и боевом пути см.: *Bębnik G.* Sokoły kapitana Ebbinghausa. Sonderformation Ebbinghaus w działaniach wojennych na Górnym Śląsku w 1939 r. Katowice; Kraków, 2014.

Союз не выступит в грядущей войне на стороне Польши. Для Сталина это была гарантия того, что немецкие войска в ближайшее время не появятся в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине[1]. Это было циничное соглашение, которое не понравилось ни пламенным коммунистам, ни пламенным нацистам.

«Этот пакт, заключенный с Москвой, обернется однажды угрозой национал-социализму, — записал 25 августа в своем дневнике нацистский идеолог Альфред Розенберг. — Если нам к тому же придется оставить Советскому Союзу территорию польской Украины, то после Карпато-Украины это станет вторым ударом с нашей стороны по наиболее мощной антимосковитской группировке»[2].

Под «наиболее мощной антимосковитской группировкой» Розенберг подразумевал ОУН. Его прогноз был точен: как только из Москвы пришло сообщение о подписании советско-германского соглашения, абверу запретили использовать украинских диверсантов. «В своей квартире я принял звонок от госсекретаря Кепплера, он сообщает, что из замка Фушль (резиденция министра иностранных дел) пришли указания, согласно которым "акцию" начинать не следует», — записал в своем дневнике Лахузен[3].

В следующие несколько дней он пытался оспорить это решение, однако ему удалось добиться лишь использования Bergbauernhilfe в оборонительных целях на территории Словакии (именно в этой стране проводилась подготовка подразделения)[4].

28 августа Лахузен зафиксировал в дневнике принятое решение: «Касательно украинцев я отдаю следующие распоряжения. На случай мира: перевод членов Bergbauernhilfe на трудовые отношения. На случай войны: на первое время никаких действий. После согласования с генеральным штабом будет принято решение, возможно ли ис-

---

[1] Подробнее см.: *Дюков А. Р.* «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009.

[2] Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / Пер. с нем. С. Визигиной, И. Петрова; коммент. И. Петрова при участии С. Визгиной, А. Дюкова, В. Симиндея; предисл. А. Дюкова; сопр. ст. И. Петрова. М., 2015. С. 195–196.

[3] Hoover Institution Archives. Collection XX 677. Box 1. P. 4.

[4] Ibid. P. 5–6.

пользовать этих обученных дисциплине людей в качестве целостного формирования»[1].

Тем временем подполье ОУН в Польше в соответствии с ранее согласованными планами продолжало подготовку к вооруженному восстанию. На 28 августа была намечена мобилизация сторонников ОУН – они должны были уйти в лес и распределиться по боевым отрядам[2].

1 сентября германские войска вторглись в Польшу. Однако вопреки планам в авангарде вторжения не было диверсантов ОУН – они были вынуждены смотреть на войну со стороны. 5 сентября подразделение Ebbinghaus, пополнившееся силезскими немцами, взяло железнодорожный узел Катовице до прихода подразделений вермахта. Командующий 8-м армейским корпусом генерал Буш поздравил курировавших подразделение Ebbinghaus сотрудников абвера с этим достижением[3]; наблюдая за этим, украинские диверсанты и их кураторы ощущали свою ненужность.

11 сентября абвер снова попытался добиться решения об использовании Bergbauernhilfe для поддержки антипольского украинского восстания, однако эта инициатива вновь была блокирована[4]. Несмотря на это, отряды ОУН на Западной Украине уже нападали на представителей польских властей, полицейских и даже небольшие военные подразделения. Жертвами националистов становилось и гражданское польское население. Общая численность боевиков составляла не менее трех тысяч[5]. Показательно, что на Стрыйщине отряды ОУН действовали в селах, находившихся близ железной дороги, ведшей на Бескидский перевал[6]; повстанцы явно действовали в интересах немецких войск.

Тем временем в Берлине осознали, что война в Польше выиграна. Польские войска отступали под натиском германских частей; это породило настоящую эйфорию, на волне которой Гитлер отбросил осторожность и принял решение о создании на руинах Польши

---

[1] Ibid. P. 10.

[2] *Патриляк І.* Перемога або смерть... С. 25.

[3] *Bębnik G.* Sokoły kapitana Ebbinghausa. S. 395–405.

[4] Hoover Institution Archives. Collection XX 677. Box 1. P. 15.

[5] *Патриляк І.* Перемога або смерть... С. 26–28.

[6] Там же. С. 28.

марионеточного украинского государства. Это было нарушением советско-германских соглашений от 23 августа: согласно секретным протоколам, Западная Украина была советской сферой влияния.

Руководство абвера было проинформировано о принятом решении 12 сентября. В дневнике Лахузена за этот день содержится чрезвычайно лаконичная запись: «Выезд с начальником управления через Бреслау в Оппельн. Цель: обсуждение украинского вопроса»[1]. Подробнее о принятом решении Лахузен рассказал в своих показаниях на Нюрнбергском процессе: «Смысл приказа был таков: необходимо связаться с украинскими националистами, с которыми разведка имела уже соответствующий контакт в военном отношении, для того, чтобы вызвать повстанческое движение в Польше, которое имело бы своим следствием истребление поляков и евреев в Польше. Об этом говорил Риббентроп лично Канарису. Когда говорили "поляки", то подразумевали интеллигенцию и те круги, которые выступали в качестве носителей национального сопротивления...»[2] Решение, о котором министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп проинформировал руководство абвера, было согласовано Гитлером.

Таким образом, абвер получил разрешение на использование подразделения Bergbauernhilfe и поддержку антипольского вооруженного восстания ОУН. Еще одной задачей украинских националистов должно было стать уничтожение «нелояльного элемента». Это не вызывало протеста у абвера, поскольку было в порядке вещей: уже упоминавшееся подразделение Ebbinghaus также осуществляло массовые убийства поляков[3].

15 сентября начальник абвера адмирал Вильгельм Канарис и Лахузен встретились в Вене с лидером ОУН Мельником. Мельника проинформировали о вероятности создания прогерманской Западной («Галицийской») Украины. После этого Мельник приказал готовить «коалиционное правительство» для Галиции[4]. Лахузен, в свою

---

1 Hoover Institution Archives. Collection XX 677. Box 1. P. 16.

2 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1990. Т. 4. С. 181.

3 *Bębnik G.* Sokoły kapitana Ebbinghausa. S. 406–420.

4 *Макарчук В. С.* Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: Историко-правовое исследование / Пер. с укр. В. С. Образец. М., 2010.

очередь, начал предпринимать конкретные шаги по использованию украинских отрядов. В его дневнике появилась запись: «Украинский военный штаб немедленно переводится в распоряжение командования 14-й армии (Демель). Уведомить группу армий “Юг” через отдел абвер-II... Мельник должен постоянно находиться в распоряжении начальника управления... Абвер-II должен обеспечить замену Bergbauernhilfe»[1].

Однако эти планы 17 сентября были сорваны. В этот день советские войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. По свидетельству заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта Вальтера Варлимонта, генерал Альфред Йодль, получив сообщение о том, что войска Красной Армии вступают на территорию Польши, с ужасом спросил: «Против кого?»[2] Попытка реализации утвержденного Гитлером проекта создания украинского государства означала для Германии войну с СССР в самых невыгодных условиях. И Берлин резко пошел на попятный.

Лахузен записывает в дневнике: «В 4.00 (среднеевропейское время) русские перешли польскую границу по линии Каменец-Подольский — Полоцк, чтобы занять территорию восточнее линии Лемберг — Брест-Литовск — Белосток. Таким образом, ситуация, какой она была по состоянию на 16.9, изменилась... Члены Bergbauernhilfe будут направлены не в зону русских интересов, а в украинские поселения в качестве украинской полиции. За Ярым следует наблюдать; лучше всего — изоляция. 18.9 ему надлежит прибыть в Берлин для беседы с начальником управления»[3]. В последующие недели Канарис, Лахузен и один из лидеров ОУН Рихард Ярый занимались спасением «того, что можно», организуя вывод членов ОУН на контролируемую немцами территорию Польши и в Венгрию[4].

Подразделение Bergbauernhilfe было распущено, а его личный состав частично передан на формирование полицейских подразде-

---

[1] Hoover Institution Archives. Collection XX 677. Box 1. P. 17.

[2] *Варлимонт В.* В гитлеровских высших штабах // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1990.

[3] Hoover Institution Archives. Collection XX 677. Box 1. P. 17–18.

[4] Ibid. P. 18.

лений в оккупированной Польше. Тем не менее помощь, оказанная украинскими националистами рейху, не осталась без вознаграждения. ОУН получила легальный статус, а ее члены поступали на службу в подразделения Werkschutz (охрана промышленных объектов). Украинское население созданного нацистами «генерал-губернаторства» получило ряд привилегий; в частности, украинцам передавались дома и магазины, конфискованные у евреев[1].

Проект создания марионеточного украинского государства был надолго закрыт. Германские спецслужбы реанимируют его только весной 1941 г., накануне нападения на СССР. «Акт восстановления украинской державности» будет провозглашен лидерами ОУН 30 июня 1941 г. в оккупированном нацистами Львове. Если бы не СССР, это произошло бы двумя годами раньше — в сентябре 1939-го.

---

[1] *Трофимович В.* Роль Німеччини та СССР в українсько-польському конфлікті 1934–1945 рр. // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 2003. № 28. С. 121–122.

ВТОРОСТЕПЕННЫЙ ВРАГ: ОУН, УПА* И РЕШЕНИЕ «ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА»[1]

Введение

На протяжении трех бесконечно долгих лет на оккупированной нацистами территории Советского Союза разворачивалась драма, равной которой не было в мировой истории. С самого начала война на Востоке была для нацистов особой войной, войной на уничтожение. Согласно нацистским представлениям, Советский Союз населяли представители низших рас, часть из которых следовало уничтожить, а часть — превратить в рабов. На закрытых совещаниях представители гитлеровского руководства прямо говорили о необходимости уничтожения миллионов советских граждан. И эти планы не оставались на бумаге — они деятельно и непреклонно воплощались в жизнь.

Войска Красной Армии на фронте и советские партизаны во вражеском тылу не дали полностью реализовать нацистские планы геноцида; однако и то, что нацистам удалось сделать, было невероятно в своей чудовищности. По сей день неизвестно точное число мирных граждан, уничтоженных на оккупированных территориях при помощи пули, огня и голода. Советские историки говорили о 10 миллионах, современные российские исследователи называют цифру в 13,5–14 миллионов мирных граждан, 7,5 миллиона из которых было уничтожено в ходе карательных операций, 2,5 миллиона — погибло на каторжных работах в Германии и более 4 миллионов — умерло от организованного нацистами голода[2].

---

* ОУН и УПА признаны экстремистскими и запрещены в РФ.

1 Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса» / Предисл. Ю. Шевцова. М., 2008. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

2 Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 233, 463; Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 50, 58–59.

Составной частью нацистской «истребительной войны» против Советского Союза стало массовое уничтожение евреев. Евреи не были самыми многочисленными жертвами нацистов, но они были первыми, кого начали уничтожать поголовно. У оказавшегося под немецкой оккупацией русского, украинца или белоруса был некоторый шанс остаться в живых — разумеется, в качестве раба. У евреев такого шанса не было; лишь немногие из проживавших на оккупированных землях 3 миллионов евреев дожили до прихода войск Красной Армии[1].

Однако далеко не все уничтоженные во время нацистской оккупации евреи были жертвами нацистов. Свой вклад в «окончательное решение еврейского вопроса» внесли националисты из недавно присоединенных к Советскому Союзу республик Прибалтики и Западной Украины. Организованные ими еврейские погромы начинались сразу после ухода советских войск. Евреев забивали насмерть, расстреливали, сжигали в домах и синагогах, за бежавшими из городов охотились боевики из антисоветских националистических формирований.

Уничтожение местными националистами евреев, разумеется, приветствовалось руководством айнзатцгрупп, которое получало возможность выдавать свои преступления за «стихийные акции самоочищения». По иронии судьбы в наше время происходит обратный процесс: преступления прибалтийских и украинских националистов то и дело пытаются списать на нацистские айнзатцгруппы.

Особенно активно это пытаются сделать на Украине, где национальными героями официально объявлены члены Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА).

Созданная в 1929 г. в Вене, ОУН ставила своей задачей создание Украинской соборной самостийной державы, в состав которой должны были войти все территории, населенные украинцами. В рамках этой задачи естественными врагами этой нелегальной организации становились Польша и Советский Союз; а, как известно, враг моего врага — мой друг. С начала 1930-х гг. ОУН сотрудничала с разведкой сначала Веймарской Германии, а затем Третьего рейха. Члены ОУН активно использовались германской военной разведкой (абвером)

---

[1] *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002. С. 454.

для осуществления разведывательной и диверсионной деятельности против Польши и Советского Союза.

В феврале 1940 г. ОУН раскололась на две фракции — официального главы («проводника») организации Андрея Мельника и молодого лидера Степана Бандеры. Этот раскол был окончательно оформлен в апреле 1941 г., когда фракция С. Бандеры заявила о непризнании решений созванного А. Мельником 2-го Великого съезда ОУН в Риме и провела собственный съезд в Кракове. Несмотря на непреодолимые противоречия между фракциями, обе они продолжали активно сотрудничать с нацистскими спецслужбами.

Перед нападением Германии на Советский Союз украинскими националистами под руководством офицеров абвера были созданы два диверсионных батальона, получившие название «Нахтигаль» и «Роланд». Общая численность этих подразделений составляла около 700 чел., а их командирами с украинской стороны стали соответственно сотник Роман Шухевич и майор Евгений Побигущий. ОУН(Б) также вела подготовку приуроченных к наступлению вермахта выступлений в тылу советских войск. Кроме того, с согласия немецкого военного руководства создавались «походные группы ОУН», которые должны были следовать за передовыми частями вермахта, ведя политическую пропаганду и организуя вооруженную «украинскую милицию».

Планы ОУН были воплощены в жизнь сразу же после вторжения немецких войск на советскую землю. Группы украинских националистов нападали на советские учреждения, обстреливали части Красной Армии. 30 июня вместе с передовыми частями вермахта в оставленный советскими войсками Львов вошел батальон «Нахтигаль» под командованием Р. Шухевича. В тот же день прибывшая в город «походная группа» одного из лидеров ОУН(Б) Я. Стецко провозгласила создание украинского государства. В ответ из Берлина пришел приказ задержать руководителей ОУН(Б) за самоуправство. Украинские националисты убедились, что нацисты не рассматривают их как союзников и не собираются передавать им власть над «освобожденной Украиной». Несмотря на это, руководство ОУН(Б) надеялось на продолжение сотрудничества с оккупантами. Однако в Берлине предложение о сотрудничестве отвергли; немецкие власти развернули репрессии против ОУН(Б).

К концу 1942 г. украинское население уже в полной мере ощутило на себе тяжесть нацистской оккупации. Голод, вызванный конфискацией продовольствия; тяжелые принудительные работы; постоянные расстрелы — все это настраивало украинцев против немецкого господства. На оккупированной территории возникали партизанские отряды, боровшиеся с оккупантами. Современные украинские историки признают, что формирование партизанских отрядов было инициативой «снизу». В то время, как руководство ОУН(М) и ОУН(Б) в той или иной степени склонялось к сотрудничеству с немцами, представители низовых структур добивались разрешения с оружием в руках сопротивляться грабившим и истреблявшим украинское население оккупантам.

Весной 1943 г. на базе вооруженных отрядов ОУН(Б) была создана Украинская повстанческая армия. Тогда же УПА пополнили ушедшие «в лес» формирования украинской вспомогательной полиции. Одной из причин создания националистами формирований УПА стала активная деятельность на территории Полесья советских партизан. Еще одним врагом для отрядов УПА стало польское население Волыни. Летом 1943 г. отряды УПА организовали масштабные этнические чистки в районах проживания польского населения, в результате которых, по данным польских историков, было уничтожено 40 тысяч чел. Одновременно отряды УПА вели активные боевые действия против советских партизан и (с меньшей интенсивностью) против немецких войск.

В конце 1943 г. главнокомандующим УПА стал Роман Шухевич, в начале войны командовавший батальоном «Нахтигаль», а затем — первой сотней сформированного нацистами 201-го батальона охранной полиции. В начале следующего, 1944 г. командование УПА достигло соглашения с немецкими властями относительно борьбы против советских партизан, а также предоставления развединформации. Взамен немецкая сторона передавала подразделениям УПА необходимое националистам вооружение. После освобождения Украины советскими войсками УПА продолжила борьбу против советской власти. Подразделения УПА действовали также на территории Польши, совершали пропагандистские рейды в Чехословакию. Лишь в 1949 г. в результате эффективных действий советских органов госбезопасности остатки формирований УПА были распущены.

Их личный состав слился с националистическим подпольем ОУН, действовавшим на территории СССР вплоть до середины 1950-х гг.

Несмотря на то что формирования ОУН и УПА активно участвовали в уничтожении поляков, евреев и лояльно настроенных к советской власти украинцев[1], после прихода к власти президента Виктора Ющенко на Украине была развернута государственная кампания по героизации украинских националистов.

В ноябре 2007 г. во время официального визита в Израиль президент В. Ющенко неожиданно заявил, что ОУН и УПА никоим образом не были причастны к антисемитским действиям и что уставные документы этих организаций не несут никаких антисемитских положений. «Ни один архив не подтвердит сегодня ни одной акции карательного типа, в которой принимали бы участие бойцы УПА или другие подобные организации, — продолжил глава украинского государства. — Понимаю, что многое из пропаганды советского типа имеет силу стереотипов, но мы имеем право говорить, что есть другая правда»[2].

Однако, что бы ни говорили украинские политики и обслуживающие их историки, украинские националисты на самом деле участвовали в уничтожении евреев, поляков и просоветски настроенных украинцев. Это факт, с которым ничего нельзя поделать. Другое дело, что с научной точки зрения данная тема к настоящему времени исследована недостаточно, а это дает простор для различного рода спекуляций.

Предлагаемое вниманию читателя исследование посвящено участию ОУН и УПА в уничтожении евреев. Начиная работу над этой темой, автор преследовал две взаимосвязанные задачи: во-первых,

---

[1] См., напр.: Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1: Западная Украина, февраль — июнь 1945 года / Фонд «Историческая память»; Сост. А. Дюков и др. М., 2009.

[2] ИА «Росбалт», 14–15.11.2007. Показательно, что в рамках упомянутого визита В. Ющенко также предпринял попытку добиться от Израиля официального признания концепции «Голодомора» как геноцида против украинцев. См.: *Касьянов Г.* Danse macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х) / Інститут історії України НАН України. Київ, 2010. С. 103–104.

проанализировать существующую украинскую и зарубежную историографию по теме и, во-вторых, с опорой на документы из украинских и российских архивов, исследовать узловые вопросы, связанные с участием ОУН и УПА в Холокосте. В работе рассматриваются предвоенные планы ОУН по отношению к евреям, участие боевиков ОУН в уничтожении евреев летом 1941 г., изменение программных установок ОУН по «еврейскому вопросу», участие формирований УПА в антиеврейских акциях, а также судьба мобилизованных в УПА евреев.

Глава 1. Историография проблемы

Отношение Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии к евреям — одна из наиболее дискуссионных проблем в историографии ОУН и УПА. К настоящему времени исследователи этой проблемы разделились на два непримиримых лагеря. Одни считают, что ОУН и УПА принимали активное участие в уничтожении евреев, другие это отрицают. С обеих сторон звучат обвинения в политической ангажированности и использовании «пропагандистских штампов», порою вполне справедливые.

На наш взгляд, такое положение вещей свидетельствует не столько о сложности вопроса, сколько о его политической значимости и одновременно недостаточной научной изученности. Причины последнего понятны. Вплоть до «архивной революции» 90-х гг. XX в. источниковая база по данной тематике была крайне узка. Исследователь, взявшийся изучить отношение ОУН и УПА к евреям, имел в своем распоряжении лишь воспоминания, немногочисленные немецкие отчеты о положении на оккупированной Украине, а также опубликованные эмигрантскими украинскими историками документы ОУН и УПА, аутентичность которых порою вызывала сомнения.

Ситуация усугублялась тем, что мемуаристы противоречили друг другу. В мемуарах евреев и поляков неоднократно упоминалось об участии украинских националистов в погромах и убийствах[1], однако

[1] Напр.: *Kiperman Z.* Years of Suffering, Pain and Struggle. URL: http://www.jewishgen.org/ yizkor/khorostkov/kho337.html (дата обращения — 11.02.2012); *Horowitz N.* My Town During the Second World War. URL:

оказавшиеся в эмиграции оуновцы подобные обвинения отвергали. Ярослав Стецко, один из руководителей ОУН(Б), утверждал, что в погромах евреев летом 1941 г. оуновские активисты участия не принимали. «Я лично при каждом удобном случае в каждом селе или местечке, через которое мы проезжали, обращал внимание, чтобы не поддаться немецким провокациям ни на какие антиеврейские или антипольские эксцессы. Это на совесть было исполнено нашим активом», — писал Стецко[1].

По утверждению оуновца Богдана Казановского, антиеврейские акции были даже запрещены краевым проводником ОУН(Б) Иваном Климовым, известным под псевдонимом «Легенда». По словам Казановского, однажды к Климову обратился один из заместителей комиссара украинской полиции с вопросом, каким должно быть их отношение к немецким антиеврейским акциям. В ответ Климов якобы заявил: «Мы не имеем интереса в том, чтобы уничтожать жидов, потому что после жидов придет очередь украинского населения. Мы помогли нескольким жидам-офицерам из У[краинской] Г[алицийской] А[рмии] врачами и другими специалистами, которые хотели разделить судьбу с нашим движением в подполье. Они с удовольствием согласились работать для ОУН, но их немного. Даю поручение, что в антижидовской акции не смел принимать участие ни один член ОУН. По этому делу скоро получите письменные инструкции»[2].

Николай Лебедь, бывший начальник Службы безопасности ОУН, приводил иной аргумент в пользу отсутствия в ОУН и УПА антиеврейских настроений: «Большинство врачей УПА были евреями, которых УПА спасала от уничтожения гитлеровцами. Врачей-евреев считали равноправными гражданами Украины и командирами украинской армии. Здесь необходимо подчеркнуть, что все они честно исполняли свой тяжкий долг, помогали не только бойцам, но и всему населению, объезжали территории, организовывали полевые больницы и больницы в населенных пунктах. Не покидали боевых рядов

---

http://www.jewishgen.org/yizkor/mikulintsy/mik049.html (дата обращения — 11.02.2012).

[1] *Стецько Я.* 30 червня 1941: Проголошення відновлення державности України. Торонто; Нью-Йорк; Лондон, 1967. С. 178.

[2] *Казанівський Б.* Шляхом Легенди: Спомини. Лондон, 1975. С. 264.

в тяжелых ситуациях, также тогда, когда имели возможность перейти к красным. Многие из них погибли воинской смертью в борьбе за те идеалы, за которые боролся весь украинский народ»[1].

Тема о евреях в УПА более чем активно разрабатывалась оказавшимися в эмиграции националистическими историками и мемуаристами; вершиной работы в этом направлении стала публикация в рамках серии «Летопись УПА» сборника «Медицинская помощь в УПА», в котором были собраны воспоминания о деятельности врачей-евреев[2].

Насколько утверждения оуновских мемуаристов соответствовали действительности, понять было невозможно. Архивные документы, которые могли бы их подтвердить или опровергнуть, оставались недоступными для исследователей, а в воспоминаниях поляков и евреев, как уже говорилось, содержалась совсем другая информация. Более того: вскоре выяснилось, что пропагандисты темы «евреи в УПА» не гнушались вбросом подложных «воспоминаний».

В конце 1954 г. торонтская украиноязычная газета «Наша мета» опубликовала мемуары еврейки Стеллы Кренцбах «Живу благодаря УПА». Читатели газеты могли узнать, что учившаяся во Львове на философском факультете С. Крейнцбах после прихода немцев жила под украинской фамилией, в 1943 г. вступила в УПА, затем была арестована советскими властями, приговорена к смерти, но освобождена боевиками УПА. Затем она через Австрию уехала в Израиль, где работала в министерстве иностранных дел. Завершались мемуары патетической фразой о том, что «свободное Украинское государство будет залогом и доказательством справедливого мира на всей земле».

История была романтичная; мемуары С. Кренцбах были перепечатаны в ряде украиноязычных журналов. В СМИ появились утверждения, что после выхода воспоминаний Крейнцбах была убита неизвестными. В 1957 г. воспоминания вошли в изданную в Нью-

---

1 *Лебедь М.* Україньска Повстаньска Армія, її генеза, ріст і дії у визвольній боротьбі україньского народу за Україньску Самостійну Соборну Державу. Дрогобич, 1993. Кн. 1. С. 69.

2 Медична опіка в УПА: Документи, матеріяли і спогади. Торонто, Львів, 1992. См. также: *Омелюсік М.* УПА на Волині в 1943 році // Волинь и Полісся: Німецька окупація. Торонто, 1989. Кн. 1. С. 34–35.

Йорке книгу «В рядах УПА», окончательно внедрившись в научный оборот как достоверный источник. Вскоре, однако, было доказано, что эти воспоминания являются подложными: никакой С. Крейнцбах не существовало на свете. Американский историк Филип Фридман в 1959 г. опубликовал статью «Украинско-еврейские отношения в период нацистской оккупации», в которой писал:

«Еврейка Стелла Кренцбах рассказала об этих курсах [фельдшеров] в своих мемуарах, опубликованных в изданиях "Наша мета" (Торонто 27.11 и 04.12); "Украинское слово" (Буэнос-Айрес, 10 октября 1954 г.); "Календарь-альманах на 1957 год" (Буэнос-Айрес 1957, стр. 92–97). В календаре также опубликована статья Дмитрия Андреевского (стр. 88–91), в которой он утверждает, что Стелла Кренцбах после войны уехала в Палестину, где позже устроилась на работу секретаршей в министерстве иностранных дел. Через несколько недель после публикации ее воспоминаний в "Вашингтон пост" (эта публикация указывается в качестве первоисточника мемуаров) она была застрелена при загадочных обстоятельствах. Я просмотрел "Вашингтон пост" за указанный период, но не нашел ее мемуаров. По моей просьбе д-р Н. М. Гельбер (Иерусалим) сделал запрос в министерство иностранных дел и получил ответ, что в министерстве никогда не работала женщина с таким именем. Вышеописанный случай убийства им также абсолютно незнаком. Более того, после тщательного анализа текста мемуаров я пришел к выводу, что вся история — "утка". Аналогично, украинский писатель Б. Кордюк окрестил ее "мистификацией", утверждая, что ни один из известных ему членов УПА "никогда не встречал Кренцбах и не слышал о ней"»[1].

Показательно, что участие во вбросе подложных воспоминаний принял Дмитрий Андриевский, один из видных идеологов мельниковской фракции ОУН.

Фальсификация оуновцами источников не помешала появлению в Польше и на Украине целого ряда работ, посвященных преступлениям ОУН-УПА[2]. Разумеется, в этих изданиях прежде всего речь шла

---

[1] Подробный разбор истории «мемуаров С. Кренцбах» дан в статье И. Петрова «Стелла Кренцбах, женщина-врач». URL: http://labas.livejournal.com/840726.html (дата обращения 11.02.2012).

[2] *Turowski J., Siemiaszko W.* Zbrodnie nacjonalistów ukrainskich dokonane na ludnosci polskiej na Wołyni u 1939–1945. Warszawa, 1990; *Масловский В.*

об осуществлявшихся боевиками УПА массовых убийствах поляков на Волыни, однако и вопрос об уничтожении украинскими националистами евреев не оставался без внимания. Эти работы базировались в основном на воспоминаниях очевидцев, носили публицистический характер и, как правило, не отвечали строгим научным критериям. Некритический подход к источникам привел к появлению в этих работах ряда фактических ошибок[1]. Тем не менее авторы этих работ ввели в оборот большой объем фактической информации, позволяющей как минимум усомниться в выдвигаемых украинскими эмигрантскими историками и мемуаристами тезисах о непричастности ОУН и УПА к массовым убийствам, в том числе — к убийствам евреев.

Логичным продолжением «обличительной» историографии ОУН-УПА стала первая книга, целиком посвященная проблеме отношения ОУН и УПА к евреям, — вышедшая двумя изданиями работа польского историка Эдварда Пруса «Холокост по-бандеровски»[2]. Достоинством этой книги стало обобщение ранее обнародованной информации о преследованиях евреев украинскими националистами, недостатком — публицистичность и использование документов ОУН и УПА, чья аутентичность вызывает сомнения. Впрочем, впоследствии некоторые из приведенных Прусом распоряжений ОУН об уничтожении евреев были действительно обнаружены в украинских архивах[3].

Обвиняет земля. М., 1991; *Поліщук В. В.* Гірка правда: Злочинність ОУН-УПА (Сповідь українця). Торонто; Варшава; Київ, 1995; *Poliszczuk W.* Dowody zbrodni OUN i UPA. Toronto, 2000, и др.

1 Так, например, неправильно были атрибутированы некоторые фотографии «жертв ОУН-УПА». См.: *Rutkowska A., Stola D.* Fałszywy opis, prawdziwe zbrodnie // Rzeczpospolita, 19.05.2007.

2 *Prus E.* Holocaust po banderowsku: Czy Żydzi byli w UPA? Wrocław, 1995; *Prus E.* Holocaust po banderowsku. Wrocław, 2001.

3 Так, например, цитируемый Прусом документ «Политика по отношению к меньшинствам» представляет собой один из разделов разработанной ОУН(Б) инструкции «Борьба и деятельность во время войны» (ср.: *Prus E.* Holocaust po banderowsku. S. 46; ОУН в 1941 році: Документи / Інститут історії України НАНУ; Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; Передмова С. Кульчицький. Київ, 2006. Ч. 1. С. 103–104). Отрывком из той же инструкции являются приводимые Прусом указания СБ ОУН о необходимости ликвидации евреев «как индивидуально, так

Открытие украинских архивов для исследователей в 1990-х гг. позволило перевести исследование истории ОУН и УПА на прочную научную основу. Историкам стали доступны десятки тысяч архивных документов, значительное число документов было опубликовано. И хотя в фокусе внимания исследователей в первую очередь оказалась борьба УПА с советской властью, постепенно начали появляться работы, посвященные отношению украинских националистов к «еврейскому вопросу».

Разработка этой тематики велась преимущественно в рамках исследования Холокоста на оккупированной нацистами Украине. Одним из первопроходцев стал известный израильский историк Ицхак Арад, давший краткий обзор осуществлявшимся украинскими националистами антиеврейским акциям лета 1941 г. По данным Арада, в первые дни после прихода немецких войск украинскими националистами на Западной Украине было уничтожено более пятнадцати тысяч евреев[1].

и в качестве национальной группы» (ср.: *Prus E.* Holocaust po banderowsku. S. 177; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 129).

Вместе с тем, приведенный Прусом приказ главнокомандующего УПА Р. Шухевича об уничтожении евреев («С евреями обращаться так же, как с поляками и цыганами; беспощадно уничтожать, никого не щадя... Беречь врачей, фармацевтов, химиков, санитаров; держать под охраной в полевых госпиталях и смотреть им на руки. За каждую попытку саботирования приказов, побега или умышленного вреда раненым и больным казнить через повешение... Евреев, которых нежелательно использовать для копания схронов и укреплений, после окончания работы без шума ликвидировать...» — *Prus E.* Holocaust po banderowsku. S. 185) вызывает некоторые сомнения. Несмотря на то что возможность издания такого приказа подтверждается содержанием директив СБ ОУН 1943 и 1944 гг., отсутствие ссылки на первоисточник не позволяет использовать приведенную Прусом цитату в научном исследовании.

По тем же причинам не представляется возможным использовать и приводимый украинским исследователем В. Наконечним без ссылки на источник приказ, якобы отданный Шухевичем командующему УПА-«Север» Климу Савуру: «Придерживаться инструкции... жидов, которые шатаются лесами и пытаются спастись от смерти, ликвидировать выстрелом в голову и объявлять, что это сделали немцы» (*Наконечний В.* Волинь — криваве поле війни. Тернопіль, 2006. С. 23).

[1] *Арад И.* Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского союза (1941–1945). Днепропетровск; М., 2007. С. 161.

В монографии доктора исторических наук Феликса Левитаса, опубликованной в 1997 г., был впервые опубликован важный для понимания отношения ОУН к евреям документ — протокол состоявшегося в середине июля 1941 г. совещания членов ОУН во Львове. По мнению Левитаса, этот документ свидетельствует о наличии в ОУН двух лагерей по отношению к еврейскому вопросу — «радикального и демократического»[1]. Однако это предположение выглядело как минимум сомнительно: ведь протокольная запись свидетельствовала о предельно негативном отношении участников совещания к евреям, а разногласия сводились к вопросу тактического характера.

В том же году в свет вышла монография немецкого исследователя Дитера Поля «Преследования евреев в Восточной Галиции». Автор сосредоточил свое внимание прежде всего на роли немецких оккупационных органов в уничтожении евреев. Однако помимо этого в исследовании была дана и характеристика отношения к антиеврейской политике местного украинского населения и ОУН. Использовав ряд пропагандистских и внутренних документов ОУН, Д. Поль констатировал, что во многих случаях погромы лета 1941 г. на Украине проводились созданной ОУН украинской милицией[2]. Д. Поль также поставил под сомнение традиционную точку зрения о том, что все погромы на Западной Украине провоцировались нацистскими властями[3].

Историк Жанна Ковба затронула вопрос об отношении ОУН-УПА к евреям в вышедшей в 1998 г. монографии «Человечность в пропасти ада», однако сформулировать однозначный ответ так и не смогла. Дав короткий и заведомо неполный обзор нормативных

---

1 *Левитас Ф. Л.* Евреї України в роки Другої Світовиї війни. Київ, 1997. С. 180.

2 *Pohl D.* Judenverfoigung in Ostgalizien, 1941–1944: Organisation und Durchfürung eines staatlichen Massenverbrechens. München, 1997. Рецензию Т. Курило на книгу см.: Україна модерна. 2003. № 8. С. 227–235. См. также весьма содержательную статью: *Pohl D.* Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda // Shared History — Divided Memory. Jews And Others In Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / Ed. by E. Barkan, E. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007.

3 *Pohl D.* Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda. P. 308.

документов и высказываний руководителей ОУН, носящих несомненно антисемитский характер, Ж. Ковба тем не менее заявила, что четкой позиции по отношению к евреям ОУН(Б) якобы не имела[1]. Источниковая база этой работы оказалась крайне фрагментарна, не проводилось даже элементарной критики источников; показательно, что Ковба использовала подложные «мемуары С. Кренцбах» как достоверный источник[2].

Намного более четкой оказалась позиция ведущего российского специалиста по истории Холокоста Ильи Альтмана, отмечавшего, что позиция ОУН по «еврейскому вопросу» оставалась негативной как в довоенный период, так и во время войны[3]. Справедливость утверждения о негативном отношении ОУН к евреям в предвоенный период была продемонстрирована в исследованиях украинского историка Максима Гона, посвященных украинско-еврейским взаимоотношениям на Западной Украине в 1935–1939 гг.[4] На солидной документальной основе Гон показал, что, хотя перед Второй мировой войной евреи и не рассматривались ОУН в качестве главного врага, членами этой организации проводились акции по оказанию на евреев психологического давления и уничтожению их имущества.

Позицию ОУН по «еврейскому вопросу» после начала войны в определенной степени позволило прояснить изучение конкретных антиеврейских погромов летом 1941 г. Филипп Фридман, Ханнес Хеер, Александр Круглов, Александр Ермаков и Иван Химка исследовали историю разразившегося после захвата немецкими войсками

---

[1] *Ковба Ж.* Людяність у безодні пекла: Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». 3-е вид., випр. и доп. Київ, 2009. С. 249.

[2] Там же. С. 119–120.

[3] *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002. С. 220–225.

[4] *Гон М. М.* Із кривдою на самоті: Українсько-єврейські взаємини на західноукраїнських землях у складі Польщі (1935–1939). Рівне, 2005; *Гон М. М.* «Комуністичний» фактор українсько-єврейських взаємин у Західній Україні (1935–1939 рр.) // Галичина. Львів, 2003. Зб. 9; *Гон М. М.* Українські праворадикали та євреї Західної України (друга половина 1930-х років) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2006. Вип. 15.

погрома во Львове[1], Бернд Болл и Марко Царинник — массовые убийства евреев в Злочеве и Дубно в начале июля 1941 г.[2] Используя немецкие документы, исследователи продемонстрировали активное участие членов ОУН в обеих антиеврейских акциях.

Гораздо более дискуссионным оказался вопрос об участии в убийствах львовских евреев — военнослужащих украинского батальона «Нахтигаль». Официальные украинские историки участие «соловьев» в погроме отрицают, апеллируя к решению западногерманского суда по «делу Оберлендера»[3]. Однако, как замечает Александр Круглов, прокуратура Бонна установила, что «с большой вероятностью украинский взвод 2-й роты батальона "Нахтигаль" имел отношение к актам насилия в отношении согнанных в тюрьму НКВД евреев и виновен в смерти многочисленных евреев»[4]. Существуют свидетельства того, что по крайней мере отдельные военнослужащие «Нахтигаля» принимали участие в уничтожении евреев[5].

---

1 *Фрідман Ф.* Винищення львівських євреїв // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 2009. № 58; *Heer H.* Blutige Ouvertüre: Lemberg, 30 Juni 1941: Mit dem Einmarsch der Wehrmachttruppen beginnt der Judenmord // Der Zeit. 2001. № 26; *Круглов А.* Львов, июль 1941: Начало уничтожения // Голокост і сучасність (Киев). 2003. № 5; *Химка I.* Достовірність свідчення: Реляція Рузі Ваґнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність (Киев). 2008. № 2; *Ермаков А.* Вермахт против евреев: Война на уничтожение. М., 2009. С. 103–109; *Хеер Х.* Прелюдия к Холокосту: Львов в июне-июле 1941-го // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 4–17.

2 *Boll B.* Zloczow, Juli 1941: Die Wehrmacht und der Beginn des Holocaust in Galizien // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2002. № 10; *Boll B.* Zloczow, July 1941: The Wehrmacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia: From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past // Crimes of War: Guilt and Denial in the Twentieth Century. New-York, 2002; *Царинник М.* Золочів мовчить // Критика. 2005. № 10.

3 Організація українських націоналістів і Українська повстаньска армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діятельності ОУН і УПА. Київ, 2005. С. 8.

4 *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 13.

5 Подробнее см.: *Высоцкий С.* «Нахтигаль»: предатели, преступники, герои // «Газета 24» (Киев), 27.02.2008. В статье представлены точки зрения таких историков, как Марко Царынник (США), Дитер Поль (Германия), Карел

Еще одна дискуссионная тема — участие в расстрелах евреев в Бабьем Яру сформированного из украинских националистов «Буковинского куреня». Об участии «Буковинского куреня» в убийстве киевских евреев пишут историки Иван Фостий и Михаил Коваль[1], однако в последнее время эта точка зрения подвергается сомнению[2]. Чья позиция более адекватна, понять невозможно, поскольку объем введенной в научный оборот информации по этому вопросу совершенно недостаточен.

Польский историк Гжегож Мотика посвятил львовскому погрому июля 1941 г. и теме взаимоотношения УПА и евреев два раздела монографии «Украинское партизанское движение». Введя в научный оборот новые внутренние документы ОУН, Г. Мотика пришел к выводу, что украинские националисты рассматривали евреев как своих врагов. Одним из первых он обратил внимание на антиеврейскую деятельность СБ ОУН в 1943–1944 гг., а также высказал предположения о числе уничтоженных УПА евреев[3].

Однако гораздо большее значение для изучения позиции ОУН-УПА по еврейскому вопросу, чем все предыдущие работы, имела вышедшая в журнале «Harvard Ukrainian Studies» статья Карела Беркгофа и Марка Царинника[4]. В этой статье была опубликована «Автобиография» одного из руководителей ОУН(Б) Ярослава

Бергкофф (Нидерланды), Жанна Ковба (Украина), Александр Ищенко (Украина) и Александр Дюков (Россия).

[1] Бабин Яр (вересень 1941 — вересень 1943 рр.) // Український історичний журнал. 1991. № 9; *Фостий І.* Діятльність ОУН на Буковині у 1940–1941 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2–4. [Цитируется по электронному варианту, размещенному на официальном сайте Службы безопасности Украины, sbu.gov.ua].

[2] См.: *Нахманович В.* Буковинський курінь і масові розстріли євреїв Києва восени 1941 р. // Український історичний журнал. 2007. № 3.

[3] *Motyka G.* Ukraińska partzyantka, 1942–1960: Dyiałalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii. Warszawa, 2006. S. 96–99, 287–298.

[4] *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // Harvard Ukrainian Studies. 1999. № 3–4. См. также: *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004 (укра-

Стецко, написанная летом 1941 г. «Москва и жидовство — главные враги Украины, — писал Стецко. — Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстреминации [уничтожения] жидов, исключая их ассимиляцию и т. п.»[1]. Автором статьи были приведены и другие свидетельства антиеврейских взглядов руководства ОУН. Таким образом, была продемонстрирована ложность послевоенных заявлений Стецко, утверждавшего, что он препятствовал антиеврейским акциям. И хотя «Автобиография» Стецко была введена в научный оборот еще Ф. Левитасом[2] и Д. Полем[3], статья Беркгофа и Царинника привлекла гораздо больше внимания.

До этого вопрос об отношении ОУН-УПА к евреям находился на периферии внимания украинских историков и публицистов. Произведения «обличительной историографии» привычно игнорировались как ненаучные, работы историков Холокоста общественного внимания также не привлекали. Украинская диаспора в США и Канаде не испытывала желания обсуждать проблемные страницы истории украинского национализма[4]. Не удивительно, что разработкой данной проблемы украинские историки практически не занимались; значимым исключением стала лишь опубликованная в 1996 г. статья историка Ярослава Грицака «Украинцы в антиеврейских акциях в годы Второй мировой войны»[5]. Кроме того, отдельные упоминания об антиеврейских акциях встречались в работах, посвященных боевой деятельности ОУН и УПА[6].

инское издание: *Беркгоф К.* Жнива розпачу: Життя і смерть в Україні під нацистською владою / Перекл. з англ. Т. Цимбал. Київ, 2011).

1 *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 162.

2 *Левитас Ф. Л.* Евреї України... С. 179.

3 *Pohl D.* Judenverfoigung in Ostgalizien. S. 49. Цит. по: Україна модерна. 2003. № 8. С. 233.

4 См.: *Химка І.* Воєнні злочини: біла пляма у колективній пам'яті північноамериканської української діяспори // Україна модерна. 2006. № 10.

5 *Грицак Я.* Українці в антиєврейських акціях у роки другої світової війни // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 1996. № 3.

6 *Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів, 1941–1942: Історія виникнення та діяльності. Київ, 1999. С. 26. См. также: *Веденєєв Д.*,

Появление статьи Беркгофа и Царинника изменило положение вещей. Проигнорировать опубликованную в солидном академическом журнале статью было невозможно. Очень скоро увидел свет сокращенный украинский перевод этой работы[1]. Со стороны прооуновски настроенных украинских историков последовала настоящая волна критики; использованные исследователями документы попытались объявить «сомнительными» и даже «сфальсифицированными». Такое предположение относительно «Автобиографии» Я. Стецко, в частности, высказал историк Тарас Гунчак[2]. При этом, однако, аргументация Гунчака оказалась откровенно слабой, что было впоследствии продемонстрировано канадскими историками Тарасом Курило и Иваном Химкой[3].

Попытки «очистить» ОУН от обвинений в уничтожении евреев продолжались и далее. Были повторены старые аргументы об участии евреев в УПА и о «советской пропаганде», а также заявлено, что ни в ОУН, ни в УПА не отдавались приказы по уничтожению евреев[4]. Эти утверждения показались убедительными далеко не всем, свидетельством чему стали дискуссии историков и публицистов

Биструхін Г. Меч і тризуб: Розвідка і контррозвідка руху українських націоналістів та УПА (1920–1945). Київ, 2006; *Антонюк Я.* Діяльність СБ ОУН на Волині. Луцьк, 2007.

[1] *Беркгоф К., Каринник М.* Організація українських націоналістів, її ставлення до німців та євреїв. Життєпис Ярослава Стецька від 1941 р. // Голокост і сучасність (Киев). 2003. № 1.

[2] *Гунчак Т.* Проблеми історіографії: історія та її джерела // Український визвольний рух. Львів, 2005. Зб. 4. С. 253–264. Аналогичные сомнения по непонятной причине высказывала Ж. Ковба: *Ковба Ж.* Людяність у безодні пекла. С. 245–246. См. также: *Косик В.* Гарвард патронує ненаукові методи історичного дослідження // Український визвольний рух. Львів, 2003. Зб. 1. С. 178–190; *Наконечний Е.* «Шоа» у Львові. Львів, 2006. С. 7.

[3] *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2. С. 253.

[4] *Гогун А., Вовк А.* Евреи в борьбе за независимую Украину // Корни (Киев — Москва). 2005. № 25. С. 133; *Русначенко А.* Не про підручники йдеться // Критика (Киев). 2007. № 3. См. также: *Рибак А. І.* Українська держава у планах ОУН (1939-й — 1950-ті роки): Історико-політологічний аналіз. Острог, 2007. С. 154, 159–160.

на страницах киевского журнала «Критика»[1]. Через некоторое время к обсуждению проблемы стали подключаться и российские историки[2].

Общественный интерес к проблеме и осознание ее политической значимости сыграли свою роль в том, что вскоре директор львовского Центра исследования освободительного движения Владимир Вятрович опубликовал книгу, ставшую практически первым монографическим исследованием позиции ОУН по отношению к евреям[3].

К сожалению, эту монографию нельзя охарактеризовать иначе, чем ревизионистскую. Несмотря на все заклинания о «научной объективности», принципы использования Вятровичем архивных документов не могут не вызывать изумления. Главным источником Вятровича при описании позиции ОУН по «еврейскому вопросу» стали пропагандистские материалы, распространявшиеся этой организацией. Разумеется, это достаточно ценный, хотя и специфический источник, использование которого требует осторожности и сопоставления с внутренними, не предназначенными для пропагандистских целей документами. Однако Вятрович, активно используя пропагандистские материалы ОУН, проигнорировал большую часть антиеврейских указаний, содержащихся в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» (май 1941 г.). Не заметил Вятрович и других важных для проблемы исследования документов: обращения Краевого провода ОУН(Б) от 1 июля 1941 г., инструкцию № 6 проводника ОУН(Б)

---

[1] *Грачова С.* Вони жили серед нас? // Критика (Киев). 2005. № 4; *Ковба Ж.* У пошуках власної відповідальности // Критика (Киев). 2005. № 9; *Царинник М.* Золочів мовчить // Критика (Киев). 2005. № 10. См. также: *Гірік С.* Українсько-єврейський конфлікт 1941 року в Галичині: Спроба пошуку причини // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 2007. № 48.

[2] *Дюков А.* Об участии ОУН-УПА в Холокосте: «Москва и жидовство — главные враги Украины» // ИА «REGNUM», 14.10.2007; *Дюков А.* «Еврейский вопрос» для ОУН-УПА // Еженедельник «2000» (Киев), 08–14.02.2008; *Дюков А.* ОУН сотрудничала с нацистами и уничтожала евреев // Известия, 11.02.2008; *Дюков А.* Были ли бандеровцы антисемитами? // Комсомольская правда (Москва), 15.02.2007.

[3] *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв: Формування позиції на тлі катастрофи. Львів, 2006. См. также: *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв (1920–1950 рр.) // Український визвольний рух. Львів, 2006. Зб. 7.

И. Климова (август 1941 г.), инструкций Службы безопасности ОУН о тайной ликвидации служивших в УПА евреев. Практически полностью им проигнорированы также воспоминания очевидцев, свидетельствующие об участии членов ОУН и УПА в уничтожении евреев. Проигнорированным оказался также целый ряд антисемитских статей, опубликованных в официальных изданиях ОУН.

Описывая предвоенную позицию ОУН по «еврейскому вопросу», Вятрович умудрился не сказать ни слова о масштабной антиеврейской акции, организованной ОУН на Волыни летом 1936 г. Акции, в результате которой крыши над головой лишилось около 100 еврейских семей. «Не замечает» Вятрович и многочисленных антиеврейских акций, производившихся членами ОУН летом 1941 г.

Удивление вызывают и претензии, которые Вятрович высказывает в адрес историков, занимавшихся исследованием политики ОУН и УПА по отношению к евреям. В уже упоминавшейся книге «Человечность в пропасти ада» Ж. Ковбы содержится упрек диаспорному историку В. Косику в том, что тот не включил в сборник «Украина и Германия во Второй мировой войне» немецкие документы об антисемитских лозунгах ОУН (таких, как, например «ляхов за Сан, москалей — в яму, жидов — на крюк»). Вятрович пытается создать у читателя впечатление, что этот упрек необоснован. «Для того чтобы обвинять В. Косика в стремлении спрятать какие-то документы, следовало было самой указать, где они хранятся, а не ограничиваться риторическими вопросами», — пишет Вятрович[1]. Слышать подобное высказывание из уст человека, позиционирующего себя как специалиста по истории ОУН-УПА, как минимум странно. Ведь еще в 1991 г. украинскими диаспорными историками было опубликовано немецкое донесение, в котором упоминается лозунг, выдвинутый ОУН осенью 1941 г.: «Да здравствует независимая Украина без евреев, поляков и немцев. Поляки за Сан, немцы в Берлин, евреи на крюк!»[2] Неужели Вятрович не знаком с этой публикацией?

Не приходится удивляться, что в результате содержащиеся в монографии Вятровича выводы оказались совершенно неадекватными.

---

[1] *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 12–13.

[2] УПА в світлі німецьких документів / Упор., передмова П. Потічний. Торонто, 1991. Кн. 3. [Літопис Українськоі повстаньскої армії. Т. 21.] С. 96.

Так, например, утверждается, что ОУН «не позволила себе в идейно-политической плоскости опуститься до антисемитизма»[1]. Однако как иначе можно трактовать лозунг «Москва, Польша, Мадьяры, Жидова — твои враги. Уничтожай их!»[2], выдвинутый Краевым проводом ОУН(Б) в начале войны?

Имеющая весьма слабое отношение к науке, ревизионистская работа Вятровича была подвергнута серьезной критике как российскими, так и украинскими специалистами[3]. Тем не менее она оказалась востребована мечущейся в поисках «национальной истории» современной украинской властью. В начале 2008 г. Вятрович был назначен сначала советником председателя Службы безопасности Украины по научно-исследовательской работе, а затем начальником отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины. На этих постах Вятрович развернул активную работу по пропаганде ревизионистских взглядов на историю ОУН и УПА. Выступая в украинских СМИ, он регулярно заявляет о непричастности украинских националистов к уничтожению евреев в годы войны[4]. И хотя с реальностью такие заявления не имеют ничего общего, от непрестанного повторения они могут получить в украинском обществе статус «общеизвестного факта». Характерно, что, несмотря на свою явную неадекватность, тезисы ревизионистов

---

1 *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 101.

2 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 129; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 261; Ч. 2. С. 576; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 12; Д. 42. Л. 35; Оп. 2. Д. 18. Л. 87.

3 См.: *Дюков А. Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008. С. 17–19; *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2. Помимо критики книги В. Вятровича, И. Химка и Т. Курило дали в своей рецензии краткий, но весьма информативный обзор публикаций, касающихся «еврейского вопроса» в официальных и полуофициальных изданиях ОУН конца 1920–1930-х гг.

4 См., напр.: *Вятрович В.* Украинско-еврейские буржуазные националисты: Об украинско-еврейском сотрудничестве в борьбе за независимую Украину // Украинская правда (Киев), 23.01.2008; *Вятрович В.* Как создавалась легенда о Nachtigall // Зеркало недели (Киев), 16–22.02.2008.

уже начали воспроизводиться в работах украинских студентов как полностью достоверные[1].

Как видим, несмотря на то, что вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям неоднократно поднимался историками и публицистами, говорить о его полной исследованности не приходится. Одни работы слишком публицистичны и не отвечают строгим научным критериям, в других игнорируются не вписывающиеся в авторскую концепцию источники, третьи описывают лишь отдельные аспекты интересующей нас проблемы или затрагивают ее мимоходом. Трудно отделаться от мысли, что исследования последних полутора лет оказались не слишком продуктивными.

К счастью, присвоение осенью 2007 г. звания Героя Украины командующему УПА Роману Шухевичу и вызванный этим решением президента В. Ющенко общественный резонанс привели к интенсификации исследований политики ОУН и УПА в отношении евреев. Автором этих строк в 2008 г. был опубликован первый (разумеется, несовершенный) вариант исследования «Второстепенный враг»[2], получившего достаточно существенный резонанс[3]. Канадский историк Иван-Павел Химка опубликовал ряд статей, рассматривавших отдельные аспекты, связанные с антиеврейской политикой украинских националистов, а также сделал обобщающий доклад «Украинская

---

[1] Напр.: *Михаленок И.* Отношение Украинской повстанческой армии к евреям: свидетельства очевидцев // Проблемы еврейской истории: Материалы научных конференций Центра «Сэфэр» по иудаике. М., 2009. Ч. 2. С. 143–149.

[2] *Дюков А. Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008.

[3] *Красноглазов Н.* Настоящий враг: Об одном «второстепенном» вопросе украинской истории // Вести сегодня (Латвия), 10.09.2008; *Бутаков Я.* Самостийники и холокост: О новой книге историка Александра Дюкова // Столетие.ru, 12.09.2008; *Смирнов И.* Против коричневой инфекции: новости с фронтов // Скепсис.ru, 20.09.2008; *Смирнов И.* «Второстепенный враг». Опора московско-большевистского режима // «Радио “Свобода”», 22.09.2008; *Мартынов К.* Второстепенный враг // Актуальные комментарии, 23.07.2009; *Павлов И.* Следы зверя: ОУН и УПА в свете документов // Свободная мысль. 2009. № 9. С. 205–208; *Эскин А.* Книга — приговор преступникам ОУН-УПА // antifashist.com, 07.12.2009.

повстанческая армия и Холокост» на 41-й национальной конференции Американской ассоциации содействия славянским следованиям в Бостоне[1]. Ряд весьма интересных статей, посвященных антиеврейским погромам на Западной Украине летом 1941 г., опубликовали канадский исследователь Марко Царинник, россиянин Алексей Баканов и ряд других ученых[2]. Обобщающие данные об этих погромах

[1] *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2; *Химка І.* Достовірність свідчення: Реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність. 2008. № 2; *Himka J.-P.* The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12–15 November 2009. Typescript, 2009 (пользуясь случаем, благодарю И. Химку за любезное предоставление текста доклада); *Himka J. P.* The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Paper. 2011. № 2–4. P. 209–243; *Himka J. P.* Ukrainians, Jews and the Holocaust: Divergent memories. Saskatoon: Heritage Press, 2009. Рецензию на последнее издание см.: Критика. 2010. № 7–8. С. 21.

[2] *Carynnyk M.* «Jews, Poles, and other scum»: Ruda Różaniecka, Monday, 30 June 1941. Paper prepared for the Fourth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Ottawa, 23–25 October 2008. URL: http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/ P_Danyliw08_Carynnyk.pdf; *Царинник М.* «Жиди, поляки та інша сволоч»: Руда Ружанецька, 30 червня 1941 р. Доклад прочитан на конференции «Вторая мировая война и (вос)создание исторической памяти в современной Украине» (Киев, 23–27 сентября 2009 г.). URL: http://ww2-historicalmemory.org.ua/abstrakt_u/ 33.html; *Carynnyk M.* The Zolochiv Pogrom of 1941: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12–15 November 2009; *Баканов А. И.* Расследование Золочевского погрома на Львовщине. По документам Государственного архива Российской Федерации. 1941 г. // Вестник архивиста. 2011. № 1. С. 140–149; *Баканов А. И.* По призыву Ивана Климова // Родина. 2011. № 3. С. 99–100; *Rossolinski-Liebe G.* The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. № 1. P. 83–114; *Himka J. P.* «The Organization of Ukrainian Nationalists, the Ukrainian Police, and the Holocaust». Seventh Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, sponsored by the Chair of Ukrainian Studies, University of Ottawa, 20–22 October 2011. Typescript, 2011.

привел украинский историк Александр Круглов[1]. Таким образом, в достаточно короткие сроки были исследованы антиеврейские положения политики ОУН в предвоенный период, роль украинских националистов в уничтожении евреев летом 1941 г., политика различных формирований украинских националистов по отношению к евреям в 1943–1944 гг.

Новый всплеск интереса к проблеме «украинский национализм и евреи» произошел в начале 2010 г., после присвоения президентом В. Ющенко звания Героя Украины Степану Бандере. Это сомнительное решение вызвало протесты со стороны как международных общественных организаций[2], так и Европейского Парламента, призвавшего украинские власти отменить посмертное награждение лидера ОУН[3]. Указ о награждении Бандеры вызвал серьезные дискуссии и в среде профессиональных историков: в публичной дискуссии, инициированной критической по отношению к решению Ющенко статьей профессора Альбертского университета Дэвида Марплза, приняли участие директор Канадского института украинских исследований Зенон Когут и профессор Иван-Павел

---

[1] *Kruglov A.* Jewish Losses in Ukraine, 1941–1944 // The Shoah in Ukraine. History, testimony, memorialization. Bloomington; Indianapolis, 2008. P. 272–290; *Круглов А.* Погромы в Восточной Галиции летом 1941 г.: организаторы, участники, масштабы и последствия // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года) М., 2010. С. 324–341.

[2] Организатор массовых убийств не имеет права носить звание Героя Украины! Заявление лидеров российских и зарубежных НКО. URL: http://antirasizm.ru/index.php/news/211-mbhr-news-bandera-2010?ff64eda6be7c8c0a513b4f753d39ad99= 5a0510dae055c782bfd437f1f9533b52 (дата обращения 11.02.2012).; Резолюция Международного антифашистского движения «О ситуации в Украине», г. Рига, Латвия, 16 марта 2010 г. URL: http://www.wcrj.org/resolution/detail.php?ID=794 (дата обращения 11.02.2012).

[3] B7-0120/2010 European Parliament resolution on Ukraine, 17.02.2010. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+MOTION+B7-2010-0120+0+DOC+PDF+V0//EN (дата обращения 11.02.2012).

Химка[1]. Впоследствии к дискуссии о роли Бандеры в украинской истории подключились и другие исследователи[2]. Показательно, что одним из главных предметов дискуссии стал вопрос о причастности или непричастности ОУН и лично Степана Бандеры к проведению антиеврейской политики, причем если сторонники версии о виновности ОУН оперировали научными аргументами, то защитники Бандеры, как правило, прибегали к аргументам политическим[3].

Благодаря открытию архивов и более чем активной публикаторской деятельности украинских историков к настоящему времени исследователи располагают значительным числом источников, позволяющих объективно описать позицию ОУН и УПА по «еврейскому вопросу». Прежде всего, это внутренние документы обеих фракций ОУН. Помимо уже упоминавшихся протокола совещания членов ОУН во Львове в июле 1941 г. и «Автобиографии» Ярослава Стецко, в распоряжении историков имеются такие принципиально важные документы, как решения Великих съездов и конференций

---

1 Полностью дискуссия опубликована в редактируемой Домиником Арэлем электронной рассылке кафедры украинских исследований Университета Оттавы «The Ukraine List», № 441 (URL: http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/UKL441.pdf) и № 442 (http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/UKL442.pdf). Украинский перевод ключевых статьей см.: Україністи та Бандера: розбіжні погляди. Зенон Когут – Іван Химка // Критика. 2010. № 3–4. С. 10–12; *Химка І.* Визнання попри знання? // Критика. 2010. № 7–8. С. 20–21. Русский перевод наиболее интересных моментов дискуссии опубликован: Степан Бандера: герой или преступник? // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 126–138.

2 *Motyl A.* Difficult Task Defining Bandera's Historic Role // The Moscow Times, 11.03.2010; *Снайдер Т.* Фашистський герой у демократичному Києві // Критика. 2010. № 3–4. С. 8–9; *Кулик В.* Неуникний Бандера // Критика. 2010. № 3–4. С. 13–14; *Портнов А.* Контекстуалізація Степана Бандери // Критика. 2010. № 3–4. С. 14. По итогам дискуссии был издан сборник: Страсті за Бандерою / Упор. Т. Амар, І. Балинський, Я. Грицак. Київ: Грані-Т, 2010.

3 Подробный разбор дискуссии см.: *Rudling P.* The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths. Pittsburgh, 2011.

ОУН, «Единый Генеральный план повстанческого штаба ОУН» (весна 1940 г.), инструкция «Борьба и деятельность ОУН во время войны» (май 1941 г.)[1], подготовленный перед войной ОУН(М) проект Конституции Украины, пропагандистские материалы обеих фракций ОУН, приказы и распоряжения провода ОУН(Б), командования УПА. Большая часть этих документов была опубликована в сборниках, подготовленных сотрудниками Института украинской археографии и источниковедения и Института истории Украины НАНУ[2]. Оригиналы некоторых значимых для понимания нашей

---

[1] Подробнее об этом документе см.: *Патриляк І. К.* Військові плани ОУН(б) у таємній Інструкції Революційного проводу (травень 1941 р.) // Український історичний журнал. 2000. № 2.

[2] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941: Збірник документів і матеріалів / Інститут українськоі археографіі та джерелознавства НАНУ; Упор. О. Дзюбан; Передмова В. Кук; Я. Дашкевич. Львів; Київ, 2001; *Сергійчук В.* Український здвиг: Поділля, 1939–1955 / Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. Київ, 2005; ОУН в 1941 році: Документи / Інститут історії України НАНУ; Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; Передмова С. Кульчицький. Київ, 2006. Ч. 1–2; ОУН в 1942 році: Документи / Інститут історії України НАНУ; Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; Передмова І. Патриляк. Київ, 2006; Конгрес Українських націоналістів 1929 р.: Документи і матеріали / Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника; Центр досліджень визвольного руху; Упор., предмова В. Муравський. Львів, 2006; Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940–1950) / Інститут національного джерелознавства; Упор. В. Сергійчук, С. Кокін, Н. Сердюк, С. Сердюк; Передмова В. Сергійчук. Київ, 2007. Т. 1–2; ОУН і УПА в 1943 році: Документи / Інститут історії України НАНУ; Упор. О. Веселова, В. Дзьобак, М. Дубик, В. Сергійчук; Передмова. В. Дзьобак. Київ, 2008; Степан Бандера у документах радянських органів державної безпеки (1939–1959) / Упор. І. Білоконь, С. Кокін, С. Сердюк; Передмова В. Сергійчук. Київ, 2009. Т. 1; *Вєдєнєєв Д., Биструхін Г.* Повстанська розвідка діє точно і відважно: Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення ОУН та УПА, 1940–1950-ті роки. Київ, 2006; *Патриляк І., Пагіря О.* Військова конференція ОУН(Б) 1942 р. і розробка планів зі створення українських збройних сил // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2008. № 1–2. С. 484–511; Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р.: Документи ГДА СБ України / Інститут українськоі археографіі та джерелознавства НАНУ;

темы внутренних документов ОУН и УПА к настоящему времени не выявлены (речь, прежде всего, идет об инструкциях Службы безопасности ОУН), однако их изложение содержится в материалах советских органов государственной безопасности, опубликованных украинскими и польскими исследователями[1].

Достаточно важным источником для понимания позиции ОУН по отношению к евреям в конце 1920-х — начале 1930-х гг. является журнал «Построение нации» — официальный орган руководства ОУН[2]. Опубликованные в этом издании статьи носили программный характер; для членов ОУН они становились не подлежащей обсуждению догмой, о чем свидетельствуется, в частности, в воспоминаниях одного из идеологов ОУН Владимира Мартинца[3].

Упор. В. Даниленко, С. Кокін. Київ, 2009; Мережа ОУН(б и запілля УПА на территорії ВО «Заграва», «Турів», «Богун» (серпень 1942 — грудень 1943 рр.): Документи / Інститут українськoї археографії та джерелознавства НАНУ; Упор., передмова В. Ковальчук. Київ; Торонто, 2007. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 11]; Воєнна округа УПА «Буг»: Документи і матеріали, 1943–1943–1952 / Інститут українськoї археографії та джерелознавства НАНУ; Упор. В. Мороз, О. Вовк; Передмова. В. Мороз. Київ; Торонто, 2009. Кн. 1–2 [Літопис УПА. Нова серія. Т. 12–13]; УПА і запілля на ПЗУЗ, 1943–1945: Нові документи / Інститут українськoї археографії та джерелознавства НАНУ; Упор. В. Ковальчук, І. Марчук; Передмова В. Ковальчук. Київ; Торонто, 2010. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 14].

1 Поляки і українці між двома тоталітарними системами, 1942–1945 = Polacy i ukraińcy pomiędzy dwoma systemamy totalitarnymi, 1942–1945 / Інститут національной пам'яті Республіки Польща; Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАНУ; Упор. Б. Ґронек, С. Кокін, П. Кулаковьский, М. Маєвський, В. Пристайко, О. Пшенніков, Є. Тухольський, В. Худзік. Варшава; Київ, 2005. Ч. 1–2; Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: Інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії, НКВС-МВС, МДБ-КДБ, 1943–1959 / Інститут українськoї археографії та джерелознавства НАНУ; Упор. А. Кентій, В. Лозицький, І. Павленко; Передмова В. Сергійчук. Київ; Торонто, 2002. Кн. 1. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 4].

2 Розбудова нації: Орґан проводу українських націоналістів (Прага). 1928. № 1–12; 1929. № 1–12; 1930. № 1–12; 1931. № 1–12; 1932. № 1–12; 1933. № 1–12; 1934. № 1–8.

3 См.: *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 255.

Третья важная группа источников — немецкие документы о деятельности УПА, часть которых опубликована в подготовленных украинскими эмигрантскими историками сборниках[1]. Хотя в эти сборники, как правило, не включаются компрометирующие ОУН и УПА документы[2], в них все же можно найти существенную для нашей темы информацию.

Оперативная информация о деятельности ОУН и УПА содержится не только в немецких документах. На оккупированных нацистами украинских землях действовали советские партизанские формирования. Их сообщения в Украинский штаб партизанского движения — интересный источник, однако содержащаяся в них информация иногда носит неверный характер. Некоторые из этих донесений опубликованы в первом томе сборника «Борьба против УПА и националистического подполья», изданном под эгидой Института украинской археографии и источниковедения в так называемой «Новой серии» многотомного издания «Летопись УПА»[3]. Значительным информационным потенциалом обладают также дневники командиров советских партизанских отрядов и соединений, действовавших на Западной Украине[4].

Еще один важный вид источников — оперативно-следственные материалы советских органов госбезопасности, в первую очередь —

---

1 УПА в світлі німецьких документів / Упор., передмова Т. Гунчак, П. Потічний. Торонто, 1983–1991. Кн. 1–3 [Літопис Української повстаньскої армії. Т. 6–7, 21]; *Косик В. М.* Україна і Німеччина в Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк, Львів, 1993; *Косик В. М.* Україна в Другій світовій війні у документах: Збірник німецьких архівних матеріалів. Львів, 1997–2000. Т. 1–4.

2 О специфических особенностях отбора В. Косиком документов для публикации см., напр.: *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 259.

3 Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: Інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії, НКВС-МВС, МДБ-КДБ, 1943–1959 / Інститут україньскої археографії та джерелознавства НАНУ; Упор. А. Кентій, В. Лозицький, І. Павленко; Передмова В. Сергійчука. Київ; Торонто, 2002. Кн. 1. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 4.]

4 Партизанская война на Украине: Дневники командиров партизанских отрядов и соединений, 1941–1944 / Сост. О. В. Бажан, С. И. Власенко, А. В. Кентий, Л. В. Легасова, В. С. Лозицкий. М., 2010.

показания арестованных членов ОУН-УПА. К сожалению, протоколы допросов, как правило, публикуются украинскими историками в сильно урезанном виде[1]. Лишь отдельные из них содержат информацию по интересующим нас вопросам[2]. Однако в целом информационный потенциал источников этого типа следует оценить как весьма значительный[3]; историкам предстоит большая работа по выявлению этих документов и введению их в научный оборот.

Свидетельские показания, собранные Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию преступлений, совершенных немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками, лишь ограниченно используются историками. Однако содержащаяся в них информация крайне важна для исследования антиеврейских погромов лета 1941 г. К сожалению, свидетели фиксируют свое внимание в основном на нацистских преступлениях; для того чтобы выявить упоминания о деятельности националистов, необходимо проработать огромный массив документов, как правило написанных от руки. Масштабных публикаций источников этого типа не предпринималось.

Сбором свидетельских показаний жертв нацистского террора занимались не только структуры советской Чрезвычайной государственной комиссии. Воспоминания выживших жертв, в частности, после войны собрал Еврейский исторический институт в Варшаве. Анализ одного из таких воспоминаний (так называемого «сообщения Рузи Вагнер» о львовском погроме), проведенный канадским историком Иваном Химкой, показывает высокую степень достоверности этого источника[4].

---

1 См., напр.: Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА, 1944–1945 / Інститут української археографії та джерелознавства НАНУ; Упор., передмова О. Іщук, С. Кокін. Київ; Торонто, 2007. [Літопис УПА. Нова серія. Т. 9].

2 Напр.: Поляки і українці між двома тоталітарними системами... С. 442–444, 448–450.

3 Наблюдения о достоверности подобного рода источников см.: *Дюков А. Р.* Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М., 2013.

4 *Химка І.* Достовірність свідчення: Реляція Рузі Ваґнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність (Киев). 2008. № 2.

Достаточно неожиданный источник информации — протоколы допросов, проведенных не работниками советской госбезопасности, а сотрудниками оуновской Службы безопасности на Тернопольщине. Вплоть до 2004 г. эти документы были закопаны на подворье жителя села Озерна Тернопольской области Сафрона Кутного, который лишь незадолго до своей смерти передал их в местный архив. В конце 2006 г. в серии «Летопись УПА» вышло двухтомное издание этих необычайно интересных документов[1]. В основном протоколы допросов содержат информацию о событиях 1946–1948 гг., однако порою в них встречаются описания событий начала войны, в том числе — проводившихся оуновцами антиеврейских акций. Поскольку эта информация была получена СБ ОУН, явно незаинтересованной в выявлении подобных фактов, ей можно полностью доверять.

Послевоенные воспоминания — наименее надежный источник, использование которого возможно лишь постольку, поскольку содержащаяся в них информация подтверждается архивными документами. Так, например, в начале главы мы приводили цитаты из мемуаров Я. Стецко, Н. Лебедя и Б. Казановского. Сопоставление этих воспоминаний с документами позволяет сделать вывод об их ложности. Несмотря на содержащиеся в воспоминаниях бывших оуновцев заявления, Я. Стецко в первые дни войны принимал непосредственное участие в создании украинской милиции для «устранения жидов»[2], И. Климов готовил листовки Краевого провода ОУН(Б) с антисемитскими призывами[3] и участвовал в работе принявшей анти-

---

[1] Боротьба з аґентурою: Протоколи допитів Службы Безпеки ОУН в Тернопільщині, 1946–1948 / Упор., передмова П. Потічний. Торонто; Львів, 2006. Кн. 1–2 [Літопис Української повстанської армії. Т. 43–44]. Подробно об этих документах см.: *Папакін Г.* «Озернянський архів» — нові джерела до історії українського руху отпору // Архіви України. 2005. № 1–3. Небезынтересна также статья: *Ковальчук В.* Аналоги радянських протоколів допитів у системі документообігу ОУН(б) і УПА (1940-і рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 2. С. 159–170.

[2] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 77; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 12. Л. 10].

[3] ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 261; Ч. 2. С. 453, 483, 576; Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 129; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 42. Л. 35; Д. 46. Л. 36–37; Д. 63. Л. 12; Оп. 2. Д. 18. Л. 87].

еврейские тезисы первой военной конференции ОУН(Б)[1], а Служба безопасности ОУН, непосредственное отношение к которой имел Н. Лебедь, уничтожала вступивших в УПА «жидов-неспециалистов»[2]. Достаточно характерно, что, несмотря на многочисленные опубликованные к настоящему времени документы, ветераны ОУН и УПА по-прежнему продолжают отрицать очевидные вещи. Так, например, бывший военнослужащий батальона «Нахтигаль» Мирослав Кальба отрицает сам факт антиеврейского погрома во Львове в июне–июле 1941 г. По его словам, во время пребывания во Львове он не видел «ни одного трупа на улице, ни одной капли крови, ни одного повешенного трупа на фонарном столбе»[3].

Трудно представить себе более циничную ложь, чем заявления М. Кальбы. Однако, как это ни странно, именно в этом направлении в период правления президента В. Ющенко шли официальные украинские историки, пытающиеся всеми силами «очистить» репутацию ОУН. Становясь на сторону оуновских мемуаристов, они настойчиво пытаются проигнорировать обнародованные их коллегами многочисленные документальные свидетельства об участии ОУН и УПА в уничтожении евреев. Главным источником для историков-ревизионистов становятся материалы, подготовленные пропагандистами ОУН, причем вокруг этих материалов устраиваются шумные PR-акции. Так, например, 6 февраля 2008 г. во время организованных Службой безопасности Украины общественных исторических слушаний представитель Государственного архива СБУ Александр Ищук заявил, что им обнаружен документ, свидетельствующий об отказе руководства ОУН в участии антиеврейских акций в июле 1941 г. во Львове. По его словам, речь идет о составленном членами ОУН документе под названием «К книге фактов», в котором описываются события с 22 июня по сентябрь 1941 г. В документе упоминается, что

---

1 Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 1. С. 208–210; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 5. Л. 21–38].

2 Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 125–126; *Вєдєнєєв Д., Биструхін Г.* Меч і тризуб: Розвідка і контррозвідка... С. 219; [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 75. Л. 94–95; Ф. 62. Оп. 1. Д. 277. Л. 2; Ф. 57. Оп. 4. Д. 451. Л. 10, 52].

3 *Кальба М.* «Нахтіґаль» в запитаннях і відповідях / Передмова В. Косик. Львів, 2008. С. 23.

4–7 июля 1941 г. прибывшие во Львов представители гестапо обратились к украинцам с просьбой осуществить трехдневный погром еврейского населения. «Руководители ОУН знали об этом, сообщили членам, что это немецкая провокация с целью компрометации украинцев для того, чтобы дать немецкой полиции повод к вмешательству и для того, чтобы отвлечь внимание украинцев от политической борьбы за государственную самостоятельность и посодействовать анархии и преступлениям», — разъяснил А. Ищук, подчеркнув, что никаких официальных распоряжений руководства ОУН об участии в акциях против еврейского населения во Львове не существовало[1]. Это заявление было немедленно растиражировано украинскими СМИ, причем фотокопии нескольких страниц этого документа были опубликованы в тот же день[2].

Бывают случаи, когда архивные находки в корне изменяют представления о той или иной исторической проблеме. Однако в данном случае это не так. К настоящему моменту украинскими и зарубежными историками обнародован целый комплекс официальных документов ОУН, свидетельствующих о том, что к лету 1941 г. эта организация занимала радикально антисемитские позиции — такие, как уже упоминавшиеся инструкция «Борьба и деятельность ОУН во время войны», «Обращение» Краевого провода ОУН(Б) от 1 июля 1941 г., Инструкция № 6 Краевого проводника ОУН(Б) И. Климова от августа 1941 г. и многие другие. Существует достаточное количество немецких документов, свидетельствующих об участии украинских националистов в уничтожении львовских евреев в начале июля 1941 г. Более того, из немецких документов видно, что погромы львовских евреев были начаты националистами еще 30 июня, до того как в город вступила айнзатцгруппа «Б», отвечавшая за уничтожение евреев.

Не соответствуют действительности и другие данные, содержащиеся в обнародованном СБУ документе. Так, например, в записи от 6 июля 1941 г. утверждается, что агент гестапо совершил покушение

---

[1] У Службі безпеки України відбулись Громадські історичні слухання «Звинувачення проти “Нахтігалю” — історична правда чи політичні технології» // SBU.gov.ua, 06.02.2008; *Вятрович В.* Как создавалась легенда о Nachtigall // Зеркало недели (Киев), 16–22.02.2008.

[2] Тайна украинского батальона «Нахтигаль» // *RUpor.info, 06.02.2008.*

на одного из лидеров ОУН Ярослава Стецко. Однако сам Стецко в датируемой летом 1941 г. «Автобиографии» пишет о том, что покушение было совершено «польскими кругами», а гестапо в ответ на это покушение предприняло карательные меры против поляков[1].

Далее в документе утверждается, что уже в июле 1941 г. руководитель ОУН(Б) на Западной Украине Иван Климов отказался сотрудничать с нацистами. Однако еще в 2006 г. сотрудниками Института истории Украины НАНУ была опубликована подписанная Климовым инструкция № 6 от августа 1941 г., в которой предписывалось использовать лозунги «Освободить Бандеру!» и «Да здравствует Адольф Гитлер!»[2]. На отказ от сотрудничества с нацистами это, мягко говоря, не похоже.

Как видим, в обнародованном СБУ документе присутствует целый ряд ложных утверждений. Удивляться этому не приходится, поскольку мы имеем дело с материалами, созданными пропагандистами ОУН примерно в 1943–1944 гг. В это время ОУН надеялась получить поддержку со стороны США и Великобритании, а для этого нужно было «очистить» свою репутацию. Для этого Краевой провод ОУН на западноукраинских землях распорядился создать «специальный сборник документов, которые бы утверждали, что противожидовские погромы и ликвидации проводили сами немцы, без помощи украинской полиции»[3]. Разумеется, при подготовке подобного сборника оуновским пропагандистам пришлось пойти на прямые фальсификации. В 2008 г. одна из таких фальсификаций оказалась использована украинскими историками-ревизионистами. Однако к исторической науке устроенная ими PR-акция не имеет ровным счетом никакого отношения[4].

---

[1] *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 161; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 3. Д. 7. Л. 4].

[2] ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 453, 483; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 46. Л. 36–37].

[3] *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 260 (со ссылкой на ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 43).

[4] О документе, обнародованном СБУ, см. также: *Дюков А.* ОУН сотрудничала с нацистами и уничтожала евреев // Известия (Москва), 11.02.2008; *Дюков А.* Были ли бандеровцы антисемитами? // Комсомольская правда

Весьма показательна в этом смысле реакция «специсториков» из СБУ на замечание канадского историка Марко Царинника. «Я внимательно прочитал фрагмент этого документа под заголовком “Книга фактов”, — рассказывал Царинник, — и в конце обратил внимание на одну крайне противоречивую информацию: “Бандера заключен почти до конца войны”. Следовательно, это никак не могло быть хроникой 1941 г., ведь текст писался, когда о конце войны было известно. Когда же я обратил на это внимание представителей архива СБУ, то версия этого документа из пяти страниц, вывешенная ранее на сайте СБУ, была урезана до трех. Исчезла, в частности, последняя страница машинописи с намеком на позднее, фактически послевоенное происхождение текста»[1].

Вторую жизнь в современной Украине получили и подложные «мемуары С. Кренцбах». Мифическая еврейка-бандеровка была упомянута в речи, произнесенной супругой президента Украины Катериной Ющенко во время церемонии награждения дипломами и медалями Праведников народов мира первого октября 2009 г.: «Одним из самых активных членов УПА была Стелла Кренцбах. Впоследствии, став сотрудницей Министерства иностранных дел Израиля, она убеждала дипломатов, что “свободное Украинское государство будет залогом и доказательством справедливого мира на всей земле”»[2].

(Москва), 15.02.2007; *Himka J.* Be wary of faulty Nachtigall lessons // Kyiv Post, 27.03.2008; *Himka J.* True and False Lessons from the Nachtigall Episode // BRAMA, 18.03.2008. Краткий обзор деятельности «специсториков» из СБУ см.: *Grachova S.* Unknown Victims: Ethnic-Based Violence of the World War II Era in Ukrainian Politics of History after 2004: Paper prepared for the Fourth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Ottawa, 23–25 October 2008. URL: http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/P_Danyliw08_Grachova.pdf (дата обращения 11.02.2012).

[1] Марко Царинник: Історична напівправда гірша за одверту брехню // Левый берег, 05.11.2009. URL: http://lb.ua/article/society/2009/11/05/13147_marko_tsarinnik_istorichna.html (дата обращения 11.02.2012).

[2] Kateryna Yushchenko's speech at the Righteous Among Nations Award Ceremony. URL: http://www.president.gov.ua/en/news/15221.html (дата обращения 11.02.2012).

Глава 2. «Еврейский вопрос» в предвоенных планах ОУН

К моменту своего создания Организация украинских националистов не имела четкой позиции по «еврейскому вопросу». Главной целью ОУН было построение Украинской соборной самостийной державы (УССД), в состав которой должны были войти все территории, населенные украинцами. Однако как следовало относиться к проживавшим на этих же землях представителям других национальностей, в том числе евреям? Насколько можно судить, этот вопрос был не особенно хорошо проработан.

К концу 20-х гг. XX в. антисемитские лозунги с симпатией воспринимались украинским населением Польши. В 1928 г., во время предвыборной кампании в Польский сейм, целый ряд легальных украинских партий прибегал к антисемитской риторике. Украинская социал-радикальная партия отказалась от создания выборного блока с Украинским народно-демократическим объединением, поскольку последнее «пришло к соглашению с немецкой и жидовской буржуазией»[1]. Партия труда рассматривала антисемитские лозунги как способ привлечения избирателей — так же, как и группа «Украинская нива»[2].

Руководство украинских националистов относилось к антисемитской пропаганде с симпатией. Об этом свидетельствует тот факт, что в первом номере журнала «Построение нации» выдвигавшиеся антисемитские лозунги были названы «дуже пригожими»[3].

Негативное отношение к евреям достаточно ясно проявлялось, когда украинские националисты начинали рассуждать о торговле и промышленности. «Украинская национальная промышленность на всех землях Соборной Украины... находится в руках представителей монополий или жидов — элемента антинационального и антигосударственного», — говорилось в тезисах доклада Леонида Кострева, подготовленного к Конгрессу украинских националистов 1929 г.[4]

---

1 Розбудова нації. 1928. № 1. С. 29.

2 Там же. С. 30.

3 Там же.

4 Конгрес Українських націоналістів 1929 р. С. 217.

Аналогичная точка зрения излагалась в опубликованной «Построением нации» статье Юрко Руденко: «Промышленность захватил монопольный капитал, а под властью СССР подчиняет ее орган московско-жидовского аппарата промышленной централизации. Торговля, особенно внешняя, есть монополия оккупантов или жидов»[1].

Антисемитские стереотипы о «еврейском засилье» в экономике плавно перетекали в рассуждения о «еврейском» характере «оккупационной» власти на Советской Украине. «Диктатура пролетариата приводит к тому, что власть на Украине оказалась в руках русско-жидовского меньшинства», — говорилось в статье В. Богуша, опубликованной в последнем номере «Построения нации» за 1928 г.[2]

Влияние антисемитских стереотипов ощущалось в среде украинских националистов достаточно сильно. Однако в рабочих материалах состоявшегося в начале 1929 г. I Конгресса украинских националистов (на нем было объявлено о создании ОУН) антисемитских тезисов практически не встречается. Исключение составляет уже процитированный реферат Л. Костарева о промышленной политике.

Вопрос о политике, которую следует проводить по отношению к национальным меньшинствам (в том числе и евреям), не стал предметом серьезного обсуждения на Конгрессе украинских националистов. «На жидовском вопросе Конгресс специально не останавливался и не вынес никаких конкретных постановлений», — констатировал впоследствии один из главных идеологов организации, политический референт Провода ОУН Николай Сциборский[3].

Тем не менее в итоговом обращении Конгресса, опубликованном в первом номере «Построения нации» за 1929 г., содержался достаточно важный тезис о том, что «только полное устранение всех оккупантов с украинских земель открывает возможности для широкого развития Украинской Нации в границах собственного государства»[4].

В современной историографии существуют два толкования этого тезиса. Согласно мнению канадского историка-публициста Виктора

---

[1] Розбудова нації. 1928. № 5. С. 196.

[2] Там же. С. 425.

[3] Там же. 1930. № 11–12. С. 267.

[4] Там же. 1929. № 1–2. С. 2; *Мирчук П.* Нарис історії ОУН. Мюнхен, 1968. С. 93; Конгрес Українських націоналістів 1929 р. С. 295.

Полищука, под «полным устранением оккупантов» подразумевалось физическое уничтожение проживавших на украинской территории чуждых национальных групп, прежде всего — поляков[1]. Согласно другому толкованию, под «оккупантами» в данном случае подразумевались не национальные группы, а государства — в первую очередь Польша и СССР.

На наш взгляд, вторая точка зрения выглядит более обоснованной. Если мы обратимся к принятому на Конгрессе «Уставу Организации украинских националистов» — документу значительно более подробному, чем «Обращение», — то мы увидим, что тезис о необходимости «полного устранения оккупантов» расположен в разделе «Внешняя политика»[2]. Кроме того, анализ эволюции взглядов ОУН на способы решения «польского вопроса» показывает, что идея об организации этнических чисток проживавших на украинской территории поляков появилась достаточно поздно: в конце 1942 — начале 1943 г.[3]

Однако в случае с евреями тезис о необходимости «полного устранения оккупантов» мог обернуться страшными последствиями даже в том случае, если под «оккупантами» подразумевалась чужая власть, а не национальные группы. Дело в том, что в глазах украинских националистов того времени «москали», «большевики» и «жиды» рассматривались как нечто неразрывное; в националистических изданиях обличались «жидокоммуна» и «русско-еврейское господство» на Советской Украине. Например, в том же номере «Построения нации», в котором было опубликовано программное обращение Конгресса украинских националистов, мы находим статью под названием «Революция национальная и пролетарская». Из этой статьи читатели могли узнать, что «пролетарскую революцию» на Украине поддерживали только «определенные русско-жидовские группы»; что «русско-жидовское население Украины поддерживало не только пролетарскую революцию, но и таких реставраторов

---

1 *Поліщук В. В.* Гірка правда... С. 109.

2 Розбудова нації. 1929. № 5. С. 177; Конгрес Українських націоналістів 1929 р. С. 289.

3 См.: *Дюков А. Р.* «Польский вопрос» в планах ОУН(Б): От насильственной ассимиляции к этническим чисткам // Забытый геноцид. «Волынская резня» 1943–1944 годов: Документы и исследования. М., 2008. С. 63–89.

старого строя и врагов украинской государственности, как Деникин, Врангель»; что в настоящее время на Украине «народные массы считают советскую власть чужой (московско-жидовской)»; что «москали и жиды захватили в свои руки не только державный аппарат»; что «московско-жидовская власть проводит на Украине русскую политику»[1].

Из опубликованной во все том же номере статьи В. Богуша «Экономические взаимоотношения между Украиной и Россией в С.С.С.Р.» читатели узнавали, что подобное «русско-жидовское» господство на Украине существовало еще в царское время, когда торговля находилась в «русско-жидовских руках»[2]. Таким образом, евреи теснейшим образом увязывались в глазах украинских националистов с «оккупационной» российской и советской властью.

Этот тезис, отчетливо прозвучавший в первом номере журнала «Построение нации» за 1929 г., нашел развитие в следующем номере, где была опубликована статья уже знакомого нам В. Богуша под названием «Русско-жидовское господство и роль русской культуры на Советской Украине». «Русские и жиды, — говорилось в первом же абзаце статьи, — захватили власть на Советской Украине в свои руки и господствуют над миллионами украинских крестьян и рабочих»[3]. «Советский аппарат, — продолжал автор, — состоит преимущественно из русских и жидов»[4].

Напомним, что публикации в журнале «Построения нации» носили программный характер и именно ими в своей деятельности должны были руководствоваться рядовые члены ОУН[5]. У читателей журнала должно было сложиться четкое представление о враждебности украинцам евреев, которые являлись частью сначала царской, а потом советской власти. Вполне логично возникал вопрос: а что в таком случае следует делать с евреями?

Ответ на этот вопрос попытался дать Юрий Милянич, опубликовавший в очередном номере «Построения нации» статью под

---

1 Розбудова нації. 1929. № 1–2. С. 9, 13, 14.

2 Там же. С. 26.

3 Там же. № 3–4. С. 85.

4 Там же. С. 88.

5 *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 255.

названием «Жиды, сионизм и Украина», заслуживающую объемного цитирования.

«Жидовское дело становится одной из важнейших проблем в украинской политике. К сожалению, ни украинская публицистика, ни украинская активная политика не обращают внимания на эту проблему.

Тем не менее действительность остается действительностью: на землях Украины живет более двух миллионов жидовского населения, которое является чуждым и еще вдобавок по большей части враждебным телом в нашем национальном организме. Не приходится перечислять всего того вреда и пакостей, который делали жиды нашему недавнему освободительному делу. Так происходило на протяжении всей истории и так происходит ныне; с поляками ли, с москалями ли, с большевиками или с немцами, — все равно, жиды всегда стояли или прятались на той стороне баррикады, всегда боролись с украинством. Все это несмотря, а может быть, из-за неимоверно толерантного, дружественного и терпеливого отношения к ним широчайших масс местного украинского населения. В нашей борьбе с Польшей они усиливают польский фронт, в борьбе с большевизмом они поддерживают большевиков, в борьбе с русопятством они являются на Украине наиболее последовательными рассадниками Московщины...

Кроме целого ряда врагов вовне Украина имеет еще вдобавок своего врага внутри — жидовство. Он не только всегда нам вредил, но более того, он ни в малейшей степени не изменил до сегодняшнего времени своих позиций; он вредит дальше и будет вредить так долго, пока украинцы сами не найдут способов самообороны, пока сами не принудят жидов уважать политическую и национальную волю туземной среды. И так же, как украинство последовательно организует оборону от захватчиков, так же в системе украинской освободительной политики настало время подумать о направлении украинской политики также в отношении жидов...

Как нам быть с жидами? Имеем их на Украине более двух миллионов. Позволить им дальше паразитировать на украинском национальном организме? Ассимилировать их, втянуть в национальный организм?.. Выселить их? Куда? Два миллиона людей нельзя ни так легко выселить, ни вообще от них освободиться. Этого добра никто и так не хочет, каждый сам рад от него освободиться. Кроме испанцев жидовской проблемы не сумела практически решить полностью удовлетворительно ни одна христианская европейская нация»[1].

[1] Розбудова нації. 1929. № 7–8. С. 271.

Далее в статье указывалось, что во время создания независимого украинского национального государства «неминуемо» разгорится борьба с «жидовством» и что евреи, понимая это, всячески препятствуют созданию независимой Украины[1]. Завершалась статья следующим образом: «В борьбе с враждебным нам во всех отношениях жидовством мы должны создать собственную систему и наиболее выгодные нам формы решения жидовского вопроса. Проблема трудная и благодаря пренебрежению ею украинской стороны достаточно темная. Однако она *должна* быть решена»[2].

Появление статьи Милянича зафиксировало факт враждебного отношения ОУН к евреям; антисемитизм становился одной из идейных основ организации. Не приходится удивляться тому факту, что на страницах оуновской прессы продолжали распространяться антисемитские стереотипы, прежде всего — о «московско-жидовской власти». «Из провокаций, насилия и смерти создана система, управляемая московским хамом, которому служит жид-садист», — писал нелегальный журнал «Сурма»[3]. Аналогичные тезисы появлялись и на страницах «Построения нации»[4]. Все эти публикации не проходили даром; по данным польской полиции, проводившаяся украинскими националистами пропаганда образа еврея-коммуниста стала причиной роста антисемитизма на Западной Украине[5].

Тем не менее среди руководства ОУН были люди, считавшие возможным отказаться от привычных антисемитских стереотипов. В 1930 г. один из главных идеологов организации Николай Сциборский опубликовал в журнале «Построение нации» статью под названием «Украинский национализм и жидовство».

Сциборский констатировал наличие сильнейших антисемитских настроений в украинском обществе. «Отношение большей части украинской общественности до жидовства негативное, — писал он. — Негативное, часто сильно враждебное отношение к жидам имеет массовый характер в украинской действительности, и в этом

---

[1] Там же. С. 272.

[2] Там же. С. 276.

[3] Сурма. 1929. № 12. С. 2.

[4] См., напр.: Розбудова нації. 1930. № 3–4. С. 53.

[5] *Гон М. М.* Українські праворадикали та євреї Західної України. С. 376.

пункте чудесно сходятся взгляды и желания и наши массовых элементов, и руководящих кругов»[1]. Именно это враждебное отношение украинцев к евреям, писал далее Сциборский, заставляет последних опасаться украинских националистов.

> «Долг украинской общественности, — писал Сциборский, — убедить жидовство в том, что будущая украинская держава не представляет для него никакой опасности. Что более того, в условиях этой государственности и ее общественно-производственной и экономической организации, — жидовство найдет более благоприятные условия работы и жизни, чем имеет сейчас на оккупированных украинских землях... Необходимо ясно указать жидовству, что наше государственное движение не видит никаких оснований и пользы в ограничении правового положения жидовства на Украине. Напротив, целью власти будет дать жидам равноправное положение и возможность проявить себя во всех областях общественной, культурной и другой деятельности... Что же касается опасений, что равноправность жидов может нанести вред государственности, необходимо иметь в виду, что жиды не представляют такого национального меньшинства на Украине, которое имело бы какие-нибудь субъективные основания относиться принципиально враждебно к нашей независимости... Задачей государственной власти будет открыть для жидовства такие условия, в которых оно, сохраняя свои естественные расовые, культурные, религиозные особенности, одновременно втягивалось как равноправный участник в круг общих общественно-государственных интересов и позитивного созидания»[2].

На фоне откровенно антисемитской пропаганды, публиковавшейся ранее в «Построении нации», статья Сциборского смотрелась ошеломляюще. Если бы озвученные в ней планы были воплощены в жизнь, то ничего большего западноукраинским евреям не пришлось бы и желать. Однако эта публикация так и осталась случайностью. Уже в следующем номере редакция «Построения нации» начала публикацию серии статей на еврейскую тему профессора Украинского вольного университета в Праге Александра Мицюка. Статьи Мицюка

---

1 Розбудова нації. 1930. № 11–12. С. 267.

2 Там же. С. 272–273.

выходили в течение трех лет практически в каждом номере журнала[1], а впоследствии были изданы отдельной книгой под названием «Аграризация жидовства на фоне общей экономики».

По справедливому замечанию канадских историков Т. Курило и И. Химки, «работа Мицюка — одна из серьезнейших антиеврейских публикаций, когда-либо порожденных украинской интеллектуальной традицией»[2]. Сам факт регулярной публикации этой работы на страницах официального журнала ОУН свидетельствует об огромном значении, которое придавало ей руководство украинских националистов. По всей видимости, работа была прямо заказана Мицюку. На эту мысль нас наводит тот факт, что опубликованная в середине 1930 г. программа работы идеологической референтуры Провода украинских националистов предусматривала исследование того, какие «гетерогенные элементы (большей частью расово)» способствуют упадку украинской государственности[3]. А уже в начале следующего, 1931 г. «Построение нации» начало публикацию точно укладывающихся в данную тему статей Мицюка.

Центральной темой работы Мицюка была демонстрация «паразитического» характера евреев. Обосновывая этот тезис, Мицюк последовательно «опровергал» аргумент Сциборского о том, что социальная роль евреев объясняется их бесправным положением, и, таким образом, выбивал почву из-под ног сторонников налаживания украинско-еврейских отношений. Показательно, что во время Второй мировой войны Мицюк опубликовал в издававшейся оккупантами украинской газете «Краковские вести» серию статей «Жиды на Украине», выдержанных в крайне антисемитском и пронацистском духе[4].

---

[1] Розбудова нації. 1931. № 1–2. С. 18–28; № 3–4. С. 70–79; № 5–6. С. 127–137; № 7–8. С. 172–181; № 9–10. С. 218–230; № 11–12. С. 276–292; 1932. № 1–2. С. 13–25; № 3–4. С. 75–86; № 5–6. С. 118–131; № 7–8. С. 185–196; № 9–10. С. 253–256; № 11–12. С. 296–300; 1933. № 3–4. С. 75–87; № 5–6. С. 130–138; № 7–8. С. 180–194; № 9–10. С. 226–235. № 11–12. С. 277–287.

[2] *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 256.

[3] Розбудова нації. 1930. № 5–6. С. 137.

[4] *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 257. Подробнее см.: *Химка І.* «Краківські вісті» про євреїв, 1943 рік: Українсько-єврейські відносини під час Другої світової війни // Філософська і соціологічна думка. 1994. № 5–6.

Серия статей Мицюка в «Построении нации» подводила «научную» основу под тезис о необходимости бороться с евреями и, несомненно, оказалась востребованной активистами ОУН, антисемитские настроения которых были сильны по вполне практическим причинам. Украинская держава, обеспечивающая поступательное общественное и экономическое развитие для всех своих граждан, оставалась мечтой. Реальностью была полунищая жизнь превращенной в восточную провинцию Польши Западной Украины. Неумолимые экономические законы сталкивали евреев и украинцев. Будут ли жители села покупать товары в магазине, принадлежащем украинцу, или в лавке еврея? Чья продукция будет пользоваться большим спросом? Эти вопросы были гораздо более важны для украинцев, чем отвлеченные идеологические концепции — ведь именно от них зависело благосостояние. В ряде поветов по польским данным до 90 % торговли находилось в руках евреев[1].

Немаловажным был и тот факт, что евреи Восточной Галиции занимались земледелием. Общее число еврейских земледельческих хозяйств в Львовском регионе составляло всего 1,6 %[2]; и украинские, и еврейские земледельцы дискриминировались поляками[3]. Однако среди еврейских хозяйств поместья встречались чаще, чем среди украинских, в них чаще использовались наемные работники (в 25,3 % еврейских хозяйств, тогда как в нееврейских хозяйствах этот показатель составлял 8,9 %)[4]. В условиях малоземелья это способствовало росту антисемитских настроений.

В глазах националистов именно евреи наравне с поляками были виновниками незавидного положения украинцев. Об этом, в частности, говорилось в листовке, разбросанной в селе Белив Станиславского воеводства:

> «Украинский крестьянин! Украинский рабочий! Земля, которой владеют местные евреи... является собственностью украинской нации.

1 РГВА. Ф. 462к. Оп. 1. Д. 92. Л. 150–175.

2 *Вежбенец В.* Участие евреев в сельском хозяйстве межвоенной Польши (1918–1939) // Материалы Двенадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2005. Ч. 2. С. 153.

3 Там же. С. 154.

4 Там же. С. 153.

Евреи — вечный враг украинской нации. С этого дня никто не пойдет работать к еврею. Евреи должны исчезнуть с украинской земли. Кто пойдет к еврею работать, будет строго осужден, тяжело ранен. Прочь жидов»[1].

Слова не расходились с делом. То в одном, то в другом селе проводились акции бойкота еврейских магазинов, неизвестные били стекла в принадлежащих евреям домах.

Поначалу руководство ОУН пыталось дистанцироваться от антиеврейских акций — особенно когда речь заходила о прямой уголовщине. «Недавно на Стрийщине имело место грабительское нападение на жидов, — говорилось в журнале "Сурма" осенью 1932 г. — Польская пресса по этому поводу подняла большой шум, говоря, что это дело рук украинских подпольных организаций. Краевая экзекутива ОУН заявила в своем "Бюллетене", что с этим нападением не имеет ничего общего»[2].

Однако вскоре положение изменилось. Украинские националисты начали возглавлять антиеврейские акции, придавая им весьма значительный размах. «Не давайте жидам обкрадывать себя, — говорилось в листовке, распространенной оуновцами в селе Коростов Здолбуновского повета. — Не покупайте у жида. Гоните жида из села. Пусть наш лозунг будет прочь жидов»[3]. В 1935 г. члены ОУН провели в селах Жидачивского, Калуского, Станиславского и Стрийского поветов акцию, в ходе которой били стекла в домах евреев[4]. Еще более масштабная акция была проведена летом 1936 г. на Костопольщине. Ей предшествовало собрание руководства местного отделения ОУН, на котором было принято решение, что «жиды вредны для украинской нации, нужно от них освободиться, а наилучшим способом, который приведет к этому, будут поджоги жидовских домов, магазинов и т. п.»[5]. В результате последовавших массовых поджогов крова над головой лишились около ста еврейских семей[6].

---

1 *Гон М. М.* Із кривдою на самоті. С. 77.

2 Сурма. 1932. № 10–11. С. 8.

3 *Гон М. М.* Із кривдою на самоті. С. 77.

4 Там же. С. 152.

5 Там же. С. 102.

6 Там же.

Несколько месяцев спустя после этой акции Краевая экзекутива ОУН уточнила свою позицию по «еврейскому вопросу». Согласно ее решению, следовало различать «евреев» и «евреев-коммунистов». По отношению к первым предписывалось применять экономический бойкот, тогда как с евреями-коммунистами следовало «бороться со всей своей энергией, не отказываясь от террора»[1].

Эскалация ненависти к евреям способствовала дальнейшей радикализации позиции ОУН. В 1938 г. видный член ОУН В. Мартинец опубликовал статью, в которой рассматривал «еврейский вопрос» с точки зрения расовой теории. Вывод был ожидаемый: с евреями нужно было бороться как с врагами, стараться изолировать их или вообще выслать из Украины[2].

Предложение Мартинца имело очевидные параллели с антиеврейской политикой, реализовывавшейся в нацистской Германии. Удивляться этому не приходится: к концу тридцатых годов украинские националисты активно сотрудничали с нацистскими спецслужбами; германский опыт решения «еврейского вопроса» они могли счесть вполне приемлемым.

Итог военных планов ОУН по отношению к национальным меньшинствам был подведен в «Военной доктрине украинских националистов», подготовленной весной 1938 г. членом Краевой экзекутивы ОУН, референтом военной подготовки Михаилом Колодзинским. Документ предусматривал в ходе «национального восстания» преследование и физическое уничтожение «враждебного элемента», в первую очередь поляков:

> «Наше восстание имеет своей задачей не только смену политического строя. Оно должно вычистить с Украины чужой, враждебный элемент и плохой собственный, родной. Только во время восстания будет возможно вымести буквально до последнего польский элемент с З.У.З. [Западноукраинских земель] и, таким способом, положить конец польским претензиям на польский характер этих земель. Польский элемент, который будет оказывать сопротивление, должен полечь в борьбе,

---

1 *Гон М. М.* Із кривдою на самоті. С. 102.

2 *Деревінський В.* Питання національних меншин в етнонаціональній концепції ОУН // Український визвольний рух. Львів, 2004. Зб. 3. С. 11; *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? С. 257–258.

а остальных надо затерроризировать и принудить к бегству за Вислу. Потому нельзя допустить, чтобы после получения З.У.З. польский элементив мог жить здесь рядом с украинцами. З.У.З. будущей Украинской державы должны быть чистыми с национальной точки зрения, потому что эти земли имеют особое значиння для будущего украинского государства... Надо помнить, что чем больше пропадет во время восстания враждебного елемента, тем легче будет происходить построение Украинской державы и тем сильнее она будет»[1].

«Военная доктрина» Колодзинского предусматривала и уничтожение евреев:

«Бесспорно, что гнев украинского народа по отношению к Жидам будет особенно страшен. Нам не нужно этот гнев подавлять, наоборот [следует] увеличивать, потому что чем больше погибнет Жидов во время восстания, тем будет лучше для украинского государства, потому что Жиды будут единственным меньшинством, которое мы не сможем охватить нашей денационализацийною политикой. Все другие меньшинства, которые выйдут живыми из восстания, будем денационализировать»[2].

Создается впечатление, что работа Колодзинского была известна поддерживавшим ОУН нацистским спецслужбам. Косвенным подтверждением правильности подобного предположения служит задание, порученное руководством ОУН перед вторжением в Польшу.

15 августа 1939 г. абвером из членов ОУН было создано диверсионное подразделение под кодовым названием Bergbauernhilfe. Общая численность подразделения составляла около 600 чел., которых возглавил один из членов Главного провода ОУН полковник Роман Сушко[3]. Задачей подразделения должна была стать организация

---

1 *Зайцев О.* Дефіляда в Москві та Варшаві: «Воєнна доктрина українських націоналістів» Михайла Колодзінського. URL: http://www.uamoderna.com/event/186 (дата доступа — 26.01.2016).

2 Там же.

3 Організація українських націоналістів і Українська повстаньска армія: Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діятельності ОУН і УПА. Київ, 2005. С. 6. Интересно, что, по данным советских органов госбезопасности, уже в 1940 г. Р. Сушко, оставаясь одним из руководителей мельниковской ОУН, стал официальным сотрудником

антипольского восстания на Западной Украине и очищение территории от «нежелательных элементов». Согласно показаниям начальника 2-го (диверсионного) отдела абвера Э. фон Лахузена на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, 12 сентября 1939 г. соответствующее указание было сделано начальнику абвера адмиралу Канарису министром иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропом. «Смысл приказа или указания, – рассказывал Лахузен, – был таков: необходимо было связаться с украинскими националистами, с которыми разведка имела уже соответствующий контакт в военном отношении, для того чтобы вызвать повстанческое движение в Польше, которое имело бы своим следствием истребление поляков и евреев в Польше. Об этом говорилось Риббентропом лично Канарису. Когда говорили "поляки", то подразумевали интеллигенцию и те круги, которые выступали в качестве носителей национального сопротивления...»[1]

Как видим, задание, которое нацистское руководство ставило перед сформированным из оуновцев подразделением, совпадало с планами, сформулированными в «Военной доктрине» Колодзинского.

Однако этот план также не был воплощен в жизнь[2]. После победы в польской кампании подразделение Bergbauernhilfe было распущено, а его личный состав был частично передан на формирование полицейских подразделений в восточных областях оккупированной Польши[3]. Тем не менее помощь, оказанная немецким спецслужбам,

---

подразделения германской военной разведки «Абверштелле Краков», где отвечал за вербовку агентуры из числа украинских националистов. См.: Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны / Архив Главного управления Службы Безопасности Украины в Автономной Республике Крым; Сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 40.

1 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1990. Т. 4. С. 181.

2 Подробности см.: *Дюков А. Р.* Почему нацистам не удалось создать «украинское государство»: Абвер, украинские националисты и начало Второй мировой. URL: https://lenta.ru/articles/2015/09/01/puppet/ (дата обращения – 26.01.2016).

3 *Трофимович В.* Роль Німеччини та СССР в україньско-польському конфлікті 1934–1945 рр. // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 2003. № 28. С. 121.

не осталась без вознаграждения. ОУН получила легальный статус, а ее члены поступали на службы в подразделения Werkschutz (охрана промышленных объектов). Украинское население созданного нацистами «Генерал-губернаторства» получило целый ряд привилегий; в частности, украинцам могли передаваться дома и магазины, конфискованные у евреев[1]. Подобный подход, безусловно, импонировал украинским националистам.

Показательно, что сотрудничество руководства ОУН с гестапо в 1940–1941 гг. носило отчетливый антипольский и антиеврейский характер. «Провод ОУН не разрешал самостоятельно никому, без ведома Провода, самостоятельно устраиваться на работу в гестапо, — сообщал агент, внедренный НКГБ УССР в оуновские структуры. — Тех лиц, которые шли работать в гестапо с ведома Провода ОУН, предупреждали, что они должны работать в гестапо только против поляков и евреев»[2].

Впоследствии мы сможем убедиться, что антипольская и антиеврейская направленность взаимодействия ОУН и нацистских спецслужб рассматривалась руководством украинских националистов как позитивный опыт, повторение которого возможно. В 1940–1941 гг. это сотрудничество способствовало дальнейшей радикализации позиции ОУН по «еврейскому вопросу».

Процесс радикализации хорошо прослеживается при сопоставлении двух планов вооруженного восстания ОУН.

Первый из них, получивший название «Единый генеральный план повстанческого штаба ОУН», был подготовлен одним из руководителей ОУН, бывшим генералом Украинской галицийской армии Виктором Курмановичем весной 1940 г.[3] В плане подробно излагались задачи антисоветского вооруженного выступления, описывались действия, которые следовало предпринять во время восстания.

К моменту создания «Единого генерального плана» в ОУН начал назревать раскол между фракциями Андрея Мельника и Степана

---

[1] Там же. С. 122.

[2] Степан Бандера у документах... Т. 1. С. 99; [ГДА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 4. Л. 221–234].

[3] Роман Шухевич у документах... Т. 1. С. 339; [ГДА СБУ. Ф. 9. Д. 19. Л. 104–116].

Бандеры. За старым лидером националистов Мельником в основном стояли руководящие работники ОУН, за молодым и радикальным Бандерой — действовавшие на Западной Украине активисты. Однако окончательного разрыва между двумя фракциями весной 1940 г. еще не произошло. Несмотря на то что автор «Единого генерального плана» Курманович был сторонником Мельника, разработанный им документ оказался принят на вооружение возглавлявшейся Бандерой Краковской краевой экзекутивой ОУН.

Согласно «Единому генеральному плану», одной из задач повстанцев должно было стать уничтожение враждебных для националистов элементов. В разделе «Выступления» указывалось: «Важным есть выступление первой ночи. Оно решает всё... Надо в ту же ночь ликвидировать всех, занесенных в черные списки, чтобы лишить врага людских резервов (доносчиков, организаторов вражеской диверсии и т. д.) А также углублять панику»[1]. А в разделе «Основные задания штабам соединений» отмечалась необходимость организовывать «панику, разложение в среде врагов (поголовные расстрелы врагов)». «Это одно из условий нашей выигранной победы», — подчеркивалось в документе[2].

Получившие эти указания руководители оуновских подпольных организаций на Западной Украине отметили их недостаточную четкость. Так, например, не было понятно, кого следовало заносить в «черные списки» для последующего уничтожения. «Пока таких списков еще не подготовлено, с учетом того, что не знали точно, кто такой “вредитель для ОУН” из местного населения», — писал осенью 1940 г. арестованный советскими органами госбезопасности член Львовского Краевого провода ОУН Иван Максимов[3]. Впрочем, в ходе последующих допросов Максимов пояснил, что «черные списки» все-таки составлялись на местах, однако к моменту его ареста до Краевого провода они еще не дошли. В связи с важностью показаний Максимова позволим себе привести обширную цитату из протокола допроса.

---

1 Роман Шухевич у документах... Т. 1. С. 57; [ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 33. Д. 63. Л. 25–58].

2 Там же. С. 40.

3 Там же. С. 91; [ГДА СБУ. Ф. 6. Д. 75170-ФП. Т. 1. Л. 216–225].

«Вопрос: Что входило в мобилизационный план?

Ответ: Мобилизационный план охватывал следующие пункты:

1. Боевые кадры — члены ОУН.
2. Общая мобилизация — как резерв.
3. Разведка и учет всех враждебных сил ОУН к восстанию.
4. "Запилье" — создание государственного аппарата...

Вопрос: Как понимать третий пункт мобилизационного плана "Разведка и учет всех враждебных сил ОУН к восстанию"?

Ответ: Третий пункт мобилизационного плана заключал в себе сбор сведений о важнейших объектах, как военного, так и государственного, хозяйственного значения, которые, в первую очередь, должны быть захваченными. Сбор сведений об отношении населения к Советской власти и восстанию, кроме того, разведка ОУН должна была составить "черные списки" враждебных к восстанию лиц, а также лиц, активно участвующих в общественно-политической жизни страны.

Вопрос: Кто конкретно заносился в "черные списки", составляемые организацией украинских националистов, и как с ними намеревалась поступить ОУН?

Ответ: Конкретно в "черные списки" заносились враждебно настроенные к восстанию национальные меньшинства, лица, сотрудничающие с органами Сов. Власти, командный состав РККА, сотрудники НКВД и лица, прибывшие с восточных областей Украины.

Вопрос: Что сделано по выполнению этого пункта мобилизационного плана?

Ответ: Разведка ОУН и окружные, областные, уездные, районные организации составляли "черные списки", но эти списки еще до краевой экзекутивы не дошли»[1].

Как видим, положения «Единого генерального плана» на местах были существенно дополнены, причем в «черные списки» стали включать не только представителей и сторонников советской власти, но и «враждебно настроенные к восстанию национальные меньшинства». Включались ли в их число евреи, к настоящему времени точно не известно, однако с учетом описанных выше антисемитских настроений в ОУН это представляется более чем возможным.

---

[1] Там же. С. 98–99; [ГДА СБУ. Ф. 6. Д. 75170-ФП. Т. 1. Л. 236–243].

«Единый генеральный план» так и не был реализован; в течение 1940 г. органы НКВД нанесли украинскому националистическому подполью на Западной Украине ряд тяжелейших ударов. Нападения на Советский Союз со стороны Турции или Германии также не произошло — несмотря на имевшиеся у руководства ОУН надежды.

Неудача усугубила раскол между мельниковской и бандеровской фракциями ОУН. «Эти преступные вредители революционной работы бросили на протяжении 1940 безответно в край расконспирированных в эмиграции людей, которые перегрузили собою организационную сетку и многократно ее провалили», — писали сторонники Мельника о «группе Бандеры»[1]. В ответ бандеровцы клеймили мельниковцев как «предателей» и «оппортунистов», не понимающих смысла революционной борьбы.

Противоречия внутри ОУН достигли апогея. В апреле 1941 г. фракция Бандеры заявила о непризнании решений созванного А. Мельником II Великого съезда ОУН в Риме и провела собственный съезд в Кракове. Постановления этого съезда были оперативно переведены на немецкий язык и направлены руководству Третьего рейха[2].

Постановления II Великого съезда ОУН(Б) зафиксировали предельно негативное отношение организации к евреям. «Жиды в СССР являются самой преданной опорой большевистского режима и авангардом московского империализма на Украине, — говорилось в постановлениях. — Антижидовский настрой украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от действительного виновника бед и чтобы в час восстания направить их на погромы жидов. Организация Украинских Националистов борется с жидами как с опорой московско-большевистского режима, объясняя одновременно народным массам, что Москва это — главный враг»[3].

---

[1] *Гривул Т.* До питання конфлікту в ОУН 1940–1941 рр. // Український визвольний рух. Львів, 2004. Зб. 3. С. 163.

[2] УПА в світлі німецьких документів. Кн. 1. С. 29–33.

[3] ОУН в світли постанов Великих Зборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929–1955 р. Б.м., 1955. С. 36; Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 11; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 43; [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 926. Л. 192].

В преддверии нападения Германии на СССР это решение ОУН(Б) имело принципиальный характер. Оно свидетельствовало о том, что во время войны деятельность украинских националистов будет направлена не только против представителей советской власти, но и против евреев. Разумеется, борьба с евреями была для ОУН второстепенной задачей, однако то, что эта задача имела место, уже говорило о многом.

Ряд современных украинских историков пытается истолковать антиеврейский пункт постановлений II Великого съезда ОУН(Б) в том духе, что ОУН(Б) собиралась бороться лишь с евреями, поддерживающими советскую власть, а не с евреями как нацией. Однако внутренние документы ОУН(Б) свидетельствуют, что подобного различия не проводилось. Слова «еврей» и «сторонник большевизма» рассматривались как синонимы.

Мы уже упоминали о разработанном весной 1940 г. «Едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН». В мае 1941 г., непосредственно перед германским вторжением в Советский Союз, ОУН(Б) разработала новый план восстания — инструкцию «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Инструкция 1941 г. отличалась от «Единого генерального плана» большей проработанностью конкретных вопросов. В ней подробно описывались мероприятия, которые следовало проводить новым органам государственной власти, военным структурам и организациям. В отличие от «Единого генерального плана», в инструкции не был обойден вниманием и национальный вопрос.

Согласно пункту 16 раздела «Указания на первые дни организации государственной жизни», принципы политики ОУН по отношению к национальным меньшинствам сводились к следующему:

«Национальные меньшинства подразделяются на:

а) дружественные нам, то есть члены всех порабощенных народов; б) враждебные нам, москали, поляки, жиды.

а) Имеют одинаковые права с украинцами, они могут возвратиться на свою родину.

б) Уничтожаются в борьбе кроме тех, кто защищает режим: переселение в их земли, уничтожать прежде всего интеллигенцию, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть

доступ до школ и т. д. Например, так называемых польских селян необходимо ассимилировать, осведомляя их, тем более в это горячее, полное фанатизма время, что они украинцы, только латинского обряда, насильно ассимилированные. Руководителей уничтожать. Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажу, тем более москалей и поляков. Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним нашего милиционера и ликвидировать за малейшую провинность.

Руководителями отдельных областей жизни могут быть лишь украинцы, а не чужинцы-враги. Ассимиляция жидов исключается»[1].

Следующий, 17-й пункт раздела пояснял: «Наша власть должна быть страшна для ее противников. Террор для чужинцев-врагов и своих предателей»[2].

Террор против противников ОУН должен был начаться сразу после вооруженного выступления. В военном разделе инструкции имелся специальный параграф об «очищении территории от враждебных элементов». «Во время хаоса и смятения, — говорилось в этом параграфе, — можно позволить себе ликвидацию нежелательных польских, московских и жидовских активистов, особенно сторонников большевистско-московского империализма»[3]. Следует отметить, что процитированный параграф инструкции ОУН по своему содержанию практически идентичен оперативному приказу № 1 шефа полиции безопасности и СД Р. Гейдриха, согласно которому «целесообразно вызывать, как указано выше, местные погромы»[4]. Правда, инструкция ОУН выпущена раньше — не в конце июня, а в мае 1941 г.

Дальнейшее развитие пункт об «очищении территории от враждебных элементов» получал в разделе «Организация Службы безопасности».

---

1 ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 1. Л. 38; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 103–104.

2 Там же.

3 ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 1. Л. 32; Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 37; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 93; [ЦДІАУ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2887. Л. 16–22]; *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 153.

4 РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.

«Следует помнить, что существуют активисты, которые, как главная опора силы НКВД и советской власти на Украине, должны быть, при создании нового революционного порядка на Украине, обезврежены. Такими активистами являются:

Москали, посланные на украинские земли для закрепления власти Москвы на Украине;

Жиды, индивидуально и как национальная группа.

Чужинцы, преимущественно разные азиаты, которыми Москва колонизирует Украину с намерением создания на Украине национальной чересполосицы.

Поляки на западноукраинских землях, которые не отказались от мечты о Великой Польше…»[1]

Установление нового государственного порядка должно было начаться с массовых арестов тех из «врагов Украины», кто не был уничтожен во время боевых действий. Согласно инструкции, в селах после организации милиции «все жиды (евреи) должны немедленно явиться в команду Народной милиции. Все граждане села (местности, колхоза, фабрики) обязаны передать команде Народной милиции спрятанных красноармейцев, энкаведистов, жидов (евреев), сексотов...»[2]

Согласно той же инструкции из колхозов должны были быть исключены:

«1. Все чужинцы, которые прибыли в коллектив для обеспечения эксплуатации сколлективизированных селян;

2. Жиды, работающие в коллективе, как надсмотрщики большевистской власти;

3. Все представители большевистской власти, сексоты и прочие, имеющие отношение к НКВД, НКГБ, прокуратуре и корреспонденты большевистских газет»[3].

При этом все, кто не являлся членами колхоза, должны были быть «интернированы и заключены под стражу»[4].

---

1 ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 129; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 1. Л. 57–76]; ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 376. Т. 49. Л. 1–11 об.

2 Там же. С. 131.

3 Там же. С. 138.

4 Там же.

Точно так же на крупных промышленных предприятиях должны были быть интернированы и заключены под стражу «враждебные националистической революции и ненадежные элементы». Кроме того, отмечалось в инструкции, «должны быть интернированы все жиды и сотрудники НКВД и НГКБ»[1].

Для содержания арестованных в каждом районе должен быть создан «лагерь интернированных, предназначенный для жидов, асоциальных элементов и пленных»[2]. В разделе «Организация службы безопасности» отмечалось:

> «После создания Народной милиции в районе районный комендант должен приступить к систематической организации порядка и безопасности в районе. В этой связи следует:
>
> 1. Создание списков всех б[ывших] работников НКВД, НКГБ, прокуратуры и членов КП(б)У.
>
> 2. Создание списков граждан, которые отличились в преследовании украинства. В первую очередь речь идет о неукраинцах: жидах, москалях, поляках.
>
> 3. Интернирование неукраинцев, которые попадают под первый и второй пункты»[3].

В городах оуновцы предполагали столкнуться с большими трудностями, чем в селах. «Большие города Украины имеют характер преимущественно чужинский с большим преобладанием жидовско-московского элемента», — отмечалось в инструкции[4]. Однако и здесь должен был быть применен тот же рецепт: репрессии против сторонников советской власти и «враждебных» национальных меньшинств: «После установления порядка в городе, после проведения чистки среди энкаведистов, москалей, жидов и прочих можно приступать к организации правильной жизни в городе»[5].

В структуре будущей украинской полиции предусматривалось организовать в составе разведывательно-следственных отделов спе-

---

1 ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 139.

2 Там же. С. 143.

3 Там же. С. 145.

4 Там же. С. 147.

5 Там же. С. 150.

циальное «коммунистически-жидовское» направление. Инструкция обязывала полицейских провести регистрацию «жидовского населения»; завести архив «коммунистически-жидовской деятельности»; захватить все политические архивы; провести регистрацию всех «чужаков», как то: «москалей», поляков, французов, чехов и всех других, которые могли бы сотрудничать с врагом[1].

В целом от службы безопасности ОУН и украинской полиции требовалось «задушить в зародыше всякую попытку чужинского элемента на Украине проявить себя сколько-нибудь организованно»[2]. «Это — час национальной революции, — отмечалось в инструкции, — и потому не должно быть никакой толерантности по отношению к давним пришельцам»[3].

Последнее положение должно было быть поддержано пропагандой. В инструкции приводятся утвержденные Проводом ОУН(Б) для распространения лозунги с призывом уничтожать «москалей и жидов»:

> «Нет пощады красным кровопийцам!
> Нет милости их слугам!
> Сталинские и жидовские комиссары — первые враги народа!»
> «С началом войны бейте большевиков, которые вами командуют! Уничтожайте штабы, стреляйте москалей, жидов, энкаведистов, политруков и всех, кто хочет войны и нашей смерти! Это наибольшие враги народа!»
> «Украина для украинцев!..
> Смерть московско-жидовской коммуне!
> Бей коммуну, спасай Украину!»
> «Рабочие!.. Не позволяйте во время ухода Красной Армии уничтожать ваши заводы и фабрики! Убивайте врагов, которые среди вас — жидов и сексотов»[4].

---

1 ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 376. Т. 49. С. 40–41; *Веденеев Д., Быструхин Г.* Повстанська розвідка діє точно і відважно. С. 248–249.

2 ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 152.

3 Там же.

4 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 41–46; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 156–162; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 1. Л. 77–89; ЦДІАУ. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2887. Л. 26–42].

Обобщив приведенные выше положения инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны», мы получаем следующую концепцию решения национального вопроса. После нападения Германии на Советский Союз находящиеся на советской территории оуновцы приступают к вооруженным действиям. Они уничтожают представителей советской власти, польских активистов и евреев. При этом евреи преследуются как индивидуально, так и в качестве национальной группы.

После отступления советских войск начинается формирование новых органов государственной власти, в первую очередь — полиции. В каждом районе полиция создает специальные лагеря, в которые направляются представители советской власти, активисты-поляки, пленные красноармейцы и евреи. Оставшиеся на свободе поляки, евреи и русские поражены в правах: им запрещено занимать государственные и хозяйственные должности. В случае если евреи оказываются незаменимыми специалистами, они работают под надзором полиции и уничтожаются при малейшей провинности.

Третий этап решения вопроса национальных меньшинств наступает после войны. Поляки и русские ассимилируются, им запрещается образование на родном языке. Что же касается евреев, то их ассимиляция исключается. Следовательно, их либо уничтожают, либо принудительно выселяют из страны, либо изолируют.

Как видим, содержащийся в инструкции ОУН(Б) план решения «еврейского вопроса» практически дословно воспроизводил аналогичные нацистские концепции. Ведущий российский исследователь истории Холокоста Илья Альтман считает, что оуновцы переводили с немецкого языка распоряжения, касающиеся преследований евреев[1]. Антиеврейские положения инструкции 1941 г. наглядно демонстрируют, что ничего невероятного в этом предположении нет.

Достаточно любопытно, что сформулированные в инструкции ОУН(Б) антиеврейские меры оказывались более жесткими, чем меры, которые следовало принимать против поляков. В период боевых действий поляков, в отличие от евреев, не предполагалось преследовать как национальную группу, а после создания Украинского государства они подлежали не уничтожению, принудительному изгнанию

---

[1] *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 220.

или изоляции, а «всего лишь» насильственной ассимиляции. Этот парадоксальный, на первый взгляд, факт свидетельствует о весьма значительной роли антисемитского компонента в идеологии ОУН[1].

Позиция фракции Мельника по «еврейскому вопросу» была разработана менее подробно, чем у бандеровцев. Упоминание «еврейского вопроса» встречается в проекте Конституции Украинской державы, подготовленной ОУН(М). В пункте, касающемся вопросов гражданства, объявлялось, что

> «украинское гражданство в момент провозглашения Украинской державы имеют:
> 1) все лица украинской национальности, которые проживают в границах Украинской державы;
> 2) лица других национальностей, отцы которых или они сами проживали в границах Украинской державы с 1 августа 1914 года».

Исключение делалось для «лиц жидовской национальности», которые подлежали «отдельному закону»[2].

Интересно, что проект конституции с очевидно дискриминационным еврейским пунктом составлялся никем иным, как Николаем Сциборским — тем самым, который в 1930 г. предлагал евреям равные права с остальными гражданами. К 1941 г. иначе как радикально антисемитскими взгляды Сциборского назвать было нельзя. Незадолго до нападения Германии на Советский Союз Сциборский писал про необходимость проведения по отношению к национальным меньшинствам на Украине твердой политики и «преломления их станового хребта». Отдельно Сциборским выделялась «еврейская проблема», для решения которой, по словам идеолога ОУН, необходимы были «особый план и методы»[3].

Представление о том, какими должны были быть эти методы, можно составить по показаниям одного из руководящих работников ОУН(М) Мирослава Зыбачынского. Приведем обширную цитату:

---

[1] Подробнее об эволюции взглядов ОУН на методы решения «польского вопроса» см.: *Дюков А. Р.* «Польский вопрос» в планах ОУН(Б). С. 63–89.

[2] ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 216; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–9].

[3] *Масловський В.* Трагедія галицького єврейства. Львів, 1997. С. 21–22; *Prus E.* Holocaust po banderowsku. S. 139; Пробоєм. 1941. № 7–8.

«К началу войны Германии против Советского Союза МЕЛЬНИК Андрей дал большую директиву, в которой требовал от оуновцев перехода их на террористические методы работы… Для этого основному руководящему составу было предложено организовать под командованием германских разведчиков и контрразведчиков разведывательно-пропагандистские отряды, которые укомплектовывать из активных оуновцев и направить их за наступающими германскими частями на Украину, где развернуть оуновскую работу террористического характера…

Руководству "ОУН" предлагалось на Украине стать во главе сельских и городских оуновских центров, насаждать террористические тройки, проникать к руководству различными местными немецко-украинскими управами, полицией, администрацией и т. п. с тем, чтобы удобнее было осуществлять свою террористическую деятельность…

ЗЫБАЧЫНСЬКИЙ Мирослав перечислил следующие известные ему директивные указания при выезде на Украину указанных отрядов вместе с наступающей германской армией:

1. Организовать и возглавить все националистические силы на борьбу с Красной Армией и Советской властью, главным образом методами террора, а именно:

а. Введением террористического оуновского режима;

б. Выявлением и ликвидацией советских партизан;

в. Созданием ложных партизанских отрядов для провокаций;

г. Уничтожением сельского советского актива и лояльно настроенного населения к Советской власти;

д. Проведением массовых убийств и грабежей еврейского населения…»[1]

Показания Зыбачинского подтверждаются пропагандистскими материалами ОУН(М). В качестве примера можно привести статью «Жидовский вопрос на Украине», за несколько дней до начала войны вышедшую в газете Украинского центрального комитета «Краковские вести». Украинский центральный комитет контролировался ОУН(М); в его официальном издании рассказывалось о «засилье жидов на украинских землях» и о необходимости мести и расправы над ними[2].

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 8. Л. 107–108.

[2] *Масловський В.* Трагедія галицького єврейства. С. 21–22; Краківські вісті. 1941. 18 червня. О «Краковских вестях» см.: *Himka J.-P.* Ethnicity and the

Следует отметить, что в 1940–1942 гг. разногласия между бандеровской и мельниковской фракциями ОУН носили не идеологический, а тактический и личностный характер. «Идейно-политических расхождений между ОУН бандеровского и мельниковского течений в период руководства ОУН Бандерой и позже, вплоть до марта 1942 г., не было», — констатировал впоследствии арестованный советскими органами госбезопасности высокопоставленный оуновец[1]. Приведенное выше сравнение позиций ОУН(Б) и ОУН(М) подтверждает эту информацию. Для сторонников мельниковской фракции ОУН евреи были такой же законной целью, как и для бандеровцев. Разногласий между двумя фракциями по «еврейскому вопросу» не было.

Глава 3. Начало уничтожения: антиеврейские акции ОУН летом 1941 г.

Нападение Германии на Советский Союз дало украинским националистам возможность приступить к реализации содержащихся в инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» планов — в том числе, разумеется, и антиеврейских.

Перед началом боевых действий ОУН(Б) были созданы «походные группы», которые должны были следовать за передовыми частями вермахта, ведя политическую пропаганду и организуя вооруженную «украинскую милицию». Отдельная спецгруппа во главе с руководителем ОУН(Б) Ярославом Стецко была направлена на Львов с целью провозглашения самостийной Украинской державы.

Именно походная группа Стецко одной из первых столкнулась с «еврейским вопросом». В селе под Краковцем был убит немецкий солдат. В ответ немецкое командование расстреляло двух селян, оказавшихся украинскими националистами, и еще двоих арестовали. Стецко, исповедовавший крайне антисемитские взгляды, был возмущен подобной неразборчивостью немецких союзников. Его возражения были услышаны, и после гибели следующего

Reporting of Mass Murder: Krakivs'ki visti, the NKVD Murders of 1941, and the Vinnytsia Exhumation. Typescript, 2008.

[1] Степан Бандера у документах... Т. 1. С. 207; [ГДА СЗРУ. Д. 10876. Т. 1. Л. 114–116].

немецкого солдата, как с удовлетворением писал Стецко в отчете Бандере от 25 июня 1941, «арестовали только жидов». Однако этим Стецко не ограничился. «Создаем милицию, которая поможет жидов устранить и защитить население», — писал он в том же отчете[1].

Следует заметить, что Стецко придерживался крайних антисемитских взглядов. «Москва и жидовство, — писал он несколько недель спустя, — главные враги Украины и носители разложенческих большевистских интернациональных идей. Считая главным и решающим врагом Москву, которая властно удерживала Украину в неволе, тем не менее, оцениваю как вредную и враждебную судьбу жидов, которые помогают Москве закрепостить Украину. Поэтому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстреминации [уничтожения] жидов, исключая их ассимиляцию и т. п.»[2]. Не удивительно, что именно Стецко оказался у истоков массовых антиеврейских акций.

Впрочем, роль личности в истории в данном случае не следует преувеличивать. В задачи походных групп изначально входило уничтожение «вредительских элементов», в том числе евреев. Об этом совершенно однозначно говорится, например, в информационном листке Северной походной группы: «Деятельность подразделений: помощь в организации государственного порядка, организация сетки ОУН, пропаганда, ликвидация вредительских и враждебных элементов (энкаведистов, сексотов, жидов, поляков, москалей)»[3].

Необходимо отметить, что эти распоряжения не противоречили настрою украинских националистов. Благодаря предвоенной идеологической подготовке члены ОУН придерживались радикально антипольских и антиеврейских взглядов. Об этом свидетельствуют документы нацистских спецслужб; по данным тайной полевой по-

---

1 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 77; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 12. Л. 10].

2 *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 162; *Беркгоф К., Каринник М.* Організація українських націоналістів... С. 5; [ЦДАВОВ. Ф 3833. Оп. 3. Д. 7. Л. 5–6].

3 *Сергійчук В.* Український здвиг: Поділля. С. 43.

лиции, украинские переводчики при штабе 17-й армии вермахта считали, что «каждого еврея нужно убить»[1].

В это время в тылу советских войск начались подготовленные украинскими националистами вооруженные выступления. Боевики ОУН нападали на государственные учреждения, небольшие подразделения Красной Армии и даже предприняли ряд попыток захватить тюрьмы, в которых содержались их арестованные сообщники. «Когда советские войска отступали, Гуменюк со своей бандой установил пулеметы на крышах и обстреливал войска, которые там проходили, — вспоминала проживавшая в селении Зеленый Усть еврейка Регина Крохмаль. — Кого не убили на месте, того брали в плен. Я видела такой факт: Гуменюк Юзеф в Зеленом Усте топтал ногами солдата Красной Армии, солдат с плачем умолял его и просил, чтобы ему подарили жизнь, поскольку имеет жену и детей, но Гуменюк Юзеф не позволил себя уговорить и сказал, что уже долго ждал этого момента, чтобы отомстить коммунистам. Далее сказал, что коммунист, еврей и поляк не имеют права на жизнь, затем убил его ударом карабина по голове»[2].

Установка, что «коммунист, еврей и поляк не имеют права на жизнь», по всей видимости, была очень широко распространена среди украинских националистов. В соответствии с инструкцией мая 1941 г., еще до прихода немецких войск оуновцы начали разворачивать террор против «нежелательных элементов». Крестьянин Роман Отоманчук, проживавший в селе Переволоки Тернопольского района, впоследствии вспоминал: «Когда началась нем[ецко]-большевистская война, в село пришел незнакомый мне человек, созвал всех членов ОУН и сознательнейших мужчин и сказал, что идет война, что мы все должны взять оружие в руки и добывать УССД. Среди собранных был и я. Уже той же ночью мы уничтожили 18 сексотов, а среди них большинство жидов»[3].

---

1 *Царинник М.* «Жиди, поляки та інша сволоч»: Руда Ружанєцька, 30 червня 1941 р. С. 16; *Pohl D.* Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda. P. 309 (со ссылкой на BA-MA. RH 26-454/48, fol. 2).

2 Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 2. С. 886; [Институт национальной памяти Республики Польша, 0192/336. Т. 29. Л. 21–21 об].

3 Боротьба з аґентурою: Протоколи допитів... Кн. 1. С. 249.

Впрочем, этот эпизод нехарактерен: в большинстве случаев уничтожение «нежелательных элементов» начиналось уже после отступления частей Красной Армии.

Одними из первых националистический террор испытали на себе поляки и евреи Львова. Уже через несколько дней после нападения Германии на СССР украинские националисты попытались устроить во Львове восстание. Они обстреливали проходившие через город части Красной Армии и даже попытались захватить городские тюрьмы и освободить своих арестованных соратников.

Советские войска оставили город в ночь на 30 июня; ранним утром во Львов вошел сформированный абвером из украинских националистов батальон «Нахтигаль», а вслед за ним — походная группа Ярослава Стецко. Основной целью походной группы Стецко было провозглашение Украинской державы. Руководство ОУН(Б) имело основания надеяться на то, что этот акт найдет поддержку у нацистских властей — ведь буквально несколько месяцев назад во время нападения Германии на Югославию по схожему сценарию было образовано Независимое государство Хорватия, признанное нацистами[1]. Что же касается батальона «Нахтигаль», то он должен был обеспечить силовую поддержку новоявленного «украинского правительства».

Провозглашение «Украинской державы» не вызвало серьезных проблем. Членами походной группы Стецко было организовано собрание представителей украинской общественности, на котором был зачитан «Акт 30 июня 1941 года». Премьер-министром «украинского правительства» стал Ярослав Стецко, одним из первых распоряжений которого стало указание об организации «украинской милиции»[2].

Тем временем в городе начались масштабные антиеврейские акции. Поводом к ним послужило обнаружение в львовских тюрьмах тел

---

[1] Следует принимать во внимание, что лидеров ОУН и усташей связывали личные дружеские отношения; после создания «Независимого государства Хорватия» в Загребе было создано легальное представительство ОУН. См.: *Беркут И.* Югославские русины и украинцы во Второй мировой войне (1941–1945 гг.) // Русин. 2011. № 2. С. 41.

[2] *Ковба Ж.* Людяність у безодні пекли. С. 52; *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 12.

заключенных, расстрелянных перед отступлением советских войск[1]. Вина за эти расстрелы была возложена на евреев, аресты которых «украинской милицией» начались немедленно. Часть арестованных евреев была пригнана в тюрьмы, где их заставляли хоронить тела расстрелянных. «Начали вылавливать евреев для работы, — вспоминала впоследствии еврейка Руся Вагнер. — Это задание дали низам украинской национальности. Первой работой пойманных было очищение и вынесение трупов из тюрьмы на ул. Замарстиновской, Лонского, Казимировской (Бригидки). Это была ужасающая работа, тем более что надзирающие украинцы и гестаповцы относились к евреям, как к убийцам этих людей и при этом безжалостно мучили их...»[2]

«Среди населения господствует неистовая злоба из-за преступлений большевиков, — говорится в военном дневнике 49-го армейского корпуса за 30 июня. — Она находит выход в действиях против проживающих в городе евреев»[3]. Представитель МИД Германии при командовании 17-й армии Пфаляйдерер на следующий день сообщал в Берлин:

> «Прибыл вчера во Львов, когда в восточных предместьях еще продолжались бои... На улицах многочисленные члены украинских организаций с желто-синими значками, некоторые также с оружием. Город в некоторых местах пострадал от поджогов русских и от военных действий. Теперь есть острые выступления населения против евреев»[4].

В тот же день в город прибыла передовая часть зондеркоманды 4Б под командованием штурмбанфюрера СС Гюнтера Хеермана. Эта зондеркоманда входила в состав айнзатцгруппы «Б»; ее задачей было уничтожение противников нацистов, в том числе — евреев.

---

[1] Подборки документов о расстрелах заключенных западноукраинских тюрем в начале войны см.: *Гурьянов А., Кокурин А.* Эвакуация тюрем // Карта. 1994. № 6; *Романів О., Федущак І.* Західноукраїнська трагедія 1941. Львів, 2008. С. 338–396. См. также: *Дерев'яний І.* Масові розстріли у в'язниці № 1 м. Львова в кінці червня 1941 року // Український визвольний рух. Львів, 2009. Зб. 13.

[2] *Химка І.* Достовірність свідчення... С. 45.

[3] *Ермаков А.* Вермахт против евреев. С. 104.

[4] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 98.

На следующий день во Львов вступили основные части айнзатцгруппы. В Берлин было направлено следующее сообщение: «Штаб айнзатцгруппы 1.7. в 5 часов утра прибыл во Львов и разместился в здании НКВД. Шеф айнзатцгруппы "Б" сообщает, что украинское повстанческое движение во Львове 25.6.41 было зверски подавлено НКВД. Расстреляно НКВД ок. 3000. Тюрьма горит»[1].

Согласно оперативному приказу № 1 шефа полиции безопасности и СД Р. Гейдриха, в задачи айнзатцгрупп входила организация еврейских погромов местным населением[2]. Однако антиеврейские акции во Львове оказались развернуты украинскими националистами еще до прибытия в город служащих айнзатцгруппы. Начальнику айнзатцгруппы бригаденфюреру СС Отто Рашу осталось лишь придать этим акциям более массовый порядок. Служащие айнзатцгруппы включились в расстрелы евреев; кроме того, по некоторым предположениям, они совместно с украинскими националистами в пропагандистских целях уродовали тела расстрелянных заключенных львовских тюрем. «Из показаний свидетелей становится очевидно, что после прибытия батальона 800 и подчиненных ему украинских рот некоторые находящиеся в тюрьмах трупы были изуродованы, — пишет историк Х. Хеер. — То же самое, судя по всему, происходило и в других городах Галиции. Исполнителями называют активистов ОУН(Б)»[3]. За «жертвы большевиков» также выдавались убитые накануне «украинской милицией» евреи[4]. Таким образом, антиеврейские и антисоветские настроения в городе получили дополнительную подпитку.

Антиеврейскую пропаганду развернули и украинские националисты. Утром 1 июля на стенах домов было расклеено обращение

---

1 *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 13; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах. Киев, 2000. С. 26.

2 РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.

3 См.: *Хеер Х.* Прелюдия к Холокосту: Львов в июне — июле 1941-го. С. 7. Аналогичная практика имела место в Латвии в первые дни после оккупации этой республики немецкими войсками. См.: ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 1. Л. 225–226; Латвия под игом нацизма: Сборник архивных документов. М., 2006. С. 65–67.

4 ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 246. Л. 80.

Краевого провода ОУН(Б), подготовленное еще до войны руководителем ОУН(Б) на Западной Украине Иваном Климовым (псевдоним «Легенда»).

> «Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, жидова — это твои враги. Уничтожай их!
> Знай! Твое руководство — это Провод украинских националистов, это ОУН.
> Твой вождь — Степан Бандера»[1].

Чуть позже Краевым проводом ОУН(Б) был издан еще один важный приказ – о создании Украинских вооруженных сил. В нем объявлялось о «коллективной ответственности (семейной и национальной) за все проступки против Укр[аинской] державы, Укр[аинского] войска и ОУН»[2]. Таким образом, любой еврей и поляк становился законной целью для убийства.

Антиеврейские призывы были изданы и ОУН(М). В обнародованной 5 июля листовке за подписью Андрея Мельника говорилось: «Смерть жидовским прихвостням – коммунобольшевикам!»[3] Другая листовка ОУН(М) была обращена к молодым украинцам:

> «ОУН несет Тебе, украинская молодежь, освобождение, свободу и светлую национально-естественную жизнь на Твоей земле, где не будет:
> НИ КАЦАПА
> НИ ЖИДА
> НИ ЛЯХА»[4].

---

1 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 129; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 261; Ч. 2. С. 576; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 12; Д. 42. Л. 35; Оп. 2. Д. 18. Л. 87].

2 ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 197; Ч. 2. С. 486; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 41. Л. 8–9]. М. Царинник отмечет, что существовало несколько различных версий этого приказа; в одних говорилось о «массовой» ответственности, в других – про «общую». Смысл, однако, оставался одним. См.: *Царинник М.* «Жиди, поляки та інша сволоч»: Руда Ружанєцька, 30 червня 1941 р. С. 13–14.

3 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 151; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 74. Л. 24]; *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. М., 2002. С. 222.

4 ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 370. Л. 18.

Призывы руководства обеих фракций ОУН обернулись новыми убийствами, причем уже не только евреев. В журнале боевых действий вступившей во Львов 1-й горной дивизии сохранилась запись от 1 июля: «Во время совещания командиров можно было слышать выстрелы из тюрьмы ГПУ, где евреев заставили хоронить украинцев (несколько тысяч), убитых в последние недели. По настоянию украинского населения во Львове 1 июля дошло до настоящего погрома против евреев и русских»[1].

«Евреев убивали, — писал в это время жене один из немецких офицеров. — Легкое погромное настроение среди украинцев»[2]. О том, что представляло собой «легкое погромное настроение», можно понять по жалобам 711-й группы тайной полевой жандармерии: «Это фанатичное настроение перенеслось на украинских переводчиков группы... Все они считали, что каждого еврея следует тотчас убивать»[3].

Украинские националисты и военнослужащие айнзатцгруппы начали настоящую охоту на евреев. «Немцы хватали евреев прямо на улицах и в домах и заставляли работать в тюрьмах, — вспоминал раввин Давид Кахане. — Задача поимки евреев, кроме того, была возложена на только что созданную украинскую полицию... Каждое утро власти сгоняли около 1000 евреев, которых распределяли по трем тюрьмам. Одним было приказано разбивать бетон и выкапывать тела, а других заводили в небольшие внутренние дворы тюрьмы и там расстреливали. Но и те "счастливчики", которые оставались работать, не всегда возвращались домой»[4].

«Тем временем "забава" усиливалась, — вспоминала Руся Вагнер. — Нечеловеческие крики, разбитые головы, обезображенные тела и ужасно обезображенные лица избитых, залитые кровью, смешанной с грязью, возбуждали кровожадные инстинкты черни, которая выла от наслаждения... Женщин и стариков, которые почти без дыхания лежали на земле, сгоряча тыкали палками, тащили и волочили по

---

1 *Царинник М.* Золочів мовчить // Критика. 2005. № 10.

2 *Ермаков А.* Вермахт против евреев. С. 104.

3 Там же. С. 105.

4 *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 13; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1991. С. 76.

земле... Когда же ненасытные палачи сдернули всю одежду с какой-то женщины и палками безжалостно били голое тело, то немецкие солдаты, которые проходили двором, которых мы просили вмешаться, ответили: “Das ist die Rache der Ukrainer” [“Это месть украинцев”] тоном, полным одобрения»[1].

Издевательства над арестованными порою принимали самый изощренный характер. Согласно показаниям Марии Гольцман, «на третий день после вступления немецких оккупантов в г. Львов группа украинских полицейских во главе с немецкими офицерами привели в дом № 8 по улице Арцышевского около 20 граждан Львова, среди которых были и женщины. Среди мужчин были профессора, юристы и доктора. Немецкие оккупанты заставили приведенных собирать на дворе дома губами мусор (без помощи рук), осыпая их градом ударов палками»[2]. Муж Марии, Бронислав Гольцман, уточнил, что участвовавшие в этих издевательствах полицейские «имели у себя на рукавах опознавательные знаки сине-желтого цвета, то есть они были украинцами», а пятеро из жертв были в тот же день расстреляны за расположенной неподалеку железнодорожной насыпью[3].

Действия айнзатцгруппы вызвали протест со стороны абвера. Командир батальона диверсионного полка «Бранденбург» писал в донесении от 1 июля: «30.6.41 и 1 июля в отношении евреев имели место крупные акции насилия, которые отчасти приняли характер наихудшего погрома. Назначенные полицейские силы оказались не в силах выполнить их задачи. Жестоким и отвратительным поведением в отношении беззащитных людей они подстрекают население. Собственные подразделения, как видно из донесений рот, возмущены актами жестокости и истязаний. Они считают безусловно необходимым жестокое наказание виновных в резне большевиков, но все же не понимают истязаний и расстрелов схваченных без разбора евреев, в том числе женщин и детей. Все это пошатнуло дисциплину украинских рот. Они не делают различия между вермахтом и полицией и, так как они видят в немецком солдате пример, колеблются в своем

---

[1] *Химка І.* Достовірність свідчення... С. 46.

[2] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 106–106 об.

[3] Там же. Л. 64–64 об.

осуждении немцев вообще. Это те же самые подразделения, которые вчера беспощадно пристреливали еврейских грабителей, но отвергают бессердечные истязания»[1].

Упоминающиеся в донесении «украинские роты» — это сформированный из украинских националистов батальон «Нахтигаль», вошедший во Львов ранним утром 30 июня. Как мы уже упоминали, главной задачей батальона была поддержка провозглашения «Украинской державы». Согласно воспоминаниям военнослужащего «Нахтигаля» Мирослова Кальбы, перед вступлением во Львов украинским командиром батальона Романом Шухевичем был отдан следующий приказ: «Не берите ничьей крови на свои руки. Не допускайте никаких преступлений или мести по отношению к нашим врагам, полякам или жидам. Это не наше дело заниматься этим»[2].

В этой цитате интересен тот факт, что поляков и евреев Шухевич однозначно рассматривал как врагов; однако их уничтожение относилось к сфере ответственности только что сформированной «украинской милиции», а не «Нахтигаля».

Тем не менее из состава батальона были выделены небольшие группы, в задачу которых входила ликвидация людей, занесенных в составленные в соответствии с инструкцией ОУН от мая 1941 г. «черные списки». Информация об этом содержится в послевоенных показаниях военнослужащего «Нахтигаля» Григория Мельника:

> «В городе Львове батальон размещался в разных местах. Из нашего взвода и из других взводов в тот же день по приказу Оберлендера и Шухевича была отобрана группа легионеров общей численностью около восьми-десяти человек. Среди них были Лущик Григорий, Панькив Иван, Панчак Василий и другие.
>
> Через 4–5 дней эти люди возвратились и рассказывали, что они арестовали и расстреляли много жителей города.

---

[1] *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 13; *Ермаков А.* Вермахт против евреев. С. 105–106; Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges, 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 95.

[2] *Кальба М.* Роман Шухевич як провідник, командир, людина // Генерал Роман Шухевич — «Тарас Чупринка», Головний Командир УПА. Торонто, Львів, 2007. С. 355.

Панькив и Лущик говорили, что они вместе с участниками ранее заброшенных диверсионных групп получили от Оберлендера и Шухевича списки подлежащих аресту людей. Арестованных свозили в определенные места, среди которых я запомнил названную ими бурсу Абрагамовича, а затем по приказу Оберлендера и Шухевича арестованных расстреляли. Мне Лущик и Панчак говорили, что они лично расстреляли на Вулецкой горе польских ученых, и назвали их фамилии, среди которых мне хорошо запомнилась фамилия профессора Бартеля, известного мне как бывшего министра панской Польши»[1].

«Черные списки» фигурируют и в показаниях другого оуновца, Ярослава Шпиталя. Он прибыл во Львов 2 июля и был включен в состав личной охраны одного из руководителей ОУН(Б) Николая Лебедя.

«Мы размещались в доме по улице Драгоманова (бывшая Мохнацкого), № 22, в левом флигеле первого этажа. — В подвале этого дома находились арестованные, которых ночью выводили по одному во двор и там расстреливали.

Расстрелы производили немцы и легионеры из батальона "Нахтигаль" из малокалиберных винтовок и пистолетов, чтобы было меньше шума.

Я сам видел, как лежащих во дворе людей освещали электрическими фонарями и тех, кто еще был жив, расстреливали. Потом их увозили в неизвестном мне направлении.

Я все это видел из окон комнаты, в которой мы размещались.

В одну из ночей привезли на автомашинах группу арестованных, их сразу отвели на второй этаж, где учинили им допрос и избивали. Ругань, крики, стон и плач были хорошо слышны в нашей комнате. Через некоторое время этих арестованных сбросили с балкона второго этажа на бетонированную площадку двора, после чего достреливали. Убитых быстро увезли.

За эти три дня там было расстреляно несколько десятков человек. Аресты и расстрелы производились по заранее подготовленным спискам»[2].

---

[1] Кровавые злодеяния Оберлендера: Отчет о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 года. М., 1960.

[2] Кровавые злодеяния Оберлендера: Отчет о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, состоявшейся в Москве 5 апреля 1960 года. М., 1960.

Современные украинские историки ставят под сомнение показания Григория Мельника и Ярослава Шпиталя, называя их «советской пропагандой», однако сведения об участии военнослужащих «Нахтигаля» в расстрелах львовских евреев были получены и западногерманским судом. Так, например, один из бывших членов оперативной команды СД «Львов» на допросе в 1964 г. показал: «Здесь я был свидетелем первых расстрелов евреев членами подразделения “Нахтигаль”. Я говорю “Нахтигаль”, так как стрелки во время этой казни... носили форму вермахта... Казнь евреев... была произведена во дворе гимназии или школы членами подразделения вермахта... Что это были члены подразделения “Нахтигаль”, я понял лишь позже, так как я этим заинтересовался... Я установил, что участвовавшие в этой казни стрелки в немецкой форме говорили по-украински»[1]. Упоминание об участии военнослужащих «Нахтигаля» в убийствах львовских евреев 30 июня содержится также в уже цитировавшейся выше докладной записке командира батальона полка «Бранденбург»: «Это те же самые подразделения, которые вчера беспощадно пристреливали еврейских грабителей»[2].

Согласно показаниям рядового «Нахтигаля» М. Шумиласа (немца по национальности), в первый же день после прибытия батальона во Львов все военнослужащие-украинцы, ранее проживавшие во Львове, получили увольнение[3]. По всей видимости, некоторая часть из получивших увольнение военнослужащих «Нахтигаля» использовалась для «точечной ликвидации» противников ОУН в соответствии с «черными списками». Однако массовые антиеврейские акции проводились не ими, а «украинской милицией» при участии служащих айнзатцгруппы.

---

1 *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 13; *Sandkuhler Th.* «Endlosung» in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. S. 488. Ann. 21.

2 *Круглов А.* Львов, июль 1941. С. 13; Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges, 1941–1944. Hamburg, 2002. S. 95.

3 ЦА ФСБ. Д. Н-19788. Л. 145–145 об.; Украинские националистические организации во Второй мировой войне. Т. 2. Док. 3–41.

В общей сложности украинскими националистами и членами айнзатцгруппы «Б» в течение нескольких дней было уничтожено около 4 тысяч львовских евреев[1]. Оценить конкретный вклад членов ОУН в это преступление не представляется возможным, однако в том, что этот вклад был весомым, сомневаться не приходится.

В любом случае участие украинских националистов в акциях против львовских евреев получило одобрение со стороны нацистов. В сообщении Теодора Оберлендера начальнику второго отдела абвера Лахузену от 14 июля 1941 г. отмечалось:

> «12 июля я имел разговор с господином Лебедем. При этом я передал ему Ваше поздравление и от Вашего имени поблагодарил его за ценное сотрудничество и поддержку, которую он оказывает нашей службе.
>
> Я подчеркнул, что главная цель нашего разговора состоит в том, чтобы прийти к возможно длительному, рациональному и систематическому сотрудничеству. Я указал на то, что теперь, во время войны необходимо интенсифицировать его и подчеркнул, что сотрудничество господина Лебедя после вступления победоносных немецких войск во Львов ни в коем случае не заканчивается, а напротив, именно теперь должно систематически продолжаться.
>
> Что касается практического осуществления этого сотрудничества, то мы обсуждаем некоторые мероприятия, о которых Вы будете информированы. Я обещал Лебедю дальнейшую поддержку и подчеркнул, что ранее проводившаяся им работа высоко оценивается начальником полиции безопасности и службой безопасности во Львове.
>
> Из его высказываний я понял, что он тотчас сообразил, о чем идет речь, так что мои дальнейшие разъяснения оказались излишними.
>
> Господин Лебедь заверил меня, что он охотно предоставляет себя в наше распоряжение в интересах совместной борьбы против большевизма и еврейства. Он был бы признателен, если бы соответствующие директивы были доведены нами и до других лиц из украинских кругов Львова»[2].

---

[1] Холокост: Энциклопедия. М., 2005. С. 634.

[2] *Poliszczuk W.* Dowody zbrodni OUN i UPA. Toronto, 2000. S. 614; Документы изобличают: Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии / Сост. Г. Ткаченко, А. Войцеховский, А. Ткачук; Предисл. И. Герасимов. Киев, 2005. С. 36–37.

Мысль о том, что сотрудничество с нацистами на ниве решения «еврейского вопроса» следует продолжать, разделялась многими руководителями ОУН. Одним из них был Степан Ленкавский, характеризуемый современными украинскими историками как «выдающийся деятель ОУН». Датируемая 18 июля 1941 г. стенограмма заседания пропагандистской референтуры правительства Я. Стецко[1] говорит сама за себя:

«**г. Гупало:** Главное — всюду много жидов. Особенно в центре. Не позволить им так жить. Вести политику на выселение. Они сами будут бежать. А может быть, выделить им какой-нибудь город, например Бердичев.

г. Ленкавский: Охарактеризуйте мне жидов.

г. Головко: Жиды очень нахальные. Нельзя было сказать "жид". С ними нужно поступать очень остро. В центре нельзя их оставить решительно. Необходимо с ними покончить.

г. Левицкий: В Германии евреи имеют арийский параграф. Для нас более интересным является ситуация в генерал-губернаторстве... Каждый еврей обязан был быть зарегистрированным. Их изгнали из некоторых городов, например из Кракова, переместив в другие, например в Варшаву, где создали гетто, обнеся его стеной. Они имеют кино, театры, но не имеют еды. Молодые, способные идут на работу.

Часть нужно уничтожить. Хотя и теперь уже кое-кого уничтожали... Факт, что некоторые влезли в украинскую кровь, многие женились на украинках. В Германии есть разное: полжида, четверть жида, но у нас так быть не может. Немец, который женился на жидовке, становится жидом.

г. Головко: На Украине женились на жидовках главным образом в городах.

Жидовки выходили замуж за украинцев ради выгоды. Как только украинец разорялся, они разводились. Жиды же с украинками жили очень хорошо. Мне нравится немецкий подход.

г. Гупало: У нас есть много работников-жидов, которых даже уважают; есть даже такие, которые крестились до революции.

г. Ленкавский: Это нужно рассматривать индивидуально.

[1] Об атрибутации этого документа см.: *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 62.

г. Левицкий: Немцы используют специалистов... Мне кажется, что немецкий способ еврейского вопроса нам не очень подходит. Необходимо индивидуально рассматривать отдельные случаи.

г. Ленкавский: Относительно жидов принимаем все методы, которые приведут к их уничтожению»[1].

В данном случае слова не расходились с делом. Немецкие документы свидетельствуют, что антиеврейские акции украинских националистов проводились во всех крупных городах. Так, в отчете руководителя полиции безопасности и СД от 6 июля 1941 г. содержится информация об арестах украинскими полицаями тернопольских евреев, в ходе которых 20 евреев «убито на улицах войском и украинцами», 70 «согнано украинцами и уничтожено». В конце отчета дается высокая оценка проделанной националистами работе: «Вермахт удовлетворен хорошим ударом против евреев»[2]. В отчете от 16 июля 1941 г. мы находим аналогичную похвалу: «Украинское население показало в первые часы после отступления большевиков достойную одобрения активность относительно евреев. В Добромиле подожгли синагогу. В Самобре 50 евреев было убито возмущенной толпой. Во Львове население согнало, издеваясь, около 1000 евреев и доставило их в тюрьму ГПУ, захваченную вооруженными силами»[3].

Сравнимая по масштабам с львовскими погромами антиеврейская акция прошла 2–3 июля в городе Злочев. Точно так же, как во Львове, поводом к ней послужило обнаружение тел расстрелянных украинских националистов в местной тюрьме.

В Злочеве действовало сильное оуновское подполье; после отступления советских войск в городе было создано «революционное украинское управление» и подчинявшиеся ему формирования «украинской милиции». Именно милиция стала основной ударной

---

[1] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 189–190; ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 338; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–12]; *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 221–222.

[2] УПА в світлі німецьких документів. Торонто, 1991. Кн. 3. С. 53.

[3] *Косик В. М.* Україна в Другій світовій війні... Т. 1. С. 192–194; Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 179; ОУН в 1941 році. Ч. 1. С. 327, 333.

силой в последовавшей антиеврейской акции. Показательно, что в отличие от Львова массовое уничтожение евреев Злочева обошлось без участия подразделений айнзатцгруппы; зондеркоманда 4Б не задержалась в городе[1].

3 июля «украинская милиция» и военнослужащие дивизии СС «Викинг» собрали местных евреев на площади около тюрьмы и устроили настоящую бойню. Из послевоенных показаний Абрама Розена: «3 июля 1941 г. по городу ходили немецкие отряды СС, полиция и украинские националисты, во главе которых были Сагатый, Антоняк, Ванне, Воронкевич, Алишкевич и другие, которые производили облавы и сгоняли население к тюрьме под видом направления на работы. Когда на площади возле тюрьмы было собрано население, то всем трудоспособным было приказано рыть ямы. Затем, когда ямы были готовы, последовал приказ всем присутствующим в том числе и мне ложиться вплотную один к другому в яму. После этого из автоматов и пулеметов немецкие палачи начали расстреливать людей лежавших в яме, а также бросали в яму ручные гранты. Таким методом на площади возле тюрьмы было уничтожено около 3500 мирных граждан. Я же остался жив в связи с тем, что лежал под людьми и был лишь ранен в ногу. По случаю сильного дождя ямы сразу не зарывались. Я пролежал в яме до темноты, а затем бежал и скрывался все время в подвалах»[2].

Свидетельские показания подтверждаются отчетом отдела 1с 295-й пехотной дивизии от 3 июня: «В городе и в цитадели происходят массовые расстрелы и убийства евреев и русских, включая женщин и детей благодаря украинцам»[3]. «СС грабят вместе с гражданскими бандитами, вытаскивают людей из собственных квартир и уже убили огромное количество», — говорится в другом немецком документе[4].

Три дня спустя после погрома пропагандисты вермахта сообщали: «Украинцы показали евреям их подлые дела, показали им убитых,

---

1 *Boll B.* Zloczow, Juli 1941. S. 8.

2 ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 86. Л. 22–23.

3 *Boll B.* Zloczow, Juli 1941. S. 7.

4 Ibid. S. 10.

а потом наказали их так, как того заслуживали эти недочеловеки: жестоко, но справедливо»[1].

Интересно, что спустя некоторое время в Злочеве появилось подразделение «Нахтигаля». Григорий Мельников, показания которого мы уже цитировали, вспоминал: «В городе Золочев мы находились несколько дней, охраняя военнопленных. Командованием батальона было приказано выявлять среди военнопленных коммунистов, а затем уничтожать их». Однако свидетельств об участии военнослужащих «Нахтигаля» в акциях против злочевских евреев в настоящее время не выявлено.

Зато есть неопровержимое свидетельство участия солдат «Нахтигаля» в уничтожении евреев в Винницкой области. В дневнике солдата разведывательной роты «Нахтигаля» мы встречаем следующую запись: «Во время нашего перехода мы воочию видели жертвы еврейско-большевистского террора, этот вид так скрепил ненависть нашу к евреям, что в двух селах мы постреляли всех встречных евреев. Вспоминаю один эпизод. Во время нашего перехода перед одним из сел видим много блуждающих людей. На вопрос отвечают, что евреи угрожают им, и они боятся спать в хатах. Вследствие этого, мы постреляли всех встретившихся там евреев»[2].

Убийства украинскими националистами евреев в сельской местности приняли массовый характер. Группа, организованная членом Буковинского провода ОУН Петром Войновским, 5 июля 1941 г. устроила бойню евреев в селе Милиево, убив около 120 чел.[3] 7 июля по приказу надрайонного руководителя ОУН(М) Степана Карабашевского было убито 45 евреев в Боровцах и 54 — в Киселеве[4]. В селе Турбов националисты вырезали всех мужчин-евреев и хотели сжечь заживо оставшихся женщин и детей, чему воспрепятствовали немецкие солдаты[5]. В селе Косув Тернопольской

---

[1] *Ермаков А.* Вермахт против евреев. С. 109.

[2] ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 57. Л. 17; *Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів. С. 26.

[3] *Фостий І.* Діяльність ОУН на Буковині у 1940–1941 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2–4.

[4] Там же.

[5] *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 223.

области боевиками ОУН 7–8 июля было уничтожено 80 евреев, включая женщин и детей[1].

В селе Могильницы Тернопольской области членом ОУН Леонидом Козловским после отступления советских войск была организована «украинская милиция». Согласно показаниям односельчан, «в июле 1941 г. он арестовал три еврейских семьи: Гелис, Мендель и Ворун, состоявшие из 18 чел. стариков, подростков и детей в возрасте от 6 м[еся]цев до 12 лет. Все они были отведены в лес, где взрослых расстрелял, а детей от 6 м[еся]цев до 6 лет брал за ноги ударял их головами о дерево, затем бросал в яму»[2]. Аналогичные преступления были совершены товарищами Козловского Иосифом Корчинским и Петром Терлецким. Летом 1941 г. ими были расстреляны два сотрудника органов внутренних дел, секретарь местной комсомольской организации, председатель колхоза и две еврейские семьи[3].

А вот воспоминания жительницы Каменец-Подольской области Евгении Вайсбург: «В июле 1941 г. в с. Кузьмин приехали вооруженные бандеровцы и объявили, что уничтожат всех мужчин из местечкового населения. Мужчины переодевались в женское платье, и когда их находили, раздевали и нагих прилюдно расстреливали. Зашли в наш дом; мать, сестру и меня вывели во двор; били прикладами, а моему отцу приказали раздеться и его нагого в углу квартиры расстреляли»[4].

Следует отметить, что все эти преступления не были спонтанными; они организовывались местными представителями ОУН. Так, например, по свидетельству очевидца, в селе Улашковцы Чортковского района Тернопольской области убийству евреев предшествовал митинг, на котором член ОУН(Б) К. Шевчук заявил: «Нам нужно очистить

---

1 ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 928. Л. 57–59; *Вєдєнєєв Д., Биструхін Г.* Меч і тризуб. С. 164; *Веденеев Д. В.* Одиссея Василия Кука: Военно-политический портрет последнего командующего УПА. Киев, 2007. С. 62.

2 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп 11. Д. 7. Л. 231–234.

3 Там же.

4 *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 223; *Филькенштейн И. С.* Массовое уничтожение евреев Подолии // Катастрофа и сопротивление евреев Украины. Киев, 1999. С. 23–24.

нашу землю от евреев, украинцев, работавших при советской власти, и поляков»[1].

Интересно, что распространявшиеся в это время украинскими националистами листовки носили не только антиеврейскую и антипольскую, но и антицыганскую направленность:

> «Украинцы-красноармейцы, подумайте об этом, не допускайте обманывать себя. Вы посмотрите только на состав ваших подразделений [неразборчиво], жид[ы] и цыгане и другая сволочь, которые народы не имеют даже права на жизнь, про них не вспомнит ни один историк в мире. Украинцы-красноармейцы, вы наследники славных лыцарей козацких и как не стыдно вам ходить по лесам с жидами и цыганами и грабить своих братьев украинцев»[2].

В некоторых местах расправы над противниками ОУН и евреями приобрели псевдосудебный характер. Так, например, в Станиславской области тайными судами было осуждено около 450 чел., обвинявшихся в нелояльности ОУН(Б)[3], а в городе Черткове Тернопольской области, по свидетельству секретаря суда, рассматривались «дела главным образом людей, обвиняемых в сотрудничестве с НКВД, дела польские и еврейские»[4].

Тех евреев, которые оставались в живых, украинская милиция обязала носить повязки со «звездой Давида». Соответствующее распоряжение было, например, отдано Житомирской областной управой уже 11 июля 1941 г.: «Жидам приказываем немедленно зарегистрироваться в команде милиции, нашить на правую руку белую полоску с синей шестиконечной звездой и явиться на работу по очищению города»[5]. Аналогичное распоряжение издал глава Радеховской поветовой управы Мурович: «Приказываю вам позаботиться, чтобы жидовское население носило на руке белую полоску с синею шести-

---

1 ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 75. Д. 107. Л. 46.

2 ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 370. Л. 3 об.

3 *Веденеев Д. В.* Одиссея Василия Кука. Киев, 2007. С. 62.

4 Боротьба з аґентурою: Протоколи допитів... Кн. 1. С. 426.

5 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 259.

конечною жидовскою звездою. Кто бы не подчинился этому приказу и этой полоски не носил, надлежит его задержать»[1].

Украинцам запрещались контакты с евреями и поляками. В приказе одного из местных руководителей ОУН «Левко» от 1 августа 1941 г. указывалось:

«9. Запрещается с жидами здороваться и подавать им руку.

10. Запрещается продавать жидам и полякам пищу, следует бойкотировать тех, кто не выполняет этого указания»[2].

Евреи стали «законной жертвой» для вымогательства и грабежа. Деньги, полученные путем грабежа евреев, члены ОУН инвестировали в отобранные у евреев же предприятия, причем часть выручки шла на нужды организации. Вот свидетельство оуновца Евгена Липового:

«В месяце августе 1941 г., когда я работал в суде, ко мне пришли двое незнакомых мне тогда людей. Они представились мне — Сапищук и Совяк. Рассказали, что приехали из Германии и сейчас планируют в г. Ягольница торгово-промышленное предприятие. Ко мне они пришли просить, чтобы я замолвил за них слово крайсгауптману, чтобы он позволил им взять под контроль промышленный и торговый город Ягольницу. Дальше говорили, что имеют на это должную сумму денег, а если нужно будет больше, то у ягольницких евреев деньги есть. Доход, который они бы имели с этого дела, делили бы поровну, для себя и для ОУН... Они оба говорили, что являются членами ОУН...

В начале октября 1941 г. я покинул работу в суде и пошел работать учителем в с. Долина. В это время Сапищук и Совяк имели уже в г. Ягольнице пекарню, ресторан, магазин с продажей хлеба на карточки и потребительско-галантерейный магазин. Им материально очень хорошо жилось. Я начал ходить в их ресторан на обеды, а иногда на вечер. Я сам был свидетелем, как они вечерами переодевались в немецкую форму и вооруженные пистолетами шли в город грабить местных жидов...»[3]

---

[1] Там же. С. 282; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 15. Л. 42–43].

[2] *Motyka G.* Ukraińska partzyantka. S. 98 (со ссылкой на: ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 3. Л. 12).

[3] Боротьба з аґентурою: Протоколи допитів... Кн. 1. С. 578–579.

Полученные грабежом деньги шли на «национальную борьбу»: упомянутый в показаниях Сапищук исправно финансировал местную ОУН.

Аресты евреев проводились украинской милицией в тесном взаимодействии с оккупационными властями. Правда, в ряде случаев милиционеры за деньги отпускали арестованных евреев. Информация об этом вызвала негодование у руководства ОУН. 28 июня отдел пропаганды ОУН(Б) отправил в Службу безопасности ОУН следующее сообщение:

«Протоирей Табинский сообщил нам о следующем: наша милиция проводит сейчас вместе с немецкими органами многочисленные аресты жидов... По информации, которую получил о. протоирей Табинский, среди наших милиционеров есть люди, которые за деньги или за золото освобождают жидов, которые должны быть арестованы. Мы, к сожалению, по этому делу не получили никаких конкретных данных, однако посылаем Вам сообщение для информации и использования. Слава Украине!»[1]

О рвении, проявлявшемся украинскими националистами в борьбе с «нежелательными элементами», свидетельствует еще один внутренний документ — инструкция окружного Провода ОУН(Б) от августа 1941 г.:

«В каждом городе центр домоуправления должен быть в наших руках. Для этого брать людей из сел, ибо тогда будем иметь контроль над домами. Объяснить гестапо, что сегодняшние домоуправления являются основой польских и жидовско-большевистских организаций против Украины и Германии... Подготовить и представить окружному проводу ОУН списки поляков и жидов, их руководителей и офицеров»[2].

Аналогичный сценарий (сотрудничество с гестапо против евреев и поляков), как мы помним, реализовывался ОУН в 1940 — начале 1941 г. на оккупированной территории Польши[3]. Теперь же сотрудничество продолжалось.

Поддержка украинскими националистами антиеврейских акций, как правило, позитивно оценивалась нацистами; нам известно лишь

---

[1] ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 389; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 23. Л. 51].

[2] Там же. С. 465–466; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 46. Л. 50–51].

[3] Степан Бандера у документах... Т. 1. С. 99; [ГДА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 4. Л. 221–234].

несколько примеров, когда инициированные украинскими националистами еврейские погромы пресекались немецкой администрацией[1]. Однако оккупантов смущало то, что оуновцы не ограничивались преследованием евреев и коммунистов. Их жертвами становились и поляки. В донесении начальника полиции безопасности и СД от 18 августа 1941 г. ситуация описывается следующим образом: «Украинская милиция не прекращает разорять, издеваться, убивать... Поляки приравнены к евреям и от них требуют носить повязки на руках. Во многих городах украинская милиция создала такие подразделения, как "Украинская служба безопасности", "Украинское гестапо" и т. п. Городские и полевые коменданты частично разоружают милицию»[2].

Частичное разоружение «украинской милиции», к тому времени полностью контролировавшейся националистами, было для них очередным тревожным звонком. К этому времени немецкими властями уже были задержаны руководители ОУН(Б) Степан Бандера и Ярослав Стецко. Им объяснили, что ни о какой «независимой Украине» речь идти не может, что Украина должна стать немецкой колонией. Ярослав Стецко даже подвергся непродолжительному аресту: его задержали 9 июля, а 16 июля освободили[3]. В августе 1941 г. абвер принял решение прекратить поддержку ОУН(Б). Об этом Бандере сообщил курировавший его сотрудник диверсионного отдела «Абвер-II» Эрвин Штольце. «Когда я на встрече с Бандерой объявил ему о прекращении с ним связи, он очень болезненно реагировал на это, так как считал, что его связь с нами рассматривается как признание его в качестве руководителя националистического движения», — рассказывал впоследствии Штольце[4].

---

[1] Например, это произошло в селах Хоростков и Микульницы Тернопольской области: *Kiperman Z.* Years of Suffering, Pain and Struggle. URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/khorostkov/ kho337.html (дата обращения — 11.02.2012); *Horowitz N.* My Town During the Second World War. URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/mikulintsy/mik049.html (дата обращения — 11.02.2012).

[2] *Косик В. М.* Україна в Другій світовій війні... Т. 1. С. 253; Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 391; ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 447.

[3] *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists... P. 161; ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 3. Д. 7. Л. 4.

[4] ЦА ФСБ. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 27.

Тем не менее ОУН(Б) продолжала заявлять о поддержке нацистских властей. 1 августа 1941 г. Ярослав Стецко призвал украинцев «помогать всюду Немецкой армии разбивать Москву и большевизм»[1]. Аналогичный призыв был издан им 6 августа[2].

Решение Стецко нашло полную поддержку у руководства ОУН(Б) на Западной Украине. В августе краевой проводник ОУН(Б) И. Климов («Легенда») издал инструкцию № 6, в которой, в частности, приказывалось:

> «На всех домах, стенах, заборах и т. д. надписи: "Да здравствует Украинская самостийная соборная держава. Да здравствует Ярослав Стецко! Освободить Бандеру! Освободить Стецко! Не хотим, чтобы на Украину возвращались польские и жидовские господа и банкиры! Смерть москалям, полякам, жидам и прочим врагам Украины.
> Да здравствует Адольф Гитлер!
> Да здравствует Немецкая армия!
> Да здравствует наш Ортскомендант!"»[3]

В официальном обращении ОУН(Б) к активистам организации в августе 1941 г. отмечалось: «Организация украинских националистов не пойдет на подпольную борьбу против Германии и на этот путь не толкнут ее никакие предатели, ни враги»[4].

Аналогичные материалы появились в контролируемой бандеровцами прессе. «Украинский народ знает, что Организация украинских националистов под руководством Степана Бандеры ведет несгибаемую героическую борьбу за его свободу и независимость, за землю и власть для него, за его свободную, счастливую, государственную жизнь без колхозов и помещиков, без москалей, жидов, поляков, комиссаров и их террора, — говорилось в одном из августовских номеров газеты "Кременецкие вести". — Украинский народ также знает, что освободиться из московско-жидовского ярма помогла ему Немецкая армия. Она громит красных московских захватчиков — и потому ОУН

---

[1] ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

[2] Там же. Л. 3.

[3] ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 453, 483; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 46. Л. 36–37].

[4] Там же. С. 456.

сотрудничает с Немецкой армией и помогает ей и призывает к этому всех украинцев»[1].

Нетрудно заметить, что заявление ОУН(Б) о ее поддержке оккупантов насыщено антиеврейской риторикой. Удивляться этому не приходится: летом 1941 г. украинские националисты полностью поддерживали уничтожение нацистами евреев и принимали в нем активное участие. Всего, по подсчетам украинского историка А. Круглова, антиеврейские погромы состоялись как минимум в 143 населенных пунктах Западной Украины[2]; в большинстве случаев движущей силой этих погромов были активисты ОУН.

Весьма показателен тот факт, что инициируемые ОУН антиеврейские акции проходили не только в немецкой, но и в венгерской зоне оккупации, причем венгерские войска и администрация достаточно часто препятствовали погромам[3]. На наш взгляд, это дополнительно свидетельствует об инициативном характере проводимых активистами ОУН погромов: ведь, в отличие от нацистов, венгерские оккупанты к лету 1941 г. не имели планов уничтожения евреев.

Глава 4. Корректировка антиеврейского курса ОУН(Б)

К осени 1941 г. отношения между ОУН(Б) и нацистами стали подвергаться все новым и новым испытаниям. Агитация со стороны бандеровской фракции за «независимую Украину» вызвала недовольство нацистского руководства, рассматривавшего Украину как будущую колонию Третьего рейха. Отрицательно относились в Берлине и к борьбе, которую ОУН(Б) вела против сторонников Мельника.

---

1 Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 394.

2 *Круглов А.* Погромы в Восточной Галиции летом 1941 г. С. 335–340.

3 См., напр.: Encyclopaedia of Jewish Communities, Poland. Vol. 2: Eastern Galicia/ Ed. by D. Dabrowska, A. Wein, A. Weiss. URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/pinkas_poland/pol2_00512.html (дата обращения – 11.02.2012); URL: http://www.jewishgen.org/yizkor/pinkas_poland/pol2_00320.html (дата обращения – 11.02.2012), и т.д. См. также жалобы представителей ОУН(Б) о хорошем отношении венгерских войск к евреям: ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 397.

30 августа в Житомире были убиты двое членов Провода ОУН(М) — Омельян Сенник и Николай Сциборский. Руководство ОУН(М) немедленно возложило вину за это преступление на ОУН(Б)[1]. Бандеровская фракция заявила о своей непричастности к убийству[2], однако чаша терпения немецких властей оказалась переполнена.

13 сентября глава РСХА Гейдрих подписал директиву об аресте руководства ОУН(Б):

«Члены группы Бандеры с некоторого времени развернули особую активность с целью добиться самостоятельного украинского государства всеми средствами. Они призывали в широко развернутой пропаганде жителей Галиции и украинское население в области операций не только против немецких распоряжений, но также и к устранению своих политических противников.

До сих пор убито свыше 10 членов руководимой Андреем Мельником организации украинских националистов. Среди убитых находятся известные в украинских националистических кругах одни из главных руководителей ОУН — Сенник и Сциборский, которые 30 августа на одной из улиц в Житомире были убиты из пистолетов одним из членов группы Бандеры. Можно предположить, что члены группы Бандеры для осуществления своих политических целей будут совершать другие террористические акты...

Предлагаю следующее:

а) Арестовать всех играющих какую-либо роль в движении Бандеры руководителей по подозрению в содействии убийству представителей движения Мельника. Чтобы обеспечить полный успех, провести аресты в пределах государства, в генерал-губернаторстве и в районе операций одновременно, а именно в понедельник 15 сентября 1941 г. утром...

б) Закрыть бюро и конторы движения Бандеры и между прочим бюро Украинской службы по вопросам прессы в Берлине по ул. Мекленбургишештрассе, 78, а также Украинское бюро в Вене по Ландштрассе-Гауптштрассе. Произвести тщательный обыск в бюро и квартирах руководителей движения Бандеры, которые будут арестованы»[3].

---

[1] ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 489, 491; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 42. Л. 32].

[2] Там же. С. 493.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7. Л. 49–50.

Репрессии со стороны немецких властей стали для бандеровцев тяжелым ударом, однако надежда на возрождение сотрудничества у них оставалась. В официальных документах ОУН, таких как «Инструкция к проведению в жизнь цельной деятельности ОУН» от сентября 1941 г. и обращение краевого провода ОУН(Б) к украинским националистам от ноября 1941 г., нет ни одного антинемецкого лозунга[1]. Более того, 9 декабря ОУН(Б) в меморандуме на имя А. Розенберга вновь предложила нацистам свои услуги. «Большевистская Москва оставила на Украине много тайных агентов, — говорилось в меморандуме. — Они, так же как и присланные позднее, стараются вызвать враждебные настроения к украинскому национальному делу и к Германии. Разоблачение и обезвреживание этих агентов является задачей большой важности. Без подробного знания местности, без связи с местным населением нельзя успешно решить это задачу в краткие сроки... Для решения этих задач необходимо создание сильной службы безопасности, которая привлечет местные и национально-сознательные и безупречные элементы и будет сотрудничать с соответствующими немецкими структурами. Националисты с радостью примут участие в организации и работе такой службы безопасности»[2].

Однако нацисты сотрудничать с «группой Бандеры» не собирались. Более того: 25 ноября 1941 г. айнзатцкомандой «С-5» был отдан приказ о тайных расстрелах бандеровцев: «Все активисты бандеровского движения должны немедленно арестовываться и после тщательного допроса должны быть без шума ликвидированы под видом грабителей»[3].

Действия нацистских властей в буквальном смысле слова вынудили перейти ОУН(Б) на антинемецкие позиции. Однако на крайне негативное отношение бандеровцев к евреям это не повлияло. Согласно немецким документам, новый лозунг националистов, датируемый осенью

---

[1] ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 528–531, 547–552; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 1. Л. 210–211; Оп. 1. Д. 63. Л. 211–213].

[2] Там же. С. 565; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 22. Л. 16–17].

[3] Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 173; *Косик В. М.* Україна в Другій світовій війні... Т. 1. С. 365; ОУН в 1941 році. Ч. 2. С. 553.

1941 г., звучал так: «Да здравствует независимая Украина без евреев, поляков и немцев. Поляки за Сан, немцы в Берлин, евреи на крюк!»[1]

Как видим, переход украинских националистов в оппозицию к немецким оккупантам не повлиял на их крайне негативное отношение к евреям. Методы решения еврейского вопроса на Украине, выдвигаемые националистами, не были менее радикальными, чем методы нацистов. Возможно, что методы ОУН были даже *более* радикальными — ведь лозунг «евреи на крюк» был выдвинут раньше, чем состоялась Ванзейская конференция, утвердившая «окончательное решение еврейского вопроса».

Слова не расходились с делом; среди задач, которые ставились руководством ОУН(Б) перед подпольщиками, были не только внедрение на командные посты во вспомогательной полиции и местной администрации, но и уничтожение евреев и коммунистов[2].

Логика подпольной борьбы, однако, приводила к тому, что бандеровцы порою использовали евреев в своих интересах. Так, например, в сообщении полиции и СД из оккупированных восточных областей от 17 июня 1942 г. отмечалось, что деятельность ОУН(Б) велась в том числе на еврейские деньги: «Установлено, что даже евреи давали деньги; в основном к этому они вынуждались шантажом»[3]. Немецкими спецслужбами также были зафиксированы случаи, когда бандеровцы снабжали евреев поддельными паспортами[4].

При необходимости члены ОУН(Б) без зазрения совести сдавали евреев немцам. Так, например в начале 1942 г. в Ровенской области украинская милиция по приказу руководства ОУН(Б) создавала тайные склады оружия. Когда эти склады были обнаружены немцами, вину бандеровцы попытались переложить не евреев[5].

Сотрудничество членов ОУН(Б) с евреями весной 1942 г., разумеется, носило редкий и ситуативный характер. В официальных

---

[1] УПА в світлі німецьких документів. Кн. 3. С. 96.

[2] Там же. С. 95.

[3] *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 224; ОУН в 1942 році. С. 88; [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 76. Л. 613].

[4] *Косик В. М.* Україна в Другій світовій війні... Т. 2. С. 152–153; ОУН в 1942 році. С. 60.

[5] ОУН в 1942 році. С. 86; [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 76. Л. 613].

документах организации было зафиксировано по-прежнему негативное отношение к евреям. В апреле 1942 г. Вторая конференция ОУН(Б) приняла следующее постановление: «Несмотря на отрицательное отношение к жидам как к орудию московско-большевистского империализма, считаем нецелесообразным в настоящий момент принимать участие в противожидовских акциях, чтобы не стать слепым оружием в чужих руках и не отвлечь внимания масс от главных врагов»[1].

Нецелесообразность антиеврейских акций *«в настоящий момент»* обуславливалась еще и тем, что «еврейский вопрос» решали немцы и решали радикально. 6 августа 1942 г. областной провод ОУН(б) в Каменецк-Подольске не без удовлетворения констатировал: «Жидовскую проблему немцы решили сами. Свезли жидов до большевистских городов и там их постреляли. В небольшом числе находятся они еще в местечках, используемые на физических работах»[2].

Следует также отметить, что среди служащих украинской полиции, активно использовавшихся нацистами при проведении антиеврейских акций, имелось значительное число оуновцев. «Когда началась война, мы сразу создали подразделения украинского войска, — вспоминал впоследствии один из руководителей ОУН(Б) Василий Кук. — Когда мы увидели, что немцы к этому относятся враждебно и начали нас расстреливать, мы замаскировали это войско под полицию и там этих людей обучали»[3]. Сильное влияние ОУН на формирования украинской милиции признавалось и в немецких документах[4].

Таким образом, тайно находившиеся в рядах полиции оуновские кадры принимали непосредственное участие в акциях массового уничтожения евреев. То, что руководство ОУН, несмотря на имевшиеся

---

[1] Ідея і чин: Орган проводу ОУН, 1942–1946. Торонто; Львів, 1995. С. 52; ОУН в 1942 році. С. 82; [ЦДАГО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5].

[2] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 450; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 15. Л. 81–86].

[3] *Кук В.* УПА в запитаннях та відповідях Головного Командира. Львів, 2007. С. 18.

[4] См., напр.: ОУН и УПА в 1943 році. С. 98–99.

возможности, не препятствовало уничтожению евреев украинской полицией, свидетельствует о многом.

Пропаганда ОУН(Б) в 1942 г. по-прежнему носила отчетливый антисемитский характер. Так, например, в приуроченном к первой годовщине «Провозглашения Украинского государства» приказе краевого проводника ОУН(Б) от 30 июня 1942 г. в качестве врага упоминался «озверелый жидо-москвин»[1]. В вышедшем в тот же день обращении ОУН(Б) в число «врагов национального порядка» были включены немец, москаль, мадьяр, румын, жид и поляк[2]. При этом программа действий ОУН(Б) была сформулирована в обращении следующим образом:

> «Мы, украинцы, оказались в тяжелом положении. С одной стороны, московско-жидовское нашествие еще дышит своим угаром, а с другой — Германия со своей колониальной политикой уже дает хорошо себя чувствовать. Наша честь требует от нас защищаться.
>
> Одновременно идет еще бой с московско-жидовским большевизмом, и политический ум приказывает нам выжидать...
>
> Мы не ведем сегодня народ на баррикады, не идем в физический бой с новыми хозяевами Украины [нацистами] за завоевание территории. Нашим первым врагом является все-таки Москва...»[3]

Однако вскоре положения «еврейской» политики ОУН(Б) были немного скорректированы. Со второй половины 1942 г. призывы уничтожать евреев исчезли из печатной пропаганды бандеровцев[4]. При этом, однако, о принципиальном изменении политики по еврейскому вопросу речи не шло. Об этом свидетельствует «Инструкция о создании украинских вооруженных сил», разработанная в конце 1942 г.

---

1 ОУН в 1942 році. С. 97; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 42. Л. 64].

2 Там же. С. 100; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 16]; Степан Бандера у документах... Т. 1. С. 154; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 35. Л. 200–207].

3 Степан Бандера у документах... Т. 1. С. 157–158; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 35. Л. 200–207]; ОУН в 1942 році. С. 103; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 16–16 об]; Роман Шухевич у документах... Кн. 1. С. 345; [ГДА СБУ. Ф. 9. Д. 19. Л. 104–119 об].

4 *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 71.

в соответствии с решениями первой военной конференции ОУН(Б). Этот документ носил явно преемственный характер по отношению к инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны» (май 1941 г.). Точно так же, как и в 1941 г., националисты планировали радикально разрешить проблему «национальных меньшинств» в ходе создания украинской государственности:

«Главная военная команда требует от краевых военных команд:

С началом военных действий за независимость ликвидировать любой ценой вопрос национальных меньшинств. А чтобы этот вопрос ликвидировать, нужно нацменов — врагов народа — уничтожить.

1. Русских нацменов вообще нужно оставить в покое, потому что они на Украине сжились с народом и не представляют никакой угрозы. Они вместе с украинским народом (главным образом крестьяне) переживают всякие политические события. Русских же активистов, борющихся против украинцев, необходимо уничтожать, предварительно взяв их всех на учет, главным образом в маленьких городах, так как они являются врагами украинцев.

2. Евреев не следует уничтожать, но выселить их с Украины, дав им возможность кое-что вывезти из имущества. Считаться с ними нужно, потому что они имеют большое влияние в Англии и Америке.

3. Поляков всех выселить, дав им возможность взять с собой, что они хотят, так как их также будут защищать Англия и Америка. Тех же, которые не захотят уезжать — уничтожать. Активнейших врагов и среди них всех членов противоукраинских организаций уничтожить в день перед объявлением мобилизации. На учет они будут взяты заблаговременно районными и уездными военными командами. Уничтожением будет заниматься жандармерия и в отдельных случаях "СБ". Использовать для этого бойцов армии запрещается.

4. Мадьяр, чехов и румын не трогать, помня про ликвидацию Западного фронта.

5. Других нацменов СССР не трогать. Армян трактовать так же, как и евреев, учитывая, что они — преданные России люди»[1].

---

[1] *Патриляк І., Пагіря О.* Військова конференція ОУН(Б) 1942 р. С. 507–508.

Как видим, ОУН(Б) пошла на небольшое изменение подходов к «еврейскому вопросу». Надеясь получить поддержку со стороны Великобритании и США, бандеровское руководство отказалось от идеи уничтожения проживавших на территории Украины евреев, ограничившись их поголовным выселением. Однако эти «послабления» были скомпенсированы указанием на необходимость уничтожения евреев, воевавших в Красной Армии и партизанских отрядах и попавших в плен к националистам. Согласно инструкции, их следовало уничтожать: «Особое внимание обращать на русских и евреев. Политруков и евреев уничтожать»[1].

Помимо этого, в разделе «К вопросу о безопасности в командовании армии» предписывалось:

> «Все военные команды, начиная от станичных, должны уже в ближайшее время составить списки враждебного нам элемента, чуждого населения и враждебно настроенных к ОУН украинцев.
>
> Особое внимание обращать на агентов и доносчиков немецких и прислужников польских. Станичные и районные военные коменданты представляют список врагов уездным военным комендантам, которые при помощи взвода жандармерии осуществляют плановое уничтожение. Есть указания, чтобы это сделать за день до начала мобилизации. Уничтожение следует производить в строгой тайне и действительных врагов. Результаты скрывать как можно скорее, чтобы не оставлять следов»[2].

Как мы помним, в 1941 г. евреи уничтожались именно как «враждебный элемент»; с учетом этого процитированное положение инструкции 1942 г. подспудно носило антиеврейскую направленность.

Нетрудно заметить, что политика решения «еврейского вопроса», зафиксированная в военной инструкции конца 1942 г., практически полностью соответствовала аналогичным нацистским планам перед нападением на Советский Союз: выселение евреев, уничтожение евреев-военнопленных и комиссаров.

---

[1] Там же. С. 508.

[2] Там же. С. 509.

Однако в центре внимания ОУН(Б) в этот период был, разумеется, не «еврейский вопрос». К осени 1942 г. людоедская сущность нацистского оккупационного режима стала очевидна для всех жителей Украины. В то время как руководство ОУН(Б) призывало не вступать в столкновение с немцами[1], представители низовых структур этой организации добивались разрешения с оружием в руках сопротивляться грабившим и истреблявшим украинское население оккупантам. «Территориальные ОУН были по сути предоставлены самим себе, — вспоминал член Центрального провода ОУН(Б) Михаил Степаняк. — Особо отсталая работа наблюдалась по линии войсковой референтуры, тем более что к тому времени стали стихийно создаваться вооруженные отряды ОУН, которые вопреки желанию оуновского руководства имели тогда вооруженные столкновения с немцами»[2].

Несмотря на запрет руководства ОУН(Б), низовые структуры организации на Волыни продолжили создавать вооруженные формирования для борьбы с немцами; кроме того, на Волыни начали все более и более активно действовать советские партизанские отряды. В случае, если бы украинские националисты продолжали придерживаться политики непротивленчества оккупантам, симпатии населения оказались бы на стороне советских партизан.

Для разрешения создавшейся ситуации на Волынь был направлен специальный уполномоченный Провода ОУН(Б) — один из авторов военной программы Василий Ивахив. 15 февраля 1943 г. Ивахив провел совет Волынской ОУН(Б), на котором согласился с увеличением численности националистических вооруженных формирований. Одновременно он приказал не афишировать деятельность этих формирований, объяснив, что время вооруженного выступления еще не настало[3].

---

1 См., напр.: ОУН в 1942 році. С. 103; [ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 63. Л. 16–16 об]; Роман Шухевич у документах... Кн. 1. С. 345; [ГДА СБУ. Ф. 9. Д. 19. Л. 104–119 об].

2 Боротьба проти повстанського руху... С. 87; Роман Шухевич у документах... Кн. 1. С. 314; [ГДА СБУ. Ф. 6. Д. 75135-ФП, Л. 19–41; Ф. 65. Д. С-9079. Т. 1. Л. 17, 30–49].

3 *Мотика Г.* Антипольська акція ОУН-УПА. С. 33.

Буквально несколько дней спустя в селе Теребежи Львовской области под руководством Николая Лебедя состоялась III Конференция ОУН(Б), на которой был утвержден тезис о необходимости подготовки восстания против немецких оккупантов[1]. Это решение, однако, не удовлетворило многих руководителей ОУН(Б), считавших, что боевые действия нужно разворачивать уже «здесь и сейчас». Этой точки зрения придерживались краевой проводник Дмитрий Клячковский («Охрим», «Клим Савур») и член Центрального провода Роман Шухевич, причем, по их мнению, основным противником вооруженных формирований ОУН(Б) должны были стать советские партизаны и поляки[2].

К этому времени формирования ОУН(Б) на Волыни уже начали уничтожение поляков. В деревне Поросна Владимирского района националисты вырезали 21 польскую семью, в деревне Сохи Домбровицкого района в тот же день было уничтожено 30 семей поляков и группа советских партизан численностью 10 чел.[3] Однако пока это были одиночные акции.

В конце марта 1943 г. украинцы, служившие в сформированной немцами «вспомогательной полиции», массово ушли в лес. Масштаб этой акции был крайне значителен; в радиограмме командования одного из советских партизанских отрядов мы читаем следующее: «Во время движения нашей группы из Косинки каждую ночь встречали двигающихся шуцманов группами [по] 50, 150 и даже 400 чел...»[4]

Кем был отдан приказ о переходе вспомогательной полиции на сторону формирований ОУН(Б), к настоящему моменту неизвестно, однако в результате украинские националисты получили несколько тысяч боевиков, имевших опыт массового уничтожения мирного населения (ранее украинская «вспомогательная полиция» использо-

---

[1] Боротьба проти повстанського руху... С. 86; Роман Шухевич у документах... Кн. 1. С. 314; [ГДА СБУ. Ф. 6. Д. 75135-ФП. Л. 19–41; Ф. 65. Д. С-9079. Т. 1. Л. 17, 30–49].

[2] *Мотика Ґ.* Антипольська акція ОУН-УПА. С. 34 (со ссылкой на ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–4).

[3] Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 61; [ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1347. Л. 18].

[4] Там же. С. 65; [ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1387. Л. 3–5].

валась нацистами для убийств евреев). Отряды ОУН(Б) на Волыни превратились в серьезную силу и были преобразованы в Украинскую повстанческую армию. Появление УПА рассматривалось националистами как начало вооруженной борьбы за независимость. А начало вооруженной борьбы за независимость, согласно военной программе начала года, как мы помним, должно было сопровождаться решением проблемы «национальных меньшинств».

Поздней весной — летом 1943 г. отряды УПА организовали масштабные этнические чистки в районах проживания польского населения, в результате которых, по данным польских историков, было уничтожено 40 тысяч чел.[1] Еще одной жертвой этих этнических чисток, получивших название «Волынской резни», стали евреи, спасавшиеся от нацистских карателей.

К этому времени антиеврейские призывы практически исчезли из печатной пропаганды ОУН(Б)[2]. Однако в пропаганде устной они оставались. Пропагандисты ОУН(Б) призывали уничтожать не только местное польское население, но и евреев. «Священник сказал: "Братья и сестры, пришло время, когда мы сможем отомстить полякам, жидам и коммунистам", — вспоминал один из очевидцев»[3]. Те же лозунги мы находим в донесениях, направляемых в Украинский штаб партизанского движения (УШПД) советскими партизанами: «На собраниях крестьян призывают уничтожать коммунистов, жидов и поляков»[4].

Современными польскими исследователями обнародованы данные, подтверждающие информацию советских партизан. Так, например, 15 июля 1943 г. в селении Велицк Ковельского уезда украинские националисты убили более десяти человек польской национальности, а также еврейскую семью, спрятанную поляками.

---

1 *Макарчук С.* Втрати населення на Волині у 1941–1947 рр. // Незалежний культурологічний часопис «Ї». 2003. № 28. С. 197.

2 Одно из исключений — «Обращение к украинским националистам» мая 1943, в котором говорится о былом «господстве жидов». См.: ОУН и УПА в 1943 році. С. 143; [ДАВО. Ф. Р-1021. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

3 *Поліщук В. В.* Гірка правда. С. 221.

4 Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 62; [ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1347. Л. 18].

29 июля банда вооруженных украинцев напала на село Ставечки Влодзимирского уезда, убивая польские семьи. Были убиты топорами супруги Кулкиньски, семья Владислава Вицкевича со спрятанным ими молодым евреем. В том же месяце в селе Эльяшовка Здолбуновского уезда украинские националисты убили более десяти человек польской национальности, а также одного еврея, который там спрятался[1].

Эта информация подтверждается показаниями арестованных советскими правоохранительными органами членов ОУН и УПА. «Перед нашей боевкой была поставлена задача убивать и грабить всех поляков и евреев на территории Дедеркальского р[айо]на, — рассказывал впоследствии боевик УПА Федор Вознюк. — Я лично принимал участие в погроме поляков и евреев в Дедеркальском районе в с. Котляровка 10–15 мая 1943 г.»[2].

О действиях отряда под командованием оуновца Юзефа Гуменяка рассказывается в послевоенных показаниях еврейки Регины Крохмаль:

> «В начале 1943 г., это было в том самом населенном пункте, мы попросили директора Возняка, чтобы принял нас. Тогда директор Возняк дал нам убежище, сделал под полом бункер. Это продолжалось несколько недель, в один из дней сказал, что за нами следят. Однажды вечером я вышла, чтобы приготовить что-то покушать. В это время я увидела, что все здание было окружено бандой, во главе которой был Гуменюк Юзеф. Тогда бросили в бункер гранату. Некоторых убило на месте, а остальные получили ранения. Только две девушки не были ранены. Будучи в кладовке, я видела, как Гуменюк лично связал директора Возняка колючей проволокой и повесил на дверях. Затем отрезал ему пальцы, а когда директор кричал, отрезал ему язык и так его оставил. Девушек, которые остались живыми, Гуменюк с бандитами, было их около 20–25 чел., изнасиловали, затем убили ударом железного прута по голове, аж мозг брызгал на потолок. Было это в том же году. Банда подожгла село Корощатин, в центре села осталось несколько уцелевших зданий. Тогда Гуменюк со своей бандой собрал всех женщин и детей,

---

[1] *Prus E.* Holokaust po banderowsku. S. 172–173.

[2] Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 2. С. 894; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 1020. Л. 221–229].

которые остались, завел их в одну сушарку, распорол перины, насыпал на них перья и поджег. Все были сожжены живьем»[1].

Сведения об уничтожении евреев встречают и во внутренних документах УПА. Так, например, в отчете о деятельности отряда «им. Колодзинского» за осень 1943 г. упоминается уничтожение четырех евреев «в лесу за Островцами» и десяти «венгерских жидов» около с. Селец[2].

Организованные беженцами из гетто «семейные отряды» рассматривались командирами УПА как советские и как таковые уничтожались. Несколько сотен евреев, бежавшие из Тучинского гетто, смогли пережить зиму, «но условия жизни на протяжении нескольких месяцев в лесу, где по соседству располагались или проходили банды лжепартизан, грабителей и формирований ОУН-УПА, оказались гибельны почти для всех беглецов»[3].

«Вся [украинская] молодежь без исключения была вынуждена вступать в УПА. Была призвана в лес на несколько месяцев, где проходили учения, — вспоминал в этой связи комендант бережанского округа польской Армии Крайовой Ян Цисек. — Именно эти обучающиеся в лесах, где только встречали евреев, убивали, специально выискивая их укрытия»[4].

Следует напомнить, что значительную часть УПА составили ушедшие в лес военнослужащие украинской вспомогательной полиции — те самые, которые ранее использовались оккупантами для массового уничтожения евреев. Полученный опыт проведения этнических чисток они использовали при проведении «Волынской резни». Что же касается евреев, то их бывшие полицейские едва ли перестали рассматривать как объект уничтожения[5].

---

1 Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 2. С. 886–888; [Институт национальной памяти Республики Польша, 0192/336. Т. 29. Л. 21–21 об].

2 УПА і запіля на ПЗУЗ, 1943–1945. С. 173, 176 (со ссылкой на Государственный архив Ровенской области. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 89. Л. 12–13, 16–26).

3 *Беренштейн Л. Е., Елисаветский С. Я.* Евреи — герои Сопротивления в подпольной и партизанской борьбе против нацистских оккупантов на Украине, 1941–1945. Тель-Авив, 1998. С. 44.

4 Цит. по: *Prus E.* Holokaust po banderowsku. S. 167.

5 Оценку советским партизанским командованием роли украинской полиции в уничтожении евреев и создании УПА см.: Партизанская война на Украине... С. 57, 115.

Однако главная тяжесть борьбы с евреями и другими «нежелательными элементами» легла не на формирования УПА, а на подчинявшуюся ее командованию номинально самостоятельную структуру — Службу безопасности ОУН. Свидетельство этому мы находим в показаниях Алексея Кирилюка, бывшего адъютантом референта Службы безопасности на «Северо-западных украинских землях» Александра Присяжнюка (псевдоним «Макар»).

«До мая 1943 г. я разъезжал вместе с "МАКАРОМ" по селам Ровенского района. В мои обязанности входило выполнение поручений "МАКАРА" и охрана его.

Останавливаясь в селе, обычно "МАКАР" через меня вызывал к себе местный оуновский актив и разведчиков СБ, детально выяснял настроение местных жителей, ход поставок в УПА, количество и фамилии советских военнопленных, бежавших из немецких лагерей и проживавших в данном селе...

После отъезда "МАКАРА" в село приезжала "боевка" и по заданию "МАКАРА" уничтожала лиц из местного населения, высказывавших недовольство УПА, и советских военнопленных, бежавших из немецких лагерей.

В мае 1943 г. "МАКАР" вызвал меня к себе и заявил, что он очень доволен мною, а потому считает, что я вполне справлюсь с обязанностями коменданта "боевки" Ровенского района СБ, причем официально я буду именоваться "начальником полицейского исполнительного отдела".

На мой вопрос, что конкретно будет входить в мои функции, "МАКАР" заявил мне следующее:

"Для того, чтобы ОУН могла вести борьбу за создание "самостийной" Украины, необходимо уничтожить всех врагов оуновцев. А для этого нужно иметь всюду глаза и уши. Вот для чего и создана служба безопасности, состоящая из референтуры разведки, которая имеет в каждом селе своих разведчиков и "боевки" в составе 10–12 чел., непосредственно расправляющихся с нашими врагами.

В целом на службу безопасности руководство ОУН возложило следующие обязанности:

1. Уничтожать всех "врагов" УПА и ОУН, которым являются поляки, чехи, евреи, комсомольцы, коммунисты, офицеры и бойцы Красной Армии, работники милиции и лица из местного населения, высказывающие свои симпатии к Советской власти.

2. Задерживать и расстреливать всех военнопленных офицеров и бойцов Советской армии, бежавших из немецких лагерей.

3. Уничтожать вместе с семьями всех уклоняющихся от службы в УПА, сжигая их дома и отбирая имущество.

4. Следить за населением нашего района, чтобы оно своевременно выполняло поставки с-х продуктов для УПА, применяя физические репрессии в отношении саботирующих поставки. Под "физическими репрессиями" подразумевается расстрелы и экзекуция.

5. Выявлять и расправляться с лицами, ожидающими прихода частей Красной Армии.

6. Уничтожать по заданию руководства ОУН всех лиц, не интересуясь степенью их виновности.

7. Наиболее "опасных врагов" — коммунистов и работников НКВД, не допрашивая их лично, передавать "МАКАРУ".

Основа нашей работы — преданность делу ОУН. Пусть у вас не дрогнет рука, когда вы видите мучения своей жертвы. Помните, что чем больше уничтожите врагов, тем ближе час нашей победы».

Выслушав "МАКАРА" я понял, что на меня возлагается работа, которая меня интересовала и к этому же вполне устраивала, так как я мог жить дома, не боясь быть призванным в УПА, куда идти я не хотел ввиду слабого состояния здоровья.

В тот же день мы с "МАКАРОМ" поехали в с. Зарицк Ровенского района. В этом селе "МАКАР" представил мне участников "боевки"»[1].

Как видим, евреи были включены в число подлежащих уничтожению сотрудниками СБ ОУН «врагов». Аналогичные показания о задачах СБ ОУН были даны другим оуновцем, И. Кутковцем:

«В 1943 г. по приказу краевого провода референтура СБ выполняла следующие задания:

- проводила физическое уничтожение военнопленных Красной Армии;
- уничтожала польское население и сжигала их дома;
- физически уничтожала дезертиров из УПА и избивала шомполами лиц, уклоняющихся идти в УПА;

---

1 Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 1. С. 448–450; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 20. Л. 56–63].

- физически уничтожала скрывающееся по селам еврейское население»[1].

Наконец, в инструкции СБ ОУН за 1943 г. указывалось: «Преступников, болтунов, невиновных и виновных чужаков, пьяниц, паникеров, сексотов, тех, кто скрывает ляхов и других чужинцев. Уничтожать! Жидов, найденных в селах, следует допросить, а после этого — на восток»[2]. В свете приведенной выше информации не приходится сомневаться, что под фразой «отправить на восток» подразумевалось убийство[3].

Победа советских войск в битве на Курской дуге окончательно убедила руководство ОУН(Б) в неизбежности поражения Германии. В августе 1943 г. на отдаленном хуторе в Тернопольской области был собран III Чрезвычайный Великий съезд ОУН(Б). Отвечавший за пропаганду член Центрального провода Василий Охримович (псевдоним «Гармаш») сделал доклад о сложившейся международной обстановке. Страны «оси» войну проигрывают, а СССР выходит на арену как победитель, констатировал он. В то же время существуют противоречия между Англией и Америкой, с одной стороны, и СССР — с другой. В этой связи «Гармаш» предложил проводить следующую политику:

- направить работу организации на революцию в СССР путем создания единого фронта с другими народами СССР и военной активизации УПА;

---

1 ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 14. Л. 18–36; Документы изобличают. С. 97; Украинские националистические организации во Второй мировой войне. Т. 2. Док. 3-3.

2 *Антонюк Я.* Діяльність СБ ОУН на Волині. С. 97.

3 В немецких документах уничтожение евреев также очень часто заменялось понятием «переселение». Напр.: «8 и 9 февраля 1943 г. наша служба производит в г. Слуцке переселение проживающих там евреев... На территории переселения имеются 2 ямы. У каждой ямы работает по одной группе из 10 офицеров и солдат» («Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг.: Сборник документов / Фонд «Историческая память»; Сост. А. Дюков, В. Симиндей. М., 2009. С. 120–121).

- связаться с народами Европы, не входящими в состав СССР, для единых действий;
- добиваться поддержки со стороны Англии[1].

Однако для того чтобы создать «фронт порабощенных народов» и получить поддержку с Запада, ОУН(Б) необходимо было официально зафиксировать отказ от брутального преследования проживающих на украинской земле «инородцев», в первую очередь — поляков и евреев. Эти изменения были внесены: на съезде была утверждена новая программа ОУН(Б). «В программе был принята антиимпериалистическая, антифашистская и антирасистская позиция, — вспоминал член Центрального провода ОУН(Б) Михаил Степаняк. — Отмечалось равноправие всех народностей украинского государства в государственных и государственно-политических правах. Всего этого не было в предыдущих программах, поскольку они были чисто фашистские»[2].

Таким образом, бандеровская программа решения «еврейского вопроса» была радикально изменена. Бывшие объектом преследования евреи объявлялись полноправными гражданами Украины.

Однако даже после принятия постановлений III Чрезвычайного Великого съезда ОУН(Б) украинские националисты признавали право на существование далеко не всех евреев. В инструкции Главного командования УПА от 1 ноября 1943 г. есть следующие указания: «Распространять информацию, что мы допускаем все национальности — в том числе и жидов, которые трудятся на благо украинской державы. Они будут считаться полноправными гражданами Украины. Об этом говорить с врачами-жидами и другими специалистами, которые у нас работают»[3]. Как нетрудно заметить, в инструкции «допускались» не все евреи, а лишь те, кто «трудился на благо украинской державы».

Аналогичный тезис мы находим в датированных началом 1944 г. «Временных инструкциях». В этом документе содержится призыв к членам ОУН «не проводить никаких акций против жидов» по-

---

1 Роман Шухевич у документах... Кн. 1. С. 321–322; [ГДА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 1. Л. 30–49].

2 Там же. С. 324.

3 *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 73.

скольку «жидовское дело перестало быть проблемой (их осталось очень мало)». При этом в документе есть принципиально важная оговорка: «Это не относится к тем, кто выступает против нас активно»[1]. Очевидно, что это добавление открывало широкое поле для преследований евреев, которых всегда можно было объявить пособниками «московского большевизма».

Следует отметить, что, несмотря на изменения в программных установках ОУН(Б), отношение к евреям со стороны украинских националистов оставалось, как правило, негативным. Следует учитывать, что УПА в значительной степени была создана из командиров и солдат организованной немцами украинской вспомогательной полиции, совсем недавно участвовавших в антиеврейских акциях. Эти люди не изменили своего отношения к евреям. Когда командир советского партизанского отряда Ян Налепка пытался вести переговоры с представителями УПА, ему был дан такой ответ: «Если вы уберете у себя сначала всех евреев, тогда будем с вами вести переговоры»[2]. А комиссар Сумского партизанского соединения С. А. Руднев зафиксировал в своем дневнике, что националисты характеризовали советских партизан как «жидо-большевистских агентов»[3]. Показательно, что во внутренней документации УПА за 1943 г. встречаются такие определения, как «жиды, цыгане и прочая сволочь», исчерпывающе свидетельствующие об истинном отношении к евреям[4]. В пропаганде ОУН, обращенной к местному населению, летом 1943 г. присутствовал весьма характерный тезис:

---

[1] *Motyka G.* Ukraińska partzyantka. S. 297 (со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 233–235); *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 225; *Вайс А.* Отношение некоторых кругов украинского национального движения к евреям в период Второй мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2. С. 110.

[2] Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 103; [ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 253. Л. 20–22].

[3] Партизанская война на Украине... С. 104.

[4] УПА і запіля на ПЗУЗ, 1943–1945. С. 456; [ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 361. Л. 5–41]; Воєнна округа УПА «Буг»... Кн. 2. С. 40; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 376. Т. 83. Л. 258]; ОУН-УПА в Беларуси, 1939–1953 гг.: Документы и материалы / Сост. В. И. Адамушко, И. А. Валаханович, В. Д. Селеменев и др. . Минск, 2011. С. 95.

«Мы относимся к населению хорошо, не убиваем, только уничтожаем евреев, партизан и коммунистов»[1].

В этой связи не приходится удивляться тому, что, несмотря на пропагандистские заявления о равноправии всех национальностей, формирования УПА продолжали проводить этнические чистки. Различие между словами и делами украинских националистов хорошо отражено в сообщении, направленном в УШПД командиром действовавшего на Волыни крупного советского партизанского соединения Федорова: «Националисты в своей печати пишут и обвиняют русский народ в дикости и темноте. Одновременно в своих многочисленных листовках обращаются ко всем народам запада и востока с призывом строить свои независимые национальные государства. Вместе с тем ведут дикую необузданную кровавую расправу, уничтожая целиком все польское и еврейское население, а также всех других, независимо от национальности, сочувствующих советской власти и помогающих партизанам. Жгут, убивают, рубят топорами»[2].

Эта информация находит подтверждение и в документах УПА. Так, например, 2 апреля 1944 г. в одном из сел Перемышлинского повета было убито «9 поляков, две жидовки, которые были на службе у поляков»[3].

А вот показания очевидцев: «...В ночь на 18 марта [1944 г.] украинские националисты-бандеровцы учинили массовое убийство поляков в с. Могильницы. Они под видом советских партизан, в масках, врывались в дома поляков и производили самые жестокие издевательства над ними, резали их ножами, рубили топорами детей, разбивали головы, после чего с целью скрытия своих преступлений — сжигали. В упомянутую ночь бандеровцы замучили, зарезали и расстреляли до 100 чел. советских активистов, евреев и поляков. В эту же ночь была вырезана моя семья — жена, 17-летняя дочь и сын. В мой дом ворвалось до 15 националистов, среди которых я опознал... банде-

---

1 Украинские националистические организации во Второй мировой войне. Т. 2. Док. 3-32.

2 Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 130; [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 75. Л. 48–55].

3 Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 2. С. 1032; [ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 376. Т. 34. Л. 263].

ровца КРИЧКОВСКОГО Иосифа Антоновича, принимавшего непосредственное участие в убийстве моей семьи...»[1] Эти показания С. И. Яницкого были даны после освобождения села войсками Красной Армии; при их проверке в лесу около села Могильницы Будзановского района, в ямах было обнаружено 94 трупа жителей села, убитых бандеровцами 18 марта 1944 г.[2]

Польскими историками приводятся следующие примеры антипольских акций УПА осени 1943-го — зимы 1944-го г., в ходе которых пострадали евреи:

- Малая Паниковица (уезд Броды), тернопольское воеводство. Осенью 1943 г. бандеровцы напали на село и совершили резню поляков. Обнаруженных в селе евреев убивали четвертованием, то есть разрубанием на четыре части;
- Дрышков. Осенью 1943 г. бандеровцы убили двоих поляков после обнаружения в их домах спрятанных евреев. Евреев в количестве шести человек также истребили ударами ножей;
- Шумяны. В ноябре 1943 г. убито трое поляков, а в декабре того года семеро и сожжены их хозяйства. Спрятанным в конюшнях и овинах евреям не дали возможность выйти наружу. Сгорело одиннадцать еврейских семей;
- Быдло (уезд Рогатин). В ноябре 1943 г. бандеровцы убили ксендза Антони Вербовского, а также учителя Вробла. Обоих обвинили в укрывании евреев, выдачи которых потребовали. Евреи (пять человек), спрятанные в хитром тайнике, выжили;
- Язловец (уезд Бучач). В декабре 1943 бандеровцы совершили нападение на приход. Во время пыток ксендза Анджея Красицкого пытались заставить его выдать фамилии людей, укрывающих евреев. Другими словами, от священника требовали выдачи тайны исповеди. Ксендз молчал, был схвачен и где-то, в неизвестном месте, убит;
- Кудлубиска (гмина Олеско). В ночь со 2 на 3 октября 1943 г. бандеровцы убили одиннадцать человек — в том числе троих еврейских детей;

---

[1] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп 11. Д. 7. Л. 231–234.

[2] Там же.

- Руда Бродзка (уезд Броды). Бандеровцы напали на село в августе 1943 г., сосредоточившись главным образом у дома приходского священника, кричали: «Поп, выдай нам евреев!..» В январе 1944 г. уповцы напали на это село во второй раз, убили двадцать шесть поляков, сожгли семьдесят хозяйств. Вместе с поляками погибла еврейская семья, насчитывающая четырех человек;
- Барановка (уезд Брежаны). В декабре 1943 г. бандеровцы застрелили поляка, который кормил еврейскую семью, спрятавшуюся в лесу;
- Свитажув (уезд Перемышляны). Из опасения перед нападением бандеровцев, которые настойчиво требовали выдачи им евреев, польское население в начале 1944 г. оставило село, перебравшись в Сокал;
- Плебановка (уезд Трембовла). Осенью 1943 г. бандеровцы убили одиннадцать поляков, объявив, что они укрывают «врагов христианства и убийц Христа»;
- Малков (уезд Сокал). Зимой 1943–1944 гг. бандеровцы напали на село, сожгли его и расстреляли убегавших людей. Среди застреленных из пулеметов были евреи, которые также спасались бегством;
- Жабиньце (уезд Копычиньце). Бандеровцы совершили два нападения — в сентябре и декабре 1943 г. — всегда на дома, в которых находились евреи. Количество убитых тогда евреев неизвестно[1].

Разумеется, этот список не является исчерпывающим.

Также имеются сведения о передаче представителями УПА информации о еврейских отрядах немецким оккупационным органам. Так, согласно германским документам, в апреле 1944 г. «офицеры УПА» передали немецкой стороне информацию «о деятельности банд в районе Злочев — Борбрика — Подъясы — они сообщили о еврейской банде в Свирце, о польской банде в Висине и о русской банде в районе Подъясы...»[2]

---

[1] *Prus E.* Holokaust po banderowsku. S. 182–183.

[2] ГДА СБУ. Ф. 13. Д. 372. Т. 36. Л. 120–124. См.: Справка СБУ про діяльність ОУН-УПА от 30 липня 1993 року // Без права на реабилитацию. Киев, 2005. Кн. 2. С. 219.

Таким образом, несмотря на постановления III Чрезвычайного Великого съезда ОУН(Б), уничтожение боевиками УПА евреев осенью 1943 – зимой 1944 г. продолжалось. Исключение было, разумеется, сделано для «полезных» евреев, использовавшихся УПА.

К осени 1943 г. в подразделениях УПА имелось небольшое количество евреев. В своих воспоминаниях один из лидеров ОУН(Б) Николай Лебедь пишет: «Большинство врачей УПА были евреями, которых УПА спасала от уничтожения гитлеровцами. Врачей-евреев считали равноправными гражданами Украины и командирами украинской армии. Здесь необходимо подчеркнуть, что все они честно исполняли свой тяжкий долг, помогали не только бойцам, но и всему населению, объезжали территории, организовывали полевые больницы и больницы в населенных пунктах. Не покидали боевых рядов в тяжелых ситуациях, также тогда, когда имели возможность перейти к красным. Многие из них погибли воинской смертью в борьбе за те идеалы, за которые боролся весь украинский народ»[1].

Эти слова находят подтверждение в советских документах. 30 октября 1943 г. комиссар действовавшего на Волыни партизанского соединения Бегма сообщил в УШПД: «Националисты в Домбровице мобилизовали всех портных для изготовления теплой одежды на зиму. По последнему распоряжению штаба националисты сейчас принимают к себе всех, кроме поляков. В данное время среди националистов много евреев, особенно врачей»[2]. Аналогичная информация содержится в уже упоминавшихся показания оуновца И. Кутковца (февраль 1944 г.): «В последнее время террор против евреев прекратился. Врачей, сапожников, портных и др. специалистов из лиц еврейской национальности стали мобилизовывать в УПА»[3].

Наличие в УПА евреев-врачей подтверждается не только воспоминаниями украинских националистов и сообщениями советских партизан, но и внутренней документацией повстанческих форми-

---

[1] *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія... Кн. 1. С. 69.

[2] Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 107; [ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1350. Л. 108].

[3] ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 14. Л. 18–36; Украинские националистические организации во Второй мировой войне. Т. 2. Док. 3-3.

рований[1]. Более того, в воспоминаниях членов УПА мы находим упоминания о существовавших под контролем УПА небольших еврейских семейных лагерях[2].

Причины, по которым украинские националисты стали принимать у себя евреев, были сугубо прагматичными и никогда не скрывались руководителями УПА. Волынь была отсталой аграрной областью, большинство населения которой составляли крестьяне. Вплоть до войны около трети населения этой земли были элементарно неграмотными, а ремесленников и врачей имелось крайне мало[3]. Этот-то дефицит необходимых специалистов и заставил командование УПА использовать евреев. «По вопросу привлечения специалистов-евреев в банды УПА было специальное указание руководства, — рассказывал впоследствии на допросе один из украинских националистов. — Оно сводилось к тому, что, хотя немцы и украинские националисты уничтожают евреев, следует сделать исключение для специалистов, которые в целях спасения жизни согласятся служить в УПА, так как банды УПА остро нуждались в таких кадрах»[4].

Следует, впрочем, заметить, что наличие евреев в УПА сильно преувеличивается как оуновскими мемуаристами, так и современными украинскими историками-ревизионистами. Об этом свидетельствует проведенный Иваном Патриляком анализ недавно введенного в научный оборот источника — информационных карточек бойцов военного округа (ВО) «Богун» группы УПА-«Север». Численность формирований ВО «Богун» в конце 1943 г. составляла около 8–10 тысяч чел. В Центральном государственном архиве высших органов власти Украины сохранилось 1445 информационных карточек, что составляет примерно 17–20 % от общего числа бойцов. Подобная выборка

---

1 УПА і запіля на ПЗУЗ, 1943–1945. С. 114; [ЦДАВО. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 19. Л. 43; Воєнна округа УПА «Буг»... Кн. 1. С. 479].

2 См.: *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 75–76.

3 Об этом свидетельствуют документы УПА. См.: Волинь і Полісся: УПА та запілля, 1943–1944: Документи і матеріали. Київ; Торонто, 1999. С. 41; Волинь, Полісся, Поділля: УПА да запілля, 1944–1945: Документи і матеріали. Київ; Торонто, 2006. С. 397. Так, например, в июле 1941 г. в Тернополе имелось только два врача-украинца (Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. С. 329).

4 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 134. Л. 107.

позволяет реконструировать адекватный «коллективный портрет» бойца УПА[1]. Согласно этим данным, 98,27 % бойцов были украинцами и лишь 1,73 % представляли другие национальности: русских, узбеков, белорусов и т. д. Евреев среди них не оказалось ни одного[2].

Таким образом, боец УПА — еврей по национальности был скорее казусом; по всей видимости, привлекаемых евреев использовали, не включая в ряды УПА.

Одновременно с явным использованием евреев в УПА проходило их тайное уничтожение. Оно проводилось руками Службы безопасности ОУН. Эта структура занималась уничтожением евреев до принятия постановлений III Великого съезда ОУН(Б) и продолжала заниматься этим после.

В отчете референта Службы безопасности ОУН, захваченном советскими партизанами, исчерпывающе характеризуется реальная политика националистов: «Ранее СБ издала приказ — всех жидов-неспециалистов конспиративно уничтожить, чтобы жиды и даже наши люди не знали, а пускали пропаганду, что ушел к большевикам»[3]. Аналогичная информация содержалась в захваченном партизанами распоряжении референта СБ Жибурты: «Всех жидов-неспециалистов конспиративно уничтожать, распуская слухи про их уход к большевикам»[4].

Таким образом, евреи-неспециалисты тайно уничтожались практически сразу. Специалисты жили дольше, но при приближении Красной Армии их также убивали. Руководством ОУН и УПА тогда был издан целый ряд директив о тайном уничтожении «ненадежных элементов». Об этом говорится в показаниях командира ВО «Турив» группы УПА «Север» Юрия Стельмащука:

> «Была еще секретная директива центрального провода ОУН, которую также устно передал нам "КЛИМ САВУР" по линии СБ, о физическом

---

1 *Патриляк І. К.* «Еведенційні картки» УПА як статистичне джерело // Український визвольний рух. Львів, 2006. Зб. 6. С. 111.

2 Там же. С. 117–118.

3 Боротьба проти УПА... Кн. 1. С. 126; [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 75. Л. 94–95]. Ср.: *Антонюк Я.* Діяльність СБ ОУН на Волині. С. 65.

4 *Вєдєнєєв Д., Биструхін Г.* Меч і тризуб. С. 219. (Со ссылкой на: ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 277. Л. 2; Ф. 57. Оп. 4. Д. 451. Л. 10, 52).

истреблении всех советских военнопленных, находящихся на территории западных областей Украины, как способствующих распространению большевизма.

По линии УПА была секретная директива центрального Провода ОУН о физическом истреблении всех участников УПА русской национальности. В этой директиве предлагалось провести это истребление под видом отправки этих участников УПА в специальные "русские легионы".

Знаю еще одну секретную директиву центрального провода ОУН по линии СБ, которой предлагалось физически уничтожить всех членов семей лиц, заподозренных в антиоуновских настроениях, не исключая ни грудных детей, ни женщин, ни стариков»[1].

Аналогичная информация содержится в протоколе допроса коменданта СБ Млиновского района Ровенской области И. Яворского: «Мне известны следующие, полученные мною от надрайонного руководства СБ и районного коменданта ОУН, директивы и приказы по линии СБ: ... 7. Убивать вместе с семьями всех поляков, чехов и евреев. 8. Трупы убитых СБ жертв закапывать или сбрасывать в речку без посторонних свидетелей»[2].

Информация Стельмащука и Яворского подтверждается захваченным советскими органами госбезопасности приказом руководства ОУН от 13 марта 1944 г.: «Приказывается приступить к суровой ликвидации всех враждебных нам элементов, сексотов, резидентов (конфидентов) всяких национальностей, будь это украинцы, сексоты, или поляки, или все пленные восточники. В частности, приказывается — ликвидировать всех восточников на нашей территории. Все восточники, если они не являются агентами-разведчиками, то с прибытием большевиков перейдут на их сторону с данными про нас материалами. Обращаю внимание, что восточников, находящихся в рядах ОУН, не ликвидировать»[3].

В приказе волынской СБ ОУН от 11 марта 1944 г. читаем аналогичное указание: «Без промедления ликвидировать коммунистов

---

1 Поляки і українці між двома тоталітарними системами. Ч. 1. С. 442–444; [ГДА СБУ. Ф. 65. Д. С-9079. Т. 1. Л. 168–169].

2 ГАРФ Ф. Р–9478. Оп. 1. Д. 398. Л. 1–12; Украинские националистические организации во Второй мировой войне. Т. 2. Док. 3-41.

3 Там же. С. 330; [ГДА СБУ. Ф. 71. Оп. 9. Д. 22. Т. 3. Л. 341].

и жидов»[1]. Несколькими днями раньше, 3 марта 1944 г., организационная референтура краевого провода ОУН(Б) на Западных украинских землях поставила задачу чистки УПА «от ненадежных участников, а также особ неукраинского происхождения». Аналогичное требование содержалось в приказе командира группы УПА «Запад» В. Сидора («Шелеста») от 28 апреля 1945 г.[2]

Эти приказы неукоснительно исполнялись. Первой жертвой украинских националистов стали бывшие военнопленные, осевшие в селах. Некоторые из них были отпущены из лагерей в сорок первом, некоторые бежали — но в любом случае эти люди могли расконспирировать систему и методы действий бандеровских организаций. Поэтому Краевой провод приказал уничтожить всех. «Убийства носили самый зверский характер, — пишет историк Арон Шнеер. — Только в одном Гощанском районе Ровенской области было замучено и убито около 100 пленных. Трупы погибших, а в ряде случаев и живых людей с привязанным на шею камнем бандеровцы бросали в реку Горынь. Так были уничтожены тысячи пленных бойцов и командиров Красной Армии, в том числе и из украинцев восточных районов»[3].

Трудно представить, что, уничтожая своих соотечественников-украинцев по одному лишь подозрению в будущем сотрудничестве с «Советами», националисты могли пощадить столь ненавидимых ими евреев — тем более что в директиве организационной референтуры краевого провода ОУН(Б) на Западных украинских землях прямо говорилось о чистке УПА от «особ неукраинского происхождения». Исчерпывающим описанием судьбы состоявших в УПА евреев является следующая история, рассказанная одним из чудом уцелевших на Западной Украине беглецов из гетто:

> «Во время побега в лес и уничтожения лагеря Куровице некоторые "свободные" евреи установили связь с украинским подпольем, бандеровцами и начали с ними сотрудничать. — Эта инициатива была под-

---

1 *Motyka G.* Ukraińska partzyantka. S. 294–295 (со ссылкой на: ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 57. Л. 6).

2 *Вєдєнєєв Д., Биструхін Г.* Меч і тризуб. С. 288; *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. Київ, 1999. С. 91, 167.

3 *Шнеер А.* Плен: Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. С. 204.

держана бандеровцами, которые были заинтересованы в еврейских специалистах. Многим врачам и техникам лагеря Куровице бандеровцы предлагали помочь освободиться.

Доктор Старопольский и доктор Кальфус согласились и пошли к бандеровцам. Старопольский, честный и наивный человек, верил представителям украинских националистов, что ему не причинят вреда. Он был долгое время при них и оказывал раненым и больным медицинскую помощь.

К доктору Старопольскому и доктору Кальфусу украинские националисты присовокупили также одного стоматолога. Ему удалось бежать в день большого русского наступления — 22 июня 1944 г. он ушел в поля и, когда приблизился отряд русских, вышел из своего укрытия с поднятыми руками и стал перед ними. Он рассказал нам позже, что украинские националисты еще перед приходом русских убили доктора Старопольского и доктора Кальфуса, так как последние слишком много знали»[1].

Воспоминания, записанные исследователями Ш. Редлихом, Е. и В. Семашко, свидетельствуют, что еврейские семейные лагеря, находившиеся под контролем УПА, также были уничтожены вместе с жителями перед приходом войск Красной Армии[2]. По подсчетам польского историка Гжегожа Мотики, в общей сложности УПА было уничтожено примерно 1–2 тысячи евреев, большая часть из которых — на Волыни[3]. С учетом того, что к началу деятельности УПА на территории Западной Украины из евреев оставались в живых лишь немногочисленные беглецы из гетто, эта цифра очень значительна.

Как видим, постановление III Чрезвычайного Великого съезда ОУН(Б) о равноправии всех проживающих на Украине наций не оказало серьезного влияния на процесс уничтожения евреев формированиями УПА и СБ ОУН. Однако, несмотря на это, исключительно пропагандистским его назвать невозможно. Принятое на съезде постановление стало началом официального изменения программных установок украинских националистов по «еврейскому вопросу».

---

1 *Yones E.* Die Strasse nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstnd in Ostgalizein, 1941–1944. Frankfurt/Main, 1999. S. 111–112.

2 *Motyka G.* Ukraińska partzyantka. S. 295–297.

3 Ibid. S. 297.

Разумеется, далеко не все руководители ОУН готовы были отбросить привычные антисемитские взгляды. В 1944 г. главный идеолог украинского национализма Дмитрий Донцов подверг новую программу ОУН(Б) жесткой критике именно в связи с изменением подхода к еврейскому вопросу. «В программе нет отзвука укр[аинских] исторических традиций ни социальных, ни национальных, ни политических, — утверждал он. — И не только традиций казачества, но и недавних традиций повстанческого движения в годы 1917–1921 с их ксенофобией против пришельцев севера, антисемитизмом, религиозностью и частнособственническими тенденциями»[1]. По мнению Донцова, в программе ОУН необходимо было отметить, что «ментальность и политика мирового жидовства вредны для украинской нации и государственности. Борьба с жидовством — в интересах и традициях украинской нации»[2].

Донцову возразил молодой член Главного совета ОУН(Б) Осип Позичанюк, отметивший нецелесообразность старых подходов к «еврейскому вопросу». Его выступление достойно обширного цитирования:

> «После немецкой практики трудно (если не бессмысленно) играть этой картой сегодня. Тем более что жидовская проблема для Украины сегодня не существует... Что было к лицу... повстанческим атаманам, которые кроме антисемитизма и ксенофобии больше ничего не могли использовать, больше ничего не сделали и не могли сделать, поскольку это было выше их идеологических, политических и организационных возможностей, то не приличествует нам — поколению, перед которым стоит бóльшая задача, чем кустарная ксенофобия. Поэтому не уводите со столбовой дороги на антисемитские и ксенофобские приманки, потому что на них Гитлер с целым Рейхом поломал себе ноги... Нужно быть политически неграмотным, чтобы не понимать, что несмотря ни на какие наши традиции в жидовском вопросе, ныне по ряду причин надо любой ценой отмежеваться от антисемитизма. По той же причине, по которой нужно отмежеваться от любой тени гитлеризма. Потому что собственный наш народ распнет или изгонит, встанет на эту линию. Не потому, что народ симпатизирует жидам.

1 *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 83.

2 Там же.

А потому, что народ испытал от всемирных носителей этого антисемитизма — гитлеровских орд — еще большую трагедию, чем жиды, и любую подобную "политику" примет за продолжение уже слышанного, а ее носителей — за гитлеровских агентов... В программе [ОУН] не должно быть никакого антисемитизма и никакой-либо "фобии". В программе должны быть признаны права нацменьшинств и даже подчеркнуты льготы тем, кто будет сотрудничать и будет жертвовать в борьбе за Украинскую державу»[1].

Аргументация Позичанюка была цинична, но совершенно неопровержима. Наличие в программе ОУН(Б) антиеврейских положений означало невозможность найти поддержку на Западе и реальную возможность потерять поддержку отрицательно настроенного к нацистам населения Западной Украины. В то же время «еврейский вопрос» на Украине больше не существовал — он был радикально решен нацистами и (в гораздо меньшей степени) самими оуновцами. Так почему же не отказаться от антиеврейских тезисов?

Позиция Позичанюка была официально признана руководством ОУН(Б). Свидетельством тому является приказ командования Военного округа «Буг» от 5 сентября 1944 г. В отличие от инструкции Главного командования УПА для пропагандистских служб от 1 ноября 1943 г. и «Временных инструкций» 1944 г., в этом документе не было места разночтениям: «Жиды и другие чужинцы на наших землях: трактуемы как национальные меньшинства»[2].

Более того: декларацией дело не ограничилось. Руководство ОУН и УПА настойчиво добивалось его выполнения и категорически запрещало проведение антиеврейских акций. Политвоспитатели получили указания проводить с боевиками беседы о том, как необходимо относиться к евреям[3]. А в 1947 г., во время подготовки пропагандистских рейдов УПА на территорию Чехословакии, референт пропаганды ОУН на Закерзонье Василий Галаса специально обращал внимание командира уходящих в рейд подразделений Владимира Гошка о не-

---

1 *В'ятрович В.* Ставлення ОУН до євреїв. С. 84–85.

2 ЦДАВОВ. Ф. 3833. Оп. 2. Д. 3. Л. 5об.; *Motyka G.* Ukraińska partzyantka. S. 297; Воєнна округа УПА «Буг»... Кн. 1. С. 86.

3 Воєнна округа УПА «Буг»... Кн. 1. С. 86; [ЦДАВО. Ф. 3836. Оп. 1. Д. 15. Л. 2].

допустимости убийств евреев и ведения антисемитской пропаганды. «Ни при каких обстоятельствах нельзя убивать жидов и наносить им обиды, а также вести антисемитскую пропаганду, — писал Галаса. — Если в беседах затронут эту нему, необходимо максимально осуждать гитлеровские зверства. Пояснять, что на Украине, за которую воюем, будет иметь каждый человек, в том числе чешские и словацкие жиды, равные права и подобающую свободу. Если этого не будет нужно, не затрагивать жидовской темы вообще»[1].

Одновременно пропагандисты ОУН(Б) предприняли попытку «очистить» испорченную предшествующей антиеврейской политикой репутацию организации. В том же 1947 г. руководитель ОУН(Б) на Закерзонье Ярослав Старух подготовил брошюру под названием «К братским чешским и словацким народам» с кратким описанием истории и идеологии «украинского освободительного движения». В этой брошюре затрагивался и вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям. «Мы никогда не издавали и нигде не распространяли, ни у нас на Украине, ни тем более в Словакии антиеврейских листовок, — писал Старух. — Во всей нашей политической литературе, подпольных газетах и прокламациях ни теперь, ни во время немецкой оккупации напрасно вы будете искать хоть одно слово против жидов. Такие обвинения — это чистая выдумка и брехня. Во время немецкой оккупации во многих подразделениях УПА служили евреи, особенно врачи, где они нашли убежище и защиту, помогая своими знаниями бороться против террора немецких оккупантов»[2].

Разумеется, это была откровенная ложь, однако подобные утверждения из пропаганды ОУН перекочевали сначала в воспоминания оказавшихся на Западе оуновцев, затем в работы «диаспорных» историков и, наконец, — в исследования современных украинских историков-ревизионистов. Но это уже не история, а историография.

---

[1] *В'ятрович В.* Рейди УПА теренами Чехословаччини. Торонто; Львів, 2001. С. 172.

[2] Англомовні видання українського підпілля, 1946–1947. Торонто, 1988. С. 24; *В'ятрович В.* Рейди УПА теренами Чехословаччини. С. 55.

Заключение

Отношение Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии к евреям — одна из наиболее дискуссионных проблем в историографии ОУН и УПА. Исследователи этой проблемы разделились на два непримиримых лагеря. Одни считают, что ОУН и УПА принимали активное участие в уничтожении евреев, другие это отрицают. С обеих сторон звучат обвинения в политической ангажированности и использовании «пропагандистских штампов», порою вполне справедливые.

Несмотря на то что вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям неоднократно оказывался в сфере внимания исследователей, серьезные научные исследования стали появляться лишь во второй половине 1990-х гг. Исследователями были затронуты ключевые аспекты данной темы. М. Гон дал описание довоенных украинско-еврейских отношений. Усилиями таких историков, как Х. Хеер, М. Царинник, Б. Болл, А. Круглов и А. Ермаков, исследованы ключевые антиеврейские акции начала июля 1941 г. и вклад в них ОУН. Острые дискуссии разразились по вопросу об участии в убийствах евреев батальона «Нахтигаль» и «Буковинского куреня». Ф. Левитас, Ж. Ковба, И. Альтман, К. Беркгоф, М. Царинник и И. Химка исследовали политико-идеологические установки ОУН по «еврейскому вопросу», продемонстрировав ее антисемитское содержание. И. Химка и Т. Курило дали краткий, но весьма информативный обзор публикаций, касающихся «еврейского вопроса», в официальных и полуофициальных изданиях ОУН конца 1920–1930-х гг. Вопрос о служивших в УПА евреях и их судьбе предметом серьезного научного исследования так и не стал, несмотря на повышенное общественное внимание к данной проблеме. Одними из немногих историков, затронувших этот вопрос, стали Г. Мотика, описавший процесс уничтожения служивших в УПА евреев, и И. Химка, посвятивший участию УПА в истреблении евреев отдельное исследование. Одновременно в научный оборот был введен значительный массив документов по истории ОУН и УПА, позволяющий объективно и достаточно полно осветить вопрос об отношении ОУН и УПА к евреям. Несмотря на это, в период правления президента Украины В. Ющенко пользующееся серьезной государственной поддержкой украинские

историки-ревизионисты (В. Вятрович, А. Ищенко и др.) активно пытались внедрить в общественное сознание миф о непричастности ОУН и УПА к уничтожению евреев.

Документы свидетельствуют, что созданная в 1929 г. Организация украинских националистов изначально не имела четко сформулированной позиции по «еврейскому вопросу». Влияние антисемитских стереотипов ощущалось в среде украинских националистов достаточно сильно. Однако в рабочих материалах состоявшегося в начале 1929 г. I Конгресса украинских националистов антисемитских тезисов практически не встречается. Вопрос о политике по отношению к национальным меньшинствам (в том числе и евреям) оказался на периферии внимания конгресса.

Достаточно продолжительное время идеологи и пропагандисты ОУН ограничивались воспроизведением антисемитских тезисов о «московско-жидовском» господстве на Советской Украине и «еврейском засилье» в экономике. На страницах официального журнала ОУН «Построение нации» евреи рассматривались как враждебная украинцам национальная группа, теснейшим образом увязанная с «оккупационной» советской властью. Через некоторое время, однако, антисемитизм начал превращаться в одну из идейных основ ОУН. Первым доказательством тому стала статья Ю. Милянича «Жиды, сионизм и Украина», в которой впервые в официальной оуновской публицистике был поднят вопрос о необходимости решения «еврейского вопроса». Не давая прямого ответа на вопрос о формах решения «еврейского вопроса», автор статьи указывал, что во время создания независимого украинского национального государства «неминуемо» разгорится борьба с «жидовством» и что евреи, понимая это, всячески препятствуют созданию независимой Украины.

Тем не менее среди руководства ОУН были люди, считавшие возможным отказаться от привычных антисемитских стереотипов. Ответом на публикацию Милянича стала статья одного из главных идеологов организации Николая Сциборского «Украинский национализм и жидовство», в которой говорилось, что в будущей украинской державе евреи должны получить равные права с другими национальностями и возможность проявить себя во всех сферах общественной, культурной и экономической жизни. Однако эта публикация осталась не более чем казусом, не способным предотвратить быстрого пре-

вращения антисемитизма в одну из программных основ идеологии ОУН. Уже в следующем номере редакция «Построения нации» начала публикацию серии статей на еврейскую тему профессора Украинского вольного университета в Праге Александра Мицюка. Статьи Мицюка выходили в течение трех лет практически в каждом номере журнала, а впоследствии были изданы отдельной книгой под названием «Аграризация жидовства на фоне общей экономики». Работа Мицюка подводила «научную» основу под тезис о необходимости бороться с евреями и, несомненно, оказалась востребованной активистами ОУН, антисемитские настроения которых были сильны. Публикации же в оуновской прессе эти антисемитские настроения усиливали.

Практические последствия антиеврейской пропаганды украинских националистов проявились достаточно скоро: середина тридцатых годов ознаменовалась проведением членами ОУН масштабных акций бойкота еврейских товаров, поджогами еврейских домов, складов и магазинов. Эскалация ненависти к евреям способствовала утверждению в идеологии ОУН тезиса о необходимости решения «еврейского вопроса». В 1938 г. видный член ОУН В. Мартинец опубликовал статью, в которой рассматривал «еврейский вопрос» с точки зрения расовой теории. Вывод был ожидаемый: с евреями нужно было бороться как с врагами, стараться изолировать их или вообще выслать из Украины. Предложение Мартинца имело очевидные параллели с антиеврейской политикой, реализовывавшейся в нацистской Германии.

В начале войны против Польши нацистское руководство предполагало использовать сформированное из украинских националистов подразделение для уничтожения евреев и польской интеллигенции, однако стремительное завершение боевых действий помешало реализации этого плана. Тем не менее украинские националисты, проживавшие на территории оккупированной нацистами Польши, получили серьезные привилегии. Так, например, им могли передаваться дома и предприятия, отобранные у евреев. Подобный подход способствовал дальнейшей радикализации позиции ОУН по «еврейскому вопросу».

Процесс этой радикализации хорошо прослеживается при сопоставлении документов, связанных с подготовкой ОУН антисоветского восстания на Западной Украине. Весной 1940 г. одним из руководителей ОУН Виктором Курмановичем был разработан «Единый

генеральный план повстанческого штаба ОУН». В нем содержались указания о необходимости проведения в начале войны «поголовных расстрелов врагов». Однако кого следует понимать под «врагами», сказано не было. Территориальные представители ОУН сочли, что уничтожению наравне с представителями советской власти подлежат «враждебные национальные меньшинства», в число которых, по всей видимости, включались и евреи.

Это дополнение было учтено и развито в разработанной в мае 1941 г. членами ОУН(Б) инструкции «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Согласно этому документу, после нападения Германии на Советский Союз украинские националисты должны были начать уничтожение представителей советской власти, польских активистов и евреев. При этом евреи должны были преследоваться как индивидуально, так и в качестве национальной группы. После отступления советских войск сформированная националистами украинская полиция должна была приступить к арестам уцелевших представителей советской власти, активистов-поляков, пленных красноармейцев и евреев. Оставшиеся на свободе поляки, евреи и русские должны были быть поражены в правах: им должно было быть запрещено занимать государственные и хозяйственные должности. После окончания войны поляков и русских планировалось ассимилировать, а евреев — изолировать либо выслать из страны. Достаточно любопытно, что сформулированные в инструкции ОУН(Б) антиеврейские меры оказывались более жесткими, чем меры, которые следовало предпринимать против поляков. Этот парадоксальный, на первый взгляд, факт свидетельствует о весьма значительной роли антисемитского компонента в идеологии ОУН.

Позиция ОУН(М) по «еврейскому вопросу» была разработана гораздо хуже, чем у бандеровцев; впрочем, перед их боевиками также ставилась задача уничтожения евреев в период военных действий. Известно также, что мельниковцами планировалось ограничение правового статуса евреев в будущей украинской державе, а в издании «Краковские вести», контролируемом мельниковцами Украинского центрального комитета, содержались призывы к мести и расправе над евреями.

Нетрудно заметить, что антиеврейские настроения в ОУН развивались практически по тому же сценарию, что и в нацистской

Германии: от бытового антисемитизма — к борьбе с еврейской торговлей, а затем — к борьбе с самими евреями. К лету 1941 г. ОУН(Б) исповедовала практически идентичные нацистским взгляды на пути решения «еврейского вопроса». При этом, разумеется, евреи не были для бандеровцев главным врагом. Главным их врагом оставались Москва и поляки.

Нападение Германии на Советский Союз позволило обеим фракциям ОУН приступить к реализации планов по устранению «нежелательных элементов», в том числе — евреев. В дополнение к предвоенным инструкциям Краевым проводом ОУН(Б) был издан приказ о «коллективной ответственности (семейной и национальной) за все проступки против Украинской державы и ОУН»; таким образом, любой поляк и еврей вне зависимости от пола и возраста становился законной жертвой для преследования. Пропаганда обеих фракций ОУН призывала к уничтожению врагов — коммунистов, поляков и евреев.

Прямым следствием этого стали масштабные антиеврейские акции лета 1941 г. По подсчетам украинского историка А. Круглова, антиеврейские погромы состоялись как минимум в 143 населенных пунктах Западной Украины; в большинстве случаев движущей силой этих погромов были активисты ОУН.

Евреи уничтожались боевиками ОУН и «украинской милицией» как в сельской местности, так и в крупных городах. Наиболее масштабными стали акции по уничтожению евреев во Львове и Злочеве, во время которых националисты взаимодействовали с частями айнзатцгруппы «Б» и солдатами дивизии СС «Викинг». При этом в уничтожении внесенных в «черные списки» поляков и евреев во Львове участвовала часть военнослужащих украинского батальона «Нахтигаль».

Убийства евреев украинскими националистами часто сопровождались издевательствами. В полном соответствии с приказом Краевого провода ОУН(Б) о коллективной ответственности жертвами националистов становились не только евреи-мужчины, но и женщины с детьми. Зафиксированы случаи, когда расправы над евреями со стороны оуновцев прекращались немецкими солдатами.

Весьма показателен тот факт, что инициируемые ОУН антиеврейские акции проходили не только в немецкой, но и в венгерской зоне оккупации, причем венгерские войска и администрация достаточно

часто препятствовали погромам. На наш взгляд, это дополнительно свидетельствует об инициативном характере проводимых активистами ОУН погромов: ведь, в отличие от нацистов, венгерские оккупанты к лету 1941 г. не имели планов уничтожения евреев.

Несмотря на неудачу с провозглашением независимой «Украинской державы» летом 1941 г., руководство ОУН(Б) поддерживало действия оккупантов, в том числе — по решению «еврейского вопроса». Контролируемая националистами «украинская милиция» активно взаимодействовала с нацистами при проведении антиеврейских акций, обе фракции ОУН продолжали вести антиеврейскую и антипольскую пропаганду.

Уцелевших евреев ограничивали в правах, заставляли носить повязки со «звездой Давида»; они становились объектом вымогательств и грабежей со стороны членов ОУН. Аналогичные дискриминационные меры украинские националисты пытались распространить на поляков, однако это вызвало противодействие со стороны оккупационных властей.

Осенью 1941 г. немецкие оккупационные власти отказались от сотрудничества с ОУН(Б) и развернули против ее членов масштабные репрессивные акции. Таким образом, вопреки желанию руководства, ОУН(Б) оказалась в оппозиции к оккупантам. Переход на антинемецкие позиции, однако, не повлиял на антиеврейскую политику, проводившуюся бандеровцами. Новым лозунгом ОУН(Б) стал лозунг «Да здравствует независимая Украина без евреев, поляков и немцев. Поляки за Сан, немцы в Берлин, евреи на крюк!» Антиеврейская позиция организации была официальна подтверждена на Второй конференции ОУН(Б) в апреле 1942 г.; в то же время в постановлении конференции было упомянуто о «нецелесообразности» участия в антиеврейских акциях.

К осени 1942 г. низовые структуры ОУН(Б) стали стихийно создавать вооруженные формирования для борьбы с немецкими оккупантами. Одновременно на Западную Украину стали выходить советские партизанские соединения, а немецкое наступление «завязло» под Сталинградом. В этой обстановке была созвана Первая военная конференция ОУН(Б), на которой было принято решение об ориентации на Великобританию и США. В этой связи антиеврейская программа ОУН(Б) была немного смягчена: проживавших на украин-

ской территории евреев предполагалось «всего лишь» депортировать. Одновременно пленные политруки и военнослужащие-евреи должны были уничтожаться. Это решение было как будто списано с предвоенных нацистских планов.

Однако в жизнь оно воплощено не было. Весной 1943 г. на базе боевых отрядов ОУН(Б) и ушедших «в лес» формирований украинской вспомогательной полиции была сформирована Украинская повстанческая армия, приступившая к масштабным этническим чисткам на Волыни. Главной жертвой формирований УПА стали поляки; вместе с ними уничтожались скрывавшиеся от нацистских карателей евреи. Евреи так же преследовались бандеровской тайной полицией — Службой безопасности ОУН.

В пропагандистских целях на состоявшемся в августе 1943 г. III Чрезвычайном Великом съезде ОУН(Б) был принят тезис о равноправии всех проживающих на Украине национальностей — в том числе и евреев. Это постановление было широко использовано бандеровской пропагандой, оставаясь, впрочем, довольно далеким от реальности. Фактически было прекращено преследование лишь тех евреев, которых использовали в УПА в качестве ценных специалистов (например, врачей). Скрывавшиеся в лесах беглецы из гетто уничтожались по-прежнему — равно как и поляки. Вступавшие в УПА евреи, не располагавшие «полезной специальностью», в соответствии с директивой командования тайно уничтожались СБ ОУН. Незадолго перед приходом на Западную Украину войск Красной Армии СБ ОУН были ликвидированы служившие в УПА евреи-специалисты, бывшие советские военнопленные и украинцы-«восточники». Также были уничтожены вместе с жителями находившиеся под контролем УПА еврейские семейные лагеря.

Как видим, под влиянием внешних обстоятельств проводившаяся украинскими националистами антиеврейская политика подвергалась определенным коррективам. Характерное для начала войны брутальное преследование евреев в конце лета 1943 г. сменилось официальным признанием их «равноправия» и тайным уничтожением руками Службы безопасности ОУН. Однако по существу это не более чем косметические изменения: так или иначе, уничтожение продолжалось.

Руководство ОУН окончательно отказалось от проведения антиеврейской политики лишь в 1944 г. Это было сделано по вполне

прагматичным причинам: наличие в программе ОУН(Б) антиеврейских положений означало невозможность найти поддержку на Западе и реальную возможность потерять поддержку отрицательно настроенного к нацистам населения Западной Украины. В то же время «еврейский вопрос» на Украине больше не существовал — он был радикально решен во время нацистской оккупации.

Впоследствии пропагандисты ОУН(Б) предприняли попытку «очистить» испорченную предшествующей антиеврейской политикой репутацию организации, достигнув в этом определенных успехов. Утверждения о том, что ОУН никогда не проводила антиеврейской политики, из пропаганды ОУН перекочевали сначала в воспоминания оказавшихся на Западе оуновцев, затем в работы «диаспорных» историков и, наконец, — в исследования современных украинских историков-ревизионистов. Однако с действительностью эти утверждения не имеют ничего общего.

Определить точное число уничтоженных формированиями ОУН и УПА евреев не представляется возможным. Согласно подсчетам украинского историка А. Круглова, летом 1941 г. антиеврейские погромы произошли в 143 населенных пунктах Западной Украины. Эти погромы носили массовый характер, и формирования ОУН принимали в них более чем активное участие[1]. Что же касается общего числа убитых евреев, в историографии фигурирует лишь одна цифра: по мнению израильского исследователя Арона Вайса, на Западной Украине оуновцами было уничтожено около 28 тысяч евреев[2].

В заключение следует отметить характерную особенность Холокоста по-оуновски: евреи не были ни единственной, ни главной жертвой украинских националистов. Поляки и сочувствующие советской власти украинцы уничтожались боевиками ОУН и УПА одновременно с евреями и, как правило, в большем числе. Массовое уничтожение «чужинцев» и «предателей» оказалось одной из главных характеристик радикального украинского национализма. Эта тень падает и на тех, кто от имени современной Украины возводит боевиков ОУН и УПА в ранг национальных героев.

---

[1] *Круглов А.* Погромы в Восточной Галиции летом 1941 г. С. 340–341.

[2] *Вайс А.* Отношение некоторых кругов... С. 106.

ПРИЗЫВАЛ ЛИ ФРОНТ ЛИТОВСКИХ АКТИВИСТОВ К УБИЙСТВАМ ЕВРЕЕВ? ЛИСТОВКА «ДОРОГИЕ УГНЕТЕННЫЕ БРАТЬЯ» И ИСТОРИЯ ЕЕ БЫТОВАНИЯ[1]

«В течение последних трех дней литовские партизанские группы уже расстреляли несколько тысяч евреев»[2]. За лаконичностью этой строчки из сводки германской полиции безопасности и СД «О событиях в СССР» от 30 июня 1941 г. скрывается до сих пор недостаточно исследованный исторический сюжет. Оккупировав летом 1941 г. Литву, нацисты приступили к планомерному уничтожению местного еврейского населения. Однако убийства евреев осуществляли далеко не только сотрудники айнзацкоманды-3; литовские евреи становились жертвами так называемых литовских партизан — представителей антисоветского вооруженного подполья, объединенного Фронтом литовских активистов (Lietuvos Aktyvistų Frontas, ЛАФ). Руководство этой тесно связанной с нацистскими спецслужбами националистической организации базировалось в Берлине, координируя деятельность многочисленных подпольных ячеек на территории Литвы. Нападение Германии на Советский Союз стало сигналом для начала организованного ЛАФ вооруженного выступления, составной частью которого стали массовые убийства. Осуществляемые боевиками ЛАФ убийства евреев часто начинались еще до прихода передовых частей айнзатцкоманды-3, носили массовый характер и порою превращались в настоящую кровавую

---

1 Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* Призывал ли Фронт литовских активистов к убийствам евреев? Листовка «Дорогие угнетенные братья» и история ее бытования // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1 (6). С. 52–65.

2 *Кругов А. И.* Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг. Днепропетровск, 2008. Ч. 1. С. 50, 73.

вакханалию[1]. Именно сформированные из числа «литовских партизан» подразделения конвоировали евреев в печально известный концлагерь в VII форту Каунаса[2]; «партизаны» также участвовали и в организовываемых айнзацкомандой массовых расстрелах[3]. Обращение к нормативным, инструктивным и пропагандистским документам ЛАФ показывает, что антиеврейские акции «литовских партизан» не были случайностью. Ненависть к евреям была одной из важных составляющих пропаганды Фронта литовских активистов; руководством этой организации были разработаны и специальные планы по решению в республике «еврейского вопроса».

Так, в датируемой мартом 1941 г. инструкции Фронта литовских активистов «Указания по освобождению Литвы», посвященной вопросам подготовки антисоветского восстания, отмечалось: «Очень важно по случаю избавиться и от евреев. Поэтому следует создать в стране такую тяжелую атмосферу против евреев, чтобы ни один еврей не мог осмелиться допустить и мысли, что в новой Литве он сможет еще иметь какие-либо права и вообще возможность жить. Цель — заставить всех евреев бежать из Литвы вместе с красными русскими. Чем больше их по этому случаю исчезнет из Литвы, тем легче после будет совсем от них избавиться»[4]. В более поздней листовке «На века освободим Литву от жидовского гнета» отмечалось, что «во вновь восстанавливающейся Литве ни один еврей не будет иметь ни политических прав, ни возможности здесь жить». Для выполнения этой цели евреям предписывалось «незамедлительно покинуть литовскую землю», а их движимое и недвижимое имущество должно было быть конфисковано и передано наиболее активным членам ЛАФ[5].

---

1 См., напр.: Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen, Ludwigsburg. 202 AR-Z 21/58, 116.

2 *Кругов А. И.* Без жалости и сомнения. Ч. 1. С. 50, 53.

3 Там же. С. 138–141; Российский государственный военных архив. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 109–117.

4 Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.: Сборник документов / Сост. А. Р. Дюков. М., 2012. С. 128–129.

5 Там же. С. 163.

В настоящее время ни у одного серьезного исследователя не возникает сомнений в том, что ЛАФ был антисемитской организацией[1]. Дискуссионным, однако, оказался вопрос о том, входили ли в планы ЛАФ физические убийства евреев — или же речь все-таки шла лишь о насильственном изгнании их из страны? Один из ведущих литовских исследователей Холокоста профессор Людас Труска считает, что руководство ЛАФ не предусматривало убийств евреев. «Ошибаются, на мой взгляд, те еврейские авторы, которые утверждают, что накануне войны Германии с СССР ЛАФ побуждал литовцев уничтожать евреев, — пишет он. — Утверждения такого рода основываются на... воззвании "Дорогие порабощенные братья!", второй пункт которого заканчивается фразой: "Предатели будут прощены лишь в том случае, если они докажут, что ликвидировали хоть одного еврея". Печатный экземпляр этого воззвания хранится в Особом архиве Литвы. Цитируемая фраза является единственной в своем роде, и она никак не согласуется со всеми остальными документами ЛАФ, в которых говорится об отмене права евреев на гостеприимство, об изгнании

---

[1] См.: *Truska L.* The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations (June 1940 – June 1941) // Truska L., Vareikis V. Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje = The Preconditions for the Holocaust. Anti-Semitism in Lithuania. Vilnius, 2004; *Труска Л.* Литовцы и евреи накануне Холокоста (1940–1941 гг.) // Диаспоры. 2005. № 3; *Dieckmann C., Sužiedėlis S.* Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudenį = The Persecution and Mass Murder of Lithuanian Jews during Summer and Fall of 1941. Vilnius, 2006; *Dieckmann C.* Lithuania in Summer 1941: The German Invasion and the Kaunas Pogrom // Shared History – Divided Memory. Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941 / Ed. by E. Barkan, E. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007 и др. Наиболее масштабные публикации документов ЛАФ антисемитского содержания: *Truska L., Vareikis V.* Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje = The Preconditions for the Holocaust. Anti-Semitism in Lithuania. Vilnius, 2004 (на литовском языке, факсимиле); The LAF and the First Acts of the Provisional Government // The Shoah (Holocaust) in Lithuania / Ed. by J. Levinson. Vilnius, 2006 (на английском языке); Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.: Сборник документов / Сост. А. Р. Дюков. М., 2012 (на русском языке; литовский перевод: Holokausto išvakarėse: dokumentų rinkinys, 1940–1941 metai / Sudarytojas A. Diukov; Vertėjas V. Stančikas. Vilnius: Gairės, 2014.

из Литвы, но не о физическом их уничтожении. ...Кстати, в другом экземпляре того же воззвания, который хранится в Центральном государственном архиве Литвы, нет фразы, призывающей уничтожать евреев. В экземпляре Особого архива Литвы эта фраза стоит в **скобках**. Все это позволяет думать, что ее не писали в берлинском центре ЛАФ — ее добавил от себя (потому и в скобках) кто-то из отдельных распространителей прокламаций Фронта в Литве. Ведь воззвания ЛАФ не просто доставлялись туда через границу из Германии: полученные экземпляры в Литве размножались»[1]. Таким образом, заключает профессор Труска, «высказывания отдельных личностей или найденные листовки подпольных активистов, побуждающие убивать евреев, являются лишь исключениями, подтверждающими правило»[2]. Эту точку зрения воспринял и германский историк К. Дикманн, автор капитальной монографии, посвященной антисемитизму в Литве в годы Второй мировой войны[3].

Нетрудно заметить в данном подходе отчетливое стремление снять с ЛАФ прямую ответственность за массовые убийства евреев летом 1941 г., представив участие боевиков ЛАФ в убийствах некой «частной инициативой», отличной от официальной политики организации. Но насколько основательна подобная аргументация?

Прежде всего, стоит отметить, что, вопреки мнению Л. Труски, прямые упоминания об убийстве евреев встречаются не только в листовке «Дорогие угнетенные братья», но и в других в документах ЛАФ. Так, например, в пункте 3 листовки «На века освободим Литву от жидовского гнета» отмечается: «Если выяснится, что в решающий час расчета и возрождения Литвы совершившие преступление евреи находят возможность тайно куда-то скрыться, то все честные литовцы обязуются принять собственные меры для задержания таких евреев и, в особо важных случаях, совершить казнь»[4]. Поскольку определение меры «преступности» бегущего еврея и степени «важности» его казни

---

[1] *Труска Л.* Литовцы и евреи накануне Холокоста... С. 216–217.

[2] Там же. С. 217.

[3] *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen 1941–1944. Göttingen, 2011. Bd. 1. S. 252–253.

[4] *Truska L., Vareikis V.* Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje... P. 269; Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов... С. 163.

предоставлялось исполнителям, этот пункт открывал широкий путь для убийств.

Давайте теперь подробно рассмотрим историю бытования в Литве листовки «Дорогие угнетенные братья». Л. Труска абсолютно прав, указывая то, что при наличии различных вариантов этой листовки необходимо провести специальную работу по сравнению их содержания и выявлению протографа — то есть первоначального варианта, разработанного пропагандистами ЛАФ в Берлине и затем переданного для размножения и распространения в подпольные организации на территории Литвы. Вместе с тем мнение Л. Труски о том, что протографом листовки является тот ее вариант, в котором отсутствует фраза «Предатели будут прощены лишь в том случае, если они докажут, что ликвидировали хоть одного еврея», плохо обосновано.

Далее для простоты изложения мы будем именовать *B1* тот вариант листовки, в котором присутствует фраза «Предатели будут прощены лишь в том случае, если они докажут, что ликвидировали хоть одного еврея», и *B2* — тот вариант листовки, в котором она отсутствует. Приведем полные тексты этих листовок.

В1.

ЛИТОВСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО В БЕРЛИНЕ

19 марта 1941 г.

борисъ
Соотечественникам порабощенной Литвы

Дорогие угнетенные братья!

Час освобождения Литвы приближается. Результаты нашего кропотливого многомесячного труда и ваших мучений от азиатского гнета налицо. Нам поручено срочно проинформировать вас по следующим вопросам.

1. В порабощенной Литве распространилась информация, что теперь в Берлине создано будущее правительство Литвы. Это не совсем соответствует действительности. В настоящее время в Бер-

лине действуют правления (представительства) организационной взаимопомощи, которые озабочены освобождением Литвы. Будущее правительство новой Литвы будет создано из лучших сынов Литвы, которые, учитывая прошлые наши ошибки, сумеют направить Литву по новому пути. Понятно, что никакой литовец не может играть какую-либо роль, если он сейчас за границей или в порабощенной Литве ведет себя пассивно.

2. Как мы упоминали, час освобождения Литвы уже близок. Как только начнется поход с запада, вы в ту же минуту будете оповещены по радио или другим способом. В этот момент в городах, селах и деревнях порабощенной Литвы должны произойти местные восстания или, вернее говоря, захват власти в свои руки. Немедленно надо схватить местных коммунистов и других предателей Литвы, чтоб ни один не избежал возмездия за свои деяния. (Предателя простят только в том случае, если он докажет, что ликвидировал хоть одного еврея.)

3. Мы уверены, что вы организационно уже подготовлены. Там, где еще не подготовились, организуйтесь в малые тайные группы. Вы уже знаете, что и среди литовцев есть много предателей, поэтому в этот решающий момент будьте очень осторожны.

4. После начала действий захватите в свои руки тюрьмы, чтобы ни один сын нашей родины не был вывезен в азиатскую страну. Было бы хорошо, чтоб как-нибудь это известие попало к ним в тюрьму для их спокойствия.

5. После начала действий захватите мосты, важные железнодорожные узлы, аэродромы, фабрики и т. д. Не уничтожайте их и не позволяйте уничтожать русским, особенно мосты. Это имеет большое значение с военной и экономической точки зрения.

6. Уже сейчас “проинформируйте” евреев, что их судьба ясна, поэтому, кто может, пусть уже сейчас убирается из Литвы, чтобы не было ненужных жертв. В решающий момент захватите их имущество в свои руки, чтобы ничто даром не пропало.

7. После начала действий в тылу будут выброшены военные парашютисты. Немедленно установите с ними связь и при необходимости помогите им.

8. По деревням, городкам и городам пройдут немцы, в рядах которых будет много и вам хорошо знакомых соотечественников. Всех встречайте одинаково любезно и сердечно и оказывайте необходимую помощь. К тому времени должно быть уже организовано временное правительство новой Литвы.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, мы накануне очень серьезных событий. Услышав боевые фанфары, все, остатки раздробленной нашей армии, уважаемые добровольцы Литвы, стрелки, ученики, крестьяне — все, кто не хочет служить красному террору, временно бросьте свои непосредственные обязанности и, кто только может, встаньте на помощь новой Литве.

Первые наши добровольцы на горе Гедиминаса подняли знамя Литвы. Сегодня обязанность наших детей — убрать оттуда красную тряпку, и пусть на ее месте снова развевается величественное знамя Новой Литвы.

Сейчас будьте решительны, будьте осторожны. Избегайте ненужных жертв.

До свидания в новой Литве!

Литовское информационное бюро.

P. S. Это сообщение письменно или устно должно дойти до самых отдаленных уголков Литвы[1].

---

[1] Lietuvos ypatingasis archyvas (Особый архив Литвы, далее — LYA). Ф. 3377. Оп. 48. Д. 712. Л. 212. Машинопись, на литовском языке. Опубл.: *Truska L., Vareikis V.* Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania. Vilnius, 2004. P. 264 (факсимиле). Русский перевод 1941 г.: LYA. Ф. К-1. Оп. 10. Д. 4. Л. 175–177. Машинопись. Опубл.: Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. / Сост. А. Р. Дюков. М., 2012. С. 151–153. Русский перевод варианта листовки, изъятого у членов подпольной литовской националистической организации «Пятая колонна»: Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ). Ф. 100. Оп. 11. Д. 13. Л. 259–261. Копия, машинопись. Публикуемый в настоящей статье перевод с литовского языка выполнен В. Шарасом.

В2.

Литовское информационное бюро в Берлине

БОРИСЬ!
Соотечественникам порабощенной Литвы.

ДОРОГИЕ УГНЕТЕННЫЕ БРАТЬЯ!

Приближается час освобождения Литвы. Результаты нашей многомесячной кропотливой работы и ваших мучений под азиатским гнетом налицо. Нам поручено срочно сообщить и проинформировать вас по следующим вопросам:

1. В порабощенной Литве распространилось известие, что сейчас (в Берлине) создано будущее правительство Литвы. Это не совсем соответствует действительности. Сейчас в Берлине действуют представительства правления организационной взаимопомощи, созданные из лучших сыновей Литвы, которые, имея в виду наши прошлые ошибки, смогут направить Литву по новому пути. Понятно, что никакой литовец не может играть роль, если он сейчас пассивен за границей или в порабощенной Литве.

2. Как уже упоминалось, час освобождения Литвы настал. О начале похода с запада вы сразу же будете проинформированы по радио или другим способом. В это время в городах, селах и деревнях порабощенной Литвы должны произойти местные восстания или, точнее говоря, захват власти в свои руки. Немедленно нужно схватить местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы ни один не избежал расплаты за свои деяния.

3. Мы уверены, что вы организационно подготовились; там, где еще не подготовились, организуйтесь в малые скрытные группы. Вы уже знаете, что и среди литовцев есть много изменников, поэтому и в этот решающий момент будьте очень осторожны.

4. После начала действий захватите в свои руки тюрьмы, чтобы ни один из сыновей нашей родины не был вывезен в страну азиатов. Было бы хорошо, чтобы это известие каким-нибудь путем попало к ним в тюрьму ради их спокойствия.

5. После начала действий занимайте мосты, крупные железнодорожные узлы, аэродромы, фабрики и др. Их не уничтожайте и не

позволяйте уничтожать русским. Это имеет большое значение с военной и экономической точки зрения.

6. Уже сегодня проинформируйте евреев, что их судьба ясна. Поэтому, кто может, пусть убирается из Литвы, чтобы не было ненужных жертв. В решающий момент захватывайте их имущество, чтобы ничто даром не пропадало.

7. После начала действий в тылу будут выброшены военные парашютисты, сразу устанавливайте с ними связь и оказывайте необходимую помощь. К этому времени всюду должна быть установлена власть правительства Новой Литвы.

Соотечественники, мы накануне очень серьезных событий. Услышав боевые фанфары, все — остатки нашего рассеянного войска, почитаемые добровольцы Литвы, стрелки, ученики, крестьяне, все, кто не хочет служить азиатскому террору, временно бросайте свои непосредственные обязанности и, кто только может, вставайте на помощь Новой Литве.

Первые наши добровольцы на горе Гедиминаса установили Знамя Литвы, сегодня наша всех обязанность удалить оттуда красную тряпку, и пусть на его месте развевается величественное знамя Новой Литвы.

В это время будьте решительны и осторожны. Избегайте ненужных жертв!

До свидания в Новой Литве!

ЛИТОВСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО

P. S. Это сообщение устно или письменно должно достичь самых отдаленных уголков Литвы.

Замечание. Этот документ размножен и желательно его размножить еще, чтобы достигло самых отдаленных уголков Литвы.

Да здравствует свободная независимая Литва![1]

---

1 LCVA. Ф. R-756. Оп. 6. Д. 55. Л. 4. Машинопись, на литовском языке. Опубл.: *Truska L., Vareikis V.* Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania. Vilnius, 2004. P. 265–266 (факсимиле). Публикуемый в настоящей статье перевод с литовского языка выполнен В. Шарасом.

Листовка «Дорогие угнетенные братья» стала распространяться представителями подполья ЛАФ в Литве весной 1941 г. Сохранившиеся документы НКГБ свидетельствуют о массовости распространения этой листовки. Так, в датируемых 19 мая 1941 г. обширных «Материалах об итогах оперативной работы НКГБ Литовской ССР» отмечается: «В последних числах апреля м-ца и первых числах мая отмечены многочисленные случаи распространения к-р листовки отпечатанной на машинке и размноженной на шапирографе под заголовком: "ЛИТОВСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО В БЕРЛИНЕ" и далее в углу призыв — "Ковок" — "борись" (*пер.*). Эти листовки распространялись в разных местах гор. Каунаса; одна листовка обнаружена и изъята в столярной мастерской Промстройтреста, находящегося на улице Ионавос, дом № 72; две штуки вынуты из почтового ящика, один экземпляр обнаружен по улице Жалиой, одна листовка обнаружена милиционером на каменной лестнице на Зеленой горе. Один экземпляр обнаружен в Алексотах, около соляной мельницы, три экземпляра обнаружены во дворе по улице Бенедиктину, 39. Отмечены также факты распространения этих же листовок на периферии в Луокес волости, Тельшайского уезда, по гор. Тракай, гор. Мажейкяй, гор. Кретинге и гор. Вильнюс. Листовка призывает "литовцев" в случае войны Германии с СССР оказывать полное содействие германским десантам в городах и деревнях, захватывать аэродромы, почту и совершать диверсионные акты в тылу частей РККА»[1]. Приведенное описание не позволяет усомниться, что речь в данном документе идет именно об интересующей нас листовке «Дорогие угнетенные братья». Органами НКВД-НКГБ Литвы были зафиксированы также случаи устного изложения ключевых тезисов листовки[2].

НКГБ Литвы листовка «Дорогие угнетенные братья» стала известна задолго до начала ее массового распространения подпольем ЛАФ. В Особом архиве Литвы сохранилось датируемое 28 марта 1941 г. спецсообщение наркома госбезопасности Литовской ССР П. А. Гладкова, в котором приводится полный русский перевод листовки и рассказывается о том, как она попала в руки чекистов. «17-го марта с. г.

---

[1] Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов... С. 335–336.

[2] Там же. С. 204.

к нашему агенту "Балтийская", которая перед выездом в Литовскую ССР была завербована гестапо, явился связист, по обусловленному паролю. Этот связист оказался некто БОРТКЕВИЧУС, который, расспросив о ее разведывательной работе, передал ей листовку, которую она должна была вручить офицеру бывшей литовской армии, фамилия которого не установлена»[1]. Далее в спецсообщении приводится полный перевод перехваченной листовки. В пункте два мы видим вызвавшую сомнение Л. Труски фразу: «Предателя простят только в том случае, если он докажет, что ликвидировал хоть одного еврея»[2].

Следует отметить, что в данном переводе упомянутая фраза взята в скобки — точно так же, как в выявленном Л. Труской B1. Это позволяет предположить, что перевод делался сотрудниками НКГБ Литвы как раз с B1. Как следует из спецсообщения П. А. Гладкова, эта листовка была получена из Германии (где базировалось руководство ЛАФ) для передачи в подполье — то есть не содержала искажений, которые могли возникнуть при размножении подпольщиками. Уже это позволяет надежно решить вопрос о том, какой из выявленных Л. Труской вариантов листовки является первичным. Существуют, однако, и другие аргументы в пользу того, что протографом является именно вариант с фразой о ликвидации евреев.

В нашем распоряжении имеется еще одно свидетельство о перехвате листовок B1 на границе Литвы. В обширном интервью сотрудника НКГБ Литовской ССР Н. Н. Душанского, данном им незадолго до смерти, содержится информация о перехваченной на границе листовке с интересующим нас пунктом: «В конце апреля был задержан агент организации ЛАФ с пачкой листовок на литовском языке, в упаковке, на которой было написано — "Вскрыть только 22/06/1941". И мне довелось первому переводить текст этой листовки, начинавшийся следующими словами — "Освобождение идет с Запада. Только Гитлер освободит Литву от еврейского большевистского ига!" А дальше шли 12 пунктов воззвания к литовскому народу. Первый пункт меня "убил наповал". Он гласил — "Упраздняется постановление князя Витовта Великого о приглашении евреев на проживание в Литовском

---

1 Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов... С. 151.

2 Там же. С. 152. Об обстоятельствах получения листовки см. также: LYA. Ф. К-1. Оп. 45. Д. 21. Л. 24.

княжестве". Был там и такой пункт, что тот, кто запятнал себя в сотрудничестве с Советами и хочет заслужить прощение литовского народа — должен убить еврея и предоставить новым литовским властям свидетельство об этом... Листовка была подписана в Берлине генералом Раштикисом, первым премьером будущего нового правительства Литвы»[1]. Рассказ о наличии на пачке листовок секретной даты нападения Германии на СССР, конечно, выглядит предельно сомнительно — тем более что распространение подобных воззваний в Литве вовсе не приурочивалась к 22 июня, а осуществлялось всю весну 1941 г.[2] Что же касается содержания описываемой Н. Н. Душанским листовки, то находившийся в преклонном возрасте чекист явно цитирует не одну листовку, а несколько. Это листовка «Отмена гостеприимства евреям»[3], листовки «Агитационного штаба освобождения в Литве» (в них единственных упоминалось об Адольфе Гитлере)[4] и, что для нас самое интересное, листовка «Дорогие угнетенные братья» (в варианте В1). Свидетельство Н. Душанского о перехвате этих листовок на границе явно противоречит версии Л. Труски о «подпольном» происхождении В1.

Выше уже приводились свидетельства о зафиксированном органами НКГБ широком распространении листовки «Дорогие угнетенные братья». Очевидно, что в случае, если протографом листовки является В1, то именно этот вариант должен был быть наиболее распространен. Если же протографом является В2, а В1 представляет собой не более чем частную инициативу какого-то подпольщика, то листовки В1 должны встречаться крайне редко.

Однако, как мы видим, нам уже известны два варианта листовки В1 разного происхождения: первый, полученный НКГБ Литвы через агента «Балтийская», и второй, изъятый на советско-германской границе. Третий известный нам экземпляр В1 был изъят органами НГКБ Литовской ССР в первой половине мая 1941 г. при ликвидации

---

1 *Душанский Н. Н.* [Воспоминания.] С. 13. URL: http://iremember.ru/nkvd-i-smersh/dushanskiy-nakhman-noakhovich/pdf.html (дата обращения — 12.06.2013). С. 13.

2 Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов... С. 335–338.

3 Там же. С. 208–210.

4 Там же. С. 361–362, 398–399, 407–408.

подпольной организации «Пятая колонна», получавшей указания от руководства ЛАФ в Берлине[1]. Перевод этой листовки сохранился в фондах Центрального архива ФСБ России[2].

Но и это еще не все. В фондах Особого архива Литвы нами выявлено еще два варианта листовки «Дорогие угнетенные братья», надежно датируемых серединой 1945 г. (назовем их В3 и В4). К тому времени Фронта литовских активистов уже давно не существовало, однако интересующая нас листовка продолжала распространяться антисоветским националистическим подпольем — правда, в несколько измененном виде.

Ниже приводится полный текст этих листовок.

В3.

Копия.

ЛИТОВСКОЕ ИНФОРМБЮРО
ДОРОГИЕ УГНЕТЕННЫЕ БРАТЬЯ ПОРАБОЩЕННОЙ ЛИТВЫ.

Приближается час освобождения Литвы. Результаты нашей многомесячной кропотливой работы и ваших мучений под азиатским гнетом налицо. Нам поручено срочно сообщить вам следующие вопросы:

1. В порабощенной Литве распространилось известие, что сейчас в Лондоне создано правительство Литвы. Это неправда. Сейчас в Лондоне действуют представительства организационной взаимопомощи, которые озабочены освобождением Литвы. Будущее правительство новой Литвы будет создано из лучших сынов Литвы, которые, учитывая прошлые наши ошибки, сумеют направить Литву по новому пути. Понятно, что никакой литовец не может играть какую-либо роль, если он сейчас за границей или в порабощенной Литве был предателем.

2. Как мы упоминали, час освобождения Литвы уже близок. Как только начнется поход с запада, вы в ту же минуту будете оповещены по радио или другим способом. В этот момент в городах, селах и де-

[1] Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов... С. 349–355.

[2] Полный текст перевода изъятой литовки см.: ЦА ФСБ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 13. Л. 259–261.

ревнях порабощенной Литвы должны произойти местные восстания или, вернее говоря, захват власти в свои руки. Немедленно надо схватить местных коммунистов и других предателей Литвы, чтоб ни один не избежал возмездия за свои деяния. Предатель только тогда будет прощен, когда докажет, что он ликвидировал хотя бы одного еврея или буйного коммуниста.

3. Мы уверены, что вы организационно уже подготовлены. Вы уже знаете, что и среди литовцев есть много предателей, поэтому в этот решающий момент будьте очень осторожны.

4. После начала действий в тылу захватите в свои руки тюрьмы, чтобы ни один наш брат не был вывезен в азиатскую страну. Было бы хорошо, чтоб как-нибудь это известие попало к ним в тюрьму для спокойствия братьев.

5. После начала действий в тылу захватите мосты, самые важные <нрзб>, нанося удар по беглецам.

6. После начала действий в тылу будут выброшены парашютисты. Они будут соответствующе вооружены. Немедленно установите с ними связь и при необходимости помогите им.

7. По деревням, городкам и городам пройдет английская армия, в рядах которой будет много и вам хорошо знакомых лиц. Всех встречайте одинаково любезно и сердечно и оказывайте необходимую помощь. К тому времени должно быть уже организовано новое правительство.

8. Соотечественники, услышавшие фанфары Литвы, литовские партизаны, стрелки, крестьяне и ученики, все, кто не хочет служить азиатскому красному террору, бросайте каждодневные обязанности и все вступайте на помощь новой Литве.

9. Братья — литовские партизаны, заранее разделитесь на группы, вставайте во главе общества словно руль, а другие охраняйте леса, чтобы ни одному азиатскому коммунисту во время победы не удалось повеситься на сухой ели. Для них будут подготовлены виселицы на глазах всех людей, чтобы они поплатились за свою работу.

10. Вскоре на горе Гедиминаса взовьется трехцветное знамя, поднятое сынами Литвы. Сегодня наша обязанность — снять все красные тряпки. Вместо них поднимется знамя новой Литвы. В это время будьте решительны и ответственны, избегайте ненужных жертв.

Это сообщение устно или письменно должно достичь дальнейших уголков Литвы, даже разрушенных замшелых хибар.

ДО СВИДАНИЯ В НОВОЙ ЛИТВЕ.

СОЮЗ ЛИТОВСКИХ ЭМИГРАНТОВ.

ЛОНДОН[1].

В4.

Копия.

ЛИТОВСКОЕ ИНФОРМБЮРО

Плачущие угнетенные братья Литвы.

Приближается час освобождения Литвы. Результаты нашей многомесячной кропотливой работы и ваших мучений под азиатским гнетом налицо. Нам поручено срочно сообщить вам следующие вопросы:

1. В порабощенной Литве распространилось известие, что сейчас в Лондоне создано правительство Литвы. Это неправда. Сейчас в Лондоне действуют представительства организационной взаимопомощи, которые озабочены освобождением Литвы. Будущее правительство новой Литвы будет создано из лучших сынов Литвы, которые, учитывая прошлые наши ошибки, сумеют направить Литву по новому пути. Понятно, что никакой литовец не может играть какую-либо роль, если он сейчас за границей или в порабощенной Литве был предателем.

2. Как мы упоминали, час освобождения Литвы уже близок. Как только начнется поход с запада, вы в ту же минуту будете оповещены по радио или другим способом. В этот момент в городах, селах и деревнях порабощенной Литвы должны произойти местные восстания или, вернее говоря, захват власти в свои руки. Немедленно надо схватить местных коммунистов и других предателей Литвы, чтоб ни один не избежал возмездия за свои деяния.

---

[1] LYA. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 157. Л. 8. Машинопись, на литовском языке. Публикуемый в настоящей статье перевод с литовского языка выполнен А. Вильновым.

3. Мы уверены, что вы организационно уже подготовлены. Вы уже знаете, что и среди литовцев есть много предателей, поэтому в этот решающий момент будьте очень осторожны.

4. После начала действий в тылу захватите в свои руки тюрьмы, чтобы ни один наш брат не был вывезен в азиатскую страну. Было бы хорошо, чтоб как-нибудь это известие попало к ним в тюрьму для спокойствия братьев.

5. После начала действий в тылу захватите мосты, тем самым нанося удар по нападавшим.

6. После начала действий в тылу будут выброшены парашютисты. Они будут соответствующе вооружены. Немедленно установите с ними связь и при необходимости помогите им.

7. По деревням, городкам и городам пройдет английская армия, в рядах которой будет много и вам хорошо знакомых лиц. Всех встречайте одинаково любезно и сердечно и оказывайте необходимую помощь. К тому времени должно быть уже организовано новое правительство.

8. Соотечественники, услышавшие фанфары Литвы, литовские партизаны, стрелки, крестьяне и ученики, все, кто не хочет служить азиатскому красному террору, бросайте каждодневные обязанности и все вступайте на помощь новой Литве.

9. Вскоре на горе Гедиминаса взовьется трехцветное знамя, поднятое сынами Литвы. Сегодня наша обязанность — снять все красные тряпки. Вместо них поднимется знамя новой Литвы. В это время будьте решительны и ответственны, избегайте ненужных жертв.

Это сообщение устно или письменно должно достичь дальнейших уголков Литвы, даже разрушенных замшелых хибар.

ДО СВИДАНИЯ В НОВОЙ ЛИТВЕ.

СОЮЗ ЛИТОВСКИХ ЭМИГРАНТОВ.

ЛОНДОН[1].

---

[1] LYA. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 157. Л. 7. Машинопись, на литовском языке. На документе имеется помета на русском языке: «Справка. Спецсообщение № 38/491 от 13/VII-45 г. находится в литерном деле Шауляйского <нрзб>. 3/VIII-45 г. [Подпись]». Русский перевод 1945 г.: LYA. Ф. К-1. Оп. 3.

Как видим, варианты В3 и В4 заметно отличаются от В1 и В2. Там, где в В1 и В2 мы читаем «Литовское информационное бюро в Берлине», в В3 и В4 значится просто «Литовское информбюро». Всюду по тексту В3 и В4 «Берлин» заменен на «Лондон», а «немцы» — на «английскую армию». Причины подобных изменений понятны: если в 1941 г. литовское антисоветское подполье ориентировалось на нацистскую Германию, то к 1945 г. ориентацию пришлось изменить на Лондон.

Между В3 и В4 существуют различия. В пункте 2 В3, так же как и в пункте 2 В1, имеется фраза об уничтожении евреев. На сей раз эта фраза сформулирована следующим образом: «Предатель только тогда будет прощен, когда докажет, что он ликвидировал хотя бы одного еврея или буйного коммуниста». В В4 фраза о необходимости уничтожения евреев отсутствует.

То, что все четыре варианта листовки в конечном счете восходят к одному протографу, несомненно. Но как же соотносятся В3 и В4 между собой и с вариантами В1 и В2?

Допустим, что В4 носит преемственный характер по отношению к В2 (в обоих вариантах фраза об убийствах евреев отсутствует). В этом случае в 1941 г. массовым образом распространялся именно В2: ведь в 1945 г. с момента появления протографа листовки «Дорогие угнетенные братья» прошло уже более четырех лет, в ходе через территорию Литвы дважды прошел фронт. Если В2 носил «исключительный» характер, то этот существовавший в ограниченном количестве экземпляров вариант спустя столько лет не мог попасть в руки людей, создававших редакцию В4. А вот если В2 был распространен массово, тогда ничего странного в том, что какой-то экземпляр данного варианта сохранился до 1945 г. и был использован при создании В4, нет.

Однако если тезис о преемственном характере В4 по отношению к В2 верен, то В1 носит исключительный характер и не может дойти до 1945 г. Следовательно, В3 носит преемственный характер не по отношению к В1, а по отношению к В2 или В4. Получается, что в 1945 г. некий представитель националистического подполья, взяв за основу

Д. 157. Л. 5–7. Машинопись. Публикуемый в настоящей статье перевод с литовского языка выполнен А. Вильновым.

В2 или В4, изготовил В3, добавив в листовку фразу о необходимости убийства евреев. Представляется, однако, невероятным, чтобы эта изобретенная создателем В3 фраза оказалась: 1) практически идентична фразе, содержащейся в неизвестном редактору варианте В1, и 2) была бы вставлена как раз на то место, на котором аналогичная фраза стояла в В1. Подобных совпадений не бывает.

Следовательно, В3 носит преемственный характер по отношению к В1 (возможно, через какие-то неизвестные нам промежуточные варианты). Из этого, в свою очередь, следует, что в 1941 г. именно В1 был массово распространен и являлся протографом всех остальных вариантов листовки «Дорогие угнетенные братья» (что также подтверждается уже приведенными выше докладной П. А. Гладкова, воспоминаниями Н. Н. Душанского и листовкой В1, изъятой в мае 1941 г. при ликвидации подпольной организации «Пятая колонна»). Соответственно, исключительный характер носит В2, а В4 носит преемственный характер по отношению не к В2, а к В3 или В1. Создатель В4 просто вычеркнул из текста листовки в варианте В3 или В1 ставший к тому времени политически неуместным призыв к убийствам евреев. Ведь в 1945 г. ориентироваться на Великобританию и одновременно призывать к уничтожению евреев было весьма странно.

С учетом изложенных выше аргументов мы можем с полным основанием утверждать, что В1 является протографом для остальных вариантов листовки «Дорогие угнетенные братья» (схема соотношения выявленных к настоящему моменту вариантов представлена на рис. 1). Таким образом, рассуждения профессора Л. Труски относительно листовки оказываются ошибочными, — так же, как и его вывод о том, что ЛАФ прямо не призывал к убийствам евреев.

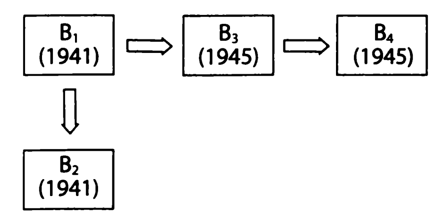

Рис. 1. Соотношение выявленных вариантов листовки «Дорогие угнетенные братья»

В массово распространяемой представителями националистического подполья листовке «Дорогие угнетенные братья» руководство ЛАФ все-таки призывало к убийствам евреев, причем задолго до нападения Германии на Советский Союз. Это не могло не повлиять на кровавые события лета — осени 1941 г. в Литве. Ни о какой «частной инициативе» боевиков ЛАФ в деле уничтожения евреев не может быть и речи: ЛАФ как организация несет прямую ответственность за массовые убийства евреев.

ПОСОБНИКИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РУССКИЕ, УКРАИНСКИЕ И ЛАТЫШСКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ

Очерк 1. «Локотское самоуправление» как инструмент нацистской оккупационной политики[1]

Феномен созданного нацистскими оккупационными властями так называемого «Локотского окружного самоуправления» и сформированной в нем бригады «Русской освободительной народной армии» (РОНА) нашел довольно широкое отражение в российской историографии. К сожалению, подавляющая часть публикаций по данной теме носит откровенно апологетический характер[2]; одновременно в них практически полностью игнорируются преступления, совершавшиеся формированиями РОНА, и их «вписанность» в истребительную практику нацистского оккупационного режима. Эта проблема поднимается лишь некоторыми историками[3] и к настоящему времени

---

[1] Впервые опубликовано: *Дюков А. Р.* «Die Aktion Kaminskiy»: Локотское «самоуправление» и создание бригады РОНА // Мифы Великой Отечественной. М.: Эксмо; Яуза, 2008. С. 147–193. Специально для настоящего издания исследование исправлено и дополнено.

[2] *Ермолов И. Г.* Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто Брянский лес». Орел, 1999; *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Антипартизанская республика. М., 2001; *Веревкин С. И.* Вторая мировая война: Вырванные страницы. М., 2004; *Грибков И. В.* Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М., 2008; *Веревкин С. И.* Самая запретная книга о Второй мировой: Была ли альтернатива Сталину? М., 2009; *Ермолов И. Г.* Русское государство в немецком тылу: История Локотского самоуправления, 1941–1943. М., 2009.

[3] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта: Миф о «Локотской альтернативе» // Родина. 2006. № 10; *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* 29-я грена-

не может считаться хорошо исследованной. В данной статье сделана попытка описания истории «Локотского окружного самоуправления» в контексте нацистской истребительной и оккупационной политики.

* * *

Прежде чем приступить к рассказу о «Локотском самоуправлении», уясним обстановку на оккупированной нацистами Орловской области. Оккупирована эта территория была в начале октября 1941 г. Сокрушив войска Брянского фронта, 2-я танковая армия Гудериана ушла дальше — на Тулу и Москву. А перед командующим тылом армии встала нелегкая задача организации на захваченных территориях оккупационного порядка.

Анализ немецких документов, проведенный американскими историками, свидетельствует, что главной проблемой командующего тылом был недостаток войск. «После продвижения боевых частей дальше на восток ответственность за управление и обеспечение безопасности в этом регионе была возложена на командование тыловых частей второго эшелона. Имеющихся в их распоряжении сил едва хватало для занятия крупных центров и защиты главных линий коммуникаций»[1].

Главными коммуникационными линиями были железные дороги. В области их было немало. С запада в область вели две железные дороги: Гомель — Клинцы — Унеча — Брянск с юго-запада и Смоленск — Рославль — Брянск с северо-запада. Из Брянска железные дороги расходились по четырем направлениям. На юг шла железнодорожная ветка Брянск — Навля — Льгов — Харьков. От Льгова на восток уходила железная дорога к Курску. На юго-восток из Брянска шла железная дорога на Орел; на северо-восток — к Калуге, на севере — к Кирову и Вязьме. Еще одна железнодорожная ветка напрямую связывала Орел и Курск.

дерская дивизия СС «Каминский». М., 2009; *Христофоров В. С.* Локотское окружное самоуправление: правда и вымысел // Великая война и Великая Победа народа. М., 2010. С. 252–308.

[1] *Армстронг Дж.* Партизанская война: Стратегия и тактика, 1941–1943 / Пер. с англ. О. А. Федяева. М., 2007. С. 87.

Значительная протяженность железных дорог сама по себе делала их защиту довольно-таки трудным делом. Ситуация усугублялась тем, что западная и юго-западная части Орловской области были покрыты густыми лесами, в которых находили укрытие «окруженцы» разбитого Брянского фронта, а также организованные местными партийными властями и органами госбезопасности партизанские отряды и диверсионные группы. Согласно отчету начальника 4-го отдела УНКВД по Орловской области, в общей сложности на оккупированной территории было оставлено 72 партизанских отряда общей численностью 3257 чел., 91 партизанская группа общей численностью 356 чел. и 114 диверсионных групп численностью 483 чел.[1] Немаловажным было то, что в отличие от партизан приграничных областей, которых летом 1941 г. забрасывали в тыл врага практически без подготовки, у орловских партизан было время на слаживание. Больше половины из них к тому же прошли подготовку в специальных школах, в первую очередь — в возглавлявшемся полковником Стариновым Оперативно-учебном центре[2]. Результат не замедлил сказаться: в течение октября — середины декабря распалось лишь 8 партизанских отрядов общей численностью 356 чел.[3] Остальные продолжали борьбу.

Командующий 2-й армии мог противопоставить партизанам немногое: часть охранной дивизии тыла группы армий «Центр», батальон охраны и батальон военной полиции. 29 октября в помощь этим силам с фронта был снят полк из состава 56-й дивизии[4].

Кроме того, на территории Брянщины действовали подразделения айнзатцгруппы «Б» — сначала зондеркоманда 7-б, а затем зондеркоманда 7-а (дислоцировавшаяся в Клинцах) и айнзатц-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

[2] Подробнее о подготовке советских партизанских формирований летом — осенью 1942 г. см.: *Дюков А. Р.* Управление партизанскими силами: Ведомственные структуры по организации и управлению партизанским движением (июнь 1941 — лето 1942 гг.) // Старинов И. Г. Заместитель по диверсиям. М., 2005. С. 298–356.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

[4] *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 87.

команда 8 (действовала в Брянске)[1]. Основной их задачей было уничтожение «нежелательных элементов», в первую очередь — коммунистов и евреев.

Без дела эти подразделения не оставались: практически сразу же после оккупации в районе железнодорожной станции Брянск-2 был проведен расстрел примерно семи тысяч человек, значительное число из которых составляли евреи[2]. В Орле в течение первого месяца оккупации было расстреляно и повешено 1683 чел.[3] Менее масштабные расстрелы проводились и в других населенных пунктах. «Расстреливали целыми группами, [по] 30–50 аресты и расстрелы, за кислородным заводом, трупы расстрелянных валялись несколько дней, — вспоминала впоследствии жительница города Бежица (Орджоникидзеград). — Так продолжалось весь 41-й и начало 42-го г. Достаточно было одного заявления какого-нибудь преданного негодяя, и человек переставал существовать»[4].

На территории Орловской области оккупантами было создано три лагеря для военнопленных: в Брянске, Орле и Калуге. В эти лагеря сгонялось и мирное население; условия содержания были по-настоящему кошмарными. Это в послевоенных показаниях признавал даже командующий 2-й танковой армии генерал Рудольф Шмидт: «При первом посещении Орловского лагеря 28 декабря 1941 г., то есть вскоре после назначения меня на должность командующего 2-й танковой армии, я установил, что военнопленные содержались в очень плохих условиях: лагерь, располагавшийся в здании старой фабрики, был переполнен, помещения, в которых содержались военнопленные, совершенно не отапливались, несмотря на то, что мороз доходил в ту зиму до 40 градусов, раненые и больные содержались вместе с остальными военнопленными, причем никакой медицинской помощи им не оказывалось, питание было недостаточное. Военнопленные использовались на тяжелой работе. Все это привело к тому, что смерт-

---

1 *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего рейха. СПб., 2003. Кн. 2. С. 33–34; *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002. С. 261–262.

2 *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. С. 262–263.

3 «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 221.

4 Там же. С. 412–413.

ность военнопленных в Орловском лагере в результате обморожения, истощения и болезней была очень большой. Так, в январе 1942 г. смертность в силу указанных причин достигла 10–20 %. Умерших военнопленных массами хоронили в ямах позади здания лагеря»[1].

Вымарывание военнопленных, массовые расстрелы, а также остававшийся безнаказанным произвол со стороны немецких солдат (в полном соответствии со знаменитым указом «О военном судопроизводстве»)[2] быстро настроили городское население против оккупантов. Это хорошо прослеживается по немецким документам, исследованным американскими историками. В декабре 1941 г. в одном из донесений отмечалось: «Города являются центрами партизан, которых, как правило, сельское население (крестьяне) отвергает»[3].

К этому моменту крестьяне действительно были настроены к оккупантам несколько более лояльно, чем городские жители, — по той простой причине, что им еще не довелось ощутить на своей шкуре нацистский оккупационный порядок. А вот насчет неприятия крестьянами партизан авторы донесения выдавали желаемое за действительное. Тотального отторжения не было; некоторые крестьяне помогали партизанам, как «своим», некоторые, опасаясь репрессий или испытывая неприязнь к советской власти, партизанам в помощи отказывали. Общей модели поведения к зиме 1941 г. не существовало.

Отсутствие полной поддержки со стороны сельского населения не мешало советским партизанам активно действовать. По данным 4-го отдела УНКВД Орловской области, к середине декабря орловские партизаны вывели из строя 1 бронепоезд противника, 2 танка, 17 бронемашин, 82 грузовых машины, убили 176 вражеских офицеров, 1012 солдат и 19 предателей. Кроме того, было уничтожено 11 деревянных мостов, 2 железнодорожных, 1 понтонный и произведено 3 подрыва железнодорожных путей[4]. Возможно, эти данные были

---

[1] Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944–1951 / Сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 160–161; ЦА ФСБ. Д. Н-21139. Т. 2. Л. 1–16.

[2] «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. С. 221; Архив УФСБ по Орловской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 205.

[3] *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 146.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

несколько завышенными (суворовский принцип «пиши поболее, чего басурман жалеть» никто не отменял), однако то, что партизаны причиняли оккупантам серьезные неприятности, сомневаться не приходится. Ведь в противном случае снимать с фронта полк 56-й дивизии командованию 2-й армии не пришлось.

К концу 1941 г. «партизанская угроза» оккупантам увеличилась. В южную часть брянских лесов между железной дорогой Брянск — Навля — Льгов и рекой Десной стали выходить партизанские отряды из соседней Курской области и с Украины (соединения Ковпака и Сабурова). На севере области советские войска освободили Киров, тем самым перерезав железнодорожную магистраль Брянск — Вязьма. В линии фронта образовалась брешь, через которую шла помощь партизанам. Концентрация партизан на Брянщине увеличивалась, а вместе с ней увеличивалась и активность боевых действий.

Немецких же охранных частей становилось меньше, поскольку после поражения под Москвой на фронте был важен каждый штык. Полк 56-й дивизии был направлен на фронт 10 декабря; задачи охраны оккупированной территории были возложены на базировавшуюся в Брянске региональную администрацию, имевшую в своем распоряжении батальон охраны, батальон полиции и несколько групп полевой жандармерии[1]. Собственно немецкие подразделения дополнялись местными коллаборационистами: в населенных пунктах Брянщины имелись назначенные немцами бургомистры, а при них — сформированные в последние месяцы 1941 г. небольшие отряды вооруженной «милиции». Один из первых таких отрядов был сформирован в поселке Локоть.

Локоть — небольшой населенный пункт в Брасовском районе Орловской (в наше время — Брянской) области. До войны население этого поселка составляло несколько тысяч человек; еще примерно 35 тысяч проживало в прилегающей к Локотю и райцентру Брасово сельской местности. Крупных промышленных предприятий здесь не было: район был аграрным[2]. Единственным символом модернизации

[1] *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 87.

[2] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection // Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B. I. Nikolaevsky. Bloomington, 1972. P. 244.

была разделяющая Локоть и райцентр Брасово железная дорога, шедшая от Брянска через Навлю, Локоть и Дмитриев на Льгов. Рядом с Навлей от железной дороги отходило ответвление, идущее через хутор Михайловский на Конотоп. У Конотопа эта ветка соединялась с железнодорожной магистралью Киев — Льгов — Курск. Таким образом, проходящие через Брасовский район железные дороги были важными коммуникационными линиями, кратчайшим способом связывающие Брянск с Курском и Украиной. А в прилегавших к железным дорогам населенных пунктах оккупационная власть, по понятным причинам, устанавливалась в первую очередь.

В поселок Локоть немецкие войска вошли 4 октября; в тот же день им предложили свои услуги преподаватель физики в местном техникуме Константин Воскобойник и инженер Локотского спиртзавода Бронислав Каминский. Предложенные услуги были приняты: Воскобойник был назначен старостой Локотского волостного управления, а Каминский — его заместителем. При управлении разрешалось иметь вооруженный винтовками отряд «народной милиции» численностью 20 чел. Через две недели, 16 октября, оккупанты разрешили Воскобойнику увеличить отряд «народной милиции» до 200 чел., а в деревнях создать так называемые «группы самообороны»[1]. Причина, по которой было принято это решение, проста: западнее Локотя, в районе Трубчевска немецкие войска замкнули котел, в который попали части 13-й и 3-й армий Брянского фронта. Сильный отряд «народной милиции» в Локоте был необходим для того, чтобы отлавливать выбравшихся из окружения красноармейцев.

Одновременно 16 октября оккупационные власти официально утвердили управу Локотской волости, в состав которой вместе с Воскобойником и Каминским вошли бывший заведующий Брасовским районным отделом народного образования Степан Мосин и ставший начальником полиции уголовник Роман Иванин[2].

---

[1] *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты: Предатели на стороне III рейха. М., 2004. С. 109.

[2] *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Антипартизанская республика. М., 2001. [Здесь и далее цитируется по электронной версии, размещенной на сайте rona.org.ru].

Получив признание со стороны оккупантов, глава управы Воскобойников преисполнился наполеоновских планов и 25 ноября выпустил манифест, в котором объявил о создании народно-социалистической партии «Викинг». Манифест обещал уничтожение колхозов, бесплатную передачу пахотной земли крестьянам и свободу частной инициативы в возрожденном русском национальном государстве[1].

Деятельность Воскобойника проходила поначалу без противодействия со стороны партизан. Дело в том, что наспех созданный перед отступлением советских войск Брасовский партизанский отряд распался практически сразу[2]. О том, как это произошло, мы можем узнать из рассказа начальника отдела Брасовского райисполкома Михаила Васюкова: «Немцы уже вплотную подошли к пос. Локоть. 4 октября они заняли город, а я 3 числа прорвался в лес на условленную базу партизан. Там я застал во главе со вторым секретарем РК ВКП(б) Разумовым 8 чел. Собралось нас около 20 чел. Пробраться в главный штаб партизанского отряда всей группой не удалось, а потому послали разведку. Это было уже примерно 18 октября. Разведка соединилась с главным штабом, и там ей приказали передать нам немедленно выходить из окружения и соединяться с главным штабом. Во главе со вторым секретарем РК ВКП(б) Разумовым мы прибыли в лес, где находился главный партизанский наш штаб. Штаба не оказалось на месте. Так как у нас не было ни оружия, ни питания... Разумов отдал приказ... разойтись, кто куда может»[3]. Поскольку организованных сил партизан в районе не было, противостоять пропаганде коллаборационистов оказалось попросту некому.

К декабрю 1941 г. в районе было организовано 5 ячеек новоиспеченной партии; кроме того, Воскобойник отправил своих заместителей Каминского и Мосина с пропагандистскими поездками в соседние районы. По легенде, глава управы напутствовал уезжающих словами: «Не забудьте, что мы работаем не для одного Брасовского района,

---

1 *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Антипартизанская республика. М., 2001.

2 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 7.

3 Powstanie Warszawskie 1944 w dokumentach z archiwów służb specjalnych = Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. Варшава; Москва, 2007. С. 1202–1206; ЦА ФСБ. Д. Н-18757. Д. 6. Л. 198–217.

а в масштабе всей России. История нас не забудет»[1]. Впрочем, пропаганда «Манифеста» среди населения не была главной целью Мосина. Главной его целью была встреча с руководством немецких тыловых органов, которые должны были утвердить создание партии.

Судя по немецким документам, Мосин ходил на поклон к начальнику тыла 2-й армии дважды. Согласно докладной записке офицера отдела 1-с (разведка) штаба 2-й армии обер-лейтенанта А. Босси-Федриготти, во время второго визита Мосин от лица Воскобойника просил у командования армии разрешение на деятельность партии. Вместо разрешения немецкие офицеры передали для Воскобойника несколько вопросов, прекрасно показывающих приоритеты оккупационных властей:

1. Как Воскобойник относится к партизанам?
2. Готов ли Воскобойник вести пропаганду против партизан?
3. Готов ли Воскобойник активно участвовать в борьбе против партизан?

Мосин ответил на все эти вопросы положительно и даже обещал сотрудничать с приданной армии абверкомандой[2].

По возвращении Мосина Воскобойник предпринял несколько демонстративных антипартизанских акций. Был организован суд над медсестрой локотской больницы Поляковой, которую обвинили в укрытии медикаментов для партизан и расстреляли[3]. Было также предпринято несколько операций против партизан. В ходе одной из них в деревне Алтухово был убит партизан и арестовано 20 местных жителей; в ходе другой — недалеко от Локотя была рассеяна партизанская группа[4].

Локотский отряд «народной милиции» спешно доукомплектовывался, причем методы вербовки «милиционеров» были весьма своеобразными. Об этих методах можно судить по истории уже упоминавшегося Михаила Васюкова, который после роспуска пар-

---

1 *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Антипартизанская республика.

2 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 247–248. О должности А. Босси-Федриготти см.: ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 544, 547.

3 *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта: Миф о «Локотской альтернативе» // Родина. 2006. № 10. С. 91.

4 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 248.

тизанского отряда и двухнедельных блужданий по лесам вернулся к своей семье в Локоть. Васюкова арестовали, потом отпустили было домой, но 21 декабря арестовали вторично. «Посадили в тюрьму. К трем часам ночи на моих глазах в камере было расстреляно 3 чел. После расстрела этих граждан я был вызван к обер-бургомистру Воскобойнику, который мне сказал: "Видели? Или работайте с нами, или мы вас сейчас же расстреляем". По своей трусости я сказал ему, что я готов работать прорабом. На это Воскобойник ответил мне, что сейчас не время заниматься строительством, а нужно брать оружие и вместе с немцами принимать участие в борьбе против советской власти и, в частности, против советских партизан. Так я был зачислен в полицейский отряд, в составе которого дважды принимал участие в карательных экспедициях против советских партизан»[1].

Вершиной антипартизанских мероприятий Воскобойника стал разосланный по окрестным деревням приказ партизанам сдаться[2]. Следует заметить, что до середины декабря 1941 г. брянские партизаны особого внимания коллаборационистам не уделяли, предпочитая нападать на немецкие подразделения и гарнизоны. О партизанских приоритетах наглядно свидетельствует уже упоминавшийся отчет начальника 4-го отдела УНКВД по Орловской области, согласно которому к 14 декабря партизанами было убито 176 вражеских офицеров, 1012 солдат и всего лишь 19 предателей[3]. Однако в декабре положение изменилось. Немцы пытались переложить тяжесть борьбы с партизанами на местные формирования, а партизаны, нападая на коллаборационистов, пытались оккупантов этой подпорки лишить. К 20 декабря партизанами Орловской области был уничтожен уже 41 предатель[4], а к 10 мая 1942 г. — 1014 полицейских и предателей[5].

---

[1] Powstanie Warszawskie 1944. С. 1204; ЦА ФСБ. Д. Н-18757. Д. 6. Л. 198–217.

[2] Фотография листовки опубликована в книге И. Грибкова «Хозяин брянских лесов».

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 481. Л. 104–106.

[4] Русский архив: Великая Отечественная (Далее — РАВО). М., 1999. Т. 20 (9). С. 109; ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 137. Л. 425–433.

[5] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 2–4; *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 311.

Пришел черед и локотской управы, чему в немалой степени поспособствовал изданный Воскобойником приказ партизанам сдаться. Сдаваться партизаны не стали, а вместо этого решили разгромить размещавшийся в Локоте гарнизон. Даже если потери партизан впоследствии преуменьшались партизанами-мемуаристами[1], неудачным нападение на Локоть назвать нельзя. Партизаны напали на гарнизон и ушли до подхода основных сил противника. В итоговом отчете Сабурова говорится о 54 уничтоженных полицейских[2]. Не так уж мало — ведь численность «народной милиции» Воскобойника к тому моменту составляла двести человек. Гибель главы управы Воскобойника, пусть и случайную, также следует записать в актив партизан.

Нападение партизан на Локоть и гибель Воскобойника обернулись для его заместителя Бронислава Каминского серьезными проблемами. Партизаны наглядно продемонстрировали свою силу; недовольные этим очевидным провалом оккупационные власти могли отказать Каминскому в назначении на должность главы управы. Для того чтобы получить назначение, необходимо было доказать оккупантам свою полезность.

Уже на следующий день после партизанского налета Каминский объявил о мобилизации в «народную милицию». До того «милиция» состояла из местных добровольцев и не пожелавших отправляться в лагеря для военнопленных «окруженцев». Теперь же под ружье призывались все мужчины призывного возраста, причем в случае отказа им грозили расправой. «Воскобойник был убит партизанами, и вся власть в районе перешла к Каминскому и его заместителю Мосину, которые в тот же день объявили мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, — вспоминал уже цитировавшийся нами Михаил Васюков. — Примерно к 20 января набрали человек 700, большинство из которых были мобилизованы силой, под страхом расправы с ними или семьей»[3].

Угрозы были подтверждены наглядными примерами: в отместку за гибель Воскобойника было расстреляно много заложников из

[1] *Ляпунов Н. И.* В ночь под Рождество // Партизаны Брянщины: Сборник рассказов бывших партизан. Брянск, 1959. Т. 1. С. 419–421.

[2] ОГБ. Т. 2. Кн. 2. С. 222.

[3] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 89.

числа местных жителей[1]. Заместитель Каминского Мосин лично принимал участие в пытках арестованного бывшего милиционера Седакова. Седаков умер под пытками, а его труп был вывешен в центре Локотя[2].

После этого Каминский отправился в Орел к начальнику тыла 2-й танковой армии. Как раз в это время в штабе 2-й танковой армии находился коллаборационист Михаил Октан, в будущем — редактор орловской газеты «Речь». «В штабе я встретил Каминского, который был вызван туда в связи со смертью главы Локотского района Воскобойника, — вспоминал Октан. — Мы жили в одной комнате и в качестве переводчика присутствовали при нескольких встречах Каминского с командующим тыла... генералом Хаманном. Каминский обещал после получения разрешения на возвращение в район привести его в соответствие с задачами германской военной администрации: милитаризировать его таким образом, чтобы обеспечить защиту тыла германской армии и увеличить поставки продовольствия для германских войск»[3].

В условиях все возрастающей партизанской угрозы обещания Каминского выглядели соблазнительно. Каминский был утвержден в должности главы районной управы и, вернувшись в Локоть, продолжил «милитаризацию» района. В январе 1942 г. «народная милиция» начитывала 800 чел., в феврале — 1200, в марте — 1650 чел.[4] Боеспособность этих отрядов была как минимум сомнительной (даже в конце года немецкие офицеры констатировали, что «боевики инженера Каминского не могут отразить крупных нападений»[5]), однако вовлечение местных жителей в «народную милицию» в определенной мере гарантировало, что они не уйдут в партизаны.

Особого доверия к населению своего района Каминский, кстати говоря, не испытывал. Об этом ясно свидетельствуют отдававшиеся новым главой управы приказы. Одним из своих указов Каминский запретил передвижение между деревнями района и ввел комендант-

---

1 *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 92.

2 Там же.

3 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 249–250.

4 *Грибков И. В.* Хозяин брянских лесов. С. 33.

5 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 255.

ский час. Согласно другому, жители примыкавших к зданию управы Липовой аллеи и Весенней улицы должны были в течение трех дней покинуть свои дома. На их место Каминский поселил верных себе полицейских, застраховавшись таким образом от нового нападения партизан[1].

Активизировались расстрелы в превращенном в тюрьму здании конезавода — до такой степени, что понадобился специальный палач. И он нашелся. В январе 1942 г. в Локоть пришла изможденная девушка — вышедшая из окружения под Вязьмой бывшая медсестра Тоня Макарова. После многомесячных блужданий по лесам она, по всей видимости, немного тронулась рассудком. Локотские «милиционеры» напоили девушку, посадили за пулемет и вывели во двор приговоренных.

Несколько десятилетий спустя арестованная органами госбезопасности Макарова расскажет о своем первом расстреле. «Первый раз ее вывели на расстрел партизан совершенно пьяной, она не понимала, что делала, — вспоминал следователь Леонид Савоськин. — Но заплатили хорошо — 30 марок, и предложили сотрудничество на постоянной основе. Ведь никому из русских полицаев не хотелось мараться, они предпочли, чтобы казни партизан и членов их семей совершала женщина. Бездомной и одинокой Антонине дали койку в комнате на местном конезаводе, где можно было ночевать и хранить пулемет. Утром она добровольно вышла на работу»[2].

Тем временем партизаны предпринимали все новые и новые дерзкие атаки. 2 февраля соединение партизанских отрядов под командованием уже упоминавшегося Александра Сабурова напало на город Трубчевск и заняло его после 18-часового боя. Партизаны, за которыми осталось поле боя, насчитали 108 убитых полицейских; еще несколько сотен просто разбежались. Местный бургомистр попал в руки к партизанам. После этого партизаны из города ушли, но 10 февраля вернулись и сожгли местный лесозавод[3].

Буквально в нескольких десятках километров от Локотя 20 января немецкое подразделение наткнулось на партизанский отряд

---

1 Ibid. P. 250.

2 Тонька-пулеметчица http://www.renascentia.ru/tonka.htm.

3 ОГБ. Т. 3. Кн. 1. С. 139.

Емлютина. После долгого боя немцам пришлось отступить. Спустя несколько дней другой партизанский отряд, также подчинявшийся Емлютину, совершил налет на станцию Полужье на железной дороге Брянск — Унеча, разбил местный гарнизон и уничтожил шесть вагонов с боеприпасами. Тут, однако, удача у партизан кончилась: к станции подошел эшелон с немецкими солдатами. В завязавшемся бою погиб командир отряда Филипп Стрелец, а остатки отряда вынуждены были отступить со станции[1].

Самая большая для оккупантов неприятность случилась на севере области: там объединенные силы партизан освободили город Дятьков и прилегавшие к нему районы, создав тем самым неподконтрольный немцам партизанский край[2]. Войск для борьбы с партизанами, как обычно, не хватало. «Группа армий надеялась ликвидировать угрозу партизанского движения, как только будет упрочено положение на фронте, — писал в конце февраля командующий группой армий "Центр" фельдмаршал фон Клюге. — Однако развитие событий в последнее время показывало, что эти надежды лишены оснований, так как напряженная обстановка на фронте не давала возможности отвести с фронта соединения, относящиеся к службе тыла»[3].

На этом фоне ситуация в Локоте и его окрестностях выглядела по меньшей мере приемлемо для оккупантов. После рождественского налета никаких крупных нападений на этой территории не происходило, а насильственная мобилизация в «народную милицию» лишала партизан человеческих ресурсов и способствовала отрыву части населения от партизан.

В этой связи командование тыла армии решило поощрить Каминского со товарищи. 23 февраля от командования 2-й танковой армии Каминскому пришло два приказа. Согласно первому, Каминскому разрешалось назначать старост в подчиненных ему деревнях (раньше назначать старост могли только оккупанты, что, кстати говоря, ставит крест на достаточно популярных рассуждениях о «самостоятельности» Локотского района). Согласно второму приказу, Каминский

---

1 ОГБ. Т. 3. Кн. 1. С. 139–140.

2 Там же. С. 266.

3 Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 2001. С. 127.

получал право награждать отличившихся в борьбе с партизанами лиц землей, выдавая от двух до десяти гектаров. В собственность могли также передаваться коровы и лошади[1].

Буквально через несколько дней после получения этих приказов Каминский был вызван в Орел, где ему было объявлено о передаче под его контроль соседнего Суземского и Навлинского районов. Каминский приехал из Орла, полный радужных предвкушений.

«В феврале 1942 г. я зашел по служебным вопросам в кабинет Каминского, — вспоминал впоследствии начальник лесного хозяйства района А. Михеев. — В беседе со мной Каминский рассказал, что он ездил к немецкому генералу Шмидту, который разрешил ему расширить функции районной управы. Сначала преобразовать Брасовский район в Локотский уезд, а затем и считать поселок Локоть городом. При этом Каминский заявил, что немецкие оккупационные власти согласны расширять наши функции вплоть до создания "русского национального государства", если мы будем активно помогать немцам в борьбе с большевиками. Тут же Каминский выразил свое мнение, что при нынешней ситуации, как он сказал, есть шансы мне — Михееву, после окончания войны в пользу немцев, стать министром лесного хозяйства правительства, которое будет создано в России... При этом рассказал мне о целях и задачах антисоветской организации НСТПР и сказал, что все члены этой партии будут получать соответствующие портфели, а кто против, тот будет угнан в Германию»[2].

Себя же, понятное дело, Каминский видел главой подчиненного Третьему рейху «русского государства». Он даже опубликовал приказ, в котором именовал себя бургомистром еще не существовавшего Локотского уезда[3]. Тем сильнее должно было быть его разочарование.

В первой половине марта брянские партизаны насели новый удар. На сей раз он был направлен на жизненно необходимые оккупантам железные дороги. Удар оказался сокрушительным. «Железные дороги Брянск — Дмитриев-Льговский и Брянск — х[утор] Михайловский выведены из строя, — докладывали в Москву Емлютин и Сабуров. —

---

1 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 251.

2 *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 89.

3 Фотография листовки опубликована в книге И. Грибкова «Хозяин брянских лесов».

На всем протяжении пути все мосты взорваны. Железнодорожный узел х[утор] Михайловский партизаны разрушили. Немцы пытаются восстановить железнодорожное движение на участке Брянск — Навля, но эти попытки срываются партизанами»[1].

Немецкие источники эту информацию подтверждают: «В марте 1942 г. партизаны остановили движение на железной дороге Брянск — Льгов и препятствовали использованию немцам железнодорожной линии Брянск — Рославль. На основных шоссейных дорогах (Брянск — Рославль, Брянск — Карачев, Брянск — Жиздра) угроза была столь велика, что движение по ним можно было осуществлять лишь крупными колоннами»[2].

Произошедшее имело прямое отношение к Каминскому: партизаны парализовали именно ту железнодорожную ветку, которая шла через Локоть и подчиненные ему территории.

К этому времени, однако, боеспособность локотской «народной милиции» была не настолько велика, чтобы вести самостоятельные антипартизанские операции. Поэтому подразделения Каминского действовали во взаимодействии с брошенными на борьбу с партизанами венгерскими частями. Первая же их совместная операция обернулась массовыми убийствами мирных жителей. Об этом впоследствии рассказывал уже упоминавшийся нами начальник отдела лесного хозяйства Михеев: «Весной 1942 г. полицейские отряды, возглавляемые Мосиным, с участием мадьярских частей в селе Павловичи расстреляли 60 чел. и 40 чел. сожгли живыми»[3].

11 апреля была сожжена деревня Угревище Комаричского района, расстреляно около 100 чел. В Севском районе каратели уничтожили деревни Святово (180 домов) и Борисово (150 домов), а село Бересток было уничтожено полностью (сожжено 170 домов, убито 171 чел.)[4].

Проявленная жестокость по отношению к невинным людям привела к росту недовольства в рядах «народной милиции». «Милицио-

---

[1] ОГБ. Т. 3. Кн. 1. С. 285.

[2] *Армстронг Дж.* Партизанская война. С. 133.

[3] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 92.

[4] Партизаны Брянщины. Брянск, 196. С. 41–42; *Грибков И. В.* Хозяин брянских лесов. С. 36–37.

неры» начали перебегать к партизанам. Об этом ясно свидетельствует содержание приказа № 118 по Локотскому уезду от 25 апреля 1942 г.: «...наряду с мужественно сражающимися за свое будущее бойцами и командирами, в некоторых случаях проявлялись также элементы паники и трусости, неуверенности и дезертирства, вроде бывшего начальника Шемякинского отряда Левицкого, а временами трусость и дезертирство переходили в открытое предательство, как это имело место 20 апреля с. г. со стороны 4 бойцов-военнопленных Хутор-Холмецкого отряда. Аналогичное предательство было допущено и в Святовском отряде со стороны бойца Зенченкова Сергея Гавриловича, который 22 апреля с. г. не выполнил приказания командира и покинул пост на железнодорожном мосту. Этим самым он сделал большую услугу врагу, за что и был в тот же день по приказу Бургомистра расстрелян»[1].

Вершиной процесса стал переход на сторону партизан «милиционеров» деревень Шемякино и Тарасовка. Апологеты «Локотского самоуправления», правда, этот переход яростно отрицают: по их словам, этого не могло быть потому, что не могло быть никогда. Однако при чтении партизанских документов картина вырисовывается непротиворечивая: 1 мая Кокоревский партизанский отряд вступил в деревни Шемякино и Тарасовка. Из полутора сотен стоявших там «милиционеров» 85 перешло на сторону партизан, а 57 — уничтожено. Перешедшие на сторону партизан «милиционеры» были переименованы в местную группу самообороны и вместе с партизанами приготовились защищать деревни от «каминцев»[2].

Об этом эпизоде подробно рассказано также в послевоенных показаниях начальника Михайловской полиции М. Говядова: «Дело было так: в мае 1942 г. рота полицейских, дислоцировавшихся в деревнях Шемякино и Тарасовка, восстала — убила своих командиров, перерезала связь и перешла к партизанам. В отместку за это Каминский организовал карательную экспедицию, в числе которых были мадьяры. Эту экспедицию возглавлял зам. бургомистра Мосин,

---

[1] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 90.

[2] См.: Центр новейшей истории Брянской области. Ф. 479. Оп. 1. С. 166. Л. 9. Цит. по: *Ермолов И. Г.* Русское государство в немецком тылу. С. 186–187.

начальник военно-следственного отдела Парацюк и представитель газеты “Голос народа” — Васюков...»[1]

Каратели захватили деревни после упорных боев с бывшими полицейскими и партизанами. После этого началась расправа над местными жителями. «По прибытии на место каратели расстреляли около 150 чел., членов семей полицейских, которые ушли к партизанам, и часть полицейских, которые были захвачены в Шемякино и Тарасовке, — рассказывал М. Говядов. — В числе расстрелянных были женщины, дети и старики. В июле месяце 1943 г., по приказу Каминского, была создана комиссия, под председательством Мосина, с целью произвести раскопки могилы расстрелянных ими же советских граждан, для того чтобы приписать эти действия партизанам и озлобить солдат РОНА против партизан. Мне известно, что эта комиссия выезжала, производила раскопки, составила соответствующий акт, который был опубликован вместе с большой статьей в газете “Голос народа”, в которой указывалось, что расстрел этих лиц якобы произведен партизанами»[2].

В действиях каминцев не было ничего особенно специфичного. Точно такими же преступлениями против мирных жителей отметились действовавшие в соседних районах венгерские и немецкие каратели. Свидетельства об этом в большом количестве сохранились в российских архивах[3].

Формирования Каминского, как мы уже имели возможность убедиться, действовали в том же духе, что немцы и венгры, зачастую — в тесном взаимодействии с ними. Вот еще одно свидетельство: «В июне 1942 г., — вспоминал уже упоминавшийся М. Говядов, — после налета партизан на с. Михайловка, когда было убито 18 полицейских и 2 немца... Бердников Михаил, во главе отряда численностью в 100 с лишним человек, прибыли в Михайловский район и учинили зверскую расправу с мирным населением. В самом селе Михайловке, по приказу Бердникова, было повешено 2 человека, ограблено и сожжено 12 домов партизан. После расправы в Михайловке отряд

---

1 *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 91; ЦА ФСБ. Д. Н-18757.

2 Там же.

3 Напр.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 206. Л. 17.

выехал в дер. Веретенниково Михайловского района, где расстрелял до 50 чел. из числа членов семей партизан, была сожжена почти вся деревня и угнан скот. В тот же день отряд поджег 15 домов в деревне Разветье и ограбил семьи партизан...»[1]

Были и чисто военные успехи. В мае каминцы вместе с немецкими и венгерскими частями выбили после двухчасового боя партизан из деревень Алтухово, Шешуево и Красный Пахарь. Партизаны понесли серьезные потери, противником были захвачены три противотанковые пушки, два 76-мм орудия, четыре станковых пулемета «Максим», 6 ротных минометов, два 86-мм миномета и много боеприпасов. Немцы, в свою очередь, потеряли 2 танка и один бронеавтомобиль[2].

«В районе Локоть — Красный Колодец — хутор Холмецкий действуют совместно с немцами полицейские свыше 1000 чел., — констатировалось в партизанских сводках за май 1942 г. — Врагу удалось за это время взять несколько населенных пунктов, в том числе Суземки, Алешковичи, Тарасово, Шемякино и другие»[3].

Немецкими наблюдателями действия Каминского были оценены позитивно. «Каминский открыто гарантирует, что без согласия германских официальных лиц он не станет превращать свое боевое подразделение в политический инструмент, — констатировал офицер абвера Босси-Федриготти. — Он понимает, что в настоящее время его задачи носят чисто военный характер... Похоже, что при умелой политической обработке Каминский будет полезен для германских планов реорганизации Востока. Этот человек может стать пропагандистом германского “нового порядка” на Востоке»[4].

Действия формирований Каминского были направлены на раскол населения оккупированных территорий, на разжигание войны между теми, кто был мобилизован в «народную милицию», и теми, кто поддерживал партизан. Это было очень полезно для оккупантов, и это в определенной степени удалось.

---

1 *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 93; ЦА ФСБ. Д. Н-18757.

2 *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. С. 127.

3 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 206. Л. 81–82.

4 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 250–251.

«Он [Каминский] создал остров внутри обширного партизанского края в районе Брянска — Дмитровска — Севска — Трубчевска, который препятствует расширению партизанского движения, связывает деятельность мощных партизанских сил и предоставляет возможность для ведения германской пропаганды среди населения, — писал в Берлин командующий 2-й танковой армии генерал Шмидт. — Кроме того, район поставляет продовольствие для германских войск... Благодаря успешному развертыванию русских войск под руководством Каминского стало возможно не привлекать новых немецких подразделений и сохранять германскую кровь в борьбе с партизанами»[1].

Было принято решение расширить контролируемую Каминским территорию; 19 июля 1942 г. Шмидт подписал приказ о преобразовании Локотского уезда в «самоуправляющийся административный округ» в составе Локотского, Дмитровского, Дмитриевского, Севского, Камарического, Навлинского и Суземского районов[2].

Посмотрев на карту, нетрудно убедиться, что под контроль Каминского отдавались территории вокруг железнодорожных веток Брянск — Навля — Льгов и Брянск — Навля — хутор Михайловский. Именно в этих областях действовал так называемый Южный Брянский партизанский край, силы которого к июню 1942 г. насчитывали 25 партизанских отрядов общей численностью 18 800 чел. при 8 орудиях, 15 минометах и 2 танках[3]. Действовали партизаны активно: в мае–июне они в очередной раз остановили движение по железнодорожной ветке Брянск — Льгов. Июнь ознаменовался новыми громкими диверсиями. В ночь на 14 июня под откос пошел воинский эшелон с живой силой и танками, взорванный партизанами из отряда «За Родину»[4]; 26 июня на перегоне Брянск — Навля группой из отряда им. Молотова был пущен под откос эшелон с танками и орудиями, а спустя три дня, 29 июня, на перегоне Брасово — Погребы группой из отряда «За Родину» было произведено новое крушение

---

[1] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 252.

[2] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 89; ЦА ФСБ. Д. Н-18757.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 76. Л. 24.

[4] Там же. Д. 910. Л. 9.

поезда, в результате которого погибло, по партизанским оценкам, «до 200 солдат»[1].

Таким образом, Каминскому передавались территории, де-факто контролируемые партизанами, но в связи с проходящими через них железнодорожными магистралями очень важные для оккупантов.

Расчет был беспроигрышный: сможет Каминский установить контроль над переданными ему территориями — прекрасно. Не сможет — хуже не будет. Правда, особо полагаться на формирования Каминского немцы не стали. В преддверии создания Локотского округа оккупанты силами немецких и венгерских частей провели на юге Брянщины масштабную антипартизанскую операцию, получившую название «Зеленый дятел» («Grünspecht»). Каминцы в этой операции участвовали в качестве подсобной силы.

Партизанская разведка оценила собранные для операции силы примерно в 45 тысяч чел.[2] Собрав силы, 21 июля 1942 г. оккупанты нанесли удар по партизанскому краю. Удар этот оказался страшен, это видно даже из сухих партизанских отчетов. «Противник... при поддержке танков и авиации повел наступление против объединенных партизанских отрядов тт. Емлютина и Сабурова одновременно со всех сторон. При этом с целью расчленения партизанских отрядов и уничтожения их по частям, а также с целью обеспечения за собой железной дороги... В результате пятидневных боев противник, имея превосходство в живой силе и технике, занял 167 населенных пунктов»[3].

Об итогах операции «Зеленый дятел» имеются крайне отрывочные сведения, однако, по всей видимости, она оказалась достаточно удачной для оккупантов и их пособников. Без этого создание Локотского округа едва ли стало возможным.

Само собой разумеется, что контроль над Локотским округом немецкое командование из рук выпускать не стало. Военным комендантом округа был назначен немецкий полковник Рюбзам, задачей которого была координация боевых действий формирований Каминского с немецкими и венгерскими частями. Непосредственно

---

1 Там же. Д. 909. Л. 10.

2 Там же. Л. 6–6 об.

3 Там же. Л. 10.

к Каминскому в качестве офицера связи и военного советника назначили майора фон Вельтхейма[1]. Некоторое время в поселке Локоть действовали также подразделения айнзатцкоманды 7б[2].

Этим, однако, дело не ограничилось: по всей территории Локотского округа стояли подразделения 102-й, 105-й, и 108-й венгерских дивизий, при этом штаб 102-й венгерской дивизии находился непосредственно в Локоте, 105-й дивизии – в Навле, 108-й – в Середина-Буде[3].

Несмотря на столь высокую концентрацию оккупационных и коллаборационистских формирований, большую часть Локотского округа по-прежнему контролировали партизаны. «Только 10 % леса принадлежало нам, – вспоминал начальник лесного отдела управы Михеев. – Остальные 90 % контролировались партизанами»[4]. Изменить сложившееся положение Каминский попытался жестоким террором против поддерживающих партизан жителей. В начале августа он выпустил специальное обращение: «Граждане и гражданки сел и деревень, занятых партизанами! Партизаны и партизанки, находящиеся еще в лесах и отдельных населенных пунктах бывшего Навлинского и Суземского районов! ...В недалеком будущем Германские и Венгерские части совместно с Локотской Бригадой Милиции предпримут решительные меры по уничтожению лесных банд. С целью лишения бандитов экономической базы будут сжигаться все населенные пункты, в которых находятся партизаны. Население будет эвакуировано, а семьи партизан будут уничтожены, если их родственники (отцы, братья и сестры) не перейдут к нам до 10 августа с. г. Все жители, а также партизаны, не желающие терять зря своей головы, не теряя ни одной минуты должны перейти к нам со всем имеющимся у них оружием. Это обращение и предупреждение – последнее. Используйте возможность спасти свою жизнь»[5].

---

[1] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 250–251.

[2] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны / Архив Главного управления Службы Безопасности Украины в Автономной Республике Крым; Сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 428.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 126, 172.

[4] Powstanie Warszawskie 1944. С. 1196; ЦА ФСБ. Д. Н-18757. Д. 6. Л. 198–217.

[5] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 90.

Несмотря на грозные предупреждения Каминского, август прошел для партизан относительно спокойно. А вот в сентябре 1942 г. оккупанты провели сразу две карательные операции под кодовыми названиями «Треугольник» и «Четырехугольник». Участие в них приняли подразделения Каминского, две венгерские дивизии, немецкие охранные батальоны, мотопехотный батальон СС и части 77-й немецкой пехотной дивизии[1].

Судя по оперативным сводкам Брянского штаба партизанского движения, в первые недели наступления оккупанты добились довольно серьезных успехов[2]. Однако к концу сентября партизаны не только продолжали обороняться, но и переходили в наступление: «Объединенные отряды тов. Емлютина и партизанский отряд тов. Дука продолжают вести упорные оборонительные бои с противником, на отдельных участках перешли в наступление, заняли ряд населенных пунктов и продолжают продвигаться вперед. Одновременно выбрасывают отдельные отряды для действий по тылам противника и производит налеты на отдельные его гарнизоны для уничтожения их...» — констатировалось в отчете Белорусского штаба партизанского движения[3]. А к началу октября партизаны вернулись на позиции, с которых были вынуждены отступить месяц назад[4]. «Навлинские и выгонические партизанские отряды вышли в район своих баз, то есть в район, занимаемый ими до наступления противника 17.9.42, — сообщали партизаны в Центр. — Партизанскими отрядами взяты под контроль и организованы засады на всех грунтовых дорогах, имеющихся в районе действия отрядов»[5].

В это же время отряд «За Родину» нанес серьезное поражение одному из формирований Каминского: было убито 93 полицейских, а еще 18 — взято в плен[6]. По некоторым данным, в этом бою в руки партизан чуть было не попал и сам глава Локотского округа[7].

---

1 *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* 29-я гренадерская дивизия СС... С. 74.

2 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 204. Л. 3.

3 Там же. Л. 10.

4 Там же. Л. 12.

5 Там же. Л. 16.

6 Там же. Л. 20.

7 *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* 29-я гренадерская дивизия СС... С. 75.

Вернувшись в свои районы, партизаны обнаружили следы страшных преступлений, совершенных карателями против мирного населения. Данные об этих преступлениях были обобщены в акте Навлинской районной чрезвычайной комиссии: «С 17 по 27 сентября 1942 г. немецкие каратели замучили сотни ни в чем не повинных советских граждан. В селе Вздружном 19 сентября расстреляны и зверски замучены 132 чел., у села Глинного 17 сентября — 59 чел., у дер. Ворки Салтановского сельсовета — 137, в селе Творишине сожжены в сарае 99 советских граждан. В селе Салтановка расстреляны, сожжены и брошены в колодцы 103 чел. Такая же участь постигла 97 жителей поселка Жданово. В деревне Зелепуговка расстреляны и брошены под гусеницы танков 37 чел. В районе поселка Вознесенский 19 сентября каратели напали на лагерь, где находились 40 чел. из десяти партизанских семей. Немцы построили их в шеренгу, долго избивали, пытали их и, не добившись от них сведений о партизанах, расстреляли»[1].

Подразделения Каминского были непосредственно причастны к этим преступлениям; аналогичные методы «борьбы с партизанами» каминцы применяли и в дальнейшем. «При операции, проходившей с 11 октября по 6 ноября 1942 г., 13-й батальон “РОНА” вместе с немцами и казаками учинили массовую расправу с мирным населением деревень Макарово, Холстинка, Веретенино, Большой Дуб, Уголек и других, названия которых не помню, — рассказывал впоследствии М. Говядов. — Мне известно, что половина дер. Макарово была сожжена, а из населения расстреляно около 90 чел. Такое же количество было расстреляно в Веретенино и деревня окончательно сожжена. В селе Холстинка часть населения, в том числе женщины и дети, были заперты в сарай и заживо сожжены. В селах Большой Дуб и Уголек также были расстреляны мирные жители и, главным образом, семьи партизан, а поселки уничтожены...»[2]

В контролируемых Каминским деревнях также был установлен настоящий режим террора; казни сделались очень частым явлением. «В конце 1942 г. по доносу было арестовано 8 чел. жителей Борщово Брасовского района, — вспоминал член военно-полевого суда при “самоуправлении” Д. Смирнов. — Из этой группы я помню пред-

---

[1] *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* 29-я гренадерская дивизия СС... С. 74–75.

[2] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 93.

седателя Борщовского сельсовета Полякова с дочерью, 22 лет молодую женщину Чистякову, жителя села Борщово Болякова 23 лет и остальных, фамилии забыл. Знаю, что там было три женщины и пять мужчин. В результате суда председатель с/с был повешен, его дочь и Чистякова были расстреляны, а остальные осуждены на сроки... Кроме того, были повешены... Молодая девушка 20–22 лет, фамилии ее я не знаю. Повешена она была только лишь за то, что огорчалась неудачами партизан и не скрывала это. Расстрелов проводилось очень много, но фамилии расстрелянных я сейчас не помню. Выявлялись все эти жертвы при помощи целого штата тайных агентов, работавших при самоуправлении...»[1]

Массовые расстрелы в Локотской тюрьме к этому времени уже стали обыденностью. «Все приговоренные к смерти были для меня одинаковые, — рассказывала впоследствии исполнявшая обязанности палача Антонина Макарова. — Менялось только их количество. Обычно мне приказывали расстрелять группу из 27 чел. — столько партизан вмещала в себя камера. Я расстреливала примерно в 500 метрах от тюрьмы у какой-то ямы. Арестованных ставили цепочкой лицом к яме. На место расстрела кто-то из мужчин выкатывал мой пулемет. По команде начальства я становилась на колени и стреляла по людям до тех пор, пока замертво не падали все... Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдешь ближе, а кое-кто еще дергается. Тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключенных на груди был подвешен кусок фанеры с надписью "партизан". Некоторые перед смертью что-то пели. После казней я чистила пулемет в караульном помещении или во дворе. Патронов было в достатке... Мне казалось, что война спишет все. Я просто выполняла свою работу, за которую мне платили. Приходилось расстреливать не только партизан, но и членов их семей, женщин, подростков. Об этом я старалась не вспоминать. Хотя обстоятельства одной казни помню — перед расстрелом парень, приговоренный к смерти, крикнул мне: "Больше не увидимся, прощай, сестра!.."»[2]

---

1 Там же. С. 92–93.

2 Тонька-пулеметчица http://www.renascentia.ru/tonka.htm.

Не приходится удивляться, что большинство жителей Локотского округа Каминского люто ненавидели. Этот факт зафиксирован в немецких документах. В датированном октябрем 1942 г. отчете в этой связи говорится следующее: «Знакомые со сложившейся ситуацией люди (майор фон Вельтхейм, майор Миллер, обер-лейтенант Бухгольц) независимо друг от друга сходятся не только в том, что население все еще уважает предшественника Каминского, убитого партизанами, но и в том, что они [местные жители] ненавидят Каминского. Они "дрожат" перед ним, и, согласно этой информации, только страх удерживает их в повиновении»[1].

Даже читая изданные Каминским приказы, нетрудно заметить, что симпатии населения находились вовсе не на стороне локотской управы. 15 сентября 1942 г. Каминский издает приказ № 51: «Участились случаи, когда жители подлесных районов без ведома местных властей ходят в лес. Имеются случаи, когда под видом сбора ягод, заготовки дров они встречаются в лесу с партизанами. На основании изложенного приказываю: Прекратить всякое хождение в лес отдельных личностей независимо от причин. В случае необходимости выхода в лес, как-то: пилка и заготовка лесоматериала и дров, поиски пропавших животных, — разрешаю выход в лес только в организованном порядке, с обязательным сопровождением полицейских. Всякое самовольное хождение в лес будет рассматриваться как связь с партизанами и караться по закону военного времени»[2].

Приказ местным жителям отправляться в лес за дровами исключительно в сопровождении полицейских сам по себе говорит о многом. Однако еще о большем говорит приказ № 114 от 31 октября: «Всем старостам, волостным старшинам и районным бургомистрам приказываю по приближении бандитов немедленно сообщать об этом в ближайший телефонный пункт, для чего при каждом селе нужно иметь лошадь со всадником. Предупреждаю, что невыполнение настоящего приказа буду рассматривать как прямое предательство и измену Родине и виновных привлекать к военно-полевому суду»[3].

---

1 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 259.

2 *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Антипартизанская республика. М., 2001.

3 *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. С. 234; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 140–148.

Как видим, даже облеченные властью старосты и бургомистры не спешили сообщать о партизанах в центр; к этому их приходилось принуждать угрозой военно-полевого суда.

Для немецкого командования ненависть местного населения к Каминскому не имела абсолютно никого значения. Для них было важно лишь, сколько солдат Каминский сможет бросить против партизан и добьются ли эти подразделения приемлемых успехов. Одновременно с созданием Локотского округа Каминский получил разрешение переформировать свои части в «бригаду милиции».

Осенью 1942 г. Каминский объявил мобилизацию в переданных ему в подчинение районах (на «старых территориях» мобилизация, как мы помним, велась с января). Командиров для новых подразделений не хватало, и в конце 1942 г. Каминский с согласия немецкого командования набрал в лагерях для военнопленных несколько десятков офицеров[1].

Бригада Каминского получила пафосное название «Русская освободительная народная армия». По состоянию на январь 1943 г. в бригаде имелось 14 батальонов общей численностью 9828 чел. Эти силы были дислоцированы по территории Локотского округа поротно. В крупных населенных пунктах стояли батальоны. Оружие РОНА получала от немцев — равно как и военную униформу. Снабжение продовольствием обеспечивалось за счет населения округа[2]. При каждом батальоне имелся немецкий офицер связи[3].

Насколько можно понять, особого доверия военнослужащим бригады РОНА у командования тыла 2-й танковой армии не было. Об этом свидетельствует тот факт, что в тех же населенных пунктах, где располагались батальоны каминцев, размещались и венгерские подразделения[4]. При этом численность формирований Каминского и располагавшихся на территории Локотского округа венгерских подразделений была как минимум равной. Это вместе с жестоким террором позволяло оккупантам не допустить массового перехода каминцев на сторону партизан. Кроме того, немцы оценивали бое-

---

1 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 254.

2 *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 91.

3 «Огненная дуга». С. 244; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 16. Л. 94–104.

4 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 171–173.

способность бригады РОНА весьма скептически. «Грабежи, несмотря на суровые запреты, — констатировал один из немецких офицеров-наблюдателей. — Поскольку в них принимали участие офицеры, было совершенно невозможно удерживать людей под контролем. Ночью караульные беспричинно покинули свои посты...»[1] Когда же осенью 1942 г. партизаны усилили давление на подразделения РОНА, генерал Бернхард был вынужден констатировать: «боевики инженера Каминского не могут отразить крупных нападений на себя»[2].

Приезжавшие из центра наблюдатели также восхищения бригадой не выражали. «У Деккера была возможность осмотреть все батальоны, — писал министр восточных территорий Альфред Розенберг. — Четыре батальона носят старую немецкую форму. Остальные батальоны внешне выглядят как дикая банда...»[3]

Тем временем давление партизан, оправившихся от сентябрьского наступления оккупантов, нарастало. 8 декабря отряд «За Родину» напал на станцию Погребы. Бой длился 12 часов; по данным партизан, потери оккупантов составили 159 чел., было разрушено три километра железнодорожного полотна, 2 стрелки и здание станции[4]. Активизировалась и диверсионная деятельность: взрывы на железнодорожном участке Брянск — Льгов, проходившем по территории Локотского округа, прогремели 14, 18, 19 и 20 декабря[5].

Новый сильный удар партизан ждал Каминского в начале февраля: в ночь на 1 февраля 1943 г. партизанской бригадой «За Родину» и переброшенной с «Большой земли» диверсионной группой гвардейских минеров капитана Хить была проведена операция по минированию железнодорожного участка Навля — Девичье железной дороги Брянск — Льгов. На протяжении четырех километров железная дорога была подорвана в 46 местах; разрушения маскировали установку семидесяти мин замедленного действия[6]. Немцы довольно быстро восстановили железнодорожное полотно, однако

---

[1] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 255.

[2] Ibid.

[3] *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. С. 122.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 204. Л. 36.

[5] Там же. Л. 46.

[6] Там же. Д. 205. Л. 12.

большую часть мин замедленного действия так и не нашли. Мины взрывались то тут, то там одна за другой; железнодорожное сообщение на участке Навля — Девичье было парализовано на месяц[1]. Это был один из эпизодов масштабной операции «Лампа», спланированной Центральным штабом партизанского движения и лично полковником Стариновым еще осенью 1942 г.

Формирования Каминского не многое могли противопоставить партизанам. Крупных самостоятельных операций против партизан подразделения РОНА не вели, их всегда поддерживали венгерские или немецкие части. Так было во время операции «Зеленый дятел» летом 1942-го, операций «Треугольник» и «Четырехугольник» осенью 1942-го, операций «Белый медведь I» и «Белый медведь II» зимой 1943-го и операции «Цыганский барон» весной 1943-го. Однако в качестве вспомогательных подразделений знающие местность и население каминцы были эффективны и — главное — по немецким оценкам экономили целую дивизию[2].

Не менее важным для оккупантов было то, что Каминский путем жесточайшего террора сумел добиться от своих подразделений лояльности по отношению к оккупантам. Когда немцы начали проводить на территории «Локотского округа» «вербовку восточных рабочих», части Каминского приняли в угоне крестьян весьма деятельное участие[3]. А ведь «вербовка добровольцев» осуществлялась столь мерзко, что даже прибалтийские коллаборационисты подобные мероприятия всячески саботировали, спасая своих соотечественников[4].

Весной 1943 г. батальоны РОНА были сведены в пять стрелковых полков трехбатальонного состава[5]. Боеспособность этих формирований, впрочем, была сомнительной; по мере приближения линии фронта росли просоветские настроения среди «народоармейцев» и полицейских. Когда же в 1943 г. фронт приблизился непосредственно

---

1 Там же. Л. 26.

2 *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. P. 255–256.

3 Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941–1944 гг. М., 1968. С. 246–247.

4 Там же. С. 254–259.

5 *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Антипартизанская республика. М., 2001.

к Локотскому округу, «народоармейцы», несмотря на пропаганду о том, что всех коллаборационистов красные уничтожат, начали «с оружием группами и подразделениями переходить на сторону Красной Армии»[1].

«Отмечается разложение войск обер-бургомистра Каминского, — отмечалось в оперативной сводке Брянского штаба партизанского движения от 16 августа 1943 г. — Полк Тарасова оказал вооруженное сопротивление немцам, за что был разоружен, а личный состав полка арестован. В ночь с 11.8 на 12.8.43 г. первая и вторая роты 11 батальона дислоцируемые в Черь под руководством солдат Шаронова, Марлина и Румянцева, были подняты на восстание. Восставшие имели целью поднять еще две роты, дислоцируемые в Остужное, совместными усилиями арестовать командование и остатки батальона, после чего выйти на железную дорогу, взорвать Нерусский ж. д. мост и линию и перейти на сторону партизан. В последний момент одним из предателей заговор был вскрыт. Завязался бой, после чего на сторону партизан перешло 128 солдат, захватив с собой 1 ст. пулемет, 9 ручных пулеметов, 3 ротных миномета и 110 винтовок»[2].

«Из 3-й роты 4-го батальона 2-го полка войск Каминского к партизанам перешло 52 чел. с командиром роты и с вооружением: 10 ручных пулеметов, 1 ротный миномет, 2 автомата и винтовками. При уходе ими уничтожено 2 станковых пулемета и 1 миномет, — сообщалось в оперативной сводке за 23 августа. — В результате чего весь 2-й полк Каминского немцами разоружен, 5 чел. командования 4-го батальона повешены, начальник штаба батальона перебежал к партизанам»[3].

Освобождение советскими войсками Орловской области положило конец «Локотскому окружному самоуправлению». Результат деятельности этой структуры оказался страшен; советские солдаты обнаружили многочисленные захоронения жертв режима Каминского.

5 сентября 1943 г. на северо-западной окраине Локотя были обнаружены недавно закопанные ямы, возле которых были «видны еще свежие следы дикой расправы». Процитируем составленный по свежим следам документ: «У наспех зарытых ям лежали мужские

---

1 «Огненная дуга». С. 245; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 16. Л. 94–104.

2 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 205. Л. 114.

3 Там же. Л. 119об.

головные уборы, женская обувь и веревки-наручники... При раскопке одной из таких ям было обнаружено 260 трупов мужчин, женщин и подростков... Трупы, еще не успевшие разложиться, лежали в несколько рядов плотно наваленными друг на друга со следами пулевых отверстий в области головы и грудной клетки. Многие из них разуты. Руки связаны назад. Большинство были одеты в тюремные халаты... Аналогичные могильники с трупами расстрелянных советских граждан находятся в лесу, близ деревни Пьявичи и в 50 метрах северо-западнее здания бывшей старой немецкой комендатуры города Локоть... По сведениям граждан города Локоть только в последние дни, перед своим отступлением, то есть с 18 по 23 августа с. г., было расстреляно немецкими бандитами и их сообщниками 368 чел. советских граждан, содержавшихся в тюрьме города Локоть... Немецко-фашистские оккупанты и их пособники в лице обер-бургомистра Каминского в течение почти двух лет в городе Локоть замучили и убили более 2000 советских граждан»[1].

На следующий день, 6 сентября, неподалеку от Локотя были сделаны новые страшные находки. В семи километрах от Локотя было обнаружено около тысячи мирных жителей, убитых при отступлении немцами и их пособниками. В составленном советскими солдатами и жителями ближайшей деревни Городище акте говорилось: «Нами подсчитано в лесу 993 трупа расстрелянных, сожженных, замученных. Но это далеко не полная цифра истребленных в это утро советских граждан. В числе замученных и истерзанных опознаны родными: Арихова Варвара Кузьминична — 58 лет. из дер. Городище, ее внучки Тамара — 1 год 8 месяцев, застреленная в упор разрывной пулей, Людмила — 5 лет, застреленная разрывной пулей и Галина — 6 лет, раненная двумя штыковыми ударами в плечи. Кучерявченкова Матрена — 30 лет и ее мать Кучерявченкова Дарья — 72 года из д. Колошичи, сожженные заживо. Расстреляны Тарасова Татьяна Никифоровна и ее сыновья Владимир 4 года, Леонид 11 лет и Дмитрий — 15 лет. Зверски убиты Французова — 33 года (из д. Городище), вместе с ее детьми Анной — 13 лет, Владимиром — 5 лет, Ниной — 1 год 5 месяцев»[2].

---

1 ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 94.

2 Там же.

Еще одно место массового убийства было обнаружено вблизи деревни Вороний Лог Брасовского района.

«На освобожденной от немецких захватчиков территории в лесу “Шемякинская дача” Брасовского района Орловской области обнаружены две группы зверски расстрелянных 5 сентября 1943 г. советских граждан, спасавшихся в лесу от угона в немецкое рабство в период отхода немецких мерзавцев под натиском нашей Красной Армии. При детальном осмотре обнаружено, что в одной группе находилось 44 трупа, в том числе 16 детских в возрасте от 6 месяцев до 10 лет, во второй группе обнаружено 21 труп, в том числе 9 детских трупов. Кроме этого вблизи от этих групп расстрелянных обнаружены 7 трупов с огнестрельными ранами, из них 3 детских и 4 женских. Осмотром трупов и подтверждением оставшихся в живых граждан — показания которых прилагаются — установлено, что зверский расстрел производился из двух пулеметов, установленных на расстоянии 5–8 метров от расстреливаемых, разрывными пулями, после чего гитлеровские мерзавцы свои жертвы забрасывали ручными гранатами, а тех, у которых были еще кое-какие признаки жизни, добивали из винтовок, о чем ярко свидетельствуют гильзы в местах, где стояли пулеметы, взрывы гранат и отдельные лежащие гильзы возле трупов расстрелянных. Трупы сильно обезображены. У многих разбиты черепа, переломаны и оторваны конечности, куски мягких тканей, мозговое вещество от разрыва гранат разбросано возле расстрелянных и даже на стволы и сучья вблизи стоящих деревьев. По положению трупов видно, что матери, у которых были грудные дети, спасая их, прижимали к груди и закрывали своим телом. По документам и опознаниям односельчан установлено: зверски расстрелянная семья колхозника села Городище Брасовского р-на, Орловской области, Французова Ивана Алексеевича, дочь Мария — 17 лет, сын Леонид — 14 лет, дочь Таня — 12 лет, дочь Рая — 8 лет. Семья жителя этого же села Бобкова Никифора, жена Бобкова Ирина Федоровна — 48 лет, сын Леонид — 4 года, дочь Валентина — 2 года. Расстреляна жена партизана Бобкова Мария Алексеевна — 20 лет и ее сын 6 месяцев. Расстреляна гражданка с. Городище — Оленичева Мария Тимофеевна, а ее сын Василий — 13 лет остался случайно живым и был обнаружен под трупами расстрелянных. Гитлеровские изверги расстреляли гражданку д. Гаврилова-гута, Суземского р-на, Орловской области — Иванькову

Анну Степановну — 25 лет на глазах ее малолетних детей Вити 2 лет, Вани — 6 лет и Клавы 3 лет очередью из автомата в голову, в момент, когда Иванькова умоляла стоя на коленях не расстреливать ее и детей. В момент нашего прибытия к месту расстрела у трупа матери находились ее трое детей. Старший из маленьких Ваня и подошедшая в это время спасшаяся его бабушка рассказали, что гитлеровец, расстреляв мать, дал им по конфете, чтоб они не плакали»[1].

В тот же день была сделана еще одна страшная находка у дер. Хутор Холмецкий: «Обнаружено несколько воронок от авиабомб. Три из них оказались заполненными трупами детей, стариков и женщин, расстрелянными гитлеровцами. Расследование показало, что немцы мирных жителей угоняли на свою территорию для того, чтобы их превратить в рабов, но при спешном отступлении немцы, не успев забрать с собой жителей, загнали их в воронки и расстреляли. В каждой из воронок было обнаружено по 13–15 трупов. Найденными документами установлено, что в числе расстрелянных были: Котляров Матвей, Котляров Дмитрий, Котлярова Анна из деревни Городище, Ковырзин Филипп — рождения 1890 г., Ковырзин Петр, Ковырзина Мария, Ковырзина Екатерина — рождения 1898 г. из д. Автухи»[2].

На следующий день, 7 сентября, страшные находки у Хутора Холмецкого продолжались. «Нами обнаружено 4 ямы западнее 0,5 км дер. Хутор Холмецкий, в которых находится трупов мирных граждан (детей, женщин и стариков) до 500 чел., расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками при отступлении 5.9.43 г. ... Вблизи пос. Шемякино, Брасовского р-на, Орловской области в лесу обнаружено свыше 250 трупов советских граждан женщин, стариков и детей. По показанию гр-на Болофанова Н. М. и партизана тов. Василенко установлено, что в лесу скрывалось около 350 граждан, не желавших быть угнанными в фашистское рабство. Отступающими частями немецкой армии 5-го сентября 1943 г. более 50 фашистских автоматчиков ворвались в расположение, где проживали советские граждане, и начали беспощадно уничтожать мирное население, применяя автоматы, штыки и кинжалы. Произведенным осмотром

---

1 ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 94.

2 Там же.

трупов обнаружены огнестрельные, колотые и резаные раны. Есть ряд трупов, у которых распороты животы, выколоты глаза, перерезано горло, а один старик был заколот штыком в грудь и брошен в горящий костер, часть трупов имеют на шее следы удушения. Среди этих трупов опознаны граждане Самсонкина Валентина – 19 лет, Федонин Василий Дмитриевич – 63 лет, Арефьева Варвара Кузминична – 58 лет, ее муж Арефьев Яков Гаврилович – 65 лет, дочери Татьяна и Анастасия – внуки Тамара – 13 лет, Галя – 10 лет, Толя – 8 лет и Юлия – 5 лет, Французова Агафья Кузьминична – 48 лет, Швыгов Яков Гаврилович – 58 лет, Чибисова Варвара – 30 лет и ее дочь Мотя – 7 месяцев, Высоцкая Раиса – 17 лет и много других граждан д. Городищево Шаблыкинского района, Орловской области. Также опознаны жители д. Локоть, Брасовского района этой же области – Гриценкина Феня – 27 лет с грудной дочерью 5 месяцев, Кулагина Пелагея Федоровна – 52 лет и ряд других граждан из с. Кокаревка, Шемякино, Волчий лог, Тарасовка и др. соседних населенных пунктов»[1].

Всего на территории Брасовского района нацистами и их пособниками-каминцами было уничтожено 5395 чел.[2] Количество же уничтоженных мирных жителей на всей территории Локотского округа к настоящему времени остается неизвестным; по всей видимости, речь идет о десятках тысяч человек.

***

Создание «Локотского самоуправляющегося округа» стало возможно по нескольким причинам, главными из которых стали активная боевая деятельность брянских партизан и нехватка у оккупантов сил для их подавления.

Для того чтобы сэкономить «немецкую кровь», командование 2-й танковой армии пошло на предоставление продемонстрировавшему свою лояльность оккупантам Брониславу Каминскому разрешения «милитаризировать» подчиненный ему район и вести борьбу с партизанами – естественно, под немецким контролем.

---

[1] ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2187. Д. 94.

[2] *Макаров В., Христофоров В.* Дети генерала Шмидта. С. 94.

Создаваемые из мобилизованных крестьян подразделения Каминского не отличались особой боеспособностью, однако они препятствовали расширению партизанского движения (могущие оказать поддержку партизанам люди оказывались мобилизованными в антипартизанские формирования) и позволяли отвлекать на борьбу с партизанами меньше немецких подразделений. Жестокость отдельных подразделений Каминского, целиком уничтожавших семьи партизан, провоцировали ответные удары партизан против семей полицейских и способствовали разжиганию междоусобного конфликта, выгодного оккупантам.

В Локотской волости, а затем в Локотском районе был установлен жестокий режим, приметами которого стали постоянные расстрелы в местной тюрьме. Даже немецкие документы свидетельствуют, что население Каминского боялось и ненавидело.

Каминскому так и не удалось установить контроль над всей территории подчиненного ему округа. Большую часть его контролировали партизаны, справиться с которыми бригада Каминского не могла даже при активной поддержке немецких и венгерских частей. Однако количество уничтоженных русскими коллаборационистами мирных жителей оказалось очень велико.

Очерк 2. Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии[1]

22 марта 1943 г. каратели окружили белорусскую деревню Хатынь, расположенную неподалеку от дороги Логойск — Плещеницы. Все население деревни было согнано в большой колхозный сарай; после этого здание было облито бензином и подожжено. По пытавшимся выбраться из горящего сарая людям стреляли. В огне погибло

[1] Написано при участии В. Д. Селеменева. Сокращенный вариант опубликован в качестве предисловия к сборнику документов «Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг.» (М., 2018).

149 жителей деревни, в том числе 75 детей. После этого деревня была полностью уничтожена.

Уничтожение деревень вместе с жителями было стандартным сценарием, реализовывавшимся нацистскими оккупантами в рамках Bandenkampf — войны с партизанами. Изданное 11 ноября 1942 г. Главным командованием вооруженных сил Германии наставление по борьбе с партизанами предписывало: «В обращении с бандитами и их добровольными пособниками проявлять крайнюю жестокость. Сентиментальность в этом решающем вопросе — безответственна. Сама жестокость мер и страх перед ожидаемым наказанием должны удерживать население от помощи и содействия бандам... Каждый командир части несет ответственность за то, чтобы пленные бандиты и гражданские лица, которые были захвачены в ходе боевых действий (в том числе и женщины), были расстреляны, а лучше — повешены»[1]. Осуществлявшиеся в рамках «борьбы с партизанами» карательные операции очень быстро приобрели характер тотального уничтожения; их конечным результатом становилось создание так называемых мертвых зон, превращенных в выжженную пустыню.

Совершаемые в рамках войны с партизанами масштабные преступления против мирного населения Белоруссии были запрограммированы человеконенавистнической нацистской идеологией и многочисленными преступными приказами командования вермахта и полиции. Однако непосредственные исполнители этих приказов зачастую не были ни членами НСДАП, ни даже немцами по национальности. Ударной силой карательных «антипартизанских» операций на севере Белоруссии были латышские полицейские батальоны[2], в районе Минска и Борисова карательные операции осуществлял 2-й (12-й) литовский полицейский батальон[3]. Ну а деревню Хатынь уничтожали военнослужащие сразу двух карательных подразделе-

---

[1] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 / Сост. З. И. Белуга, Н. И. Каминский и др. Минск, 1965. С. 43.

[2] См., напр.: «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль — март 1943 год. Сборник документов / Сост. В. Д. Селеменев, А. Р. Дюков и др. М., 2013.

[3] *Bubnys A.* Lietuvių policijos batalionai, 1941–1945 m. Vilnius, 2017.

ний — батальона СС Дирлевангера и 118-го украинского батальона охранной полиции.

Преступная деятельность батальона Дирлевангера довольно хорошо известна; исследователи нацистской истребительной политики традиционно уделяют много внимания этому карательному подразделению[1]. А вот история 118-го украинского батальона исследована гораздо хуже, оставляя простор для спекуляций и даже прямых фальсификаций. Украинский историк В. Косык, например, утверждает, что 118-й полицейский батальон был якобы переброшен в Белоруссию лишь в июле 1943 г. и потому вообще не мог принимать участие в уничтожении Хатыни[2]. Разумеется, это утверждение находится в прямом противоречии с документами, надежно фиксирующими непрерывное нахождение 118-го батальона в районе Плещениц начиная с января 1943 г. .

К настоящему времени существует лишь несколько работ, посвященных истории 118-го украинского полицейского батальона. Вышедшая в начале 1990-х гг. книга А. Дуды и В. Старика «Буковинский курень в боях за украинскую государственность» носит откровенно апологетический характер: военнослужащие Буковинского куреня ОУН(М) и впоследствии сформированных на его основе 115-го и 118-го украинских полицейских батальонов подаются авторами как герои, а совершенные ими многочисленные преступления против человечности последовательно игнорируются[3]. Немного более основательный характер носит защищенное в 1999 г. в Канаде диссертационное исследование Н. Петрушкевич[4]. Однако значимой с научной точки зрения эта работа, к сожалению, не является. Ее источниковая база ужасающе бедна, а идеологически обусловленные

---

[1] См., напр., новейшую монографию: *Жуков Д., Ковтун И.* Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. М., 2013.

[2] *Косик В.* Правда історії. Роки окупації України 1939–1944 (Збірник статтей). Київ, 2008. С. 107, 116.

[3] *Дуда А., Старик В.* Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918–1941–1944. Чернівці, 1995.

[4] *Petrouchkevitch N.* «Victims and criminals: Schutzmannschaft battalion 118 (Belarus, Ukraine)» (1999). Theses and Dissertations (Comprehensive). URL: http://scholars.wlu.ca/etd/35.

попытки представить военнослужащих 118-го в качестве жертв обстоятельств не позволяют говорить об объективности исследования.

В результате единственным историком, внесшим по-настоящему важный вклад в изучение истории 118-го украинского полицейского батальона, стал шведский исследователь П. Рудлинг, сначала опубликовавший исследование о роли военнослужащих батальона в уничтожении Хатыни[1], а вслед за ним — масштабную работу о других преступлениях, совершенных данным карательным подразделением[2]. Что же касается публикаций документов о деятельности 118-го украинского полицейского батальона, то к настоящему времени единственным изданием подобного рода является выпущенный в 2009 г. Национальным архивом Республики Беларусь сборник документов «Хатынь. Трагедия и память». В нем опубликованы отчет командира 118-го батальона Э. Кёрнера об уничтожении Хатыни, а также послевоенные признательные показания его бывших подчиненных о данной карательной акции[3]. Однако документы о других преступлениях, совершенных военнослужащими батальона, в сборнике отсутствуют.

. В 1970-е гг. управление Комитета государственной безопасности по Гродненской области проделало большую работу по расследованию карательной деятельности 118-го украинского полицейского батальона. Были найдены, арестованы и осуждены некоторые его бывшие военнослужащие, в их числе О. Ф. Кнап, Г. Г. Лакуста, И. М. Лозинский, В. А. Мелешко. В октябре 1987 г. был осужден и расстрелян бывший начальник штаба батальона Г. Васюра. Благодаря следствию и судеб-

---

1 *Rudling P.* The Khatyn Massacre in Belorussia: A Historical Controversy Revisited // Holocaust and Genocide Studies. 2012. № 1.

2 *Rudling P.* Terror and Local Collaboration in Occupied Belarus: The case of Schutzmannschaft Battalion 118. Part One: Background // Historical Yearbook. Vol. VIII. Bucharest, 2011; *Rudling P.* Terror and Local Collaboration in Occupied Belarus : The case of Schutzmannschaft Battalion 118. Part Two. War Criminality // Historical Yearbook. Vol. IX. Bucharest, 2012. Русский перевод: *Рудлинг П.* Террор и коллаборационизм во время Второй мировой войны: случай 118-го батальона охранной полиции в оккупированной Белоруссии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 1.

3 Хатынь: трагедия и память. Документы и материалы / Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев. Минск, 2009.

ным процессам над военнослужащими батальона в нашем распоряжении имеются не только документы немецкой полиции и советских партизан, но и обширные показания карателей и воспоминания их жертв. Совокупность перечисленных источников позволяет объективно осветить деятельность этого карательного подразделения.

Свой «боевой» путь 118-й украинский полицейский батальон начал из Киева. История создания батальона была достаточно причудливой. В июле 1941 г., вскоре после нападения Германии на Советский Союз, руководство мельниковской фракции Организации украинских националистов создало на Буковине парамилитарное формирование, получившее название Буковинского куреня. Вслед за наступающими немецкими войсками это подразделение продвигалось на восток, пока осенью 1941 г. не достигло Киева. Современный украинский историк В. Нахманович утверждает, что Буковинский курень прибыл в Киев в конце октября — начале ноября, и потому его военнослужащие не успели принять участие в организованных нацистами массовых расстрелах евреев в Бабьем Яру[1]. Однако большинство исследователей считает, что Буковинский курень прибыл в Киев одновременно с передовыми частями вермахта или несколькими днями позже и принимал участие в убийствах евреев[2]. О справедливости данного мнения свидетельствует еще одно обстоятельство: очевидцы расстрелов в Бабьем Яру вспоминают, что среди палачей были представители украинской полиции с характерным «западным» акцентом[3].

В конце 1941 г., однако, немецкая оккупационная администрация развернула репрессии против украинских националистов[4]; контролировавшиеся националистами парамилитарные формирования

---

1 *Нахманович В.* Буковинський курінь і масові розстріли євреїв Києва восени 1941 р. // Український історичний журнал. 2007. № 3. С. 76–83.

2 *Berkhoff K.* Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian, and Ukrainian Records // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. R. Bandon, W. Lower. Bloomington, 2008. P. 303; *Рудлинг П.* Террор и коллаборационизм... С. 279.

3 Бабий Яр. Последние свидетели (2013). Документальный фильм. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KfjOWYASSB0.

4 *Дюков А. Р.* Ликвидация «враждебного элемента». Националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе. Избранные исследования. М., 2017. С. 103–105.

распускались, а их личный состав направлялся на формирования батальонов охранной полиции. Из военнослужащих Буковинского куреня и советских военнопленных-украинцев оккупантами был создан 115-й украинский полицейский батальон. Спустя некоторое время 3-я рота 115-го батальона была использована в качестве основы для формирования еще одного, 118-го украинского полицейского батальона[1]. Согласно показаниям Г. Васюры, 118-й батальон состоял из трех стрелковых рот, минометного и хозяйственного взводов, двух расчетов 45-миллиметровых пушек. 1-я рота состояла преимущественно из членов бывшего Буковинского куреня, 2-я и 3-я — из советских военнопленных и жителей Киевской области.

В батальоне было двойное командование: при каждом украинском командире батальона и рот находились так называемые «шефы» — немецкие офицеры. Шефом батальона был майор Э. Кёрнер, командиром батальона — бывший петлюровец К. Смовский. В батальоне также имелось два штаба, немецкий и украинский. Всего в батальоне служило 500 чел., в том числе около 40 немцев.

В декабре 1942 г. батальон был переброшен в Белоруссию. После непродолжительного пребывания в г. Минске основная часть 118-го батальона разместилась г.п. Плещеницы Минской области. 2-я рота батальона была брошена на поиски дезертировавших военнослужащих и до конца марта находилась в Слуцком районе.

Основной задачей 118-го батальона в Белоруссии являлась борьба с партизанами. Велась она самыми жесткими способами. Расстреливались не только партизаны, но и мирные жители, сжигались населенные пункты и дома, конфисковывался скот, сельскохозяйственная продукция и т. д.

6 января 1943 г. 1-я и 3-я роты батальона совместно с жандармами и полицейскими атаковали партизан, находившихся в деревне Чмелевичи Плещеницкого района. После боя они ограбили и сожгли деревню[2]. Бывший командир взвода 1-й роты батальона В. Мелешко впоследствии вспоминал: «Будучи в деревне, я видел, что полицей-

---

1 *Рудлинг П.* Террор и коллаборационизм... С. 281.

2 Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг. М., 2018. Док. № 1. Далее при ссылке на этот сборник указывается только номер документа.

ские из моего взвода, как и другие каратели, поджигали постройки, занимались грабежом. Но на это я никаких команд им не давал. Когда каратели уходили из деревни, она была охвачена огнем. Я не оспариваю того, что в ней сгорело 58 домов»[1].

19 января 1943 г. по распоряжению начальника СС и полиции Борисовского округа 15 жандармов, 20 полицейских и 45 военнослужащих 118-го полицейского батальона осуществили антипартизанскую операцию в деревнях Селище и Мокрадь Плещеницкого района[2]. 18 февраля 1943 г. проведена антипартизанская операция в деревнях Заречье и Котели Плещеницкого района, в которой участвовало 100 полицейских 118-го батальона. Операцией руководил гауптман Г. Вельке, шеф 1-й роты. Бывший разведчик отряда Котовского бригады «Народные мстители» С. А. Бурак рассказывал, что после отхода партизан в лесной массив каратели ворвались в деревни Котели и Заречье и стали поджигать дома, расстреливать жителей, грабить их имущество. В первой деревне они сожгли примерно 10 домов и расстреляли 4 жителей, во второй сожгли около 30 домов и убили 10–12 чел.[3]

22 марта 1943 г. для восстановления поврежденной партизанами связи между Плещеницами и Логойском были направлены два взвода 1-й роты батальона, которые попали в засаду, организованную партизанским отрядом «Мститель» бригады В. Г. Воронянского. В завязавшейся перестрелке погиб шеф-командир роты гауптман Г. Вельке и двое полицейских, несколько человек получили ранения. Для преследования партизан каратели вызвали помощь. Одновременно ими были арестованы жители деревни Козыри, занимавшиеся вырубкой леса недалеко от места засады. Их заподозрили в связи с партизанами. Когда прибыло подкрепление из Плещениц, арестованные стали разбегаться, решив, что их будут расстреливать. Каратели открыли по ним огонь и убили 26 чел., некоторые получили ранения, двоим удалось скрыться. Оставшихся в живых каратели отконвоировали в Плещеницы. Вскоре прибыли военнослужащие Дирлевангера,

[1] Док. № 130.

[2] Док. № 4.

[3] Док. № 140.

после чего полицейские и эсэсовцы начали преследование партизан и вышли к деревне Хатынь.

Партизаны не были готовы к появлению карателей: в кратком боестолкновении погибли трое, а остальные отступили. Каратели не преследовали партизан; вместо этого они устроили расправу над жителями деревни. Судьба этих людей была решена: их всех согнали в большой сарай. Командир взвода 118-го батальона В. Мелешко впоследствии вспомнит: «Людей собрали на улице в центре деревни, где находилось командование батальона и эсэсовцы. Затем я получил от Винницкого команду конвоировать собранных жителей — стариков, женщин и детей — к сараю, стоявшему неподалеку. Я такой приказ дал командирам отделений Лакусте и Катрюку, которые стали с подчиненными конвоировать жителей к сараю». Стоявший в оцеплении рядовой С. Мышак видел, как происходил сбор жителей деревни: «Находясь в оцеплении в 30–50 метрах от села в центральной его части, я хорошо слышал крики и плач женщин, детей. Видел, как прибывшие из Логойска эсэсовцы сгоняли жителей села к сараю. Хорошо видел, что по селу ходили полицейские 118-го батальона Солоп Сергей, Филиппов, Катрюк».

Наконец все жители были собраны. Из показаний О. Кнапа: «Я хорошо видел, как переводчик Лукович поджег факелом сарай, вернее, его соломенную крышу. Сарай загорелся. Люди в сарае стали кричать, плакать. Крики горевших и задыхающихся от дыма людей были страшные. Их невозможно было слышать. От них становилось жутко. Здесь я хорошо не помню, или кому удалось выбраться из пламени, или просто по сараю была открыта стрельба из всех видов оружия: пулеметов, автоматов, винтовок. Я не мог переносить этого, поэтому ни одного выстрела по сараю не сделал. В основном по сараю стреляли из стоящего против ворот станкового пулемета и из автоматов Васюра, Мелешко, Лакуста, Слижук, Ильчук, Катрюк, Пасечник, Кмит, Панкив, Лукович, Филиппов. Стреляли и находившиеся возле сарая эсэсовцы». Так было уничтожено 149 жителей деревни Хатынь, в том числе — 75 несовершеннолетних детей.

В период с 1 по 10 мая 1943 г. 118-й батальон участвовал в карательной операции «Смельчак-2»[1]. Это была подготовка к крупней-

[1] Убийцы Хатыни. Док. № 46.

шей антипартизанской операции «Котбус». А накануне операции, 13 мая, батальон сжег деревню Дальковичи. Бывший партизан отряда «Борьба» В. П. Довжонок, принимавший участие в бое с карателями, вспоминал, что когда он на следующий день вернулся в деревню, то застал страшную картину: «Кроме двух домов, вся деревня была сожжена. Я видел в тот день труп местного жителя Аринича Данилы. Он лежал в саду под яблоней сильно обгоревший. Больше никого из убитых местных жителей я не видел, так как их уже захоронили»[1]. В деревне погибли не только мирные жители, но и партизаны.

Во время карательной операции «Котбус» 118-й батальон действовал в Бегомльском районе. Продвигаясь по району, с 20 мая 1943 г. каратели вели бои с партизанами, сжигали деревни, расправлялись с их жителями, угоняли население на принудительные работы в Германию. Первой каратели уничтожили деревню Новая Вилейка. В сожженной деревне Вилейка они учинили расправу над ее жителями. По показаниям И. М. Варламова, «полицейские первой роты согнали всех жителей в одно место и разделили их на несколько групп. Отобранную молодежь увезли сразу на грузовиках для отправки в Германию. Группу женщин с детьми поместили в один сарай, а 6–7 мужчин в другой. После допросов мужчин в тот же день расстреляли в сарае». Также были расстреляны женщины и дети. На следующий день, уезжая, каратели подожгли сарай[2]. Бывший полицейский 118-го батальона Т. Топчий на допросе в апреле 1974 г. рассказал, что в ходе операции «Котбус» «в деревне Осовы Бегомльского района был массовый расстрел людей, в котором принимали участие военнослужащие первой роты и штаба батальона. С помощью местного старосты были отобраны семьи партизан и расстреляны в одном сарае, находившемся несколько в стороне от жилых домов»[3].

«Когда мужчин, женщин, детей стали отводить от штаба, они начали кричать, почему только их гонят, староста тоже связан с партизанами, — вспоминал военнослужащий 118-го батальона И. Козыченко. — Присоединили старосту к другим арестованным гражданским лицам и погнали их к отдельно стоявшему в конце деревни сараю. ...

---

[1] Док. № 140.

[2] Док. № 102.

[3] Убийцы Хатыни. Док. № 110.

Людей к сараю конвоировали Васюра, Мелешко, Лакуста, Слижук, Лукович, Катрюк, Кнап и другие полицейские первой роты... Помню, когда людей загнали в сарай, закрыли в нем, оцепили сарай полукругом и открыли по находившимся в сарае людям огонь со всех видов оружия».

Военнослужащие 118-го батальона участвовали не только в убийствах, но и в пытках. Вот показания члена 118-го батальона Т. Топчего: «В первый день операции в одной деревне, названия которой не помню, командир взвода Винницкий и командир взвода Мелешко Василий с участием своих подчиненных Лакусты и Катрюка допрашивали женщину-учительницу и били ее... Женщина была в возрасте примерно 30 лет. Когда ее допрашивали, я находился на улице возле того дома и слышал, как она кричала и просила не бить ее, так как ни в чем не виновата».

18 июня 1943 г. батальон вернулся в г.п. Плещеницы, но уже вскоре выбыл в Барановичскую область. В новой карательной операции «Герман» командиру 118-го батальона Э. Кёрнеру было поручено руководить оперативной группой. В его подчинении находились 15-й и 115-й полицейские батальоны, 7-й, 13-й и 19-й моторизованные взводы жандармерии и подразделения главной полевой комендатуры № 392. В ходе операции каратели убили 4280 чел., захватили для угона в Германию 20 944 чел., сожгли более 150 деревень[1].

Свой вклад в эти преступления внес и 118-й украинский полицейский батальон. Во время прочесывания леса в Налибокской пуще военнослужащими 1-й роты батальона были обнаружены землянки со скрывающимися в них евреями. Каратели забросали их гранатами, а уцелевших, среди которых были женщины и ребенок 3–4 лет, расстреляли[2] (док. № 143). Убитые карателями 118-го батальона евреи входили в состав группы партизан Бельских.

После завершения операции 118-й батальон остался в Барановичской области. Некоторое время он находился в Слонимском районе, а затем командование и штаб батальона передислоцировались

---

[1] Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 гг. Минск, 1984.

[2] Убийцы Хатыни. Док. № 143.

в г. Лиду, 1-я рота в г. п. Ивье, 2-я в г. п. Василишки, 3-я в г. п. Щучин. Батальон вел активную борьбу с партизанами, участвовал в заготовках продовольствия, конфискации скота, грабежах и насилии и др. По показаниям Г. Спивака, «во время дислокации первой роты в поселке Ивье нам приходилось выезжать в села Ивьевского района, где случались перестрелки с партизанами»[1].

В марте — апреле 1944 г. во время одного из таких «выездов» была сожжена деревня, которая, по свидетельству бывшего полицейского 1-й роты Г. Топчего, «находилась при самом лесу. Люди все убежали в лес, и мы никого не застали. После обстрела мы ворвались в деревню, забрали скот и другое более ценное имущество жителей, а перед отъездом подожгли все постройки»[2].

В июле 1944 г. вместе с отступающими немецкими частями 118-й украинский батальон отошел в Польшу, а затем был передислоцирован в Восточную Пруссию. Здесь его реорганизовали в 63-й украинский батальон и влили в состав 30-й гренадерской дивизии СС. В августе 1944 г. она была переброшена во Францию. 27 августа 1944 г. два украинских батальона, перебив немцев-шефов, перешли на сторону французских партизан. После войны часть военнослужащих 118-го батальона остались на Западе, некоторые репатриировались в Советский Союз.

Большинство карателей из 118-го украинского полицейского батальона избежали заслуженного наказания — в том числе командиры батальона Эрих Кёрнер и Константин Смовский. Благополучно избежал наказания и проживавший в Канаде командир отделения 1-й роты батальона В. Катрюк, ответственный за многочисленные преступления. Последний из убийц Хатыни и других белорусских деревень умер в своей постели 22 мая 2015 г.

---

[1] Док. № 107.

[2] Док. № 110.

Очерк 3. Операция «Зимнее волшебство»: нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм[1]

Операция «Зимнее волшебство» затронула четыре граничащих с Латвией района Белоруссии и России: Дриссенский, Освейский, Россонский и Себежский. На этой территории к началу 1943 г. располагался достаточно обширный край, контролируемый советскими партизанами, — так называемая Россонско-Освейская партизанская зона. Географическое положение на стыке границ Латвии, Белоруссии и России предопределило важное стратегическое значение этого партизанского края, служившего своеобразным плацдармом для развертывания советского партизанского движения на территории Латгалии. Согласно агентурным данным абвера, в начале 1943 г. в районе Освеи находились латышский партизанский отряд численностью около 80 чел. и значительные (общей численностью как минимум до 500 чел.) белорусские партизанские формирования[2]. На самом деле немецкая разведка недооценивала численность сосредоточенных в партизанском крае сил сопротивления: в советских документах упоминается о том, что во время операции «Зимнее волшебство» карателям противодействовали 6 калининских партизанских бригад (1-я, 3-я, 4-я, 5-я, 10-я, 11-я) и 6 белорусских (Россонская им. Сталина, Россонская «За Советскую Белоруссию» (она подчинялась Калининскому штабу партизанского движения), Освейская им. М. В. Фрунзе, Дриссенская, Бешенковичская «За Советскую Белоруссию», часть Сиротинской), а также отдельные отряды С. Ф. Бубина, В. С. Нового и латышский отряд В. П. Самсона[3]. В боевых действиях были

---

1 Написано при участии В. Д. Селеменева и В. В. Симиндея. Сокращенный вариант опубликован: «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль — март 1943 гг.: Документы и материалы. Минск; М., 2013. С. 13–25.

2 Доклад Абвера о силах партизан и их деятельности в районе Освея с 01.01.1943 по 21.01.1943 // Антинацистские партизаны в Латвии, 1942–1945. Рига, 2008. С. 319–321.

3 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–12; НАРБ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 42. Л. 89; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1055. Л. 1,9.

задействованы также отряд бригады «Неуловимые» М. С. Прудникова и часть бригады «Спартак», вытесненной карателями из Вилейской области и находившейся в Россонском районе. Общая численность советских партизан в Россонско-Освейской партизанской зоне в начале 1943 г. превышала 8000 чел.

Ошибаясь в оценке численности советских партизан, значение партизанского края оккупационные власти оценивали правильно. «Наличие большого скопления партизан в Россонах означает все возрастающую опасность, — говорилось в докладе начальника айнзатцгруппы “Б”, направленном в Берлин. — В результате этого подвергается риску дальнейшее пополнение и снабжение северной части центрального участка фронта. Из этого вытекает создание благоприятной обстановки для проведения операций Красной Армии в тылу немецких войск»[1].

Первая в 1943 г. попытка ликвидации партизанского края была предпринята оккупационными властями в январе 1943 г. Операция получила кодовое название «Заяц-беляк»; в ней были задействованы 201-я охранная дивизия, 8-й полк СС, подразделения 281-й охранной и 391-й учебно-полевой дивизий[2]. Для мирного населения партизанского края она обернулась страшной трагедией. По подсчетам партизан, только в период с 25 января по 16 февраля 1943 г. в Россонском районе было сожжено 260 жилых домов, расстреляно и сожжено заживо 1245 чел., в том числе 216 мужчин (включая стариков), 815 женщин и 214 детей[3]. Попавшие под удар карателей партизанские соединения, судя по всему, не понесли серьезных потерь, однако были дезорганизованы и практически не располагали боеприпасами.

Операция «Зимнее волшебство» по замыслу оккупационных властей должна была стать дополнением к операции «Заяц-беляк». Ее стратегической целью было создание «нейтральной зоны» в районе белорусско-латвийской границы; таким образом, должно было быть блокировано распространение деятельности советских партизан на

---

[1] *Иоффе Э. Г.* Командир Россонской бригады // Рэспубліка. 2007. 2 июня.

[2] Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии. С. 251.

[3] Трагедия белорусских деревень, 1941–1944. С. 132; НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 8. Л. 10.

территорию Латвии. А. Литвин и К. Кангерис пишут, что ширина «мертвой зоны» должна была составить 40 км[1]. Захваченные же во время операции советскими партизанами военнослужащие полицейских батальонов утверждали, что «мертвая зона» должна была составить 30 км[2].

Как бы то ни было, уже сама постановка задачи о создании «нейтральной зоны» предопределяла массовое уничтожение находившихся в зоне операции деревень и значительной части местных жителей. Не приходится сомневаться, что это четко осознавалось как руководителями операции, так и непосредственными исполнителями.

Операция планировалась и проводилась под общим руководством высшего руководителя СС и полиции «Остланд» и «Россия–Север» обергруппенфюрера СС Ф. Еккельна. 4 февраля 1943 г. он созвал совещание, на котором было принято решение о создании двух оперативных групп под командованием бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Шредера и полковника охранной полиции Кнехта. Их основу составляли латышские полицейские батальоны. В первую вошли 273-й (19 офицеров и 417 солдат), 280-й (29 офицеров и 630 солдат), 281-й (50 офицеров и 616 солдат) батальоны, во вторую — 276-й (19 офицеров и 330 солдат), 277-й (18 офицеров и 403 солдата), 278-й (18 офицеров и 403 солдата), 279-й (20 офицеров и 354 солдата)[3].

Первоначально в операции также были задействованы 50-й украинский полицейский батальон, рота СС и полиции, армейские артиллерийские и зенитные подразделения, роты связи и авиагруппа особого назначения[4].

Показательно, что немецкие подразделения и украинский полицейский батальон не были включены в состав боевых групп, составив, таким образом, своеобразный резерв командования. Ударной силой

[1] *Литвин А. М.* Латвийские полицейские («шутцманшафт») батальоны в Белоруссии... С. 40; *Kangeris K.* Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās... 342. lpp.

[2] НАРБ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 151. Л. 14.

[3] *Kangeris K.* Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās... 343–345. lpp.

[4] НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1020. Л. 12–13.

карательной операции должны были стать латышские полицейские батальоны.

Каждой оперативной группе придавались команды полиции безопасности и СД, которыми руководил начальник полиции безопасности и СД «Остланд»[1]. В приказе Ф. Еккельна от 15 февраля 1943 г. отмечалось:

«В рамках операции “Зимнее волшебство” полиции безопасности и СД ставятся следующие задачи: ...Очистка уже прочесанной области от всех оставшихся бандитов и подозрительных лиц, а также сбор всех сельскохозяйственных и иных продуктов является задачей большой важности и, в то же время, задачей СД. ...Бандиты и подозрительные принципиально подлежат расстрелу. Все остальные лица, если они пригодны к труду, включая детей, могут быть оставлены по всестороннему согласованию СД и военных частей»[2].

В компетенцию команд полиции безопасности и СД входило уничтожение населенных пунктов. При этом приказы о сожжении деревень могли отдавать офицеры уровня командира роты и более высокого ранга. Воинские подразделения могли уничтожать населенные пункты только в случаях, вызванных необходимостью выполнения боевых задач. Команды полиции безопасности и СД проводили репрессии в отношении мирного населения, занимались его угоном на принудительные работы, реквизицией сельскохозяйственного скота и продукции. В решении этих задач им должны были помогать воинские подразделения. Команда полиции безопасности и СД при группе Шредера состояла из 115 чел., ею командовал оберштурмбаннфюрер СС Краузе. Команда при группе Кнехта включала 95 чел. под руководством гауптштурфюрера СС Краузе. 19 февраля его заменил штурмбаннфюрер СС Рудольф Ланге — участник Ванзейской конференции и один из главных организаторов Холокоста в Латвии. Весьма примечательно, что в состав группы Ланге входила и часть «команды Арайса» — одного из самых известных латышских подразделений, осуществлявших массовые убийства евреев в Латвии и Белоруссии[3].

---

[1] ГАВО. Ф. 2831. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–20 об.

[2] Там же. Л. 19–19 об.

[3] НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1022б. Л. 106–107.

Уже в ходе операции «Зимнее волшебство» к ее проведению привлекались новые формирования: спешно сформированный 282-й (Е) латышский полицейский батальон (18 офицеров и 460 солдат), 2-й литовский полицейский батальон, рота 36-го эстонского полицейского батальона, рота 232-го охранного батальона вермахта, 10-й и 20-й взводы моторизованной жандармерии. Состав боевых групп несколько изменился: в ходе операции была создана третья оперативная группа под командованием Иссерштедта, в которую вошли 2-й литовский и 50-й украинский полицейские батальоны, рота СС и полиции. Личный состав эстонской роты был придан командам полиции безопасности и СД[1]. Таким образом, моноэтничный состав карателей был немного разбавлен; однако все равно подавляющее их большинство составляли латыши. Общая численность сил карателей, задействованных в операции «Зимнее волшебство», в выявленных немецких документах не указывается. По нашим подсчетам, она составляла около 5–5,5 тысячи чел. Численность же задействованных в ходе операции латышских полицейских формирований, по подсчетам историка К. Кангериса, составляла 3889 военнослужащих полицейских батальонов[2]; помимо этого в операции участвовало неустановленное число латышей из «команды Арайса» в составе команд полиции безопасности и СД.

Подготовка к операции продолжалась до 15 февраля 1943 г. На следующий день, 16 февраля, каратели с трех направлений (Бигосово, Дрисса, Латвия) начали боевые действия. Насколько можно понять, наступление карателей стало неожиданностью для советских партизан; из донесений боевой группы Кнехта следует, что подчиненные ей латышские полицейские батальоны выполнили поставленные им задачи без единой потери. Число убитых «бандитов» составило 15 чел., причем помимо этого военнослужащими 277-го полицейского батальона были расстреляны 10 «подозрительных лиц»[3]. Убийства местных жителей начались в первый же день операции. Это подтверждается и данными советских партизан: уже в одном из

---

[1] ГАВО. Ф. 2831. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23.

[2] *Kangeris K.* Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās... 343–345. lpp.

[3] НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 967. Л. 67–98.

первых сообщений в Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) говорилось о применении карателями «неслыханных зверств к населению»[1].

Описание использовавшегося с самого начала операции алгоритма действий карателей дано в датируемом летом 1943 г. письме генерального комиссара Латвии в рейхскомиссариате «Остланд» О. Дрехслера:

«Кампания разворачивалась следующим образом: входя в село (вначале не было никакого сопротивления), тотчас расстреливали подозреваемых в партизанской деятельности. Таковыми считались почти все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет... Сразу (за воинскими частями) шло СД, которое действовало приблизительно так: расстреливало всех остальных подозреваемых. Стариков и немощных, которые отставали в пути, расстреливали. Остальным, в большинстве своем женщинам и детям, предстояло пройти так называемую "вторую фильтрацию". Тех, кто не в состоянии были продолжать путь, расстреливали... Деревни грабили и сжигали еще до прибытия хозяйственных команд, занимавшихся доставкой ценностей в безопасное место»[2].

То, что описанный Дрехслером алгоритм действий карателей соответствовал действительности, можно увидеть на примере захваченного в первый же день операции села Росица и окрестных деревень. Вопреки данным немецкой разведки, согласно которым Росица являлась опорным пунктом «бандитов»[3], партизан в ней не оказалось. Тем не менее оперативная группа СД уничтожила 206 жителей села[4]. Помимо этого, в Росицу в течение нескольких дней пригоняли жителей окрестных деревень для «вторичной фильтрации». Часть из них впоследствии была угнана в концлагерь Саласпилс, а часть — сожжена в местном костеле вместе с двумя католическими священниками. В литературе утверждается, что в общей сложности в Росице было уничтожено более 1500 чел.[5]; по всей видимости, эта цифра завышена, однако ненамного. Показательно, что в Росице официально был организован так называемый «сборный лагерь»,

---

[1] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 23. Д. 1. Л. 473.

[2] Антинацистские партизаны в Латвии. С. 94–95.

[3] НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1020. Л. 12–13.

[4] Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»... С. 178.

[5] Росіцкія мучанікі // Library.by, 17.03.2003.

командованию которого были приданы латышские военнослужащие (по всей видимости, члены «команды Арайса») для проведения экзекуций[1].

В акциях по уничтожению местного населения принимали участие не только оперативные команды СД, но и латышские полицейские батальоны. Сохранилось распоряжение командира одной из боевых групп командованию латышских полицейских батальонов: «В случаях, когда из-за отсутствия в непосредственной близости СД расстрелы необходимо проводить при помощи войск, экзекуции должны проходить в домах. Трупы следует покрывать соломой или сеном и там же сжигать»[2]. В донесении 278-го латышского полицейского батальона отмечается, что уже в первый день операции, 16 февраля, «продвигаясь через д. Лимовку и дальше, рота ликвидировала около 100 бандитов и бандитских пособников, сожгла указанную деревню, так как в это время СД действовала в другом населенном пункте»[3]. В конечном итоге латышские полицейские батальоны оказались настолько вовлечены в процесс убийств, что получали совместные с командами полиции безопасности и СД приказы на уничтожение деревень и мирного населения[4].

Советские партизаны пытались оказывать сопротивление карателям. Первыми в бой вступили две белорусские (Освейская им. М. В. Фрунзе, Дриссенская) и 11-я Калининская партизанские бригады. По своей численности они уступали карателям, и под ударами противника партизаны вынуждены были отступать. 25 февраля 1943 г. в борьбу с карателями вступила часть Сиротинской партизанской бригады и 4-я калининская бригада. С каждым днем ситуация ухудшалась. 25 февраля каратели заняли Кохановичи, 26 — Освею. Основными причинами неудач партизанских формирований были отсутствие координации в их действиях, нехватка боеприпасов. Нелетная погода не давала возможности их доставки из советского тыла.

Для объединения партизанских сил 26 февраля 1943 г. представитель ЦШПД на Калининском фронте С. С. Бельченко приказал

---

1 ГАВО. Ф. 2831. Оп. 1. Д. 1. Л. 143.

2 LVVA. Ф. R-82. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

3 НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 110. Л. 46–47.

4 ГАВО. Ф. 2831. Дп. 1. Д. 2. Л. 32.

начальнику оперативной группы Калининского штаба партизанского движения А. И. Штрахову возглавить борьбу с карателями[1]. На совещании, которое было им проведено, командиры белорусских партизанских формирований поддержали это решение. 27 февраля по приказу А. И. Штрахова создаются две партизанские группировки[2]. В Северную группу вошли бригады: Россонская им. И. В. Сталина и 1-я, 3-я, 4-я, 10-я, 11-я калининские партизанские бригады. Они должны были частью сил задержать противника на участке Церковно — Микулино, а основной — зайти в тыл карателей в районе Освея — Великое Село с последующим выходом к деревням Стрелки — Микулино.

Южной группировке, включавшей Дриссенскую, Сиротинскую, Россонскую «За Советскую Белоруссию» партизанские бригады и отдельные отряды под командованием С. Ф. Бубина и В. С. Нового, ставилась задача преградить продвижение противника на восток в районе Новоселье — Задежье и разгромить его гарнизон в Кохановичах. Освейская имени М. В. Фрунзе и 11-я Калининская партизанские бригады совместно с латышским отрядом В. П. Самсона должны были остановить продвижение карателей в районе Макуты — Новоселье — Березовый Мосток. Объединение партизанских сил позволило на время сковать силы противника, затормозить его продвижение. Был разгромлен гарнизон в деревне Гаи. Но попытка зайти в тыл к карателям в обход Освейского озера и штурм Кохановичей окончились неудачей. Отбив атаки партизан, противник продолжил наступление. Испытывая острую нехватку боеприпасов, партизанские формирования вынуждены были отступать. К 7 марта установилось затишье в боевых действиях. Уничтожение же деревень карателями продолжалось — экипажи самолетов, перевозивших боеприпасы для партизан, наблюдали ночью горящие деревни вокруг Освеи[3].

К этому времени партизанские отряды оказались отягощены десятками тысяч бежавших от карателей людей, преимущественно женщинами и детьми. И без того незавидная судьба беженцев, вынужденных

1 НАРБ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 146. Л. 24.

2 Там же. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 350. Л. 9–12.

3 Там же. Ф. 1450. Оп. 23. Д. 2. Л. 50.

жить в зимнем лесу без крова и порой даже без пищи, усугублялась вспышками эпидемических заболеваний[1]. В документах зафиксированы случаи, когда у беженцев умирали малолетние дети[2].

Недостаточная координация между собой партизанских формирований мешала противодействию карателям. С целью исправления сложившейся ситуации 1 марта начальник ЦШПД П. К. Пономаренко потребовал включить в объединенное командование партизанских формирований комбрига А. В. Романова и уполномоченного БШПД А. Ф. Бардадына[3]. Но последний прибыл в Россонский район только в ночь с 7 на 8 марта[4], а А. В. Романов уклонился от возложенной на него обязанности. Фактически командиром объединенных сил до 10 марта оставался А. И. Штрахов. Он неправильно оценил установившееся затишье в боевых действиях и отдал 10 марта приказ об отводе калининских бригад в места своей постоянной дислокации[5].

Каратели же, перегруппировав силы, 9 марта нанесли бомбовый удар по лесному массиву и населенным пунктам Ардавские, Доброплесы, Миловиды, Моторино, Ровное Поле и др. 10 марта налет повторился. Наземные части противника под прикрытием авиации начали наступление и заняли лесной массив в районе Лисно — Освея — Задежье. Затем они форсировали реку Свольна и захватили населенные пункты Лисно, Реуты, Доброплесы, Миловиды, Моторино, Морачково, Долгое, Быки, Юзефово.

9 марта вечером, в Клястицах, уполномоченный БШПД А. Ф. Бардадын созвал совещание. В нем приняли участие командиры бригад Р. А. Охотин, Г. П. Герасимов, И. К. Захаров, П. М. Романов, П. А. Хомченко, И. И. Петров, комиссары их бригад, комиссар латышского отряда Сималис и ответственный организатор Витебского подпольного обкома КП(б)Б Б. И. Можайский[6]. После обсуждения сложившейся обстановки была поставлена задача не допустить дальнейшего про-

---

1 Там же. Ф. 1403 Оп. 1. Д. 350. Л. 15; Ф. 1402. Лп. 1. Д. 151. Л. 12.

2 «Зимнее волшебство»... С. 306.

3 НАРБ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 146. Л. 25.

4 Там же. Ф. 1450. Оп. 23. Д. 2. Л. 65.

5 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 509. Л. 150.

6 НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 15. Л. 161–188.

движения противника. 11 марта А. Ф. Бардадын взял на себя руководство борьбой с карателями[1].

11 и 12 марта партизанские бригады Освейская имени М. В. Фрунзе, Дриссенская, Сиротинская, Россонские имени И. В. Сталина, «За Советскую Белоруссию», Бешенковичская «За Советскую Белоруссию», «Спартак», латышский отряд В. П. Самсона и отряд С. Ф. Бубина заняли оборону на левом берегу реки Свольна. Образовался своеобразный фронт от Лисно до Дернович протяженностью более 30 километров.

Одновременно в тыл врага были направлены два отряда бригады имени Ф. Э. Дзержинского, два отряда Дриссенской бригады, отряд Освейской бригады имени М. В. Фрунзе. Они минировали дороги, нападали на обозы карателей, устраивали засады. К этому времени БШПД сумел забросить партизанам боеприпасы. 14 марта, ночью, они произвели огневой налет на противника в деревнях Реуты, Доброплесы, Миловиды, Моторино, Морачково, Быки, Юзефово. В результате партизанам удалось вытеснить карателей с восточного берега реки Свольна, но выбить их из населенных пунктов не удалось. С этого времени и до 21 марта противник не сумел больше продвинуться вперед и топтался на месте.

Стремясь вынудить его к уходу из занятых районов, партизаны блокировали захваченные карателями деревни, обстреливали их из минометов и артиллерийских орудий.

21 марта каратели начали отход с занимаемых позиций. Уходя, они сожгли оставляемые населенные пункты и угнали мирное население. После этого боевые действия противник развернул в Себежском районе. 30 марта Ф. Еккельн издал приказ об окончании операции[2]. В приказе не говорилось о том, что каратели не смогли в полной мере выполнить поставленные задачи. Из-за сопротивления советских партизан вместо планировавшейся 30–40-километровой «мертвой зоны» им удалось создать только 15-километровую[3].

В результате полуторамесячных боев противоборствующие стороны понесли относительно небольшие потери. В группе Кнехта было

---

1 НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 15. Л. 152–152 об.

2 НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1022. Л. 102–104.

3 Там же. Д. 952. Л. 124–125.

убито 22 и ранено 77 чел.[1] О потерях других подразделений карателей сведений не обнаружено.

Общие потери белорусских партизан составили 49 убитых и 111 раненых[2]. Потери калининских партизанских бригад точно не установлены, известно лишь, что за период с 16 февраля по 11 марта погиб 21 партизан, 41 был ранен[3]. Приведенные цифры говорят о том, что карателям не удалось разгромить партизанские формирования и нанести им существенный урон. Этот факт впоследствии был признан в латышской эмигрантской историографии; в описании боевого пути 278-го полицейского батальона применительно к событиям конца мая 1943 г. говорится: «Разведка также показала, что так называемая “Освейская акция” фактически никакой пользы не принесла — террористические угрозы не уменьшились»[4].

Зато вторую задачу — создать мертвую зону в районе латвийской границы — каратели выполнили. Освейский район был практически полностью уничтожен, значительно пострадал Дриссенский. В этих районах уничтожено полностью и частично 376 населенных пунктов. Пострадал и Россонский район, где сожжено 11 населенных пунктов. 52 деревни каратели уничтожили в Себежском районе[5]. Территории его Ляховского и Дединского сельсоветов были превращены в пустыню.

Подводя предварительные итоги операции «Зимнее волшебство», командующий вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» генерал В. Бремер в донесении от 20 марта 1943 г. писал: «С 16 февраля в окрестностях озера Освея при поддержке вермахта проводится операция под началом верховного командующего СС и полиции

---

[1] Там же. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 967. Л. 98; LVVA. Ф. R-82. Оп. 1 Д. 4. Л. 28.

[2] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 15. Л. 239.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 509. Л. 660б-69.

[4] См.: Latviešu karavīrs Otrā pasaules kaŗa laikā. II. Red. Osvalds Freivalds un Oskars Caunītis. DV Centrālās valdes izdevums, 1972. URL: http://www.lacplesis.com/WWII/Cinas_Pie_Latvijas_Robezas /278_DOBELES_BATALJONS.html (дата обращения — 11.01.2013).

[5] Подробнее см.: Списки населенных пунктов Дриссенского, Освейского и Себежского районов, уничтоженных в ходе карательной операции «Зимнее волшебство» // «Зимнее волшебство». С. 358–431.

"Остланда". Предварительные данные: в бою погибло 193 бандита, расстреляно 3629 чел., подозреваемых в бандитизме, выслано на работы 6370 чел. Добыто: 2250 голов крупного рогатого скота, 408 лошадей, 158 свиней, 2490 овец, 2154 голов другой живности»[1]. Спустя четыре дня генерал дополнил эти данные: «Дальнейшие результаты операции в окрестностях озера Освея таковы: погибло 28 бандитов, расстреляно 275 чел., подозреваемых в бандитизме, забрано для трудовых резервов 905 работников. Добытое: 415 голов крупного рогатого скота, 122 овцы, 1 свинья»[2].

Суммируя эти данные, мы получаем примерные итоги операции «Зимнее волшебство»: 221 убитый партизан, 3904 уничтоженных мирных жителя, 7275 угнанных на принудительные работы[3].

Эти данные следует сопоставить с данными других источников. В настоящем сборнике публикуются отчеты одной из боевых групп, принимавших участие в операции, — группы Кнехта. Согласно этим данным, в рамках операции «Зимнее волшебство» военнослужащими группы было убито в бою 77 и захвачено в плен 9 партизан, расстреляно («подвергнуто особой обработке») 875 чел., передано СД 1389 чел.[4] О судьбе переданных СД можно судить только по отрывочным данным. Согласно отчету приданной группе Кнехта команды полиции безопасности и СД (позывной «Цаункениг») за период с 25 февраля по 5 марта 1943 г. ею был убит в бою 1 партизан, расстреляно 633 чел., угнано — 234[5]. В более позднем (от 9 апреля) сообщении «Из занятых восточных областей» говорится о 137 партизанах, убитых в бою, 1807 расстрелянных «пособников» и более чем 2000 чел., угнанных в концлагерь Саласпилс[6]. Однако численность собственных потерь, приводимая в этом документе, существенно ниже данных о потерях одной боевой группы, что свидетельствует

---

1 Антинацистские партизаны в Латвии. С. 93.

2 Там же.

3 Аналогичные данные приводятся в: *Gerlah Ch.* Kalkulierte Morde... S. 901. На самом деле, как мы уже писали выше, реальное число убитых партизан было гораздо меньше и составляло примерно 70–80 человек.

4 НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 967. Л. 98; LVVA. Ф. R-82. Оп. 1 Д. 4. Л. 28.

5 Там же. Д. 926. Л. 146–147; LVVA. Ф. R-82. Оп. 1 Д. 9. Л. 19.

6 Там же. Д. 952. Л. 124–125.

об их фрагментарности. Проблема заключается в том, что помимо экзекуций, осуществляемых непосредственно карателями из полицейских батальонов, имели место (причем в значительно большем количестве) экзекуции, проводившиеся оперативными группами СД. По всей видимости, в сообщении от 9 апреля приводятся только сводные данные боевых групп, без учета деятельности оперативных групп СД.

Гораздо более точные данные о совершенных карателями преступлениях содержатся в документах советских партизан. Партизаны тщательно подсчитывали ущерб после карательных операций, а поскольку в этих подсчетах участвовало местное население, их можно считать весьма точными. Проведенное в рамках подготовки сборника сплошное выявление документов о карательной операции «Зимнее волшебство» позволило составить полный список уничтоженных карателями в ходе операции населенных пунктов Россонского, Освейского, Дриссенского и Себежского районов. Согласно этим спискам всего в ходе операции было уничтожено 439 населенных пунктов и убито 13 677 мирных жителей[1]. Как видим, советские данные достаточно сильно отличаются от данных генерала В. Бремера, на которые традиционно ссылаются исследователи[2]. Однако следует отметить, что в немецких отчетах о карательных операциях данные об уничтоженных людях, как правило, ниже фактических. Так, например, в отчете гебитскомиссара Борисова об уничтожении деревни Хатынь говорится о том, что деревня была уничтожена вместе «с 90 чел. жителей»[3]. Однако на самом деле число уничтоженных жителей Хатыни составило 149 чел. (все они установлены поименно)[4]. Причины подобного расхождения понятны: каратели определяли число уничтожаемых ими людей «на глазок», после чего эти примерные

---

1 Списки населенных пунктов Дриссенского, Освейского и Себежского районов, уничтоженных в ходе карательной операции «Зимнее волшебство» // «Зимнее волшебство». С. 358–431.

2 *Gerlah Ch.* Kalkulierte Morde. S. 901; Kangeris K. Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās... 345. lpp.

3 Хатынь. Трагедия и память: Документы и материалы / Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев и др. Минск, 2009. С. 20; НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 45. Л. 118; Ф. 391. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.

4 Там же. С. 163–167.

цифры суммировались в сводных документах[1]. А вот число угнанных на принудительные работы учитывалось точно — по головам. Таким образом, данные о количестве уничтоженных мирных жителей в докладе В. Бремера явно занижены, а вот данные об угнанных на принудительные работы — точны.

С другой стороны, в советских данных также не исключены ошибки, связанные, к примеру, с тем, что жители одной деревни, угнанные и расстрелянные в другой, могли учитываться дважды. Также не исключено, что в число убитых могли включаться некоторые из тех, кто на самом деле был не убит, а угнан на принудительные работы. Однако, даже делая поправку на эти ошибки, приходится признать, что количество уничтоженных в ходе операции «Зимнее волшебство» мирных жителей гораздо значительнее «официальных» германских данных и составляет не менее 10–12 тысяч чел. Помимо убитых, были еще и угнанные: более 7 тысяч чел. были вывезены на принудительные работы, в том числе в концлагерь Саласпилс.

Судьба угнанных заслуживает отдельного рассмотрения хотя бы потому, что далеко не все из них выжили. В публикуемых в сборнике показаниях А. Хартманиса мы находим следующую информацию об их судьбе: «Часть оставшихся в живых граждан впоследствии доставили в Саласпилский лагерь. Мужей отделяли от жен, затем всех направили на принудительный рабский труд в Германию, детей насильно отнимали от родителей и часть из них распределили между населением Латвии, однако большинство детей были в таком истощенном состоянии, что большинство из них умерло от болезней»[2]. Точные данные о количестве погибших среди угнанных на принудительные работы установить едва ли удастся, однако, судя по всему, он обыло велико.

Подведем примерные итоги операции «Зимнее волшебство»: 439 сожженных населенных пунктов, около 70–80 убитых партизан,

---

[1] Весьма характерно свидетельство военнослужащего 37-го эстонского полицейского батальона Э. Ордла об уничтожении в октябре 1943 г. жителей деревни Ланёва Гора: «Заходил в дома, чтобы проверить, как был выполнен приказ. При этом я видел трупы людей... Сколько? Не могу сказать, так как я их не считал» (*Моисеенко Ю.* Почерк зверя: Опыты документального расследования. Псков, 2010. С. 195).

[2] ЦА ФСБ. Д. Н-18313. Т. 2. Л. 327–334.

10–12 тысяч уничтоженных мирных граждан, более 7 тысяч угнанных (несколько тысяч из которых впоследствии погибло), огромное количество угнанного скота, отравленные колодцы, залитая кровью 15-километровая полоса мертвой земли. А вот партизанский край так и не был ликвидирован, по-прежнему создавая угрозу для оккупантов.

Операция «Зимнее волшебство» была спланирована и подготовлена немецкими оккупационными властями и должна рассматриваться как один из примеров реализации нацистской истребительной политики на оккупированных советских землях. Вместе с тем нельзя закрывать глаза на то, что эта операция имела весьма четкую латвийскую специфику. Мы уже упоминали, что специфической особенностью операции «Зимнее волшебство» являлось участие в ней в качестве основной ударной силы латышских полицейских батальонов. Сама же операция, по наблюдению израильского историка А. Шнеера, приобрела для латвийских коллаборационистов характер своеобразного «похода за рабами»[1].

Операция проводилась на латвийско-белорусской границе с целью обезопасить латвийскую территорию от действий советских партизан, изолировав немногочисленные на тот момент отряды и группы латышских, латгальских и местных русских партизан от «подпитки» со стороны более мощных белорусских партизанских подразделений; подавляющее большинство участвовавших в операции карателей были латышами. Как раз во время операции было принято и широко распропагандировано решение о создании Латышского добровольческого легиона СС, в который впоследствии были включены латышские полицейские батальоны — в том числе участвовавшие в проведении операции «Зимнее волшебство»[2]

За исключением 273-го батальона, сформированного в июле 1942 г., остальные участвовавшие в карательной операции латыш-

---

[1] *Shneer A.* Did they become Latvian... or German? Social Aspects of Fate of Russian and Byelorussian Children Deported to Latvia between 1942 and 1944 // Divided Eastern Europe: Borders and Population Transfer, 1938–1947. Cambridge, 2012. P. 203.

[2] Подробнее см.: История коллаборационистских подразделений, участвовавших в карательной операции «Зимнее волшебство» // «Зимнее волшебство». С. 432–436.

ские полицейские батальоны были частями нового формирования: они создавались в декабре 1942 — январе 1943 г. Показательно, что самые многочисленные латышские полицейские батальоны (281-й Абренский и 280-й Болдерайский) сформировали и возглавили создатели латышских пронацистских военизированных формирований в 1941–1942 гг. полковники-лейтенанты Волдемарс Вейсс и Карлис Лобе. Личный состав же латышских полицейских батальонов составляли в большинстве своем бывшие бойцы «самоохраны»[1]; часть из них участвовала в акциях по уничтожению евреев летом 1941 г., а также в преследовании советских «окруженцев» и просоветски настроенных жителей Латвии. Помимо полицейских батальонов в операции принимала участие «команда Арайса», ранее осуществлявшая массовое уничтожение евреев в Латвии и Белоруссии[2].

Опыт Холокоста оказался востребован латышскими полицейскими во время операции «Зимнее волшебство». Вопреки позднейшим утверждениям диаспорной латвийской историографии[3], военнослужащие латышских полицейских батальонов не только боролись с партизанами, но и участвовали в уничтожении мирных жителей — как прямо (расстрелы и сожжения заживо), так и косвенно (передавая захваченных мирных жителей командам СД для расстрела). Весьма характерно, что в итоговом отчете об операции 276-го латышского полицейского батальона отмечалось: «Сотрудничество с командами СД носило в целом положительный характер. Формирования дополняли друг друга в отношении поставленных перед ними задач»[4].

Документы советских партизан свидетельствуют, что принимавшие участие в операции латышские полицейские батальоны в бою проявляли хорошую устойчивость — что было нехарактерно для коллаборационистских формирований и свидетельствовало о наличии серьезной мотивации сражаться. Отличались латвийские коллабо-

---

[1] *Silgailis A.* Latviešu leģions. Rīga, 2006. 290–293. lpp.

[2] См., напр., документы, опубликованные в: «Уничтожить как можно больше...». С. 283–295, 315–320, 341–347, 352–357. Также см.: История Латвии. XX век / Пер. с латышск. Ж. Эзит. Рига, 2005. С. 262–263.

[3] См.: Latviešu karavīrs Otrā pasaules kaŗa laikā. II. Red. Osvalds Freivalds un Oskars Caunītis. DV Centrālās valdes izdevums, 1972.

[4] LVVA. Ф. R-999. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

рационисты также и исключительной жестокостью по отношению к своим жертвам. По свидетельству генерального комиссара Латвии Дрехслера, украинская полицейская рота, принимавшая участие в «Зимнем волшебстве» «с ужасом наблюдала акцию — мужчины рыдали как дети», тогда как латвийские полицейские, напротив, похвалялись своими «славными делами»[1]. Документы подтверждают, что военнослужащие 2-го литовского и 50-го украинского полицейских батальонов во время карательной операции проявляли гораздо больше сомнений, чем латыши[2].

Объяснить это можно сложным переплетением мотиваций. Помимо мести «жидобольшевизму» и национально-расовых предрассудков К. Кангерис отмечает еще один немаловажный тезис нацистской пропаганды в ходе вербовки добровольцев в полицейские батальоны: так как в батальоны вступают «идеалисты и борцы», то они станут политической и военной элитой «нововыстроенной» Латвии[3]. Таким образом, усердная служба в полицейских батальонах подавалась как верный способ латышу сделать карьеру, возвыситься не только над «расово неполноценными» людьми, но и над своими «простыми» соплеменниками.

Обратим также внимание на материальную сторону проблемы. Латышские полицейские получали вполне конкретную выгоду от своих действий. Во время карательных операций они получали возможность грабить деревни и сжигать их еще до прихода немецких хозяйственных команд; об этом с возмущением писал Дрехслер[4]. По его словам, в результате латышские полицейские возвращались домой «с богатой добычей»[5].

Выгодным для латвийских полицейских и зажиточных латышских крестьян оказался и угон мирного населения. Уже в начале марта,

---

1 Антинацистские партизаны в Латвии... С. 95.

2 LVVA. Ф. R-999. Оп. 1. Д. 13. Л. 16–16 об., 19–20.

3 *Kangeris K.* Latviešu policijas bataljonu izveidošanas otrā fāze — «lielvervēšanas» akcija. 1942. gada februāris-septembris // Okupācijas režīmi Latvijā 1940–1959. gadā. Latvijas vēsturnieku komisijas 2002. gada pētījumi (Latvijas vēsturnieku komisijas (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 10. sēj.). Rīga, 2004. 320. lpp.

4 Антинацистские партизаны в Латвии... С. 95.

5 Там же.

чуть более чем через три недели после начала операции «Зимнее волшебство», в латвийских газетах появилась информация о раздаче «подсобных рабочих» из числа угнанных из района операции детей[1]. Латышские крестьяне покупали малолетних батраков за 9–15 марок в месяц. Полгода спустя детский регистрационный пункт в Риге сообщал: «Малолетние дети русских беженцев... без отдыха, с раннего утра до поздней ночи в лохмотьях, без обуви, при очень скудном питании, часто по нескольку дней без еды, больные, без врачебной помощи, работают у хозяев на несоответствующих их возрасту работах. Своей безжалостностью их хозяева ушли так далеко, что бьют несчастных, которые от голода теряют трудоспособность... их обирают, отбирая последние остатки вещей... когда они по болезни не могут работать, им совершенно не дают еды, они спят в кухнях на грязных полах»[2]. Разумеется, как справедливо отмечает А. Шнеер, далеко не все латышские хозяева так вели себя с пригнанными в Латвию детьми[3], однако не приходится сомневаться, что было достаточно много жителей Латвии, получавших прямую выгоду от оборачивавшихся охотой за рабами карательных операций с участием латышских полицейских[4].

Еще один важный материальный момент заключался в том, что латышские полицейские за свою «работу» получали значительно больше, чем занимавшие аналогичные должности русские, украинцы или белорусы. Так, например, рядовой латышский служащий полицейского батальона получал в день 3 рейхсмарки 80 пфеннигов, а белорусский или украинский — всего 80 пфеннигов. В случае гибели латвийского полицейского его семья получала ежемесячную

---

1 Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: Забытая история. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1944 гг. / Сост. В. Богов. Рига, 2011. С. 243.

2 Там же.

3 *Shneer A.* Did they become Latvian... or German?

4 Еще одна такая операция имела название «Генрих»; она проводилась с активным участием латвийских полицейских батальонов в районе Себеж — Невель — Полоцк — Дрисса — Освея — Себеж осенью 1943 г. В ее рамках тысячи детей были вывезены в Латвию, где также продавались местным крестьянам.

пенсию в сумме от 43 до 144 рейхсмарок, тогда как семья украинца или белоруса — от 17 до 60 рейхсмарок[1]. Учитывая это, трудно не согласиться с наблюдением К. Кангериса, отметившего, что «члены латышских полицейских батальонов стали наемниками, которым платят за проведенную работу»[2]. И все же в своих преступлениях латышские полицейские выходили далеко за рамки формального выполнения преступных приказов нацистов; в их действиях встречалось нечто большее — национальная ненависть.

Известны случаи, когда латышские коллаборационисты в своей деятельности открыто руководствовались русофобскими и антисемитскими мотивами[3]; оккупационные власти охотно поддерживали эти воззрения. Как отмечает латвийский историк Каспар Зеллис в своей новой монографии «Машинерия иллюзий и страхов. Пропаганда в оккупированной нацистами Латвии: власть, СМИ и общество», наряду с антикоммунистическими и антисемитскими акцентами «во второй половине 1941 года появились попытки конструировать также образ "русского" как врага, показав его соответственность за совершенные советским режимом злодеяния. Следует признать, что в большинстве допущений пропаганда не делила русских по происхождению, в том числе на местных и из России, так как в этом вопросе руководствовалась нацистским принципом, согласно которому главным является принадлежность к какому-нибудь этносу, а все остальное подчинено "чистоте крови"»[4]. К февралю 1943 г. русофобская пропаганда, побуждавшая к насилию, воздействовала на латышскую аудиторию уже

---

[1] Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генэральнай акругі Беларусь (Менск, 8–10 красавіка 1943 году) // ARCHE. 2010. № 7–8. С. 449.

[2] *Kangeris K.* Policijas struktūras Latvijā vācu okupācijas laikā (1941–1945) // Okupētā Latvija 20. gadsimta 40. gados (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 16. sēj.). Rīga, 2005. 279. lpp.

[3] См., напр., описание еще одного массового преступления латышских коллаборационистов: *Ковалев Б. Н.* История уничтожения мирных граждан у деревни Жестяная Горка в 1942–1943 гг. // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010. С. 264–271.

[4] *Zellis K.* Ilūziju un baiļu mašinērija.Propaganda nacistu okupētajā Latvijā: vara, mediji un sabiedrība (1941–1945). Rīga, 2012. 266. lpp.

более полутора лет и не могла не оставить своего отпечатка, особенно на поведении лиц с оружием в руках.

Объявление о создании Латышского добровольческого легиона СС (совпавшее по времени с проведением операции «Зимнее волшебство») также открыто спекулировало на образе врага: «Немецкие солдаты по приказу Адольфа Гитлера освободили вашу родину от большевизма, спасли ваш народ от уничтожения... Большевизм угрожает уничтожением Европы... Вступайте в легион своей родины, чтобы бороться с оружием против большевизма»[1]. Скорее всего, эти призывы способствовали ужесточению действий «боровшихся с большевиками» карателей из латышских полицейских батальонов. Возможно, некоторые из них действительно верили, что таким способом «защищают Латвию».

Следует отметить, что и до войны отношения между белорусами и латышами не были безоблачными. В период диктатуры Ульманиса проживавшее в Латвии белорусское меньшинство подвергалось насильственной ассимиляции, заключавшейся, в частности, в закрытии белорусских школ. В период нацистской оккупации местные латышские власти также преследовали проживавших на территории Латвии белорусов; по свидетельству очевидца, в 1942 г. «даугавпилсская тюрьма, благодаря латышской полиции, набита белорусами, есть еще русские и поляки, а латышей – нет»[2]. В этой связи нельзя исключить, что участвовавшие в «Зимнем волшебстве» латышские полицейские в своих действиях руководствовались национальной враждой к белорусам как таковым.

Впрочем, не исключено, что каратели просто не проводили разницы между русскими и белорусами. Так, например, один из участников карательных операций на данной территории Белоруссии штурмбанфюрер СС Фрицис Межгравис, с марта 1944 г. командовавший 321-м латышским полицейским батальоном, а в марте 1945 г. вступивший в командование 34-м полком 15-й латышской гренадерской дивизии Ваффен СС, согласно показаниям его сослуживца, говорил: «Здесь наши батальоны и отряды поработали неплохо, русские долго

---

[1] Tēvija, 24.02.1943.

[2] *Екабсонс Э.* Беларусы ў Латвіі ў часы савецкай і нямецка-фашысцкай акупацыі (1940–1945) // Беларускі гістарычны агляд. 2006. № 2. С. 219.

будут вспоминать Прибалтику. Их и не следует щадить, а уничтожать всех до единого»[1].

Следует отметить, что в составленных после окончания карательной операции партизанами и местным населением актах фиксируются факты не только убийств, но и изощренных издевательств над жертвами, заведомо выходящих за пределы простого выполнения преступных приказов[2].

Нацистская оккупация предоставила возможность многим восточноевропейским фашистским движениям воплотить в жизнь свои планы этнических чисток и истребления «чуждого элемента»[3]; латвийскую специфику карательной операции «Зимнее волшебство» полезно рассмотреть именно в этом ракурсе.

Изучаемая нами операция была одним из практических воплощений нацистской истребительной политики. Политики, основанной на презрении к населявшим советские земли «низшим расам», на стремлении избавиться от одной их части и поработить другую. Однако практическое воплощение этих планов не могло произойти без активного участия латышских коллаборационистов, несущих свою долю ответственности за совершенные в рамках «Зимнего волшебства» масштабные преступления против мирного населения.

---

[1] ЦА ФСБ. Д. Н-18313. Т. 2. Л. 119–206.

[2] НАРБ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 52. Л. 24; Ф. 14-3. Оп. 1. Д. 347. Л. 15–15 об, 16–18, 20–21; ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 92. Д. 218. Л. 183–183 об. Следует отметить специфику советских «актов об ущербе». В большинстве из них утверждается, что преступления совершили «немцы». Однако это не более чем риторическая фраза; основную часть карателей составляли не немцы, а латыши.

[3] См. об этом: *Дюков А. Р.* «Тактическая коллаборация»? К проблеме ответственности участников коллаборационистских движений за преступления против человечности, совершенные на оккупированных территориях СССР // Свободная мысль. 2011. № 6. С. 127–136; *Djukov A.* A háború kezdete és a Holokauszt a Baltikumban és Ukrajnában — a felelősség kérdéséről // Haboru es nemzeti onismeret. 70 eve tamadta meg a naci nemetorszag a Szovjetuniot. A Magyar-orosz Tortenesz vegyes Bizottsag nemzetkozi konferenciajanak szerkesztett eloadasai, 2011. junius 10 / Szerk. E. Bartha, T. Krausz. Budapest, 2011.

«ТАКТИЧЕСКАЯ КОЛЛАБОРАЦИЯ»? К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ НАЦИСТАМИ ТЕРРИТОРИЯХ[1]

Изучение нацистской истребительной политики на Востоке имеет собственную динамику, обусловленную не только составом источниковой базы и общественным вниманием, но и внутренней исследовательской логикой. Первоначально исследователи сосредотачивали свое внимание на общих вопросах: формировании нацистской истребительной политики, ее конкретных проявлениях[2], ответственности за преступления нацистской партии, СС и полиции безопасности, а затем и вермахта, который, подобно жене Цезаря, долгое время был «вне подозрений»[3]. Фокус исследовательского внимания неуклонно смещался от идеологов и командиров истребительной политики к непосредственным ее исполнителям, к «обычным людям», осуществлявшим массовые убийства[4].

Падение «железного занавеса», отделявшего СССР от западного мира, и «архивная революция» на постсоветском пространстве привели к резкой интенсификации исследований, посвященных

---

[1] Впервые опубликовано в сокращенном варианте: *Дюков А. Р.* «Тактическая коллаборация»? К проблеме ответственности участников коллаборационистских движений за преступления против человечности, совершенные на оккупированных территориях СССР // Свободная мысль. 2011. № 6. С. 127–136.

[2] *Streit C.* Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgfangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Иерусалим, 1991, и т. д.

[3] См.: Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg, 2002.

[4] *Browning C.* Ganz normale Männer: Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. Hamburg, 1993.

реализации нацистской оккупационной и истребительной политики в конкретных регионах[1]. Территориальная локализация исследований позволила обратить пристальное внимание на роль местных коллаборационистских формирований[2], чей вклад в реализацию нацистской истребительной политики при ближайшем рассмотрении оказалось трудно преувеличить. Обнаружилось, что в ряде случаев массового уничтожения большинство палачей не были ни членами НСДАП, ни немцами. В этой ситуации традиционные утверждения историков об исключительно нацистской и немецкой ответственности за совершенные преступления приобрели сомнительный характер. Разумеется, никто не ставил под сомнение тот факт, что именно германские нацисты разработали и воплотили в жизнь чудовищные истребительные планы. Однако вместе с тем становилось очевидно, что без участия местных коллаборационистов нацисты не смогли бы организовать операции по уничтожению «нежелательного элемента» в столь ошеломляющих масштабах. «Отвечая на вопрос о том, как вообще мог произойти Холокост, историки должны учитывать коллаборационизм на Востоке, — заметил в этой связи американский историк М. Дин. — Соучастие местных сил в этих чудовищных преступлениях ни в коей мере не умаляет ответственности нацистов, однако оно представляло собой характерную черту осуществления Холокоста в указанных районах»[3].

Факт широкого использования нацистами представителей «низших рас» при реализации обусловленной расистскими представлениями истребительной политики оказался достаточно неожиданным; дальнейшее исследование феномена коллаборационизма поставило перед исследователями новые нетривиальные вопросы. Долгое время коллаборационистские формирования рассматривались как жестко контролируемый нацистами инструмент истребительной политики;

---

1 Напр.: *К'яры Б.* Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 г.). Мінск, 2008 (первое издание на немецком вышло в 1998 году); *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004.

2 *Дин М.* Пособники Холокоста: Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944. СПб., 2008.

3 Там же. С. 205.

таким образом, ответственность за планирование и совершение преступлений по-прежнему полностью возлагалась на нацистов. Как правило, так оно и было: большинство создаваемых из советских военнопленных и мобилизованных местных жителей подразделений вспомогательной полиции являлись не более чем инструментом нацистской политики, порою весьма ненадежным[1]. Однако имелись случаи, не укладывающиеся в эту схему. Некоторые сотрудничавшие с нацистами формирования и структуры контролировались нацистами лишь частично, обладали собственной политической субъектностью, проводили в жизнь политику, лишь до некоторой степени совпадающую с нацистскими планами. И одновременно совместно с нацистами участвовали в массовых убийствах евреев и «враждебных элементов».

Руководитель Комиссии историков при президенте Латвии Инесис Фелдманис называет этот феномен «тактической коллаборацией»: «Вместе с такими терминами, как “коллаборация” (обычное сотрудничество с оккупантами) или “коллаборационизм” (предательское сотрудничество), можно использовать дефиницию “тактическая коллаборация”, обозначив с ее помощью сотрудничество с немецкой оккупационной властью, направленное на достижение таких целей, которые, так или иначе, отвечали интересам латышского народа»[2]. Несмотря на то что Фелдманис по откровенно конъюнктурным при-

---

[1] Об этом свидетельствуют массовые переходы военнослужащих вспомогательной полиции на сторону советских партизан, особенно интенсифицировавшиеся с осени 1943 г. Показательно то, что советские власти не видели для себя угрозы в рядовых участниках коллаборационистских формирований и в конце войны применяли к ним достаточно мягкую репрессивную политику. Фактически это было признанием того, что вступление в коллаборационистские формирования в большинстве случаев являлось не политическим актом (к политическим противникам советская власть снисхождения обычно не проявляла), а индивидуальной стратегией выживания в нечеловеческих условиях нацистской оккупации. Подробнее см.: *Дюков А. Р.* Милость к падшим: Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. М., 2009.

[2] *Feldmanis I.* Okupācija, kolaborācija un pretošanās kustība Latvijā // Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27.–28. oktobrī Rīgā: Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj. Rīga, 2010, 173. lpp.

чинам полностью игнорирует преступную деятельность «тактических коллаборационистов» и даже пытается необоснованно представить их в качестве своеобразных представителей движения сопротивления[1], введенное им определение представляется весьма полезным в познавательном плане.

Хрестоматийным примером подобной структуры, детально исследованным в последние годы, является Организация украинских националистов (ОУН*). Эта радикальная организация фашистского типа на протяжении долгого времени тесно сотрудничала с германскими спецслужбами, в интересах нацистов организовывала антисоветские восстания на Западной Украине летом 1941 г., направляла своих членов для службы в частях вермахта и местной вспомогательной полиции. ОУН имела собственные, напоминающие нацистские, планы «решения еврейского вопроса» и уничтожения «враждебных элементов»[2]; при воплощении этих планов в жизнь летом 1941 г. оуновские формирования достаточно тесно взаимодействовали с нацистскими айнзатцкомандами и подразделениями СС[3]. Нацисты,

---

[1] Эта попытка вызвала заметное удивление историка Эвы-Клариты Петтаи. См.: Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. 181. lpp.

* ОУН признана экстремистской и запрещена в РФ.

[2] *Berkhoff K. C., Carynnyk M.* The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Yaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepis // Harvard Ukrainian Studies. 1999. № 3–4; *Курило Т., Химка І.* Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна модерна. 2008. № 2; *Carynnyk M.* «Jews, Poles, and other scum»: Ruda Różaniecka, Monday, 30 June 1941. Paper prepared for the Fourth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Ottawa, 23–25 October 2008; *Дюков А. Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009; Rossolinski-Liebe G. The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 1. P. 83–114; *Carynnyk M.* Foes of our rebirth: Ukrainian nationalist discussions about Jews, 1929–1947 // Nationalities Papers. 2011. Vol. 39. № 3. P. 315–352.

[3] Напр.: *Carynnyk M.* The Zolochiv Pogrom of 1941: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12–15 November 2009; *Хеер Х.* Прелюдия к Холокосту: Львов в июне — июле 1941-го // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 4–18.

рассматривавшие украинцев как представителей «низшей» расы, уже к осени 1941 г. буквально вытолкали бандеровскую ОУН в оппозицию и развернули репрессии против ее активистов[1]. Руководство ОУН(Б), однако, сохранило достаточно плотный контроль над личным составом батальонов украинской вспомогательной полиции, осуществлявших уничтожение евреев в 1942 г. «Когда началась война, мы сразу создали подразделения украинского войска, — вспоминал впоследствии один из руководителей ОУН(Б) Василий Кук. — Когда мы увидели, что немцы к этому относятся враждебно и начали нас расстреливать, мы замаскировали это войско под полицию и там этих людей обучали»[2]. Сильное влияние ОУН на формирование украинской милиции признавалось в ряде немецких и советских документов[3].

В начале 1943 г. эти формирования по приказу руководства ОУН ушли в лес, став ударной силой организованных украинскими националистами кровавых этнических чисток против польского населения Волыни. «Волынская резня» 1943 г. была собственным предприятием ОУН[4], тогда как в массовых убийствах евреев летом 1941 г. наравне с украинскими националистами участвовали также и нацисты. В этой связи одним из наиболее дискуссионных вопросов в ближайшее время обещает стать вопрос об ответственности. Традиционно массовые убийства евреев на Западной Украине летом 1941 г. рассматриваются исследователями как организованная нацистами «прелюдия к Холокосту», однако возможно ли закрыть глаза на тот факт, что большая часть этих убийств осуществлялась не нацистами и по не-нацистским (хоть и сходным с ними) планам? Возможно ли утверждать, что ответственность ОУН за эти конкретные преступления больше, чем ответственность нацистов?

---

[1] *Дюков А. Р.* Второстепенный враг. С. 86–88.

[2] *Кук В.* УПА в запитаннях та відповідях Головного Командира. Львів, 2007. С. 18.

[3] См., напр.: ОУН і УПА в 1943 році: Документи. Київ, 2008. С. 98–99; ОУН-УПА в Беларуси, 1939–1953 гг.: Документы и материалы / Сост. В. И. Адамушко, И. А. Валаханович, В. Д. Селеменев и др. Минск, 2011. С. 49.

[4] См.: *Дюков А. Р.* «Польский вопрос» в планах ОУН(Б): От насильственной ассимиляции к этническим чисткам // Забытый геноцид. «Волынская резня» 1943–1944 годов: Документы и исследования. М., 2008.

ОУН была не единственной силой, сотрудничавшей с теми или иными структурами гитлеровской Германии, имея собственные политические и истребительные планы. Возникший после включения Литвы в состав Советского Союза Фронт литовских активистов (ЛАФ) точно так же, как и ОУН, сотрудничал с нацистскими разведслужбами, помогал вторгшимся в СССР немецким частям и в соответствии с заранее разработанными планами летом 1941 г. осуществлял жестокие массовые убийства евреев и просоветски настроенных литовцев[1]; при этом убийства эти проводились формированиями «литовских активистов» как самостоятельно, так и во взаимодействии с нацистскими айнзатцкомандами[2]. Точно так же, как и на Украине, в Литве нацистские оккупационные власти отвергли просьбы руководства ЛАФ о создании квазигосударственного образования и осенью 1941 г. начали чистку гражданской администрации и формирований вспомогательной полиции от наиболее независимо настроенных литовских активистов.

Еще один пример (не имеющий отношения к истребительной войне нацистов против СССР, но тем не менее немаловажный) подобного политически субъектного коллаборационизма — созданное нацистами весной 1941 г. Независимое государство Хорватия. Нацисты предоставили хорватским националистам (усташам) то, чего не разрешили ОУН и ЛАФ, — собственную квазигосударственность и простор для реализации политических планов. Результатом стала проводившаяся руководством Хорватии политика массового уничтожения и изгнания сербского населения, жертвами которой стали сотни тысяч человек. Это было не нацистское преступление: представители германских оккупационных властей, исходя из собственных соображений поддержания «нового порядка», воз-

---

[1] *Truska L.* The Crisis of Lithuanian and Jewish Relations (June 1940 – June 1941) // Holokausto prielaidos. Antisemitizmas Lietuvoje XIX a. antroji pusė — 1941 m. birželis = The Preconditions for the Holocaust. Anti-semitism in Lithuania (Second Half of the 19th century – June 1941). Vilnius, 2004. P. 194–201.

[2] См., напр.: *Kwiet K.* Rehearsing for Murder: The Beginning of the Final Solution in Lithuania in June 1941 // Holocaust and Genocide Studies. 1998. Vol. 12. № 1. P. 13–14.

мущались и даже противодействовали совершаемым усташами преступлениям[1].

В настоящее время исследователями ведутся дискуссии вокруг феномена восточноевропейского фашизма (частными проявлениями которого являются ОУН, ЛАФ и усташи), более или менее самостоятельного по отношению к итальянскому фашизму и немецкому нацизму[2]. Это достаточно интересный вопрос, однако сейчас мы его касаться не станем. Гораздо более важной, на наш взгляд, является уже затронутая тема ответственности за совершенные преступления.

Вопрос ответственности политически субъектных структур, таких как ОУН или ЛАФ, представляется достаточно простым: коль скоро эти организации самостоятельно планировали и проводили преступные действия, пусть даже пользуясь военно-политической обстановкой, созданной нацистами, то они и несут за них ответственность. Значительно более сложен вопрос об ответственности в случае с коллаборационистскими формированиями, находившимися под двойным контролем: прямым нацистским и тайным — со стороны самостоятельных политических структур. В качестве примера назовем созданные нацистами украинские батальоны вспомогательной полиции, значимая часть личного состава которых контролировалась находящейся на тот момент в оппозиции к оккупантам ОУН(Б). Эти подразделения использовались нацистами для проведения массовых убийств евреев. Поскольку ОУН(Б), как показали события начала 1943 г., достаточно плотно контролировавшая упомянутые формирования, не предприняла никаких попыток воспрепятствовать этим убийствам, мы можем говорить о фактическом соучастии ОУН(Б) в этих преступлениях. При этом, разумеется, основная доля ответственности ложится все-таки на германских нацистов, использо-

---

1 *Ривели М.* Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии, 1941–1945. М., 2011. С. 97.

2 Fascism in East Central and Southeastern Europe: Mainstream Fascism or «Mutant» Phenomenon? // East Central Europe. 2010. № 37. P. 331–333. Русский перевод одной из реплик данной дискуссии: *Химка Дж.-П.* О значении ситуационного элемента в восточно-центральноевропейском фашизме // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 102–111.

вавших украинские полицейские формирования в соответствии со своими человеконенавистническими планами.

Вопрос об ответственности за массовые убийства, совершавшиеся военнослужащими польской вспомогательной полиции на Волыни в отношении украинских крестьян, гораздо менее однозначен. Как мы уже упоминали, весной 1943 г. контролировавшиеся ОУН(Б) украинские полицейские батальоны на Волыни ушли в лес и были использованы руководством украинских националистов для проведения масштабных этнических чисток против польского населения. Вместо ушедших в леса нацистами были созданы новые полицейские формирования, по большей части из поляков. Эти подразделения частично контролировались польским подпольем[1] и использовались для «ответных» акций по уничтожению украинцев, порою — весьма кровавых[2]. Какую ответственность за эти преступления несут нацистские структуры, которым подчинялись польские полицейские, а какую — до определенной степени контролировавшее тех же полицейских польское подполье? И можно ли вообще рассматривать эти убийства как составную часть нацистской истребительной политики? Не были ли эти акции в значимой степени таким же самостоятельным предприятием, как проводившиеся практически одновременно с ними

---

[1] *Ільюшин І.* Українська Повстанська Армія і Армія Крайова: Протистояння в Західній Україні (1939–1945 рр.). Київ, 2009. С. 256.

[2] См., напр.: *Ольховськький І.* Кривава Волынь. Кн. 1: Українсько-польське протистояння на теренах Любомльського та Шацкого районів у 1939–1945 роках. Київ, 2008. С. 75–77. После освобождения Западной Украины советскими войсками весьма много поляков вступили в созданные для борьбы с немецкими диверсантами и боевиками ОУН-УПА советские истребительные батальоны. Точно так же, как и в случае с польскими вспомогательными батальонами, многие из состоявших в истребительных батальонах поляков контролировались польским подпольем и использовались для ударов по местному украинскому населению. Уровень насилия резко снизился только в результате послевоенного обмена населением между Украиной и Польшей и создания украинских по национальному составу истребительных батальонов. Этот вывод сделан на основе анализа документов территориальных структур ОУН, опубликованных в сб.: Тернопільщина. «Вісті з Терену» та «Вістки з Тернопільщини», 1943–1950 / Упор. І. Гомзяк, М. Посівнич; Передмова Г. Стародубець. Торонто; Львів, 2010. Кн. 1–2. [Літопис Української повстанської армії. Т. 49–50].

убийства поляков формированиями ОУН-УПА? Исследователям только предстоит дать ответ на эти вопросы.

Вопрос о том, насколько плотно литовские националисты после состоявшегося в конце 1941 г. роспуска ЛАФ контролировали созданные нацистами литовские вспомогательные батальоны, также не имеет однозначного ответа и требует дополнительных исследований. Судя по всему, сотрудничавшие с оккупантами литовские националисты все-таки обладали определенной политической самостоятельностью и имели возможность реализовывать отличные от нацистских планы (об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что оккупантам так и не удалось создать литовскую дивизию Ваффен-СС, а также история образованной в 1944 г. так называемой «Местной дружины Литвы»[1]). С учетом того, что личный состав литовских полицейских батальонов в значимой степени формировался из действовавших летом 1941 г. боевиков ЛАФ (так называемых «национальных партизан»)[2], можно предположить, что и в этих формированиях влияние литовских националистов было довольно существенным. Однако в отличие от руководства ОУН(Б), литовские националисты не стали уводить эти формирования в леса, предпочтя не реализовывать самостоятельную политику, а договариваться с оккупационными властями. Если это предположение справедливо, следует говорить о совместной с нацистами ответственности литовских националистов за преступления, совершавшиеся литовскими полицейскими подразделениями, — такие, как, например, уничтожение евреев белорусского города Слуцка в конце октября 1941 г.[3]

Летом 1941 г. координировавшие свои действия с нацистскими спецслужбами «национальные партизаны» действовали не только в Литве, но и в Латвии и в Эстонии. Точно так же, как их литовские

---

[1] *Станкерас П.* Литовские полицейские батальоны, 1941–1945 годы. М., 2009. С. 229–233.

[2] См., напр.: Трагедия Литвы, 1941–1944 годы: Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 93–94, 100–101.

[3] Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг.: Документы и материалы. Минск, 2009. С. 65–67.

«собратья», они осуществляли убийства евреев и местного просоветски настроенного населения и охотно вливались в формируемые германскими оккупантами подразделения вспомогательной полиции. Известно, что эти подразделения весьма ценились оккупационными властями и широко использовались для проведения карательных операций на территории других советских республик[1]. Однако, в отличие от Литвы, у латвийских и эстонских «национальных партизан» не существовало большой политически самостоятельной организации, подобной ЛАФ[2]. Это затрудняет для исследователей ответ на вопрос, имелись ли у латвийских и эстонских антисоветских структур разработанные планы истребления «нежелательного элемента». Соответственно, затруднен и ответ на вопрос об ответственности за массовые убийства. Можно ли в данном случае говорить о том, что, наряду с нацистами, самостоятельную ответственность за уничтожение евреев и коммунистов летом и осенью 1941 г. несли организации латвийских и эстонских «национальных партизан»? По всей видимости, да, однако это предположение нуждается в обосновании.

Во всяком случае, имеются свидетельства о том, что планы по тотальной этнической чистке территории Эстонии, а также эксплуатации населения и земель российского порубежья вынашивал руководитель эстонского коллаборационистского «самоуправления» Хяльмар Мяэ, амбиции которого не вызывали восторга у немцев. Так, современные исследователи из Эстонии Г. М. Пономарева и Т. К. Шор обращают внимание на следующие аспекты: «В 1941 г. любое упоминание о русской культуре было под полным запретом. Нельзя было играть музыку Чайковского или вспоминать имя Пушкина, одно время снова возродилась идея сноса Александро-Невского собора

[1] Показательно, что жалование военнослужащих подразделений латвийской вспомогательной полиции было значительно выше, чем жалование украинских или белорусских полицейских. См.: Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генэральнай акругі Беларусь (Менск, 8–10 красавіка 1943 году) // ARCHE. 2010. № 7–8. С. 449.

[2] В Латвии централизованная структура «национального» подполья (так называемый Латвийский центральный совет) возникла только в августе 1943 г. См.: История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис; Предисл. В. Вике-Фрейберга, А. Пабрикс; Пер. с латыш. Ж. Эзит. Рига, 2005. С. 284–285.

в Таллинне. Глава эстонской директории Х. Мяэ предложил всех русских Эстонии выселить за Чудское озеро, а эстонцев и финнов-ингерманландцев перевезти из России в Эстонию. Но поскольку оставшиеся в Эстонии русские выказали себя лояльными гражданами, их оставили в покое. К весне 1942 г. в высшем эшелоне идеологов Германии во главе с А. Розенбергом утвердилось мнение о необходимости перехода к сотрудничеству с недовольными прежней властью гражданами»[1]. Также, вероятно, именно излишний этнополитический рефрен в карательной активности так называемого «внешнего отдела эстонской полиции безопасности и СД в Пскове» привел в дальнейшем к переименованию и переформированию немцами этого подразделения[2]. В целом «национально настроенные» эстонские коллаборационисты предпочитали предлагать свои пути решения «этнических вопросов», договариваться с немцами или пытаться достигать своих целей исподтишка, не доводя дело до прямого столкновения с оккупантами. Дальнейшие детальные исследования могли бы пролить свет и на поставленный вопрос о степени ответственности за подобные деяния.

Не прояснен вопрос и о том, насколько латвийские и эстонские полицейские батальоны контролировались местным «национальным подпольем». Современные историки, как в Латвии, так и в Эстонии, утверждают, что подобное «национальное подполье» (состоявшее по большей части из сотрудничавших с нацистскими оккупационными властями деятелей) существовало[3], однако уклоняются от вопроса о степени его влияния на созданные оккупантами национальные коллаборационистские формирования. Некоторые ученые вскользь упоминают о том, что подобное влияние имело место[4], другие

---

[1] *Пономарева Г. М., Шор Т. К.* Русская печать и культура в Эстонии в годы Второй мировой войны (1939–1945) = Vene trükisõna ja kultuur Eestis II Maailmasõja ajal (1939–1945). Tallinn, 2009. С. 173.

[2] См.: *Алексеев Ю.* Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти. М., 2011.

[3] Напр.: *Zunda A.* Resistance against Nazi German Occupation in Latvia: Positions in Historical Literature // The Hidden and Forbidden History of Latvia under Soviet and Nazi Occupations 1940–1991. Riga, 2007. P. 148–158; Обзор периода оккупации. Таллинн, 2004. С. 91–92.

[4] Известно, например, что «подпольный» Латвийский центральный совет контролировал Рижский полк айсаргов под командованием Я. Курелиса.

характеризуют военнослужащих прибалтийских полицейских формирований как нацистских наемников[1]; большинство же старается обходить в своих исследованиях столь болезненный вопрос.

Изучение некоторых карательных операций, проводившихся латвийскими полицейскими батальонами, наводит на мысль о том, что они не сводились исключительно к воплощению подготовленных нацистами планов. Так, например, проводившаяся в начале 1943 г. в латвийско-белорусском приграничье операция «Зимнее волшебство», по замечанию израильского историка А. Шнеера, приобрела для латышей характер «охоты за рабами»: угнанные латышскими полицейскими белорусские подростки направлялись на принудительные работы не в Германию, как это делалось обычно, а в Латвию, где распределялись между богатыми латвийскими крестьянами[2]. С учетом того, что Германия в это время испытывала острую нужду в рабочей силе, создается впечатление, что в данном случае можно говорить о реализации в рамках нацистской карательной операции не только нацистских планов — точно так же, как во время карательных операций польских подразделений вспомогательной полиции на Волыни.

Факты свидетельствуют о том, что в ряде случаев латвийские полицейские формирования проводили карательные операции с большей жестокостью, чем собственно немцы. Это объясняется распространенными среди военнослужащих этих подразделений агрессивно-русофобскими воззрениями. Исследователям, например, хорошо известен доклад офицера «Русской освободительной армии» поручика В. Балтиньша о преступлениях латвийских коллаборацио-

---

См.: История Латвии. XX век. С. 284–285.

[1] К такому выводу пришел, в частности, К. Кангерис, писавший, что «члены латышских полицейских батальонов стали наемниками, которым платят за проведенную работу». См.: *Kangeris K.* Latviešu policijas bataljoni lielajās partizānu apkarošanas akcijās 1942. un 1943 gadā // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940. – 1964. gadā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 13. sej.). Rīga, 2004. 333. lpp.

[2] *Shneer A.* Did they become Latvian... or German? Social Aspects of Fate of Russian and Byelorussian Children Deported to Latvia between 1942 and 1944 // Divided Eastern Europe: Borders and Population Transfer, 1938–1947. Cambridge, 2012. P. 203.

нистских формирований: «23 апреля 1944 г. пришлось мне быть в деревне Морочково. Вся она была сожжена. В погребах хат жили эсэсовцы. В день моего прибытия туда их должна была сменить немецкая часть, но мне все-таки удалось поговорить на латышском языке с несколькими эсэсовцами, фамилии коих не знаю. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат трупы убитых женщин, стариков и детей, сотни трупов непогребенных, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: "Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских"»[1].

Здесь мы опять наталкиваемся на параллель с действиями номинально контролируемых нацистами польских полицейских батальонов на Волыни. Эти формирования осуществляли убийства местных украинцев в рамках не столько реализации нацистской истребительной политики (для оккупационных властей в то время гораздо более важным было сохранение порядка в регионе), сколько украинско-польского межэтнического конфликта. Похоже, что аналогичная мотивация двигала в ряде случаев и членами латышских полицейских формирований. В таком случае ответственность за эти преступления должна ложиться не только на задававших общее направление карательной деятельности нацистов, но и на наполнявших ее конкретным содержанием латышских полицейских и контролировавшие их «национальные» структуры — если, разумеется, подобный контроль имел место.

Благодаря исследованиям последних лет мы имеем возможность набросать эскиз гораздо более многомерной, чем ранее, картины преступлений, совершавшихся на оккупированных нацистами территориях на Востоке. Основным ее элементом по-прежнему останутся истребительные планы, разработанные нацистами и воплощавшиеся в жизнь при помощи как немецких структур (айнзатцгруппы, СС, фельдполиция, вермахт, оккупационная администрация), так и многочисленных местных коллаборационистских подразделений. Ответственность за эти преступления несет нацистское руководство. Однако помимо нацистских истребительных планов имели место планы, созданные структурами с самостоятельной политической

---

[1] «Уничтожить как можно больше русских» // Источник. 1998. № 2. С. 74–75. BA-MA, MSg 149. Band 4. Bl. 165–166.

субъектностью («тактическими коллаборационистами»), такими как ЛАФ и ОУН. Их планы деятельно воплощались в жизнь летом 1941 г.; ответственность за совершавшиеся тогда массовые преступления несут эти организации и лишь частично нацисты (в тех случаях, когда акции уничтожения осуществлялись совместно). О разной степени совместной ответственности следует говорить в случае совершения преступлений коллаборационистскими формированиями, контролировавшимися как нацистами, так и различными политически самостоятельными структурами. И разумеется, непосредственную ответственность за преступления несут те, кто уничтожал невинных людей.

ОБ АВТОРЕ

Александр Дюков (1978 г. р.) — российский историк, директор фонда «Историческая память», научный сотрудник Института российской истории РАН.

В 2004 г. окончил Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (Москва), защитив дипломную работу по теме «Становление и развитие системы управления советским партизанским движением, 1941–1943 гг.». В 2004–2007 гг. работал в информационном агентстве АРМС-ТАСС. Осенью 2008 г. основал и возглавил фонд «Историческая память», уставной задачей которого является содействие объективным научным исследованиям актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века. В 2014–2016 гг. одновременно — координатор правозащитной Группы информации о преступлениях против личности (IGCP). С 2017 г. по совместительству научный сотрудник Института российской истории РАН.

Член комиссии по мониторингу и разрешению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член научно-консультационного совета Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

Объявлен персоной нон-грата в Латвии (в 2012 г., за документальную выставку «Угнанное детство. Судьбы детей, угнанных на территорию Латвии, 1943–1944 гг.») и Литве (в 2014 г., за литовское издание сборника документов «Накануне Холокоста: Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941»). В 2015 г. книга «Массовые нарушения прав человека в ходе конфликта на Украине, 2013–2014» включена властями Украины в список запрещенных книг.

Лауреат премии международного правозащитного движения «Мир без нацизма» (2014) — «за активную поисковую и научную работу с целью установления исторической правды, увековечивания памяти павших борцов с нацизмом и воинов антигитлеровской коалиции».

Автор около более 120 научных работ, изданных на русском, английском, литовском, польском, эстонском, венгерском и вьетнамском языках. Сфера научных интересов — история советского партизанского движения, нацистской оккупации, деятельность националистических вооруженных формирований, репрессивная деятельность советских властей, историческая политика.

Александр Дюков

Ликвидация враждебного элемента

Заведующий редакцией	*К. Ильин*
Ведущий редактор	*Е. Власова*
Художественный редактор	*В. Мостипан*
Корректоры	*Н. Баталова, Е. Рафалюк-Бузовская*
Верстка	*Л. Соловьева*

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Питер Класс».
Место нахождения и фактический адрес: 194044, Россия, г. Санкт-Петербург,
Б. Сампсониевский пр., д. 29А. Тел.: +78127037373.

Дата изготовления: 01.2023.

Наименование: книжная продукция.

Срок годности: не ограничен.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014,
58.11.1 — Книги печатные.

Импортер в Беларусь: ООО «ПИТЕР М», 220020, РБ, г. Минск,
ул. Тимирязева, д. 121/3, к. 214, тел./факс: 208 80 01.

Подписано в печать 25.11.22. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 37,000. Тираж 2500. Заказ № ВЗК-00564-23.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Александр Дюков

Ликвидация враждебного элемента

Александр Дюков —

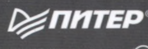
российский историк и публицист, координатор Группы информации по преступлениям против личности, директор фонда «Историческая память», научный сотрудник Института российской истории РАН.

Книга с холодной документальной точностью рассказывает об исторических событиях, которые долгие десятилетия пытались придать забвению: о массовых репрессиях в западных регионах СССР, о кровавых этнических чистках, проводимых украинскими и литовскими националистами, об ужасающих преступлениях русских, украинских и латышских пособников нацизма.

- Как Кремль принимал решения о массовых депортационных операциях?
- Почему члены прибалтийских СС получили прощение от советской власти?
- Зачем Лаврентий Берия фальсифицировал статистику советских репрессий?
- Когда украинские националисты начали подготовку Холокоста и «Волынской резни»?
- Кто сжег белорусскую деревню Хатынь?

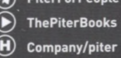
Ответы на эти и многие другие вопросы автору пришлось искать в архивах России, Белоруссии, Украины и Литвы.

WWW.PITER.COM
интернет-магазин

Заказ книг:
(812) 703-73-74
books@piter.com

16+

